D
16
.F8515

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

~~YUDIN COLLECTION~~

.LECTION
16
86

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНІЯ ИСТОРІИ

ВОСЕМЬ ЛЕКЦІЙ 1884 ГОДА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ ЛЕКЦІИ

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ПРОФЕССОРА ИСТОРІИ.

ГЛАВНЫЕ ПЕРІОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРІИ

ШЕСТЬ ЛЕКЦІЙ 1885 ГОДА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТЬИ

О ГРЕЧЕСКИХЪ ГОРОДАХЪ ПОДЪ РИМСКИМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ.

ПРОФЕССОРА ОКСФОРДСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЭДУАРДА ФРИМАНА.

Переводъ П. НИКОЛАЕВА.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 2 руб.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ. Тверская, Мамоновскій переулокъ, свой домъ.
1893.

ИЗДАНІЯ К. Т. СОЛДАТЕНКОВА.

(ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ).

Бенъ А. Стилистика и теорія устной и письменной рѣчи. Перев. *А. Грузинскаго* М. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

Брайса Д. Американская республика. Томъ I, II и III. Пер. *В. Н. Невѣдомскаго.* М. 1890 г. Цѣна 10 р. 50 к.

Буасье Гастона. Римская религія. Пер. *М. Корсакъ.* М. 1878 г. Ц. 5 р.

— — Цицеронъ и его друзья. — М. 1880 г. Ц. 2 р.

— — Паденіе язычества. Пер. подъ редакц. *М. Корелина.* М 1893 г. Цѣна 4 руб.

Бэра. Исторія Всемірной торговли. 3 ч. Пер. *Э. Циммермана.* М. 1876 г. Цѣна 7 р. 50 к.

Вебера Георга. Всеобщая исторія. М. 1886. Переводъ со втораго изданія *г. Андреева.* Т. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV и XV, ч. I и II. Цѣна 79 р.

Вегеле, Франца. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Перев. *А. Н. Всеволовскаго.* М. 1881 г. Ц. 3 р.

Вейса. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ.—5 частей (съ 1945-ю рисунками въ текстѣ) въ пер. *В. Чаева* и *И. Васильева.* М. 1879 г. Цѣна 20 р.

Викторова П. П. Ученіе о личности, вып. I. М. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гаймъ Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія, Пер. *В. Невѣдомскаго*, 2 тома. М. 1889 г. Цѣна 10 р.

— Романтическая школа въ Германіи. Пер. *В. Н. Невѣдомскаго*, М. 1891 г. Ц. 5 руб.

Гартмана. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго. *А. Козлова.* М. 1876 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к.

Геттнера. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. III. кн. I и III. М. 1872 г. Ц. 4 р. 75 к.

Гиббона. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портр. автора). Перев. *В. Н. Невѣдомскаго.* Въ 7-ми томахъ. М. 1886 г. Ц. 26 руб.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Перев. *П. Г. Виноградова.* М. 1877 г. Ц. 4 р.

Гнейста Рудольфа. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, переводъ съ нѣмецкаго *С. А. Венгерова.* Москва, 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.

Гринъ Д. Исторія Англійскаго народа. въ 4-хъ томахъ. М. 1892 г. Пер. *П. Николаева.* Ц. 10 р. 50 к.

Гюббаръ Г. Исторія современной литературы въ Испаніи. Перев. *Ю. Доппельмайеръ.* М. 1892 г. Ц. 2 р.

Давидъ-Соважо А. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. *А. Серебряковой.* М. 1891 г. Ц. 2 р.

Дройзена. Исторія Эллинизма. Т. I и II. Пер. *М. Шелгунова.* М. 1891 г. Ц. 6 р. 50 к.

Забѣлина И. Е. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.

Зибера Н. И. Соч. Очерки первобытной экономической культуры. М. 1883 г. Ц. 4 р. 50 к.

Игеринга. Борьба за право. Пер. *П. Волкова.* М. 1872 г. Ц. 75 к.

Ингрэма Д. Исторія политической экономіи. Перев. подъ редакц. *И. И. Янжула.* М. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

(Продолженіе на 3 и 4 стр. обертки).

Freeman, Edward Augustus.

Metody

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНІЯ ИСТОРІИ

ВОСЕМЬ ЛЕКЦІЙ 1884 ГОДА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ ЛЕКЦІИ

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ПРОФЕССОРА ИСТОРІИ.

ГЛАВНЫЕ ПЕРІОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРІИ

ШЕСТЬ ЛЕКЦІЙ 1885 ГОДА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТЬИ

О ГРЕЧЕСКИХЪ ГОРОДАХЪ ПОДЪ РИМСКИМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ.

ПРОФЕССОРА ОКСФОРДСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЭДУАРДА ФРИМАНА.

Переводъ П. НИКОЛАЕВА.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ. Тверская. Мамоновскій переулокъ, свой домъ.

1893.

D16
.F8515

104837
'07

3 16
5758

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

28

Несмотря на громадную популярность Фримана во всѣхъ странахъ Англо саксонской рѣчи, несмотря на то, что большинство современныхъ англійскихъ и американскихъ историковъ, притомъ наиболѣе знаменитыхъ, какъ напр. Гринъ или Фиске, признаютъ его своимъ учителемъ или, по крайней мѣрѣ, руководителемъ въ дѣлѣ изученія исторіи, русскіе читатели знакомы съ Фриманомъ почти только по наслышкѣ; а съ его историко-философскими воззрѣніями у насъ знакомы чуть ли не одни спеціалисты историки. Изъ сочиненій Фримана у насъ переведены очень немногія.

Историческіе взгляды Фримана, его манера разсматривать событія всемірной исторіи съ исключительно политической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія развитія въ исторіи политическихъ формъ и ихъ преемственности, самое его опредѣленіе исторіи, какъ науки о человѣкѣ, какъ существѣ политическомъ—могутъ быть признаны односторонними и даже прямо невѣрными; и тѣмъ не менѣе глубина и оригинальность его историческихъ взглядовъ, громадная эрудиція и блестящее изложеніе заставляютъ даже людей, несогласныхъ съ нимъ во взглядахъ на сущность историческаго процесса, признать его работы глубоко поучительными и дѣлаютъ его произведенія чрезвычайно интереснымъ чтеніемъ для всякаго интересующагося исторіей, какъ наукой общеобразовательной въ самомъ высшемъ смыслѣ этого слова.

Я выбралъ для перевода Оксфордскія лекціи Фримана, какъ наиболѣе, по моему мнѣнію, характерное для его манеры изложенія произведеніе. Фриманъ также, какъ и нашъ Гра-

новскій, былъ прежде всего профессоромъ и наибольшее вліяніе на умы имѣлъ именно, какъ профессоръ.

Ничѣмъ настолько нельзя почтить память истиннаго ученаго, какъ ознакомленіемъ по возможности большаго количества лицъ съ его воззрѣніями; я имѣлъ въ виду познакомить русскаго читателя, ищущаго въ историческихъ сочиненіяхъ часто забвенія и всегда поученія, съ однимъ изъ характернѣйшихъ произведеній одного изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ нашего вѣка, всегда бывшаго вѣрнымъ идеаламъ науки и общечеловѣческой правды и никогда не преклонявшагося, какъ преклонялись другіе, не менѣе знаменитые, историки, предъ торжествомъ грубой силы, никогда не забывавшаго, что единственное истинное призваніе человѣка въ его исторической жизни есть прогрессъ и свобода.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эти лекціи съ присоединеніемъ къ нимъ вступительной лекціи предназначены служить введеніемъ къ изученію исторіи. Послѣ нихъ въ 1885-мъ году я читалъ лекціи о «Главныхъ періодахъ Европейской исторіи». Послѣ этихъ двухъ курсовъ въ октябрѣ 1885-го года я началъ читать болѣе подробный курсъ исторіи, начиная съ эпохи, указанной въ лекціяхъ о «Методахъ изученія исторіи» какъ начало спеціальнаго преподаванія профессора такъ-называемой «новой» исторіи. Эта эпоха — эпоха нашествія варваровъ въ Галлію въ 407 году, эпоха Тевтонскихъ поселеній въ западныхъ частяхъ Имперіи. Я хотѣлъ бы начать съ 776 года до Р. Х., а не съ 407 года послѣ Р. Х.; но, думается мнѣ, я избралъ самый удобный пунктъ отправленія для своего преподаванія, если ужъ такъ необходимо произвольное дѣленіе исторіи на періоды. Но я долженъ сказать, что все болѣе и болѣе ясно сознаю совершенную непригодность не естественныхъ подраздѣленій исторіи и филологіи на періоды, между которыми не имѣется какого-либо естественнаго отличія. Старость имѣетъ свои неудобства, но я съ каждымъ днемъ все живѣе и живѣе сознаю — и не одинъ я, а многіе изъ выдающихся людей, моихъ современниковъ — насколько я счастливъ, что провелъ свою молодость при старой системѣ преподаванія. Реформы 1849—1850 годовъ были преждевременны. Старая система нуждалась въ расширеніи и приспособленіи ея къ уровню современныхъ знаній; но принципы ея были здравыми. Экзамены по шестнадцати книгамъ въ концѣ четырехлѣтняго пребыванія студента въ университетѣ былъ дѣйствительной провѣркой его свѣдѣній; они не давали ему возможности забыть одинъ предметъ до начала изученія другаго. При старой системѣ преподаванія не дѣлалось попытокъ обучать исторіи или филологіи дальше извѣстнаго пункта, но при ней студентъ получалъ умственныя навыки и привычки къ изученію, при помощи которыхъ онъ могъ продолжать свои занятія до какого угодно предѣла. Но вмѣсто того, чтобы расширить эту систему преподаванія такъ, чтобы она обнимали изученіе позднѣйшихъ эпохъ, эти послѣднія были выдѣ-

лены, какъ нѣчто особое отъ болѣе древнихъ, почти какъ нѣчто имъ противоположное. Оксфордскому профессору исторіи приходится бороться противъ подобнаго положенія дѣлъ, не говоря уже о другихъ препятствіяхъ его дѣятельности. Я не могу быть судьей того, одержалъ л ия побѣду въ началѣ своей борьбы.

Если нашей цѣлью должно быть здравое изученіе, если мы должны пользоваться для университетскихъ занятій великими современными открытіями, мы должны вмѣсто безконечныхъ незначительныхъ преобразованій въ системѣ преподаванія приступить къ радикальной ея реформѣ. Нельзя жертвовать интересами науки неразумному увлеченію безконечными экзаменами. Вмѣсто болѣзненной погони за дипломами — бывшей слабой стороной старой системы и сдѣлавшейся еще болѣе усиленной при новой — намъ нужна такая провѣрка знаній студентовъ, при посредствѣ ли экзаменовъ или какъ нибудь иначе, чтобы степень кандидата (баккалавра) была достойной уваженія, и степень магистра почетной. Вмѣсто теперешнихъ неестественныхъ подраздѣленій, намъ необходима одна школа исторіи и одна школа филологіи — а еще лучше одна школа исторіи и филологіи — въ которой можно бы было изучить оба эти предмета, не обращая вниманія на искуственныя перегородки, только мѣшающія глубинѣ изученія. Я наврядъ ли дождусь подобной реформы университетскаго преподаванія; но я радъ, что среди перемѣнъ къ худшему есть надежда на перемѣну къ лучшему, которая можетъ засыпать роковую пропасть и проложить дорогу для радикальнаго преобразованія.

Я говорю только о тѣхъ предметахъ преподаванія, судить о которыхъ я считаю себя способнымъ. Что касается до всѣхъ остальныхъ предметовъ изученія, кромѣ исторіи и филологіи, то о нихъ я не смѣю высказывать своего мнѣнія, потому что оно не имѣло бы значенія. Университетъ долженъ воспринимать всякое настоящее знаніе и сдѣлать для всякой изъ отраслей науки все, что для нея наиболѣе пригодно. Но общее образованіе и умственная дисциплина, составляющія главную цѣль университетскаго образованія, не должны приноситься въ жертву цѣлямъ спеціализаціи. Цѣлью всякой научной дисциплины должно быть знаніе ради самаго знанія, знаніе, какъ умственная дисциплина. Навѣрное, не дѣло университета приготовлять студентовъ къ какой-либо профессіи; его дѣло учить ихъ тому, что нужно для всякой профессіи. При самой старой системѣ преподаванія нельзя было поступить на профессіональные факультеты: богословскій, юридическій или медицинскій, иначе какъ послѣ продолжительныхъ занятій на общемъ факультетѣ искусствъ (faculty of arts). Степень баккалавра искуствъ, даваемая послѣ экзаменовъ по юридическимъ или богословскимъ наукамъ, показалась бы тогда очевидною нелѣпостью. Какъ бы ни измѣнились въ наше время детали изученія, принципъ этой старой системы былъ во всякомъ случаѣ вѣрнымъ.

Я не буду въ настоящее время распространяться объ отношеніяхъ профессоровъ къ другимъ университетскимъ преподавателямъ. Въ этихъ общихъ лекціяхъ и при детальномъ изученіи текстовъ предъ немногочисленной аудиторіей, которую я хотѣлъ бы видѣть болѣе многочисленной, я старался показать, въ чемъ, по моему мнѣнію, состоитъ обязанность профессора. Другіе преподаватели должны исполнять то, что они считаютъ своей обязанностью. Я увѣренъ, что обученіе въ коллегіяхъ, по крайней мѣрѣ такое обученіе въ коллегіяхъ, какимъ она была сорокъ лѣтъ тому назадъ т. е. чтеніе о конструкціи текста избранныхъ книгъ— могло бы быть приведено въ извѣстную связь съ профессорскимъ преподаваніемъ. Въ мое время профессорскія лекціи были рѣдкостью — и это очень дурно. А теперь дурно то, что черезъ чуръ много преподаванія, причемъ преподаватель (туторъ) и профессоръ не имѣютъ никакихъ отношеній другъ къ другу. Въ той небольшой аудиторіи, съ которой я читаю Григорія и Павла, есть люди, получившіе разныя ученыя степени; есть люди, которые немного моложе меня; есть, наконецъ, знаменитые ученые, на которыхъ относительно нѣкоторыхъ вопросахъ я могу смотрѣть, какъ на учителей; но среди этой аудиторіи всего меньше преподавателей исторіи. Я просто констатирую этотъ фактъ; объясняйте его, какъ вамъ будетъ угодно.

Надѣюсь, что за этими лекціями будутъ напечатаны лекціи о «Главныхъ періодахъ Европейской Исторіи». Лекціи, слѣдующія за этими послѣдними и тѣ, которыя я буду читать послѣ этихъ лекцій, я не намѣренъ издавать въ формѣ лекцій; но надѣюсь, что онѣ окажутся пригодными для изданія въ другой формѣ, вродѣ той, какую я придалъ нѣкоторымъ изъ нихъ въ статьѣ въ № 1 «English Historical Review».

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ПРОФЕССОРА ИСТОРІИ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ.

Объ обязанностяхъ профессора исторіи.

Приступая къ исполненію новыхъ обязанностей, порученныхъ мнѣ правительствомъ, я не могу не вспомнить, что здѣсь недавно еще замолкла рѣчь знаменитаго ученаго, котораго мнѣ пришлось замѣнить. Конечно, я могу радоваться, что его послѣднія слова были послѣдними только въ оффиціальномъ смыслѣ этого слова. Нашъ руководитель ушелъ отъ насъ, но онъ не взятъ отъ насъ безвозвратно. Мы можемъ быть увѣрены, что онъ, призванный теперь къ исполненію другихъ, высшихъ обязанностей, не покинетъ своихъ прежнихъ трудовъ; мы можемъ быть увѣрены, что онъ время отъ времени будетъ помогать людямъ, работающимъ на томъ же поприщѣ, гдѣ работалъ и онъ. И я надѣюсь, что онъ съ особенной готовностью будетъ помогать человѣку, считающему для себя великой честью занять его мѣсто и притомъ замѣнившему его—осмѣлюсь сказать это—съ его одобренія. Тѣмъ не менѣе, тотъ для всѣхъ насъ отрадный фактъ, что ученый, котораго я замѣнилъ на этой кафедрѣ, живъ и здоровъ, увеличиваетъ и безъ того значительныя трудности моихъ профессорскихъ обязанностей. Я подвергаюсь опасности быть постоянно сравниваемымъ съ ученымъ, сравненіе съ которымъ вообще не безопасно. Вамъ приходится выслушивать мою вступительную лекцію въ то время, когда изъ вашей памяти еще не изгладилась послѣдняя лекція епископа Честерскаго. Буду надѣяться, что я буду столь же счастливъ, какъ и онъ, и что когда я буду говорить передъ вами въ послѣдній разъ я разстанусь съ вами—не затѣмъ, чтобы перейти подобно ему къ другимъ обязанностямъ, а затѣмъ, что бы оставить всякія оффиціальныя обязанности,—я буду въ состояніи прочитать такую же прекрасную лекцію, какую прочелъ мой предшественникъ. Буду надѣяться, что когда настанетъ время разстаться съ вами, я разстанусь съ такой же радостной увѣренностью, что я также, какъ и онъ, сдѣлалъ все, что могъ, и что вы—или тѣ слушатели, которые займутъ ваше мѣсто—будутъ продолжать мое дѣло,—какъ мы будемъ продолжать дѣло моего предшественника.

Но существуетъ, однако, одно важное отличіе между мной, говорящимъ теперь передъ вами и человѣкомъ, говорившимъ недавно съ этой кафедры, отличіе, особенно сильно выступающее передо мной теперь, когда мнѣ приходится заняться исторіей каферы, которую я наслѣдовалъ отъ моего предшественника. Обыкновенно, младшій наслѣдуетъ старшему. Но по странной случайности мнѣ пришлось занять кафедру, занимаемую до меня людьми, еще находящимися въ живыхъ, моими друзьями, людьми, къ которымъ я чувствую глубочайшее уваженіе, но къ которымъ я не могу чувствовать той особой формы почтенія, съ какой мы обыкновенно смотримъ на старшихъ и оффиціальныхъ учителей. Изъ двухъ моихъ предшественниковъ на этой кафедрѣ, послѣдній моложе меня на нѣсколько лѣтъ, а первый тоже немного моложе меня. Это обстоятельство, во многихъ отношеніяхъ невыгодное для меня, имѣетъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя выгодныя стороны. Я помню времена въ исторіи этой кафедры, болѣе далекія отъ насъ, чѣмъ время епископа Честерскаго, и не имѣю основанія сожалѣть объ этомъ. Только немногіе здѣсь могутъ вспоминать, какъ вспоминаю я, что они слушали лекціи Новой Исторіи сорокъ два года тому назадъ. Но тѣ, которые помнятъ такое отдаленное отъ насъ прошлое, навѣрное не забыли времени, когда они слушали лекціи Арнольда. Я могу говорить объ этомъ великомъ учителѣ нравственности и права, какъ человѣкъ, совершенно свободный отъ всякихъ мѣстныхъ, традиціонныхъ и личныхъ предразсудковъ. Я не былъ ни его ученикомъ, ни его послѣдователемъ. Я никогда не говорилъ съ нимъ, я слышалъ его только какъ профессора, говорившаго передъ переполненной аудиторіей. И тѣмъ не менѣе, я уважаю его память такъ, какъ не могу уважать кого либо другаго. Я научился у него даже большему, чѣмъ у моего уважаемаго предшественника. Отъ Арнольда я узналъ, что такое исторія и какъ ее слѣдуетъ изучать. Съ особеннымъ благоговѣніемъ я вспоминаю, что занимаемая мною кафедра—его кафедра, и я надѣюсь, что моя дѣятельность на этой кафедрѣ въ извѣстномъ отношеніи будетъ продолженіемъ той борьбы, которую онъ велъ. Отъ него я научился истинѣ, отстаиванію которой при всякихъ внѣшнихъ условіяхъ сдѣлалось главной задачей всей моей жизни. Отъ Арнольда я узналъ истину, которая должна составлять центръ и жизненную силу всякаго изученія исторіи—истину объ единствѣ исторіи. Если я имѣю какую либо особую миссію на этой кафедрѣ, то именно миссію пропаганды этой истины, пропаганды не своей собственной идеи, а идеи моего великаго учителя. Большая отвѣтственность ложится на человѣкѣ, когда онъ наслѣдуетъ, даже по прошествіи многихъ лѣтъ, ученому, обладавшему такими разнообразными дарованіями. Историческая наука много сдѣлала съ того времени и тѣмъ не менѣе, наши современники, ставъ на плечи Арнольда и получивъ такимъ образомъ

возможность видѣть дальше, чѣмъ могъ видѣть самъ Арнольдъ, не имѣютъ права относиться пренебрежительно къ этому почтенному ученому. На врядъ ли найдется ученый, умѣвшій излагать столь высокія и глубокія истины въ словахъ столь простыхъ и столь безъискусственныхъ. Если бы онъ былъ только простымъ повѣствователемъ, то и тогда его пришлось бы считать человѣкомъ, умѣвшимъ разсказывать такъ, какъ это умѣютъ дѣлать не многіе. Умѣть заставить насъ трепетать при разсказѣ объ ужасномъ видѣніи Аннибала, умѣть показать намъ Марцелла, умирающаго на скалѣ—было немаловажной заслугой. Но Арнольдъ не былъ простымъ повѣствователемъ, онъ умѣлъ доказать намъ, что исторія даетъ нравственные уроки. На каждой страницѣ своей исторіи Арнольдъ является неподкупнымъ судьей, судьей, незнакомымъ съ научной исторической философіей нашего времени, но считавшимъ преступленіе—преступленіемъ, хотя бы оно и вело къ успѣху и признававшимъ права слабаго. Но что я считаю особенно важнымъ—это то, что Арнольдъ училъ, что политическую исторію міра слѣдуетъ считать единымъ цѣлымъ, что истинной жизненности историческаго повѣствованія, истинной полезности историческаго обученія не слѣдуетъ ослаблять и уничтожать путемъ всякаго рода насильственныхъ и не имѣющихъ никакого значенія раздѣленій предмета. Онъ говорилъ намъ, что то, что—говоря его собственными словами—«неосновательно называютъ древней исторіей» въ дѣйствительности есть самая новѣйшая исторія, исторія самая жизненная, наиболѣе богатая практическими уроками для всѣхъ будущихъ вѣковъ. Именно отъ него узналъ я эту истину и моей главнѣйшей задачей на занятой мною теперь кафедрѣ будетъ стремленіе передать эту истину другимъ. Если я могу сдѣлать что нибудь для того, что бы разрушить искуственныя перегородки въ историческомъ изученіи, если я съумѣю заставить людей понять, что такъ называемая «древняя» исторія безъ «новой» есть фундаментъ безполезный, благодаря отсутствію надстройки, и что такъ называемая «новая» исторія безъ «древней» есть надстройка, каждую минуту готовая рухнуть благодаря отсутствію фундамента;—если я съумѣю убѣдить слушателей, что праотцы нашего народа Ангулъ и Данъ древней легенды, мифическіе представители нашей рѣчи, нашихъ законовъ, всего нашего историческаго бытія родные братья Эллена и Латина и какъ таковые равны имъ; если я буду въ состояніи убѣдить хоть одного изъ васъ работать также, какъ всегда работалъ я самъ, при помощи родственныхъ другъ другу источниковъ, такъ что бы судьбы одной отрасли человѣческаго рода освѣщали своимъ свѣтомъ судьбы другой отрасли; если я буду въ состояніи убѣдить васъ прослѣдить вмѣстѣ со мной дѣятельность Клисфена, Лициніа, Симона Монфора, какъ часть единаго живаго цѣлаго, каждая стадія развитія котораго должна истолковываться

одинаково и изучаться при посредствѣ одинаковыхъ методовъ,—если мнѣ удастся это, я буду считать свою задачу исполненной; и я исполню эту задачу, какъ вѣрный послѣдователь учителя, говорящаго съ вами изъ своей могилы устами своего наслѣдника.

Я воздалъ должную честь человѣку, которому профессоръ, занимающій эту кафедру, долженъ воздавать честь первому изъ всѣхъ другихъ. Но есть и другіе, о которыхъ я уже говорилъ, еще живущіе среди насъ, и я сознаю, что я не сказалъ о нихъ всего, что слѣдуетъ сказать. Арнольдъ былъ взятъ отъ насъ слишкомъ рано, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, въ то время, когда отъ него, человѣка уже много сдѣлавшаго, можно было ожидать еще большаго. Мы потеряли его, но его мѣсто скоро заняли достойные его преемники. Его кафедра перешла къ замѣчательному человѣку, преисполненному духа Арнольда, человѣку, съумѣвшему понять, какъ немногіе, ту истину, что исторія есть только политика прошлаго, а политика есть только текущая исторія. Кафедра исторіи перешла къ ученому мыслителю, къ знатоку англійской рѣчи, къ человѣку благороднаго типа, къ человѣку, котораго мы можемъ назвать пророкомъ справедливости. Имя Годвина Смита уважается въ обоихъ полушаріяхъ какъ имя человѣка, не боявшагося лица человѣческаго въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось защищать истину или обличать зло. Онъ ушелъ отъ насъ по своей волѣ и унесъ отъ насъ свѣтильникъ истины къ другой вѣтви нашей націи и мы не столько должны сожалѣть о нашей утратѣ, сколько радоваться за ту родственную намъ землю, куда онъ удалился. И отсутствуя, онъ продолжаетъ учить насъ; нѣкоторыя истины, быть можетъ, на той сторонѣ океана, стали для него болѣе ясными, чѣмъ онѣ были въ Старомъ Свѣтѣ. Въ настоящемъ году онъ снова оказалъ услугу истинѣ и здравому смыслу. Въ одной изъ своихъ статей, стоющей цѣлыхъ томовъ, онъ указалъ намъ, въ чемъ слѣдуетъ видѣть истинное расширеніе предѣловъ Англіи. Онъ видитъ такое расширеніе не въ расширеніи предѣловъ имперіи, но въ расширеніи того, что противоположно имперіи, не въ увеличеніи владѣній—такое увеличеніе по плечу любому восточному деспоту,—но въ томъ высшемъ міровомъ призваніи, которое свободная Англія имѣетъ въ будущемъ подобно тому, какъ свободная Эллада имѣла его въ прошломъ. Онъ указалъ намъ значеніе словъ и реальность явленій, онъ научилъ насъ видѣть, если не «великую Британію», то «Новую Англію» въ развитіи новыхъ англійскихъ странъ, новыхъ очаговъ рѣчи и законовъ Англіи, въ развитіи странъ, сдѣлавшихся колоніями Англійскаго народа именно потому, что они перестали быть провинціями Британской короны.

Слѣдуетъ еще воздать должную честь,—и, я увѣренъ, не меньшую, чѣмъ другимъ — человѣку, мѣсто котораго я занялъ, моему предшественнику въ университетѣ и одной изъ коллегій, а раньше

моему наслѣднику въ другой коллегіи. Въ то старое время я былъ первымъ,—думаю, что я могу выставить это притязаніе—понявшимъ яснѣе всѣхъ другихъ его выдающіяся способности; я понялъ тогда, что въ немъ было кое что большее, чѣмъ тѣ качества, которыми обладаютъ обыкновенные умные и ловкіе люди, встрѣчающіеся намъ чуть ли не на каждомъ шагу. Въ неособенно давнее время часто спрашивали,—и спрашивали люди, считавшіе себя спеціалистами—кто это Стёббсъ, о которомъ я такъ много говорю и о которомъ никто ничего не знаетъ. Теперь никто не будетъ спрашивать, кто такой историкъ англійской конституціи, просвѣщенный членъ комиссіи церковныхъ судовъ, кто такой человѣкъ, нарисовавшій портретъ Генриха Втораго и доказавшій этимъ, что онъ болѣе кого бы то ни было другаго способенъ нарисовать живой портретъ Генриха Восьмаго. Мнѣ въ теченіе моей долгой жизни посчастливилось быть знакомымъ съ многими умными и учеными людьми, изъ которыхъ многіе умерли, а многіе еще живутъ среди насъ. Выше всѣхъ стоятъ два человѣка—одинъ изъ нихъ нашъ современникъ, а другой принадлежитъ къ старшему поколѣнію; одинъ мой старый и близкій другъ, а другой ученый, у ногъ котораго я считалъ за честь сидѣть, какъ его смиренный ученикъ. Къ этимъ двумъ людямъ я отъ всей души могу питать такое уваженіе, какого не могу питать ни къ кому другому. Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ ученыхъ, эти два человѣка — покойный епископъ кафедры св. Давида и настоящій епископъ Честерскій, Коннопъ Тирльуэлль и Вильямъ Стёббсъ, выдѣляются какъ ученые, у которыхъ можно заимствовать, не питая никакихъ сомнѣній въ томъ, чему они учатъ. Другіе ученые могутъ быть популярны, могутъ отличаться болѣе блестящимъ воображеніемъ; но ни объ одномъ я не могу сказать, какъ я могу сказать объ этихъ двухъ ученыхъ, что ихъ знанія никогда не измѣняютъ имъ и что ихъ приговоръ всегда безпристрастенъ. Я не скажу, что бы при старательномъ изученіи сочиненій епископа Честерскаго я соглашался со всѣми его выводами изъ собранныхъ имъ данныхъ, но я могу утверждать, что я ни разу не встрѣтилъ какого либо пробѣла при изложеніи этихъ данныхъ. Если мнѣ и случалось иногда встрѣтить въ его сочиненіяхъ что либо похожее на пробѣлъ или недосмотръ, то вообще въ концѣ концевъ оказывалось, что въ этомъ недосмотрѣ виноватъ я, а не онъ. Послѣ тридцатипятилѣтняго знакомства съ нимъ и съ его работами, я могу смѣло сказать, что онъ единственный изъ всѣхъ живущихъ ученыхъ, къ которому можно обращаться какъ къ оракулу и можно быть увѣреннымъ, что въ его отвѣтѣ будетъ заключаться истина, сомнѣваться въ которой было бы дерзостью.

Занявъ мѣсто такихъ людей, такихъ предшественниковъ, которыхъ мы не утратили на вѣки и на которыхъ мы можемъ смотрѣть, какъ на друзей и сотоварищей, я особенно сильно чувствую отвѣтствен-

ность и тяжесть своей новой обязанности. Не легкое дѣло въ такомъ возрастѣ, когда лучшая пора жизни человѣка прожита, перенестись въ новую сферу дѣятельности и человѣкъ лучше исполнитъ свою обязанность, если онъ будетъ исполнять ее по своему, по тому способу, который наиболѣе пригоденъ для него по его характеру и по характеру его занятій. Въ этомъ случаѣ, вопреки мнѣнію Аристотеля и его учителя, я осмѣливаюсь утверждать, что существуетъ не одинъ только пригодный методъ работы. Я увѣренъ, что оба мои знаменитые предшественника дѣлали свое дѣло замѣчательно хорошо, но каждый по своему; и я убѣжденъ, что каждый изъ нихъ дѣлалъ это дѣло хорошо именно потому, что дѣлалъ его по своему и не старался слѣдовать методу другаго. Къ нимъ, также какъ и къ нашимъ прежнимъ учителямъ, можно примѣнить слова, сказанныя Цицерономъ о великихъ ораторахъ, его предшественникахъ: omnes inter se dissimiles fuerunt, sed ita tamen, ut neminem sui velis esse dissimilem» И я полагаю, что съ моей стороны не будетъ чрезмѣрной смѣлостью утверждать, что моя манера будетъ отлична отъ манеры моихъ предшественниковъ и что кромѣ того я исполню свою задачу тѣмъ лучше, что я буду исполнять ее по своему и не буду стараться подражать кому нибудь изъ своихъ предшественниковъ. Мнѣ незачѣмъ говорить вамъ, что я возвращаюсь въ университетъ послѣ многихъ лѣтъ отсутствія и что въ эти годы произошли значительныя измѣненія; мнѣ незачѣмъ говорить, что многое въ современномъ обученіи и администраціи совершенно ново для меня. Я когда-то былъ знакомъ съ системой экзаменовъ, но даже и тогда я находилъ измѣненія столь быстро слѣдующими другъ за другомъ, что каждый разъ, когда меня назначали экзаменаторомъ, мнѣ проходилось сызнова осваиваться съ дѣломъ—теперь же мой прежній опытъ сдѣлался древней исторіей. Я совсѣмъ не опытенъ въ дѣлѣ обученія, какъ университетскаго, такъ и не университетскаго, если не считать того, что я, тридцать восемь лѣтъ тому назадъ, въ теченіи двухъ семестровъ занималъ въ своей коллегіи положеніе, уничтоженное теперь реформой университета. Въ дѣлѣ приготовленія—я не хочу употреблять непріятное слово—зубреніе (cramming)—студентъ для своего семестра или баккалавръ, прошедшій всѣ экзамены, гораздо опытнѣе меня. Но я не думаю, что бы моя неопытность въ этомъ отношеніи составляла недостатокъ; у всякаго свои обязанности и мнѣ кажется,—какъ бы странно ни показалось людямъ такое утвержденіе—что приготовлять студентовъ къ экзамену не составляетъ части обязанностей профессора того предмета, который я долженъ читать вамъ. У профессора есть свои обязанности и онѣ довольно значительны, но эти обязанности, по моему мнѣнію, совсѣмъ другаго рода; онѣ совсѣмъ отличны даже отъ самой широкой и свободной формы обученія, при которой всегда принимается въ разсчетъ успѣхъ или неудача на экзаменахъ.

Роль профессора измѣняется соотвѣтственно преподаваемому предмету, соотвѣтственно сущности этого предмета или, вѣрнѣе сказать, соотвѣтственно мѣсту, занимаемому предметомъ въ университетскомъ курсѣ. Когда предметъ, по какой либо причинѣ, изучается немногими лицами, когда профессоръ есть единственный учитель этого предмета въ университетѣ, само собой понятно, что онъ, являясь представителемъ высшей степени развитія этой научной дисциплины, долженъ при этомъ заниматься симыми простѣйшими и первоначальными формами обученія. Профессоръ арабскаго языка, напр., будучи знатокомъ громадной литературы, о незнакомствѣ съ которой мнѣ приходится часто сожалѣть, долженъ тѣмъ не менѣе обучать арабской азбукѣ, и не однихъ только студентовъ, а, если это понадобится, и своихъ сотоварищей по каѳедрѣ. Такой обязанности не лежитъ на профессорѣ языка, бывшаго самымъ древнимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ новымъ языкомъ европейской свободы, не лежитъ такой обязанности и на профессорѣ неумирающаго языка Имперіи, языка консуловъ, цезарей и папъ. Профессоръ греческаго языка долженъ быть знатокомъ всѣхъ стадій, всѣхъ фазъ развитія этаго до сихъ поръ еще живаго языка, отъ поэмы Гомера до пѣсни Регаса, отъ прозы Hekataios до прозы Трикуписа. Профессоръ латинскаго языка также долженъ быть знакомъ со всѣми стадіями развитія языка Имперіи, отъ пѣсни Арвальскихъ братьевъ до гимновъ Бернарда Клервоскаго, отъ полемики Невія и Метелла до замѣчательныхъ «Saturnians», въ которыхъ неизвѣстный поэтъ XIII вѣка излагаетъ впервые программу парламентской реформы. Мы не будемъ особенно требовательны, если потребуемъ, что бы онъ прослѣдилъ судьбу не только первоначальнаго языка, но и судьбу языковъ производныхъ, прослѣдилъ эту судьбу во всѣхъ формахъ, принятыхъ языкомъ Лаціума у источниковъ Рейна или на устьѣ Дуная. Оба эти профессора, профессоръ греческаго языка и профессоръ латинскаго языка, занимаютъ свои каѳедры затѣмъ, чтобы быть представителями самой широкой и самой глубокой, самой древней и самой новой изъ наукъ, науки объ исторіи вѣчныхъ, неумирающихъ языковъ. Но они могутъ быть избавлены отъ тѣхъ обязанностей, которыя вмѣстѣ съ той же шириной и глубиной знанія языковъ лежатъ, какъ я сказалъ, на профессорѣ арабскаго языка. Тоже можно сказать и о профессорѣ всякой научной дисциплины, для которой въ университетѣ имѣется много студентовъ и много учителей, кромѣ самого профессора. Если бы я захотѣлъ превозносить значеніе занимаемой мною кафедры, я сказалъ бы, что профессоръ какой либо крупной отрасли знанія долженъ занимать положеніе, занимаемое по мнѣнію царя Тиберія государями. Государь не долженъ исполнять обязанностей консула, эдила или претора; точно также и профессоръ исторіи не долженъ исполнять обязанности «тутора» коллегіи или частнаго «тутора». «Majus aliquid

et excelsius a professore postulatur». Его обязанность состоитъ не въ приготовленіи студентовъ къ экзаменамъ, а въ томъ, что бы быть представителемъ того, для чего экзамены и дипломы, если только они не совершенно безполезны и даже вредны, служатъ только средствомъ. Онъ долженъ быть представителемъ науки. Онъ долженъ, если это необходимо, быть помощникомъ и руководителемъ всякаго, изучающаго предметъ, молодаго или пожилаго, новичка или доктора, всякаго, кто въ наше время, время безумнаго увлеченія наслажденіями и безумнаго увлеченія экзаменами, найдетъ досугъ для того, что бы заниматься наукой ради самой науки. Но прежде всего онъ долженъ съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ юнымъ баккалаврамъ, къ тѣмъ, которые узнали кое что, но которымъ надо учиться еще многому и изъ нихъ онъ долженъ съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ людямъ, занимающимся обученіемъ другихъ по его научной дисциплинѣ. И профессоръ и эти молодые люди — учителя, хотя и учителя, отличающіеся другъ отъ другъ по своему назначенію, и опытность профессора въ дѣлѣ собственнаго обученія можетъ быть полезна для людей, занимающихся обученіемъ другихъ. И тѣмъ не менѣе его призваніе отлично отъ ихъ призванія. Онъ долженъ указывать въ своихъ лекціяхъ на все, что по его собственнымъ изслѣдованіямъ или изслѣдованіямъ другихъ дастъ, по его мнѣнію, его слушателямъ идеи, указывать на все, что можетъ познакомить ихъ съ фактами. Но при этомъ онъ не долженъ ограничиваться этимъ болѣе легкимъ, болѣе показнымъ и, можетъ быть, наиболѣе пріятнымъ и для него самаго и для его слушателей дѣломъ. Онъ не долженъ забывать болѣе важной стороны своего призванія. Онъ долженъ всегда помнить и долженъ всегда стараться указывать другимъ, что въ наше время самая остроумная и самая краснорѣчивая историческая лекція должна представлять собой только комментарій къ источникамъ, къ текстамъ. Все, что онъ можетъ сказать о своихъ собственныхъ взглядахъ, все, что онъ вычитаетъ въ какой нибудь новой нѣмецкой книгѣ, должно быть только иллюстраціей оригинальныхъ источниковъ, безъ здраваго и совершеннаго изученія которыхъ все остроуміе есть только пустая и не имѣющая значенія болтовня. Онъ долженъ обратиться самъ и привести другихъ къ изученію законовъ и показаній свидѣтелей, къ хартіямъ и лѣтописямъ, къ сохранившимся отчетамъ о прошлыхъ вѣкахъ, написаннымъ на пергаментѣ или начертаннымъ на камнѣ. Онъ долженъ работать самъ и понуждать или привлекать—насколько это въ его силахъ — другихъ къ работѣ надъ терпѣливымъ изученіемъ современныхъ текстовъ, современныхъ памятниковъ, представляющихся для многихъ гораздо менѣе любопытными, чѣмъ теоріи, которымъ суждено, можетъ быть, завтра же быть замѣненными другими теоріями. Онъ долженъ работать надъ закладкой фундамента; когда этотъ фундаментъ оригиналь-

наго изслѣдованія заложенъ, на немъ легко воздвигнуть постройку, которая легко можетъ выдержать всѣ словесныя бури. Профессору исторіи навряд-ли необходимо полемизировать съ людьми, строющими «на песцѣ» теорій зданіе безъ фундамента, съ людьми, занимающимися какимъ либо спорнымъ и смутнымъ историческимъ періодомъ безъ знанія предшествующихъ или послѣдующихъ эпохъ, съ людьми, представляющими себѣ событія не такъ, какъ объ нихъ разсказываютъ очевидцы, а такъ, какъ имъ кажется удобнѣе для отстаиванія какой либо излюбленной ими политической или теологической, философской или артистической доктрины. Профессоръ исторіи можетъ уклониться отъ такого дѣла, онъ можетъ предоставить событіямъ идти ихъ естественнымъ путемъ; построенное на пескѣ зданіе рухнетъ само собой и для его паденія не нужны вѣтры и бури.

Вы видите, что я имѣю очень высокое представленіе объ обязанностяхъ профессора. Мы можемъ достигнуть самой высокой изъ достижимыхъ для насъ цѣлей только въ томъ случаѣ, если поставимъ себѣ задачей достиженіе высочайшей, можетъ статься, недостижимой для насъ цѣли. Говоря другими словами, профессоръ долженъ покрайней мѣрѣ стремиться къ тому, что бы быть полнымъ знатокомъ той научной дисциплины, каѳедру которой онъ занимаетъ; онъ всѣмъ своимъ существомъ долженъ отдаться знанію этой дисциплины, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Если у него не достаетъ умственныхъ или нравственныхъ свойствъ для исполненія этой задачи, онъ не годится для роли профессора. Если у него есть требуемыя свойства, онъ, конечно, является лучшимъ судей того, какимъ путемъ онъ можетъ лучше всего способствовать развитію своей отрасли знанія. Потому-то навязывать не только профессору исторіи, но и профессорамъ всѣхъ другихъ научныхъ дисциплинъ какой либо суровый и неизмѣнный кодексъ обученія несомнѣнная ошибка. Мнѣ думается, что мое представленіе о роли профессора весьма отлично отъ представленія о ней преобразователей университета. Я тѣмъ свободнѣе могу говорить объ этомъ предметѣ, что послѣдняя реформа совершена не по нашей волѣ, что она навязана намъ извнѣ. Всю свою жизнь я былъ увѣренъ, что университетъ долженъ быть очагомъ науки или очагомъ научнаго изслѣдованія, и мнѣ кажется, что въ послѣдніе годы главнѣйшая цѣль преобразователей заключалась въ томъ, что бы сдѣлать обученіе и изслѣдованіе дѣломъ менѣе труднымъ и, можетъ быть, менѣе непріятнымъ, въ обычномъ смыслѣ этого слова, для учащихся. Но правила, выработанныя въ послѣднее время, доказываютъ противное. Трудно, конечно, представить себя, что бы комиссія (по преобразованію университетовъ) задалась цѣлью создать всѣ зависящія отъ нея препятствія для дѣла обученія и способствовать униженію его оффиціальныхъ представителей. Но если она задавалась подобной цѣлью, то нельзя отри-

цать, что она выбрала для ея достиженія весьма подходящія средства. Новый университетскій уставъ считаетъ, кажется, профессора не представителемъ науки, а простымъ учителемъ, репетиторомъ (usher) и притомъ — осмѣлюсь сказать это — репетиторомъ весьма низменнаго типа, который, навѣрное, будетъ отлынивать отъ работы, если не будетъ связанъ суровыми и мелочными предписаніями. Ничто, понятно, не можетъ настолько помѣшать профессору развивать всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи интеллектуальныя силы, ничто не можетъ заставить его до такой степени смотрѣть на свое дѣло, какъ на простую служебную обязанность и до такой степени помѣшать ему предаться всецѣло этому дѣлу, какъ подобный взглядъ на дѣло. Въ послѣднее время было не мало людей, готовыхъ смѣяться надъ основателями коллегій за то, что они составили строгіе и неизмѣнные статуты для контроля надъ жизнью и занятіями членовъ коллегій. И вотъ, въ послѣднихъ преобразовательныхъ мѣропріятіяхъ, при полномъ разцвѣтѣ образованія, мы получили цѣлый рядъ правилъ для профессоровъ, правилъ почти столь же мелочныхъ, какъ старые статуты, и имѣющихъ въ виду контролировать не юношей и ихъ непосредственныхъ воспитателей, а людей, которые будутъ неумѣстны на своихъ кафедрахъ, если они не сдѣлаются знатоками въ своихъ отрасляхъ знанія. Для человѣка, обладающаго всѣми качествами, необходимыми, по моему мнѣнію, для профессора — а я полагаю, многіе профессора этого университета обладаютъ такими качествами — не особенно пріятно, если ему говорятъ, что онъ долженъ читать столько-то лекцій, въ такіе-то и такіе-то часы, что онъ отвѣтственъ за свое преподаваніе передъ однимъ комитетомъ и долженъ совѣтоваться съ другимъ комитетомъ. Да простятъ меня члены комитетовъ, если я скажу имъ, что я питаю къ нимъ такое чувство, какое питалъ къ тирану Аполлоній Тіанскій, не могшій сообразить, сколько у тирана головъ и какія шея и зубы у этихъ головъ! Говорятъ, что въ дѣйствительности члены комитетовъ не такъ страшны, какими они кажутся по уставу. Несомнѣнно, что здравый смыслъ членовъ комитетовъ помѣшаетъ имъ сдѣлаться бревномъ въ глазу профессора, чѣмъ, повидимому, хотѣли ихъ сдѣлать составители устава, и, тѣмъ не менѣе, ни профессоръ, ни сами комитеты не могутъ устранить устава со всѣми его грубыми и мелочными стѣсненіями. Пока какой нибудь освободитель не вздумаетъ разрушить дѣло, навязанное намъ извнѣ, намъ приходится подчиняться наложенному на насъ игу.

Такимъ образомъ, современному оксфордскому профессору приходится работать въ оковахъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ всетаки можетъ работать. Профессоръ науки, именуемой «новой исторіей», чувствуетъ себя еще болѣе стѣсненнымъ, чѣмъ другіе его товарищи. Мнѣ незачѣмъ говорить вамъ, — тѣмъ болѣе, что я уже упоминалъ объ этомъ

въ этой лекціи—что не признаю отличій, предполагаемыхъ выраженіями: «древняя» и «новая» исторія, «древній» и «новый» языкъ и имъ подобными. Во все время моего научнаго поприща, посвященнаго одинаково и тому, что называютъ «древнимъ», и тому, что называютъ «новымъ», я никогда не могъ понять отличій, будтобы существующихъ между этими двумя дисциплинами. Я никакъ не могъ угадать, гдѣ кончается «древняя» исторія и гдѣ начинается «новая». И когда я спрашивалъ объ этомъ другихъ, когда я изучалъ работы другихъ ученыхъ, я всегда встрѣчалъ такія разногласія въ этомъ отношеніи, что ничему не могъ выучиться у нихъ. Одинъ изъ моихъ друзей однажды сказалъ мнѣ, что новая исторія начинается со времени французской революціи, и многіе, насколько мнѣ извѣстно, по крайней мѣрѣ во Франціи, принимаютъ подобное мнѣніе. Съ другой стороны баронъ Бунзенъ полагаетъ, что новая исторія начинается съ Авраама. Мнѣ кажется, что это двѣ крайности; и между этими крайностями не мало посредствующихъ звеньевъ. Вѣроятно, тѣ, которые уклоняются отъ всякихъ опредѣленій времени, поступаютъ благоразумнѣе, и отсюда неизбѣжно вытекаетъ слѣдствіе, что тѣ, которые не видятъ отличій въ томъ, что не можетъ быть опредѣлено, поступаютъ еще благоразумнѣе. Во всякомъ случаѣ университетъ ничего не рѣшилъ по этому вопросу. Во всѣхъ спорахъ, ведущихся въ теченіи тридцатипяти лѣтъ, я не могъ найти опредѣленія начала новой исторіи. Даже послѣдняя комиссія не рѣшилась взять на себя дѣла такого опредѣленія. Даже люди, издавшіе мелочное предписаніе, что профессоръ новой исторіи долженъ прочитать сорокъ двѣ лекціи въ годъ, — они, впрочемъ, не говорятъ, какъ они намѣрены заставить его прочитать именно сорокъ двѣ хорошія лекціи — не рѣшились предписать ему, о чемъ именно онъ долженъ читать. Они предписываютъ ему читать «о какой либо части новой исторіи», но при этомъ не говорятъ, что такое «новая исторія». Онъ можетъ принять любое изъ предложенныхъ опредѣленій. Мнѣ кажется, что я отнюдь не выйду изъ предѣловъ устава, если я начну съ битвы четырехъ королей противъ пяти или, наоборотъ, не буду говорить ни слова о событіяхъ, предшествовавшихъ 1789 году. Однимъ словомъ, изъ самаго стѣсненія профессорской дѣятельности вытекаетъ и средство освобожденія. Я покрайней мѣрѣ сознаю себя свободнымъ въ своей дисциплинѣ. Но не бойтесь—изъ того обстоятельства, что я свободенъ, совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы я дѣлалъ такія вторженія въ области другихъ кафедръ, на которыя могли бы жаловаться ихъ представители. Я отъ всего сердца желаю, чтобы пустыя отличія между предметами, въ дѣйствительности совсѣмъ не отличающимися другъ отъ друга, были окончательно устранены изъ устава оксфордскаго университета или, покрайней мѣрѣ, чтобы былъ сдѣланъ такой шагъ къ этому устраненію, какой сдѣланъ недавно въ кембриджскомъ уни-

верситетѣ. Въ Кембриджѣ существуетъ теперь кафедра, съ которой, какъ этого требуетъ и здравый смыслъ и интересы науки, возможно читать одновременно и Фукидида и Ламберта Герцфельда. Честь и слава нашему знаменитому собрату и дай богъ, что бы мы сдѣлались настолько умны, чтобы послѣдовать его примѣру. Я не буду теперь въ подробности обсуждать этого вопроса, о которомъ буду имѣть случай говорить впослѣдствіи; но не могу не указать въ этой первой моей лекціи, что это неестественное раздѣленіе на «древнее» и «новое», мѣшаетъ изложенію великаго центральнаго факта европейской исторіи во всей его полнотѣ и единствѣ — а именно изложенію роста и развитія могущества Рима. Странная путаница представленій относительно восточной и западной имперіи, полнѣйшій пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ многихъ ученыхъ по этому вопросу въ значительной степени обусловливается этой манерой смотрѣть на вещи, которыя представятся весьма простыми, если смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто цѣлое, но которыя покажутся лишенными значенія, если заниматься тѣмъ или другимъ изъ историческихъ періодовъ безъ связи съ предыдущимъ или послѣдующимъ. Невозможно понять, насколько послѣдній Константинъ былъ наслѣдникомъ перваго, насколько послѣдній Францъ былъ наслѣдникомъ Карла Перваго, если предварительно не поймешь, въ какомъ отношеніи и черезъ посредство какихъ историческихъ стадій Карлъ и Константинъ сдѣлались преемниками Кая Юлія Цезаря Октавіана, консула, трибуна и верховнаго жреца римской республики. Посмотрите также на исторію одной изъ лучшихъ провинцій этой республики, на исторію знаменитаго острова, которая въ самую блестящую свою пору была такъ тѣсно связана съ исторіей нашей родины. Посмотрите на Сицилію; это — мѣсто встрѣчи народовъ, это поле битвы вѣрованій и расъ, гдѣ борьба между арійцами и семитами разыгралась во всемъ ея блескѣ. Этотъ замѣчательный циклъ событій утратитъ всякую жизненность, если мы будемъ разсматривать только одинъ его моментъ. Борьба съ финикіянами и борьба съ сарацинами утратитъ половину своего значенія, если мы будемъ разсматривать ихъ порознь, независимо другъ отъ друга; Тимолеонъ не будетъ представляться намъ во всей полнотѣ, какъ историческая личность, безъ Рожера, а Рожеръ не будетъ выпуклой исторической фигурой безъ Тимолеона. Вредъ неестественнаго раздѣленія періодовъ, между которыми не существуетъ естественнаго отличія, не ограничивается какимъ либо изъ предметовъ университетскаго преподаванія, онъ вліяетъ на всю систему этого преподаванія. Намъ, въ XIX вѣкѣ, приходится дѣлать тоже, что было сдѣлано учеными XIV вѣка. Они дали міру новое образованіе, бывшее равнозначительнымъ открытію древняго міра. Намъ приходится объединить всѣ міры, всякое образованіе, древнее и новое, старое и современное, въ одно цѣлое, сообразно взаимному соотношенію его частей. Шестнадцатый

вѣкъ открылъ жизненность и значеніе извѣстныхъ стадій въ развитіи исторіи и рѣчи Греціи и Италіи; девятнадцатый вѣкъ долженъ опредѣлить отношеніе этихъ стадій къ другимъ стадіямъ развитія исторіи и рѣчи, какъ этихъ странъ, такъ и другихъ. И это слѣдуетъ сдѣлать не только относительно одной политической исторіи, а и относительно исторіи языка и искусства. Намъ не нужна «современная школа» или «современная точка зрѣнія»; намъ не нужна школа такъ называемыхъ «новыхъ» языковъ, отличныхъ отъ «древнихъ»; намъ не нужна каѳедра такъ называемой «классической» археологіи, отличной отъ археологіи другихъ эпохъ. Это положеніе совершенно общее и оно имѣетъ непосредственное отношеніе къ самому существованію Оксфордскаго и всѣхъ другихъ университетовъ, какъ мѣстъ дѣйствительно здраваго обученія или дѣйствительно свободнаго преподаванія. Люди, невѣжественные и чрезмѣрно смѣлые и при этомъ считающіе себя философами и часто признаваемые таковыми и другими людьми, постоянно угрожаютъ, постоянно смѣются надъ изученіемъ того, что составляетъ самую прочную основу всѣхъ изслѣдованій, надъ изученіемъ, безъ котораго намъ бы пришлось закрыть наши школы и наши аудиторіи, надъ изученіемъ, которое является злоупотребленіемъ только въ томъ случаѣ, когда забываютъ, что оно есть только основа зданія, а не самое зданіе. Мы должны приготовиться къ борьбѣ съ такими людьми, и если мы хорошо приготовимся къ ней, наша задача будетъ исполнена; но мы не будемъ къ ней готовы до тѣхъ поръ, пока будемъ глухи къ ученію, даваемому намъ великими открытіями нашего вѣка, до тѣхъ поръ, пока не будемъ обращать вниманія на новую жизненную силу, получаемую всѣми науками отъ примѣненія сравнительнаго метода,— однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока мы будемъ столь упорно различать «древнюю» и «новую» исторію, «древніе» и «новые» языки. Утверждаютъ, что время, употребляемое нами на изученіе того, что именуютъ «мертвыми» языками, есть время потерянное даромъ, и что подобнымъ же образомъ мы теряемъ даромъ время на изученіе незначительныхъ обществъ, существовавшихъ въ древнія времена. Подобное утвержденіе представляетъ, несомнѣнно, слѣдствіе невѣжества и легкомыслія, и тѣмъ не менѣе, при настоящемъ положеніи дѣлъ оно заслуживаетъ возраженія и наше возраженіе не можетъ быть вполнѣ доказательнымъ до тѣхъ поръ, пока мы, удерживая неестественныя различія, будемъ этимъ самымъ давать орудіе нашимъ противникамъ. Всѣ мы согласны, думается мнѣ, въ томъ положеніи, что нѣтъ языковъ столь, въ сущности, живыхъ, нѣтъ языковъ, которые даже въ наше время вліяли бы столь сильно и глубоко на рѣчь и мышленіе людей, какъ тѣ древнія формы еще и теперь существующихъ языковъ Греціи и Италіи, которые невѣжественными людьми называются «мертвыми». Если эти языки «мертвы», погре-

байте ихъ или, покрайней мѣрѣ, оставьте ихъ въ удѣлъ людямъ, которымъ нравятся подобныя занятія. Но дѣло въ томъ, что мы и теперь еще считаемъ ихъ живыми, что мы считаемъ ихъ основой, краеугольнымъ камнемъ, увѣнчаніемъ зданія, центромъ всего, достойнаго названія культуры и свободнаго образованія, и считаемъ ихъ таковыми именно потому, что они не «мертные», а, наоборотъ, самые живые и самые практическіе изъ всѣхъ существующихъ языковъ. Но наши положенія будутъ менѣе доказательными, наша крѣпость будетъ болѣе доступна для нападенія невѣжественныхъ людей, если мы будемъ отдѣлять старое отъ новаго. родителей отъ дѣтей, если мы не съумѣемъ заявить во всеуслышаніе, что наши свѣдѣнія о какомъ либо языкѣ будутъ весьма несовершенными, если мы не будемъ знать происхожденія словъ и ихъ дальнѣйшаго развитія. «Древніе языки» и «новые языки», изученіе латинскаго языка безъ соотношенія къ его производному—французскому, и изученіе французскаго безъ отношенія къ его родоначальнику, латинскому языку—подобныя неумѣлыя и неосновательныя дѣленія отдаютъ сильнѣйшіе изъ нашихъ фортовъ въ руки врага. Не удивительно и не заслуживаетъ порицанія, что такія различенія дѣлались въ XVI вѣкѣ, но весьма непохвально, что мы, при свѣтѣ науки XIX вѣка, дѣлаемъ тоже самое. То, что мы сказали объ языкахъ, можно сказать о политической исторіи. Мы не будемъ въ состояніи надлежащимъ образомъ отвѣтить на придирки нашихъ враговъ относительно «мелкихъ государствъ» или «битвъ, случившихся двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ», если мы не напишемъ на нашемъ знамени золотыя слова Арнольда, о которыхъ я уже упоминалъ въ этой вступительной лекціи, слова, гдѣ онъ говоритъ объ исторіи «неосновательно называемой древней, о дѣйствительно современной исторіи Греціи и Рима». Конечно, можно утверждать, что Римская Имперія была достаточно велика даже для людей, декламирующихъ на тему «о мелкихъ государствахъ»; но нужно напасть на враговъ въ ихъ собственной области; нужно объявить во всеуслышаніе, что исторія этихъ мелкихъ государствъ отдаленныхъ отъ насъ эпохъ представляетъ, именно какъ исторія мелкихъ государствъ отдаленныхъ отъ насъ эпохъ, существенную часть науки объ исторіи человѣческаго прогресса, и что безъ изученія ея мы не въ состояніи понять жизнь большихъ государствъ въ послѣдующія эпохи. Нужно провозгласить во всеуслышаніе, что настоящая историческая жизненность эпохи состоитъ не въ отдѣленіи ея отъ своевременныхъ событій, а въ близкой связи съ ними. Сдѣлать это во всей полнотѣ мы не можемъ до тѣхъ поръ, пока будемъ отдѣлять другъ отъ друга историческіе періоды, причемъ они утрачиваютъ половину ихъ настоящаго значенія. Мы не будемъ въ состояніи вполнѣ защитить нашу позицію до тѣхъ поръ, пока будемъ обучать такъ называемой «древней» и такъ назы-

ваемой «новой» исторіи въ отдѣльныхъ школахъ, на отдѣльныхъ каѳедрахъ, какъ предметамъ, не имѣющимъ никакой внутренней связи, до тѣхъ поръ, пока читать ихъ будутъ учителя и профессора, не имѣющіе другъ къ другу никакихъ отношеній. Если мы хотимъ, чтобы «древняя» исторія, «древніе» языки составляли часть дѣйствительно здраваго и дѣйствительно свободнаго преподаванія, мы должны объявить открыто всѣмъ нападающимъ на наши положенія, что то, что неосновательно именуется ими «древнимъ» есть самое «новое» изо всего, изучаемаго нами, какъ этому училъ насъ Арнольдъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Для меня лично самое названіе профессора «новой исторіи» представляется наложенными на меня оковами. Конечно, примириться съ этимъ легко потому, что никто не даетъ опредѣленія того, что такое «новая» исторія, несомнѣнно по той причинѣ, что всѣ сознаютъ невозможность подобнаго опредѣленія. Но я съ удовольствіемъ приму одно изъ опредѣленій «новой» исторіи; есть одинъ пунктъ, гдѣ я рѣшусь провести весьма опредѣленную раздѣльную линію между «древнимъ» и «новымъ». Этотъ пунктъ, этотъ историческій періодъ не такъ близокъ къ нашему времени, какъ французская революція, но и не такъ далекъ, какъ эпоха Авраама. Я согласенъ провести раздѣльную линію между «древнимъ» и «новымъ», если вы будете согласны признать началомъ «новаго» періода первые начатки писанной исторіи арійской Европы, будете ли вы признавать такими начатками время первой олимпіады или время еще болѣе отдаленное. Только въ этомъ историческомъ періодѣ мы можемъ найти надлежащую точку отправленія; всякая раздѣльная линія, проведенная въ какой нибудь болѣе новый историческій періодъ, будетъ искусственной и невѣрной. Для насъ, для всѣхъ современныхъ европейскихъ націй, съ этого времени начинается исторія, какъ наша собственная, такъ и исторія родственныхъ намъ народовъ. Это время есть начало нашего политическаго бытія, начало языковъ, родственныхъ нашему родному языку,—языковъ, составляющихъ и до сихъ поръ основаніе всѣхъ нашихъ изслѣдованій. Съ этого времени начинается великая и непрерывающаяся драма, разыгрывающаяся и до сихъ поръ въ событіяхъ политической исторіи европейцевъ, въ событіяхъ исторіи Грековъ и Итальянцевъ, Кельтовъ. Тевтоновъ и Славянъ. Подъ названіемъ «новой» исторіи я буду разумѣть нашу собственную исторію въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ различаемую отъ нѣкоторыхъ другихъ ея отраслей, хотя и современныхъ нашей исторіи, но не составляющихъ ея части. Мы, люди изучающіе новую исторію, т. е. европейскую исторію послѣднихъ двадцати семи вѣковъ, всегда будемъ привѣтствовать тѣ важные вклады въ исторію, которую слѣдуетъ признать древней, и въ изученіе языковъ, поистинѣ мертвыхъ, которые сдѣланы учеными въ наши дни. Исторію

аѳинскихъ архонтовъ и римскихъ консуловъ мы признаемъ столь же существенными частями нашей науки, какъ и исторію венеціанскихъ дожей и англійскихъ королей, а найденные отчеты объ Аккадійцахъ и Ассиріи мы признаемъ только матеріалами для изслѣдованія весьма полезнаго и цѣннаго, но находящагося внѣ предѣловъ нашей науки. Эти два рода изслѣдованій имѣютъ близкое соотношеніе другъ къ другу; одно изъ нихъ можетъ помочь другому; но аккадійская исторія является пособіемъ для англійской не въ томъ смыслѣ, въ какомъ является ея пособіемъ римская и греческая исторія, а въ томъ, въ какомъ ея пособіями служатъ антропологія, палеонтологія и геологія. Всѣ эти науки служатъ пособіями для исторіи; вообще трудно назвать какую нибудь научную дисциплину, которая не могла бы сдѣлаться пособіемъ для настоящаго историка; но онѣ являются пособіями, какъ отдѣльныя, хотя и родственныя науки, а не какъ части одной и той же науки. Внѣ предѣловъ нашей «новой» исторіи, лежитъ поле изслѣдованія истинно «древней» исторіи, не имѣвшей вліянія на политическую жизнь современной Европы, но заслуживающей того, чтобы ее признать отдѣльной отраслью знанія, имѣющей своихъ изслѣдователей и своихъ преподавателей. Мы, изслѣдователи и преподаватели исторіи Европы, должны братски привѣтствовать всѣ открытія, сдѣланныя въ области тѣхъ отраслей науки, которыя занимаются исторіей хотя и не Европейскихъ, но еще существующихъ народовъ. Мы не будемъ въ состояніи вполнѣ уяснить себѣ исторію языковъ и вѣрованій нашихъ странъ и народовъ, если не изучимъ ихъ отношеній къ языкамъ, вѣрованіямъ и странамъ, занятымъ народами, бывшими непосредственными сосѣдями и соперниками арійскихъ европейцевъ. Исторія Греціи и Рима почти на каждомъ шагу приводитъ насъ въ соприкосновеніе съ исторіей Евреевъ, Финикіянъ и Арабовъ. Когда въ дворцахъ Палермо мы видимъ надписи, сдѣланныя отъ правой руки къ лѣвой, сдѣланныя по приказу норманскихъ королей сарацинскими мастерами, когда мы видимъ надписи на томъ же міровомъ языкѣ, замѣнившія въ самыхъ славныхъ изъ христіанскихъ храмовъ мозаики Юстиніана, мы должны, конечно, признать, что изученіе арабской исторіи есть самостоятельная научная дисциплина, параллельная нашей, переплетающаяся съ нашей исторіей, но все-таки отличная отъ нея. Семитическая исторія и въ особенности арабская должна имѣть своихъ особыхъ изслѣдователей и преподавателей, и тѣмъ не менѣе, она имѣетъ такое непосредственное отношеніе къ нашимъ изслѣдованіямъ, что изслѣдователи каждой изъ обѣихъ областей исторической науки должны быть знакомы по крайней мѣрѣ съ главными фактами другой. Исторію Финикіянъ, Арабовъ и народовъ, принявшихъ религію арабовъ, слѣдуетъ знать какъ исторію постоянныхъ и могущественныхъ соперниковъ, хотя и не какъ исторію своей родины и своего народа. Что касается до этой

послѣдней, то для нея мы можемъ признать только одну границу во времени и въ пространствѣ; эта граница проходитъ тамъ, гдѣ живутъ люди, выросшіе подъ политическимъ, моральнымъ и религіознымъ вліяніемъ Рима; начала этой исторіи мы должны искать въ эпоху не менѣе отдаленную отъ насъ, чѣмъ эпоха, въ которую Греки впервые получили какія либо свѣдѣнія о Римѣ.

Въ нашемъ несовершенномъ мірѣ намъ приходится, однако, подчиняться обстоятельствамъ. Какъ ни вредно и ни неосновательно отличіе между «древней» и «новой» исторіей, до тѣхъ поръ, пока оно формально признается въ университетѣ, до тѣхъ поръ, пока существуютъ отдѣльныя кафедры, отдѣленіе профессора «древней» и «новой» исторіи и до тѣхъ поръ, пока сфера обученія «древняго» профессора простирается до эпохи позднѣйшей, чѣмъ первая олимпіада, профессоръ «новой» исторіи долженъ, хотя бы и протестуя, придать какой нибудь смыслъ названію преподаваемаго имъ предмета и отдѣлить для себя какую нибудь спеціальную сферу, гдѣ ему не пришлось бы придти въ столкновеніе съ своимъ «древнимъ» сотоварищемъ. Мнѣ думается, что можетъ быть проведена такая раздѣльная линія, которая лучше всякой другой можетъ оказаться пригодной, по крайней мѣрѣ временно, до тѣхъ поръ, пока университетскіе порядки въ дѣлѣ преподаванія исторіи и языковъ не будутъ преобразованы соотвѣтственно развитію современной науки. Пятый вѣкъ, время поселенія тевтонскихъ народовъ въ предѣлахъ имперіи, есть одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ періодовъ всемірной исторіи. Эта эпоха столь же важна, какъ и болѣе древняя эпоха,—какъ и второй вѣкъ до начала нашей эры. Въ этотъ послѣдній періодъ Римъ дѣлается главой Европы, тогда опредѣлилось, какую именно форму будетъ имѣть его владычество; а въ первомъ изъ вышеупомянутыхъ періодовъ опредѣлилось, какую форму будетъ имѣть постоянное вліяніе Рима въ тѣ дни, когда его политическое могущество уменьшилось, а въ нѣкоторыхъ изъ его западныхъ провинцій и окончательно рушилось. Такое раздѣленіе историческихъ эпохъ можетъ, конечно, вызвать возраженіе, что съ философской точки зрѣнія на историческія событія, вѣкъ, во время котораго произошло разграбленіе Карфагена, и вѣкъ, во время котораго произошло первое разграбленіе Рима, находятся въ извѣстномъ соотношеніи другъ съ другомъ и раздѣлены быть не могутъ. Я, собственно говоря, и доказываю, что противъ всякаго раздѣленія историческихъ періодовъ можно сдѣлать такія же возраженія, но, если ужъ такъ необходимо какое бы то ни было раздѣленіе ихъ, то слѣдуетъ признать, что раздѣленіе, предлагаемое мной, меньше подлежитъ возраженіямъ, чѣмъ всякое иное. Указанная мной эпоха представляетъ весьма удобную точку отправленія для изученія новой исторіи; въ эту эпоху были положены основанія для образованія великихъ народностей Западной Европы; въ эту эпоху Готы

поселились въ Испаніи, Бургундцы и Франки въ Галліи, Англы и Саксонцы въ Британіи. Я могу допустить, что эта эпоха въ извѣстномъ отношеніи была началомъ «новой» исторіи, если мы признаемъ, что въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія паралельно съ ней шла «древняя» исторія. Этотъ тысячелѣтній періодъ будетъ входить въ предѣлы преподаванія профессоровъ обѣихъ отраслей науки, хотя они будутъ смотрѣть на него съ различныхъ точекъ зрѣнія; «древній» профессоръ будетъ смотрѣть на него глазами человѣка, родина котораго въ стѣнахъ Рима—сначала древняго Рима, а потомъ новаго; а его «новый» товарищъ будетъ смотрѣть на этотъ періодъ глазами человѣка, принадлежащаго по своему происхожденію къ болѣе молодымъ народамъ, поселившимся на Римской землѣ, сдѣлавшимся изъ завоевателей Рима его учениками, и считавшимъ высшей честью давать своимъ королямъ титулы и званія того государства, политическое могущество котораго они ниспровергли. Однимъ словомъ, профессоръ «новой» исторіи, продолжая протестовать противъ такого названія, будетъ имѣть очень опредѣленную и понятную сферу дѣйствій, если признаетъ предѣльнымъ пунктомъ своего изслѣдованія время, когда Тевтонскія переселенія прекратились и Тевтоны осѣли по мѣстамъ. И тѣмъ не менѣе будетъ весьма извинительно, если онъ будетъ временами обращаться къ той великой эпохѣ исторіи нашей расы и всего міра, когда въ Тевтобургскомъ лѣсу было рѣшено судьбой, что будетъ существовать свободная Германія, что она породитъ свободную Англію, а эта послѣдняя въ свою очередь породитъ свободную Америку. Онъ будетъ даже имѣть право заняться тѣмъ неудачнымъ нашествіемъ нашихъ сородичей, которое было остановлено сопротивленіемъ свободныхъ земледѣльцевъ Arpinum'a и той эпохой, когда Римскій орелъ, орелъ Марія, впервые распростеръ свои крылья надъ полями Aquae Sextiae. Ему приходится отказаться отъ преподаванія всего, что было чисто Греческимъ и чисто Римскимъ. Историкъ тевтонскихъ народовъ и тевтонскаго законодательства не можетъ совершенно отказаться отъ изученія Тацита, Страбона и Цезаря; но онъ долженъ, хотя и съ глубокимъ сожалѣніемъ, отказаться отъ самаго всеобъемлющаго и глубокаго поученія, даваемаго людямъ человѣкомъ, писавшимъ исторію событій, въ которыхъ онъ самъ игралъ извѣстную роль. Изученіе писателя, обладавшаго разностороннимъ опытомъ и разностороннимъ мышленіемъ, человѣка, державшаго въ рукахъ урну Филопоймена и видѣвшаго пожаръ Карфагена—изученіе Полибія, наблюдателя и учителя, онъ долженъ предоставить своему «древнему» сотоварищу—профессору.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о выборѣ и объ изложеніи предмета нашего преподаванія и о выборѣ текстовъ, относящихся къ тѣмъ вѣкамъ, когда впервые у Саларійскихъ воротъ раздался страшный звукъ Готскихъ трубъ. До тѣхъ поръ, пока не будетъ преоб-

разована вся система нашего преподаванія, самое лучшее, что можно сдѣлать въ виду разумнаго преподаванія той научной дисциплины, которую я буду преподавать вамъ, это направить энергію людей, занимающихся такъ называемой «новой» исторіей, всецѣло на изученіе тѣхъ періодовъ, которые болѣе или менѣе удобно можно излагать по методамъ старой школы преподаванія Literae Humaniores. Эта школа не старалась сдѣлать студента философомъ, филологомъ или историкомъ, но она давала ему всевозможныя средства, чтобы онъ самъ сдѣлался тѣмъ или другимъ. При своихъ продолжительныхъ занятіяхъ въ качествѣ экзаменатора по предмету новой исторіи, мнѣ приходилось замѣчать, насколько студенты, обучавшіеся по старому методу, выгодно отличались отъ другихъ экзаменующихся не только по своимъ свѣдѣніямъ, но и по пріобрѣтеннымъ ими въ старой школѣ навыкамъ мышленія, дававшимъ имъ возможность здраво судить какъ о древнихъ, такъ и о позднѣйшихъ историческихъ періодахъ. Изученіе нѣкоторыхъ эпохъ изъ числа тѣхъ четырнадцати вѣковъ, которые мы можемъ считать достояніемъ нашей отрасли знанія, лучше, чѣмъ изученіе другихъ эпохъ, можетъ помочь пріобрѣтенію здравыхъ научныхъ навыковъ мышленія и сужденія. Я не могу представить себѣ ничего столь противнаго здравому методу изученія, столь достойнаго названія постройки зданія безъ фундамента, какъ изученіе новѣйшихъ историческихъ періодовъ или изученіе эпохъ спорныхъ, относительно которыхъ имѣется такое громадное количество оригинальныхъ источниковъ, что для цѣлей обыкновеннаго университетскаго преподаванія такое чрезмѣрное изобиліе источниковъ равнозначительно ихъ полному отсутствію. Для меня совершенно несомнѣнно, что изученіе современности почти всегда есть нѣчто совершенно отличное отъ настоящаго подробнаго изученія источниковъ. Несомнѣнно, что какое нибудь современное событіе, о которомъ сообщали намъ газеты, составляетъ часть всемірной исторіи, что его можно и даже должно изучать съ исторической точки зрѣнія. Мы, люди, бывшіе современниками объединенія Италіи и Германіи, бывшіе свидѣтелями образованія новыхъ націй на юго-востокѣ Европы, живемъ въ вѣкѣ, столь же богатомъ событіями и великими историческими преобразованіями, какъ и вѣка Полибія или Прокопія. Но противъ предложенія сдѣлать нашъ вѣкъ предметомъ университетскаго преподаванія можно сдѣлать то очень вѣское возраженіе, что у насъ теперь нѣтъ ни Полибія, ни Прокопія, по сочиненіямъ которыхъ мы могли бы изучать этотъ вѣкъ. Несомнѣнно, что время послѣднихъ двухъ или трехъ вѣковъ Европейской исторіи гораздо больше пригодно для частныхъ изслѣдованій, для спеціальныхъ курсовъ, чѣмъ для обыкновеннаго университетскаго преподаванія, для обыкновенной и обязательной работы, подлежащей провѣркѣ на экзаменѣ. Знаніе исторіи этихъ вѣковъ можетъ быть не менѣе основательнымъ, чѣмъ

знаніе исторіи болѣе древнихъ періодовъ, но подобное основательное знаніе не такъ легко пріобрѣсти въ юности и его не такъ легко провѣрить на экзаменѣ, какъ знаніе исторіи болѣе древнихъ эпохъ. Чрезмѣрное стремленіе къ изученію новѣйшихъ историческихъ эпохъ, сдѣлавшееся особенно замѣтнымъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, кажется мнѣ вреднымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Оно увеличиваетъ пропасть, засыпать которую мы должны считать главной своей обязанностью; оно порождаетъ легкомысліе и пустозвонство; оно, такъ сказать, отзывается мнѣніемъ, бывшемъ въ большомъ ходу у предшествующаго поколѣнія, будто нужно начинать съ «новой» исторіи, какъ дисциплины болѣе легкой сравнительно съ строгимъ методомъ изученія старой школы. Все вліяніе, какъ официальное, такъ и личное, какое я только могу имѣть, я употреблю на то, чтобы доказать, что «современная» исторія по крайней мѣрѣ не болѣе легка, чѣмъ «древняя». Я сдѣлаю все, что только будетъ въ моихъ силахъ, чтобы дискредитировать мнимое изученіе того, что именуется «предметами» и «періодами» и сдѣлаю все, что только возможно, для возвращенія къ старой здравой системѣ изученія «книгъ». Единственная основа изученія исторіи есть умѣнье обращаться съ оригинальными текстами. Это умѣніе первое дѣло при всякомъ изученіи и самъ студентъ, а еще болѣе воспитатель («туторъ») и профессоръ могутъ сдѣлать многое въ дѣлѣ комментированія, уясненія и сравненія текстовъ. Но знаніе «книгъ» есть основаніе, начало, абсолютно необходимое, безъ котораго все остальное суета суетъ. Всего труднѣе убѣдить человѣка, приступающаго къ изученію исторіи, что дѣйствительно для той эпохи, которую именуютъ «средневѣковой», имѣются оригинальные источники совершенно также, какъ имѣются общепризнанные оригинальные источники для той эпохи, которую именуютъ «классической». Я хорошо помню, какъ трудно было доказать это въ то время, когда «новая» исторія преподавалась какъ наука, которую можно было изучать по удобочитаемымъ Французскимъ и Англійскимъ книгамъ, и для которой не требовалось труднаго искусства читать по гречески и по латыни и еще болѣе труднаго искусства читать источники, написанные на ужасныхъ старофранцузскомъ и старо-англійскомъ языкахъ. Въ настоящее же время по крайней мѣрѣ хоть нѣкоторымъ извѣстно, что и въ западной и въ восточной Европѣ нѣтъ недостатка въ оригинальныхъ писателяхъ по исторіи вѣковъ съ начала V вѣка, книги которыхъ заслуживаютъ такого же изученія, какъ оригинальные источники болѣе древнихъ эпохъ. Теперь уже не покажется парадоксомъ утвержденіе, что этихъ писателей можно съ пользой изучать только параллельно съ классическими авторами, что мышленіе дѣлается болѣе разносторонимъ и историческое сужденіе болѣе правильнымъ при подобномъ параллельномъ изученіи.

Мнѣ осталось еще сообщить вамъ, какъ я намѣренъ приступить къ своему дѣлу, какую форму я намѣренъ придать моему первому вкладу въ дѣло преподаванія исторіи. Я намѣренъ, если только найду въ университетѣ достаточную поддержку исполненію своего плана, читать, по крайней мѣрѣ часть года, два отдѣльные курса. Одинъ курсъ будетъ состоять изъ общихъ лекцій, которыя, смѣю надѣяться, будутъ интересными и полезными даже для людей, не занимающихся спеціальнымъ изученіемъ исторіи. Параллельно съ этимъ курсомъ я надѣюсь прочесть спеціальный курсъ объ оригинальныхъ текстахъ разныхъ писателей. Этотъ курсъ предназначается для людей, спеціально изучающихъ исторію и прослушать его я пригласилъ бы всѣхъ, желающихъ испытать, можно ли примѣнить къ греческимъ и латинскимъ писателямъ позднѣйшаго времени тотъ же подробный и послѣдовательный методъ изученія, который по общему признанію примѣнимъ къ изученію древнѣйшихъ формъ этихъ языковъ. Въ этотъ семестръ я предполагаю прочитать рядъ лекцій о методахъ изученія исторіи; а въ слѣдующій семестръ я надѣюсь прочесть рядъ лекцій о главныхъ періодахъ Европейской исторіи. Послѣ этихъ двухъ вводныхъ курсовъ я предполагаю читать болѣе спеціальныя лекціи объ исторіи нашей родины, о восточной и западной имперіи, о Сициліи и всѣхъ другихъ частяхъ нашей научной дисциплины, о которыхъ я найду нужнымъ говорить. Что касается до болѣе спеціальнаго курса, то въ этотъ семетръ я предполагаю начать съ исторіи Франковъ Григорія Турскаго. Это самый древній изъ писателей, рекомендованный для изученія экзаменующимся по предмету новой исторіи. Мнѣ кажется, что имъ не особенно часто занимаются; мнѣ хотѣлось бы начать съ изученія болѣе древнихъ писателей, не только разсказывавшихъ о событіяхъ V вѣка, но и жившихъ въ то время; въ особенности я хотѣлъ бы начать съ Сидонія Апполинарія, придворнаго и епископа, панегириста и святаго. Но хотя сочиненія Сидонія и драгоцѣннѣйшій изъ историческихъ памятниковъ, но сами по себѣ они сочиненія не историческія. Если мы обязаны признавать отличіе между «древними» и «новыми», то намъ придется считать римлянина Сидонія однимъ изъ послѣднихъ древнихъ писателей, а на Григорія, не бывшаго, конечно, Франкомъ, но не бывшаго вполнѣ и римляниномъ, приходится смотрѣть, какъ на перваго изъ средневѣковыхъ писателей. По этой то причинѣ я и намѣренъ начать съ него; я выбираю его сочиненія предметомъ изученія, какъ ради ихъ самихъ, такъ и по другимъ причинамъ. Когда мы узнаемъ, что такое было завоеваніе Галліи Франками, мы будемъ въ состояніи уяснить себѣ, по контрасту, истинную сущность завоеваніи Британіи Англами.

Я составилъ такимъ образомъ планъ работы, по крайней мѣрѣ, на одинъ годъ. Какъ и насколько будетъ возможно привести этотъ планъ

въ исполненіе, это будетъ зависѣть частію отъ самого профессора, а частію и отъ всего университета. Я буду считать свою цѣль достигнутой и свои труды вознагражденными, если мнѣ удастся убѣдить значительное количество членовъ университета присоединиться ко мнѣ для изученія вѣковъ, начинающихся съ поселенія нашего народа и народовъ, ему родственнымъ въ странахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя и теперь еще заняты ими, какъ предмета, не менѣе предшествующихъ вѣковъ достойнаго изученія и надлежащее изученіе котораго возможно только при параллельномъ изученіи этихъ предшествующихъ вѣковъ. Всѣмъ, кто чувствуетъ призваніе къ научнымъ изслѣдованіямъ, всѣмъ, для кого наука есть цѣль сама по себѣ, всѣмъ, кто чувствуетъ особое призваніе къ этой отрасли изслѣдованія, я предлагаю идти вмѣстѣ съ мной; но пусть они помнятъ, что я приглашаю ихъ заниматься наукой, какъ составляющей сама по себѣ цѣль; я предлагаю имъ стремиться къ достиженію знанія, къ пріобрѣтенію истины, къ занятіямъ наукой, которая, какъ говорятъ, дороже дома и земель, но которая, вѣроятно, не представляетъ самаго вѣрнаго средства для пріобрѣтенія дома и земли. Если наука дороже дома и земли, то она, думается мнѣ, дороже степени и диплома, хотя мнѣ кажется, что она не будетъ служить препятствіемъ для ихъ полученія. Я предупреждаю, однако, что моя преподавательская дѣятельность не будетъ имѣть никакого прямаго отношенія къ полученію ученыхъ степеней и дипломовъ. Я здѣсь затѣмъ, чтобы сдѣлать все, что только можетъ сдѣлать человѣкъ, работать которому осталось не особенно долго, для распространенія исторической истины ради неё самой. Если какая либо цѣль можетъ быть выше стремленія къ истинѣ ради истины—то такой цѣлью можетъ быть только надежда, что изученіе прошлаго можетъ оказаться полезнымъ для настоящаго, что мы сыграемъ свою роль въ жизни, по крайней мѣрѣ, не хуже, если мы внесемъ въ современную жизнь знаніе прежнихъ формъ общественной жизни, изъ которыхъ развилась жизнь современнаго общества. Мы, конечно, не будемъ чувствовать себя чужими въ современной жизни оттого, что будемъ помнить, что мы наслѣдники и ученики предшествующихъ поколѣній; оттого, что мы время отъ времени будемъ пріостанавливаться въ своемъ поступательномъ движеніи затѣмъ, чтобы воздать должное памяти людей, безъ дѣятельности которыхъ это движеніе было бы невозможнымъ, оттого, что мы во всякое время будемъ готовы «славить знаменитыхъ мужей и породившихъ насъ отцовъ».

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНІЯ ИСТОРІИ.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Исторія и родственныя ей науки.

Въ своей вступительной лекціи я уже говорилъ, что точно опредѣлить предѣлы излагаемаго предмета, какъ онъ опредѣляется названіемъ занимаемой мной кафедры, будетъ, вѣроятно, дѣломъ не легкимъ. Въ самомъ дѣлѣ трудно опредѣлить, что такое «новая исторія» въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно употребляютъ этотъ терминъ; опредѣленіе даже невозможно просто потому, что не существуетъ отдѣльнаго предмета, который можно бы было назвать такъ. Трудность не ограничивается только однимъ этимъ опредѣленіемъ; если трудно опредѣлить, что такое «новая исторія», то не менѣе трудно, хотя и по другимъ причинамъ, опредѣлить, что такое исторія вообще. Трудно провести раздѣльную черту между исторіей въ настоящемъ смыслѣ этого слова и множествомъ другихъ предметовъ, къ помощи которыхъ историческому изслѣдованію постоянно приходится прибѣгать и которые въ свою очередь постоянно обращаются за помощью къ историческому изслѣдованію. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ какую нибудь изъ наукъ, не вполнѣ абстрактныхъ, занимающихся какимъ бы то ни было образомъ человѣческими цѣлями, съ которой историку не приходилось бы имѣть дѣло, съ которымъ не приходилось бы, такъ сказать, вступать въ союзъ. Этотъ союзъ не обязательно союзъ оборонительный и наступательный, это союзъ по необходимости, союзъ для общенія, взаимопомощи и взаимнаго удобства. Историкъ долженъ быть твердо убѣжденъ, что его союзникъ будетъ ему очень часто полезенъ; онъ долженъ быть также твердо убѣжденъ, что и самъ онъ можетъ быть полезенъ своему союзнику, и потому то онъ не захочетъ проводить неизмѣнной и опредѣленной границы между своей областью и территоріей союзниковъ. Только очень немногія изъ отраслей знанія не могутъ, хотя бы только время отъ времени, иногда случайно, быть полезными

для уясненія историческихъ вопросовъ; мнѣ думается даже, что подобныхъ отраслей знанія совсѣмъ нѣтъ. Одинъ изъ нашихъ великихъ математиковъ признаетъ, какъ говорятъ, что высшей степенью красоты обладаетъ тотъ предметъ, который никакимъ образомъ не можетъ быть полезенъ кому бы то ни было. Въ такомъ признаніи, несомнѣнно, замѣчается истинно научное направленіе, та истинная любовь къ наукѣ ради нея самой, которой, думается мнѣ, не совершенно чужды и историки; но я увѣренъ, что подобный безполезный предметъ, какъ бы прекраснымъ онъ ни былъ самъ по себѣ, для меня и моихъ лекцій совершенно непригоденъ. Уже одно то обстоятельство, что онъ не можетъ быть полезнымъ кому бы то ни было, уничтожаетъ всякое отношеніе къ той отрасли знанія, которая, надѣюсь, будетъ полезна очень многимъ. Если мое положеніе, что исторія есть политика прошлаго, и политика есть исторія настоящаго, вѣрно, то все, что никогда не можетъ быть полезнымъ кому бы то ни было, находится внѣ предѣловъ нашего изученія. Но такихъ отраслей знанія, такихъ формъ литературы и искусства, безполезность которыхъ были бы съ подобнымъ торжествомъ провозглашена спеціалистами, очень немного. Всякая изъ отраслей науки и искуства, имѣющая какое либо отношеніе къ цѣлямъ человѣческимъ, должна быть признана историкомъ полезной для его отрасли знанія, по крайней мѣрѣ въ возможности. Историку приходится имѣть дѣло съ очень разнообразными предметами и чѣмъ больше отраслей знанія ему доступно, тѣмъ больше онъ пригоденъ для исполненія своего спеціальнаго дѣла. Слѣдуетъ, однако, различать отрасли знанія, могущія быть для него полезными только случайно, отъ тѣхъ, которыя имѣютъ съ исторіей непосредственную связь. Химія, напримѣръ, можетъ случайно объяснить какой нибудь изъ историческихъ вопросовъ и этотъ вопросъ остался бы безъ такого объясненія навсегда темнымъ; очевидно, что историкъ, знакомый съ химіей, будетъ имѣть въ этомъ вопросѣ извѣстныя преимущества предъ историкомъ, съ ней незнакомымъ; но такая помощь настолько случайна, что мы навряд ли будемъ вправѣ посовѣтывать историку въ виду возможности подобной случайности основательно изучать химію; обыкновенно будетъ совершенно достаточно посовѣтываться съ химикомъ, если дѣйствительно встрѣтится подобный случай. Совсѣмъ другое можно сказать о геологіи и о цѣлой группѣ наукъ, имѣющихъ съ ней близкую связь; очевидно, что историкъ, знакомый съ данными такихъ наукъ, лучше исполнитъ свою спеціальную задачу. Методъ изученія ихъ имѣетъ много общаго съ методомъ изученія исторіи, а содержаніе ихъ часто и совсѣмъ не случайно будетъ служить ему помощью. Физическое положеніе страны имѣетъ немаловажное значеніе для ея исторіи; оно часто даетъ ключь къ уразумѣнію политической жизни страны и ея населенія.

По моему мнѣнію очень немногое столь поучительно, какъ изученіе карты Давкинса, на которой изображено то, что можно назвать эскимоской Европой; при взглядѣ на эту карту, мы сразу поймемъ, что изучаемая нами Европейская исторія не могла бы имѣть мѣста въ подобной странѣ. Въ этой Европѣ не было Греціи, Италіи, Даніи, Нидерландовъ и Британіи; въ ней не было рѣкъ, заливовъ, проливовъ, острововъ и полуостововъ, которые составляютъ столь рѣзкое отличіе Европы отъ Азіи и Африки; Средиземное море еще не существовало; два громадныя озера, не соединенныя ни другъ съ другомъ, ни съ океаномъ, не могли сдѣлаться ареной исторіи, подобной исторіи Сидона и Карфагена, Милета, Массаліи и Аѳинъ. Физическій переворотъ, сдѣлавшій возможной греческую жизнь, вызвавшій къ бытію столько колыбелей и очаговъ свободы на островахъ, мысахъ, въ долинахъ, долженъ считаться не просто только физическимъ измѣненіемъ; онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великимъ нравственнымъ и умственнымъ переворотомъ. Я часто говорилъ и другіе, несомнѣнно, также говорили раньше меня, что политическій процессъ, вызвавшій къ бытію холмы при Тибрѣ, менѣе высокіе и болѣе близкіе одинъ къ другому сравнительно съ другими холмами Лаціума, навсегда опредѣлилъ ходъ всемірной исторіи. Этотъ процессъ сдѣлалъ возможными жизнь Рима, его міровое владычество и все то, что было слѣдствіемъ этого владычества; міръ не могъ найти властелина въ городѣ, стоящемъ на холмѣ Tusculum'a, одинаково далекомъ и отъ моря и отъ мутныхъ волнъ Тибра. Исторія человѣка до значительной степени связана съ его мѣстожительствомъ, и мы многимъ обязаны ученымъ, изучающимъ исторію странъ, гдѣ живетъ и жило человѣчество, не какъ простымъ случайнымъ нашимъ пособникамъ, а какъ постояннымъ сотрудникамъ. Тѣ ученые, которые даютъ намъ свѣдѣнія о прежнихъ обитателяхъ этихъ мѣстностей, объ исчезнувшихъ расахъ животныхъ и людей или объ обитателяхъ мѣстностей, теперь уже несуществующихъ, стоятъ къ намъ еще ближе ученыхъ, занимающихся исторіей самихъ мѣстностей. Исчезновеніе льва въ Мендипѣ и въ Немеѣ, по крайнѣй мѣрѣ, настолько же есть часть исторіи Британіи и Эллады, какъ и исчезновеніе тѣхъ древнихъ расъ, которыя жили въ этихъ странахъ до прихода новыхъ расъ, давшихъ имъ ихъ мѣсто среди странъ историческихъ. Близкая связь, по общему признанію существующая между этими науками и исторіей, была причиной того, что со временъ Плинія всѣ эти науки назывались однимъ общимъ именемъ. Во времена моей юности мы еще читали книги по «естественной исторіи» и я не могу иначе, какъ съ одобреніемъ, отнестись къ порядкамъ Шотландскаго университета, въ которомъ «естественная» и «гражданская» исторія преподается съ одной каѳедры. Дѣйствительная связь, существующая между этими науками, доказывается той легкостью, съ которой изу-

чающіе естественныя науки переходятъ къ изученію исторіи. Мнѣ извѣстны, покрайней мѣрѣ, двое изъ ученыхъ — а я, конечно, не могу знать всѣхъ ученыхъ—которые начали съ изученія физическаго строенія земли и потомъ при посредствѣ совершенно естественныхъ переходовъ, пройдя стадіи изученія исчезнувшей животной жизни, изученія теперь существующей животной жизни, изученія первобытнаго и древняго человѣка, пришли къ изученію человѣка, какъ существа общественно-политическаго. Они постепенно переходили отъ безжизненной матеріи къ человѣку, создавшему афинскую демократію и римскую имперію, правовое государство старой Англіи и федеральный союзъ Новой Англіи. Несомнѣнно, что очень трудно разграничить изученіе афинской скалы отъ изученія того, символомъ чего служитъ эта скала. Всѣ эти отрасли знанія, о которыхъ я говорю, если и не отрасли исторіи, то ея ближайшія союзницы. По моему мнѣнію, онѣ покрайней мѣрѣ настолько же близки намъ, людямъ, которые прежде всего должны изучать политическую жизнь арійцевъ, какъ и тѣ отрасли писанной исторіи человѣчества, которыя не могутъ уяснить намъ этой политической жизни. Науки, о которыхъ я говорю, т. е. геологія и другія родственныя ей науки, совершенно неосновательно, по моему мнѣнію, стоятъ въ сторонѣ отъ насъ, рядомъ съ отраслями знанія, методъ которыхъ главнѣйшимъ образомъ опытный. Ихъ содержаніе, также какъ и содержаніе политической исторіи, состоитъ изъ фактовъ, полученныхъ изъ изученія отчетовъ или лѣтописей. Единственное отличіе состоитъ въ сущности фактовъ и въ характерѣ отчетовъ или лѣтописей. Посредствующія отрасли знанія, знакомящія насъ съ фактами, собранными изъ изученія разнообразныхъ отчетовъ, заполняютъ кажущуюся пропасть между этими отраслями знанія.

Эти науки родственны другъ другу, хотя и отдѣльны. Ихъ можно изучать и порознь, хотя лучше изучать въ связи другъ съ другомъ. Нужно сознаться, что въ помощи нѣкоторыхъ изъ нихъ мы нуждаемся больше, чѣмъ онѣ нуждаются въ нашей помощи. Ученый можетъ изучать геологическую исторію страны съ цѣлями часто геологическими, даже не задаваясь вопросомъ о томъ, какія дѣянія были совершены обитателями этой страны, или даже о томъ, жили ли въ ней когда нибудь люди. Когда мы встрѣчаемъ жизнь человѣчества—я не прочь даже сказать: когда мы встрѣчаемъ жизнь животныхъ—мы всегда невольно чувствуемъ желаніе перейти отъ начатковъ жизни и дѣятельности человѣка къ тѣмъ высшимъ стадіямъ этой жизни, которыя породили искуство, литературу и политическую жизнь. Что это искушеніе очень сильно—мнѣ это извѣстно по опыту людей, пришедшимъ къ намъ, въ наше святилище исторіи, именно такимъ путемъ. Тѣмъ не менѣе эти отрасли знанія отдѣльны отъ исторіи и онѣ преслѣдуютъ цѣли, отличныя отъ нашихъ. Онѣ до-

стойны изученія ради нихъ самихъ даже въ томъ случаѣ, еслибы не имѣли никакого отношенія къ исторіи. Кромѣ этихъ наукъ есть еще много отраслей знанія, которыя можно назвать спутницами исторіи; это тѣ отрасли знанія, данныя которыхъ наиболѣе цѣнны для историка, но которыя сами по себѣ, помимо ихъ значенія для историка, кажется, имѣютъ только такой интересъ, какой имѣетъ всякое изслѣдованіе, которому человѣкъ посвящаетъ силы своего ума. Изученіе монетъ, орудій и разнообразныхъ памятниковъ древности, изученіе палеографовъ, какъ спеціальной отрасли знанія, отличной отъ изученія письменъ, какъ отчетовъ о фактахъ исторіи, изученіе генеалогіи, даже изученіе самозванной науки, геральдики—имѣютъ опредѣленное мѣсто въ свитѣ нашей повелительницы, музы исторіи, и мѣсто каждой изъ нихъ полезно и почетно постольку, поскольку онѣ занимаютъ это мѣсто въ свитѣ исторіи. Всѣ эти науки суть отрасли исторіи; въ качествѣ таковыхъ всѣ онѣ, конечно, имѣютъ извѣстное значеніе; если же ихъ считать отдѣльными науками, помимо ихъ отношенія другъ къ другу и къ ихъ общему центру, исторіи, онѣ становятся просто предметомъ празднаго любопытства. Ни одна изъ этихъ второстепенныхъ отраслей исторіи не бросаетъ столько свѣта на ея содержаніе, какъ нумизматика; но простое собираніе монетъ, отдѣльное отъ фактовъ, которые доказываются или уясняются собранными монетами, почти равнозначительно собиранію почтовыхъ марокъ; современемъ и почтовыя марки будутъ также служить для уясненія историческихъ фактовъ, какъ и старыя монеты. Что касается до искуства въ высшемъ смыслѣ этого слова, до живописи, скульптуры, архитектуры,—то всѣ эти отрасли искуства съ одной стороны суть тоже отрасли исторіи, а съ другой отдѣльныя отрасли знанія. Онѣ не только служатъ для уясненія исторіи, но и составляютъ существенную ея часть; тѣмъ не менѣе, помимо ихъ значенія для исторіи, онѣ имѣютъ и свою собственную цѣнность. Статуя, картина, зданіе имѣютъ свою собственную художественную цѣнность даже въ томъ случаѣ, если неизвѣстно ни время ихъ происхожденія, ни имя художника; монета, орудіе или оружіе, ваза и пр. не имѣютъ другаго значенія, кромѣ историческаго, если только они не принадлежатъ къ области живописи, скульптуры или какой либо иной формы искуства. Архитектурныя произведенія народа принадлежатъ къ самымъ важнымъ изъ его историческихъ памятниковъ; онѣ яркимъ свѣтомъ озаряютъ его исторію; съ одной стороны ихъ трудно оцѣнить безъ знанія исторіи народа, создавшаго ихъ; но съ другой стороны, помимо своего историческаго значенія, архитектурныя произведенія имѣютъ самостоятельное значеніе, тогда какъ нумизматика, какъ таковая, внѣ ея отношенія къ исторіи и къ искуству, есть просто забава любителей. Точно также и географія, какъ наука, отдѣльная отъ геологіи, для историка можетъ представляться частью

его науки. Исторія невозможна безъ политической географіи или, вѣрнѣе сказать, политическая географія, разсматриваемая съ этой спеціальной точки зрѣнія, составляетъ существенную часть исторіи. Но политическая географія весьма незамѣтной чертой отдѣляется отъ геологіи и такимъ образомъ мы снова приходимъ къ группѣ наукъ, близко родственныхъ исторіи и тѣмъ не менѣе отдѣльныхъ отъ нее. Географію и хронологію часто называютъ глазами исторіи и, дѣйствительно, безъ нихъ исторія была бы слѣпой. Но обѣ эти отрасли находятся въ довольно различныхъ отношеніяхъ къ наукѣ, для уясненія данныхъ которой онѣ обѣ необходимы. У хронологіи до извѣстной степени имѣется свой особый методъ и ея изученіе предполагаетъ существованіе особаго матеріала, въ которомъ не нуждается прямо и непосредственно человѣкъ, изучающій политическую исторію. Не смотря на это, она есть не только часть исторіи, а даже не имѣетъ другихъ цѣлей и другаго значенія, кромѣ уясненія историческихъ событій при посредствѣ расположенія ихъ въ надлежащемъ порядкѣ и въ извѣстныхъ соотношеніяхъ времени. Географія, наоборотъ, болѣе похожа на различныя формы искуства: съ одной стороны она строго историческая наука, а съ другой она совершенно отдѣльна отъ исторіи. Очевидно, что имѣется нѣчто, что можно назвать географическими предрасположеніями, географическими вкусами, что возможно интересоваться географіей ради ея самой, помимо ея отношенія къ исторіи. Для географіи страна, въ которой, насколько извѣстно, не произошло никакихъ замѣчательныхъ историческихъ событій, можетъ быть столь же любопытной, какъ и Греція или Галлія. На оборотъ, трудно представить себѣ изученіе хронологіи безъ всякаго отношенія, хотя бы и несознаваемаго, къ изученію исторіи.

Въ слѣдующихъ лекціяхъ мнѣ еще придется говорить о нѣкоторыхъ изъ затронутыхъ здѣсь вопросовъ и объ ихъ взаимоотношеніяхъ, а также и объ ихъ отношеніи къ исторіи. Теперь же я намѣренъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о двухъ родственныхъ исторіи научныхъ дисциплинахъ, гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ всѣ вышеупомянутыя, какъ сами по себѣ, такъ и по тому мѣсту, которое они занимаютъ въ системѣ университетскаго образованія. Эти двѣ науки не только имѣютъ непрямое отношеніе между собой, но и находятся въ прямомъ отношеніи къ исторіи, являющейся такимъ образомъ какъ бы посредницей между ними. Изученіе исторіи языка и законовѣденіе только случайно могутъ служить для уясненія одно другаго. Для юриста часто бываетъ необходимо справиться у филолога о первоначальномъ значеніи какого нибудь слова, употребляемаго имъ въ спеціальномъ смыслѣ, какъ техническій терминъ. Процессъ развитія, благодаря которому извѣстныя слова сдѣлались терминами юриспруденціи, часто можетъ дать филологу примѣры того, какимъ

путемъ слова утрачиваютъ свое прежнее значеніе и пріобрѣтаютъ новое. Эти двѣ научныя дисциплины помогаютъ одна другой только случайно; и главное содержаніе каждой изъ нихъ совершенно различно отъ содержанія другой. Но невозможно представить себѣ науку объ языкѣ и законовѣденіе безъ ихъ связи съ исторіей, и точно также невозможно представить себѣ исторіи безъ ея отношенія къ филологіи и законовѣденію. Связь между этими науками постоянная и близкая, заключающаяся въ самой сущности этихъ наукъ; тѣмъ не менѣе только въ послѣдніе годы эта связь сдѣлалась для всѣхъ очевидной, только благодаря великимъ открытіямъ нашего вѣка исторія и двѣ ея союзницы заняли то положеніе среди другихъ наукъ, которое признано за ними въ настоящее время. Наука о правѣ перестала быть эмпирическимъ знаніемъ, наука объ языкѣ съ одной стороны тоже перестала быть эмпирическимъ знаніемъ, а съ другой забавой любителей; обѣ онѣ заняли мѣсто среди другихъ наукъ. Онѣ развивались по мѣрѣ развитія наукъ историческихъ; и въ настоящее время трудно опредѣлить, исторія ли обязана имъ больше или онѣ исторіи. Вообще говоря, наука права и наука объ языкѣ обязаны своимъ научнымъ характеромъ ихъ связи съ исторіей, а эта послѣдняя свой научный характеръ получила совсѣмъ не отъ связи съ этими двумя науками.

Мнѣ незачѣмъ распространяться здѣсь объ историческомъ или, говоря другими словами, о сравнительномъ методѣ изученія филологіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Такое сравнительное изученіе составляетъ, несомнѣнно, одно изъ величайшихъ пріобрѣтеній нашего вѣка, или, вѣрнѣе сказать, вѣка предыдущаго. Только нѣкоторыя изъ отраслей этаго изученія имѣютъ прямое отношеніе къ непосредственной дѣятельности профессора новой исторіи,—но за то эти нѣкоторыя отрасли имѣютъ къ ея дѣятельности самое непосредственное отношеніе. Первый вопросъ, который я задаю себѣ при изученіи исторіи какого нибудь народа—и на этотъ вопросъ не всегда легко отвѣтить—таковъ: на какомъ языкѣ говорилъ этотъ народъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ болѣе, чѣмъ что либо, можетъ дать намъ ясное представленіе о томъ, что мы называемъ обыкновенно національностью. Онъ предшествуетъ другимъ, непосредственно слѣдующимъ за нимъ вопросамъ: о способѣ веденія войны извѣстнымъ народомъ, о его законодательствѣ, о его религіи, о его положеніи, какъ политическомъ, такъ и религіозномъ и моральномъ. Но именно на этотъ первый вопросъ чаще всего бываетъ трудно отвѣтить, такъ какъ въ этомъ случаѣ намъ обыкновенно приходится имѣть дѣло съ непрямыми и случайными указаніями. Очень рѣдко свидѣтели, доставляющія намъ свѣдѣнія о рѣчахъ или разговорахъ историческихъ дѣятелей, находятъ нужнымъ сообщить, на какомъ языкѣ эти дѣятели говорили. Когда въ странѣ употребляется только

одинъ языкъ, то, конечно, признается за доказанное, что именно на этомъ языкѣ и говорила историческая личность, о которой разсказывается; въ томъ же случаѣ, когда въ странѣ употреблялись два или три языка, иногда прямо упоминается объ этомъ. Но даже и въ этомъ случаѣ бываетъ такъ, что каждый изъ употреблявшихся въ странѣ языковъ имѣлъ свою особую сферу распространенія, такъ что приходится, какъ и въ первомъ случаѣ, предполагать употребленіе того или другаго языка, какъ нѣчто само собой разумѣющееся. Такъ, напр., намъ извѣстно, что во второй половинѣ XII вѣка въ Англіи говорили на латинскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. О нѣкоторыхъ изъ историческихъ личностей, вродѣ епископа Жильберта Фоліота, разсказываютъ, что они говорили на всѣхъ этихъ языкахъ; но при этомъ очень рѣдко сообщается, на которомъ изъ нихъ Жильбертъ Фоліотъ или кто либо иной изъ историческихъ дѣятелей говорилъ при извѣстномъ частномъ случаѣ. Мы должны строить предположенія на основаніи условій даннаго случая и на основаніи того, къ какому классу населенія обращался историческій дѣятель. Точно также въ V вѣкѣ латинскій или, по крайней мѣрѣ, романскій языкъ и франкская форма германскаго языка употреблялись одновременно въ большей части Галліи и намъ постоянно приходится задавать себѣ вопросы: на какомъ языкѣ разговаривали другъ съ другомъ романскіе епископы и франкскіе короли? Это приводитъ насъ къ соображеніямъ, очень важнымъ для нашихъ настоящихъ цѣлей. Каково бы ни было положеніе дѣлъ, при которомъ одновременно употреблялись два языка, намъ извѣстно, каковы были слѣдствія его чрезъ нѣсколько вѣковъ, когда одинъ изъ этихъ языковъ подъ вліяніемъ другаго преобразовался въ языкъ, который можно признать третьимъ языкомъ, отличнымъ отъ двухъ первоначальныхъ. Недавно въ рѣчи несомнѣннаго знатока въ своей спеціальной отрасли знанія, лорда Ралейга, произнесенной имъ при открытіи засѣданій Британской Ассоціаціи въ Монреалѣ, я встрѣтилъ предложеніе,—далеко, впрочемъ не новое—замѣнить въ нѣкоторыхъ случаяхъ изученіе греческаго и латинскаго языковъ французскимъ и нѣмецкимъ. Подобное предложеніе могло быть сдѣлано только при полномъ забвеніи того, что такое настоящее научное изученіе языка. Несомнѣнно, что возможны случаи, когда молодой человѣкъ, не особенно способный къ изученію греческой или латинской грамматики, легко можетъ выучиться говорить по французски точно также, какъ онъ могъ бы легко выучиться говорить по гречески, если бы его учили этому языку по такому методу, чтобы онъ выучился только говорить на немъ—но дѣло то совсѣмъ не въ томъ; часто утверждаютъ нѣчто, совершенно отличное отъ такого несомнѣнно вѣрнаго предположенія; утверждаютъ, будто нѣмецкій и французскій языки можно сдѣлать столь же полезными для умственной дисциплины,

какъ латинскій и греческій. Для всякаго, сколько нибудь знакомаго съ отношеніями языковъ другъ къ другу, понятно, что въ этомъ отношеніи нѣмецкій языкъ весьма отличается отъ французскаго и что вообще каждый языкъ полезенъ и поучителенъ до извѣстной степени. Я скажу только нѣсколько словъ о французскомъ языкѣ. Относительно его я долженъ сказать тоже, что говорилъ о политической исторіи. Нужно сломать мѣшающія намъ перегородки и признать единство двухъ отраслей науки. Я спрошу любаго старомоднаго тутора или школьнаго учителя, какимъ образомъ возможно изучать латинскій языкъ безъ французскаго, чтобы это изученіе было настоящей умственной дисциплиной; совершенно такой же вопросъ, какимъ образомъ изучать французскій языкъ безъ латинскаго, я задамъ и философу-новатору. Несомнѣнно, что первый изъ нихъ можетъ сдѣлать изъ своего ученика изящнаго схоластика стараго типа, способнаго писать элегіи и цитировать Горація съ гораздо большей легкостью, чѣмъ это можетъ сдѣлать историкъ—филологъ, а второй сдѣлаетъ изъ своего ученика практическаго дѣловаго или свѣтскаго человѣка, умѣющаго говорить по французски съ такой легкостью, что поразитъ филолога. Эта послѣдняя способность, несомнѣнно, весьма практична и имѣетъ извѣстную цѣнность въ жизни, а первая можетъ считаться очень красивой. Но для умственной дисциплины требуется кое что побольше и поглубже. Если мы хотимъ изучать латинскій или французскій языки хоть сколько нибудь научно, т. е. исторически, по методу, который имѣлъ бы значеніе умственной дисциплины, мы должны изучать ихъ не какъ отдѣльные и независимые другъ отъ друга языки, а какъ болѣе древнюю и болѣе новую стадію одного и того же языка. Наше изученіе латинскаго языка будетъ недостаточнымъ, если мы не будемъ знать, какимъ путемъ онъ преобразовался во французскій и другіе романскіе языки. Точно также изученіе французскаго языка, при которомъ мы не узнаемъ, какъ онъ получилъ свое начало отъ латинскаго или, по крайней мѣрѣ, отъ романскаго, теперь уже не употребляющагося, какъ разговорный языкъ, не будетъ изученіемъ, а просто эмпирическимъ знаніемъ безъ прочнаго основанія. Человѣкъ, познакомившійся съ процессомъ, при посредствѣ котораго латинскій языкъ преобразовался во французскій или въ другіе романскіе языки, не только усвоиваетъ множество любопытныхъ и поучительныхъ свѣдѣній, но и пріобрѣтаетъ умственную дисциплину, которую мы, несомнѣнно, должны назвать научной. Онъ пріобрѣтаетъ полезную опытность въ искуствѣ слѣдовать вѣрнымъ аналогіямъ и открывать невѣрность ложныхъ; онъ выучивается приводить извѣстныя явленія, которыя съ перваго взгляда могутъ представляться случайными, къ опредѣленнымъ правиламъ, хотя и не столь вѣрнымъ, какъ геометрическія, но во всякомъ случаѣ столь же достовѣрнымъ, какъ тѣ правила, которыми

мы руководствуемся въ нашей обыденной жизни, какъ частной, такъ и общественной. Вѣроятность, что въ чисто французскомъ словѣ латинское c предъ a превратится во французское ch, конечно, не будетъ столь велика, какъ вѣчная истина, что три угла треугольника равны двумъ прямымъ, но она на столько же велика, какъ основанная на продолжительномъ опытѣ вѣроятность, что государственный кредиторъ получитъ проценты съ денегъ, помѣщенныхъ въ государственныхъ бумагахъ.

Въ чемъ же состоитъ различіе между научнымъ и эмпирическимъ изученіемъ языка, между случайными догадками о происхожденіи и взаимныхъ отношеніяхъ словъ и свѣдѣніями объ ихъ происхожденіи и отношеніяхъ, уступающими по своей достовѣрности только математическимъ даннымъ? Это различіе обусловливается, конечно, только присутствіемъ или отсутствіемъ историческаго метода изученія. Я называю историческимъ методомъ изученія языка не только уясненіе его исторіи при посредствѣ историческихъ свидѣтельствъ, я говорю о настоящемъ историческомъ методѣ изученія, при помощи свидѣтельствъ или безъ нихъ; и при отсутствіи этихъ историческихъ свидѣтельствъ можно сдѣлать многое такое, что будетъ по сущности своей историческимъ. Геологъ и безъ помощи историческихъ свидѣтельствъ опредѣляетъ, что одна изъ доисторическихъ формацій древнее другой; палеонтологъ тоже безъ помощи отчетовъ опредѣляетъ, что такой-то видъ исчезнувшаго животнаго древнѣе другого вида. Обращаясь къ исторіи, мы видимъ, что антикварій, можетъ, не будучи знакомъ съ отчетами, безъ знанія послѣдовательности различныхъ архитектурныхъ стилей, распредѣлить отдѣльныя части зданія въ надлежащемъ порядкѣ на основаніи метода постройки. Тоже можно сказать и объ исторіи учрежденій. Человѣкъ, привыкшій къ историческимъ изслѣдованіямъ, но не имѣющій никакихъ свѣдѣній о Римской исторіи, кромѣ тѣхъ свѣдѣній, что одинъ изъ римскихъ сановниковъ именовался interrex, другой rex sacrorum, что домъ третьяго сановника назывался regia, что у римлянъ былъ праздникъ, называвшійся regifugium, будетъ въ состояніи сдѣлать выводъ, достовѣрность котораго уступаетъ только математической, что было время, когда въ Римскомъ государствѣ правили цари. Въ подобныхъ случаяхъ основательный историческій выводъ можетъ быть сдѣланъ и безъ помощи историческихъ свидѣтельствъ, хотя обыкновенно эти свидѣтельства необходимы, не только для подтвержденія вывода, а и для большей его точности и опредѣленности. Геологи и палеонтологи не нуждаются въ отчетахъ; эпохи, съ которыми они имѣютъ дѣло, измѣряются не какими либо свѣдѣніями о консулахъ и царяхъ и тѣмъ не менѣе ихъ выводы—выводы историческіе. Тоже можно сказать и объ языкѣ. Возьмите напр. филолога, очень свѣдущаго въ своей отрасли знанія, но столь же мало знающаго о латинскомъ и

французскомъ языкахъ, какъ большинство изъ насъ знаетъ объ языкахъ средней Азіи. Если ему сообщить разныя измѣненія этихъ языковъ во всей ихъ полнотѣ, не сообщая ни датъ, ни названій странъ и народовъ, онъ будетъ въ состояніи расположить эти измѣненія въ надлежащемъ порядкѣ и опредѣлить послѣдовательность стадій, чрезъ посредство которыхъ позднѣйшія формы языка произошли отъ болѣе древнихъ; онъ будетъ въ состояніи опредѣлить настоящее отношеніе языка A къ языку B; отчеты могли бы только сообщить ему, какъ именно называются эти языки, какіе народы говорили на нихъ, когда, гдѣ и какъ произошли событія, поставившія эти языки въ тѣ отношенія, какія существуютъ между ними въ настоящее время. Оставляя въ сторонѣ геолога и палеонтолога, которые могутъ уяснить себѣ поставленные ими вопросы совсѣмъ безъ помощи какихъ либо отчетовъ, очевидно, что хотя изслѣдователи исторіи архитектуры, изслѣдователи исторіи учрежденій и изслѣдователи исторіи языка и могутъ придти къ основательнымъ выводамъ при посредствѣ своихъ собственныхъ методовъ безъ помощи исторіи, они не могутъ, однако, безъ ея помощи, безъ помощи историческихъ отчетовъ, достичь такого полнаго и точнаго знанія, какое они получаютъ только при ихъ помощи.

Относительно двухъ первыхъ родовъ изслѣдованій нѣтъ надобности входить въ какія либо разъясненія; наука архитектурнаго антикварія и наука конституціоннаго антикварія составляютъ отрасли исторіи. Изслѣдователи этихъ научныхъ дисциплинъ считаютъ себя особенно счастливыми, если все, что имъ нужно знать, всѣ выводы, къ которымъ они приходятъ, они найдутъ записанными въ какомъ нибудь историческомъ свидѣтельствѣ; и тѣмъ не менѣе возможно, что они дѣйствительно найдутъ такое свидѣтельство. Но большая часть открытій и выводовъ филолога такого рода, что они не могутъ быть записаны въ какой нибудь лѣтописи, такъ что ему самому приходится дѣлать открытія и выводы безъ помощи лѣтописи. Филологъ замѣчаетъ, что при превращеніи латинскаго языка во французскій с передъ a переходитъ въ ch, но въ переходное время, навѣрное, никто не записывалъ, когда и почему вмѣсто campus начали говорить: champs и champ. Такимъ образомъ, филологъ гораздо болѣе, чѣмъ изслѣдователь древностей и конституцій, долженъ быть ученымъ, дѣлающимъ открытія. Въ этомъ и состоитъ различіе между наукой объ языкѣ и такими научными дисциплинами, какъ историческое изученіе архитектуры. Подъ этимъ послѣднимъ я понимаю изученіе самихъ зданій, совершенно независимо отъ ихъ значенія для исторіи искусства, или по крайней мѣрѣ такое изученіе, которое пользуется исторіей искусства только какъ средствомъ для опредѣленія времени постройки зданія. Изслѣдованія, въ которыхъ покойный профессоръ Виллисъ былъ такимъ выдающимся мастеромъ, настолько же часть

исторіи, какъ и изученіе монетъ и орудій или другія вспомогательныя отрасли исторіи, о которыхъ мы упоминали выше. Наука объ языкѣ, наоборотъ, есть нѣчто большее, чѣмъ просто отрасль исторіи. Эта одна изъ наукъ, родственныхъ и притомъ самыхъ близкихъ къ исторіи. Это одна изъ наукъ, у которой исторія дѣлаетъ постоянныя заимствованія и которая въ свою очередь тоже дѣлаетъ постоянныя заимствованія у исторіи; и тѣмъ не менѣе наука о языкѣ есть совершенно отдѣльная отрасль знанія. Вообще она примѣняетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ историческій методъ, но сама по себѣ она не просто историческая наука, а нѣчто большее; она вступаетъ въ такія области, гдѣ этотъ историческій методъ непримѣнимъ. Филологи признаютъ свою науку принадлежащей къ разряду наукъ физическихъ; я не буду говорить о правильности или неправильности подобнаго утвержденія; но несомнѣнно, что если филологія физическая наука, то вмѣстѣ съ тѣмъ она и нѣчто большее; точно также она историческая наука и притомъ нѣчто другое. Ее можно считать однимъ изъ звеньевъ, соединяющихъ науки физическія съ науками историческими; она отмѣчаетъ и классифицируетъ не одни только явленія природы, но и дѣйствія свободной воли человѣка, потому что масса безсознательныхъ, но не принудительныхъ дѣйствій безчисленнаго количества людей, дѣйствій, составляющихъ то, что мы называемъ измѣненіемъ, ростомъ, развитіемъ, преобразованіемъ языка, въ сущности говоря, есть аггрегатъ безконечнаго количества актовъ человѣческой воли. Исторія языка есть отчетъ о физическихъ фактахъ, но такихъ физическихъ фактахъ, которые управляются дѣятельностью личностей; потому она есть отчетъ о человѣческихъ дѣйствіяхъ, а стало быть составляютъ часть исторіи. Даже въ томъ случаѣ, если бы наука объ языкѣ не опиралась на писанныя историческія свидѣтельства—а она должна на нихъ опираться для болѣе полнаго достиженія своихъ цѣлей—она все же была бы наукой исторической, ея открытія слѣдуетъ излагать, какъ часть историческихъ фактовъ.

Каждая изъ этихъ двухъ наукъ, — исторія въ строгомъ смыслѣ этого слова и наука объ языкѣ,—употребляютъ одни и тѣ же методы; у нихъ имѣется одно общее поле изслѣдованія; знатокъ одной изъ нихъ долженъ не мало поработать, чтобы сдѣлаться знатокомъ другой. Не обладая значительными свѣдѣніями въ филологіи, невозможно надлежащимъ образомъ понимать исторію и наоборотъ, не обладая значительными свѣдѣніями по исторіи, невозможно надлежащимъ образомъ понять филологію. Какъ историку, такъ и филологу приходится изучать родственную ему науку настолько, насколько это необходимо для уясненія его собственной и даже можетъ быть, необходимо изучить ее еще болѣе основательно. Даже въ томъ случаѣ, когда историкъ или филологъ ограничится при изученіи родственной

науки только необходимымъ для уясненія своего предмета, имъ придется поработать не мало. Я сейчасъ скажу нѣсколько словъ о разницѣ изученія предмета ради него самаго отъ его изученія съ цѣлью уясненія другаго предмета. У историка и у филолога имѣется одно довольно большое общее имъ поле изученія, но у каждаго изъ нихъ имѣется кромѣ того и своя собственная территорія, въ которую другой не пожелаетъ вторгаться. Настоящій историкъ, считающій полемъ своихъ изслѣдованій весь міръ, чувствующій себя одинаково дома во всякомъ вѣкѣ и во всякой странѣ, можетъ, конечно, стремиться къ изученію всѣхъ стадій развитія, всѣхъ формъ всѣхъ языковъ, но большинство историковъ изучаютъ какой-нибудь одинъ историческій періодъ и полагаютъ, что о другихъ достаточно знать столько, сколько необходимо для опредѣленія ихъ истиннаго отношенія другъ къ другу и къ періоду, избранному для спеціальнаго изученія. Въ этомъ случаѣ можно выставить такое правило: въ то время какъ настоящій филологъ долженъ заниматься всѣми языками (хотя онъ не обязанъ быть знатокомъ всѣхъ языковъ и изучить основательно долженъ только нѣкоторые изъ нихъ, причемъ онъ долженъ знать общее отношеніе всѣхъ языковъ между собой), историкъ, пользующійся филологіей только для уясненія исторіи, долженъ заниматься языками, необходимыми для уясненія отраслей исторіи, избранныхъ имъ для спеціальнаго изученія. Онъ можетъ даже относиться индиферентно къ общимъ отношеніямъ тѣхъ языковъ, которые не представляются ему необходимыми для его спеціальныхъ изслѣдованій. Для большинства историковъ будетъ совершенно достаточно имѣть основательныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ (и нѣкоторыя общія свѣдѣнія о всѣхъ) изъ различныхъ формъ греческаго, латинскаго и тевтонскаго языковъ, а также нѣкоторыя общія свѣдѣнія объ отношеніи другихъ европейскихъ языковъ и нѣкоторыхъ изъ не европейскихъ, находящимися съ первыми въ какой нибудь исторической связи. Само собой понятно, что чѣмъ больше историкъ знаетъ языковъ, тѣмъ лучше. Историкъ, соединяющій съ знаніемъ греческаго, латинскаго и тевтонскаго языковъ знаніе языковъ кельтскаго, славянскаго, литовскаго или арабскаго, даже знаніе болѣе грубыхъ языковъ, турецкаго и мадьярскаго, конечно не будетъ сожалѣть, что въ свой историческій арсеналъ онъ собралъ такое количество довольно необычныхъ орудій. Для историка, работающаго въ другихъ отрасляхъ нашей науки, настолько же необходимо знаніе другихъ языковъ, насколько для насъ необходимо знаніе языковъ европейскихъ; во всякомъ случаѣ всѣ ученые, поставившіе себѣ цѣлью изученіе исторіи, а не языка, вѣроятно, будутъ заниматься только тѣми языками, у которыхъ есть какая нибудь исторія, какая нибудь литература. Я вполнѣ понимаю, однако, что для филолога языкъ какого нибудь дикаго племени, у котораго нѣтъ никакихъ

памятниковъ письменности, никакихъ историческихъ лѣтописей, которое даже незнакомо съ алфавитомъ, можетъ быть настолько же интереснымъ и поучительнымъ, какъ языки греческій или готскій. Даже относительно тѣхъ языковъ, изученіе которыхъ необходимо и для историка и для филолога, можно сказать, что каждый изъ этихъ ученыхъ будетъ смотрѣть на нихъ съ различной точки зрѣнія. Для филолога всего важнѣе грамматическія формы; словарь для него дѣло второстепенное; написанное на какомъ нибудь языкѣ сочиненіе имѣетъ для него главнымъ образомъ значеніе по столько, по сколько оно уясняетъ филологическія данныя; для историка, наоборотъ, грамматическія формы сравнительно не важны, онѣ имѣютъ для него значеніе только въ томъ случаѣ, если уясняютъ нѣкоторыя изъ явленій самого языка или отношенія къ другимъ языкамъ; его главнымъ образомъ интересуетъ словарь языка и особенно въ томъ случаѣ, если на этомъ языкѣ имѣется, хотя бы и не историческія сочиненія въ настоящемъ смыслѣ этого слова, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя записанныя или переданныя преданіемъ историческія свидѣтельства. Однимъ словомъ, для филолога всякій языкъ драгоцѣненъ самъ до себя; для историка же любопытенъ только тотъ или другой языкъ и притомъ только, какъ достояніе—можно сказать самое важное и отличительное достояніе—народовъ, исторіей которыхъ онъ занимается. Для одного изъ нихъ цѣнно само по себѣ всякое филологическое явленіе, а для другаго важны только тѣ филологическія явленія—хотя конечно количество ихъ весьма значительно—которыя могутъ уяснить общую исторію народовъ.

Такимъ образомъ, кромѣ сферы, общей историку и филологу, сферы, для обоихъ одинаково знакомой, хотя не одинаково каждымъ изъ нихъ эксплоатируемой, имѣется другая, знакомая только филологу и въ которую историкъ не вторгается. У этого послѣдняго имѣется также своя спеціальная сфера, ни сколько не интересная для филолога. До тѣхъ поръ, пока историкъ и филологъ занимаются вопросомъ о переселеніяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ народовъ, они стоятъ на общей имъ обоимъ почвѣ; но историка нисколько не интересуютъ нѣкоторыя отрасли филологическихъ изслѣдованій, а филолога не могутъ интересовать разныя интересныя для историка подробности, военныя, политическія и другія. Эти подробности могутъ интересовать филолога только въ томъ случаѣ, если онѣ какимъ либо образомъ уясняютъ филологическіе вопросы. Для него главный интересъ слова parliament состоитъ въ его созвучіи со словомъ parable. Подобнымъ образомъ онъ можетъ уяснить исторію всѣхъ техническихъ терминовъ, которые приходится употреблять въ исторіи, но для него самаго исторія словъ гораздо интереснѣе исторіи событій.

Слѣдуетъ замѣтить, что только вполнѣ развитая современная филологія можетъ быть полезной помощницей исторіи; устарѣлый типъ

классическаго обученія, дѣлавшій по мнѣнію педантовъ изъ человѣка ученаго и джентельмена, не особенно полезенъ для цѣлей изученія исторіи. Странная любовь къ писателямъ не многихъ произвольно избранныхъ вѣковъ не мало способствовала образованію презрительнаго отношенія не только къ сочиненіямъ другихъ вѣковъ, но и къ ихъ исторіи. Было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно, читать нелѣпости греческихъ и итальянскихъ писателей узкой классической школы. Смѣшно видѣть, какъ высоко цѣнится самая ничтожная подробность, какъ восторгаются самой незначительной реликвіей любимаго историческаго періода, тогда какъ сцены и останки самыхъ важныхъ событій всемірной исторіи оставляются безъ вниманія, существующіе памятники пренебрегаются или даже разрушаются только по той причинѣ, что они принадлежатъ вѣкамъ, или предшествовавшимъ излюбленнымъ историческимъ періодамъ или слѣдовавшимъ за ними. Узкій классикъ, порѣшившій, что нѣкоторые языки мертвы, считаетъ даже дерзостью съ ихъ стороны, что они осмѣливаются доказывать, что они не совсѣмъ умерли. Онъ съ удивленіемъ смотритъ на живучесть греческихъ и латинскихъ языковъ въ теченіи многихъ вѣковъ послѣ того, какъ онъ осудилъ ихъ на смерть. Не менѣе забавно видѣть смущеніе узкаго антикварія—классика при видѣ чудесъ Спалато и Равенны, при видѣ великихъ зданій, никакъ не укладывающихся въ узкія, искуственно созданныя имъ рамки и открывающихъ путь къ развитію искусствъ послѣдующей эпохи. Дѣйствительно, только тогда въ наукѣ настанетъ ясный день, когда слово «классическій» будетъ изгнано изъ наукъ объ языкѣ и объ искусствѣ и когда эти науки можно будетъ изучать безъ всякихъ препятствій, ставимыхъ не имѣющими смысла и давно разрушенными перегородками. Широкія изслѣдованія сравнительной школы взаимно обусловливаются во всѣхъ отрасляхъ знанія; всѣ они, изслѣдованія объ языкѣ, объ искусствѣ, о политической исторіи, получаютъ жизненность отъ метода, исключающаго произвольныя разграниченія и пользующагося свидѣтельствомъ всѣхъ странъ и всѣхъ эпохъ. Ограниченность схоластика, также какъ ограниченность антикварія, можетъ считаться враждебной изученію исторіи; но въ современной филологіи и другихъ отрасляхъ знанія, слѣдующихъ примѣру филологіи, исторія видитъ союзницъ, безъ помощи которыхъ ей было бы трудно исполнить задачу, исполнить которую ей необходимо въ настоящее время.

Однимъ словомъ, въ отношеніи между исторіей и филологіей мы видимъ прекрасный образчикъ того братства, какое должно существовать между двумя отраслями знанія, отличными по сущности, но имѣющими много общаго по содержанію и методу. Трудно представить себѣ двѣ отдѣльныя отрасли изученія, столь родственныя и притомъ столь равныя по своему значенію, какъ настоящая исторія и

настоящая филологія. Тѣмъ не менѣе очевидно, что филологія больше нуждается въ помощи исторіи, чѣмъ исторія въ ея помощи. Лишите исторію помощи филологіи и получится громадный пробѣлъ; если бы мы были вынуждены изучать исторію безъ знанія языковъ той страны, изученіемъ исторіи которой мы занимаемся, если бы у насъ не было другихъ свѣдѣній объ этихъ языкахъ, кромѣ неясныхъ представленій и не было бы пониманія ихъ научныхъ отношеній, мы конечно почувствовали бы себя лишенными одного изъ органовъ историческаго зрѣнія; мы лишились бы одной изъ поучительнѣйшихъ, можетъ быть даже самой поучительной изъ отраслей нашей науки; мы подвергались бы опасности впасть въ самыя грубыя заблужденія относительно всемірной исторіи. Извѣстно, какія затрудненія проистекаютъ изъ ошибокъ относительно исторіи языковъ, употреблявшихся въ той или другой странѣ въ ту или другую эпоху. Многіе, я полагаю, и теперь еще думаютъ, что Карлъ Великій говорилъ по французски совершенно также, какъ многіе думаютъ еще и теперь, что земля плоска. Не за чѣмъ разъяснять, насколько подобныя мнѣнія могутъ извратить всѣ представленія объ исторіи Европы. Я укажу только на то, что обыкновенное знаніе языка не даетъ гарантіи противъ подобныхъ заблужденій. Въ подобныхъ случаяхъ историкъ нуждается въ такихъ свѣдѣніяхъ, которыя должны быть отнесены къ области филологіи. Онъ нуждается въ старательномъ изученіи всѣхъ показаній, какія только можетъ дать языкъ, и въ пониманіи значенія этихъ показаній. Аддисонъ изобразилъ своего Фарамонда говорящимъ по французски и я думаю, что если бы онъ заглянулъ въ Эйнгарда, то принялъ бы слова послѣдняго, что великій императоръ говорилъ «lingua patria, id est Francica» за доказательство—если только ему могли придти въ голову какія либо сомнѣнія по этому поводу—что magnus et pacificus Romanorum Imperator говорилъ совершенно также, какъ говорилъ современный Аддиссону Rex Christianissimus.

Историкъ всегда могъ бы впасть въ подобныя ошибки, если бы ему на всякомъ шагу не помогало изученіе языка, и тѣмъ не менѣе филологія еще болѣе нуждается въ помощи исторіи. Безъ филологіи исторія была бы весьма несовершенной, но она все-таки могла бы существовать и исполнять нѣкоторыя изъ своихъ функцій. Мы могли бы изучать политическія событія и дѣлать политическіе выводы даже въ томъ случаѣ, если бы не имѣли никакихъ свѣдѣній объ языкѣ народовъ, учрежденія которыхъ мы изучаемъ; наша работа была бы очень несовершенной и часто очень неточной, но сущность историческаго изслѣдованія оставалась бы неизмѣнной. Мнѣ случилось читать сочиненіе о римской исторіи, авторъ котораго такъ плохо зналъ латинскій языкъ, что по его мнѣнію plebs есть множественное число слова pleb, что каждый плебей именовался pleb, а всѣ плебеи вмѣстѣ составляли plebs. Не смотря на подобное невѣжество, этотъ авторъ

понималъ политическія отношенія между патриціями и плебеями яснѣе и основательнѣе, чѣмъ многіе ученые, гораздо лучше его знакомые съ филологіей. Наоборотъ, трудно представить себѣ изученіе филологіи безъ помощи исторіи, во всякомъ случаѣ такое изученіе было бы совершенно отлично отъ современнаго. При подобныхъ условіяхъ филологія могла бы занять то положеніе, на которое она выставляетъ притязанія; она могла бы сдѣлаться одной изъ физическихъ наукъ, но и тогда она, насколько я могу судить, находилась бы въ очень невыгодныхъ условіяхъ сравнительно съ другими физическими науками и это обусловливается различіемъ между науками, имѣющими дѣло съ явленіями природы и наукой, имѣющей дѣло съ дѣйствіями человѣка. Филологія, какъ чисто физическая наука, при отсутствіи историческихъ данныхъ, конечно, не могла бы располагать явленія въ извѣстномъ порядкѣ послѣдовательности, какъ это могутъ дѣлать другія физическія науки, для полнаго развитія которыхъ историческія данныя не являются необходимостью.

Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи находится исторія къ другой родственной ей наукѣ, къ законовѣденію. Есть одно существенное различіе этой послѣдней отъ исторіи и филологіи, а также отъ большинства другихъ родственныхъ имъ отраслей знанія. Люди занимаются законовѣденіемъ не ради самаго изученія и даже не ради не прямыхъ результатовъ изученія; законовѣденіе есть отрасль знанія практическая; изученіе законовъ есть практическое дѣло, необходимое иногда для всякаго, хочетъ онъ этого или нѣтъ. Люди, занимающіеся другими отраслями знанія, могутъ полагать, что ихъ занятія случайно могутъ оказаться нужными для практическихъ цѣлей; иногда они могутъ даже думать, что эти занятія принесутъ имъ извѣстныя выгоды. Законовѣденіе же безъ его практическаго примѣненія совсѣмъ не могло бы существовать; оно изучается прежде всего для практическихъ цѣлей, причемъ, конечно, не забывается и личная выгода изучающихъ эту науку. Нѣкоторыя изъ отраслей знанія въ иныхъ случаяхъ могутъ сдѣлаться профессіей; законовѣденіе же есть прежде всего профессія; всѣ другія стороны этой науки случайны и второстепенны; та сторона законовѣденія, которая дѣлаетъ его знаніемъ, предметомъ подлежащимъ научному изученію, не составляетъ его первоначальной и главной цѣли. Это, скорѣе, изотерическая сторона изученіе и занятіе ей есть нѣкоторая роскошь, которой не обладали многіе изъ самыхъ извѣстныхъ юристовъ. Съ другой стороны можно считать изученіе права одной изъ отраслей исторіи; можно опредѣлить его, какъ изученіе учрежденій для практическихъ цѣлей, но именно практическія цѣли и дѣлаютъ правовѣденіе наукой, не принадлежащей къ чисто историческимъ наукамъ. Благодаря этимъ цѣлямъ, при изученіи права появляются нѣкоторыя спеціальныя техническія подробности, свойственныя только этой

наукѣ, но съ другой стороны тѣ же цѣли обусловливаютъ переходъ отъ изученія существующаго права къ изученію права идеальнаго, къ изученію права, какимъ оно должно бы быть. Тѣмъ не менѣе одна сторона правовѣденія: знаніе существующихъ законодательствъ, знаніе времени, мѣста, условій, мотивовъ и результатовъ этихъ законодательствъ, есть наука чисто историческая, ее слѣдуетъ изучать также, какъ и всѣ другія историческія науки, при помощи историческаго метода. Профессіональный юристъ всего чаще ошибается именно тогда, когда онъ не желаетъ смотрѣть на свой предметъ съ исторической точки зрѣнія, когда онъ не хочетъ принять во вниманіе свидѣтельства исторіи и предпочитаетъ свой техническій жаргонъ фактамъ. Но въ настоящее время и въ этомъ отношеніи замѣчается столь же опредѣленный прогрессъ, какъ относительно изученія языка. Въ обѣихъ наукахъ прогрессъ, совершившійся въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, былъ громаднымъ. Въ настоящее время пропасть, отдѣляющая Блэкстона отъ Мэна и Поллока, уже засыпана. Узкая классическая ученость была врагомъ исторіи, но узкая профессіональная юриспруденція была ея врагомъ еще болѣе ожесточеннымъ. Узкая классическая ученость въ самомъ худшемъ случаѣ была только ограниченностью; она была не настоящей ученостью, занималась она только незначительною частью своей сферы изученія; но то, что она изучала, она изучала хорошо и основательно. Она отказывалась отъ изслѣдованія всѣхъ подлежащихъ ея изученію фактовъ, но нѣкоторое количество ихъ она изучала основательно. Ее этимологія была нелѣпа, но это было слѣдствіемъ отсутствія научныхъ пріемовъ. Вообще говоря, она давала все таки часть истины. Она не накапливала громадной массы заблужденій, чѣмъ, собственно говоря, занималось въ теченіе многихъ поколѣній большинство профессіональныхъ юристовъ. Полное невѣжество представляетъ значительныя выгоды сравнительно съ тѣмъ вреднымъ полузнаніемъ, съ которымъ юристъ, принадлежавшій къ разряду юристовъ, надѣюсь, наконецъ вымирающему, имѣлъ обыкновеніе относиться къ главнѣйшимъ фактамъ англійской исторіи. Гораздо лучше не знать ничего, чѣмъ знать все шиворотъ на выворотъ. Легко исписать листъ бѣлой бумаги и гораздо труднѣе воспользоваться палимпсестомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ юристы того разряда, о которомъ я говорю, полагали, что наслѣдственная королевская власть существовала искони, а наслѣдственный владѣлецъ помѣстья ведетъ свое начало съ такихъ древнихъ временъ, что существовавшій искони король могъ воспользоваться только одной или двумя минутами, чтобы пожаловать ему это помѣстье. Смущеніе Блэкстона, исходившаго изъ апріорной доктрины, будто англійская корона была всегда наслѣдственной и натолкнувшагося на факты, свидѣтельствующіе о томъ,

что она была когда-то избирательной, было бы очень забавно, если бы оно не породило много серьезныхъ заблужденій. Блэкстонъ честенъ и не уклоняется отъ признанія фактовъ, но въ его глазахъ изрѣченія его предшественниковъ юристовъ имѣютъ большее значеніе, чѣмъ факты. Лучше извратить факты и дать имъ какое нибудь совершенно неестественное толкованіе, чѣмъ осмѣлиться сказать хоть одно слово противъ непогрѣшимой традиціи, идущей не отъ особенно древнихъ учителей, считать которыхъ за оракуловъ Блэкстонъ признаетъ своей профессіональной обязанностью. Что касается до владѣльца помѣстья, то въ послѣдующихъ лекціяхъ я буду говорить о немъ и о нѣкоторыхъ доктринахъ, еще болѣе странныхъ, чѣмъ доктрины юристовъ. Юристы, конечно, невѣрно излагали его исторію, но, по крайней мѣрѣ они сохранили самый основной фактъ его исторіи. Они по крайней мѣрѣ знали, что помѣстье предполагаетъ свободныхъ арендаторовъ (tenants); человѣкъ, хорошо изучившій свои юридическія книжки, не увлечется новымъ безумнымъ ученіемъ, будто помѣстье (manor) необходимо предполагаетъ крѣпостныхъ (bondmen) и совершенно исключаетъ существованіе свободныхъ арендаторовъ.

Вообще я полагаю, что чисто профессіональный юристъ по своему настроенію наиболѣе чуждъ настоящему настроенію историка. Онъ абсолютно отказывается признавать факты и обдуманно, почти сознательно, замѣняетъ ихъ чѣмъ либо инымъ. Мнѣ кажется, что въ виду тридцатилѣтней давности я имѣю право открыть нѣкоторые старые секреты относительно экзаменовъ. У меня былъ когда-то товарищъ-экзаменаторъ, юристъ, довольно извѣстный въ своей профессіи, но очень мало извѣстный въ университетѣ и теперь уже умершій. Онъ требовалъ отъ экзаменующихся, чтобы они отвѣчали, что Вильгельмъ Завоеватель въ 1086 году на великомъ вѣчѣ (gemot) въ Салисбюри «ввелъ феодальную систему». Я умолялъ его не заставлять молодыхъ людей такъ безстыдно лгать. Я старался изложить ему все дѣло и указать, что если его слова имѣютъ какое либо значеніе, то они выражаютъ прямую противоположность фактамъ. Я показывалъ ему извѣстное мѣсто въ хроникѣ и объяснялъ, что если мы можемъ вообще говорить о феодальной системѣ, то на этомъ собраніи Вильгельмъ Великій уничтожилъ въ своемъ королевствѣ наиболѣе важную отличительную черту феодальной системы. Но всѣ мои труды пропали даромъ: мой коллега считалъ себя обязаннымъ не имѣть никакихъ отношеній съ историческими фактами. Онъ былъ экзаменаторомъ законовѣденія: для законовѣденія факты не существуютъ; факты можно искать въ хроникахъ, а законъ записанъ у Блэкстона и искать его нужно именно у Блэкстона, какъ въ непогрѣшимомъ источникѣ. И онъ, какъ экзаменаторъ правовѣденія, не можетъ оспаривать того, что говоритъ Блэкстонъ. Понятно, что подобное изученіе законовѣденія

вызываетъ справедливый протестъ противъ старыхъ юристовъ, которые подобно моему коллегѣ скрывали орудія знанія, которые подобно ему отказывались вступить въ запрещенную имъ традиціей область и мѣшали вступить въ нее и другимъ. Извѣстное положеніе признается закономъ такимъ то судьей или въ такой-то юридической книгѣ. Оно можетъ быть совершенно противно фактамъ, оно можетъ не основываться ни на древнемъ обычаѣ, ни на записанномъ законодательномъ актѣ; возможно, что авторитетъ положенія обусловливается просто тѣмъ, что нѣкто, ничего не знавшій о дѣлѣ, можетъ быть въ теченіи всей своей жизни никогда не видавшій ни одной подлинной лѣтописи, высказалъ это положеніе—разъ оно записано въ юридической книгѣ, оно дѣлается закономъ; оно дѣлается чѣмъ-то такимъ, что, если и не фактъ, то важнѣе факта, чѣмъ-то такимъ, противъ чего безсильны не только мнѣнія экспертовъ, но и прямыя указанія современниковъ. Одинъ авторъ юридическихъ книгъ слѣдуетъ за другимъ, какъ стадо овецъ. Любопытно узнать, откуда по мнѣнію моего коллеги, считавшаго Блэкстона непогрѣшимымъ, самъ-то Блэкстонъ узналъ обо всемъ этомъ. Еще любопытнѣе узнать, на основаніи какихъ правилъ профессіональнаго долга Блэкстонъ заставилъ себя копировать и передавать тѣ забавныя вещи, которыя онъ копируетъ и передаетъ. Совершенно очевидно, что онъ могъ бы сдѣлать и кое-что лучшее. Иногда онъ думаетъ самостоятельно и въ подобныхъ случаяхъ его мысли довольно здравы. Онъ высказываетъ напр., такія мнѣнія о законахъ объ охотѣ, которыя съ удовольствіемъ будетъ цитировать всякій реформаторъ. Онъ даже опровергаетъ одно изъ самыхъ странныхъ суевѣрій относительно очень простаго вопроса и притомъ такое, которое налагало узы на человѣческое мышленіе. Онъ позволяетъ себѣ удивляться той странной доктринѣ, будто призывъ въ парламентъ (writ of summons) какимъ-то таинственнымъ образомъ «облагораживаетъ кровь», и что епископъ, занимающій кафедру, существующую почти съ незапамятныхъ временъ, на основаніи того, что наши отцы называли jus haereditarium, имѣетъ менѣе права на званіе пэра королевства, чѣмъ его современный свѣтскій собратъ, сдѣланный пэромъ только вчера. Люди, считающіе Блэкстона непогрѣшимымъ, должны до крайности смущаться подобными мѣстами въ его сочиненіяхъ. Если Блэкстонъ непогрѣшимъ, то парламентскій актъ и существующій порядокъ палаты лордовъ должны быть еще болѣе непогрѣшимы. При столкновеніи же двухъ непогрѣшимостей историческая истина можетъ только выиграть.

Такое прямое противорѣчіе между историческими фактами и выдумками того, что на моей памяти считалось за законовѣденіе, тѣмъ болѣе удивительно, что были времена, когда законовѣденіе и исторія не были такими врагами, какъ теперь. Законовѣденіе въ рукахъ

Сельдена было, конечно, отлично отъ законовѣденія Блэкстона. Что бы мы ни говорили о XVIII вѣкѣ, мы не имѣемъ права относиться презрительно къ XVII. Но даже и во времена Блэкстона были люди, сохранившіе болѣе вѣрныя, чѣмъ у Блэкстона, традиціи объ англійской исторіи. Правда, въ то время свѣдѣнія, приближающіяся къ свѣдѣніямъ Сельдена, можно было найти скорѣе среди не-юристовъ, чѣмъ среди юристовъ. Во всякомъ случаѣ, нѣсколько позже Блэкстона жилъ одинъ не-юристъ, работа котораго относительно другой отрасли правовѣденія основывается на естественной связи между законовѣденіемъ и исторіей. Римское законодательство прослѣжено Гиббономъ до его источниковъ такъ, какъ немногіе изъ профессіональныхъ юристовъ того поколѣнія могли прослѣдить источники англійскаго законодательства. Въ XVII же вѣкѣ естественныя отношенія законовѣденія и исторіи не были еще нарушены. Во всякомъ случаѣ для тогдашняго юриста пониманіе настоящей исторіи учрежденій его страны было не труднѣе, чѣмъ для всякаго другаго.

Въ настоящее время мы возвращаемся къ положенію, существовавшему въ XVII вѣкѣ. Законовѣденіе, изучаемое въ нашемъ университетѣ поколѣніемъ болѣе молодымъ, чѣмъ мое поколѣніе, совершенное отлично отъ законовѣденія въ томъ видѣ, какъ понималъ его 28 лѣтъ тому назадъ мой коллега. Переходъ отъ изученія латинскихъ гекзаметровъ къ современной сравнительной филологіи едва-ли болѣе многознаменателенъ, чѣмъ переходъ отъ «Комментаріевъ на законы Англіи» къ ряду томовъ, основаніемъ которымъ также, какъ и основаніемъ сочиненія Блэкстона, послужили Оксфордскія лекціи, и первый изъ которыхъ имѣетъ многознаменательное названіе «Ancient Law». Законовѣденіе сдѣлалось теперь опорой исторіи или скорѣе частью ея, такъ какъ знаніе исторіи считается частью знанія законовѣденія. Юристъ новой школы, покрайнѣй мѣрѣ пока онъ не въ судѣ, не обязанъ больше преклоняться передъ невѣжествомъ своихъ предшественниковъ; онъ имѣетъ право читать и думать, сравнивать и дѣлать выводы. Опытъ всѣхъ временъ и всѣхъ націй открытъ для него; онъ можетъ искать происхожденіе какой либо особенности нашего англійскаго общаго права въ родственныхъ учрежденіяхъ любой отрасли арійцевъ и даже въ учрежденіяхъ не арійской расы. Индія и Ирландія одинаково являются къ услугамъ законовѣденія, какъ они раньше явились къ услугамъ филологіи. Даже римское законодательство получаетъ новое значеніе и новую цѣнность, когда мы узнаемъ, что учрежденія «великой группы деревенскихъ общинъ при Тибрѣ» были въ сущности одинаковы съ учрежденіями менѣе знаменитыхъ деревенскихъ общинъ въ другихъ странахъ. Помощь, оказываемая исторіи современнымъ законовѣденіемъ, чрезвычайно важна и мы, не-юристы, обязаны прибавить, что профессіональный юристъ, если только онъ сбросилъ свои профессіо-

нальныя оковы, имѣетъ надъ нами нѣкоторыя преимущества. Его профессіональныя привычки даютъ ему извѣстную живость и опредѣленность, извѣстную способность быстраго различенія, способность неоцѣненную, когда она примѣняется къ настоящему дѣлу. Юридическіе аргументы, находимые нами въ нашихъ юридическихъ книгахъ, представляютъ по большей части остроумнѣйшую и, обыкновенно, неопровержимую цѣпь выводовъ изъ извѣстныхъ посылокъ. Каждое звено аргументаціи здорово и только основная посылка никуда не годится. Теперь таже аргументація отправляется отъ вѣрныхъ посылокъ и въ результатѣ появилась наука, которую исторія должна принять съ благодарностью въ качествѣ третьяго члена тройственнаго союза.

Мы еще не дали опредѣленія исторіи, но на основаніи принципа «noscitur a sociis» мы кое-что объ ней узнали. Наука, одну часть которой, покрайнѣй мѣрѣ, я призванъ излагать вамъ, близко родственна съ филологіей и законовѣденіемъ и находится въ болѣе далекомъ родствѣ съ цѣлой массой отраслей знанія, занимающихся временемъ, предшествующимъ началу политической исторіи. Если я требую для нашей научной дисциплины высокаго мѣста среди другихъ наукъ, я не требую для нея положенія исключительнаго. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что я имѣю право указать на одно ея преимущество: нѣтъ ни одной науки, кромѣ филологіи, которую бы такъ дурно понимали и за которую брались бы такъ торопливо и безъ надлежащей подготовки; если кто нибудь до сихъ поръ придерживается суевѣрія, будто исторія или «новая исторія», или какая нибудь отрасль исторіи есть наука «легкая», что она легче другихъ, преподаваемыхъ въ университетѣ наукъ, то я всѣми находящимися въ моемъ распоряженіи средствами постараюсь разубѣдить его въ этомъ заблужденіи. Наша работа можетъ быть совершена только людьми, не боящимися трудной работы. Въ слѣдующей лекціи мы поговоримъ о трудностяхъ нашей науки и о тѣхъ причинахъ, по которымъ ее и филологію обыкновенно изучаютъ болѣе поверхностно, чѣмъ другія отрасли знанія.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Трудности изученія исторіи.

Въ предшествующей лекціи я говорилъ о мнѣніи, бывшемъ въ большой модѣ 35 лѣтъ тому назадъ, когда была введена въ университеты новая система экзаменовъ, о мнѣніи, будто изученіе исторіи особенно легко. Правда, подобное мнѣніе не высказывалось такъ прямо. Признавали легкимъ изученіе не всей исторіи, а того, что понимали подъ словами «новая исторія»; но такъ какъ не давалось никакого опредѣленія новой исторіи, такъ какъ власть порѣшила, что «новая исторія» можетъ быть доведена до очень древнихъ временъ, то, мнѣ кажется, я имѣю право выпустить ограничительный эпитетъ «новая». «Древняя» исторія признавалась трудной, можетъ быть, потому, что въ то время ее изучали по источникамъ, а какъ извѣстно, нѣкоторые изъ источниковъ трудны. Она была трудна также и потому, что ее изучали вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими предметами, признаваемыми за нелегкіе. Предполагали, что «новая» исторія легка, потому что ее будто слѣдуетъ изучать по методу, отличному отъ изученія «древней», будто ее слѣдуетъ изучать не по источникамъ, а по той или другой современной французской или англійской книгѣ. Вильямъ Мальмсбюрійскій былъ единственнымъ источникомъ, который рекомендовался—злые языки говорятъ, что онъ былъ единственнымъ оригинальнымъ авторомъ, о которомъ слыхали составители университетскаго плана преподаванія — и мнѣ думается, что и Вильяма Мальмсбюрійскаго иногда изучали въ извлеченіяхъ. Дѣйствительно, «новая» исторія будетъ очень легкой, если изучать ее такимъ образомъ. Но столь же легка будетъ и древняя исторія, если ее изучать подобнымъ же образомъ. Только счастливое соединеніе филологіи и исторіи сохранило за древней исторіей ее почетное свойство трудности. Говорятъ, что «новая» исторія была бы очень полезна въ университетѣ, такъ какъ, благо-

даря ее легкости богатые люди могутъ получать дипломы перваго разряда, не изучая трудной латыни и греческаго языка, что было необходимо въ старой школѣ для полученія такихъ дипломовъ. Всѣмъ извѣстно, что Ѳукидидъ и Тацитъ писали по гречески и по латыни. Но никому и въ голову не приходитъ, что по гречески и по-латыни писали Прокопій и Гуго Фалькандъ. Для богачей была необходима такая наука, которую безъ большаго труда можно бы было изучать по переводамъ и современнымъ книгамъ. Это напоминаетъ о томъ времени, когда короли и принцы получали славу святости на болѣе легкихъ условіяхъ, чѣмъ обыкновенные люди; это напоминаетъ о томъ времени, когда крестовые походы проповѣдывались, какъ легкое средство получить спасеніе. не отягощая себя заботами о христіанской жизни. «Новая» исторія получила мѣсто среди университетскихъ занятій въ качествѣ легкой науки и только благодаря случаю, а совсѣмъ не въ силу особенностей изученія, «древняя» исторія не была присоединена къ ней въ качествѣ тоже легкой науки.

Мнѣ кажется, что послѣ истеченія тридцатипятилѣтняго періода, я могу смотрѣть на всѣ эти споры и на ту роль, которую я игралъ въ нихъ, совершенно объективно. Предлагали ввести въ университетѣ изученіе новой исторіи, какъ новаго предмета и я вмѣстѣ съ другими противился этому предложенію; я могу признать, что я былъ неправъ относительно самаго предложенія, но я былъ правъ относительно той формы, въ которой было оно сдѣлано и относительно тѣхъ аргументовъ, которыми его защищали. Я былъ правъ, противясь введенію системы, при которой «новая» исторія отдѣлялась отъ «древней» и которая предлагалась на томъ основаніи, будто «новая» исторія легче «древней». Я былъ неправъ, полагая, что «новая» исторія есть предметъ непригодный для университетскаго изученія, но я полагалъ такъ потому, что не вполнѣ понималъ значеніе изученія «новой» исторіи. Тогда я еще не понималъ. что она находится на одномъ уровнѣ съ изученіемъ древнихъ эпохъ и что изучать и ту и другую слѣдуетъ по одинаковому методу. Я зналъ, что «новая» исторія не легкая наука, но я не вполнѣ сознавалъ, насколько она трудна. Конечно, въ теченіи послѣдующихъ сорока лѣтъ я понялъ, что изученіе тѣхъ періодовъ,—древнихъ или позднѣйшихъ — которыми я занимался, дѣло довольно трудное и я не думаю, чтобы я нашелъ его болѣе легкимъ, если бы я родился богатымъ землевладѣльцемъ.

Это представленіе о «новой» исторіи и ргг implicationem объ исторіи вообще, какъ о легкой наукѣ, довольно распространено въ обществѣ и потому заслуживаетъ, чтобы мы о немъ хорошенько подумали. Въ сущности говоря, такое представленіе дѣлаетъ изученіе исторіи болѣе труднымъ, чѣмъ это необходимо. Благодаря ему путь

преподавателя исторіи и даже путь людей, которые сами изучаютъ эту науку, заваливается затрудненіями, совершенно излишними и— насколько мнѣ извѣстно— не существующими при изученіи другихъ отраслей знанія. Можетъ быть, это утвержденіе примѣняется только къ нѣкоторымъ отраслямъ науки, родственной исторіи, къ филологіи. Я не думаю, чтобы изученіе филологіи въ цѣломъ признавалось легкимъ, но изученіе нѣкоторыхъ изъ ея отраслей, навѣрное, признается таковымъ. Тоже самое можно сказать и относительно исторіи. Представленіе объ ея легкости часто довольно страннымъ образомъ соединяется съ преувеличеннымъ представленіемъ объ ея трудности. Профаны, кажется, колеблются между мнѣніемъ, что оригинальные источники или не существуютъ, или не нужны и мнѣніемъ, что они суть нѣчто столь странное, рѣдкое и недоступное, что только очень немногіе могутъ познакомиться съ ними. Къ этому присоединяется представленіе, что всѣ наши источники существуютъ въ видѣ рукописей, или, что найти ихъ можно только въ Британскомъ Музеѣ. Понятно, что при подобныхъ взглядахъ «новую» исторію считаютъ труднѣе «древней». Многимъ извѣстно, что Ѳукидидъ былъ напечатанъ, нѣкоторые даже знаютъ, что онъ былъ переведенъ, но очень недавно меня совершенно серьезно спрашивали: напечатаны ли книги, которыми я пользовался при составленіи «Исторіи Норманскаго завоеванія, какимъ образомъ я познакомился съ ними, гдѣ онѣ находятся, существуютъ ли лексиконъ или граматика для пониманія ихъ и, въ особенности, напечатанъ-ли Бэда? Странно, конечно, что спрашивающій слышалъ о Бэдѣ и при этомъ предполагалъ, что онъ существуетъ только въ рукописи. Но это было, однако, такъ. Такимъ образомъ существуетъ мнѣніе, что дѣло историка въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо труднѣе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Но это мнѣніе уравновѣшивается другимъ, хотя и не выражаемымъ, но за то приводимымъ въ исполненіе мнѣніемъ, что можно совсѣмъ обойтись безъ труда профессіональнаго историка, что всякій безъ особеннаго усилія можетъ понять исторію, что всякій, не дѣлая попытокъ изучить ее, можетъ писать о ней и учить ей. Тоже самое мнѣніе существуетъ въ обществѣ относительно нѣкоторыхъ отраслей изученія филологіи. Очевидно, что общество убѣждено, будто всякій можетъ заниматься этимологіей, въ особенности когда этимологія примѣняется къ мѣстнымъ названіямъ. Не особенно давно въ Times'ѣ было напечатано нѣсколько статей по этому предмету, объ имени автора которыхъ намъ не трудно догадаться, причемъ никому не придетъ въ голову оспаривать его авторитетность. Но едва были произнесены слова мудрости, какъ немедленно открылись всѣ шлюзы безумія. Всякій, кому приходили въ голову какія-нибудь фантазіи объ этомъ предметѣ, считалъ своевременнымъ познакомить съ ними публику. Торжественно печатались нелѣпость за нелѣпостью, вклю-

чительно до болтовни господина, повидимому, полагавшаго, что современныя названія французскихъ городовъ столь же вѣчны, какъ «владѣлецъ помѣстья» и который приводилъ въ примѣръ названіе Evreux какъ совершенно равнозначительное съ названіемъ Eburacum. Невозможно представить себѣ, чтобы вслѣдъ за печатаніемъ трехъ лекцій профессора астрономіи, химіи и въ особенности геометріи воспослѣдовало печатаніе подобнаго потока безмыслицъ по одному изъ этихъ предметовъ. Вѣроятно, никто не сталъ бы доказывать, что Юпитеръ меньше всѣхъ планетъ или что у нѣкоторыхъ изъ треугольниковъ сумма ихъ угловъ не равна двумъ прямымъ. Несомнѣнно, что если бы кто-нибудь вздумалъ доказывать нѣчто подобное, то его письма не были бы напечатаны въ Times'ѣ или были бы напечатаны только для курьеза. Люди, предполагающіе, что земля плоска и что солнце находится отъ нея только въ трехъ миляхъ, составляютъ, я полагаю, особую секту. Но это такая секта, съ которой не спорятъ просто потому, что не стоитъ спорить съ человѣкомъ, потерявшимъ разумъ. Вполнѣ несомнѣнно, что человѣка, занимающагося астрономіей только потому, что ему нечего дѣлать другаго и результатомъ астрономическихъ изслѣдованій котораго будетъ мнѣніе, что солнце обращается вокругъ земли, никто не признаетъ великимъ астрономомъ. Но человѣкъ, по той же самой причинѣ изучающій исторію и результатомъ историческихъ изслѣдованій котораго будетъ мнѣніе, будто принцъ имперіи имѣетъ во Франціи какое либо значеніе, можетъ считаться инымъ великимъ историкомъ. Для всякаго, знакомаго съ европейской исторіей, подобное мнѣніе доказываетъ незнаніе основнаго историческаго факта, незнаніе, совершенно равнозначительное съ невѣдѣніемъ основнаго астрономическаго факта, доказываемымъ мнѣніемъ, что солнце обращается вокругъ земли. Можно даже прибавить, что имѣть это послѣднее мнѣніе гораздо извинительнѣе; всякій, до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ правильныхъ свѣдѣній, дѣйствительно полагаетъ, что солнце обращается вокругъ земли. Не только все человѣчество, но и ученые астрономы когда то думали такъ. Наоборотъ, повидимому, нѣтъ естественныхъ основаній извращать весь ходъ исторіи, перемѣстивъ во Францію принцевъ Священной Римской Имперіи. И тѣмъ не менѣе, въ то время, какъ всякій понимаетъ нелѣпость перваго предположенія, мы можемъ быть увѣрены, что только очень немногіе понимаютъ нелѣпость втораго. Астрономъ навряд-ли найдетъ нужнымъ возражать на глупую болтовню по его предмету. Но, если онъ вздумаетъ сдѣлать это, на его сторонѣ будутъ всѣ слушатели и читатели. Наоборотъ, если историкъ возражаетъ на глупую болтовню по своему предмету, люди сочтутъ его эксцентричнымъ фантазеромъ. Его обвинятъ въ педантизмѣ, въ чрезмѣрномъ критицизмѣ; хорошо еще, если его не обвинятъ въ чемъ нибудь худшемъ. Во всякомъ

случаѣ, здѣсь вопросъ между знаніемъ и невѣжествомъ признается «спорнымъ», такимъ вопросомъ, относительно котораго всякій имѣетъ равное «право на свое собственное мнѣніе». Очевидно, что изученіе исторіи и филологіи не достигло такой степени развитія, какъ изученіе нѣкоторыхъ другихъ наукъ. И это не потому, что бы исторія и филологія были непопулярными науками, заниматься которыми расположены лишь очень немногіе, а скорѣе потому, что онѣ очень популярны и что очень многіе расположены заниматься ими, потому, что это такія науки, о которыхъ общество полагаетъ, что всякій можетъ говорить и писать объ нихъ безъ подготовки и что такіе разговоры и писанія имѣютъ такое же право на вниманіе, какъ слова и сочиненія, бывшія результатомъ работы всей жизни.

Я полагаю, что это не будетъ слишкомъ суровымъ приговоромъ, если мы примемъ во вниманіе, какимъ образомъ въ случайныхъ сочиненіяхъ и въ обыденномъ разговорѣ трактуются историческіе, а также и филологическіе вопросы. Я не особенно хорошо знакомъ съ періодическими изданіями, посвященными естественнымъ наукамъ и не особенно часто посѣщалъ естественно-историческіе конгрессы. Мнѣ извѣстно, что по поводу вопросовъ естествознанія иногда говорятъ такія же безсмыслицы, какъ и по поводу историческихъ вопросовъ. Но я не думаю, чтобы такихъ безсмыслицъ говорили въ первомъ случаѣ столько-же, сколько и во второмъ; да и наврядъ-ли имѣются къ этому поводы. Большая часть нелѣпостей, высказываемыхъ по вопросамъ историческимъ и филологическимъ, высказывается по поводу мѣстныхъ вопросовъ и чаще всего въ мѣстныхъ собраніяхъ или въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ. Мѣстное изученіе абсолютно необходимо для нашихъ цѣлей. Общая исторія—и исторія языка, какъ ея часть,—въ значительной степени обусловливается мѣстной исторіей и для своей полноты постоянно нуждается въ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ; но при этомъ понятно, что мѣстное изслѣдованіе не можетъ быть полезнымъ до тѣхъ поръ, пока оно остается чисто мѣстнымъ. Изученіе мѣстныхъ историческихъ памятниковъ, зданій, учрежденій можетъ имѣть какое либо значеніе только въ томъ случаѣ, если оно признается не чѣмъ либо самостоятельнымъ, а только вкладомъ въ сокровищницу отдѣльныхъ отраслей исторіи. Мнѣ кажется, что только въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ отрасляхъ естествознанія, именно въ тѣхъ, которыя имѣютъ, по моему мнѣнію, близкую связь съ исторической наукой, встрѣчаются подобныя же затрудненія. Геологія, зоологія, ботаника по своей сущности науки мѣстныя настолько же, насколько можетъ быть мѣстнымъ изученіе древностей. Мѣстныя изслѣдованія, мѣстные примѣры въ области этихъ наукъ служатъ средствомъ для общихъ выводовъ, но истины химіи и астрономіи, не говоря уже о чистой математикѣ, суть истины всемірныя, потому-то естественныя науки и представляютъ менѣе

широкое поприще для нелѣпостей сравнительно съ исторіей. Кромѣ того, въ нашей наукѣ нелѣпости не всегда бываютъ только мѣстными; онѣ вкрадываются въ изученіе всѣхъ отраслей исторіи и изгнать ихъ возможно только изъ очень немногихъ сферъ ея. Нѣкоторые люди пишутъ нелѣпости потому, что они совершенно незнакомы съ вопросами, о которыхъ они пишутъ: они не потрудились хоть сколько нибудь познакомиться съ этими вопросами. Относительно такихъ господъ можно только задать вопросъ, зачѣмъ они вообще пишутъ. Люди, никогда не изучавшіе той или другой отрасли естествознанія, навряд-ли осмѣлятся писать о нихъ и во всякомъ случаѣ ихъ писанія не будутъ напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ, посвященныхъ этимъ наукамъ. Есть и другіе господа, не столь невѣжественные, люди кое-что читавшіе, читавшіе иногда даже довольно много, не только знакомые съ хорошими современными авторами, но даже имѣющіе нѣкоторое понятіе объ источникахъ, и эти люди пишутъ и печатаютъ въ уважаемыхъ органахъ печати даже бо̀льшія безсмыслицы, чѣмъ люди ничего не читавшіе. Я недавно читалъ въ сочиненіи, посвященномъ археологическимъ изслѣдованіямъ, разсужденіе о салическомъ законѣ, который признается авторомъ въ 1884 году существующимъ и теперь во Франціи закономъ, такъ что по его мнѣнію французская корона и теперь можетъ переходить только по мужской линіи. Очевидно, что авторъ никогда не слыхалъ ничего о самомъ текстѣ салическаго закона, о Вайцѣ и объ издателяхъ и комментаторахъ до и послѣ Вайца. Вмѣсто Вайца онъ цитируетъ Вольтера. Онъ видѣлъ слова «салическій законъ» въ какой нибудь популярной, можетъ быть, даже комической цитатѣ и, обладая такими свѣдѣніями, онъ сѣлъ и написалъ разсужденіе о салическомъ законѣ и нашелъ для этого разсужденія издателя. Я боюсь брать свои примѣры изъ тѣхъ отраслей знанія, съ которыми я знакомъ едва-ли больше, чѣмъ этотъ смѣлый господинъ знакомъ съ салическимъ закономъ. Но мнѣ кажется, что его умственное состояніе очень похоже на умственное состояніе человѣка, который, никогда не слыхавъ о Ньютонѣ и Коперникѣ и объ ихъ открытіяхъ, началъ бы писать о солнцѣ, лунѣ и планетахъ. Передо мной теперь лежитъ изданіе одного очень почтеннаго мѣстнаго общества, гдѣ авторъ хочетъ доказать не только то, что въ англійскомъ народѣ имѣется значительная примѣсь кельтскаго элемента (объ этомъ предположеніи я буду подробно говорить въ послѣдующемъ рядѣ лекцій), но и то, что сами Англы были кельтскимъ народомъ и говорили на кельтскомъ языкѣ; такое положеніе онъ думаетъ доказать, производя самыя простыя изъ англійскихъ словъ отъ кельтскихъ корней. Замѣтьте, что это пишетъ человѣкъ, читавшій кое-что, человѣкъ не только знающій, что Бэда напечатанъ, но и нѣсколько знакомый съ содержаніемъ его произведеній. Но дѣло въ томъ, что онъ не вѣритъ Бэдѣ и объяв-

ляетъ и его самого и его старыхъ и новыхъ послѣдователей плохими руководителями. Его можно сравнить съ человѣкомъ, знающимъ объ открытіяхъ Коперника и Ньютона и даже объ открытіяхъ позднѣйшихъ астрономовъ, но признающимъ эти открытія ошибочными. Подобные господа, сколько мнѣ извѣстно, существуютъ; я видѣлъ брошюру подъ названіемъ «The Bible Earth», посвященную опроверженію тѣхъ ересей, отъ которыхъ пришлось отрекаться Галилею. Но я думаю, что авторы этой брошюры должны были сами издать ее и что ихъ теоріи не были бы допущены въ какое нибудь изданіе, имѣющее притязаніе на научный характеръ. Наоборотъ, подобныя же безсмыслицы по вопросамъ исторіи и филологіи находятъ мѣсто въ изданіяхъ, имѣющихъ значительныя претензіи, въ такихъ изданіяхъ, въ которыхъ попадаются статьи далеко не нелѣпыя. Это можетъ служить прекрасной характеристикой положенія, занимаемаго въ обществѣ нашей наукой сравнительно съ другими науками. Общество предполагаетъ, что писать объ исторіи или объ языкѣ можетъ всякій и, наоборотъ, оно признаетъ, что объ естественныхъ наукахъ могутъ писать только люди, изучившіе предметъ, о которомъ они пишутъ.

Позвольте привести еще одинъ примѣръ. Я говорилъ о мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, какъ о существенной части общей исторіи. Кое-что было сдѣлано, чтобы поставить мѣстныя изслѣдованія на болѣе научную почву. Но всѣ эти попытки не имѣютъ никакого значенія для людей, сообщающихъ обыкновенному читателю свѣдѣнія о мѣстныхъ вопросахъ. Когда какой нибудь городъ или округъ получаютъ извѣстность, когда въ немъ происходитъ какой нибудь большой митингъ или когда онъ бываетъ почтенъ тѣмъ, что называютъ обыкновенно «королевскимъ посѣщеніемъ», тогда считается приличнымъ печатать въ газетахъ краткій эскизъ исторіи этого города. Обыкновенно этотъ эскизъ не бываетъ научнымъ, обыкновенно выпускаютъ самыя характерныя событія въ исторіи этого города и вмѣсто нихъ разсказываютъ старыя бабьи сказки. Я полагаю даже, что на слѣдующій разъ, когда въ парламентѣ будутъ обсуждаться дѣла англійскихъ университетовъ, мы снова услышимъ рѣчи благородныхъ лордовъ и достопочтенныхъ джентльменовъ, полагающихъ, что городъ Оксфордъ и боругъ (мѣстечко) Кембриджъ выросли вокругъ этихъ университетовъ, тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ университеты постепенно выросли нѣсколько вѣковъ спустя послѣ того, какъ сами города начали играть роль въ англійской исторіи. Не припомните ли вы о демонстраціи нашего флота, сдѣланной четыре года тому назадъ на восточныхъ берегахъ Адріатическаго моря. Тогдашнія газеты были переполнены извѣстіями о Спалато, Рагузѣ и другихъ городахъ и странныя вещи онѣ тогда разсказывали объ этихъ городахъ. Величайшимъ подвигомъ былъ подвигъ остроумнаго корреспондента Times'a, случайно посѣтившаго островъ Курзолу, открывшаго, что въ древности

онъ назывался Черной Корцирой и потому пустившагося въ разсказы объ исторіи великой и знаменитой Корциры и смѣло перенесшаго ее совокупно съ мятежами V вѣка до Рожд. Христова на далматскій островъ. На столбцахъ той же газеты я навѣрное не найду описанія планеты Марса, въ которомъ какой нибудь смѣлый астрономъ перенесъ бы на эту планету пояса и спутниковъ далекаго Юпитера.

Все это примѣры того мнѣнія, будто исторія легкая наука, будто это предметъ доступный всякому, не имѣющему подготовки, считающейся необходимой для изученія другихъ отраслей знанія. Все это образцы мнѣнія, что исторія есть предметъ, о которомъ всякій имѣетъ право говорить и относительно котораго всякій, и ученый и не ученый, имѣетъ одинаковое «право на собственное мнѣніе». Вѣроятно, никто не признаетъ сдѣланнаго мною изображенія вѣрнымъ изображеніемъ его понятій объ исторической наукѣ. Но это только одинъ изъ тысячи случаевъ, когда люди практически признаютъ какой нибудь принципъ или, говоря иными словами, когда они дѣйствуютъ на основаніи какого либо принципа и ни за что не хотятъ сознаться въ этомъ. Большинство практически признаетъ, что исторія, а также и филологія съ ея исторической стороны, доступны всякому безъ особаго труда. Дѣло нисколько не улучшается отъ того, что работа настоящаго историка признается, можетъ быть, гораздо болѣе трудной и, навѣрное, гораздо болѣе удаленной отъ обыкновенныхъ человѣческихъ занятій, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Такое представленіе, въ сущности говоря, есть другая сторона медали. Люди полагаютъ,—хотя они и не сознаются въ этомъ—что они могутъ обойтись въ историческихъ вопросахъ безъ помощи руководителя, тогда какъ они не думаютъ, что можно обойтись безъ руководителя въ какой нибудь отрасли естествознанія. Подобныя понятія очень вредны и надоѣдливы, но для нихъ должна быть какая нибудь причина. Обычное заблужденіе никогда не бываетъ заблужденіемъ полнымъ; оно всегда представляетъ извращеніе какой либо истины; какая нибудь сторона дѣла, совершенно вѣрная сама по себѣ, признается въ настолько непропорціональномъ видѣ сравнительно съ другими сторонами, что практически перестаетъ быть вѣрной. Для ошибочныхъ предположеній должно существовать какое либо реальное основаніе и небольшое размышленіе укажетъ намъ, что именно заставляетъ публику считать нашу науку болѣе легкой, чѣмъ другія.

Одной изъ главныхъ причинъ, можетъ быть даже самой главной причиной этого заблужденія, служитъ то, что дѣйствительно въ извѣстномъ отношеніи исторія легче большинства другихъ наукъ и что при изученіи ея занимающійся менѣе нуждается въ руководительствѣ учителей. Она наименѣе техническая изъ всѣхъ наукъ; техническіе термины въ ней положительно отсутствуютъ. Необразованный человѣкъ, читая сочиненіе по химіи, найдетъ его совершенно для себя

непонятнымъ. Онъ не будетъ въ состояніи сказать, о чемъ написана эта книга. Передъ его глазами проходятъ фраза за фразой и въ нихъ нѣтъ ни одного слова, имѣющаго для него какое либо значеніе, за исключеніемъ абсолютно необходимыхъ словъ, безъ которыхъ не могла бы быть составлена фраза; и, дѣйствительно, въ этой книгѣ слова не суть настоящія слова; они никогда не составляли части обычной рѣчи человѣчества въ какое либо время или въ какомъ либо мѣстѣ. Это—слова изобрѣтенныя учеными для обозначенія чисто научныхъ идей. Не думайте, что я отношусь неодобрительно къ употребленію подобныхъ словъ для чисто научныхъ цѣлей. Спеціалисты любой отрасли знанія имѣютъ полное право употреблять любые термины, которые они считаютъ пригодными для своихъ цѣлей, любые слова, передающія ихъ идеи другимъ спеціалистамъ этого предмета. Не хорошо, однако, если они выходятъ изъ своей области и употребляютъ спеціальные термины, обращаясь къ людямъ, для которыхъ эти термины не имѣютъ ровно никакого значенія. Во всякомъ случаѣ весьма непріятно, когда человѣкъ долженъ отказаться отъ занятія наукой, къ которой онъ можетъ имѣть нѣкоторую склонность, благодаря употребленію безконечнаго количества техническихъ терминовъ. Во времена моей юности естественно-историческія книги были книгами интересными и сообщали намъ очень многое о животныхъ и ихъ привычкахъ; когда въ послѣдніе годы мнѣ случалось открывать естественно-историческую книгу, она казалось мнѣ просто наборомъ трудныхъ словъ, имѣющихъ значеніе только для людей, посвященныхъ въ науку до седьмой или даже до семьдесятъ седьмой степени. Исторія находится въ выгодномъ или не выгодномъ положеніи въ томъ отношеніи, что въ ней совершено нѣтъ подобныхъ терминовъ, хотя историку часто приходится употреблять термины другихъ отраслей знанія; необразованный человѣкъ, читая историческую книгу, вполнѣ пли, по крайней мѣрѣ, безъ особеннаго труда пойметъ ее; въ ней могутъ быть ссылки на событія и личности, о которыхъ онъ никогда не слыхивалъ, могутъ быть отдѣльные слова, которыхъ онъ не понимаетъ; но если книга прилично написана на англійскомъ или на другомъ какомъ либо европейскомъ языкѣ, навряд возможно, чтобы въ ней попалась какая-нибудь фраза, которая была бы совершенно непонятна для читателя; онъ можетъ ошибиться относительно смысла фразы, ея значеніе можетъ казаться ему смутнымъ, то и другое слово можетъ показаться страннымъ; но навряд ли въ книгѣ можетъ попаться фраза, составленная такимъ образомъ, чтобы не имѣть совершенно никакого значенія даже для необразованнаго человѣка; притомъ такія иностранныя слова совсѣмъ не представляютъ техническихъ терминовъ исторіи т. е. они не будутъ словами, выдуманными самимъ историкомъ, заимствованными имъ изъ греческаго и другаго иностраннаго языка для выраженія идей и фактовъ, съ

которыми онъ имѣетъ дѣло. Историку приходится употреблять техническія термины другихъ наукъ; ему приходится пользоваться техническими терминами теологіи, военнаго искусства, въ особенности юриспруденціи и иногда, по какой-нибудь случайной причинѣ, терминами естественныхъ наукъ. Исторія, не имѣя своихъ техническихъ терминовъ, постоянно принуждена употреблять термины всѣхъ этихъ наукъ; попадаются, правда, слова, которые кажутся настоящими техническими терминами исторіи, но эти слова въ сущности не таковы; историку постоянно приходится употреблять въ опредѣленномъ значеніи слова, вышедшія уже изъ употребленія, или, если и употребляемыя, то утратившія то опредѣленное значеніе, какое они имѣютъ для историка; ему приходится употреблять слова: *патриціи*, *плебсъ*, *овація*, *тріумфъ*, *демагогъ*, *тиранъ*, *остракизмъ*, *метрополія*, *провинція* и множество другихъ, придавая имъ значеніе, весьма отличное отъ того, какое они имѣютъ въ обыкновенной рѣчи; но историкъ не выдумалъ ни самыхъ этихъ словъ, ни ихъ значенія; разсказывая о событіяхъ извѣстной эпохи исторіи извѣстныхъ народовъ, онъ употребляетъ слова, относящіяся къ этой эпохѣ и къ этимъ народамъ, придавая имъ то значеніе, какое они имѣли въ то время. Онъ можетъ даже употреблять слова какого-нибудь иностраннаго языка или принадлежащія къ древнимъ стадіямъ развитія роднаго языка, слова, теперь утратившія для публики свое прежнее значеніе; ему приходится, напримѣръ, различать bookland отъ folkland, ему приходится говорить объ imperium консула, о potestas трибуна, объ auctoritas сената. Конечно, латинскія слова имѣютъ значеніе только для людей, знающихъ латинскій языкъ, да и изъ этихъ послѣднихъ правильно понять ихъ могутъ только люди знакомые съ римской конституціей. Выше упомянутые англійскіе слова, хотя они и составлены изъ самыхъ простыхъ словъ, употребляемыхъ въ нашемъ языкѣ, могутъ быть правильно поняты только людьми, знакомыми съ исторіей англійскаго землевладѣнія въ древнія времена. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти слова, въ сущности говоря, совсѣмъ не технические термины; въ извѣстную эпоху и у извѣстнаго народа они употреблялись въ обыденной рѣчи римляне республики могли отличить imperium отъ potestas также, какъ современные англичане могутъ отличить палату народовъ отъ палаты общинъ. Англичане IX вѣка могли отличить bookland отъ folkland, также легко, какъ англичане XIX вѣка отличаютъ полное землевладѣніе отъ арендnаго (freehold отъ leasehold). Вообще, подобныя слова не суть технические термины въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ техническими терминами нѣкоторыя слова, употребляемыя въ естественныхъ наукахъ; это не произвольныя слова, изобрѣтенныя недавно; это слова, получившія снова въ наше время свое настоящее значеніе; это по большей части старыя слова,

возрожденныя для новой жизни; да и употребляются то они въ историческихъ сочиненіяхъ рѣдко сравнительно съ употребленіемъ техническихъ терминовъ въ другихъ отрасляхъ знанія; можно писать страницу за страницей, совсѣмъ не употребляя ихъ и пользуясь только всѣмъ знакомыми словами въ ихъ обыденномъ значеніи. Историкъ никогда не бываетъ вынужденъ писать фразы, въ которыхъ было бы подобныхъ словъ такъ много, чтобы онѣ не были понятны даже для необразованнаго человѣка. Самое большее затрудненіе, въ какомъ можетъ оказаться необразованный читатель исторической книги, можетъ состоять только въ томъ, что онъ не поймetъ значеніе того или другаго отдѣльнаго выраженія.

Такимъ образомъ, исторія представляется легче другихъ наукъ и въ нѣкоторомъ отношеніи она дѣйствительно легче; совершенно понятно, что историческое положеніе, сдѣланное языкомъ не техническимъ, понять легче, чѣмъ положеніе какихъ-нибудь другихъ наукъ, изложенное языкомъ техническимъ; но совершенно ошибочно предполагать, будто и самъ предметъ будетъ легче только потому, что его изложеніе понятнѣе. Можетъ представляться, что тотъ предметъ, изложеніе котораго легко и понятно, не требуетъ тѣхъ же самыхъ способностей, того же самаго прилежанія, того же общаго образованія, какія необходимы для изученія предмета, изложеніе котораго труднѣе; такое различіе между изучаемыми предметами обусловливаетъ и другое различіе. Ни одна отрасль знанія не имѣетъ такой близкой связи съ литературой, какъ исторія. Нѣкоторыя изъ отраслей знанія стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ литературы; для нѣкоторыхъ литература представляется даже врагомъ. Для геометра красота языка совершенно не нужна; онъ даже отвергаетъ ее. Я хорошо помню, какъ во время своего дѣтства, доказывая одну теорему Эвклида, я сказалъ не просто «болѣе», а «насколько a+b болѣе, чѣмъ c+d»; учитель сказалъ мнѣ—и я не забылъ его словъ,—что геометрія не знаетъ эмоцій; тоже можно сказать и относительно другихъ отраслей знанія. Объ нихъ можетъ существовать литература, но сами онѣ, собственно говоря, не принадлежатъ къ литературѣ; совершенно достаточно, чтобы онѣ излагались точно и понятно; большаго отъ нихъ никто не имѣетъ право требовать. Въ какой-нибудь естественноисторической книгѣ могутъ содержаться очень любопытные разсказы и живописныя описанія, но по большей части въ подобныхъ случаяхъ дѣло идетъ о разсказѣ о томъ, какимъ образомъ было пріобрѣтено научное знаніе, а не о самомъ научномъ знаніи. Въ историческомъ сочиненіи, наоборотъ, разсказъ и описаніе, не составляя всего, тѣмъ не менѣе играютъ большую роль при изложеніи предмета; а всякое описаніе, выходящее изъ предѣловъ простаго опредѣленія, всякій разсказъ, выходящій изъ предѣловъ простой лѣтописи, уже по самой своей сущности является ли-

тературнымъ произведеніямъ. Потому-то для историка недостаточно быть только точнымъ и понятнымъ; такими же свойствами могутъ отличаться и лѣтописи или Anonymus Cuspiniani. Историку, волей неволей, приходится имѣть какой-нибудь стиль, хорошій или дурной и, конечно, для него лучше имѣть хорошій стиль, чѣмъ дурной. Если онъ разсказываетъ занимательно, публика навѣрное будетъ читать его сочиненія и они принесутъ ей извѣстную пользу. Подобная неизбѣжная связь между исторіей и литературнымъ стилемъ приводитъ къ извѣстнымъ затрудненіямъ и искушеніямъ, какъ для самаго писателя, такъ и для читателя. Писатель подвергается постоянной опасности пожертвовать точностью для эфекта, преувеличить одно, выпустить изъ вида другое, употребить какой-нибудь такой эпитетъ или дать своей рѣчи такой оборотъ, что она будетъ уклоняться отъ истины, что она не будетъ излагать фактовъ, такъ какъ они въ дѣйствительности случились, при чемъ самый разсказъ можетъ сдѣлаться привлекательнѣе для людей, читающихъ ради удовольствія, ради забавы, а не ради настоящей любви къ наукѣ. Когда сочиненіе имѣетъ красивую форму, у него непремѣнно будутъ читатели; потому всегда является искушеніе дать читателямъ не такое чтеніе, которое было бы всего полезнѣе, а такое, какое имъ больше нравится; такимъ именно путемъ и составляются фальшивыя репутаціи и распространяются ложные историческіе взгляды; если исторія разсказана изящнымъ языкомъ, если она разсказана такъ, чтобы понравиться какому-нибудь классу— читателей, то этотъ классъ читателей повѣритъ ей совершенно независимо отъ того, будетъ ли она изложена вѣрно.

Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ, какъ иногда составляются нѣкоторыя репутаціи: какой-нибудь господинъ рѣшается писать исторію періода, случайно имъ избраннаго, не имѣя необходимыхъ свѣдѣній о предшествующихъ или послѣдующихъ за этимъ періодомъ эпохахъ; на каждой страницѣ онъ докажетъ или полное равнодушіе къ истинѣ или просто свою физическую неспособность къ точному ея изложенію, онъ будетъ ошибаться при всякомъ удобномъ случаѣ: если, напр., какая-нибудь историческая личность носила извѣстный титулъ, онъ припишетъ ей другой; если какое-нибудь событіе случилось въ одномъ мѣстѣ, онъ скажетъ, что оно случилось въ другомъ; на каждой страницѣ онъ проявитъ совершенно грубое невѣжество относительно законовъ, обычаевъ, языка той эпохи, о которой онъ пишетъ и относительно географіи своей родины и другихъ странъ; слова, фразы, намеки, драгоцѣнные для настоящаго ученаго, не будутъ имѣть для него никакого значенія; онъ будетъ изучать рукописи при полной неспособности даже скопировать ихъ; онъ будетъ изучать печатные матеріалы при полной неспособности понять ихъ. И тѣмъ не менѣе, если такой господинъ будетъ мастеромъ литера-

турнаго стиля, нравящагося очень многимъ людямъ,— стиля полнаго метафоръ и намековъ, переполненнаго словами, заимствованными изъ иностранныхъ языковъ и разными хитрыми словечками, изобрѣтаемыми ежедневно газетчиками, если въ особенности такой господинъ употребляетъ свои таланты для защиты парадоксовъ, противъ которыхъ возстаютъ здравый смыслъ и нравственность, онъ навѣрное будетъ признанъ учителемъ въ исторической наукѣ; при полномъ одобреніи восхищенныхъ читателей онъ будетъ выпускать томъ за томомъ и даже честные изслѣдователи истины—если они не имѣютъ средствъ провѣрить точность его утвержденій—могутъ быть введены въ заблужденіе и принять ложь за истину. Представьте теперь другаго человѣка, который честно и отъ всей души займется изученіемъ одного изъ великихъ періодовъ исторіи своей родины; онъ выберетъ, положимъ, такую эпоху, для пониманія которой необходимы значительныя свѣдѣнія предшествовавшихъ эпохъ; онъ не захочетъ уклоняться отъ продолжительнаго и, можетъ быть, скучнаго приготовленія, необходимаго для его непосредственной работы; онъ не осмѣлится заниматься деталями избранной эпохи до тѣхъ поръ, пока не пойметъ вполнѣ ея отношенія къ эпохамъ предшествовавшимъ и послѣдующимъ; онъ основательно познакомится со всѣми вопросами относительно права, обычая и языка, могущими быть необходимыми для его работы; когда онъ, наконецъ, приступитъ къ этой работѣ, онъ не убоится труда изслѣдованія, путешествія, разыскиванія какой нибудь забытой лѣтописи, какого нибудь забытаго поля битвы; онъ выберетъ какую нибудь спорную эпоху, относительно которой имѣются раздоры и предразсудки и будетъ излагать ея исторію такимъ образомъ, что не удовлетворитъ всѣхъ спорящихъ, но притомъ такъ, что никто не посмѣетъ сказать, что какое нибудь равнодушіе, капризъ или предразсудокъ послужили препятствіемъ для его честнаго желанія во чтобы то не стало добиться истины. Онъ, можетъ быть, не захочетъ украшать свой разсказъ метафорами и живостью беллетристическаго стиля; онъ будетъ разсказывать простымъ мужественнымъ языкомъ, не желая возбуждать фантазію читателей и довольствуясь обращеніемъ къ ихъ разуму; навѣрное, такой историкъ не встрѣтитъ особеннаго одобренія отъ публики и будетъ принятъ радушно только немногими одинаково съ нимъ настроенными людьми. Каждый вновь выпускаемый имъ томъ его сочиненія будетъ все болѣе и болѣе цѣннымъ по мѣрѣ того, какъ онъ самъ будетъ чувствовать себя все болѣе и болѣе дома въ избранной имъ области и тѣмъ не менѣе онъ получитъ только малую долю одобренія, падающаго на долю счастливаго его соперника. Слава увѣнчаетъ человѣка, для котораго истина ничего не значитъ, или для котораго она совершенно недостижима; такой человѣкъ будетъ любимымъ и избалованнымъ сыномъ счастья. Для другаго же, для ко-

тораго истина есть все, слава придетъ медленно и только по мѣрѣ того, какъ глаза публики выучиваются распознавать настоящій дневной свѣтъ отъ блудящихъ огоньковъ, ведущихъ къ мраку. Дѣло тутъ не только въ несправедливости, оказываемой отдѣльнымъ личностямъ, даже не въ тѣхъ частныхъ ошибкахъ и заблужденіяхъ, которыя являются неизбѣжными слѣдствіями предпочтенія, оказываемаго изяществу и удивительнымъ парадоксамъ предъ здравымъ смысломъ и настоящей наукой; дѣло въ томъ, что подобнымъ образомъ унижается сама исторія, какъ отрасль знанія и что о ней составляется совершенно неправильное представленіе; почти открыто признается, что истина, точность, старательное и честное отношеніе къ источникамъ гораздо менѣе важны, чѣмъ манера изложенія, возбуждающая фантазію читателя; почти открыто говорятъ, что когда историческое сочиненіе пріятно читать, то не особенно важно, вѣрно оно или нѣтъ. Возражать противъ подобнаго разсужденія считается почти преступленіемъ. Истинѣ очень трудно бороться съ ложью, когда объ истинѣ заботятся столь мало, что любовь къ ней ради нея самой становится мотивомъ, понять который очень многіе не въ состояніи.

Мы видимъ тутъ полное развитіе понятія, будто исторія есть легкая наука, будто всякій, обладающій бойкимъ перомъ, можетъ писать о ней и всякій, кому только нравится бойкая манера писательства, можетъ судить о ней. Подобное униженіе нашей науки составляетъ прямое слѣдствіе—слѣдствіе не необходимое, но противъ котораго мы всегда должны принимать мѣры предосторожности—литературнаго характера нашей работы, устранить который мы, однако, не можемъ. Намъ приходится брать вещи такъ, какъ они есть; мы не можемъ ничего сдѣлать съ публикой, которая судитъ о насъ, по крайней мѣрѣ частію, не только по самой сущности того, о чемъ мы говоримъ, но и по формѣ придаваемой нами нашему изложенію. Для самаго строгаго изслѣдователя истины, она пріятнѣе тогда, когда появляется въ красивой, а не въ отвратительной формѣ; тѣмъ болѣе это можно сказать о людяхъ, для которыхъ истина дѣло второстепеннос сравнительно съ временнымъ развлеченіемъ или даже о людяхъ, дѣйствительно жаждущихъ истины, но не прошедшихъ школы, которая бы помогла имъ различать истину отъ лжи. Потому нельзя презирать стиля и формы; вѣрное, хотя бы и скучное, повѣствованіе, конечно, лучше, чѣмъ повѣствованіе невѣрное, хотя бы и живое; но лучше всего повѣствованіе, соединяющее точность изложенія съ энергіей и красотой языка. Въ англійской исторической литературѣ можно указать, по крайней мѣрѣ, на трехъ великихъ писателей, изъ которыхъ каждый можетъ быть названъ мастеромъ повѣствовательнаго искусства, хотя манера каждаго изъ нихъ настолько не похожа на манеру другаго, что кажется. будто каждый изъ нихъ старался избѣ-

жать подражанія своему предшественнику. Великое произведеніе Гиббона единственное изъ произведеній прошлаго вѣка, удерживающее свое прежнее положеніе въ исторической литературѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, главнымъ образомъ при помощи источниковъ, бывшихъ ему неизвѣстными, мы можемъ дать болѣе вѣрную картину того или другаго историческаго періода, чѣмъ онъ. Со времени появленія его книги прошло сто лѣтъ и мы, понятно, можемъ ставить нѣкоторыя событія въ такія отношенія къ другимъ событіямъ, въ какія онъ не могъ ихъ ставить; но никто изъ насъ не смѣетъ и мечтать о томъ, чтобы замѣнить эту громадную, удивительную и несравненную книгу. И это въ значительной степени обусловливается его языкомъ, который нашъ разумъ часто осуждаетъ, но которому мы удивляемся вопреки даже нашему разуму, — языкомъ, который иногда вводитъ насъ въ заблужденіе своимъ изяществомъ, но который тѣмъ не менѣе дѣйствуетъ на насъ такимъ образомъ, что мы нетолько удивляемся, но и понимаемъ и вспоминаемъ. Какія бы другія историческія книги мы ни читали, мы должны читать Гиббона. Я перехожу къ почти современной намъ эпохѣ, къ учителю и предшественнику, быть ученикомъ котораго я горжусь. Нѣтъ языка болѣе непохожаго на артистически роскошный языкъ Гиббона, чѣмъ простая неизученная рѣчь Арнольда, измѣняющаяся при каждомъ измѣненіи излагаемаго имъ предмета, простая даже при самыхъ высшихъ полетахъ краснорѣчія, но родственная языку Гиббона въ томъ отношеніи, что она передаетъ событія такъ, что мы можемъ понять и вспомнить. Что касается до третьяго великаго писателя, то я знаю, что мое утвержденіе встрѣтитъ нѣкоторыя возраженія; мнѣ извѣстно, что теперь сдѣлалось модой относиться пренебрежительно къ лорду Маколею. Противъ него говорятъ многіе, имѣющіе право говорить, но гораздо больше такихъ, которые не имѣютъ никакого права... Я, по крайнѣй мѣрѣ, сознаю, что я не имѣю такого права и не понимаю, какъ можетъ имѣть его кто нибудь, кто не исполнилъ такой работы, какую исполнилъ Маколей или, по крайнѣй мѣрѣ, какой нибудь не менѣе совершенной работы въ томъ же родѣ. Я не хуже другихъ знаю крупныя и очевидныя ошибки Маколея; я не менѣе другихъ знаю, съ какой осторожностью слѣдуетъ изучать его блестящее сочиненіе; но я не признаю за собой права говорить пренебрежительно о человѣкѣ, которому я такъ много обязанъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія знаній и которому я болѣе чѣмъ кому либо обязанъ, какъ учителю въ дѣлѣ историческаго повѣствованія. Прочтите хоть одну страницу сочиненія Маколея, обратите вниманіе на его точность при употребленіи именъ, фразъ и титуловъ, сопоставьте его языкъ съ тѣмъ нелѣпымъ жаргономъ, который изъ нашихъ газетъ перешелъ въ наши книги, подумайте о стилѣ, находящемъ пригодныя фразы для выраженія всякой идеи, стилѣ, никогда не употребляю-

щемъ ни одного слова, не придавая ему настоящаго и опредѣленнаго значенія, пересмотрите всю книгу, которую ни одному человѣку не приходилось перечитывать во второй разъ потому, что онъ не понялъ ее въ первый и которую всѣ мы должны читать второй или даже десятый разъ ради наслажденія доставляемаго намъ ясностью языка, полнотой и опредѣленностью, правильностью всякаго слова, удачно выбранными эпитетами или ѣдкими сарказмами. Это одна изъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ трудно справляться объ одномъ какомъ нибудь фактѣ или объ одной какой нибудь картинѣ; начните съ любой страницы и вы не рѣшитесь поставить книги на полку до тѣхъ поръ, пока въ сотый разъ не прочитаете ее всю.

Стало быть, между достоинствами языка и достоинствомъ самаго предмета не имѣется никакого противорѣчія; тутъ является только вопросъ о томъ, что вы должны предпочитать въ томъ случаѣ, когда въ сочиненіи не имѣется одного изъ этихъ достоинствъ. Серьезный ученый всегда избираетъ одно, а обыкновенный читатель, можетъ быть, выберетъ другое, — хотя я полагаю, что разные покровители и критики этой таинственной личности, именуемой обыкновеннымъ читателемъ, уже черезчуръ мало цѣнятъ ея разумность. Эта опасность можетъ заставить насъ иногда сожалѣть о неизбѣжной связи между исторіей и литературой; мы можемъ иногда позавидовать жребію геометра или химика, не встрѣчающихъ подобныхъ препятствій. Самый прелестный стиль, самыя избранныя метафоры, самыя гладкія иностранныя фразы будутъ совершенно излишни, если при ихъ посредствѣ будутъ доказывать, что двѣ стороны треугольника не всегда больше третьей; но когда писатель при посредствѣ ихъ начнетъ доказывать, что кто нибудь изъ любви къ своей родинѣ отрубилъ голову своей жены и на слѣдующій же день женился на ея служанкѣ, то онъ найдетъ читателей, готовыхъ повѣрить подобному парадоксу.

Большинство изъ насъ въ очень раннемъ возрастѣ подвергается опасности считать исторію легкой наукой. Этой опасности мы подвергаемся раньше того времени, когда можемъ различить правду отъ неправды у писателей, разсказывающихъ въ огромныхъ томахъ о большихъ историческихъ періодахъ. Съ самаго дѣтства мы кое-что узнаемъ объ исторіи; невозможно представить себѣ, чтобы кто-нибудь изъ насъ совсѣмъ ничего не зналъ о ней. Совершенно возможно не знать абсолютно ничего изъ многихъ отраслей естествознанія; по крайнѣй мѣрѣ, мои собственныя свѣдѣнія въ этой отрасли науки настолько приближаются къ полному невѣденію, что незначительное разстояніе между такимъ знаніемъ и невѣденіемъ нельзя считать не переходимымъ. Исторію, на оборотъ, мы изучаемъ съ самой колыбели; мы всѣ слышали кое-что о мѣстѣ, въ которомъ мы живемъ, о нашихъ собственныхъ семьяхъ, о Цезарѣ, Альфредѣ или объ Оли-

верѣ Кромвелѣ, о римлянахъ, саксонцахъ и датчанахъ. Все это исторія или нѣчто такое, что считается за исторію. Мы изучаемъ исторію или нѣчто такое, что считается исторіей, всякій разъ, когда просматриваемъ газеты, мы слышимъ о ней или обсуждаемъ ее всякій разъ, когда ведемъ разговоръ въ обществѣ; такимъ образомъ, хотя мы обыкновенно очень рано начинаемъ читать историческія сочиненія, наши первыя понятія объ исторіи заимствованы не столько изъ какой нибудь книги, хорошей или дурной, сколько изъ всякаго рода случайныхъ источниковъ. Я полагаю, что я въ этомъ отношеніи былъ особенно счастливъ: моя няня сказала мнѣ, что «подъ властью» императора находится много королей. Такое утвержденіе не было вѣрно въ то время, когда оно было сдѣлано, но оно было вѣрнымъ нѣсколько лѣтъ раньше и сдѣлалось опять вѣрнымъ нѣсколько лѣтъ позже. Весьма возможно, что это поученіе няни помогло мнѣ составить болѣе ясное представленіе о Восточной и Западной Римской Имперіи; но къ сожалѣнію я не получилъ отъ няни подобныхъ же свѣдѣній объ отношеніяхъ римлянъ, кельтовъ и тевтонъ на нашемъ островѣ. Подобныя историческія свѣдѣнія, полученныя какимъ либо образомъ въ началѣ нашей жизни, производятъ на насъ самое глубокое впечатлѣніе, отъ котораго, если оно окажется ложнымъ, всего труднѣе отдѣлаться впослѣдствіи. Большинство изъ насъ, получая подобныя историческія свѣдѣнія, получаютъ такимъ же путемъ и свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ. Всякій, я полагаю, знаетъ кое-что объ астрономіи; всякому, по крайнѣй мѣрѣ, извѣстно, что земля есть шаръ и что она обращается вокругъ солнца; люди, отрицающіе подобныя положенія, отрицаютъ ихъ не въ силу недостатка знанія; они слышали о нихъ и отвергли ихъ. Такимъ образомъ всякому изъ насъ извѣстно кое-что изъ исторіи и изъ астрономіи и, однако, насколько отличны наши астрономическія свѣдѣнія отъ историческихъ! Первыя могутъ быть весьма незначительны и тѣмъ не менѣе совершенно вѣрны; они представляютъ болѣе здравое знаніе и могутъ проложить путь къ знанію болѣе полному. Нельзя сказать того же относительно нашихъ первыхъ историческихъ свѣдѣній; невозможно встрѣтить человѣка, свѣдѣнія котораго объ исторіи соотвѣтствовали бы астрономическимъ свѣдѣніямъ человѣка, знающаго только о солнечной системѣ Птоломея; всякій изъ насъ обыкновенно учился гораздо большему, но учился такимъ образомъ, что въ послѣдующей жизни ему приходится разучиваться. Въ самыхъ простыхъ историческихъ вопросахъ, въ историческихъ истинахъ, соотвѣтствующихъ такимъ истинамъ, что земля обращается вокругъ солнца, или даже такимъ, что двѣ прямыя линіи не могутъ ограничивать площади, представленія большинства людей бываютъ въ особенности смутными. Если бы я не боялся, что вы меня сочтете за педанта, я сказалъ бы, что неясность номенклатуры производитъ значитель-

ную часть зла; тоже значеніе имѣютъ смутныя географическія идеи, суевѣрный переносъ современной карты въ прошлое. Въ сущности говоря, это одно и тоже: ложныя географическія идеи представляютъ одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ и самыхъ вредныхъ примѣровъ неясности номенклатуры; большинству людей, и въ томъ числѣ людей свѣдующихъ въ другихъ отношеніяхъ, приходится разучиваться главнымъ образомъ относительно самыхъ крупныхъ и самыхъ важныхъ фактовъ, какъ всемірной исторіи, такъ и исторіи нашего народа. Я не говорю въ этомъ случаѣ о безуміи англо-израелитовъ; къ этому безумію приходится относиться также, какъ ко всякому другому сумашествію. Англо-израелитъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ о существованіи здравой исторической науки, точно также, какъ человѣкъ утверждающій, что земля плоска, знаетъ о существованіи здравыхъ астрономическихъ понятіяхъ. Я выберу случай простаго незнанія, незнанія такого рода, которое предполагаетъ, что человѣкъ никогда не слыхалъ о самыхъ крупныхъ фактахъ всемірной исторіи — я говорю, никогда не слыхалъ потому, что если бы онъ слышалъ объ нихъ, онъ не могъ бы дѣлать разныхъ нелѣпыхъ утвержденій. Трудно представить себѣ такое невѣжество въ какой нибудь другой отрасли знанія, во всякомъ случаѣ трудно представить его у тѣхъ, которые рѣшаются писать объ этой отрасли знанія. Въ книгѣ одного господина, которому трудно отказать въ интелегентности и знаніи по отношенію къ другимъ вопросамъ, я прочиталъ утвержденіе, что въ IX и X вѣкахъ русскіе нападали на Константинополь, но турки оказались сильнѣе ихъ.

Возможность подобнаго утвержденія доказываетъ, насколько трудно изученіе исторіи и съ какими препятствіями намъ приходится бороться; дѣйствительно, соединеніе знанія и невѣжества въ подобномъ утвержденіи по истинѣ замѣчательно; мы не можемъ ждать отъ перваго попавшагося человѣка, чтобы онъ зналъ, что въ IX и X вѣкахъ существовало русское государство и что русскіе того времени неоднократно нападали на Константинополь. Это такое знаніе, которое можетъ почти считаться признакомъ, что обладатель его уже вступилъ въ предѣлы изученія исторіи, но при этомъ въ данномъ случаѣ такое знаніе доказываетъ опасность случайнаго собиранія историческихъ свѣдѣній, которое, начавшись въ дѣтствѣ, конечно продолжается и въ послѣдующей жизни. Писатель гдѣ-то встрѣтилъ свѣдѣніе, повидимому совершенно вѣрное, о прежнихъ предпріятіяхъ скандинавскихъ авантюристовъ, имя которыхъ перешло къ одной изъ великихъ отраслей славянскаго племени; фактъ показался ему поразительнымъ и былъ совершенно для него новымъ; при томъ онъ представлялся ему очень удобнымъ поводомъ для политической риторики; авторъ, получившій такимъ образомъ случайно это свѣдѣніе, очевидно не имѣлъ никакого представленія о его настоящемъ мѣстѣ

во всемірной исторіи. Собственно говоря, этотъ отдѣльный фактъ составляетъ часть длиннаго ряда фактовъ, ряда еще далеко не законченнаго, часть того соперничества между греками и славянами, которое составляетъ величайшее затрудненіе юго-восточной Европы; а тотъ писатель, о которомъ я говорю, принялъ этотъ фактъ за часть другаго ряда фактовъ, тоже незаконченнаго, но начавшагося гораздо позднѣе. Для него Константинополь просто турецкій городъ и ничего больше. Люди, которые нападали на Константинополь, должны были встрѣтить тамъ турокъ, а не какой нибудь другой народъ. Однимъ словомъ, для него вся исторія Восточнаго Рима не существуетъ. Тоже можно сказать и относительно многихъ людей, даже относительно такихъ людей, которые проявляютъ значительное остроуміе и обладаютъ достаточными свѣдѣніями по другимъ предметамъ, даже по другимъ отраслямъ исторіи, но не понимаютъ, что безъ исторіи восточной римской имперіи всемірная исторія была бы неразрѣшимой загадкой. Если бы въ IX и X вѣкахъ Константинополь находился въ рукахъ турокъ, названія: *Европа и христіанство* не могли бы имѣть того значенія, какое они имѣютъ теперь. Еще болѣе несомнѣнно то, что если бы христіанская религія и европейская цивилизація продолжали существовать на юго востокѣ Европы, то по крайней мѣрѣ одна изъ цѣлей просвѣщенныхъ современныхъ реформаторовъ была бы достигнута. Если бы на тронѣ Константина вмѣсто македонскихъ защитниковъ европейскихъ законовъ и вѣры сидѣлъ варваръ, языкъ и литература Греціи не составляли бы предмета изученія на островахъ Сѣвернаго моря.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ намъ приходится бороться съ затрудненіями, навѣрное не встрѣчающимися въ такой степени при изученіи всѣхъ другихъ наукъ. Ни въ одной изъ нихъ полузнаніе не признается съ такой легкостью, какъ въ исторіи, за настоящее знаніе; ни въ одной изъ нихъ человѣку, желающему дѣйствительно понять свой предметъ, не приходится прежде всего разучиваться большей части того, чему онъ выучился. Во всѣхъ наукахъ необходима подобная работа забвенія выученнаго раньше въ томъ случаѣ, когда новые факты доказываютъ, что старое ученіе было ошибочно. Въ исторической же наукѣ такая работа необходима не только потому, что тотъ или другой вопросъ уясняется новыми данными, но и потому еще, что очень многіе предпочитаютъ мракъ свѣту. Кажущаяся легкость предмета, отсутствіе техническихъ терминовъ, связь исторіи со всѣми другими отраслями знанія и дѣятельности, необходимость для всѣхъ изучать ее или, по крайнѣй мѣрѣ, получить о ней нѣкоторыя свѣдѣнія—все это дѣлаетъ нашъ предметъ, исторію, любимымъ занятіемъ несвѣдующихъ людей. Исторія сдѣлалась такой наукой, относительно которой всякій, изучавшій ее или не изучавшій, имѣетъ право высказывать свое мнѣніе; наукой,

въ которой всякій имѣетъ право быть выслушаннымъ и въ которой всякаго обыкновенно выслушиваютъ на основаніи соображеній, совершенно чуждыхъ содержательности его утвержденій. Таковы наши затрудненія, находящіеся въ самой сущности вещей, затрудненія, отъ которыхъ мы по этой причинѣ никогда не можемъ совершенно отдѣлаться и противъ которыхъ мы должны бороться, насколько это въ нашихъ силахъ. Въ нашемъ университетѣ мы имѣемъ для того чтобы отдѣлаться отъ нихъ прекрасное средство, если только мы съумѣемъ воспользоваться имъ. Мы имѣемъ возможность различить, какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и въ другихъ, дурное отъ хорошаго; въ въ этомъ намъ можетъ помочь наша старая и испытанная система обученія. Человѣкъ, изучившій книги, которыя читаютъ въ старой оксфордской школѣ Litterae Humaniores, получаетъ самое лучшее приготовленіе чтобы быть въ состояніи оцѣнить какъ изученіе исторіи, такъ и изученіе всякой другой науки. Онъ укрѣпилъ свои умственныя способности настолько, насколько не можетъ укрѣпить ихъ никакая другая система образованія; онъ узналъ, что значитъ мыслить, что значитъ изучать; ему остается только продолжать свои занятія тѣми науками, къ которымъ онъ чувствуетъ призваніе. Я помню то время, когда я читалъ «Этику Аристотеля»; очень возможно, что я не выдержалъ бы теперь экзамена по ней; но, читая ее, я, кажется, пріобрѣлъ новую способность, которой прежде не обладалъ: способность различенія и опредѣленія, которой и могъ всегда воспользоваться для занятія предметами, не имѣвшими никакого отношенія къ содержанію книги, чтеніе которой мнѣ дало эту новую способность. Человѣкъ приготовившійся къ мышленію изученіемъ Этики устранитъ многія затрудненія, мѣшающія изученію исторіи,—въ особенности, если онъ послѣдуетъ правилу, изложенному въ послѣднемъ параграфѣ Этики т. е. перейдетъ отъ ея изученія къ изученію «Политики». Если онъ пойметъ все значеніе всякаго отличія и опредѣленія, изложенныхъ съ такой изумительной ясностью, попытки передать которую на другія языки всегда должны остаться неудачными; если ему придется разучиваться, то онъ во всякомъ случаѣ прошелъ лучшую школу, какъ для необходимаго забвенія, такъ и для изученія. При занятіяхъ другими предметами въ этой старой школѣ онъ уже выучился примѣнять пріобрѣтенныя имъ умственныя навыки къ нѣкоторымъ изъ частей исторической науки. Ему нужно только перешагнуть черезъ роковую перегородку и примѣнить тѣ же самые навыки къ другимъ частямъ исторіи. Ему нужно только понять истину, на которой я и кстати и некстати буду настаивать до тѣхъ поръ, пока занимаю эту кафедру,—что факты, находящіеся съ одной стороны этой произвольно поставленной перегородки, настолько же заслуживаетъ его вниманія, какъ и факты, находящіеся по другую ея сторону. Человѣкъ, изучившій извѣстные періоды греческой или итальянской исторіи, дол-

женъ сообразить, что эти періоды не составляютъ всей исторіи этихъ полуостововъ и что, кромѣ того, за предѣлами ихъ имѣется исторія тевтонскаго и гальскаго материка, исторія малой Англіи на европейскомъ островѣ и большой Англіи за океаномъ; онъ долженъ понять, что, изучая Фукидида, Аристотеля и Тацита, онъ выучился методу изученія исторіи и потому больше всѣхъ другихъ можетъ заняться изученіемъ позднѣйшихъ историческихъ періодовъ; онъ долженъ кромѣ того понять, что если онъ не займется позднѣйшими періодами, его собственная работа будетъ далеко несовершенной, будетъ средствомъ, не ведущимъ къ цѣли, началомъ безъ конца, фундаментомъ безъ надстройки. Дѣйствительно, странно видѣть и слышать людей, изучившихъ въ мельчайшихъ подробностяхъ какое нибудь избранное мѣсто въ обширномъ полѣ исторіи и филологіи и отворачивающихся съ презрѣніемъ отъ лѣтописей ихъ родины, ихъ роднаго языка и ихъ роднаго народа. Еще страннѣе видѣть людей, отвращающихся съ такимъ же презрѣніемъ отъ изученія исторіи тѣхъ странъ и народовъ, изученіемъ исторіи другихъ періодовъ которыхъ они спеціально занимаются. Я не утверждаю, что даже для такихъ людей изученіе исторіи европейскаго міра, изученіе событій, центромъ которыхъ былъ старый или новый Римъ, не будетъ представлять никакихъ затрудненій; но для такихъ людей главное затрудненіе создано ими самими. Странный предразсудокъ, въ силу котораго раздѣляютъ двѣ вещи, теряющія половину своего значенія при подобномъ раздѣленіи, странное нежеланіе признать близкое родство и одинаковую важность двухъ частей одной и той же науки—таковы главныя затрудненія, препятствующія многимъ людямъ, сдѣлавшимъ хорошее начало, довести свое дѣло до естественнаго его окончанія и заставляющія ихъ смотрѣть на это окончаніе, какъ на работу, пригодную для людей, не сдѣлавшихъ начала. Въ числѣ моихъ слушателей могутъ быть люди, только что изучавшіе исторію спартанскихъ эфоровъ и афинскихъ полководцевъ, римскихъ царей и консуловъ и, можетъ быть, даже нѣкоторую часть исторіи римскихъ цезарей. Такіе слушатели сдѣлали доброе начало; но пусть они не думаютъ, что они дошли до конца; они были достойными учениками, но пусть они не думаютъ, что могутъ быть учителями. Они должны вступить на путь, естественно открывающійся предъ ними, путь не лишенный трудности даже для нихъ, имѣющихъ большое право, чѣмъ всѣ другіе, считать этотъ путь легкимъ. Они знакомы съ римской рѣчью одного изъ періодовъ римской исторіи; они не забыли еще о дѣяніяхъ великихъ людей этого періода; но они не должны останавливаться на этомъ; они должны узнать, что сдѣлалъ Римъ, когда онъ исполнилъ свою миссію, когда онъ въ дѣйствительности сдѣлался властелиномъ и учителемъ всего міра. Они должны изучить ту эпоху, когда побѣдоносный готъ, нашъ родственникъ по крови и по языку,

рѣшалъ вопросъ о томъ, долженъ ли римскій міръ быть устраненъ и уступить мѣсто готскому; когда онъ рѣшилъ, что римскій міръ безъ готскаго и готскій безъ римскаго не могутъ совершить дѣло, необходимое для всего человѣчества. Благодаря такому рѣшенію вестготэ Атаульфа слѣлалось возможнымъ существованіе современнаго человѣчества и оно сдѣлалось возможныхъ только благодаря признанію необходимости соединенія старшихъ и младшихъ міровыхъ элементовъ. Люди римскаго міра, люди міра болѣе стараго, чѣмъ римскій, люди Эллады! Мы, люди Готіи т. е. люди Германіи, Англіи и Америки, просимъ васъ присоединиться къ намъ, помочь намъ въ такой работѣ, которая будетъ менѣе трудна для васъ, чѣмъ для всѣхъ другихъ; мы просимъ васъ, какъ старшихъ братьевъ, присоединиться къ нашему обществу. Ваша и наша работа, каждая въ отдѣльности, будетъ несовершенной; наши изслѣдованія, отдѣленныя отъ вашихъ, не будутъ имѣть прочной основы; ваши изслѣдованія, отдѣленныя отъ нашихъ, будутъ похожи на постройку человѣка, начавшаго строиться и имѣвшаго возможность, но не захотѣвшаго, окончить постройку.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

О сущности историческихъ свидѣтельствъ.

Мы до сихъ поръ не дали опредѣленія исторіи и, можетъ быть, мы поступимъ благоразумѣе, если и не будемъ пытаться давать опредѣленіе этой науки. Если бы мнѣ пришлось сдѣлать это, я, вѣроятно, сказалъ бы: исторія есть наука о человѣкѣ, какъ о существѣ политическомъ. Я сознаю, однако, что подобное опредѣленіе навряд ли можетъ быть признано удовлетворительнымъ; по крайней мѣрѣ, при немъ было бы необходимо присоединить какой нибудь опредѣляющій эпитетъ къ слову: «наука». Я, собственно говоря, употребляю терминъ: science только затѣмъ, чтобы указать на наше право употреблять его; лично же мнѣ гораздо болѣе нравятся такія простыя англійскія слова, какъ knowledge (знаніе) и learning (ученіе). Если кому либо болѣе нравится латинское слово science, а не англійское knowledge, то мы можемъ напомнить ему, что эти два слова однозначущи и что все, что можно назвать словомъ knowledge, можно также назвать и словомъ science. Во дни моей юности этимъ послѣднимъ именемъ называли преимущественно науку о нравственныхъ свойствахъ человѣка, науку, которой насъ учатъ Аристотель и Бутлеръ. Теперь это слово получило иное значеніе, иногда довольно странное. Люди, изучающіе исторію и другія родственныя ей отрасли знанія, никогда не отрицали права всѣхъ другихъ его отраслей, всѣхъ другихъ научныхъ дисциплинъ, изучаемыхъ по научнымъ методамъ, стоять на одномъ уровнѣ съ исторіей. Мы всегда протестовали противъ страннаго обыкновенія давать названіе science только извѣстнымъ отраслямъ знанія и противъ еще болѣе страннаго обыкновенія приписывать этимъ отраслямъ какія то особенныя достоинства и значеніе только потому, что имъ давалось такое названіе. Мы чувствуемъ слишкомъ большое уваженіе какъ къ латинскому, такъ и къ англійскому языкамъ, чтобы желать непремѣнно именоваться scientists

(учеными по преимуществу), но при этомъ мы должны отстаивать право исторіи именоваться, также какъ и другія отрасли знанія, наукой (scientia). Мы не требуемъ для исторіи какихъ либо преимуществъ; мы хотимъ только равенства; различныя отрасли знанія могутъ стоять рядомъ, какъ братья въ свободной демократіи; стремленіе какой нибудь одной изъ научныхъ дисциплинъ къ олигархіи или къ тиранніи надъ другими доказываетъ только то, что занимающіяся ей сами нѣсколько сомнѣваются въ прочности своей позиціи. Потому то, отстаивая наше право употреблять терминъ science, мы не особенно заботимся о томъ, чтобы непремѣнно имъ пользоваться. Тевтонское слово knowledge звучитъ для нашего англійскаго уха пріятнѣе и, когда мы выучимся отличать ложное знаніе отъ истиннаго, мы конечно не позволимъ примѣнять этотъ терминъ къ чему бы то ни было, къ чему мы не могли бы примѣнить названія науки (science). Если Полибія и Тацита, Вайца и Стеббса нельзя назвать людьми науки, то пусть такъ именуются всѣ, кому вздумается.

Вернемся, однако, къ вопросу объ опредѣленіи исторіи. Я сказалъ, что я не прочь назвать исторію наукой о человѣкѣ, какъ существѣ политическомъ и что такое опредѣленіе не вполнѣ удовлетворительно. Такое опредѣленіе можно считать описаніемъ высшихъ стремленій, возвышеннѣйшихъ изъ цѣлей, къ которымъ исторія можетъ привести человѣчество, но не настоящимъ опредѣленіемъ исторіи, какъ науки. Мы не можемъ представить себѣ науки о человѣкѣ, независимо отъ исторіи; ея положенія всегда должны быть основаны на исторіи, ея заключенія всегда должны выводиться изъ историческихъ фактовъ; абстрактная наука о человѣкѣ, какъ о существѣ политическомъ, основанная на теоріяхъ, а не на опытѣ, не имѣла бы никакого значенія. Тѣмъ не менѣе мы можемъ представить себѣ такую науку отдѣльной отъ исторіи, такъ какъ въ силу привычки терминъ *исторія* обозначаетъ науку повѣствовательную, а политическая наука, хотя и основанная на результатахъ повѣствованія, не обязательно должна имѣть форму повѣствованія. Кромѣ того, для подобной науки многое, что должно занимать видное мѣсто въ повѣствовательной исторіи, будетъ второстепеннымъ и даже случайнымъ. Наукѣ о человѣкѣ, какъ о существѣ политическомъ, нѣтъ необходимости непосредственно заниматься характеромъ и дѣятельностью отдѣльныхъ личностей. Битвы, переговоры, пренія въ общественныхъ собраніяхъ и многое другое, что по необходимости должно входить въ историческое повѣствованіе, входитъ также и въ подобную науку, но не необходимо, а случайно. Для нее все это можетъ быть нужно только какъ примѣръ, какъ иллюстрація, указывающія, какое направленіе—прогрессивное или регрессивное—имѣло въ данное время человѣческое мышленіе. Кромѣ того, если мы и признаемъ созданіе такой науки высшей цѣлью нашихъ историческихъ изслѣдова-

ній, мы все же не можемъ отрицать, что очень многое и очень хорошее можетъ быть сдѣлано людьми, не задающимися цѣлью созданія такой науки. Многое изъ того, что было несомнѣнно полезно, было сдѣлано людьми, совсѣмъ не желавшими работать для ея созиданія. И, дѣйствительно, о «философіи исторіи» говорилось такъ много очевидныхъ нелѣпостей, о ней говорилось также такъ много и такого, что не было само по себѣ нелѣпостью, но въ такой формѣ, что получалось нѣчто нелѣпое, что нельзя удивляться нежеланію здравомыслящихъ людей давать своимъ изслѣдованіямъ названія: «Философія» «Наука» (Science) или другія въ томъ же родѣ. Очевидно, что исторія имѣетъ свою спеціальную полезность и доставляетъ занимающимся ей людямъ извѣстное наслажденіе, помимо цѣли созданія какой либо общей науки. Если мы и ставимъ своей задачей стремиться, насколько это возможно, къ достиженію научной цѣли, то мы ставимъ ее скорѣе какъ совѣтъ для немногихъ, а не какъ правило, которому обязанъ слѣдовать всякій изучающій исторію. Вообще говоря, настоящее знаніе мы получаемъ путемъ несистематическимъ и лучшее употребленіе изъ него можемъ сдѣлать тоже несистематически, не стараясь уложить ее въ точныя научныя формулы. Когда мы пытаемся уложить наши знанія въ такія точныя формулы, распредѣлить ихъ по строго опредѣленнымъ рубрикамъ, мы встрѣчаемъ все новыя и новыя затрудненія и опасности кромѣ тѣхъ, съ которыми намъ и безъ того приходится бороться во время процесса пріобрѣтенія знанія. Если мы создадимъ черезъ чуръ строго опредѣленныя рубрики, если мы будемъ черезъ чуръ довѣряться нашимъ формуламъ, мы всегда будемъ подлежать опасности надѣлать ошибокъ. Намъ, во всякомъ случаѣ, придется излагать содержаніе нашей науки такимъ образомъ, чтобы оставить себѣ выходъ и сдѣлать возможнымъ признаніе исключеній. Мы не можемъ съ такой увѣренностью опредѣлить причину политическихъ событій, съ какой естествоиспытатель въ своей области вѣдѣнія опредѣляетъ причину явленія. Мы не можемъ предсказать грядущее политическое состояніе съ такой точностью, съ какой астрономъ предсказываетъ затмѣніе. Иногда, однако, мы довольно близко подходимъ къ такой увѣренности и точности. Имѣется одно правило, изъ котораго, насколько мнѣ извѣстно, не было ни одного исключенія; но даже это правило я не рѣшуся отстаивать столь догматически, чтобы отрицать, что изъ него не было исключеній въ прошедшемъ и не можетъ быть исключеній и въ будущемъ. Когда государственные люди, любящіе всегда похвастаться своимъ здравомысліемъ и практичностью, когда газеты, хвастающіяся всегда извѣстнаго рода непогрѣшимостью, съ легкимъ сердцемъ относятся къ какому либо вопросу или движенію, когда они съ презрѣніемъ и фырканіемъ отворачиваются отъ него, когда они называютъ его «сантиментальностями», когда они

смѣло рѣшаютъ, что вопросъ находится «внѣ сферы практической политики», мы почти съ такой же увѣренностью, какъ и о ближайшемъ лунномъ затмѣніи, можемъ предсказать, что въ непродолжительномъ времени этотъ вопросъ сдѣлается наиболѣе практическимъ изъ всѣхъ политическихъ вопросовъ.

Потому, если мы и должны стремиться къ созданію науки о человѣкѣ, какъ о существѣ политическомъ, эта наука не должна претендовать на абсолютную достовѣрность, не должна претендовать даже на такую приблизительную степень достовѣрности, какой уже достигли другія науки. Это положеніе вѣрно не только относительно предсказанія будущаго, но и относительно объясненія прошлаго. Такая наука должна быть основана на фундаментѣ историческихъ фактовъ, и въ интересахъ истины мы должны сознаться, что историческіе факты далеко не обладаютъ такой степенью достовѣрности, какъ данныя другихъ отраслей знанія. Обыкновенно считаютъ неудобнымъ ссылаться на свои собственныя произведенія, но мнѣ думается, что въ этомъ случаѣ людьми руководитъ ложная скромность. Потому я рѣшусь сказать вамъ, что этотъ вопросъ я разбиралъ гораздо подробнѣе и болѣе отвлеченно, чѣмъ это возможно въ публичной лекціи, въ своей статьѣ о «Расѣ и языкѣ», въ третьей серіи своихъ «историческихъ статей». Вы поймете, что абсолютная достовѣрность недостижима даже при самыхъ наилучше установленныхъ историческихъ данныхъ. Кто бы ни былъ очевидцемъ историческихъ событій, всегда имѣется возможность ошибки или даже лжи. Въ этомъ отношеніи мы находимся въ гораздо худшемъ положеніи сравнительно съ нашими товарищами, спеціалистами въ наукахъ, признаваемыхъ мною наиболѣе родственными нашей. Геологъ можетъ иногда ошибиться въ истолкованіи свидѣтельства скалъ; но сами скалы не могутъ ни лгать, ни лжесвидѣтельствовать; а историкъ не только можетъ самъ ошибиться въ истолкованіи свидѣтельства своихъ источниковъ, но и сами то источники могутъ ошибаться и лжесвидѣтельствовать. Даже въ томъ случаѣ, когда мы, по нашему мнѣнію, наиболѣе приближаемся къ достовѣрности большей, чѣмъ обыкновенная достовѣрность какого либо изъ историческихъ источниковъ, мы все таки еще очень далеки отъ достовѣрности абсолютной. Обратитесь, въ самомъ дѣлѣ, къ личному опыту—всякій изъ насъ предполагаетъ, что ему извѣстно, кто онъ такой, хотя въ дѣйствительности это ему не можетъ быть извѣстнымъ. Онъ знаетъ объ этомъ столько же, сколько онъ знаетъ о фактахъ исторіи прошлаго времени. Никому, собственно говоря, неизвѣстно, что онъ въ дѣйствительности сынъ тѣхъ лицъ, кого онъ считаетъ своими родителями; онъ вѣритъ этому совершенно также, какъ вѣритъ, что Вильгельмъ Завоеватель высадился въ Певенсеѣ; онъ вѣритъ потому, что это сообщали ему люди, которыхъ онъ считаетъ достовѣрными свидѣтелями. Мы можемъ признать себя обла-

дающими абсолютной достовѣрностью только относительно того, что мы сами знаемъ, что мы сами видѣли и слышали. Но, во первыхъ, мы не можемъ передать такаго абсолютно вѣрнаго знанія кому-либо, какъ бы мы ни были сами увѣрены въ существованіи извѣстнаго факта; а во вторыхъ, мы и сами не можемъ быть увѣрены въ немъ; правда, что мы могли находиться въ извѣстномъ мѣстѣ, видѣть совершеніе извѣстнаго дѣйствія, слышать извѣстныя слова, но и тогда намъ приходится довѣряться свидѣтельству другихъ относительно мѣста, дѣятеля и лица, сказавшаго эти слова. Въ этихъ случаяхъ всегда возможны, хотя по большей части и маловѣроятны, ошибки или ложь. Люди часто дѣлаютъ и сами довольно странныя ошибки и бываютъ обмануты другими въ такихъ вопросахъ, относительно которыхъ имъ представляется, что они достигли такой степени достовѣрности, какая предполагается въ силу ихъ присутствія при совершеніи извѣстнаго факта. Всѣмъ извѣстно, что почти никогда два очевидца не описываютъ совершенно одинаково какого-либо событія, при которомъ, однако, они оба присутствовали. И дѣйствительно, при описаніи какого нибудь событія, напримѣръ, сраженія, имъ приходится, въ сущности говоря, описывать различныя вещи. Имъ пришлось видѣть разныя части однаго событія, потому каждый изъ нихъ излагаетъ дѣло по своему, хотя собственно говоря, въ ихъ показаніяхъ и нѣтъ настоящаго противорѣчія. Даже въ томъ случаѣ, когда имъ пришлось видѣть одно и тоже, они все-таки могутъ видѣть каждый по своему. Это неизбѣжно и зависитъ отъ различія точекъ зрѣнія или отъ незначительнаго различія въ положеніи очевидцевъ. Кромѣ того, подобное утвержденіе вѣрно и въ другомъ отношеніи; смотря по настроенію каждаго, одинъ изъ очевидцевъ обратитъ вниманіе на одну сторону дѣла, а другой на другую, потому то въ ихъ разсказѣ не будетъ, можетъ быть, настоящаго противорѣчія, но будетъ значительное различіе въ показаніяхъ объ отношеніяхъ различныхъ частей разсказываемаго ими событія. Это признается всѣми настолько, что незначительныя различія въ показаніяхъ о событіи служитъ признакомъ достовѣрности повѣствованія и наоборотъ, полное согласіе во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ считается до нѣкоторой степени подозрительнымъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда разсказывающіе о событіи, свидѣтельствуя различно о его подробностяхъ, одинаково разсказываютъ о какой-либо одной изъ подробностей, ихъ показанія признаются высоко достовѣрными, самыми достовѣрными изъ всѣхъ свидѣтельствъ. То, что обратило на себя вниманіе всѣхъ очевидцевъ, мы признаемъ совершившимся именно такъ, какъ они объ этомъ разсказываютъ, а не иначе. Но даже и такое свидѣтельство не можетъ считаться абсолютно достовѣрнымъ; возможно, что даже вполнѣ независимые другъ отъ друга очевидцы говорятъ неправду; возможно и то, что всѣ они, каждый порознь, были обмануты. Все это обще-

извѣстно и, повидимому, всѣ должны имѣть это въ виду при сужденіи о какомъ-либо событіи; тѣмъ не менѣе я нашелъ не безполезнымъ упомянуть объ этомъ, чтобы указать вамъ, съ какого рода данными мы имѣемъ дѣло, насколько они далеки не только отъ абсолютной достовѣрности, какой достигаетъ геометръ, но даже и отъ степеней достовѣрности, заполняющихъ все промежуточное пространство между достовѣрностью геометрическихъ положеній и достовѣрностью утвержденій исторіи.

Чаще всего любопытные примѣры недостовѣрности даже самыхъ лучшихъ изъ свидѣтельствъ мы встрѣчаемъ при сравненіи свидѣтельствъ, принимаемыхъ нами при историческомъ изслѣдованіи, съ такого же рода свидѣтельствами относительно событій обыденной жизни. Въ нашихъ историческихъ изслѣдованіяхъ намъ часто приходится рѣшать вопросы объ именахъ и о семейныхъ и родственныхъ отношеніяхъ; часто очень важно или, по крайнѣй мѣрѣ, интересно опредѣлить, въ какой степени родства люди находятся и при такомъ опредѣленіи родства мы не имѣемъ другихъ данныхъ, кромѣ именъ этихъ людей. Обычныя въ различныя времена и у различныхъ народовъ имена иногда даютъ намъ возможность съ высокой степенью вѣроятности—хотя все-таки только вѣроятности, а не абсолютной достовѣрности—опредѣлить степень родства извѣстныхъ личностей. У одного писатели о Римской исторіи я встрѣтилъ замѣчаніе, что такъ какъ въ Римѣ былъ обычай, чтобы старшій сынъ назывался прозвищемъ своего отца, то изъ этого мы можемъ заключить, что Тиберій Гракхъ, знаменитый трибунъ, былъ старшимъ изъ сыновей другаго Тиберія Гракха, тоже трибуна, и тоже знаменитаго. Мы не можемъ, однако, быть въ этомъ вполнѣ увѣрены; Тиберій старшій могъ отступить отъ обычая, какъ отступилъ отъ него Сулла, давшій одному изъ своихъ сыновей praenomen: Фаустусъ, имя, которое, насколько извѣстно, никто до него не носилъ. Для старшаго сына аѳинянина носить имя дѣда, а для старшаго сына римлянина носить имя отца были обычнымъ на столько же, на сколько обычно, чтобы англійскому пэру наслѣдовалъ старшій его сынъ; и однако, случилось такъ, что на основаніи спеціальной королевской грамоты, герцогское достоинство Эдуарда Сомерсета перешло къ потомкамъ его второго сына, что, какъ извѣстно, было поводомъ любопытнаго разговора между принцемъ Оранскимъ и представителемъ старшей линіи Сомерсетовъ. «Я думаю, сэръ Эдуардъ, что вы принадлежите къ семейству герцога Сомерсета»?—спросилъ принцъ. «Нѣтъ, ваше высочество, герцогъ Сомерсетъ принадлежитъ къ моему семейству»—былъ отвѣтъ сэра Эдуарда. Принцъ Оранскій сдѣлалъ выводъ изъ общепринятаго обычая и оказалось, что въ этомъ случаѣ выводъ былъ невѣренъ. Изучая исторію XI и XII вѣковъ, я понялъ, что изученіе вопроса о личныхъ именахъ дѣло не маловажное и мнѣ часто при-

ходилось дѣлать выводы относительно происхожденія и даже относительно національности различныхъ личностей на основаніи однихъ только ихъ именъ. Обычай принимать имя крестнаго отца былъ очень распространеннымъ, такъ что когда мнѣ случалось встрѣчать во времена Исповѣдника или въ началѣ царствованія Завоевателя Нормана, носившаго англійское или датское имя, имя кого-либо изъ видныхъ въ то время лицъ англійскаго происхожденія, я съ нѣкоторой увѣренностью дѣлалъ выводъ, что этотъ англичанинъ былъ его крестнымъ отцомъ. Такъ, напримѣръ, возьмемъ два случая изъ очень многихъ: казалось, что Гарольдъ, сынъ племянника короля Эдуарда, графа Ральфа Герефорда, былъ крестникомъ графа (впослѣдствіи короля) Гарольда и что Эдифь, дочь Вилльяма Варрена была крестницей Эдифи Государыни (Edith the Lady). Такой выводъ можетъ быть довольно вѣроятнымъ, но на сколько онъ далекъ отъ настоящей достовѣрности, можно судить по такому факту изъ моего личнаго опыта. Многимъ изъ васъ, надѣюсь, извѣстно имя моего покойнаго друга, Димока, издателя нѣсколькихъ томовъ лѣтописей и мемуаровъ, нѣкоторыхъ сочиненій Жиральда и жизнеописанія св. Гуга—настоящаго жизнеописанія («Life»), подлиннаго текста, а не той грубой передѣлки, которую вы встрѣтите въ популярныхъ книжкахъ. Предположите, что вы прочитали въ какой нибудь лѣтописи, что я былъ крестнымъ отцомъ сына Димока, а въ другой лѣтописи вы встрѣтите указаніе, что у Димока былъ сынъ, окрещенный именемъ Эдуарда Фримана, вы сдѣлаете, я полагаю, тотъ выводъ, что Эдуардъ Фриманъ Димокъ былъ моимъ крестникомъ. Дѣлая подобный выводъ, вы имѣете за себя большую степень вѣроятности сравнительно съ той, какая была достижима для меня при изученіи исторіи XI вѣка. Казалось бы, что въ данномъ случаѣ вы достигаете такой степени вѣроятности, которую можно назвать высочайшей степенью. И однако ваша аргументація можетъ оказаться—и въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, оказывается—ошибочной. Эдуардъ Фриманъ Димокъ совсѣмъ не былъ моимъ крестникомъ; онъ былъ названъ такъ по имени другаго Эдуарда и другаго Фримана; а братъ его, котораго я крестилъ, носитъ имя Гуго Персивиля.

Этотъ примѣръ можетъ, кажется мнѣ, быть названъ самымъ невѣроятнымъ, какой только можно встрѣтить. Я не знаю теоріи вѣроятностей и любопытно бы знать, какъ люди, ее знающіе, расчитываютъ въ подобныхъ случаяхъ всѣ шансы. Во всякомъ случаѣ этотъ примѣръ поможетъ намъ усвоить одно изъ самыхъ полезныхъ правилъ при опредѣленіи значенія показаній свидѣтелей. «Credo, quia impossibile est»—это такое правило, которое мы всегда должны имѣть въ виду, хотя при примѣненіи его и требуется крайняя осторожность. При обыкновенныхъ условіяхъ мы не довѣряемъ тому, что дѣйствительно физически невозможно — хотя, сказать правду, и насчетъ

физической невозможности могутъ быть извѣстныя разногласія. Но иногда то, что мы называемъ невозможнымъ только потому, что это невѣроятно, можетъ оказаться вѣрнымъ именно потому, что оно кажется намъ невѣроятнымъ. Говоря другими словами, часто бываетъ такъ, что событіе столь невѣроятно, что никто не сталъ бы утверждать, что оно случилось, если бы оно не случилось въ дѣйствительности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы можемъ о какомъ нибудь событіи сказать это, мы достигаемъ очень высокой степени вѣроятія. Предположите, что вы прочитали двѣ вышеупомянутыя воображаемыя лѣтописи, въ одной изъ которыхъ упоминается имя Эдуарда Фримана Димока, въ другой говорится, что я крестилъ одного изъ сыновей отца этого Димока, а потомъ находите третью лѣтопись, въ которой разсказывается о повидимому совсѣмъ невѣроятномъ фактѣ, что Эдуардъ Фриманъ Димокъ не мой крестникъ, что его крестилъ кто то другой. Вы были бы неправы, если бы признали показанія третьей лѣтописи опровергнутыми случайнымъ совпаденіемъ показаній двухъ первыхъ лѣтописей. На самомъ дѣлѣ, во всѣхъ этихъ показаніяхъ не имѣется настоящаго противорѣчія, настоящей невозможности; показаніе третьей лѣтописи представляетъ, собственно говоря, только объясненіе показаній двухъ первыхъ; самая невѣроятность его при сравненіи съ естественнымъ выводомъ, сдѣланнымъ изъ показаній двухъ первыхъ лѣтописей, составляетъ лучшее основаніе для признанія его вѣрности. Въ приведенномъ воображаемомъ примѣрѣ также, какъ и въ многихъ дѣйствительныхъ случаяхъ, такое признаніе вѣрности показанія основано на томъ, что трудно представить себѣ, чтобы кому нибудь вздумалось намѣренно извращать дѣло и давать завѣдомо ложныя показанія. Человѣкъ, конечно, можетъ ошибиться; но всякому, кромѣ людей, физически неспособныхъ дать вѣрное показаніе, самая странность утвержденія помѣшала бы впасть въ заблужденіе, а для завѣдомо ложнаго показанія не было бы основаній по недостатку мотивовъ.

Въ другихъ случаяхъ можно предполагать существованіе извѣстной преднамѣренности, но люди, изобрѣтающія преднамѣренно какую нибудь исторію, — если конечно они не совсѣмъ глупы — изобрѣтаютъ обыкновенно исторію правдоподобной или по крайней мѣрѣ такую, какую они считаютъ правдоподобную, а не такую, которая очевидно неправдоподобна; выдуманная исторія, вродѣ исторіи Ингульфа, обыкновенно бываетъ сама по себѣ не невѣроятна. Легенда объ Ингульфѣ можетъ показаться вѣрной; она не казалась невѣроятной ея автору, а также и многимъ изъ его читателей; было доказано, что эта легенда не вѣрна не въ силу существенной ея невѣроятности, а благодаря ошибкамъ въ данныхъ, благодаря упоминанію о словахъ, обычаяхъ, подробностяхъ разнаго рода, какъ извѣстно не бывшихъ употребительными въ этотъ періодъ времени.

Очень вѣроятно, что этотъ Ингульфъ, если бы онъ былъ въ Константинополѣ, былъ бы представленъ императору; но не только невѣроятно, но даже просто невозможно, чтобы онъ былъ представленъ императору Алексѣю, такъ какъ этотъ послѣдній вступилъ на престолъ только черезъ двадцать лѣтъ послѣ предполагаемаго посѣщенія Константинополя Ингульфомъ. Мы ловимъ автора легенды на этой ошибкѣ, мы ловимъ его также и на томъ, что онъ говоритъ объ одномъ каноникѣ, занимающемъ «pinguissimam praebendam» въ такое время, когда доходы капитуловъ не были раздѣлены на пребенды. Ингульфъ былъ уличенъ только потому, что хотя онъ и былъ ловкимъ выдумщикомъ, онъ не обладалъ такими знаніями, чтобы выдумать разсказъ объ эпохѣ, предшествовавшей его времени за 300 и 400 лѣтъ. Вообще, поддѣлыватель, если онъ хочетъ заставить людей повѣрить въ свою поддѣлку, постарается быть точнымъ во всемъ, что не имѣетъ прямаго отношенія къ его выдумкѣ, потому поддѣланная грамота бываетъ часто столь же хорошимъ документомъ, какъ и настоящая, относительно тѣхъ пунктовъ, которые не имѣютъ прямаго отношенія къ цѣли поддѣлки. Стало быть, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ намѣренный обманъ, предѣлы этого обмана весьма ограниченны; поддѣлыватель, умѣющій достичь своей цѣли, никогда не рѣшится ввести въ поддѣланный имъ документъ что нибудь такое, что можетъ служить для его изобличенія. Тутъ очень трудно отличить обманъ отъ правды; все зависитъ отъ того, какое количество свѣдѣній можно предполагать существующимъ въ извѣстную эпоху въ извѣстномъ классѣ народа. Конечно, выдумка гражданъ Барнстапля въ эпоху Эдуарда третьяго, представившихъ хартію Этельстана, не только дававшую имъ право посылать двухъ представителей въ парламентъ, но и освобождавшую ихъ отъ разныхъ повинностей и уплатъ на томъ условіи, чтобы они посылали этихъ представителей (такъ сильно было желаніе славнаго короля воспользоваться совѣтами просвѣщенныхъ представителей Барнстапля) была очень смѣшной выдумкой.

Безстыдство навряд ли могло идти дальше, но даже изъ подобной поддѣлки мы узнаемъ кое-что; мы не только узнаемъ, какъ могутъ быть безстыдны поддѣлыватели и какъ велико бываетъ иногда общественное невѣжество, на которое они по ихъ мнѣнію могутъ разсчитывать. Представленіе объ милости, оказанной Этестаномъ Барнстаплю доказываетъ невѣжество ни сколько не болшое того, чѣмъ столь же безстыдная выдумка, будто Альфредъ основалъ Оксфордскій университетъ или нѣкоторыя изъ его коллегій; и тѣмъ не менѣе намъ извѣстно, что неособенно давно знаменитые государственные люди изивѣстные писатели присутствовали на обѣдѣ данномъ въ честь этой выдумки. Барнстапльская выдумка учитъ насъ и кое чему другому; она доказываетъ, что во времена Эдуарда III граждане Барнстапля начали

понимать, что право посылать двухъ представителей въ парламентъ было привиллегіей, отъ которой они конечно надѣялись что нибудь выгадать, а не простой повинностью, какой считали это право другіе города.

Въ дѣлѣ Барнстапля мотивы ясны, хотя и трудно понять на какомъ основаніи поддѣлыватели рѣшились на свою поддѣлку. Поводомъ къ этой выдумки послужили неизвѣстныя намъ обстоятельства. Возьмемъ другой примѣръ изъ исторіи другой страны, примѣръ въ которомъ мѣстныя претензіи представляютъ во всякомъ случаѣ только преувеличеніе чего то реальнаго. Мѣстныя лѣтописи Монцы разсказываютъ о коронаціи нѣсколькихъ королей въ церкви этого города, о чемъ не говорятъ другіе историческіе источники; на этомъ основаніи онѣ отстаиваютъ право протопресвитера Монцы, главы капитула священниковъ собора, вѣнчать на царство короля Италіи въ томъ случаѣ, если архіепископъ Миланскій откажетъ въ вѣнчаніи. Такая претензія несомнѣнно неосновательна, но въ ней есть доля истины. Несомнѣнный фактъ, что Итальянская корона хранилась въ Монцѣ и перевозилась при каждой коронаціи въ Миланъ, а одинъ разъ въ Болонію. Дѣйствительно, похоже на то, что Монца была прежде мѣстомъ коронаціи; и хотя нѣкоторыя изъ предполагаемыхъ коронацій навѣрное выдуманы, нельзя рѣшиться утверждать, что всѣ случаи коронацій таковы. Мы можемъ быть склонны отвергнуть претязанія Монцскаго протопресвитера. Англійскіе короли вѣнчаются на царство въ Вестминстерѣ, а не Кентербюри, но они коронуются не аббатами и деканами Вестминстерскими—и однако это еще ничего не доказываетъ. Относительно Монцы дѣло могло обстоять иначе. Возьмемъ еще одинъ случай, случай о которомъ я говорилъ въ четвертомъ томѣ своего сочиненія о «Норманскомъ завоеваніи»: не имѣется никакихъ доказательствъ, кромѣ такъ называемой мѣстной традиціи, того, что Генрихъ I родился въ Сельби. Намъ извѣстно, что такое мѣстная традиція; это обыкновенно самое драгоцѣнное свидѣтельство, если мы можемъ добраться до ея корней; но именно этаго то мы никогда и не можемъ сдѣлать. То, что считается мѣстной традиціей, есть обыкновенно догадка какого нибудь антикварія XVII и XVIII вѣковъ, догадка, возбудившая общее довѣріе въ данной мѣстности. Догадка же антикварія, хотя она и бываетъ обыкновенно неосновательной, всегда имѣетъ въ основаніи какія нибудь причины. Она находится всегда въ какомъ нибудь отношеніи къ фактамъ. Что могло заставить кого нибудь сказать, что Генрихъ I родился въ Сельби? Тутъ опять примѣнимо изреченіе: Credo, quia impossibile, такъ какъ, если бы этого не было, кому могло придти въ голову сказать это? Подумавъ, мы поймемъ, что кромѣ этого аргумента самое невѣроятіе разсказа даетъ ему нѣкоторую вѣроятность; конечно, Сельби не былъ такимъ мѣстомъ, которое было бы избрано для рож-

денія этелинга—(принца крови, наслѣдника престола); но Іоркъ или какое нибудь другое мѣсто въ Іоркширѣ могло быть избрано мѣстомъ рожденія именно этого этелинга, родившагося въ Англіи сына норманскаго Завоевателя. Въ данномъ случаѣ могли дѣйствовать такія же соображенія, въ силу которыхъ сынъ завоевателя сѣвернаго Валиса Эдуардъ кэрнарвонскій родился несомнѣнно въ Кэрнарвонѣ, хотя конечно не въ построенномъ имъ самимъ дворцѣ. Благодаря какому-нибудь непредвидѣнному случаю Генрихъ тоже могъ родиться въ Сельби; въ особенности, если этотъ городъ уже въ то время, какъ утверждаетъ легенда, обращалъ на себя вниманіе, какъ мѣстожительство святаго, хотя тамъ наврядъ ли существовалъ уже въ то время большой монастырь. Мѣстомъ рожденія Генриха считаютъ башню, построенную гораздо позже. Но это обыкновенно такъ бываетъ относительно всякой легенды. Это настолько же не доказываетъ, что Генрихъ не былъ рожденъ въ Сельби, какъ и то обстоятельство, что указаніе на Eagle-tower, какъ на мѣсто рожденія Эдуарда II, совсѣмъ не доказываетъ, что этотъ послѣдній не родился въ Кэрнарвонѣ. Разница въ томъ, что мы имѣемъ несомнѣнное доказательство, что Эдуардъ дѣйствительно родился въ Кэрнарвонѣ, и что нѣтъ никакихъ доказательствъ относительно рожденія Генриха въ Сельби. Намъ извѣстно только, то что онъ родился въ Англіи; на основаніи нѣкоторыхъ соображеній довольно вѣроятно, что онъ родился въ Іоркширѣ; а если это такъ, то хотя и не имѣется прямой вѣроятности, что онъ родился въ Сельби, это представляется возможнымъ и даже правдоподобнымъ въ силу самаго неправдоподобія.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ легендой и съ вопросомъ о ея правдоподобіи. Если мы рѣшили, что неправдоподобное въ нѣкоторыхъ случаяхъ становится правдоподобнымъ въ силу самаго неправдоподобія, то мы не имѣемъ права утверждать, что исторія неправдоподобна, потому что она правдоподобна. Это значило бы идти уже слишкомъ далеко; но при отсутствіи прямыхъ отрицательныхъ доказательствъ противъ любого разсказа не можетъ быть столь сильнаго возраженія, какъ то, что этотъ разсказъ черезъ чуръ простъ, что онъ необходимо долженъ былъ появиться при извѣстныхъ обстоятельствахъ, что въ подобныхъ случаяхъ всегда появляются подобные разсказы только съ перемѣной названій. Но и въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя затрудненія; для насъ бываетъ совершенно очевидно, что подобные разсказы появляются постоянно и передаются изъ устъ въ уста, при чемъ измѣняются только имена, даты и мѣстности. Мы понимаемъ, что въ большей части случаевъ эти разсказы просто выдуманы по образцу какихъ нибудь другихъ разсказовъ, но тутъ всегда появляется вопросъ: всѣ ли такія разсказы выдуманы? Была ли выдумана первая исторія

или гдѣ нибудь случилось что нибудь въ этомъ родѣ и такимъ образомъ былъ данъ образецъ для всѣхъ выдуманныхъ разсказовъ? Всѣмъ извѣстно почти никогда не измѣняющаяся легенда о подземномъ проходѣ между двумя древними зданіями, отстоящими иногда другъ отъ друга на нѣсколько миль. Эта легенда настолько обыкновенна и настолько странна, что мнѣ иногда невольно приходило въ голову, не было ли дѣйствительно гдѣ нибудь подобнаго подземнаго прохода, который былъ образчикомъ всѣхъ воображаемыхъ. Относительно самой древней изъ этихъ легендъ, если бы мы ее только знали, мы могли бы примѣнить правило Credo, quia impossibile est. Но такъ какъ подобное правило мы могли бы примѣнить только къ самой древней изъ всѣхъ легендъ, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ весьма возможно, что въ основаніи всѣхъ такихъ легендъ лежитъ нѣчто дѣйствительно случившееся; иногда, хотя очень рѣдко, мы даже знаемъ, какой именно случай лежитъ въ ихъ основаніи. Въ томъ случаѣ, когда мы не знаемъ этого, мы поступимъ, конечно, очень умно, отвергнувъ всѣ эти разсказы, хотя возможно, что отвергая всю массу выдуманныхъ исторій, мы вмѣстѣ съ этимъ отвергаемъ и дѣйствительно случившуюся; мы часто отвергаемъ исторію просто потому, что она кажется повтореніемъ другой. Это въ особенности можно сказать объ исторіи римской республики. Несомнѣнно, что поступая подобнымъ образомъ, въ большей части случаевъ мы поступаемъ совершенно основательно; отдѣльные эпизоды римской исторіи такъ часто представляютъ очевидное пересказываніе другихъ эпизодовъ, иногда можетъ быть въ силу простой выдумки, а иногда и въ силу того, что два разсказа одного и того же событія, отличающіеся какими нибудь деталями, принимаются за разсказы о двухъ различныхъ событіяхъ. Въ силу этого образовалась тенденція считать за доказанное, что всякая исторія, кажущаяся пересказомъ другой, въ дѣйствительности есть ея повтореніе т. е. что вторая исторія никогда не случилась. Одинъ нѣмецкій писатель напр. утверждаетъ, что самопожертвованіе Публія Деція при Сентинумѣ есть просто пересказъ о самопожертвованіи другаго Публія Деція при Везувіи. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, имѣемъ ли мы или нѣтъ доказательства истинности втораго разсказа и ограничиваясь вопросомъ о простомъ правдоподобіи его, намъ несомнѣнно представится вѣроятнымъ, что подвигъ отца пересказывался, какъ подвигъ сына; но съ другой стороны вѣроятно и то, что сынъ, находясь въ такомъ же положеніи, какъ и отецъ, могъ послѣдовать его примѣру. Большинство, я думаю, признаютъ истинность разсказа о второмъ Деціи и очень немногіе признаютъ истинность разсказа о самопожертвованіи третьяго Деція во время войны съ Пирромъ. По моему мнѣнію, мы поступимъ основательно, признавъ разсказъ о второмъ Деціѣ и отвергнувъ разсказъ о третьемъ. Въ первомъ случаѣ един-

ственнымъ возраженіемъ можетъ быть только подозрѣніе, что это пересказъ; тогда какъ относительно подвига третьяго Деція имѣется прямое отрицательное доказательство въ видѣ другаго разсказа, имѣющаго всѣ признаки достовѣрности, именно въ видѣ разсказа о томъ, что третій Децій дѣйствительно думалъ повторить подвигъ своего отца и дѣда, но ему помѣшала прокламація Пирра, повелѣвшаго, чтобы въ случаѣ, если кто либо изъ римлянъ вздумаетъ совершить подобную церемонію, его не слѣдуетъ убивать въ битвѣ, а нужно взять живымъ и казнить, какъ обманщика. Трудно представить себѣ появленіи подобнаго разсказа, если бы былъ совершенъ актъ самопожертвованія. Въ этомъ случаѣ намъ приходится прибѣгнуть къ извѣстному закону критики, примѣнимому какъ къ нашей наукѣ, такъ къ многимъ другимъ. Критики текстовъ предпочитаютъ труднѣйшій изъ нихъ. Они предпочитаютъ тотъ текстъ, который переписчикъ, навѣрное, измѣнилъ бы. Это правило примѣняется и къ исторической критикѣ; передъ нами два разсказа объ одномъ событіи; они находятся другъ къ другу въ такомъ отношеніи, что если разсказъ а вѣренъ, мы сразу понимаемъ какимъ образомъ появился разсказъ б, тогда какъ, если вѣренъ разсказъ б, мы не можемъ понять какимъ образомъ появился разсказъ а. Это представляетъ одинъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ въ пользу разсказа а. Если бы третій Децій дѣйствительно пожертвовалъ собою, никто не сталъ бы выдумывать о прокламаціи Пирра; но для многихъ исторія третьяго самопожертвованія могла быть столь привлекательна, что они вопреки опровергающему его факту могли разсказывать о ней. Я склоненъ примѣнить подобную аргументацію къ другой подробности разсказа; боюсь что многимъ будетъ очень непріятно, если я предположу возможность, что въ сущности говоря, самопожертвованіе Деція было совсѣмъ не грандіознымъ подвигомъ героическаго консула, искавшаго смерти въ рядахъ непріятеля, а просто человѣческой жертвой. По крайней мѣрѣ, Зонорасъ разсказываетъ, что когда первый Децій принесъ себя въ жертву, онъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ солдатъ; ни Зонорасъ, ни Діонъ Кассій, которому онъ обыкновенно слѣдуетъ, не могли выдумать этого. Они, конечно, заимствовали эту подробность изъ какого нибудь древняго разсказа и мы имѣемъ право предполагать, что блестящая исторія, разсказанная Ливіемъ, представляетъ просто смягченіе отвратительной истины. Съ другой стороны, обряды, о которыхъ говоритъ Ливій, должны были быть подлинными. Въ этомъ отношеніи его разсказу можно довѣрять даже въ томъ случаѣ, если событіе было имъ выдумано. Туллъ Гостилій, можетъ быть, воображаемый царь, но его «lex horrendi Carminis» совершенно достовѣренъ; всякій имѣетъ право предположить, что вторженіе героическаго полководца въ вражескіе ряды было смягченіемъ первобытной человѣческой жертвы также, какъ по-

добнымъ смягченіемъ были бои гладіаторовъ. Мы имѣемъ даже право предположить, что такое смягченіе произошло въ эпоху между жертвой перваго Деція и жертвой втораго. Это возможно, но осторожный критикъ навряд ли будетъ полагаться на такую незначительную возможность.

Во всей этой аргументаціи мы видимъ, какъ недостовѣрны историческія доказательства, но при этомъ мы видимъ также, что нужно съ крайней осторожностью отвергать разсказъ только потому, что нѣчто подобное случилось когда то раньше. Въ дѣйствительной жизни одно событіе часто представляетъ повтореніе другаго и очень вѣроятно, что одно должно быть повтореніемъ другаго не только потому, что одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія, но и потому еще, что въ событіяхъ, зависящихъ отъ человѣческой воли, весьма часто бываетъ вѣроятнымъ, что одинъ человѣкъ поступитъ извѣстнымъ образомъ просто потому, что другой раньше его поступилъ такимъ образомъ. Мнѣ часто приходило въ голову, какъ легко мы могли бы отнестись недовѣрчиво къ разсказу о двухъ царствованіяхъ англійской исторіи. Какъ легко позднѣйшее царствованіе мы могли бы считать повтореніемъ перваго, если бы о нихъ мы имѣли бы только такія свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о другихъ историческихъ событіяхъ. Предположимъ, что о царствованіяхъ Генриха I и Генриха II мы имѣемъ такія же скудныя свѣдѣнія, какъ о нѣкоторыхъ государствахъ древняго Востока. Въ краткихъ и сухихъ лѣтописяхъ о нихъ могло быть разсказано такимъ образомъ, что оба царствованія могутъ показаться однимъ и тѣмъ же. Оба короля носятъ одно имя, оба царствуютъ одинаковое количество лѣтъ, оба получили корону не по обычному пути наслѣдія отъ отца къ сыну, оба возстановляютъ порядокъ послѣ политическаго замѣшательства, оба укрѣпляютъ свой тронъ при посредствѣ брака, обоихъ признаютъ возстановителями старой туземной королевской власти; каждый изъ нихъ теряетъ старшаго сына, каждый отдаетъ свою дочь Матильду за Генриха Германскаго; у обоихъ идутъ раздоры съ архіепископомъ, оба ведутъ войну съ Франціей, оба умираютъ въ своихъ континентальныхъ владѣніяхъ, каждый изъ нихъ—если только въ нашихъ предполагаемыхъ скудныхъ лѣтописяхъ разсказывается о подобныхъ вещахъ—оказывается великимъ законодателемъ и администраторомъ и до нѣкоторой степени каждый изъ нихъ проявляетъ одинаковыя личныя качества, какъ хорошія, такъ и дурныя. Когда мы въ дѣйствительности изучаемъ исторію этихъ двухъ царствованій, мы видимъ, что подробности всѣхъ этихъ сходныхъ событій совершенно различны; но вѣдь я говорю объ очень скудныхъ лѣтописяхъ т. е. такихъ, какими мы въ большинствѣ случаевъ только и располагаемъ, а въ подобныхъ лѣтописяхъ событія двухъ царствованій будутъ, вѣроятно, разсказаны такимъ образомъ, что критикъ легко можетъ

признать Генриха II и его дѣянія двойниками его дѣда и его дѣяній и совершенно отвергнетъ разсказъ о нихъ. Намъ извѣстно, что подобное сужденіе было бы совершенно неосновательно и именно это обстоятельство должно заставить насъ съ крайнею осторожностью примѣнять правила, часто очень полезныя, но всегда опасныя въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы можемъ безсознательно составить ложныя сужденія.

Когда я говорилъ о возможности, что прекрасный разсказъ о смерти Публія Деція могъ быть слѣдствіемъ отвратительнаго разсказа о человѣческой жертвѣ, я говорилъ только о возможности; но очень часто мы примѣняетъ тотъ же процессъ разсужденія съ гораздо большимъ довѣріемъ. Мнѣ нечего говорить вамъ, что историческая критика постоянно срываетъ всѣ покровы правдоподобія или возможности съ самыхъ избранныхъ, съ самыхъ красивыхъ, съ самыхъ любимыхъ легендъ. Это часто дѣлаетъ нашу науку непопулярной, публика не довольна нами, потому что мы лишаемъ ее любимыхъ басень, она отворачивается отъ насъ и говоритъ, что она будетъ вѣрить этимъ баснямъ вопреки всѣмъ нашимъ доказательствамъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, дѣлать нечего; мы могли подвести лошадь къ водѣ, но заставить ее пить мы не можемъ. Можно сомнѣваться, чтобы учителямъ другихъ отраслей знанія проходилось имѣть дѣло съ такой неохотой принимать истину, по крайнѣй мѣрѣ въ такой степени; несомнѣнно нѣчто въ этомъ родѣ происходитъ въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о религіозныхъ или политическихъ убѣжденіяхъ; люди отказываются иногда слушать доказательства потому что боятся, что будутъ вынуждены, выслушавъ ихъ, отказаться отъ этихъ убѣжденій; но въ такихъ случаяхъ мы должны припомнить, что если человѣкъ и дѣлаетъ дурно, отказываясь выслушать аргументы, направленныя противъ убѣжденій, онъ дѣлаетъ еще хуже, легкомысленно отказываясь отъ нихъ, не будучи вынужденъ аргументами, дѣйствительно необходимыми для ихъ опроверженія. Но теперь я говорю не о подобныхъ серьезныхъ убѣжденіяхъ, а о тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда публика вѣритъ легендѣ просто потому, что она знакома ей съ самаго дѣтства и кажется ей гораздо красивѣе правдивой исторіи. Астрономы, конечно, не встрѣчаются съ подобной формой опозиціи. Старое суевѣріе, будто солнце танцуетъ отъ радости въ день пасхи, очень красиво; но я не думаю, чтобы кто-нибудь отвергалъ истинность астрономіи на основаніи эстетическихъ соображеній. Приверженцы библейской космографіи придерживаются своихъ заблужденій не изъ за ихъ красоты, а изъ за убѣжденія, что они истинны и полезны для ихъ душъ; наоборотъ, человѣку, желающему отстаивать здравыя историческія понятія, постоянно приходится имѣть дѣло съ такими эстетическими аргументами. Эти аргументы появляются даже въ тѣхъ случаяхъ, когда возможно доказать лживость

легенды и, конечно, еще болѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ быть ни положительныхъ, ни отрицательныхъ доказательствъ. Многіе, кажется, предполагаютъ, что положеніе доказано, если оно не можетъ быть отвергнуто. Гротъ очень основательно замѣчаетъ, что если кому нибудь вздумается утверждать, будто въ день битвы при Платеѣ въ Нью-Іоркѣ шелъ дождь, то никто не докажетъ, что этого не было, нельзя только доказать, что онъ шелъ. Въ подобныхъ случаяхъ, когда совершенно очевидно для всякаго, что тутъ никто не можетъ знать ничего, всякій, вѣроятно, признаетъ законность незнанія; но въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не столь ясно, когда знаніе могло быть пріобрѣтено, но почему либо не было пріобрѣтено, человѣкъ, дѣлающій утвержденіе, имѣетъ великое преимущество надъ человѣкомъ, который удовольствуется простымъ отрицаніемъ—человѣкъ, выдающій себя за знающаго, имѣетъ большое преимущество передъ человѣкомъ сознающимся въ своемъ незнаніи. Очень немногіе признаютъ вмѣстѣ съ сэромъ Льюсомъ (хотя, можетъ быть, этотъ ученый иногда заходитъ очень далеко), что во многихъ случаяхъ мы должны удовольствоваться отрицательными результатами, что мы часто должны ограничиваться знаніемъ, что извѣстное событіе не совершалось извѣстнымъ образомъ или совсѣмъ не совершалось и не должны стараться замѣнить отвергаемыя нами положенія какимъ либо другимъ положительнымъ утвержденіемъ. Самое обыкновенное дѣло, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и самое неразсудительное, спрашивать человѣка, доказавшаго, что любимая легенда есть просто легенда, ничѣмъ не доказанная, чѣмъ онъ ее думаетъ замѣнить. Многіе полагаютъ, что если онъ ее не думаетъ замѣнить ничѣмъ, то его дѣло проиграно и однако онъ сдѣлалъ все, что хотѣлъ сдѣлать. Онъ именно хотѣлъ доказать, что легенда есть только легенда, не основанная ни на какихъ доказательствахъ. Онъ совсѣмъ не хотѣлъ чѣмъ-либо замѣнить ее; мало этого, онъ даже не хотѣлъ доказывать, что легенда не основательна; если для доказательства ея будутъ найдены какія-либо до сихъ поръ неизвѣстныя данныя, онъ немедленно же признаетъ ихъ и при этомъ нисколько не измѣнитъ положенія, занятаго имъ въ то время, когда онъ отвергалъ легенду.

Посмотримъ, какъ стоитъ дѣло относительно знаменитѣйшей изъ всѣхъ легендъ. Какъ мы не имѣемъ права утверждать, что въ день битвы при Платеѣ въ Нью-Іоркѣ не шелъ дождь, такъ мы не имѣемъ права утверждать, что Римъ не былъ основанъ двумя братьями, выкормленными волчицей. Я говорю такъ, предполагая, что современныя разсказы Индійцевъ о дѣтяхъ, выкормленныхъ волчицами, достовѣрны. Если эти разсказы достовѣрны, то мы не имѣемъ права утверждать, что легенда о Ромулѣ и Ремѣ выдумка. Все, что мы имѣемъ право сказать, это то, что доказательствъ легенды не имѣется; что она не доказывается утвержденіемъ, будто нора волчицы находилась на Пала-

тинскомъ холмѣ, что она не доказывается религіозными церемоніями временъ Августа, начинавшимися словами: «Romulus filius Martis», что она не доказывается также существованіемъ древнихъ построекъ, доказывающихъ однако очень многое другое. Мы можемъ далѣе утверждать, что эта легенда есть просто одна изъ безчисленныхъ легендъ объ основаніи Рима, которая случайно сдѣлалась болѣе знаменитой, чѣмъ другія, но которая, однако, не имѣетъ за себя большихъ доказательствъ. Мы можемъ прибавить, что сравнительный методъ учитъ насъ, что это одна изъ цѣлаго ряда легендъ объ основаніи городовъ и что легенды объ основаніи Ардеи и Тускулума, которымъ никто не вѣритъ, настолько же вѣроятны, какъ и болѣе знаменитая легенда объ основаніи Рима. Стало быть, легенда не только не достаточно правдоподобна, но ея неправдоподобіе совсѣмъ не такого рода, которое могло бы указывать на ея вѣроятіе. Мы прекрасно понимаемъ, какимъ образомъ она могла быть выдумана. Римъ долженъ былъ имѣть легенду объ его основаніи также, какъ и другіе города и появилась легенда, подходящая къ лѣсистому холму при Тибрѣ. Въ данномъ случаѣ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы эта легенда была вѣрной исторіей, по образцу которой составились другія легенды. Сама легенда, поддерживаемая при этомъ географическими и другими доказательствами, указываетъ на Римъ, не какъ на старшій городъ Лаціума, а какъ на младшій. Въ римской легендѣ мы имѣемъ дѣло съ весьма высокой степенью неправдоподобія и кажется абсолютно невозможнымъ, чтобы было найдено какое нибудь новое доказательство, которое подтвердило бы ее. Однимъ словомъ, тутъ мы имѣемъ дѣло съ высшей степенью неправдоподобія,—но только неправдоподобія. Мы можемъ не вѣрить, что Римъ основанъ царемъ, выкормленнымъ волчицей и убившимъ своего брата, но мы не можемъ отрицать этого утвержденія съ такою же несомнѣнною увѣренностью, съ какой мы отрицаемъ утвержденіе, будто университетская колегія основана королемъ, который долженъ былъ поворачивать лепешку передъ очагомъ и по небрежности далъ ей подгорѣть.

Всѣми этими примѣрами мы хотимъ указать на недостовѣрность всякаго рода историческихъ свидѣтельствъ. Можно утверждать, что если существуетъ наука, отличная отъ исторіи, но въ основаніи которой лежитъ исторія, наука о человѣкѣ, какъ о существѣ политическомъ, то она во всякомъ случаѣ есть наука очень недостовѣрная; она не похожа на другія науки, предложенія которыхъ обладаютъ извѣстною степенью достовѣрности и отъ которыхъ при извѣстныхъ условіяхъ можно ожидать тѣхъ или другихъ результатовъ; можно, конечно, сказать что подобная наука совсѣмъ не есть наука, что она состоитъ изъ гипотезъ, при которыхъ приходится руководиться только правилами теоріи вѣроятности; но на это можно сдѣлать возраженіе, которое приведетъ насъ къ обсужденію очень

важныхъ вопросовъ; можно спросить себя, не преувеличивается ли иногда различіе между сущностью доказательствъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло и сущностью доказательствъ нѣкоторыхъ изъ другихъ наукъ; несомнѣнно, что иногда мы преувеличиваемъ степень достовѣрности, достигаемой въ нѣкоторыхъ естественныхъ наукахъ; мнѣ кажется, что естествоиспытатели иногда принимаютъ за достовѣрность нѣчто такое, что составляетъ только высшую степень правдоподобія и что они проводятъ уже черезъ чуръ рѣзкую раздѣльную линію между высокою степенью достовѣрности ихъ наукъ и болѣе низкой степенью правдоподобія, которой намъ приходится ограничиваться. Несомнѣнно, что различіе между ихъ доказательствами и нашими есть различіе въ степени, а не въ родѣ. Полная достовѣрность достижима въ очень немногихъ наукахъ, а нѣкоторые утверждаютъ, что она недостижима ни въ одной изъ нихъ. Раньше мнѣ случалось слышать утвержденіе, что только математикъ имѣетъ дѣло съ дѣйствительной достовѣрностью, но и на это многіе возражаютъ, что, въ сущности говоря, даже математика не достовѣрна, что даже истины геометріи находятся въ зависимости отъ условій нашего существованія и что можетъ существовать такой міръ, въ которомъ по словамъ Милля, дважды два будетъ не четыре, а пять. Подобныя разсужденія не особенно привлекаютъ меня и несомнѣнно, что между доказательствами геометра и нашими доказательствами имѣется существенное различіе. Геометръ можетъ не только сказать, что вещь существуетъ, но и почему она существуетъ; мнѣ кажется, что въ большей части наукъ, даже такихъ, результаты которыхъ считаются самыми достовѣрными, можно сказать только, что вещь существуетъ, но нельзя сказать, почему она существуетъ. Я даже осмѣлился бы утверждать, что, хотя историкъ съ меньшимъ довѣріемъ, чѣмъ натуралистъ, можетъ сказать, что дѣло происходило такимъ-то и такимъ образомъ, но признавъ, что оно происходило именно такъ, онъ съ большею увѣренностью, чѣмъ натуралистъ, можетъ утверждать, почему оно такъ произошло. Во всякомъ случаѣ, законы естественныхъ наукъ суть только выводы изъ опыта; въ природѣ событія всегда происходятъ извѣстнымъ образомъ и натуралистъ не можетъ сказать, почему они происходятъ такъ; онъ можетъ указать на непосредственную причину факта или событія, но относительно конечной причины онъ можетъ только сказать, что это есть сила. Собственно говоря, онъ долженъ бы сказать, что онъ не знаетъ этого. Прослѣдите даже законъ тяготѣнія во всѣхъ его безконечныхъ и удивительныхъ примѣненіяхъ—въ концѣ концовъ мы не можемъ сказать, почему предметы притягиваются другими предметами; мы можемъ только утверждать, что они притягиваются; можетъ быть, дѣлая такое утвержденіе, я говорю нѣчто весьма старомодное и не научное; но несомнѣнно, что, признавая всѣ факты и всѣ классификаціи фактовъ, установленные современной наукой и

утверждая, что эти факты суть результаты личной воли, рѣшившей, чтобы они произошли извѣстнымъ образомъ, мы дѣлаемъ столь же философское утвержденіе, какъ и въ томъ случаѣ, когда говоримъ, что они суть результаты силы, при чемъ совершенно неизвѣстно, что такое эта сила. Истины естественныхъ наукъ суть результаты опыта, мы сознаемъ, что между слѣдствіемъ и непосредственной причиной должна существовать извѣстная связь, потому что опытъ доказываетъ, что слѣдствіе всегда слѣдуетъ за непосредственной причиной, но до этого опыта мы не можемъ знать о существованіи связи между причиной и слѣдствіемъ. Мы вѣримъ, что солнце всходило ежедневно, даже за тысячелѣтіе до начала достовѣрной исторіи; мы вѣримъ также, что оно будетъ всходить ежедневно и въ отдаленномъ будущемъ. Однимъ словомъ мы вѣримъ, что существующее положеніе вещей существовало и въ прошломъ и будетъ существовать въ будущемъ; но мы вѣримъ этому только потому, что этотъ процессъ, который называется восходомъ солнца, всегда, насколько это извѣстно изъ опыта человѣчества, происходитъ одинъ разъ въ теченіи двадцати четырехъ часовъ. Астрономъ можетъ указать на непосредственныя причины, почему происходилъ этотъ процессъ; онъ можетъ указать намъ на длинный рядъ причинъ, но онъ не можетъ достигнуть конечной причины. Онъ не можетъ доказать даже достовѣрности (если это можно назвать достовѣрностью) предложеній Эвклида. Онъ не можетъ доказать, что не существуетъ причины выше всѣхъ другихъ причинъ, приведшей въ дѣйствіе всѣ извѣстныя ему причины — такой причины, которая снова можетъ прекратить ихъ дѣятельность. Говоря иными словами, Всемогущество могло вызвать существованіе солнечной системы и оно же можетъ положить ей конецъ. Такое утвержденіе будетъ настолько же философскимъ, какъ и всякая другая теорія объ этомъ предметѣ, находящемся внѣ предѣловъ способностей, нашего ума, который не можетъ понять ни абсолютнаго начала, ни его отсутствія, ни отсутствія конечной причины, ни сущности ея. Повторяю еще разъ, что только математика обладаетъ извѣстной степенью достовѣрности; въ другихъ же наукахъ мы имѣемъ дѣло только съ высшей или низшей степенью вѣроятности. Что касается до фактовъ, какъ настоящихъ, такъ и будущихъ, то естествоиспытатель, не достигая абсолютной достовѣрности математика, подходитъ однако къ ней гораздо ближе, чѣмъ можетъ подойти къ ней историкъ; тѣмъ не менѣе я утверждаю, что когда мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительными причинами фактовъ, историкъ подходитъ ближе къ пониманію ихъ сущности, чѣмъ можетъ подойти къ ней естествоиспытатель. Мы часто сомнѣваемся въ историческихъ фактахъ, но намъ никогда не приходится объяснять эти факты признаніемъ ихъ причиной силы т. е. употребленіемъ простаго не имѣющаго значенія слова, приличнаго термина для прикрытія нашего незнанія.

Почему же историческія событія не достовѣрны, какъ сами по себѣ, такъ и относительно ихъ доказательствъ? Потому что они зависятъ отъ того, что по своей сущности не достовѣрно. Событіе зависитъ отъ человѣческой воли, а сама человѣческая воля весьма не достовѣрная вещь; доказательство его зависитъ отъ человѣческой правдивости, тоже весьма не достовѣрной вещи. Когда я говорю, что событія зависятъ отъ человѣческой воли, я не дѣлаю какого нибудь непочтительнаго съ философской или съ религіозной точки зрѣнія утвержденія. Христіане и деисты вообще полагаютъ, что человѣческая воля подчинена другой Высшей волѣ; но существованіе этой Высшей воли не отрицается, если можно доказать, что мы, какъ утверждаютъ нѣкоторые, не имѣемъ свободной воли, что мы просто остроумно построенныя машины, столь остроумно, что предполагаемъ, будто у насъ есть свободная воля, тогда какъ на самомъ дѣлѣ у насъ ее нѣтъ. Нѣкоторые изъ насъ могутъ быть настолько не философски настроенными людьми, чтобы утверждать «Solvitur vellendo». Относительно этого достаточно сказать, что если у насъ нѣтъ свободной воли, то значитъ мы живемъ въ странно-обманчивомъ мірѣ, обманчивомъ не только относительно историческаго знанія, но и относительно всѣхъ, какъ общественныхъ, такъ и обыденныхъ событій. Собственно говоря, мы приходимъ снова къ моему любимому утвержденію, что исторія есть политика прошлаго, а политика есть исторія настоящаго; исторія прошлаго недостовѣрна, но столь же недостовѣрно и все совершающеяся на нашихъ глазахъ. Всякій считаетъ совершенно достовѣрнымъ, что парламентъ соберется въ слѣдующій четвергъ. Всякій, кому до этого есть дѣло, будетъ дѣйствовать такимъ образомъ, какъ будто собраніе парламентъ совершенно достовѣрно, настолько же достовѣрно, какъ восходъ солнца въ этотъ четвергъ. Но въ сущности говоря, никто не можетъ быть увѣренъ въ собраніи парламента. Въ этомъ случаѣ не имѣется не только достовѣрности математика, но даже достовѣрности химика и астронома. Мы не знаемъ, почему восходитъ солнце, но никакая сила, находящаяся въ предѣлахъ нашего пониманія, не можетъ помѣшать ему взойти. Наоборотъ, тысячи вещей, находящихся въ предѣлахъ нашего пониманія, могутъ помѣшать парламенту собраться. Мысль, что парламентъ можетъ не собраться, по всей вѣроятности не придетъ въ голову ни одному человѣку, котораго это собраніе принуждаетъ къ извѣстому ряду дѣйствій; на самомъ же дѣлѣ только очень вѣроятно, что парламентъ соберется, очень невѣроятно, чтобы что нибудь помѣшало ему собраться. Но всетаки что нибудь можетъ помѣшать этому и притомъ безъ всякаго чуда, безъ разрушенія міра раньше назначеннаго дня. Какая нибудь нравственная и физическая причина, какой нибудь неожиданный переворотъ въ мірѣ матеріальномъ или духовномъ можетъ сдѣлать невозможнымъ для сословій соединеннаго

королевства собраться въ назначенный день. Та же самая недостовѣрность преслѣдуетъ насъ во всѣхъ нашихъ обязанностяхъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ. Что нибудь можетъ разрушить всѣ наши ожиданія и притомъ безъ всякаго измѣненія въ обыкновенномъ ходѣ природы. Ожиданія же естествоиспытеля, что совершится извѣстное событіе, что за извѣстными причинами воспослѣдуютъ извѣстныя результаты, могутъ быть разрушены только измѣненіемъ обычнаго хода вещей; но выше всѣхъ положеніе геометра, который имѣетъ не ожиданіе, а увѣренность и для котораго даже условія обычнаго хода вещей не имѣютъ особаго значенія; къ нему мы можемъ примѣнить извѣстный стихъ:

«Si fractus illabatur orbis
Impavidum ferient ruinae»;

потому что истины его науки будутъ существовать непрекосновенными и неизмѣнными въ безпредѣльномъ и пустомъ пространствѣ. Мы не достигаемъ подобной высоты вѣроятія, но мы утверждаемъ, что естествоиспытатель тоже не достигаетъ ее. Разница между нами состоитъ только въ томъ, что естествоиспытатель подвергается искушенію, отъ котораго мы свободны—искушенію предположить, будто онъ достигъ такой же высоты, какой достигъ и математикъ. Онъ склоненъ думать, что такъ какъ ничто кромѣ измѣненія обычнаго порядка вещей не можетъ разрушить его разсчеты, то стало быть его разсчеты не могутъ быть совсѣмъ разрушены. Онъ настолько близко подходитъ къ полной достовѣрности, что онъ склоненъ думать, будто онъ уже достигъ ее. Онъ склоненъ думать, что порядокъ, къ которому мы привыкли, вѣченъ и неизмѣненъ, что не доказано и не можетъ быть доказано. Онъ склоненъ забыть, что установленныя имъ законы т. е. выводы изъ опыта и наблюденія могутъ быть подчинены другимъ высшимъ законамъ, ему неизвѣстнымъ и неизвѣстнымъ потому, что время, когда они начали дѣйствовать, должно считаться не днями и годами, а безконечными тысячелѣтіями. Однимъ словомъ, онъ склоненъ принять высокую вѣроятность за достовѣрность, склоненъ забыть, что различіе между нами и имъ есть различіе только въ степени. Что же касается до насъ, историковъ, то мы совсѣмъ не занимаемся такими вещами, которыя выходили бы за предѣлы нашихъ способностей. Мы открыто признаемъ, что всѣ наши разсчеты могутъ быть разрушены безъ всякаго измѣненія въ порядкѣ природы. Порядокъ природы отнюдь не зависитъ отъ такой весьма не достовѣрной вещи, какъ человѣческая воля. А то, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, т. е. ходъ человѣческихъ событій, именуемый нами для настоящаго политикой и для прошедшаго исторіей, зависитъ отъ человѣческой воли и стало быть не достовѣрно. Мы не можемъ быть

увѣрены въ будущемъ, потому что отъ человѣческой воли зависитъ опредѣлить, что случится; мы не можемъ быть увѣрены и въ прошломъ, потому что доказательство этой прошлой зависитъ отъ человѣческой правдивости т. е. потому что отъ человѣческой воли зависитъ опредѣлить, что будетъ сказано о случившемся.

Такимъ образомъ въ исторической наукѣ, какъ наукѣ о человѣческихъ дѣлахъ, мы достигаемъ такой же степени достовѣрности, какъ и въ обыкновенныхъ человѣческихъ дѣлахъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ. Мы не можемъ достигнуть математической достовѣрности, мы не можемъ достигнуть и достовѣрности даже нисшей, чѣмъ математическая; но мы можемъ достигнуть высокой степени вѣроятія, именуемой нравственной увѣренностью, а на основаніи такой увѣренности всѣ разсудительные люди дѣйствуютъ даже въ самыхъ важныхъ житейскихъ дѣлахъ. Вы считаете меня профессоромъ новой исторіи, таковымъ же считаю себя и я самъ; но ни вы, ни я не имѣемъ доказательствъ этого факта и тѣмъ не менѣе я не отказываюсь читать лекціи только потому, что имѣется возможность предполагать, что подписанный ея Величествомъ приказъ о моемъ назначеніи подложный документъ—потому что я, конечно, самъ не видалъ, какъ ея Величество подписывала это назначеніе. Вы тоже не отказываетесь слушать мои лекціи только потому, что вы не видали подписываніе королевой моего назначенія и потому что вы не имѣете никакихъ его доказательствъ, кромѣ моихъ словъ и обыкновенныхъ слуховъ. Именно подобными доказательствами, на основаніи которыхъ мы дѣйствуемъ въ обыденной жизни, на основаніи которыхъ мы иногда рискуемъ нашимъ состояніемъ, честью и жизнью, мы пользуемся и въ нашихъ изслѣдованіяхъ. Достаточно ли такое доказательство для того, чтобы сдѣлать исторію наукой или путемъ къ созданію науки—это, въ сущности говоря, вопросъ только о названіи. Благодаря такимъ доказательствамъ, мы получаемъ значительное количество свѣдѣній не только интересныхъ сами по себѣ, но и пригодныхъ для дисциплины ума и до значительной степени практически полезныхъ. Я полагаю, что, если бы мы говорили о такихъ свѣдѣніяхъ по латыни, мы бы не могли назвать ихъ иначе, какъ scientia.

Стало быть, наши доказательства относительно фактовъ нашей отрасли знанія или науки менѣе сильны, чѣмъ доказательства относительно фактовъ нѣкоторыхъ другихъ отраслей науки. Знаемъ ли мы тѣмъ не менѣе относительно причинъ фактовъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло, больше, чѣмъ знаютъ о нихъ другіе? Несомнѣнно, что о человѣческой волѣ мы знаемъ больше, чѣмъ о силѣ. Конечно, мы знаемъ объ этомъ только эмпирически, что можетъ быть пригодно только для практическихъ цѣлей. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сдѣлать нѣкоторые выводы изъ хода человѣческихъ дѣлъ; мы можемъ составить нѣкоторыя правила, которыя почти могутъ быть названы зако-

нами и я смѣю думать, что причину этихъ законовъ мы можемъ представить себѣ яснѣе, чѣмъ причину законовъ физическихъ. Ничего не можетъ быть болѣе достовѣрнаго, т. е. ничто не достигаетъ высшей степени вѣроятія, какъ то положеніе, о которомъ я говорилъ въ началѣ лекціи, а именно то положеніе, что всякое достойное движеніе на пользу науки, или еще болѣе высокихъ цѣлей, на пользу свободы или гуманности, на пользу какого нибудь права, выдержитъ много оппозиціи, много насмѣшекъ, множество возраженій, множество презрительныхъ статей въ газетахъ, но въ концѣ концовъ, если только его иниціаторы будутъ держаться стойко, побѣдитъ. Возьмемъ примѣръ изъ исторіи естественныхъ наукъ. Times пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ смѣялась надъ британской Ассоціаціей, а теперь говоритъ о ней почтительно. Но мы изъ этого не намѣрены дѣлать обратнаго вывода и утверждать, что всякое движеніе, противъ котораго говорятъ и надъ которымъ смѣются, есть по необходимости движеніе великое и доброе, которому суждено имѣть успѣхъ; мы можемъ только сказать, что оппозиція и насмѣшка ничего не доказываютъ противъ движенія, они могутъ быть иногда справедливыми, а иногда и совершенно несправедливыми. Очень вѣроятно, почти достовѣрно, что обо всемъ добромъ будутъ говорить дурно; но мы не можемъ сказать, что все, о чемъ будутъ говорить дурно, потому самому хорошо. Было бы легко составить цѣлый рядъ предложеній, которыя можно назвать аксіомами, хотя они въ сущности говоря суть просто выводы изъ опыта, но изъ которыхъ безъ всякаго измѣненія въ обычномъ ходѣ природы могутъ быть исключенія. Какой нибудь народъ можетъ находиться въ какихъ нибудь необыкновенныхъ условіяхъ, воля какого нибудь человѣка можетъ быть такъ сильна или такъ капризна, что всѣ ожиданія будутъ разрушены, всѣ обычныя правила могутъ быть непримѣнимы. Въ извѣстное время можетъ оказаться недостатокъ въ человѣкѣ или для извѣстнаго человѣка время будетъ неподходящимъ. Сравнительно съ постоянствомъ физическихъ правилъ, человѣческія дѣла могутъ казаться чѣмъ то случайнымъ; наука, имѣющая съ ними дѣло, можетъ казаться лишенной атрибутовъ науки. То, что кажется одному изслѣдователю достовѣрнымъ, можетъ казаться другому совершенно недостовѣрнымъ. Мы допускаемъ это обвиненіе, если только оно обвиненіе; если это зло, то оно присуще нашему предмету; во всякомъ случаѣ отъ него отдѣлаться мы не можемъ; мы склонны думать, что это совсѣмъ не зло, а наоборотъ, признакъ достоинства и величія нашего предмета. Если духъ выше матеріи, если нравственныя причины выше физическихъ, то именно по этой самой причинѣ нравственныя причины менѣе подлежатъ власти строгихъ правилъ. Въ силу самой возвышенности предмета, его подробности менѣе достовѣрны, чѣмъ подробности другихъ наукъ, занимающихся менѣе возвышенными пред-

метами. Такъ какъ мы можемъ подойти къ дѣйствительному знанію причинъ, съ которыми мы имѣемъ дѣла, ближе, чѣмъ другіе люди, занимающіеся другими науками, такъ какъ мы можемъ понять дѣятельность разумной воли лучше, чѣмъ понимаемъ дѣятельность необъяснимой силы, то вслѣдствіе именно этого мы не можемъ ни относительно прошлаго, ни относительно будущаго быть столь увѣренными въ результатахъ, зависящихъ отъ дѣйствій разумной воли. Каждая изъ наукъ имѣетъ свои достоинства; мы не отстаиваемъ превосходства нашей науки надъ другими отраслями знанія, но мы не признаемъ, что бы она была ниже другихъ; мы признамъ большую возвышенность нашей науки, но признаемъ также и то, что обладаемъ меньшими средствами пріобрѣтенія точнаго знанія. Мы протестуемъ противъ исключительнаго притязанія какой нибудь отрасли знанія на право признавать только себя и родственныя ей отрасли— настоящимъ знаніемъ; въ особенности мы протестуемъ противъ попытки поддерживать такое притязаніе простымъ шарлатанствомъ, исключительнымъ наименованіемъ только извѣстныхъ наукъ латинскимъ словомъ, словомъ, которое есть простой переводъ обыкновеннаго тевтонскаго слова, которое, конечно, звучитъ пріятнѣе для ушей англичанъ.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Оригинальные источники.

Сущность всякаго здраваго историческаго преподаванія состоитъ въ томъ положеніи, что историческое изслѣдованіе, не основанное на оригинальныхъ источникахъ, не имѣетъ никакой цѣнности; это не значитъ, однако, что я признаю правиломъ, что всякое историческое знаніе, не основанное прямо на оригинальныхъ источникахъ, не имѣетъ никакого значенія. Если бы это было такъ, то и я и многіе другіе писатели, какъ живые, такъ и мертвые, совершенно даромъ тратили бы время, наводняя міръ большимъ количествомъ сочиненій, конечно, не имѣющихъ права считаться оригинальными источниками. Подобное утвержденіе, очевидно, нелѣпо, такъ какъ исполнить такое правило было бы совершенно невозможно; если бы таковъ былъ долгъ изслѣдователя историка, то ни одинъ человѣкъ не могъ бы исполнить этого долга. Поле исторіи столь обширно, даже поле каждой изъ ея отраслей столь велико, что ни одинъ человѣкъ не можетъ надѣяться изучить всемірную, средневѣковую или даже англійскую исторію по оригинальнымъ источникамъ всѣхъ ея періодовъ; даже въ томъ случаѣ, если бы онъ могъ изучить всю исторію по оригинальнымъ источникамъ, онъ наврядъ ли былъ бы благоразуменъ, если бы изучалъ только ихъ и не пользовался бы сочиненіями другихъ людей, изучавшихъ оригинальные источники раньше его. Слѣдуетъ, кромѣ того, замѣтить, что если кто нибудь и мечталъ изучить оригинальные источники всемірной, европейской или даже англійской исторіи, то онъ мечталъ объ этомъ развѣ только въ дни своей юности, въ то время, когда онъ не имѣлъ еще никакого представленія о всей громадности дѣла, которое онъ бралъ на себя; навѣрное, онъ мечталъ объ этомъ прежде, чѣмъ познакомился хоть съ однимъ изъ оригинальныхъ источниковъ. Подобныя мечты весьма похвальны сравнительно съ другими мечтами, которыя создаются иногда въ зрѣломъ возрастѣ. Я знаю одного умнаго господина, составившаго первую часть (нѣкоторыя обстоятельства помѣшали ему составить вторую

часть) учебника новой исторіи или чего то въ этомъ родѣ, что не требовало ни отъ читателей, ни отъ писателя какихъ либо свѣдѣній объ оригинальныхъ источникахъ. Предпріимчивый авторъ, человѣкъ не безъ нѣкоторой репутаціи въ другихъ отношеніяхъ, считалъ себя способнымъ заниматься всей новой исторіей, изучать ее и изложить для другихъ просто потому, что онъ прочиталъ двѣ современныхъ англійскихъ книги и одну французскую; я не могу особенно строго осуждать его, потому что его попытка была правильнымъ выводомъ изъ мнѣній людей, считающихъ новую исторію легкой наукой. Я не думаю, чтобы эта попытка была болѣе противна здравому научному принципу, чѣмъ поведеніе людей, не желающихъ изучать, хотя бы даже для полученія привычки къ изученію, скучныхъ лѣтописей о переселеніяхъ народовъ и съ быстротою курьерскаго поѣзда переходящихъ и приглашающихъ другихъ перейти къ изученію французской революціи. Вообще говоря, для здравыхъ научныхъ принциповъ гораздо болѣе вредно то заблужденіе, будто оригинальныхъ источниковъ совсѣмъ нѣтъ или будто безъ нихъ можно обойтись, чѣмъ заблужденія человѣка, для котораго оригинальные источники представляются столь привлекательными, что онъ не рѣшается отказаться отъ удовольствія изучить ихъ всѣ. Истина находится по серединѣ между этими двумя заблужденіями. Всякое знаніе исторіи, на что либо пригодное, должно основываться на изученіи оригинальныхъ источниковъ; но оно не должно основываться на попыткѣ изучить всѣ источники. Всякій изучающій исторію долженъ изучить нѣкоторые изъ нихъ и никто не можетъ изучить ихъ всѣ; даже тотъ, кто дѣлаетъ историческое изслѣдованіе главной задачей своей жизни, можетъ изучить оригинальные источники только немногихъ спеціально имъ избранныхъ періодовъ. Что касается до другихъ періодовъ, то онъ долженъ удовольствоваться такими свѣдѣніями о нихъ, которыя позволили бы опредѣлить ихъ отношенія другъ къ другу и къ избранному имъ періоду. Получить же подобныя свѣдѣнія онъ можетъ не изъ оригинальныхъ источниковъ, а изъ сочиненій писателей, изучившихъ эти источники. Даже въ томъ случаѣ, когда онъ изучаетъ этихъ писателей, онъ въ нѣкоторомъ родѣ пользуется оригинальными источниками, по крайнѣй мѣрѣ, онъ пользуется привычками мышленія, пріобрѣтенными имъ при ихъ изученіи. Я не посовѣтовалъ бы человѣку, только что закончившему свое изученіе Ѳукидида, переходить прямо къ изученію французской революціи, но я полагаю, что онъ гораздо лучше пойметъ исторію французской революціи, чѣмъ человѣкъ, не изучившій ни Ѳукидида, ни какое нибудь другое сочиненіе и прямо приступившій къ изученію этой исторіи.

Но прежде чѣмъ попытаться установить какія нибудь правила пользованія оригинальными источниками, будетъ полезно удостовѣриться, что мы имѣемъ ясное представленіе о томъ, что такое эти оригиналь-

ные источники. Первой обязанностью человѣка, изучающаго исторію, должно быть стремленіе отдѣлаться отъ всѣхъ обычныхъ заблужденій въ этомъ отношеніи. Извѣстно, что для очень многихъ людей и часто для такихъ людей, отъ которыхъ мы бы имѣли право требовать большаго, всякая книга представляется чѣмъ то авторитетнымъ. Многіе люди, сами по себѣ не глупые, но никогда не думавшіе объ этомъ предметѣ, не понимаютъ различія между двумя совершенно различными разрядами авторовъ. Одни изъ авторовъ повѣствуютъ о событіяхъ своего собственнаго времени, часто о такихъ событіяхъ, въ которыхъ они были очевидцами и даже участниками; другіе же авторы, спустя много вѣковъ послѣ разсказываемаго событія, даютъ при помощи сравненія разныхъ свидѣтельствъ возможно лучшее критическое повѣствованіе объ эпохѣ отдаленной. И тѣ и другіе пишутъ объ одинаковыхъ предметахъ и всѣхъ ихъ называютъ историками: Ѳукидидъ—историкъ, историкъ и Гротъ; Амміанъ—историкъ, историкъ и Гиббонъ. Дѣло усложняется еще существованіемъ большаго разряда писателей, тоже называемыхъ историками, но занимающихъ мѣсто среднее между этими двумя разрядами авторовъ. Что напр. можно сказать объ исторіи Ливія, т.-е. о тѣхъ ея частяхъ, которыя дошли до насъ, о лѣтописяхъ Тацита, о жизнеописаніяхъ Плутарха? Очевидно, что всѣ эти писатели не принадлежатъ къ тому же разряду, какъ Ѳукидидъ и Амміанъ. Еще съ меньшимъ правомъ мы можемъ ихъ причислить къ тому разряду писателей, къ которому принадлежатъ Гротъ и Гиббонъ. Они не даютъ намъ отчета о событіяхъ, которыя они сами видѣли; кажется, еще меньше можно утверждать, что они дали намъ политическую исторію событій, случившихся за долго до ихъ времени; и тѣмъ не менѣе, Ливій именно писалъ такую критическую исторію, насколько онъ понималъ ее. Нѣкоторые имѣютъ жестокость утверждать, будто Ливій писалъ не критическую исторію, а просто писалъ исторію некритически; если это такъ, то только потому, что онъ не могъ писать критической исторію. Онъ старался быть критическимъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ это ему удавалось; онъ пользовался различными древними писателями и иногда дѣйствительно взвѣшивалъ ихъ показанія и здраво дѣлалъ выборъ между ними; но къ несчастію самъ Ливій не зналъ, что такое оригинальные источники; у него есть настолько здраваго смысла, чтобы отвергать что нибудь чудовищно нелѣпое, вродѣ выдумокъ Валерія Антія; но вообще для него также, какъ для многихъ изъ нашихъ современниковъ, одна книга представлялась столь же авторитетной, какъ и другая. Когда онъ говоритъ объ очень «древнихъ авторахъ», онъ имѣетъ въ виду не современниковъ излагаемыхъ событій, а только людей, жившихъ за три или за четыре поколѣнія до него. Когда онъ доходитъ до Полибія, онъ кажется не понимаетъ различія между этимъ великимъ

писателемъ (для него онъ просто «haudquaquam spernendus auctor») и тѣмъ или другимъ ничтожнымъ компиляторомъ. Большая часть исторіи Ливія не только не представляетъ оригинальнаго источника, но въ ней онъ даже не пользуется настоящими оригинальными источниками т. е. онъ не имѣлъ подъ руками современнаго разсказа, но онъ имѣлъ fasti и лѣтописи и приводилъ отрывки изъ лѣтописи, отрывки всегда интересные. Цицеронъ совершенно справедливо говоритъ о лѣтописяхъ жрецовъ, что «nihil potest esse jucundius». Чрезвычайно пріятно послѣ цѣлыхъ страницъ семейныхъ панегириковъ встрѣтить строчку или двѣ изъ подлинныхъ лѣтописей. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были матеріалы, которыми пользовался Ливій, тотъ фактъ, что онъ писалъ по матеріаламъ, что онъ по древнимъ лѣтописямъ излагалъ исторію отдаленной отъ его времени эпохи, отличаетъ его отъ писателей, подобныхъ Ѳукидиду, разсказывающихъ событія своего собственнаго времени или въ качествѣ очевидцевъ и дѣятелей или по разсказамъ очевидцевъ и дѣятелей. Подобное отличіе слишкомъ очевидно; но имѣется множество причинъ, какъ основательныхъ, такъ и неосновательныхъ, которыя заставляютъ насъ забывать его, которыя заставляютъ насъ даже противъ нашей воли ставитъ Ливія гораздо ближе, чѣмъ слѣдовало бы, къ разряду писателей, вродѣ Ѳукидида. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ не поставить его ближе къ Ѳукидиду, чѣмъ къ Гиббону и Гроту; множество причинъ, какъосновательныхъ, такъ и неосновательныхъ, заставляютъ насъ дѣлать это. Прежде всего Ливій писалъ на латинскомъ языкѣ, на «классическомъ латинскомъ языкѣ; онъ одинъ изъ классиковъ», изъ «древнихъ», одинъ изъ писателей, которыхъ читаютъ въ школахъ и коллегіяхъ, одинъ изъ таинственныхъ людей, стоящихъ совершенно особнякомъ, въ сторонѣ отъ людей, жившихъ не въ очень отдаленныя времена и писавшихъ на нашемъ родномъ или на какомъ нибудь другомъ современномъ Европейскомъ языкѣ. Это обстоятельство заставляетъ многихъ изъ насъ забывать, что Ливій для историческихъ періодовъ, излагаемыхъ имъ въ сохранившихся его книгахъ, оригинальный источникъ настолько же, насколько таковымъ можно считать Момзена. Всякій, немного подумавши, признаетъ эту простую истину относительно Ливія; но относительно Тацита труднѣе сказать это. Дѣйствительно, нужно нѣкоторое усиліе ума, чтобы припомнить и потомъ не забыть, что Тацитъ не былъ современникомъ Тиберія и Клавдія. Тоже самое можно сказать относительно писателя, столь непохожаго на Тацита, какъ Геродотъ. Дѣйствительно, трудно постоянно помнить, что Геродотъ былъ современникомъ Ѳукидида и жилъ во время пелопонезской войны, а не людей и войнъ, которыя онъ описываетъ. При этомъ имѣется, однако, очень значительное различіе между положеніемъ Ливія—въ дошедшихъ до насъ его книгахъ,—и положеніемъ Геродота и Тацита. Эти послѣдніе, хотя и не были со-

временниками описываемой ими эпохи, жили вскорѣ послѣ нея. Геродотъ разговаривалъ съ современниками и тоже можно сказать относительно части лѣтописи Тацита. Ни одинъ изъ нихъ не былъ компиляторомъ древнихъ сочиненій, какимъ въ большей части своихъ сочиненій былъ Ливій. Геродотъ, вообще, мало пользуется древними писателями. Ливій подходитъ ближе къ положенію современнаго писателя и однако между его положеніемъ и положеніемъ современнаго писателя имѣется такое же большое различіе, какъ и между положеніемъ Ливія и положеніемъ Ѳукидида. Дѣло не въ томъ только, что Ливій некритически пользуется своими матеріалами; многіе изъ современныхъ писателей столь же некритически пользуются ими. Два или три поколѣнія тому назадъ большинство изъ нихъ поступало также, какъ Ливій. Различіе состоитъ въ томъ, что Ливій иначе относится къ своимъ матеріаламъ и къ фактамъ или выдумкамъ, которые разсказываются въ этихъ матеріалахъ; онъ дѣйствительно оригинальный источникъ въ нѣкоторой части своей исторіи; или покрайней мѣрѣ былъ бы таковымъ, если бы его сочиненіе было болѣе совершеннымъ. Какъ тѣ части, въ которыхъ онъ былъ оригинальнымъ источникомъ, такъ и другія, относительно которыхъ этаго сказать нельзя, составляютъ части однаго цѣлаго, задуманнаго по одному плану и это обстоятельство кладетъ извѣстный отпечатокъ на его содержаніе и извѣстнымъ опредѣленнымъ образомъ повліяло на его взгляды. Самъ авторъ не сознаетъ, какъ сознаетъ современный историкъ, что онъ разсказываетъ о прошломъ, далекомъ прошломъ, на цѣлые вѣка отдаленномъ отъ настоящаго. Между двумя его свойствами, какъ критическаго изслѣдователя прошлаго и какъ современнаго повѣствователя о настоящемъ, между самими фактами, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, нѣтъ какой либо непереходимой пропасти. Однимъ словомъ, онъ принадлежитъ къ тому же разряду писателей, къ которому принадлежатъ многіе такъ называемые классическіе и такъ называемые средневѣковые писатели, повѣствовавшіе о событіяхъ, происшедшихъ за долго до ихъ времени и продолжавшіе свою исторію до этого времени. Даже Полибій принадлежитъ къ этому разряду писателей и въ силу именно этого онъ является важнѣйшимъ изъ всѣхъ источниковъ. Если бы онъ писалъ только исторію своей эпохи или исторію эпохи, предшествующей его времени, онъ не получилъ бы такихъ ясныхъ общихъ взглядовъ, которые дѣлаютъ его учителемъ всѣхъ эпохъ. Амміанъ имѣлъ судьбу противоположную судьбѣ Ливія; онъ тоже началъ писать исторію эпохи предшествовавшей его времени, хотя не такой древней, какъ Ливій; но та часть его сочиненія, которая сохранилась, дѣйствительно представляетъ оригинальный источникъ. О многихъ позднѣйшихъ писателяхъ можно сказать тоже, что мы сказали о Ливіи и Амміанѣ. Возьмите напр. Григорія Турскаго. Сухая хроника, начинающая съ сотворенія міра и продол-

жающаяся нѣсколько невѣрнымъ разсказомъ о древней исторіи Франковъ, доходитъ до подробнаго и живаго изложенія современныхъ Григорію событій, въ которыхъ онъ участвовалъ самъ и это изложеніе составляетъ главный источникъ нашихъ свѣдѣній о Галліи VI вѣка. Эти книги Григорія, также какъ утраченныя послѣднія книги Ливія и сохранившіяся книги Амміана, оригинальные источники въ высшемъ смыслѣ этого слова. Первую часть сочиненія Григорія можно сравнить съ сохранившейся частью сочиненія Ливія, хотя между нами какъ писателями существуетъ огромная разница: Григорій разсказываетъ о томъ, что онъ самъ видѣлъ съ Геродотовской живостью и простотой, но онъ не имѣетъ таланта Ливія и не могъ нарисовать дѣйствительной или воображаемой картины давно прошлыхъ вѣковъ. Возьмите другой примѣръ, Ламберта Герцфельда, человѣка жившаго пятьсотъ лѣтъ позже Григорія Турскаго; начинаетъ онъ лѣтописью, потомъ кадръ его сочиненія постепенно расширяется и, онъ даетъ превосходный и удивительный разсказъ о великой борьбѣ между папой и императоромъ, — разсказъ столь ясный, подробный и безпристрастный, что онъ даетъ этому монаху XI вѣка право быть поставленнымъ на ряду съ лучшими изъ такъ называемыхъ древнихъ авторовъ. Мы можемъ отмѣтить, что и Григорій и Ламбертъ въ отличіе отъ Ливія начинаютъ простой лѣтописью и притомъ лѣтописью очень сухой и что ихъ сочиненія только постепенно по мѣрѣ того, какъ авторы приближаются къ современной имъ эпохѣ, пріобрѣтаютъ полноту и жизненность. Больше всего можно сравнивать съ Ливіемъ Вильгельма Мальмсбюрійскаго; онъ подобно Ливію пишетъ исторію одной націи и подобно Ливію же съ самаго начала пишетъ, какъ историкъ, а не какъ простой лѣтописецъ, вродѣ Григорія и Ламберта въ первыхъ частяхъ ихъ сочиненій. Кромѣ его достоинствъ, какъ писателя, его сочиненіе имѣетъ цѣнность потому, что онъ сохранилъ для насъ отрывки изъ утраченныхъ прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій; но только къ концу своей исторіи въ Historia Novella гораздо болѣе, чѣмъ въ Gesta Rerum, онъ дѣлается настоящимъ оригинальнымъ источникомъ для своей эпохи. Такимъ образомъ, всѣ эти писатели: Полибій, Ливій, Григорій, Ламбертъ, Вильгельмъ имѣютъ нѣчто общее съ современными критическими историками, но они имѣютъ гораздо больше общаго съ тѣми писателями, которыхъ слѣдуетъ признать оригинальными источниками. То обстоятельство, что нѣкоторыя части ихъ сочиненій могутъ служить оригинальными источниками, дѣлаетъ ихъ гораздо ближе къ авторамъ, сочиненія которыхъ суть только оригинальные источники и ничего больше—это въ особенности можно сказать относительно тѣхъ, которые, подобно Григорію и Ламберту, начинаютъ съ простыхъ лѣтописей. Ихъ значеніе обусловливается всецѣло тѣми частями ихъ сочиненій, въ которыхъ они строго ориги-

нальны. Григорій и Ламбертъ прежде всего живые хроникеры временъ Хильперика и Гунтрама, временъ Генриха и Гильдебранта. Вильгельмъ Мальмсбюрійскій, наоборотъ, не даетъ намъ такой живой картины временъ Генриха I и Стефана, но за то онъ чрезвычайно полезенъ, если только имъ пользоваться съ осторожностью, для изученія эпохи, предшествовавшей времени Генриха I.

Имѣется другой разрядъ писателей,—писателей «древнихъ», «классическихъ»—ни одна часть сочиненій которыхъ не можетъ считаться оригинальнымъ источникомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но которые, однако, стоятъ ближе къ настоящимъ оригинальнымъ источникамъ, чѣмъ къ новымъ историкамъ. Возьмите напр. Плутарха; его навряд ли можно назвать оригинальнымъ источникомъ даже въ тѣхъ немногихъ жизнеописаніяхъ, относительно которыхъ онъ могъ имѣть надлежащія свѣдѣнія; онъ просто компиляторъ, хотя компиляторъ особаго рода и такой, къ которому нельзя отнестись пренебрежительно; тѣмъ не менѣе, намъ всетаки приходится причислить его скорѣй къ оригинальнымъ писателямъ, чѣмъ къ новымъ критикамъ и коментаторамъ. Дѣло въ томъ, что Ливій, Плутархъ и многіе другіе, не будучи сами по себѣ оригинальными источниками, для насъ являются таковыми т. е. въ большей части случаевъ мы не можемъ узнать больше, чѣмъ они сообщаютъ намъ. Намъ извѣстно, что они копировали древнихъ писателей; часто намъ даже извѣстно, какихъ именно древнихъ писателей они копировали; но сочиненія этихъ древнихъ писателей по большею частью утрачены; для насъ Ливій и Плутархъ являются ихъ представителями; относительно большей части ихъ исторіи мы можемъ аппелировать только къ внутреннимъ доказательствамъ или къ какимъ нибудь сохранившимся отрывочнымъ источникамъ другаго рода. Другихъ разсказовъ, кромѣ разсказовъ Ливія и Плутарха, мы не имѣемъ. Трудолюбіе германскихъ ученыхъ возродило къ новой жизни нѣкоторыхъ писателей, которыми пользовался Ливій, но они были вызваны къ новой жизни благодаря самому Ливію. Писатель послѣднихъ двухъ или трехъ вѣковъ находится совершенно въ другомъ положеніи; только въ очень рѣдкихъ случаяхъ мы принуждены ограничиваться его сочиненіемъ; его утвержденія можно провѣрить на основаніи работъ оригинальныхъ писателей, которыми онъ пользовался или которыхъ онъ упустилъ изъ виду. Его стремленія, его манера излагать событія совершенно отличны отъ стремленія и манеры писателей, которые, составивъ компиляцію изъ древнихъ источниковъ объ исторіи древнихъ временъ, продолжаютъ писать исторію своего времени на основаніи своихъ собственныхъ свѣдѣній; но его положеніе точно также совершенно отлично отъ положенія авторовъ, которые не писали о своемъ времени, которые были просто компиляторами, но которые могли быть компиляторами критическими и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно бывали таковыми. Вообще

говоря, старые греческіе и римскіе писатели, даже не будучи дѣйствительно оригинальными источниками, имѣютъ съ ними однако такъ много общаго, что какъ ни велико различіе между Θукидидомъ и Плутархомъ, мы не можемъ не считать Плутарха ближе къ Θукидиду, чѣмъ къ Курцію или Дройзену; чѣмъ ни были бы они въ свое время, для насъ они оригинальные источники; мы тщетно искали бы автобіографіи Арата и Суллы; единственнымъ субститутомъ для нихъ, который мы можемъ найти, будетъ разсказъ Плутарха.

Стало быть, если мы хотимъ опредѣлить, что такое оригинальные источники, мы можемъ опредѣлить ихъ какъ сочиненія такихъ писателей, провѣрить указанія которыхъ мы можемъ, обратившись только къ указаніямъ другихъ писателей того же самаго разряда; это отличаетъ ихъ отъ современныхъ историковъ, утвержденія которыхъ могутъ быть провѣрены утвержденіями писателей другаго разряда. Сочиненія, которыя мы признаемъ такимъ образомъ оригинальными источниками, мы можемъ раздѣлить на первоначальные источники и на источники второстепенные, на сочиненія писателей, утвержденія которыхъ не подлежатъ провѣркѣ и на сочиненія такихъ, утвержденія которыхъ когда то подлежали провѣркѣ, но не подлежатъ ей въ настоящее время. Мы, стало быть, должны отличать авторовъ, писавшихъ на основаніи своихъ собственныхъ свѣдѣній и являющихся потому оригинальными источниками въ строгомъ смыслѣ этого слова, отъ авторовъ, писавшихъ не на основаніи своихъ собственныхъ свѣдѣній, а бывшихъ только представителями болѣе древнихъ писателей. Такіе авторы, не будучи оригинальными источниками сами по себѣ, служатъ, однако, таковыми для насъ. Все это мы говоримъ теперь о древнихъ писателяхъ, о людяхъ, передавшихъ намъ повѣствованіе о какой нибудь значительной части всемірной исторіи; но слѣдуетъ помнить, что даже лучшіе современные разсказываемымъ событіямъ писатели являются обыкновенно первоначальнымъ источникомъ только въ нѣкоторыхъ частяхъ своего повѣствованія; хотя они и жили въ то время, о которомъ писали, хотя они и были часто дѣятелями описываемыхъ ими событій, они не могли все таки руководиться только своими собственными свѣдѣніями; они не могли видѣть все своими собственными глазами и и должны были писать то, что имъ разсказали другіе; но они были способны судить о разсказанномъ другими гораздо лучше, чѣмъ объ этомъ могутъ судить позднѣйшіе писатели. Кромѣ ихъ разсказа часто имѣются другія современныя свидѣтельства, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могутъ представлять гораздо высшій авторитетъ, чѣмъ этотъ разсказъ. Текстъ прокламаціи или трактата представляетъ въ своемъ родѣ высшій оригинальный источникъ, чѣмъ самый лучшій современный разсказъ. Я говорю въ своемъ родѣ— потому что оффиціальный документъ, доказывая всегда очень многое,

не всегда, однако, доказываетъ все. Въ положеніи, что англійская исторія должна изучаться по статутамъ, имѣется значительная доля истины. Это въ нѣкоторомъ родѣ необходимое предупрежденіе, но въ немъ заключается скорѣе одна сторона истины, чѣмъ вся истина и притомъ такая сторона, которой можно злоупотреблять. Совершенно вѣрно, что исторію Англіи нельзя изучать безъ помощи статутовъ; лишь бы только та книга статутовъ, которой пользуются, начиналась со времени статутовъ Этельберта.

Текстъ документовъ, а также и надписи монеты, которыя, въ сущности говоря, представляютъ извѣстный разрядъ надписей—однимъ словомъ всякіе современные памятники суть въ нѣкоторомъ родѣ оригинальные источники; для извѣстныхъ цѣлей они имѣютъ большое значеніе, чѣмъ даже разсказы современныхъ писателей; тѣмъ не менѣе, намъ приходится пользоваться разсказомъ, какъ первичнымъ источникомъ, а всѣми другими источниками свѣдѣній, какъ чѣмъ то второстепеннымъ. Историческое повѣствованіе обыкновенно непрерывно; если оно не даетъ намъ всего, то по крайней мѣрѣ оно представляетъ нѣчто цѣлое. Документы же и другіе источники свѣдѣній по большей части не непрерывны; знаніе, которое они даютъ намъ, знаніе отрывочное; даже въ томъ случаѣ, когда они хронологически непрерывны, подобно нашимъ Свиткамъ и лѣтописямъ, они указываютъ только на извѣстныя стороны событій и притомъ, по большей части, стороны формальныя. Мы пользуемся свидѣтельствомъ этого рода для иллюстрацій, объясненій, часто для исправленія современныхъ повѣствованій, но только при помощи этихъ послѣднихъ мы можемъ пользоваться такими свидѣтельствами. Повѣствованіе безъ документовъ можетъ быть несовременнымъ, но оно по крайней мѣрѣ совершенно понятно. Документы же навряд ли будутъ понятны безъ повѣствованія. Навряд ли можно сказать, что мы изучаемъ исторію по документамъ, мы изучаемъ ее по повѣствованію, причемъ документы служатъ намъ для постоянныхъ справокъ. Однимъ словомъ, оригинальными источниками мы называемъ прежде всего современныя повѣствованія; другіе же источники свѣдѣній даже въ томъ случаѣ, когда они имѣютъ сами по себѣ большую авторитетность, чѣмъ повѣствованіе, служатъ только вспомогательными средствами для объясненія или исправленія повѣствованія. Потому въ этой лекціи я намѣренъ говорить главнымъ образомъ объ авторахъ историческихъ повѣствованій, объ авторахъ тѣхъ книгъ, которыми мы пользуемся не только для ссылокъ, но которыя мы читаемъ постоянно отъ начала до конца. Я говорю главнымъ образомъ, о тѣхъ сочиненіяхъ, которыя имѣютъ право называться «книгами» въ томъ смыслѣ, въ которомъ это слово употреблялось въ Оксфордѣ во дни моей юности. При началѣ изученія съ цѣлью держать экзамены или безъ этой цѣли (хотя еще вопросъ, можно ли

назвать изученіемъ чтеніе для экзаменовъ) нужно различать книги такого рода отъ другихъ источниковъ знанія гораздо больше, чѣмъ при послѣдующемъ изученіи; только при посредствѣ основательнаго изученія немногихъ хорошо избранныхъ книгъ мы получаемъ умственные навыки, дающіе намъ возможность впослѣдствіи пользоваться другими источниками. Въ настоящее время могутъ быть болѣе широкіе пути къ знанію, которые мнѣ неизвѣстны; возможно, что мудрость можно получать изъ учебниковъ и популярныхъ сочиненій; возможно, что она получается при помощи взглядовъ и теорій, блестящихъ и привлекательныхъ и достижимыхъ не тѣмъ тернистымъ путемъ, какимъ пріобрѣтали ее мы, изучая тексты чужестранныхъ писателей. О себѣ лично я могу сказать, что мои глаза прозрѣли, когда я началъ работать надъ исторіей Ѳукидида, которую изучалъ не на изящномъ языкѣ англійскихъ газетъ, а въ грубыхъ и сильныхъ выраженіяхъ его собственнаго языка. Въ тотъ день я навѣрное сдѣлалъ первый шагъ по пути, приведшему меня къ сочиненію «Исторіи Норманскаго Завоеванія Англіи». Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ, когда либо написанныхъ книгъ, Ѳукидидъ наиболѣе пригоденъ для извѣстной цѣли, для опредѣленія, что такое исторія. Болѣе широкіе взгляды Полибія болѣе пригодны для позднѣйшей стадіи умственнаго развитія, не говоря уже о томъ, что его факты принадлежатъ къ позднѣйшему вѣку. И все таки Ѳукидида, этого царя оригинальныхъ писателей, нужно считать просто первымъ изъ разряда авторовъ, къ которому принадлежатъ и многіе другіе авторы многихъ вѣковъ и народовъ. Я хочу говорить главнымъ образомъ объ этихъ писателяхъ, которыми слѣдуетъ также какъ и Ѳукидидомъ пользоваться какъ книгами, въ вышеупомянутомъ спеціальномъ смыслѣ этого слова т. е. какъ текстами, которые нужно изучать, какъ центрами, такъ сказать, историческаго знанія извѣстныхъ эпохъ и извѣстныхъ странъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ я уже говорилъ; а теперь скажу еще нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ съ большей пользой для изученія можно пользоваться сочиненіями этихъ писателей. Другимъ же источникамъ знанія, болѣе или менѣе случайнымъ, включая сюда и документы, даже самые драгоцѣнные, я посвящу особую лекцію.

Понятно, что для этой частной цѣли, для выбора писателей, могущихъ служить въ качествѣ «книгъ», въ старомъ смыслѣ этого слова, въ качествѣ введенія къ изученію исторіи, мы должны сдѣлать старательный выборъ изъ огромнаго количества сочиненій тѣхъ авторовъ, которыхъ можно считать оригинальными источниками. Возьмите сочиненія авторовъ перваго разряда: оригинальныхъ писателей въ высшемъ смыслѣ этого слова, разсказывающихъ объ исторіи своего времени, на основаніи своихъ собственныхъ свѣдѣній. Я причисляю сюда всѣхъ авторовъ, хотя бы одна часть сочиненій кото-

рыхъ подходила подъ это опредѣленіе, ограничивались ли они исторіей своего собственнаго времени, или начинали свое повѣствованіе съ болѣе древней эпохи. Источники этого разряда весьма разнообразны и по формѣ и по цѣнности. Подъ это опредѣленіе подходятъ авторы скудныхъ, но современныхъ лѣтописей и государственные люди и солдаты, описывающіе міровыя событія, въ которыхъ они сами принимали участіе. Утверждать, что всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе, значило бы утверждать слишкомъ многое, потому что, какъ мы это видимъ и въ современной жизни, степени довѣрія къ показаніямъ разныхъ личностей, даже относительно современныхъ дѣлъ, безпредѣльно различны. Человѣкъ можетъ разсказывать событія своего времени и однако не разсказать ни объ одномъ изъ нихъ на основаніи дѣйствительнаго личнаго знанія; но съ другой стороны, такъ какъ ни одинъ человѣкъ, даже ни одинъ авторъ автобіографіи не можетъ писать все на основаній только личныхъ свѣдѣній, различіе въ этомъ отношеніи между современными писателями—хотя и очень значительное—тѣмъ не менѣе есть только различіе въ степени. Всѣ они составляютъ одинъ разрядъ, разрядъ людей, пишущихъ не на основаніи отчетовъ данныхъ другими о древнихъ временахъ, а на основаніи своихъ, собственныхъ свѣдѣній, хотя и не необходимо пріобретенныхъ ими лично, о происходящихъ въ ихъ время событіяхъ. Всѣ они въ извѣстной степени свидѣтели, даже тѣ изъ нихъ, которые не были очевидцами въ строгомъ смыслѣ этого слова; они во всякомъ случаѣ были свидѣтелями разсказовъ о фактахъ, а разсказы—часть исторіи. Если даже эти писатели не всегда говорятъ намъ о томъ, какъ случились эти событія, они, по крайней мѣрѣ, сообщаютъ намъ, какъ эти событія представлялись имъ и ихъ современникамъ. Если и не въ этотъ разрядъ сочиненій, то рядомъ съ нимъ, мы должны поставить сочиненія другихъ авторовъ, сочиненія современныя и по формѣ повѣствовательныя, но написанныя съ другими цѣлями, отличными отъ цѣли простой передачи исторической истины. Такія цѣли могутъ быть очень разнообразны; отчеты посланниковъ къ своему государю пишутся не ради какой нибудь строгой исторической цѣли; они пишутся не затѣмъ, чтобы передать будущимъ вѣкамъ воспоминаніе о фактѣ, а затѣмъ, чтобы сообщить для чисто практическихъ цѣлей извѣстнымъ личностямъ, что происходитъ въ данную минуту; и тѣмъ не менѣе отчеты посланниковъ—историческій источникъ и притомъ часто весьма цѣнный. Такъ какъ въ нихъ идетъ дѣло о текущихъ событіяхъ, о событіяхъ минуты, такъ какъ въ нихъ разсказываются вещи, видѣнныя и слышанныя и сдѣланныя самимъ посланникомъ, то ихъ надо причислить къ оригинальнымъ историческимъ источникамъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. И тѣмъ не менѣе ихъ наврядъ ли можно назвать настоящимъ историческимъ повѣствованіемъ, ихъ авторовъ наврядъ ли можно назвать истори-

ками. Другіе писатели, совершенно не похожіе на посланниковъ, имѣютъ однако съ нимъ нѣчто общее, такъ какъ ихъ сочиненія тоже повѣствовательныя и притомъ не историческія въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Я говорю объ авторахъ «Жизнеописаній святыхъ», и о тѣхъ собирателяхъ разсказовъ о чудесахъ, которые разсказываютъ о событіяхъ своего времени. Изъ этого разряда я исключаю авторовъ, вродѣ Идмера и Вильяма Фицъ-Стефена, такъ какъ они относятся къ совершенно другому разряду писателей. Это писатели о настоящей современной исторіи въ строгомъ смыслѣ этого слова, хотя ихъ исторіи—исторіи особаго рода и написаны онѣ для особыхъ цѣлей. Идмеръ и Вильямъ по формѣ ихъ сочиненій не профессіональные историки, а біографы; но мы можемъ помѣстить ихъ въ одинъ разрядъ съ профессіональными историками, и измѣрять ихъ значеніе одинаковой съ этими послѣдними мѣркой. Мы можемъ только пожелать, чтобы подобныхъ разсказовъ было побольше относительно всѣхъ частей исторіи. Церковные писатели, о которыхъ я теперь говорю, совершенно другого рода; я говорю о людяхъ, которые пишутъ съ цѣлями поученія и часто не обращая особеннаго вниманія на точность своихъ утвержденій; тѣмъ не менѣе эти писатели имѣютъ свое особое значеніе, подобно подложнымъ грамотамъ, а иногда и подобно подлиннымъ грамотамъ, они случайно даютъ требуемыя свѣдѣнія, хотя совсѣмъ и не имѣютъ этого въ виду. Я говорю о такихъ свѣдѣніяхъ, которыя эти писатели признаютъ за доказанныя и относительно которыхъ ихъ свидѣтельство совершенно безсознательно; таковы свѣдѣнія объ обычаяхъ и языкѣ, и въ особенности объ обычаяхъ и языкѣ тѣхъ классовъ народа, о которыхъ почти совсѣмъ не упоминаютъ профессіональные историки. Главные факты разсказовъ такихъ авторовъ могутъ быть невѣрны, но въ подробностяхъ сообщается всегда что нибудь существенно вѣрное; когда разсказы подобнаго рода современны, мы можемъ причислить ихъ къ оригинальнымъ источникамъ, хотя и весьма второстепеннымъ и случайнымъ. Конечно очень трудно различить исторію такого рода отъ простого анекдота; но я думаю, что первая версія анекдота, версія современная, тоже можетъ считаться оригинальнымъ источникомъ, хотя и низшаго сорта. Обыкновенно, даже современный анекдотъ, какъ изложеніе факта, имѣетъ очень малое значеніе. Я думаю, многимъ изъ васъ это извѣстно по личному опыту; но современный анекдотъ, когда мы имѣемъ его въ дѣйствительно современной версіи, можетъ дать намъ такія же свѣдѣнія о правахъ и обычаяхъ, какъ и современная легенда. Какъ бы ни былъ невѣренъ анекдотъ, какъ изложеніе факта, какъ бы онъ ни былъ преувеличенъ, какъ изображеніе характера, тѣмъ не менѣе, если онъ дѣйствительно современный анекдотъ, онъ имѣетъ нѣкоторую цѣнность даже какъ изображеніе того человѣка, о которомъ онъ разсказывается. Обыкновенно въ немъ

преувеличиваются и извращаются дѣйствительныя черты характера личности, но за то очень рѣдко приписываютъ ей свойства, противоположныя дѣйствительнымъ. Но мы такъ рѣдко имѣемъ дѣйствительно современную версію анекдота, онъ такъ сильно измѣняется при переходѣ изъ устъ въ уста; свѣтлыя стороны характера одного человѣка, темныя стороны характера другаго настолько преувеличиваются при различныхъ стадіяхъ измѣненія, условія времени и мѣста настолько забываются, что анекдотъ въ той формѣ, въ которой онъ доходитъ до насъ, не имѣетъ никакого значенія. Въ теоріи анекдотъ составляетъ часть современныхъ источниковъ, на практикѣ онъ бываетъ рѣдко источникомъ. Собраніе анекдотовъ, въ родѣ анекдотовъ Плутарха и Валерія Максима, по самой своей сущности не современные источники. Сочиненіе, которому дается особенное названіе анекдотовъ: «Тайная Исторія Прокопія» указываетъ, насколько слово анекдотъ потеряло свое первоначальное значеніе. «Тайная исторія» должна считаться настолько же современнымъ источникомъ, какъ и «Готская Война». Вопросъ въ томъ только, настолько ли она достовѣрна, какъ «Готская Война»: если ея утвержденія невѣрны, то они во всякомъ случаѣ не миѳы или легенды, и не анекдоты въ нашемъ смыслѣ этого слова, а просто преднамѣренная ложь.

Долженъ ли я помѣстить въ число оригинальныхъ историческихъ источниковъ, въ число сочиненій повѣствовательныхъ и написанныхъ безъ цѣли передачи историческаго знанія, а стало быть хотя и оригинальныхъ, но второстепенныхъ и случайныхъ источниковъ, великія національныя поэмы главныхъ европейскихъ народовъ и прежде всего поэмы Гомера? Въ мои цѣли не входитъ заниматься обсужденіемъ споровъ, которые велись о древнѣйшихъ памятникахъ греческаго языка и греческой исторіи. Для моихъ цѣлей не особенно важно (хотя само по себѣ это и важно), были онѣ произведеніемъ однаго пѣвца или многихъ, лишь бы только эти пѣвцы жили и пѣли раньше V вѣка до Р. Х. Для меня также не особенно важно, были ли главныя личности поэмы дѣйствительными людьми или продуктами воображенія. Историческое значеніе поэмъ состоитъ въ изображеніи одной формы арійской жизни, самой древней арійской жизни въ Европѣ, о которой мы имѣемъ какія нибудь свѣдѣнія, и въ особенности оно состоитъ въ картинѣ доисторической Эллады, при чемъ довѣріе къ изображенію ея жизни возбуждается въ насъ извѣстнымъ аргументомъ: «credo quia impossibile est». Государство Микены, положеніе верховнаго вождя Эллады, его подчиненные короли, его Эльдормены, его вѣрные Тегны, собраніе его Витана и всего его народа, — вся эта картина жизни, столь не похожей на жизнь демократическихъ Аѳинъ или олигархическаго Коринѳа, но при этомъ совершенно похожей на жизнь нашей вѣтви великой арійской семьи—все это исторія. Никому въ позднѣйшей Греціи не пришло бы въ голову помѣстить главу Эл-

лады въ Микенѣ; никто въ позднѣйшей Греціи не могъ бы представить такой Ѳессаліи, такой Аттики, такого Пелопонеза, о какихъ говорится въ великой поэмѣ, въ этой Domesday владѣній пелопидовъ. Когда Альфредъ говорилъ, что Улиссъ владѣлъ двумя царствами подъ главенствомъ Императора и что этотъ Императоръ именовался Агамемнономъ, имъ руководилъ инстинктъ, гораздо болѣе вѣрный, чѣмъ у многихъ изъ современныхъ трудолюбивыхъ ученыхъ.

Стало быть поэмы Гомера должны считаться оригинальнымъ источникомъ; тоже можно сказать и о великихъ національныхъ поэмахъ другихъ народовъ; можетъ быть, надо еще узнать точное количество историческихъ элементовъ въ великихъ тевтонскихъ поэмахъ: англійскихъ, германскихъ и скандинавскихъ, но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что нѣкоторыя изъ поэмъ, какъ англійскихъ, такъ и скандинавскихъ, принадлежатъ къ числу лучшихъ историческихъ матеріаловъ; очевидно, что часть саги Гарольда Гардрады, написанная стихами, гораздо древнѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ прозаическая часть; нигдѣ мы не найдемъ такой живой и поучительной картины битвы между англичанами и скандинавами, какъ въ нашей пѣснѣ Мальдона. Это истинно гомерическая битва и въ ней дрались люди, подвиги которыхъ воспѣты на другой день и воспѣты пѣвцомъ, который самъ бился среди свиты павшаго эльдормана.

Такимъ образомъ наши оригинальные источники, т. е. источники въ строгомъ смыслѣ этого слова, сочиненія чисто повѣствовательныя, причемъ мы оставляемъ пока всторонѣ документы или памятники, очень разнообразные по своему роду и понятно столь же разнообразны, по своимъ литературнымъ достоинствамъ. Что же касается достовѣрности ихъ, то чисто литературныя достоинства ни имѣютъ никакого значенія. Картина, написанная мастерской рукой Ливія, по своимъ литературнымъ достоинствамъ гораздо выше сухой записи въ лѣтописяхъ жрецовъ, но муза латинской исторіи диктовала на альбанской горѣ именно эти лѣтописи, а не художественный романъ Ливія. Но если дѣло идетъ о выборѣ авторовъ, о выборѣ «книгъ» въ техническомъ смыслѣ этого слова, литературныя достоинства имѣютъ значеніе. Изъ сочиненій, имѣющихъ историческую цѣнность, мы выбираемъ такія, которыя обладаютъ литературными достоинствами. Когда я говорю о литературныхъ достоинствахъ, я говорю не объ одномъ только языкѣ. Амміанъ историкъ выдающійся, какъ наблюдательный и вдумчивый свидѣтель современныхъ ему событій, но объ его стилѣ или вѣрнѣе сказать, о стилѣ всего его вѣка мы лучше и говорить не будемъ. Недавно я видѣлъ сочиненіе человѣка, считающаго себя ученымъ и можетъ быть дѣйствительно ученаго въ своей узкой спеціальности, который вздумалъ выдти изъ предѣловъ этой спеціальности и объявить, что онъ не желаетъ ничего знать объ Амміанѣ. Изслѣдователи всемірной исторіи, а въ особенности великихъ переходныхъ эпохъ этой

исторіи вопреки такому смѣлому заявленію будутъ считать автора, разсказавшаго о смерти Юліана и о переходѣ Готовъ черезъ Дунай, однимъ изъ самыхъ великихъ историковъ, однимъ изъ величайшихъ учителей всѣхъ вѣковъ. Амміанъ несомнѣнно «книга», которую можно поставить рядомъ съ Ѳукидидомъ и Ламбертомъ. Но «книга» должна быть въ дѣйствительности «книгой»; она должна быть повѣствованіемъ, литературнымъ произведеніемъ по формѣ, хотя бы и изложеннымъ плохимъ языкомъ. Простыя лѣтописи, случайно собранные отрывки, хотя бы они и были чрезвычайно драгоцѣнными, какъ историческое свидѣтельство, не могутъ замѣнить книгу. Намъ нужна книга, которую можно читать, какъ книгу, текстъ которой можетъ быть изучаемъ, какъ текстъ; намъ нужна книга, текстъ которой, основательно изученный, можетъ служить центромъ, вокругъ котораго будутъ группироваться всѣ другія свѣдѣнія объ этомъ періодѣ, заимствованныя изъ другихъ источниковъ: документовъ, памятниковъ и прочее. Самымъ лучшимъ методомъ историческаго изслѣдованія можно назвать тотъ методъ, который примѣнялся въ Оксфордской школѣ Litirae Humanioris; начинающій выбираетъ два или три историческіе періода смотря по своему настроенію; для начала пригоденъ любой періодъ, относительно котораго имѣются сочиненія, могущія служить «книгами». Я не буду рекомендовать какого нибудь періода преимущественно и укажу только, что II вѣкъ до Р. Хр. и IV, V и VI вѣка послѣ Р. Хр. имѣютъ то преимущество, что съ одной стороны они очень поучительны, а съ другой стороны ими черезъ чуръ пренебрегали. Какіе бы періоды не были выбраны, изученіе ихъ будетъ полезно только тогда, когда выбирается не одинъ періодъ и чѣмъ отдаленнѣе другъ отъ друга эти избранные періоды, тѣмъ лучше. У меня есть другъ американецъ, занимающійся двумя предметами, повидимому не имѣющими никакого отношенія другъ къ другу; онъ изучаетъ все, что относится къ исторіи Исландіи и все, что относится къ сочиненіямъ Данта; его занятія, конечно, относятся къ болѣе прогрессивной стадіи изученія, чѣмъ та. о которой я теперь говорю; но его выборъ можетъ служить прекраснымъ примѣромъ отстаиваемаго мной принципа; если только онъ не изучаетъ Исландіи и Данта совершенно отдѣльно, если далѣе онъ изучаетъ въ общихъ чертахъ все, что можетъ служить связующимъ звеномъ между Исландіей и Дантомъ, то его выборъ совершенно разсудителенъ. Но тутъ нужно сдѣлать одну весьма важную оговорку: изучающій исторію кромѣ избранныхъ періодовъ, изучаемыхъ имъ въ подробностяхъ, долженъ знать. какъ я уже говорилъ выше, объ эпохахъ, соединяющихъ эти избранные имъ періоды, объ эпохахъ предъидущихъ и послѣдующихъ, долженъ опредѣлить ихъ истинное отношеніе къ избранному имъ періоду и другъ къ другу; однимъ словомъ, примѣняя къ изученію исторіи изрѣченіе,

давно уже примѣняемое къ изученію другихъ отраслей знанія, онъ долженъ знать что нибудь обо всемъ и все объ чемъ нибудь; въ этомъ отношеніи ему будетъ чрезвычайно полезны хорошіе новые писатели, при чемъ очень важенъ методъ пользованія ими. Человѣкъ, пріобрѣтшій привычку пользоваться первоисточниками, привыкшій сравнивать и подвергать критикѣ доказательства, можетъ довѣриться руководительству новыхъ авторовъ, что не совсѣмъ безопасно для людей, не пріобрѣтшихъ такой привычки. Онъ будетъ умѣть обращаться съ ними и будетъ знать какъ къ нимъ относиться; его изученіе даетъ ему извѣстный историческій тактъ, который позволитъ ему отличить дурное отъ хорошаго; онъ сразу поймете, кому изъ современныхъ авторовъ можно довѣрять и кому нѣтъ; благодаря детальному изученію извѣстныхъ періодовъ онъ получитъ извѣстную способность выдѣлять и усвоивать главныя черты важнѣйшихъ фактовъ даже такихъ періодовъ, которые онъ не изучалъ детально. Онъ не будетъ пренебрегать оригинальными источниками, даже относительно такихъ періодовъ, гдѣ ему приходится довѣриться современнымъ писателямъ. По крайней мѣрѣ онъ узнаетъ, каковы эти оригинальныя источники и каковъ ихъ характеръ; онъ сдѣлаетъ провѣрку относительно по крайней мѣрѣ самыхъ важныхъ вопросовъ и постарается прочесть въ оригиналѣ наиболѣе важные документы. Ни одинъ человѣкъ не можетъ изучить всю исторію по оригинальнымъ писателямъ, но такимъ образомъ человѣкъ можетъ изучить не всю исторію, что было бы очень трудно для одного человѣка, а большіе ея отдѣлы, если не прямо по оригинальнымъ писателямъ, то никогда не теряя ихъ изъ виду и всегда въ случаѣ надобности обращаясь къ ихъ помощи. Я говорю, конечно, о людяхъ, которые только учатся; дѣло людей, которые хотятъ учить другихъ, гораздо труднѣе. Я не думаю, чтобы кто нибудь имѣлъ право обучать другихъ какой нибудь части исторіи, которую онъ самъ не изучилъ по оригинальнымъ источникамъ. Я не думаю, чтобы какое нибудь историческое преподаваніе имѣло какую нибудь научную цѣнность — въ особенности преподаваніе съ этой кафедры—если оно не основано всегда на ссылкахъ на оригинальные источники.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что выбирая извѣстныхъ авторовъ различныхъ періодовъ предметомъ спеціальнаго изученія, дѣлая ихъ центрами изученія этихъ періодовъ, мы не должны дѣлать изъ нихъ идоловъ; мы должны помнить, что они во всякомъ случаѣ не непогрѣшимы; мы можемъ иногда исправлять ихъ при помощи писателей менѣе важныхъ; мы можемъ даже иногда исправлять ихъ нашими выводами изъ ихъ собственныхъ утвержденій. Самые лучшіе изъ оригинальныхъ писателей во всякомъ случаѣ только люди и иногда высказывали мнѣнія, не подтверждаемыя ихъ собственными показаніями; даже Ѳукидидъ, который конечно никогда не извращалъ фактовъ, ко-

торый очень рѣдко позволялъ своимъ чувствамъ вліять на свое мнѣніе о фактахъ, позволилъ себѣ относиться чрезмѣрно благопріятно къ своему покровителю Антифону и чрезмѣрно сурово къ своему врагу Клеону. Какая буря, однако, поднялась, когда великій историкъ осмѣлился высказать эту совершенно очевидную истину. Многіе изъ насъ помнятъ того кембрижскаго тутора, который на томъ основаніи, что онъ могъ писать недурныя подражанія въ стихахъ, счелъ себя пригоднымъ судьей между «Θукидидомъ и Гротомъ» и высказывалъ удовольствіе, что великій историкъ аѳинской демократіи не воспитывался въ одномъ изъ нашихъ древнихъ университетахъ. Какъ забавно видѣть, какъ этотъ Троилъ вызывалъ Ахиллеса, какъ этотъ добровольный защитникъ Θукидида доказалъ свою неспособность понять его, какъ маленькій ученый, желая осмѣять великаго, доказалъ, что онъ не читалъ даже какъ слѣдуетъ Плутарха. Возьмите для примѣра другую «книгу». Полибій — этотъ спокойный повѣствователь всемірной исторіи—не могъ спокойно относиться къ тѣмъ частямъ всемірной исторіи своего роднаго полуострова, которыя были для него непосредственной традиціей его предковъ. Онъ могъ относиться къ всемірной исторіи какъ всемірный гражданинъ, а къ Клеомену онъ относился съ узкими предразсудками гражданина Мегалополиса; онъ не былъ также свободенъ отъ общаго недостатка всѣхъ людей, стоящихъ выше своихъ современниковъ. Онъ слишкомъ часто считаетъ людей глупыми или испорченными просто потому, что они не умѣютъ подобно ему смотрѣть на свой вѣкъ глазами всемірнаго гражданина. Мы можемъ, думается мнѣ, во всѣхъ случаяхъ допустить подобную критику; ученые, которые могутъ писать памфлеты вродѣ «Θукидида или Грота», могутъ также совершенно отвергнуть Полибія, потому что его языкъ не похожъ на языкъ Θукидида, точно также, какъ языкъ Θукидида не похожъ на языкъ Гомера. Мы должны избѣгать слѣпаго поклоненія авторамъ, но должны также избѣгать и противоположной крайности: склонности къ парадоксамъ, стремленія ниспровергнуть установленныя вѣрованія, установленные авторитеты только потому, что они установленные. Утвержденія Θукидида или Полибія, конечно, не непогрѣшимы, они могутъ быть устранены другими свидѣтельствами, но въ пользу ихъ утвержденія всегда имѣется сильное предположеніе и для ихъ устраненія нужно очень сильное доказательство. Человѣкъ, выбирающій великаго писателя какого нибудь вѣка, въ нѣкоторомъ родѣ дѣлается однимъ изъ его послѣдователей; онъ избираетъ его своимъ господиномъ и дѣлается его вассаломъ; онъ беретъ на себя передъ нимъ почетный долгъ вѣрнаго *εταῖρος* или gesid — и тѣмъ не менѣе онъ не обязанъ къ рабскому поклоненію *δουλος* или peow.

Перейдемъ отъ великихъ писателей Греціи къ нѣкоторымъ изъ оригинальныхъ источниковъ нашей исторіи; мы едва ли будемъ благо-

разумны, если поставимъ какого нибудь современнаго разсказываемымъ имъ событіямъ писателя объ англійской исторіи на одинъ уровень съ вѣчными и образцовыми писателями Эллады или даже съ нѣкоторыми историками Германіи и Сициліи; но у насъ есть два источника:—одинъ повѣствовательный, другой документальный—какихъ нѣтъ ни у одного изъ другихъ народовъ. Мы имѣемъ хроники на нашемъ родномъ языкѣ и DomesdayBook, на языкѣ общемъ всему западному христіанству. Я не буду восхвалять ихъ и пользуясь примѣромъ моего товарища профессора изящныхъ искусствъ, осмѣлюсь указать на свои работы гдѣ я уже ихъ восхвалялъ. Я осмѣлюсь также указать на одну особенность, которую я указалъ, какъ мнѣ кажется, первый; я дѣлаю это потому, что, сколько мнѣ извѣстно, никто до сихъ поръ не обратилъ вниманія на эту особенность, а также потому, что я считаю это открытіе весьма важнымъ само по себѣ и притомъ указывающимъ способъ, какъ мы должны пользоваться однимъ изъ нашихъ источниковъ для уясненія другаго. Если кто нибудь сдѣлалъ это открытіе раньше меня (а очень трудно сдѣлать какое нибудь открытіе, не сдѣланное раньше какимъ нибудь германскимъ ученымъ) я и радуюсь этому и огорчаюсь—огорчаюсь потому, что такимъ образомъ я безсознательно былъ бы несправедливъ; но мнѣ кажется, никто до меня не замѣтилъ и навѣрное никто не замѣтилъ послѣ меня очевидную связь, существующую между немногими знаменательными словами торопливаго разсказа хроники Петерборо — хроники, въ которой всякое слово стоитъ цѣлаго тома—и немногими не менѣе выразительными словами Domesday восточной Англіи, которая, случайно упоминая объ одномъ частномъ договорѣ, даетъ живую картину судьбы землевладѣнія Англіи. Въ хроникѣ разсказывается, что послѣ коронованія Завоевателя, люди заплатили ему деньги, принесли ему ленную присягу и купили свои земли «Men guldon him gyld and gislas sealdon and heora land bohtan». Въ Domesday разсказывается, какъ аббатъ С Эдмундсбюри получилъ нѣкоторыя земли, данныя ему въ то время, когда англичане выкупили свои земли. «Quando Anglici redimebant terras suas». Конечно, я не сдѣлалъ ошибки, сопоставляя эти два мѣста, какъ одинъ изъ лучшихъ примѣровъ ненамѣреннаго совпаденія. Формальный и легальный языкъ Domesday доказываетъ, что слова хроники совсѣмъ не случайныя и что ихъ нужно понимать буквально. Слова же хроники указываютъ на дату и обстоятельства договора, о которомъ разсказывается въ Domesday безъ указанія даты. Эти немногіе слова важнаго повѣствованія и важнаго документа служатъ другъ для друга объясненіемъ; они даютъ ключъ для пониманія множества другихъ фразъ въ Domesday и въ другихъ источникахъ; они излагаютъ намъ легальную теорію завоеванія. Герцогъ Вильгельмъ, законный наслѣдникъ англійской короны, былъ лишенъ своего королевства узурпаторомъ и его приверженцами; онъ вынужденъ былъ от-

«тавать свои права силой оружія; измѣнническій народъ (такъ называетъ насъ Вильгельмъ Пуатье) сопротивляется ему, никто не стоитъ за него, многіе борятся противъ него, но Богъ далъ ему побѣду. Вся земля этого измѣнническаго народа не на основаніи побѣды, а на основаніи права переходитъ къ нему, такъ какъ собственники въ силу активной или пассивной измѣны лишились своихъ правъ на нее; но добрый и милосердный король не желаетъ доводить свое право до крайнихъ предѣловъ, онъ снова жалуетъ менѣе виновнымъ (болѣе виновные пали на полѣ битвы) ихъ земли. Но, конечно, не безъ извѣстной платы за такую милость. Такимъ образомъ, люди, говоря словами лѣтописца купили свои земли; они выкупили свою собственность за извѣстную цѣну; они владѣютъ землями на основаніи новаго права, на основаніи пожалованія короля Вильгельма и безъ приказа и печати этого короля или безъ какого нибудь доказательства, равнозначительнаго его приказу и печати, землевладѣніе съ этихъ поръ не считается законнымъ. Такая грандіозная легальная фикція составляетъ ключъ для пониманія положенія Вильгельма въ Англіи и потому ключъ для пониманія всей позднѣйшей ея исторіи и въ особенности исторіи англійскаго законодательства. Такимъ образомъ мы видимъ, что ученіе юристовъ о принадлежности всѣхъ земель коронѣ, не составляя вѣчной истины, основана, однако, на историческихъ фактахъ т. е. имѣетъ болѣе прочное основаніе, чѣмъ полагала старая школа юристовъ и все это совершено или по крайней мѣрѣ изложено въ ясной и послѣдовательной формѣ при помощи простаго процесса сопоставленія двухъ независимыхъ указаній, найденныхъ въ оригинальныхъ источникахъ, составляющихъ драгоцѣнное достояніе англійской исторіи, подобнаго которому нельзя найти въ исторіи какой нибудь другой страны.

Одинъ изъ этихъ двухъ великихъ національныхъ документовъ, Domesday-book, едва ли можетъ быть названъ «книгой» въ томъ смыслѣ, въ какомъ я употреблялъ это слово въ этой лекціи, но нельзя указать ни на одно сочиненіе, болѣе пригодное для изученія, чѣмъ значительная часть нашей національной хроники и въ особенности разсказъ хроники Петерборо о послѣднихъ 125 годахъ отъ воцаренія Эдуарда Исповѣдника до конца. Нѣтъ ни одного сочиненія, текстъ котораго слѣдовало бы изучать такъ старательно, какъ эту хронику; всякое слово имѣетъ свое значеніе и учитъ насъ чему нибудь; нигдѣ вы не встрѣтите такого жизненаго разсказа, какъ повѣствованіе объ изгнаніи и возвращеніи Годвина; нигдѣ человѣческая рѣчь не достигаетъ такой возвышенности, какъ въ разсказѣ Англичанина о томъ, что за человѣкъ былъ завоеватель Англіи. А какая жизненость, какая сдержанная сила въ ужасной картинѣ о девятнадцати зимахъ, когда народъ страдалъ за свои грѣхи, въ разсказѣ объ анархіи, написанномъ англійскимъ языкомъ столь же гру-

бымъ, какъ латинскій языкъ Григорія Турскаго, но отъ котораго никому не придетъ въ голову отвернуться по той причинѣ, что его грамматика не похожа на грамматику временъ Альфреда! Нашъ родной языкъ, наша родная исторія получили извѣстные выгоды отъ ихъ пренебреженія; по крайней мѣрѣ, передъ людьми не было какого нибудь произвольно избраннаго образца, какой они имѣли въ древней формѣ греческаго и латинскаго языковъ, благодаря чему нѣкоторые стали презирать многіе изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ этихъ языковъ. Лордъ Чатамъ говорилъ о трехъ словахъ великой хартіи, что они «стоятъ всѣхъ классиковъ». Я не буду дѣлать подобныхъ сильныхъ сравненій, такъ какъ моя задача состоитъ въ томъ, чтобы указывать не на соперничество, а на братство всѣхъ періодовъ историческаго изученія, всѣхъ народовъ и всѣхъ языковъ, по крайнѣй мѣрѣ въ предѣлахъ арійской Европы. Я снова обращаюсь, какъ я обращался уже раньше, къ людямъ, только что закончившимъ изученіе древнихъ странъ и древнихъ вѣковъ; они сдѣлали свое дѣло хорошо, пусть они идутъ дальше по своему пути, пусть они не относятся презрительно къ лѣтописямъ нашего роднаго народа, написаннымъ на нашемъ родномъ языкѣ, чѣмъ не можетъ похвалиться какая либо другая страна. Пусть они выучатся—а это всего труднѣе—не презирать позднѣйшее развитіе языковъ и странъ, для изученія которыхъ они сдѣлали такое хорошее начало. Можетъ показаться страннымъ, что я требую отъ васъ вниманія къ епископу Гальскаго города, говорящему почти заплетающимся языкомъ на своемъ родномъ латинскомъ языкѣ, къ монаху англійскаго или германскаго монастыря, нѣсколько больше приближающихся къ правиламъ Присціана только потому, что латинскій языкъ былъ для нихъ чужимъ языкомъ, которому они учились также, какъ учимся ему и мы. Можетъ показаться страннымъ, что я ставлю ихъ рядомъ съ оригинальными произведеніями древности, что я считаю ихъ текстами, которые слѣдуетъ изучать съ такимъ же стараніемъ и съ такимъ же почтеніемъ, какъ и классиковъ, но это есть единственный способъ, чтобы понять истинную исторію и даже истинную философію, какъ нѣчто цѣлое. У васъ, которые уже узнали, что такое работа, у васъ, которые уже пріобрѣли умственные навыки, необходимые для изученія всякаго предмета, я прошу помощи въ предстоящей мнѣ работѣ и эту помощь вы можете дать мнѣ скорѣе, чѣмъ тѣ, которыя надѣятся, что они могутъ увѣнчать зданіе раньше, чѣмъ они положили его основаніе!

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ.

Классическіе и средневѣковые писатели.

Съ тѣхъ поръ, какъ я занялъ эту каѳедру, мнѣ неоднократно и съ разныхъ сторонъ замѣчали, что я веду совершенно излишнюю борьбу—излишнюю потому, что побѣда давно уже одержена; мнѣ говорили, что никто не оспариваетъ мое ученіе, или вѣрнѣе сказать ученіе Арнольда, объ единствѣ исторіи. Я былъ бы очень радъ, если бы это было такъ; но къ сожалѣнію я не вижу признаковъ этаго. Еще очень недавно это ученіе далеко не имѣло за собой всеобщаго признанія ни въ Оксфордѣ, ни въ другихъ мѣстахъ, и я не настолько тщеславенъ, чтобы воображать, что одна или двѣ мои лекціи могутъ повести къ такому общему признанію даже въ Оксфордѣ, не говоря уже, конечно, о признаніи всемъ міромъ. Но господа, замѣчающіе мнѣ, что мое ученіе принято всѣми, прибавляютъ, что оно принято съ нѣкоторыми значительными оговорками и что оно не можетъ быть приведено въ исполненіе на практикѣ. Невозможно разумными аргументами защищать отличіе между «древнимъ» и «новымъ», но его слѣдуетъ удержать на основаніи практическихъ соображеній. Это значитъ, что хотя это отличіе неосновательно, но удержать его нужно потому, что поставить вмѣсто него что нибудь основательное было бы дѣломъ нелегкимъ; съ этимъ я совершенно согласенъ; это дѣйствительно было бы нелегко, но я никогда неслыхивалъ, чтобы можно было легко достигнуть какой нибудь великой цѣли или что было бы легко изучить какой нибудь важный предметъ; даже «легкое изученіе «новой» исторіи требуетъ нѣкотораго труда, а выдумать практическій планъ для того, что бы изученіе новой исторіи стояло въ надлежащемъ отношеніи къ другимъ отраслямъ исторіи дѣло, конечно, очень трудное. Оно настолько трудно, что я не надѣюсь, чтобы оно было сдѣлано при моей жизни. Если мое ученіе, т. е. ученіе Арнольда, настолько принято всѣми, какъ объ этомъ говорятъ, оно

можетъ и подождать нѣкоторое время; оно должно войти въ сознаніе людей, принести извѣстные плоды и тогда оно будетъ признано настолько полно, что никто не захочетъ удерживать несуществующихъ отличій ради практичечкаго удобства. Тогда окажется, что въ сущности совсѣмъ не удобно удерживать планъ преподаванія и обученія, который, хотя и можетъ устранить извѣстную долю труда, имѣетъ то незначительное неудобство, что онъ совершенно несогласимъ съ вѣрными представленіями о всемірной исторіи.

Пока же для насъ ничего не остается, какъ при всякомъ удобномъ случаѣ доказывать, насколько мы теряемъ благодаря раздѣленію, заставляющему изслѣдователя одного періода начинать тамъ, гдѣ начала нѣтъ, а изслѣдователя другаго періода кончать тамъ, гдѣ нѣтъ конца. Кое что можетъ быть сдѣлано для этой цѣли, между прочимъ, указаніемъ на то, что совершенно невозможно, имѣя въ виду всю европейскую исторію, провести опредѣленную раздѣльную линію между писателями такъ называемаго «классическаго» и такъ называемаго «средневѣковаго» періодовъ. Я отнюдь не отрицаю, что возможно придавать извѣстное значеніе этимъ словамъ и пользоваться ими, какъ названіями двухъ разрядовъ писателей, между которыми существуетъ дѣйствительное различіе. Очевидно, что у такъ называемыхъ средневѣковыхъ писателей, если ихъ сравнить съ ихъ предшественниками, привзошли нѣкоторые новые элементы и что у насъ исчезли нѣкоторые старые элементы. Привзошло все, что выражается словами: «христіанское» и «тевтонское» и исчезло все, что выражается словами: «языческое» и «римское». Еще вѣрнѣе будетъ сказать, что старые элементы продолжали жить, но что они не вели независимаго существованія и сохранились только затѣмъ, чтобы видоизмѣнить элементы, ставшіе теперь, по крайнѣй мѣрѣ, на ряду съ ними. Атаульфъ рѣшилъ, что власть Рима не будетъ разрушена и что она, по крайнѣй мѣрѣ въ западныхъ странахъ, сохранится, какъ вліяніе. Тевтоны отторгли отъ имперіи ея провинціи, но, отторгнувъ ихъ, они приняли вѣру, языкъ и до значительной степени законъ имперіи. Это было въ сущности величайшимъ изъ завоеваній, когда либо сдѣланнымъ Римомъ. Если Грецiя когда то побѣдила своего римскаго завоевателя, то Римъ одержалъ еще болѣе полную побѣду надъ своимъ тевтонскимъ завоевателемъ. Его языкъ на цѣлыя вѣка сдѣлался языкомъ правительства, науки и религіи во всѣхъ западныхъ земляхъ. Мы говоримъ о «классическихъ» и «средневѣковыхъ» писателяхъ, но всѣ писатели запада были латинскими писателями; съ извѣстной точки зрѣнія мы можемъ считать это великимъ зломъ и несомнѣнно, что переживаніе латинскаго языка, какъ языка господствовавшаго для многихъ цѣлей въ тевтонскихъ странахъ, имѣло свои дурныя стороны. Но—было ли это дурно или хорошо—это переживаніе языка составляло самое вѣрное и постоянное основаніе

для владычества Рима, какъ силы, уже не управляющей людьми, но зато болѣе, чѣмъ когда нибудь, вліяющей на ихъ умы. Въ тевтонскихъ странахъ завоеваніе никогда не было полнымъ, народъ ни когда не забывалъ своего роднаго языка— этотъ языкъ сдѣлался даже письменною рѣчью тотчасъ же, какъ только тевтонцы выучились держать въ рукахъ перо. Первый изъ самыхъ почтеннымъ памятниковъ Тевтонской прозы—это Библія Улфилы; но готское священное писаніе и другіе отрывки на готскомъ языкѣ стоятъ особнякомъ; они не имѣли вліяніе на будущее; исповѣдующій арійскую или полуарійскую вѣру не могъ сдѣлаться апостоломъ тевтонскаго христіанства; готы—эта передовая и благородная вѣтвь великой семьи—были слишкомъ скоро уничтожены мечемъ восточной Римской имперіи и растоптаны копытами лошадей Сарацинъ, чтобы они могли сдѣлать что нибудь прочное для своихъ родичей, вступившихъ послѣ нихъ на историческое поприще. Только среди нашего народа, на нашей родинѣ, получившей Евангеліе отъ самаго Рима и передававшей его другимъ тевтонскимъ странамъ, впервые появилась постоянная литература — литература христіанская и тевтонская. Героическія пѣсни языческаго времени сохранились, но они приняли болѣе или менѣе христіанскій оттѣнокъ. Совершенно христіанская поэма появилась, когда Кэдмонъ (если мы только имѣемъ право называть его этимъ именемъ) воспѣлъ то, что раньше его было воспѣто Avitus'омъ, а послѣ него Мильтономъ. Наконецъ былъ совершенъ великій переворотъ: англійская рѣчь въ своей незапятнанной тевтонской чистотѣ сдѣлалась сразу, по велѣнію одного человѣка, матерью богатой и разнообразной прозаической литературы; эта рѣчь не только оказалась средствомъ передачи мыслей мудрецовъ «древности» и другихъ народовъ — такимъ средствомъ была и Библія Ульфилы — она оказалась пригодной для болѣе великаго дѣла: для созданія современныхъ національныхъ лѣтописей, для современнаго разсказа о величайшемъ королѣ нашего народа. Какую жизненность могъ имѣть тевтонскій народъ послѣ цѣлыхъ вѣковъ римскаго вліянія, мы это видимъ изъ нашихъ національныхъ хроникъ, достойныхъ соперницъ Готскаго священнаго писанія. Въ исторіи двухъ великихъ интеллектуальныхъ завоеваній— въ исторіи эллинскаго завоеванія Рима и римскаго завоеванія тевтонъ—вся честь должна принадлежать двумъ людямъ, двумъ борцамъ за національную жизнь и національный языкъ; имъ мы обязаны тѣмъ, что существуетъ прозаическая литература, какъ на языкѣ Лаціума, такъ на языкѣ Англіи. Свободный землевладѣлецъ Тускулума и англійскій король могутъ быть поставлены рядомъ. Старшій Катонъ училъ Римлянъ, также какъ Альфредъ училъ Англичанъ, что ихъ родной языкъ, языкъ ихъ отцовъ, есть лучшій языкъ для разсказа о подвигахъ ихъ предковъ и для записыванія разныхъ ле-

гендъ на поученіе ихъ дѣтямъ. Всѣ прозаическіе латинскіе писатели, «классическіе» «средневѣковые» и современные, интеллектуально сыны Катона. Всѣ англійскіе прозаическіе писатели отъ перваго хроникера до человѣка, стоящаго теперь передъ вами, измѣнили бы свои обязанности вассала передъ сувереномъ, если бы они не признали себя интеллектуально сынами Альфреда.

Такимъ образомъ, впервые появились независимые тевтонскіе языки, которыхъ никоимъ образомъ нельзя признать за діалекты или за искаженіе латинскаго языка. Они вступили съ этимъ послѣднимъ въ борьбу за господство. Романскіе языки появились позднѣе; только постепенно люди поняли, что Lingua Romana, ихъ устный языкъ настолько отличался отъ Lingua Latina, на которомъ они писали, что онъ сдѣлался фактически отдѣльнымъ языкомъ, и что возможно на романскомъ языкѣ писать также, какъ на латинскомъ. Въ Галліи, гдѣ разговорный языкъ подвергался измѣненію больше, чѣмъ въ Италіи, естественно поняли эту истину скорѣй, чѣмъ въ этой послѣдней. Съ XI вѣка къ оригинальнымъ источникамъ намъ нужно причислить цѣлый рядъ старыхъ французскихъ писателей, начиная съ исторіи норманской войны въ южной Италіи Aimé. Вильгардуинъ и Жуанвиль, Фруасаръ и Монтрелé и множество другихъ продолжали традиціи французской прозы. Не слѣдуетъ забывать также чужестранныхъ поэтовъ, къ которымъ намъ приходится обращаться за свѣдѣніями относительно значительной части нашей исторіи: Жоффруа Гаймара, master'a Wace изъ Байё и Бепуа Сентмора. Позднѣе появляются великіе итальянскіе писатели, предшествуемые ихъ главой— потому что Дантъ больше кого бы то ни было изъ писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ имѣетъ право на мѣсто среди оригинальныхъ историческихъ источниковъ. Онъ долженъ считаться однимъ изъ главныхъ свидѣтелей эпохи великихъ людей и великихъ дѣяній, эпохи, съ многими сторонами которой мы знакомимся по его произведеніямъ больше, чѣмъ по какимъ либо источникамъ.

Въ теченіи семи или восьми вѣковъ народы постепенно учились писать на своемъ родномъ языкѣ, романскомъ или тевтонскомъ, и эти языки постепенно замѣняли латинскій языкъ; латинская проза однако употреблялась непрерывно со времени Катона Цензора. Было бы слишкомъ смѣло утверждать, что въ какое бы то ни было время совершенно исчезала привычка писать по латыни прозаическія и въ томъ числѣ историческія произведенія; но слѣдуетъ припомнить, что въ одну изъ эпохъ исторіи имперіи латинскій языкъ уступилъ мѣсто греческому. На западѣ на нѣкоторое время латинскій языкъ, казалось, исчезъ, какъ языкъ литературный. Въ теченіи втораго или третьяго вѣковъ нашей эры, казалось, греками была одержана вторая побѣда надъ римлянами, Когда Маркъ писалъ свое произведеніе на греческомъ языкѣ—это было признакомъ времени; казалось,

онъ приближался къ положенію своихъ восточныхъ послѣдователей, для которыхъ латинскій языкъ уже давно былъ только офиціальнымъ правительственнымъ и военнымъ языкомъ. Если бы вѣкъ Трояна и вѣкъ Діоклетіана не были соединены слабою нитью съ исторей Августовъ, мы имѣли бы право утверждать, что латинскій языкъ поддерживался только христіанскими писателями римской Африки. Потомъ наступила реакція; при великихъ иллирійскихъ императорахъ Римъ снова получаетъ свою жизненную силу—конечно, не на своихъ семи холмахъ, но вездѣ, гдѣ только въ силу необходимости живутъ повелители громадной имперіи, крайними предѣлами которой были Іоркъ и и Антіохія. При этомъ новомъ могуществѣ Рима на первый планъ снова выступаетъ его языкъ. Богатство латинской литературы IV, V и VI вѣковъ представляютъ удивительный контрастъ съ ея бѣдностью въ III и большей части II вѣка; теперь не римляне пишутъ по гречески, а греки по латыни. Амміанъ велъ свое повѣствованіе о войнѣ и государственной жизни, а Клавдіанъ воспѣвалъ императоровъ и консуловъ не на своемъ родномъ языкѣ. Теперь было необходимо, чтобы Римъ снова получилъ всю свою прежнюю силу и свою прежнюю жизненность; онъ долженъ былъ теперь приготовляться къ величайшимъ изъ совершенныхъ имъ подвиговъ. Нашимъ учителемъ и учителемъ родственныхъ намъ народовъ долженъ былъ сдѣлаться Римъ, говорящій не по гречески, а по латыни. Начиная со времени этой великой латинской реакціи до любой эпохи такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ, нигдѣ нельзя провести опредѣленную раздѣльную линію между писателями «классическими» и «средневѣковыми». Между Тацитомъ и Амміаномъ пропасть гораздо шире, чѣмъ между Амміаномъ и Hugo Falcandus. Въ сущности говоря, здравый инстинктъ своего рода руководитъ тѣми людьми, которые настолько утонченные классики, что не хотятъ читать этого послѣдняго автора, когда они не хотятъ также читать и Амміана; и дѣйствительно, я не увѣренъ, чтобы французъ, оплакивавшій несчастія Сицилін, не былъ ближе къ Ливію и Цицерону, чѣмъ греческій солдатъ, познакомившій насъ съ Константіемъ и Валентиніаномъ. Я бы осмѣлился предложить людямъ, спеціально занимающимся исторіей языка и въ особенности исторій языка латинскаго, подумать о томъ, не была ли эта латинская реакція до значительной степени плодомъ дѣятельности риторическихъ школъ Галліи. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что новая мода, кажется, была введена замѣчательными рѣчами, обращенными панегиристами, учившимися въ Отюнѣ, къ императорамъ, царствовавшимъ въ Трирѣ. Съ этого времени латинская проза дѣлается искусственной риторикой, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда по счастію она переходила въ простой языкъ лѣтописей, скудныхъ, но по крайней мѣрѣ понятныхъ. Мы можемъ считать себя счастливыми, что находимъ сочиненія, авторы кото-

рыхъ, признавая свое неумѣнье, писали, какъ говорили, чѣмъ они дали намъ возможность понять, какимъ образомъ языкъ Лаціума черезъ извѣстные стадіи развитія перешелъ въ языки Аквитаніи и Франціи. Возвышенный стиль въ различныхъ его формахъ — это стиль Амміана, Сидонія и Кассіодора. Удивительно, какъ много ума, какая масса драгоцѣнныхъ фактовъ была спасена ими для насъ и не погибла подъ тяжестью изысканности рѣчи. Этотъ искусственный и дурной вкусъ господствовалъ очень долго; онъ вліялъ на большинство «средне-вѣковыхъ» писателей. Дудонъ изъ Сенкентена, можетъ быть, превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣхъ своихъ предшественниковъ и послѣдователей, но и нашъ Гербертъ Бошамъ, жившій два вѣка позже Дудона, навряд ли уступаетъ ему по искусственности своего языка. Среди всѣхъ этихъ писателей пріятно встрѣтить автора, совсѣмъ не имѣющаго никакого стиля и разсказывающаго о томъ, о чемъ онъ хочетъ разсказать, на такомъ латинскимъ языкѣ, болѣе или менѣе испорченномъ, на какомъ умѣетъ, безъ всякихъ претензій на риторику. Говоря объ этихъ писателяхъ, я имѣю въ виду указать, что въ этомъ отношеніи, также какъ во всѣхъ другихъ, нельзя провести никакой раздѣльной линіи между «древнимъ» и «новымъ», между «классическимъ» и «средневѣковымъ», или что, если эту раздѣльную линію слѣдуетъ провести, то провести ее придется въ мѣстѣ нѣсколько неожиданномъ. Между Возрожденіемъ третьяго вѣка и Возрожденіемъ пятнадцатаго нѣтъ раздѣляющей ихъ пропасти; мы настолько же имѣемъ право причислять Эвменія Отюнскаго къ новымъ писателямъ, какъ Кроуланда-Продолжателя къ писателямъ древнимъ. Я отрицаю право насильственно разрывать непрерывный рядъ писателей, къ которому принадлежатъ они оба.

Если это вѣрно относительно латинскаго Запада, то еще болѣе вѣрно относительно греческаго Востока. Въ другомъ мѣстѣ я настаивалъ уже на непрерывности греческой литературы и на невозможности дѣлить недѣлимое—если только мы не будемъ его дѣлить такимъ образомъ, что нетолько Полибій, но и Аристотель попадутъ въ разрядъ новыхъ писателей. Въ IV вѣкѣ до Р. Х. начинается непрерывный рядъ греческихъ прозаиковъ, писавшихъ на одномъ нарѣчіи греческаго языка, а говорившихъ на другомъ. Они говорили на нарѣчіи своего вѣка и страны; а писали, стараясь настолько приблизиться къ чистому нарѣчію Аттики, насколько это было возможно для нихъ. Этотъ рядъ писателей охватываетъ всѣхъ писателей византійскихъ; можно было бы довести его даже такъ далеко, что онъ охватилъ бы всѣхъ современныхъ греческихъ писателей. Послѣдняя попытка оживить древнія формы представляетъ просто одинъ изъ многихъ случаевъ Возрожденія въ исторіи греческаго языка. Одинъ такой очевидный случай Возрожденія мы встрѣчаемъ

во времена Лукіана, а другой во времена Анны Комненъ. Гдѣ же мы должны провести раздѣльную линію? Плутархъ, я полагаю, древній писатель; такимъ же слѣдуетъ считать его современника Діона Хризостома. Но куда мы должны причислить его внука, другаго Діона, который конечно зналъ кое-что о римской исторіи, чего не зналъ Ливій? Куда причислить отцовъ церкви и языческихъ философовъ? Куда причислить, наконецъ, всѣхъ историковъ, церковныхъ и свѣтскихъ, христіанъ и язычниковъ, которые, не смотря на то, что сочиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились только въ отрывкахъ, знакомятъ насъ съ исторіей V вѣка и притомъ излагаютъ значительную часть этой исторіи съ большими подробностями? Живая картина двора Аттилы, нарисованная Прискомъ, заставляетъ насъ сожалѣть, что этотъ писатель, умѣвшій такъ хорошо наблюдать и такъ хорошо записывать свои наблюденія, не оставилъ намъ большаго. Въ слѣдующемъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ и гораздо лучшіе, и гораздо худшіе источники. Прочитавъ о готской войнѣ у государственнаго человѣка Прокопія, намъ приходится читать о войнахъ франковъ у риторика Агатія; но измѣнилась только сущность, а не форма, люди, а не языкъ, на которомъ они пишутъ. Въ языкѣ, какъ и всемъ другомъ, во все время существованія Восточной Римской Имперіи сохраняется старое положеніе дѣлъ съ постоянствомъ абсолютно непрерывнымъ. Если бы намъ нужно было различать древнихъ и новыхъ—то есть, если подобныя слова имѣли бы какое нибудь значеніе, греческихъ и итальянскихъ писателей, какъ отличныхъ отъ тевтонскихъ и славянскихъ—мы были бы принуждены признать, что «древніе» и «новые» существовали одновременно, по крайнѣй мѣрѣ, въ теченіи тысячи лѣтъ. Относительно языка въ настоящемъ смыслѣ этого слова, Лаоникъ Халкокондиласъ отличается отъ Ксенофона меньше, чѣмъ этотъ послѣдній отличается отъ Гомера. Я думаю можно даже сказать, что онъ отличается отъ него меньше, чѣмъ Ксенофонъ отличается отъ Геродота. Если литературный критикъ и не признаетъ византійцовъ аѳинянами, то для филолога они аѳиняне. Если бы намъ пришлось проводить раздѣльную линію, то намъ пришлось бы провести ее между Ксенофономъ, писавшемъ на аѳинскомъ нарѣчіи, потому что оно было его роднымъ нарѣчіемъ, и Аристотелемъ, писавшимъ на этомъ нарѣчіи потому, что оно въ теченіи этого періода сдѣлалось общепринятымъ прозаическимъ литературнымъ языкомъ въ Греціи. Если мы не признаемъ Холкокондиласа «древнимъ», мы должны признать Аристотеля «новымъ».

У византійскихъ писателей имѣется одна случайная отличительная черта, дѣлающая неразрывность «древняго» и «средне-вѣковаго» греческаго языка еще болѣе замѣтной, чѣмъ неразрывность «древняго» и «средне-вѣковаго» латинскаго языка. Въ обоихъ случаяхъ

средневѣковой языкъ былъ искусственнымъ нарѣчіемъ, на которомъ люди, писавшіе на немъ, не говорили въ обыденной жизни. Но средневѣковый латинскій языкъ есть кромѣ того языкъ извѣстнаго общественнаго класса, чѣмъ не былъ средневѣковой греческій языкъ. Собственно говоря, «средневѣковой» латинскій языкъ есть языкъ духовенства. Подобное утвержденіе можно, конечно, дѣлать только съ извѣстными оговорками, но вообще то оно вѣрно. Очень многозначительно то обстоятельство, что слово clerk обозначало человѣка, умѣющаго писать. Латинскій языкъ и вообще какое бы то ни было образованіе не было исключительной принадлежностью духовенства, но оно было все таки его принадлежностью. Образованный свѣтскій человѣкъ въ то время до значительной степени походилъ на духовное лицо; Генриха Перваго, владѣвшаго тремя или можетъ быть четырьмя языками, въ отличіе отъ его необразованныхъ современниковъ, называли Генрихомъ Clerk. Средневѣковой латинскій писатель обыкновенно былъ клеркомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова т. е. по большей части монахомъ. Эйнгардъ и Нитгардъ принадлежатъ къ исключительной группѣ авторовъ въ исключительный вѣкъ; мы въ Англіи не можемъ сопоставить съ ними никого другаго, кромѣ развѣ Fabius Patricius Quaestor Ethelwardus. Мы не можемъ отрицать, что, хотя вообще и нельзя провести никакой опредѣленной раздѣльной линіи, въ латинской литературѣ въ то время, когда она перешла въ руки духовенства, произошла значительная перемѣна. На Западѣ эта перемѣна очень скоро послѣдовала за переходомъ отъ язычества къ христіанству. Боэцій былъ во всякомъ случаѣ христіанинъ, но мы не можемъ назвать «Consolatio» христіанскимъ сочиненіемъ. — Кассіодоръ былъ послѣднимъ изъ непрерывнаго ряда великихъ свѣтскихъ писателей, но и онъ въ концѣ концовъ удалился въ монастырь. На Востокѣ же рядъ свѣтскихъ писателей идетъ непрерывно. Византійскія сочиненія были столь же часто произведеніями полководцевъ, государственныхъ людей, императоровъ, какъ и произведеніями епископовъ и архимандритовъ. Конечно, свѣтскихъ людей Византіи мы можемъ признать теперь клерикалами. Императоръ бывалъ обыкновенно настолько же ученымъ и настолько же ревностнымъ теологомъ, какъ и патріархъ. Тѣмъ не менѣе на Востокѣ исторію продолжали писать свѣтскіе люди, люди двора и лагеря. На Западѣ также, какъ и на Востокѣ, не было, собственно говоря, настоящаго перерыва, но на Западѣ произошло довольно замѣтное измѣненіе, не замѣчавшееся на Востокѣ.

Такимъ образомъ мы не можемъ указать на Востокѣ такого времени или такого мѣста, которое мы могли бы признать временемъ и мѣстомъ рожденія «средневѣковой» литературы, отличной отъ «классической». На Востокѣ не было людей, на которыхъ мы могли бы указать, какъ на воплощающихъ въ ихъ личности подобное измѣ-

пеніе. На Западѣ же мы можемъ найти связь этого измѣненія съ извѣстной страной, съ извѣстнымъ городомъ этой страны и даже съ двумя изъ жителей этого города. На земномъ шарѣ существуютъ извѣстныя мѣстности, которыя, кажется, имѣютъ миссію историческаго поученія, которыя служатъ намъ маяками, говорящими намъ о великихъ событіяхъ, о великихъ комбинаціяхъ слѣдствій единой причины, постоянно производящей эти слѣдствія. Такія мѣстности являются родиной людей, сильная воля которыхъ должна считаться одной изъ немаловажныхъ причинъ историческихъ событій, а иногда родиной людей, которыя могутъ служить образцами вліянія вѣка на людей, но которые сами навряд ли вліяли на свою эпоху. Нѣкоторыя изъ такихъ мѣстностей напоминаютъ намъ о воинахъ и государственныхъ людяхъ, опредѣлившихъ ходъ всемірной исторіи. Другія напоминаютъ о людяхъ, имена которыхъ отмѣчаютъ стадіи человѣческой культуры и человѣческой рѣчи. Относительно одной изъ такихъ странъ, и въ особенности относительно одного изъ такихъ мѣстъ, мы можемъ сказать, что тамъ классическая латинская литература перешла въ средневѣковую латинскую литературу безъ нарушенія непрерывности; хотя мы не имѣемъ права утверждать, что въ этомъ мѣстѣ классическая латинская литература совершенно исчезла и появилась литература средневѣковая. Измѣненіе произошло какъ незамѣтный и естественный ростъ или, если угодно, какъ естественный и незамѣтный упадокъ. Исторія позднѣйшей римской литературы, очевидно, связана съ почвой Галліи, и на этой почвѣ есть одна мѣстность, которая была свидѣтелемъ великаго поворота въ этой исторіи. Эта мѣстность, бывшая родиной двухъ людей, которые, не желая этого, почти безсознательно, были руководящими дѣятелями въ исторіи языка, на которомъ они говорили и писали. Представьте себѣ вершины Овернскихъ горъ, гдѣ каждый холмъ, и большой и малый, отдыхаетъ, какъ отдыхалъ Везувій, когда Спартакъ нашелъ убѣжище въ его кратерѣ, отъ дѣятельности подземныхъ силъ, признаки которой мы встрѣчаемъ тамъ на всякомъ шагу. Станьте на холмъ, который въ позднѣйшее время называли Свѣтлой горой, Clara Mons, главой всѣхъ другихъ clari montes въ топографіи Галліи. Тамъ между церквами и домами, построенными какъ въ Катаніи на горной лавѣ, виднѣется лагерь древней Герговіи на холмѣ, гдѣ разбитый Цезарь оставилъ свой мечъ въ добычу побѣдителямъ Отсюда же видно самую высокую изъ этихъ горъ; на этой горѣ, на угасшемъ волканѣ, лежатъ разсыпанные камни храма, храма изчезнувшихъ боговъ. Былъ ли этотъ храмъ посвященъ Меркурію или таинственному гальскому божеству? Нельзя ли предположить, что, когда язычники Алеманы разсыпали эти камни, разбили эту рѣзьбу и мазаику, они приносили тутъ жертвы тевтонскимъ богамъ и на высотахъ Puy de Dom поклонялись Одину и Тундеру? При подножіи

Свѣтлой горы простирается долина, та самая Limagne, которую желалъ видѣть король франковъ и которую онъ не видалъ, благодаря туману. Прямо у нашихъ ногъ, едва замѣтные между другими постройками, мы видимъ замокъ государей, Chateau епископовъ, и стѣны, до сихъ поръ носящія имя арабскаго завоевателя. Подъ городскими стѣнами простирается равнина, на которой Урбанъ обращался ко всему трепещущему и удивленному міру, на которой весь христіанскій міръ далъ свой отвѣтъ на веленіе Божіе и вооружился для перваго и самаго великаго изъ крестовыхъ походовъ. Здѣсь въ городѣ, вокругъ котораго природа, искусство и исторія, кажется, собрали самые лучшіе изъ своихъ памятниковъ, но въ самыхъ стѣнахъ котораго нѣтъ ни одного храма, замка, башни или воротъ, какъ въ Отюнѣ, или монастыря, какъ въ Пуатье, на которыхъ бы отдыхалъ глазъ знаменитѣйшихъ изъ его гражданъ —въ этомъ овернскомъ городѣ, въ древнемъ Nemetum, въ позднѣйшемъ Клермонтѣ, жили два человѣка, соединявшіе высшее благородство древности съ высочайшей степени набожности позднѣйшаго времени. Въ промежутокъ времени, прошедшій между эпохами, когда жили эти два человѣка, языческая стадія развитія латинской рѣчи на почвѣ Галліи перешла въ стадію развитія христіанскую. Въ стѣнахъ этого города Оверни жилъ послѣдній знаменитый писатель первой изъ этихъ стадій и первый знаменитый писатель второй стадіи. Тамъ жилъ прелатъ—поэтъ, недовольный владычествомъ Готовъ; тамъ же родился и прелатъ—историкъ, съумѣвшій подчиниться владычеству франковъ; тамъ жилъ Сидоній и родился Григорій.

Различіе между этими двумя писателями очень значительно; въ теченіи раздѣляющаго ихъ вѣка произошла большая перемѣна въ языкѣ и въ настроеніи. Между временемъ Сидонія и временемъ Григорія, казалось, прошло нѣсколько вѣковъ. Самые имена ихъ представляются весьма знаменательными; полное имя перваго писателя Гай Солій Аполинарій Сидоній. Личныя названія V вѣка послѣ Р. Х. не похожи на личныя имена перваго вѣка до Р. Х., но имена Марія и Цезаря еще встрѣчаются. Что касается до втораго писателя, то мы уже не встрѣчаемъ въ его тройномъ имени или именъ Гая, Марка; тройное имя епископа, происходившаго изъ сословія сенаторовъ, было: Георгій Флоренцій Григорій. Въ четырехъ именахъ Сидонія мы не видимъ никакихъ признаковъ христіанства, а изъ трехъ именъ Григорія Флоренцій имя довольно безцвѣтное, но два другіе имени очень знаменательны. Григорій—имя святое по самой своей сущности, призывающее людей къ христіанской добродѣтели. Если мы теперь обратимся отъ именъ къ самымъ людямъ, то мы видимъ, что Сидоній—христіанинъ, епископъ, даже святой и въ его личныхъ качествахъ нельзя указать какихъ либо чертъ, несогласныхъ съ этими эпитетами. Онъ настолько далекъ отъ язычества, отвергнутаго еще его

дѣдомъ, что онъ можетъ свободно относиться къ этому предмету и также, какъ новые поэты, пользоваться устарѣлыми миѳологіями, какъ источникомъ поэтическихъ украшеній; но прежде всего онъ римлянинъ—искусный поэтъ и риторикъ, прекрасно владѣющій латинскимъ языкомъ, сообразно вкусу своего времени—вкусу, конечно отличному отъ вкуса Горація или современнаго филолога. Въ теченіи своей жизни ему приходилось смотрѣть на міръ съ разныхъ его сторонъ и играть въ немъ разныя роли, прежде чѣмъ онъ сдѣлался епископомъ Оверискимъ. Римскій префектъ, зять императора, панегиристъ своего тестя, а потомъ другаго императора, низвергнувшаго этого тестя, онъ въ своемъ Ліонѣ и Оверни, также какъ и въ самомъ вѣчномъ городѣ, имѣлъ достаточно случаевъ для изученія своего вѣка и его дѣятелей и событій; и несомнѣнно, что, по крайнѣй мѣрѣ, внѣшнюю сторону ихъ онъ зналъ очень хорошо. Ему мы обязаны болѣе обширными свѣдѣніями о жизни Галліи въ V вѣкѣ, чѣмъ тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о жизни другихъ народовъ и другихъ вѣковъ. Мы получаемъ отъ него свѣдѣнія, какимъ образомъ Оверискій сенаторъ и даже Вестготскій король проводили свою жизнь съ утра и до вечера. Мы совершенно ясно, благодаря ему, можемъ понять характеръ общества — утонченнаго, вѣжливаго, умнаго, но слабаго и лишеннаго политическаго и военнаго духа, общества, въ которое внезапно ворвались нецивилизованные Германцы. Сидоній не любилъ своихъ враговъ—варваровъ, онъ навряд ли любилъ даже своихъ друзей—варваровъ; ему были не легки сношенія съ Бургунцами въ семь футовъ вышиной, съ намазанными жиромъ волосами, даже тогда, когда они являлись его покровителями. Посмотрите, наоборотъ, на Григорія, также, какъ и Сидоній, римлянина и также, какъ Сидоній, христіанина, епископа и святаго. Тутъ картина совершенно измѣняется. Сидоній—христіанинъ, епископъ, хотя онъ и римлянинъ; Григорій римлянинъ, хотя онъ христіанинъ и епископъ. Его вѣра и его обязанности всецѣло захватили его въ свою власть; въ отличіе отъ Сидонія у него не было личной жизни раньше его посвященія и мы можемъ быть увѣрены, что онъ никогда не рѣшился бы произносить имена злыхъ демоновъ—Юпитера и Діаны, какъ имена совершенно безвредныя. Онъ былъ государственнымъ человѣкомъ, потому что въ то время епископу приходилось быть государственнымъ человѣкомъ; ему приходилось бороться съ сильными страстями враждующихъ другъ съ другомъ королей, поучать недостойныхъ своихъ собратій и защищать несчастныхъ. Онъ не писалъ игривыхъ эпиграммъ, придворныхъ панегириковъ и риторическихъ писемъ. Исторія, какъ онъ понимаетъ ее, имѣющая цѣлью утвержденіе вѣры, разсказъ о достойныхъ дѣяніяхъ добрыхъ и недостойныхъ дѣлахъ злыхъ, разсказъ о чудесахъ святаго, о наказаніяхъ, павшихъ на голову еретика, представляется для него важнымъ и серьезнымъ дѣломъ; онъ

не имѣетъ никакого притязанія на красоту рѣчи; по своему собственному показанію, можетъ быть доходящему до излишняго самоуниженія, онъ не знаетъ даже обыкновенныхъ правилъ грамматики. Тѣмъ лучше для историка; отъ писателей, работающихъ по указкѣ Доната, мы выучиваемся немногому; мы начинаемъ учиться только тогда, когда имѣемъ дѣло съ плохимъ синтаксисомъ и съ плохимъ произношеніемъ. Латинскій языкъ Григорія учитъ насъ многому, чего мы не узнаемъ изъ латинскаго языка Сидонія. Онъ указываетъ намъ, какимъ былъ латинскій языкъ въ первой стадіи своего медленнаго перехода въ провансальскій и французскій языки. Григорій—римлянинъ, но если онъ не совершенно доволенъ управленіемъ Меровинговъ, то по крайней мѣрѣ онъ признаетъ его неизбѣжнымъ порядкомъ вещей; онъ также не можетъ себѣ представить общества безъ Хлотахаровъ и Хильперіковъ, какъ не можетъ себѣ представить міра безъ землетрясеній и болѣзней. Мы чувствуемъ, что, переходя отъ Сидонія къ Григорію, мы переходимъ въ другой міръ, въ другую область мышленія и настроенія; но внезапнаго перерыва тутъ нѣтъ; старые элементы ослаблены, новые усилены—вотъ и все. Переходъ великъ, но онъ едва ли больше перехода отъ Невія къ Энію и, конечно, не больше перехода отъ Энія къ Аппію Слѣпому. Переходъ отъ Геродота къ Аристотелю, даже переходъ отъ Геродота къ его современнику Ѳукидиду представляетъ переходъ въ противоположномъ направленіи сравнительно съ переходомъ отъ Сидонія къ Григорію, но навѣрное онъ былъ не менѣе значительнымъ.

Если бы намъ пришлось проводить раздѣльную линію между «классическимъ» и «средневѣковымъ языкомъ, мы были бы склонны провести ее именно здѣсь, такъ что Сидонія нужно было бы назвать послѣднимъ изъ классическихъ» писателей, а Григорія первымъ «изъ средневѣковыхъ». Но такое раздѣленіе было бы совершенно ошибочнымъ даже для Галліи. Между Сидоніемъ и Григоріемъ жилъ Alcimus Avitus, а современникомъ Григорія былъ Venantius Fortunatus; оба они были епископами и поэтами. Avitus кромѣ того былъ теологомъ и очень ловкимъ и беззастѣнчивымъ политикомъ; служа дѣлу православія, онъ игралъ значительную роль при низверженіи власти Бургундцевъ и укрѣпленіи власти Франковъ. Оба они по языку гораздо ближе къ Сидонію, чѣмъ къ Григорію, по духу же и по цѣлямъ Avitus гораздо ближе къ Григорію, чѣмъ къ Сидонію; онъ прежде всего церковникъ. Нечего и говорить, что за долго до Avitus'а мы находимъ сильные признаки духа Григорія. Переходъ отъ Орозія къ Сидонію былъ въ нѣкоторомъ родѣ шагомъ назадъ отъ христіанина—римлянина къ римлянину—христіанину. Такъ напр. Venantius, современникъ и другъ Григорія, кажется принадлежащимъ гораздо болѣе раннимъ стадіямъ; главнымъ его занятіемъ было продажное восхваленіе франскихъ королей и вельможъ и воспѣваніе достоинствъ Хильперика и Фредегунды

и болѣе безкорыстный разсказъ о паденіи Тюрингіи и о доблестяхъ его стараго друга, святаго Радегунда. Но онъ воспѣваетъ ихъ чисто римскимъ языкомъ. Трудно представить себѣ столь непохожія другъ на друга по формѣ сочиненія, какъ стихи Venantius'a и прозу Григорія; конечно можно сказать, что Venantius, бывшій итальянцъ по происхожденію, долженъ былъ писать болѣе чистымъ языкомъ, чѣмъ уроженцъ Галліи въ то время, когда, какъ разсказываетъ самъ Григорій, образованіе въ Галльскихъ городахъ совершенно исчезло. Можетъ быть и такъ; но во всякомъ случаѣ одновременно съ Venantius'омъ, старавшимся, и не безуспѣшно, быть классикомъ, стоитъ Григорій, не имѣвшій подобныхъ притязаній и писавшій на томъ нарѣчіи, на которомъ онъ говорилъ. Григорій былъ почти одинокимъ. Когда при Карлѣ Великомъ снова появилась литература, поэты и прозаики больше писали на языкѣ Сидонія и Venantius'a, чѣмъ на языкѣ Григорія.

Такимъ образомъ, мы не можемъ считать, не отступая отъ хронологической истины, Сидонія послѣднимъ изъ классическихъ писателей и тѣмъ не менѣе мы можемъ признать его писателемъ, закончившимъ извѣстный періодъ; онъ былъ послѣднимъ выдающимся писателемъ, проведшимъ большую часть своей жизни за Альпами, въ качествѣ поданнаго Западно-Римской имперіи. Боэцій и Кассіодоръ писали позже его, но они, живя въ Италіи, были уже подданными Готовъ и Кассіодоръ былъ даже Готскимъ министромъ. Сидоній же, наоборотъ, былъ чистымъ римляниномъ; только въ послѣдніе годы своей жизни и притомъ противъ своей воли онъ сдѣлался Вестготскимъ подданнымъ. Его послѣдователи были уже переживаніемъ стараго при новыхъ общественныхъ условіяхъ. Сидоній былъ послѣднимъ изъ цѣлаго ряда писателей, послѣднимъ писателемъ, выросшимъ и проведшимъ свои лучшіе годы при старомъ порядкѣ вещей. Особенный интересъ его положенія, глубоко поучительный характеръ его сочиненій, хотя и не историческихъ по формѣ, но составляющихъ одинъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи, обратили на Сидонія вниманіе всѣхъ изслѣдователей, какъ исторіи, такъ и языка, которые понимали, какое громадное значеніе для всемірной исторіи имѣетъ V вѣкъ послѣ нашей эры. Гизо въ одной странѣ, и Hodgkin въ другой обратились къ нему, какъ къ главному истолкователю его времени. Послѣ оцѣнки подобныхъ ученыхъ весьма любопытно и поучительно узнать, какимъ представляется этотъ писатель, у котораго можно такъ многому выучиться и у котораго дѣйствительно выучились такъ многому, людямъ, которые вращаясь въ своей узкой спеціальности вообразили, что имъ уже все извѣстно. Я слышалъ однажды разсказъ, вѣрный или невѣрный, но во всякомъ случаѣ весьма поучительный: разсказывали, что изслѣдователь, правда не историкъ, а филологъ—но филологъ просвѣщенный, понимавшій необходимость познакомиться не только съ происхожденіемъ избранныхъ имъ для ученія языковъ, но

и съ ихъ дальнѣйшемъ развитіемъ—послѣ продолжительнаго изученія латинской литературы приступилъ, наконецъ, къ изученію Сидонія. Что могло быть естественнѣе этого? Что могло быть болѣе вѣрнымъ признакомъ глубины и основательности его занятій латинскимъ языкомъ? Но одинъ узкій спеціалистъ, узнавъ о такихъ его занятіяхъ, началъ смѣяться надъ нимъ и говорить, что онъ тратитъ даромъ время «надъ мелочными и ничтожными писателями». Этотъ разсказъ превосходенъ, какъ образчикъ самодовольнаго невѣжества; но проявившимся въ этомъ разсказѣ типомъ стоитъ заняться поосновательнѣе. Это, конечно, самодовольное невѣжество; но тутъ не одно самодовольное невѣжество, къ нему присоединяются и болѣе почтенные черты характера. Такая узкая спеціализація, положительно отказывающаяся выдти изъ предѣловъ немногихъ произвольно избранныхъ столѣтій, до нѣкоторой степени основана на ошибочной теоріи объ обязанностяхъ вассала предъ его повелителемъ. Ученые такого типа заклятые приверженцы извѣстныхъ, спеціальныхъ авторовъ и извѣстныхъ, спеціальныхъ періодовъ. Можно понять, что издатель или переводчикъ Виргилія признаетъ нарушеніемъ вѣрности, измѣной чести своего повелителя, если будетъ считать Сидонія достойнымъ какого нибудь вниманія. Не таково настроеніе историка и не таково настроеніе филолога, но оно не можетъ быть названо совершенно неестественнымъ и оно довольно обычно среди узкихъ спеціалистовъ. Тутъ до значительной степени можетъ привходить и болѣе низкое чувство зависти къ людямъ, обладающимъ свѣдѣніями, которыми не обладаютъ завидующіе—чувство, заставляющее иногда отказываться и называть наукой все то, чего человѣкъ не знаетъ. Но мнѣ кажется, что главное то тутъ въ чувствѣ сравнительно болѣе похвальнымъ. Передъ извѣстными писателями преклоняются съ особеннымъ почтеніемъ и всякое почтеніе, даже всякое вниманіе къ другимъ, представляется такимъ господамъ измѣной ихъ идоламъ.

Какъ бы то ни было, такое исключительное направленіе среди узкихъ спеціалистовъ несомнѣнно существуетъ; оно составляетъ одно изъ затрудненій для нашихъ занятій, оно есть одинъ изъ враговъ, борящихся противъ всякаго, посвятившаго себя болѣе широкому и болѣе просвященному изученію исторіи и философіи. Оно иногда проявляется въ еще болѣе замѣчательныхъ формахъ, чѣмъ признаніе Сидонія Аполлинарія однимъ изъ мелкихъ писателей. Проводимая раздѣльная линія не всегда бываетъ строго-хронологически правильной и опалѣ иногда подвергаются не только писатели эпохъ, считаемыхъ неважными, но и писатели эпохъ избранныхъ, если только эти писатели не принадлежатъ къ немногимъ избраннымъ писателямъ. Я помню, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одной книгѣ я прочиталъ замѣчаніе, что Ѳукидида нельзя сопоставлять съ кѣмъ бы то не было, даже съ писателями его времени, даже съ

великимъ ораторомъ Лизіасомъ. Это положеніе было изложено нѣсколько метафорически, но его можно выразить приблизительно такимъ образомъ: Ѳукидидъ столь великъ, что онъ долженъ стоять особнякомъ, мы должны принимать его разсказъ цѣликомъ и не имѣемъ права сопоставлять его съ другими. Подобное замѣчаніе было бы совершенно умѣстно, если бы кто нибудь предлагалъ сдѣлать изданіе Ѳукидида въ перемежку съ извлеченіями изъ Лизіаса или Плутарха или какого нибудь другаго писателя, вродѣ того, какъ напр. Крокеръ издалъ Босуеля въ перемежку съ отрывками изъ другихъ писателей о Джонсонѣ Но замѣчаніе, если я только правильно его понимаю, было направлено не противъ порчи текста Ѳукидида, а противъ признанія его разсказа подлежащимъ обыкновеннымъ законамъ исторической критики. Разсказъ Ѳукидида слѣдуетъ признавать чѣмъ то стоящимъ совершенно особнякомъ; нельзя приводить никакихъ свидѣтельствъ для подтвержденія или опроверженія показаній великаго учителя. Очевидно, что это то самое настроеніе, которое вызвало протестъ противъ свободной критики Грота. Никакое настроеніе не можетъ быть настолько противно настоящему методу здраваго историческаго изслѣдованія, какъ то настроеніе, которое ставитъ какого бы то ни было писателя, хотя бы и самого знаменитаго, внѣ предѣловъ процесса сравненія и критики—процесса, составляющаго самую сущность историческаго изыскапія. Какъ бы великъ ни былъ писатель, его величіе не можетъ лишить насъ права и обязанности сравнивать одно указаніе съ другими и пополнять пробѣлы какого нибудь разсказа указаніями и замѣчаніями другаго. Разсказъ же Ѳукидида болѣе всѣхъ другихъ требуетъ дополненій, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ. Его задачей была не вся исторія его времени, а только одна ея сторона; онъ писалъ исторію пелопоннезской войны и не имѣлъ въ виду всю исторію даже Аѳинъ во время этой войны; чтобы уяснить себѣ всю эту исторію во всѣхъ ея подробностяхъ, намъ приходится обращаться къ многимъ другимъ источникамъ, намъ приходится сравнивать показанія Ѳукидида съ свѣдѣніями, заимствованными отовсюду, даже изъ источниковъ значительно уступающихъ ему по достоинству. Лизіасъ былъ однимъ изъ его младшихъ современниковъ, внимательнымъ наблюдателемъ и даже дѣятелемъ въ нѣсколько позднѣйшихъ событіяхъ, однимъ изъ величайшихъ мастеровъ въ одномъ изъ величайшихъ искусствъ и онъ былъ ниже Ѳукидида только потому, что ремесло оратора не обязываетъ человѣка къ такой строгой правдивости, какъ ремесло историка. И еслибы мы не имѣли права обращаться за свѣдѣніями о событіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, къ такому человѣку, то наши средства изученія его времени были бы конечно весьма ограниченными.

Я привелъ этотъ примѣръ потому, что онъ указываетъ на двѣ

противоположныя другъ друга опасности, которымъ подвергаются люди, изучающіе различные историческіе періоды. Въ предъидущей лекціи я настаивалъ на необходимости выбрать для каждаго періода какую нибудь отдѣльную книгу, подробно изучить ея текстъ и сдѣлать ее центромъ, вокругъ котораго могутъ быть сгруппированы всѣ другіе источники свѣдѣній объ этомъ періодѣ. Я примѣнялъ это правило одинаково къ изслѣдованіямъ такъ называемымъ «классическимъ» и такъ называемымъ «средневѣковымъ». Теперь, говоря о писателяхъ и объ источникахъ, которые на какомъ либо основаніи надо признать второстепенными, я нахожу, что опасность, грозящая «классическимъ» изслѣдованіямъ, какъ разъ противоположна опасностямъ, грозящимъ изслѣдованіямъ «средневѣковымъ». Въ первомъ случаѣ опасность состоитъ въ томъ, чтобы не обратить на второстепенныхъ писателей слишкомъ малаго вниманія, а во второмъ случаѣ въ томъ, чтобы не обратить на нихъ слишкомъ большаго вниманія. Настоящіе знатоки древне-греческой и латинской литературы (а такихъ знатоковъ не мало въ нашемъ университетѣ) конечно съумѣютъ оцѣнить надлежащее отношеніе различныхъ авторовъ другъ къ другу; но люди, не обладающіе такими свѣдѣніями, какъ эти знатоки, постоянно подвергаются искушенію ограничить свое изученіе, не только незначительными періодами времени, но и немногими изъ авторовъ, относящимися къ этимъ періодамъ; они чувствуютъ нѣкоторое удивленіе, даже нѣкоторую досаду, когда имъ скажешь, что на ихъ любимыхъ языкахъ имѣются писатели, которыхъ стоитъ изучать и о которыхъ имъ ничего не извѣстно. Человѣкъ, почти хваставшійся тѣмъ, что онъ не знаетъ ничего объ Амміанѣ (какъ будто знать что нибудь объ Амміанѣ значитъ потерять право считаться классикомъ!), можетъ считаться вполнѣ развитымъ типомъ такого рода господъ. Это настроеніе представляетъ любопытную реакцію противъ настроенія прошлыхъ вѣковъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ, люди, кажется, не признавали, что Ѳукидидъ писатель совершенно отличный отъ Діодора и Плутарха; ошибка, довольно естественная въ эпоху Возрожденія, считать «древнихъ» совершенно особыми людьми, отличными отъ насъ, предполагать, что всѣ эти «древніе» жили въ одно и то же время, мѣшала людямъ понимать огромную разницу между греческими и латинскими писателями по ихъ цѣнности и авторитетности. Отчасти, можетъ быть, привычка смотрѣть на все съ чисто литературной точки зрѣнія заставляла многихъ полагать, что тѣ греческіе и латинскіе писатели, которые не признаются образцовыми, не достойны никакого вниманія. Діодоръ достаточно скучный писатель, но онъ главнѣйшій авторитетъ относительно нѣкоторыхъ изъ самыхъ важныхъ и поучительныхъ эпохъ греческой исторіи и для большей части исторіи своего роднаго острова. Путешественникъ, вспоминая

Ѳукидида на берегахъ Греціи, не долженъ забывать Діодора на высотахъ Тавроменія. Діонъ Кассій писалъ гораздо позднѣе и, что еще хуже, онъ любитъ относиться ко всѣмъ съ пренебреженіемъ, но сенаторъ и консулъ, изучившій спеціальные документы Рима, понималъ нѣкоторые вещи, которыхъ не понималъ Ливій. Наше знаніе древне-греческой и римской исторіи, а также и наше знаніе греческихъ и римскихъ языковъ будетъ очень несовершеннымъ, если мы не примемъ, какъ существенную часть нашихъ изслѣдованій, изученіе немногихъ писателей, которыми мы теперь неосновательно пренебрегаемъ. Поставьте ихъ на свое мѣсто — я ничего большаго и не прошу. Я прошу только помнить, что они занимаютъ извѣстное мѣсто.

Когда мы обращаемся къ средневѣковымъ писателямъ опасность грозитъ намъ съ другой стороны. Еще и теперь очень многіе изслѣдователи средневѣковой исторіи по отношенію къ своимъ источникамъ находятся въ томъ же положеніи, въ какомъ находились люди семнадцатаго вѣка по отношенію къ древнимъ писателямъ. Конечно тутъ затрудненіе увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что всякій считаетъ себя способнымъ, если это ему вздумается, писать объ средневѣковой исторіи, тогда какъ, къ счастію, сравнительно немногіе считаютъ себя способными писать о «классической» исторіи. Посмотрите на любую книгу, хотя напр. о какомъ нибудь періодѣ англійской исторіи, авторъ которой не простой компиляторъ, но котораго всетаки нельзя признать настоящимъ критическимъ ученымъ. Вы найдете въ его ссылкахъ громадное количество именъ писателей, приводимыхъ безъ всякаго разбора. Для Августина Тьери очевидно, что всякая книга, написанная раньше изобрѣтенія книгопечатанія, настолько же пригодна, какъ любая изъ самыхъ лучшихъ книгъ. Большинство, кажется, полагаетъ, что фактъ дѣлается тѣмъ болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ большее количество писателей одинаково разсказываютъ о немъ. Они не соображаютъ, которые изъ этихъ писателей имѣли какія нибудь средства узнать объ этомъ фактѣ, неизвѣстномъ его предшественникамъ, и которые изъ нихъ просто копировали своихъ предшественниковъ. Довольно обычное дѣло видѣть ссылки на англійскія хроники въ слѣдующемъ порядкѣ: Флоренсъ Ворчестерскій, Симеонъ Дургамскій, Рожеръ Гоуденъ, Рожеръ Вендоверъ, Матью Парисъ и иногда Матью Вестминстерскій. Кажется, предполагаютъ, что всѣ они были очевидцами и что ихъ свидѣтельство увеличиваетъ достовѣрность фактовъ. Всегда слѣдуетъ опредѣлять, которому изъ прежнихъ писателей слѣдуютъ позднѣйшіе; слѣдуетъ даже опредѣлять, когда позднѣйшій писатель не понималъ или извращалъ утвержденія своего предшественника. Иногда бываетъ и такъ, что позднѣйшій писатель знаетъ кое-что о фактахъ, незвѣстныхъ болѣе древнимъ. Изъ этого слѣдуетъ, что позднѣйшими

писателями невозможно пренебрегать; очень часто бываетъ интересно знать какъ они смотрѣли на событія прежняго времени. Нужно понять только то, что они не источники, не очевидцы, что утвержденіе, сдѣланное современникомъ, нисколько не выигрываетъ въ своей цѣнности только по той причинѣ, что оно повторяется сотнями несовременныхъ писателей. Писатель становится источникомъ только въ томъ случаѣ, когда онъ имѣетъ спеціальныя средства ознакомиться съ фактами. Въ этомъ смыслѣ мѣстный писатель или человѣкъ, спеціально изучившій какой нибудь вопросъ, можетъ быть источникомъ для эпохи, даже довольно отдаленной отъ его собственной. Однимъ словомъ, въ этомъ случаѣ онъ становится на одномъ уровнѣ съ Плутархомъ и Діодоромъ. Понятно само собой, что писатель, не имѣющій никакого значенія для эпохи предшествующей его собственной эпохѣ, можетъ имѣть очень большое значеніе для этой послѣдней, для того времени, когда онъ дѣлается источникомъ. Матью Парисъ драгоцѣнный источникъ для исторіи нѣсколькихъ лѣтъ царствованія Генриха III, но для эпохи норманскаго завоеванія онъ никуда не годится. Единственное его значеніе въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что онъ возбуждаетъ наше любопытство—любопытство узнать, откуда онъ заимствовалъ разсказанныя имъ басни. Любопытно также и то, что онъ, либералъ, дѣлаетъ заимствованія у дѣйствительно консервативнаго Рожера Вендовера и что, повторяя разсказанные этимъ послѣднимъ факты, онъ измѣняетъ его взгляды на событія, согласно своимъ понятіямъ. Его исторія читается, какъ читалось бы сочиненіе сэра Арчибальда Алисона, исправленное сообразно политическимъ взглядамъ Чамберлена. Не особенно важно, дѣйствительно ли архіепископъ Губертъ произнесъ свою знаменитую рѣчь объ избирательной монархіи или Матью Парисъ выдумалъ ее. Вообще говоря, даже лучше, если она выдумана Матью, такъ какъ такимъ образомъ полезная старая традиція была передана позднѣйшимъ поколѣніямъ. То обстоятельство, что Ваверлейскій лѣтописецъ выбираетъ Петербороскую хронику своимъ руководителемъ, дѣлаетъ честь этому лѣтописцу; но это нисколько не увеличиваетъ авторитетности Петербороской хроники. То обстоятельство, что многіе изъ позднѣйшихъ писателей повторяли разсказъ Флоренса о выборѣ и о царствованіи Гарольда, а не какую нибудь изъ Норманскихъ сказокъ, важно въ томъ отношеніи, что это даетъ возможность прослѣдить исторію мнѣній по этому предмету; но это повтореніе нисколько не увеличиваетъ значенія утвержденій Флоренса. Намъ приходится выбирать изъ классическихъ и изъ средневѣковыхъ писателей, но выбирать ихъ мы должны не на основаніи одинаковыхъ принциповъ; второстепенные писатели для этихъ двухъ періодовъ (слѣдуетъ помнить, что писатель второстепенный для одного періода часто бываетъ первостепеннымъ для послѣдующаго) по большей части со-

вершенно отличны одинъ отъ другаго по своему значенію и по своей сущности. Вообще второстепенные средневѣковые писатели уступаютъ по своему значенію классическимъ второстепеннымъ писателямъ. Очень немногіе изъ нихъ соотвѣтствуютъ тѣмъ писателямъ, о которыхъ я говорилъ въ послѣдней моей лекціи — писателямъ, которые, не будучи сами по себѣ оригинальными источниками, служатъ таковыми для насъ, такъ какъ они воспроизводятъ показанія утраченныхъ сочиненій писателей, бывшихъ оригинальными. Очень рѣдко позднѣйшіе писатели имѣли передъ собой какіе нибудь матеріалы, намъ неизвѣстные. По большей части они только копировали прежнихъ писателей, при помощи которыхъ мы можемъ ихъ провѣрить; едва ли имѣется хоть одинъ средневѣковой писатель, похожій на Плутарха, не бывшаго прямымъ источникомъ, но за то замѣнившаго намъ многихъ весьма авторитетныхъ утраченныхъ писателей. Потому мы постоянно подвергаемся опасности чрезвычайно низко оцѣнить значеніе второстепенныхъ писателей древняго міра и чрезмѣрно высоко оцѣнить такихъ же писателей позднѣйшей эпохи. Я нисколько не сомнѣваюсь, что если я сдѣлаю утвержденіе, заимствованное у Ѳукидида, то кто нибудь будетъ поправлять меня на основаніи Діодора. Но со мной случилось, что я зарылъ въ землю Завоевателя на основаніи разсказа Ордерика, жившаго въ то время и несомнѣнно разговарившаго съ людьми присутствовавшими при погребеніи и меня привлекли къ отвѣту, почему я не исправилъ Ордерика на основаніи показаній Павла Эмилія, риторика конца пятнадцатаго вѣка.

Я могъ бы сказать еще очень многое о сходствѣ и различіи двухъ разрядовъ писателей, о которыхъ я теперь говорю—о сходствѣ и различіи такъ называемыхъ классическихъ и такъ называемыхъ средневѣковыхъ писателей. Я полагаю, что впослѣдствіи мнѣ придется говорить о нихъ подробно. Теперь же моя задача состоитъ въ указаніи, что между ними не существуетъ дѣйствительно перерыва. Человѣкъ, занимающійся изученіемъ источниковъ только до извѣстнаго времени, дѣлаетъ вредъ только себѣ и этотъ вредъ легко исправить, но гораздо хуже поступаетъ тотъ, кто переходитъ къ изученію позднѣйшаго времени, къ изученію эпохъ такъ называемыхъ интересныхъ и спорныхъ, не обладая основательными свѣдѣніями объ эпохахъ предшествовавшихъ. Я дамъ одинаковый совѣтъ всѣмъ выбирающимъ какой нибудь предметъ для изученія, какъ для сравнительно низменныхъ цѣлей экзамена, такъ и для возвышенной цѣли развитія своего мышленія. Даже чтеніе для экзаменовъ можетъ быть полезно, если оно ведется по какой нибудь раціональной системѣ. Студентъ, изучающій Ѳукидида, хорошо дѣлаетъ, такъ какъ онъ кладетъ прочное основаніе своимъ занятіямъ; студентъ, изучающій Григорія или Ламберта хорошо сдѣлаетъ, если онъ раньше ихъ изучитъ Ѳукидида; но студентъ, не имѣющій свѣдѣній о V вѣкѣ до Р. Х. и о V вѣкѣ послѣ Р. Х. и прямо переходящій къ изученію XVI, XVII и XVIII вѣковъ, поступитъ

очень неосновательно. Я буду кричать вамъ изо всѣхъ силъ, хотите вы меня слушать или нѣтъ: не поддавайтесь искушеніямъ, какъ бы они не были соблазнительны; не слушайте поученій, какъ бы они не были привлекательны, которыя заставляютъ васъ сразу перейти къ изученію эпохъ, чрезвычайно интересныхъ и важныхъ, достойныхъ всякаго вниманія, но совершенно не пригодныхъ для того, чтобы служить началомъ вашихъ занятій. Очень жаль, что въ нашемъ университетѣ сдѣлалось теперь модой погружаться сразу въ изученіе такихъ эпохъ, можетъ быть болѣе блестящихъ, болѣе показныхъ и пренебрегать приготовительной работой, необходимой для изученія древняго міра, пренебрегать здравыми знаніями, пріобрѣтаемыми при помощи такого приготовленія. Если здѣсь присутствуетъ хоть одинъ студентъ, желающій выбрать историческій періодъ, извѣстный вопросъ, извѣстную книгу и если онъ захочетъ послушать меня, я скажу ему: начните съ самаго начала. Если выборъ ему необходимъ для экзамена, я скажу ему: начните настолько близко къ началу, насколько позволяютъ вамъ правила экзамена! Вамъ нужно знать объ Карлѣ V, о Вестфальскомъ мирѣ, о самой таинственной изъ историческихъ личностей, королевѣ Венгерской Маріи Терезіи; вы желаете знать подлинное значеніе актовъ, давшихъ міру императора французскаго и императора австрійскаго, изъ которыхъ второй имѣлъ еще нѣкоторое смутное представленіе о томъ, что онъ былъ также императоромъ римскимъ, королемъ Германіи и Іерусалима. Вы не узнаете всѣхъ этихъ вещей, какъ ихъ слѣдуетъ узнать, если только вы не изучите главнаго центральнаго факта всей европейской исторіи,—не прекратившейся жизни Рима и его имперіи. Не слушайте людей, утверждающихъ противное; не слушайте людей, увѣщевающихъ васъ увѣнчать зданіе, когда вы еще не положили его фундамента. Я зову васъ идти со мной за Одоакромъ, римскимъ патриціемъ, и Хлодовикомъ, римскимъ консуломъ; они приведутъ насъ къ Карлу, патрицію, королю и императору, къ Оттону, отвѣчающему на крикъ угнетенной королевы, къ Генриху, отвѣчающему на мольбы разрываемой раздорами церкви, къ Фридриху, убѣжавшему изъ Леньяно и короновавшемуся въ Арлѣ, въ другому Фридриху, получившему корону въ Іерусалимѣ и снящему въ Палермской Базиликѣ. Отъ нихъ вы можете перейти къ позднѣйшему ихъ наслѣднику и вашъ путь будетъ освѣщенъ настоящимъ свѣтомъ здравой исторической науки. Да не сведетъ васъ съ этого узкаго пути какой нибудь блуждающій огонекъ, который только погрузитъ васъ въ болото легкомыслія и полузнанія, выбраться изъ котораго на твердую почву будетъ труднѣе, чѣмъ даже изъ тѣхъ «penitissimae paludes», гдѣ франки жили еще въ дни Сидонія, но изъ которыхъ они выбрались для совершенія своихъ великихъ дѣяній раньше эпохи Григорія.

ЛЕКЦІЯ VI.

Вспомогательные источники.

Въ одной изъ предъидущихъ лекцій я указалъ на общій характеръ того разряда источниковъ, о которыхъ буду говорить сегодня. Въ этотъ разрядъ входятъ всѣ источники историческаго знанія, кромѣ повѣствовательныхъ. Я называю ихъ вспомогательными, а не второстепенными источниками, потому что, будучи вспомогательными въ смыслѣ нашего пользованія ими, они совсѣмъ не второстепенны въ смыслѣ ихъ авторитетности; они настолько же авторитетны, какъ и повѣствованіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они имѣютъ даже большую авторитетность; нѣкоторые изъ нихъ совершенно свободны отъ той недостовѣрности, которой отличается историческія повѣствованія, хотя при этомъ слѣдуетъ признаться, что нѣкоторые изъ нихъ отличаются другими имъ свойственными чертами недостовѣрности. Источники такого рода подобно источникамъ геологическаго знанія не могутъ быть сами по себѣ ошибочными или лживыми, но за то ихъ гораздо легче не понять, чѣмъ писанные отчеты. Вспомогательные источники другого разряда принадлежать къ писаннымъ отчетамъ и какъ таковые могутъ быть легко поняты, но лживы. Всѣ тѣ источники свѣдѣній, которые, какъ я уже сказалъ, не подходятъ подъ опредѣленіе историческаго повѣствованія, распадаются на два разряда, подлежащіе дальнѣйшимъ подраздѣленіямъ; источники этихъ двухъ разрядовъ мы можемъ назвать *монументальными* и *документальными* вспомогательными источниками. Нѣкоторые изъ монументальныхъ свидѣтельствъ очень близко подходятъ къ предметамъ, принадлежащимъ къ области естественныхъ наукъ; въ сущности говоря, они просто примѣненіе естествознанія для цѣлей историческаго доказательства. Нѣкоторые образчики документальныхъ свидѣтельствъ, въ сущности говоря, историческія повѣствованія, только сохранившіеся въ формѣ отличной отъ обыкновенной формы книги. Трудно найти

различіе между автобіографическими отчетами, оставленными намъ первымъ и вторымъ изъ Цезарей. Второй изъ нихъ оставилъ намъ исторію большей части своей жизни, написанную имъ самимъ въ книгѣ на пергаментѣ или папирусѣ. Первый же оставилъ намъ исторію своей жизни, вырѣзанную по его приказанію и повидимому его собственными словами на камняхъ храма. Между двумя этими отчетами нѣтъ никакого формальнаго отличія. Въ каждомъ изъ нихъ человѣкъ, обладающій властью, разсказываетъ о совершенныхъ имъ дѣяніяхъ. Съ другой стороны намъ извѣстно, что въ области фактовъ, находящейся внѣ писанныхъ отчетовъ, многое доказывается формой череповъ, находимыхъ въ старыхъ могилахъ. Изученіе человѣческихъ костей, собственно говоря, относится къ анатоміи; но случайно кости дѣлаются лѣтописью и разсказываютъ намъ объ исторіи эпохъ, когда еще не было писанныхъ лѣтописей. Монументъ Анкиры и содержимое гробовъ — это два предѣльныхъ звѣна предметовъ, которымъ посвящена настоящая лекція. Эти два звѣна соединяются многими промежуточными звѣньями.

Я употребилъ свое слово *монументальный* для опредѣленія всѣхъ источниковъ знанія, не подходящихъ подъ опредѣленіе писанныхъ отчетовъ; но нѣсколько сомнительно, чтобы черепа можно было причислить къ памятникамъ; они не произведенія искусства человѣка, какъ напр., кремневыя оружія и Коринфская капитель. Въ этихъ послѣднихъ форма создана волей артистовъ, но человѣкъ не можетъ своей волей создать форму своего черепа или даже форму черепа своихъ дѣтей. — Это можетъ представляться дѣйствительнымъ отличіемъ. Мы до извѣстной степени рѣшили, что исторія имѣетъ дѣло съ фактами и событіями, находящимися подъ контролемъ человѣческой воли, опредѣляющей какъ разсказываемыя событія, такъ и самую форму отчетовъ о нихъ. Черепа же скорѣй относятся къ разряду доказательствъ, чисто случайныхъ т. е. такихъ, которые суть факты какой нибудь другой отрасли науки и только случайно уясняютъ какой нибудь историческій вопросъ. Собственно говоря, это такъ и есть. Свидѣтельство череповъ совершенно того же рода, какъ и случайныя свидѣтельства по какому нибудь историческому вопросу, получаемыя иногда нами при изученіи геологическихъ слоевъ или изъ какихъ нибудь иныхъ источниковъ. Но хотя черепъ, также какъ и геологическіе слои, не подлежатъ велѣнію человѣческой воли, онъ есть часть самаго человѣка и потому часть его исторіи, какой не могутъ считаться геологическіе слои. Черепа свидѣтельство не случайное, а постоянное и пригодное для всѣхъ временъ и для всѣхъ странъ. Однимъ словомъ, свидѣтельство формы человѣческаго тѣла принадлежитъ, въ сущности говоря, къ тому же разряду, къ которому принадлежатъ и свидѣтельства грубыхъ произведеній человѣческаго искусства. Это такого рода свидѣтельства, которыя,

по моему мнѣнію, чрезвычайно легко не понять или истолковать не вѣрно.—Но при томъ они свидѣтельства, которыя сами не заблуждаются и не обманываютъ. Кремневые топоры поддѣлывались не меньше, чѣмъ древніе англійскіе грамоты; но я никогда не слыхивалъ, чтобы какое нибудь ученіе о британскихъ расахъ поддерживалось поддѣлкой брахи-кефалическихъ или долико-кефалическихъ череповъ. Потому черепа и всякія другія части человѣческаго тѣла, могущіе служить свидѣтельствомъ какъ относительно самыхъ древнихъ и первобытныхъ, такъ и новѣйшихъ эпохъ, мы должны причислить къ монументальнымъ источникамъ знанія.

Послѣ свидѣтельства самаго человѣка нужно упомянуть о свидѣтельствѣ его произведеній, особенно грубѣйшихъ произведеній, первобытныхъ орудій и оружій, на которыхъ археологія основываетъ свое дѣленіе на періоды: каменный, бронзовый и желѣзный. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ кремневой стрѣлой, бронзовымъ мечомъ, съ разнообразными формами первобытныхъ оружій и украшеній, въ особенности съ большими монументальными сооруженіями, погребальными, религіозными или защитительными, которые представляютъ часто произведенія механическаго искусства, но не имѣютъ свойствъ произведеній искусствъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Къ этому разряду свидѣтельствъ относятся «Kist-vaen», «cromlech», «долменъ», круглая хижина, длинный домъ индѣйцевъ, стѣны и ворота первобытныхъ городовъ. Къ нему же принадлежитъ могильная насыпь при Гелеспонтѣ, которую осматриваютъ моряки, полагая, что это могила воина, убитаго рукой Гектора. Къ нему принадлежитъ также и та могильная насыпь, стоящая надъ песчанымъ Северномъ, подъ которой лежатъ кости мертвыхъ, происхожденіе и имя которыхъ было неизвѣстно и въ то время, когда Сеулинъ подъ этимъ холмомъ послѣ великой битвы королей принялъ покорность Бриттовъ. Къ этому разряду принадлежитъ и «кромлехъ» въ Кентѣ, который ошибочно называли могилой такой сравнительно современной личности, какъ Горза и «кромлехъ» въ дикой странѣ Гоуэра, стоящій высоко надъ моремъ и, который столь же неосновательно называли могилой британскаго Артура. Мы можемъ причислить сюда же холмы, насыпанные неизвѣстными людьми, тамъ, гдѣ Сомюръ возвышается надъ шумящей Луарой. Не упоминая о «Long-Meg» и ея дочеряхъ на Кумбрійскихъ болотахъ, о чудесахъ Авебюри и британскаго Карнака, мы можемъ упомянуть объ самомъ выдающемъ произведеніи доисторическаго человѣка, о «Stonehenge», объ этой пляскѣ гигантовъ, столь же таинственной теперь, какъ и тогда, когда Циприкъ разбилъ бриттовъ близъ рвовъ древняго Салисбюри. Отъ этихъ произведеній, объ именахъ и расѣ создателей которыхъ намъ ничего не извѣстно, мы можемъ перейти къ стѣнамъ городовъ, и теперь еще послѣ многихъ вѣковъ охраняющихъ жилища людей. Времени не хва-

тило бы перечислять имена всѣхъ когда то великихъ и огороженныхъ городовъ, стоявшихъ на холмахъ Этруріи, Лаціума, Герникана, на еще болѣе знаменитыхъ высотахъ древнихъ Аѳинъ и еще болѣе древняго Коринѳа и наконецъ на многихъ не столь славныхъ высотахъ нашего роднаго острова. Отъ именъ, звучащихъ въ нашихъ ушахъ и зажигающихъ наши сердца, когда мы попираемъ своими ногами землю, гдѣ велись войны новаго Рима, отъ именъ «тридцати городовъ» въ пѣсняхъ нашихъ бардовъ, отъ «древней стѣны Норбы», въ которой со времени Суллы не было жителей—

From the gigantic watch-towers
No work of earthly men,
Whence Cora's sentinels overlook
The never-ending fen».

отъ камней Сигніи, гдѣ, также какъ и въ Тиринѣ, была сдѣлана попытка складывать камни въ формѣ арки (попытка, въ то время еще не удавшаяся), отъ предполагаемаго купола Микены и предполагаемаго купола «New Grange», отъ камней на вершинѣ Тускулума и на холмѣ Ворлебюри мы доходимъ наконецъ «до великой группы деревенскихъ общинъ на Тибрѣ» и преклоняемся передъ самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ памятниковъ той эпохи, когда еще не было лѣтописей, передъ стѣной носящей имя вскормившей Ромула волчицы, и передъ огромной стѣной, названной по имени Сервія, «сына огня».

Наше перечисленіе первобытныхъ памятниковъ привели насъ къ предѣламъ писанной исторіи. Нѣкоторые могутъ думать, что оно даже завело насъ за ея предѣлы. Я это сдѣлалъ намѣренно; такъ какъ чрезвычайно важно указать, что монументальныя произведенія эпохъ, для которыхъ нѣтъ лѣтописей, и эпохъ, для которыхъ таковыя имѣются, сами по себѣ свидѣтельства совершенно одинаковыя. Они произведенія человѣка и даже въ томъ случаѣ, если бы существовали только одни они, если бы мы не имѣли другихъ источниковъ знанія, мы могли бы съ извѣстной степенью достовѣрности—съ такою степенью достовѣрности, какая только достижима въ подобныхъ вопросахъ — сдѣлать нѣкоторые выводы относительно положенія и привычекъ создавшихъ ихъ людей. Если мы можемъ сравнивать отдѣльные памятники подобнаго рода, наши свѣдѣнія увеличиваются; мы не можемъ указать положительныхъ датъ, но можемъ распредѣлить различные способы постройки по ихъ хронологическому порядку. Археологъ при изученіи древнихъ построекъ работаетъ по совершенно тому же методу, по которому геологъ работаетъ при изученіи геологическихъ слоевъ; онъ съ значительною увѣренностью можетъ утверждать, что А старше В; но безъ доказательствъ какого нибудь другаго рода, безъ писанныхъ отчетовъ или безъ чего либо ихъ замѣ-

няющаго, онъ не можетъ сказать насколько А старше В. Кромѣ того этотъ аргументъ на основаніи типа постройки примѣнимъ только къ различнымъ частямъ одного и того же зданія или, самое большое, къ зданіямъ одного и того же округа. Искусство въ различныхъ странахъ прогрессируетъ не съ одинаковою скоростью; грубая стѣна въ Лаціумѣ конечно гораздо древнѣе лучше сработанной стѣны въ томъ же Лаціумѣ; но она можетъ принадлежать къ болѣе позднему времени сравнительно съ наиболѣе хорошо сложенной стѣной въ Этруріи. Мы увѣрены, что «Львиные ворота» въ Микенахъ древнѣе «воротъ казначейства», но ворота въ Тускулумѣ, подножіемъ которыхъ служитъ кусокъ скалы, могутъ принадлежать къ болѣе позднему времени сравнительно съ «львиными воротами». Если бы New-Grange находился въ Микенахъ, мы бы сказали, что это самая древнѣйшая изъ тамошнихъ построекъ, но такъ какъ онъ находится въ Ирландіи, то онъ можетъ принадлежать къ времени гораздо болѣе позднему, чѣмъ имперія Пелопидовъ или даже, чѣмъ аѳинская демократія. Антропологъ скажетъ вамъ, что нѣкоторые народы находятся и теперь еще въ каменномъ вѣкѣ. Я слыхалъ, что въ Индіи живутъ племена, и теперь еще строящіе Cromlechs. Стало быть, памятники сами по себѣ сообщаютъ намъ очень многое; но до тѣхъ поръ пока, у насъ нѣтъ писанныхъ отчетовъ или чего либо замѣняющаго ихъ, мы не можемъ опредѣлить датъ даже сравнительно или приблизительно. Мы не можемъ опредѣлить времени постройки стѣнъ Тиринѳа, но мы можемъ съ увѣренностью сказать, что онѣ древнѣе времени Гомера; мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что въ его время они были уже древними и возбуждали удивленіе его современниковъ.

Даже такое знаніе представляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ знаніемъ, что А древнѣе В; но отъ этого знанія до возможности на основаніи написаннаго на пергаментѣ отчета опредѣлить время постройки извѣстнаго зданія временемъ управленія такого то архонта или такого то консула, еще очень далеко. Когда мы получаемъ эту возможность, мы можемъ уже создать науку архитектурной хронологіи, одну изъ отраслей, какъ я указалъ раньше, болѣе широкой науки, исторіи. Намъ извѣстно время постройки нѣкоторыхъ зданій и мы дѣлаемъ выводъ, что другія зданія, имѣющія такія же отличительныя черты, должны принадлежать къ той же эпохѣ. Сравнивая письменныя отчеты съ памятниками профессоръ Виллисъ создалъ науку, въ которой онъ былъ несравненнымъ знатокомъ. При помощи того же метода, примѣненнаго къ другому разряду предметовъ, докторъ Guest уяснилъ древнѣйшую исторію Англіи. Одинъ, имѣя въ рукахъ записанныя свидѣтельства, заставляетъ колонны и окна разсказывать ихъ исторію; а другой заставляетъ курганы и рвы разсказывать ихъ еще болѣе древнюю исторію. Нѣкоторые противупоставляютъ историческіе свидѣтельства и то, что имъ угодно назы-

вать свидѣтельствами археологическими, какъ будто эти свидѣтельства противоположны или даже враждебны другъ другу; они разсуждаютъ такъ, какъ будто камни могутъ говорить какимъ то таинственнымъ голосомъ, и притомъ говорить гораздо яснѣе, безъ помощи записанной исторіи. Я уже говорилъ, что камни уже сами по себѣ дѣйствительно могутъ говорить съ нами, но дѣло въ томъ, что сами по себѣ они разсказываютъ намъ очень мало, ихъ голосъ очень неясенъ, ихъ повѣствованіе очень несовершенно до тѣхъ поръ, пока для его уясненія и истолкованія не появляются записанные отчеты. Вся система, вся наука—если намъ такъ угодно называть ее—архитектурной хронологіи и архитектурной номенклатуры основывается ни на чемъ иномъ, какъ на соединеніи монументальныхъ и документальныхъ свидѣтельствъ. Мы не можемъ, конечно, утверждать, будто одно свидѣтельство историческихъ повѣствовательныхъ источниковъ—свидѣтельство о какомъ нибудь зданіи—которое можетъ показаться намъ несогласнымъ со всей принятой системой архитектурной хронологіи, достаточно для ниспроверженія этой системы. Мы не можемъ признать свидѣтельства, что произведеніе пятнадцатаго вѣка принадлежитъ двѣнадцатому. Но почему? Конечно, не потому что монументальное свидѣтельство отличается отъ документальнаго или выше его, а потому, что гораздо вѣроятнѣе то обстоятельство, что или утверждающій ошибся или мы его не поняли, чѣмъ то, что вся система выводовъ изъ большаго количества документовъ совершенно неосновательна.

Я хочу сказать еще нѣсколько словъ по поводу архитектурной исторіи, архитектурной хронологіи и тому подобныхъ наукахъ. Между ними и прямымъ изученіемъ исторіи замѣчается нѣкоторый весьма печальный разладъ. Настоящіе историки иногда считаютъ археологическія изслѣдованія недостойными своего вниманія. Археологи иногда воображаютъ, что могутъ заниматься своими изслѣдованіями безъ знанія исторіи. Я не могу понять, какимъ образомъ изученіе послѣдовательности въ стилѣ построекъ и изученіе ихъ исторіи можетъ быть недостойно чьего либо вниманія. Кромѣ присущаго имъ интереса эти изслѣдованія составляютъ значительную часть изслѣдованій историческихъ; способъ постройки, форма домовъ, храмовъ, крѣпостей, общественныхъ строеній составляютъ такую же часть народной жизни, какъ и языкъ и политическія учрежденія. Зданія даютъ намъ болѣе живую картину эпохи, къ которой они принадлежатъ, чѣмъ памятники и документы какого-нибудь другаго рода. Можно, конечно, изучать архитектурные памятники, какъ и любой предметъ не научнымъ образомъ, но такое не научное изученіе, какъ архитектурныхъ памятниковъ, такъ и всего другаго, въ сущности говоря, совсѣмъ не изученіе. Настоящее изученіе этихъ памятниковъ требуетъ такого же прилежанія и такихъ же способностей, какъ и

изученіе любой отрасли исторіи. Мало найдется людей съ большой силой ума, чѣмъ профессоръ Виллисъ и не слѣдуетъ забывать, что къ той работѣ, въ которой онъ получилъ извѣстность, онъ присоединялъ еще и спеціальную профессорскую работу, исполнять которую вмѣсто него я считалъ бы себя совсѣмъ непригоднымъ. Съ другой стороны трудно представить себѣ болѣе нелѣпое заблужденіе, какъ попытку изученія архитектурныхъ памятниковъ безъ основательныхъ историческихъ свѣдѣній. Изъ подобнаго заблужденія проистекали самыя грубыя ошибки, самыя дикія теоріи. Monsieur Petit, имя котораго, я полагаю, еще не забыто, былъ однимъ изъ основательнѣйшихъ изслѣдователей архитектурныхъ памятниковъ, всякое его замѣчаніе по этому предмету имѣетъ значительную цѣнность, но даже онъ былъ возмущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что архитектура Эльзаса не французская—какой она и быть не могла—а германская. Съ того времени были распространены еще болѣе нелѣпыя теоріи. Въ очень многихъ книгахъ постройки римскаго стиля въ тѣхъ частяхъ королевствъ Германіи, Бургундіи и Италіи, которыя въ нашемъ вѣкѣ получили общее названіе Швейцаріи, называются принадлежащими къ «швейцарскому стилю» и то обстоятельство, что архитектура Германіи—германская, Бургундіи—бургундская, а Италіи—итальянская, обсуждается, какъ замѣчательное явленіе. Подобныя разсужденія могутъ быть сопоставлены съ утвержденіемъ, которое я встрѣтилъ въ одной политической книгѣ, принадлежащей перу довольно виднаго политическаго дѣятеля, что при Моргартенѣ герцогъ Леопольдъ начальствовалъ надъ императорской арміей; тоже можно сказать о такъ называемой шотландской архитектурѣ: къ ней причисляли церковь святаго Магнуса въ Кирквалѣ, главную церковь одного изъ скандинавскихъ графствъ. Это, конечно, совершенно уничтожаетъ то положеніе, что скандинавская архитектура двѣнадцатаго вѣка очень мало отличается отъ архитектуры странъ, въ которыхъ скандинавскіе правители естественно искали своихъ образцовъ. Мнѣ самому приходилось не мало потрудиться, чтобы уяснить нѣкоторымъ господамъ весьма простой фактъ, что древніе романскіе постройки Англіи, образчики такъ называемаго саксонскаго стиля, въ сущности говоря, тоже самое, что и современныя имъ постройки всей западной Европы. Трудно бороться противъ одной изъ любимыхъ догмъ любопытнаго символа вѣры, будто англичане что-то другое, а не англичане. Трудно бороться противъ догмы, будто саксонцы были какой-то странной, таинственной и совершенно изчезнувшей расой, жившей сама по себѣ безъ всякихъ отношеній съ внѣшнимъ міромъ, при чемъ—что еще болѣе не объяснимо—будто всѣ саксонцы жили одновременно.

Мы постепенно отъ самыхъ грубыхъ формъ монументальныхъ свидѣтельствъ переходимъ къ высшимъ формамъ свидѣтельствъ доку-

ментальныхъ, которые довольно трудно отличить отъ историческаго повѣствованія; отъ архитектурныхъ памятниковъ мы переходимъ къ такъ называемымъ надписямъ. Переходъ этотъ представляется совершенно естественнымъ. На многихъ зданіяхъ мы встрѣчаемъ надписи о времени ихъ постройки, а иногда и о нѣкоторыхъ условіяхъ, при которыхъ они были построены. Можно спорить о названіи и значеніи римскаго пантеона, но нельзя спорить о времени его построенія и объ его строителяхъ, такъ какъ на его камняхъ вырѣзана надпись, что онъ построенъ Маркомъ Агриппой во время его третьяго консульства. Точно также мы не можемъ имѣть сомнѣній относительно церкви и солнечныхъ часовъ Киркдэля, объ этомъ маленькомъ соборѣ Григорія, соборѣ, купленномъ Ормомъ, сыномъ Гамеля и возстановленномъ имъ во времена короля Эдуарда и графа Тостига. Когда такимъ образомъ зданіе, разсказываетъ намъ свою исторію при посредствѣ надписи на его стѣнахъ, то къ нему нѣчто прибавляется, нѣчто для него собственно не существенное. Зданіе и надпись физически едины, но по сущности они совершенно отдѣльны другъ отъ друга. Строеніе и безъ надписи есть памятникъ, а надпись на стѣнахъ строенія такой же документъ, какъ если бы она была написана на египетскомъ папирусѣ, или на пергаментѣ. Такимъ образомъ надпись и зданіе представляютъ скорѣй случай двухъ разрядовъ свидѣтельствъ, соединенныхъ вмѣстѣ, чѣмъ случай дѣйствительнаго перехода отъ одного свидѣтельства къ другому. Имѣется другой разрядъ предметовъ, составляющихъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ свидѣтельствъ, какія мы только имѣемъ и притомъ составляющихъ переходъ отъ памятниковъ къ документамъ. Я говорю о монетахъ. Монета по самой своей сущности есть историческій памятникъ, такой, какимъ мы не можемъ назвать строеніе или какіенибудь другіе предметы, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили. Зданіе или гербъ не имѣетъ въ виду передачи историческихъ свѣдѣній, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда оно построено въ память какого-нибудь событія; оно обыкновенно имѣетъ извѣстное ему присущее назначеніе, каково бы это назначеніе ни было. Точно также и монета имѣетъ свое опредѣленное назначеніе, но при этомъ она всегда служитъ для передачи историческихъ свѣдѣній. Существенная ея черта состоитъ въ томъ, что она указываетъ извѣстные факты; если только монета не представляетъ простаго металла извѣстнаго вѣса, на ней есть надпись и изображеніе или что-либо равнозначительное надписи или изображенію. Надпись и изображеніе указываютъ, что монета отчеканена по повелѣнію такого-то короля или такой-то республики и именно это-то обстоятельство и дѣлаетъ ее монетой, даетъ ей цѣнность монеты въ отличіе отъ простаго куска металла извѣстнаго вѣса. Подобное указаніе есть указаніе на историческій фактъ; стало быть, монета есть историческій памятникъ

не только въ томъ смыслѣ, въ какомъ таковы всѣ другіе памятники, указывающіе или на общія историческія событія или на общее положеніе вещей. Когда отъ условныхъ изображеній мы переходимъ къ надписи на монетѣ, къ названію страны или города, а иногда къ чему-нибудь большему, чѣмъ простое названіе, монета дѣлается не только историческимъ памятникомъ, но и историческимъ документомъ; надпись на монетѣ есть свидѣтельство совершенно такого же рода, какъ и обыкновенная надпись на какомъ нибудь зданіи или на рукописи. Единственное различіе состоитъ въ томъ, что монета есть документъ, достигающій своей цѣли въ томъ только случаѣ, когда ея отчеканено нѣсколько экземпляровъ, тогда какъ документы другаго рода могутъ достигать своей цѣли и при существованіи единственнаго экземпляра; потому монета по самой своей сущности составляютъ переходъ отъ историческихъ памятниковъ къ историческимъ документамъ. Постольку, поскольку монета есть кусокъ металла, обдѣланнаго для извѣстнаго употребленія въ извѣстную форму, она принадлежитъ къ разряду орудій. Когда она принимаетъ артистическую форму, она принадлежитъ къ разряду произведеній искусства; въ этомъ случаѣ она также, какъ и другіе памятники является только случайнымъ историческимъ источникомъ. Но когда на ней есть надпись, прямо указывающая на фактъ, что она «монета Царя Александра» или «монета города Коринѳа», тогда она дѣлается документомъ.

Незачѣмъ, конечно, говорить объ значеніи монетъ для цѣлей исторіи. Для нѣкоторыхъ историческихъ періодовъ монета составляетъ единственное средство пріобрѣтенія знанія. Это, напримѣръ, можно сказать о греческомъ королевствѣ Бактріи; я могу также указать на одну изъ моихъ работъ для доказательства того, какимъ образомъ свидѣтельство нумизматики и свидѣтельства другаго рода могутъ служить пособіемъ другъ для друга. Не сохранилось списка городовъ Ахейскаго союза въ позднѣйшее время, хотя намъ извѣстно, что ихъ число сильно увеличилось не только благодаря допущенію въ союзъ новыхъ членовъ, но и благодаря раздѣленію большихъ кантоновъ на меньшіе. Это тотъ же самый процессъ, какимъ въ началѣ существованія амфиктіонскаго союза образовалась Кентукки, а въ наши времена Западная Виргинія. При помощи нумизматическихъ свѣдѣній Лейчестера Уоррена мнѣ удалось составить списокъ ахейскихъ городовъ, хотя и не полный, но все таки болѣе полный, чѣмъ списокъ, который я могъ бы составить при помощи только книгъ. Этотъ списокъ имѣетъ серьезное значеніе. При видѣ длиннаго перечисленія незначительныхъ городовъ, имѣвшихъ въ федеральномъ собраніи одинаковые права съ Коринѳомъ и Аргосомъ, мы понимаемъ, какимъ трудностямъ подвергалась федеральная система въ древнія времена. Неизбѣжно появлялась альтернатива пода-

вленія или крупныхъ членовъ федераціи или меньшихъ. Первая попытка устранить это затрудненіе была сдѣлана Ликійской конфедераціей, но вполнѣ этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ только при образованіи конгресса Соединенныхъ Штатовъ изъ двухъ палатъ. Любопытно, что при первомъ президентствѣ Вашингтона на монетахъ имѣется его изображеніе, а при второмъ этого изображенія уже нѣтъ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ кучка французскихъ монетъ представляла наглядный урокъ современной исторіи, урокъ, какого нельзя было получить какимъ либо инымъ путемъ. Для васъ дѣлались весьма понятными всѣ историческія событія, когда на монетахъ вы видѣли надписи: «Бонапартъ первый консулъ», «Наполеонъ императоръ», а на другой сторонѣ надпись: «республика»; потомъ «Наполеонъ императоръ» на одной сторонѣ, а на другой «имперія». Въ 1851 году надпись «республика», а въ 1852-мъ—«Людовикъ Наполеонъ Бонопартъ»; въ 1853-мъ уже «Наполеонъ Императоръ». Наполеономъ Третьемъ онъ былъ, конечно, на основаніи своеобразной ариѳметики революціи и реставраціи, хотя ни одному изъ собирателей монетъ никогда не удавалось найдти монету Наполеона II, также какъ и монету Людовика XVII. Любопытно также встрѣтить на монетѣ большаго острова западной Греціи надпись: KORKYPAIRN. При этомъ мы невольно вспоминаемъ о томъ шумѣ, который подняли мелкіе ученые, когда Гротъ употребилъ мѣстное названіе «Коркира», а они, не понимая въ чемъ дѣло, вообразили, что онъ переписываетъ съ латинскаго языка и замѣчали ему, что онъ долженъ былъ назвать ее Керкирой, такъ какъ это было единственной формой этаго названія, которая была извѣстна имъ изъ ихъ книгъ. Любопытно, не стали-ли бы они возражать противъ названій «London» и настаивать на употребленіи названій «Londres». Наши свѣдѣнія относительно греческаго языка увеличиваются, когда мы видимъ, что хотя Полибій называетъ жителей Элиды *Ἤλειοι*, на ихъ собственныхъ монетахъ они названы *ϜΑΛΕΙΟΙ*. Когда мы находимъ эту первобытную форму названія въ соединеніи съ позднѣйшими политическими формулами независимой Эллады, когда мы видимъ на монетахъ ахейскаго кантона Элиды надпись *ϜΑΛΕΙΩΝ ΑΧΑΙΩΝ*, то это представляется намъ страннымъ смѣшеніемъ древняго и позднѣйшаго. Подобное смѣшеніе уясняется намъ гораздо лучше, когда мы видимъ его на монетѣ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда мы прочитаемъ о немъ въ какой нибудь книгѣ. Ни одинъ изъ вспомогательныхъ источниковъ исторіи не имѣетъ такой цѣнности, какъ монеты, если только пользоваться ими правильно; кромѣ того этимъ источникомъ свѣдѣній всего легче пользоваться правильно, но многіе историки подвергаются искушеніямъ совсѣмъ ими не пользоваться. Нумизматика—часть исторіи и имѣетъ значеніе только, какъ таковая, тѣмъ не менѣе ея изученіе есть изученіе спеціальное. Самый

прилежный ученый не можетъ пріобрѣсти свѣдѣній о Нумизматикѣ, безъ спеціальнаго занятія ей. Я могу отличить монету царя Антіоха потому, что умѣю читать по гречески, но больше я ничего не знаю въ этомъ дѣлѣ. Тогда какъ нумизматикъ по извѣстнымъ признакамъ можетъ отличить какому именно Антіоху принадлежитъ эта монета; потому нумизматики, обладающіе спеціальными свѣдѣніями, за которыми намъ приходится обращаться къ нимъ, какъ люди до того времени, пока Гней Флавій не составилъ календаря обращались къ жрецамъ, иногда склонны отдѣлять свое спеціальное изученіе отъ общаго изученія исторіи и считать его чѣмъ то совершенно самостоятельнымъ. Между нумизматикомъ, понимающимъ, что означаютъ его монеты и человѣкомъ, не заботящимся о томъ, означаютъ ли они что нибудь, существуетъ громадная разница. Первый изъ нихъ настоящій серьезный ученый, а второй простой собиратель. Нѣтъ ничего скучнѣе людей, говорящихъ вамъ объ нижней Имперіи («Lower Empire»), той самой неопредѣленной Lower Empire, которая иногда предполагаетъ Карозія, а иногда Константина Палеолога.

Говоря о зданіяхъ, мы уже упомянули о надписяхъ; монеты еще ближе приводятъ насъ къ этому предмету. Зданіе представляетъ часто удобное мѣсто для надписи, но надпись не составляетъ его необходимой части. Монета, наоборотъ, наврядъ ли имѣла бы значеніе монеты, если бы на ней не было надписи. Надписи естественно раздѣляется на два разряда: надписи перваго разряда имѣютъ особую связь съ предметомъ, на которомъ они вырѣзаны, надписи втораго разряда не не имѣютъ такой связи. Надпись на монетѣ, на гробницѣ, на предметахъ вродѣ камня Альфреда, надписи на храмѣ или на другомъ зданіи суть части того предмета или зданія, на которыхъ они вырѣзаны. Онѣ не существовали бы совсѣмъ, если бы не были нужны для обозначенія этого предмета или зданія. Надписи же другаго разряда не имѣютъ никакого отношенія къ тому мѣсту, гдѣ они начертаны. Они находятся тамъ просто для сохраненія, какъ рукопись находится въ библіотекѣ. Надписи перваго разряда суть памятники, они вырѣзаны затѣмъ, чтобы сообщить намъ что нибудь о зданіи или о предметѣ и объ ихъ значеніи; такова ихъ первоначальная цѣль, хотя они сообщаютъ намъ и нѣчто большее. Надпись на Пантеонѣ указываетъ имя строителя и время постройки зданія, но она указываетъ и на нѣчто большое. Она сообщаетъ намъ кое-что объ основателѣ: почему Маркъ Агриппа? Почему не Marcuss Vipsanius Agrippa? Потому, сообщается намъ, что Маркъ, бывшій консуломъ въ третій разъ, не хотѣлъ сообщать названія довольно незнатнаго рода (Gens), къ котому онъ принадлежалъ. Будь онъ англичаниномъ, онъ могъ сдѣлать это совершенно иначе. Англичанинъ недовольный именемъ своихъ предковъ, вродѣ Смитсона и Бугга (именъ во всякомъ случаѣ древнихъ и почтенныхъ), просто за просто принимаетъ дру-

гос имя; онъ называетъ себя Перси или Норфолькъ Говардъ. Римлянину не было надобности въ такой перемѣнѣ имени; у него было три имени (tria nomina) и онъ могъ выпустить одно изъ нихъ. Въ легальномъ документѣ, въ которомъ *прозвище* Агриппа могло стоять только послѣ *имени* отца и дѣда, Маркъ Випсаній долженъ былъ именоваться обоими этими именами, но въ обыденной жизни его называли Маркомъ Агриппой и въ сдѣланной имъ надписи онъ могъ, если это было ему угодно, называть себя однимъ изъ *именъ*, которыя раньше его носили многіе изъ знаменитыхъ людей древности и *прозвищемъ*, которое онъ самъ сдѣлалъ знаменитымъ. Подобныя надписи яснѣе, чѣмъ что либо другое, указываютъ намъ на слабость знаменитаго человѣка. Возьмите напр. гробницы Сципіона, тѣ гробницы, которыя украли нѣкоторые изъ непогрѣшимыхъ разбойниковъ и перенесли въ свой дворецъ, для того, чтобы они были памятникомъ ихъ «великолѣпія» («munificence») въ дѣлѣ воровства. Эта гробница, конечно, доказываетъ кое-что; но я говорю не о ней, а о болѣе древней и болѣе знаменитой надписи, начинающейся словами: «Cornelius Licius Scipio Gnaivod Patre Prognatus». Эта надпись вырѣзана, чтобы указать гробницу Люція и для напоминанія объ его подвигахъ. Намъ она сообщаетъ кое-что большее, она сообщаетъ кое-что объ исторіи латинскаго языка. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ она доказываетъ, что она не могла быть вырѣзана тотчасъ послѣ смерти Люція. Та же надпись даетъ намъ довольно ясное представленіе о римской исторіи и ея источникахъ; часто замѣчали что разсказъ о подвигахъ Люція Сципіона, вырѣзанный на этой гробницы, совершенно не похожъ на разсказъ Ливія. Въ этомъ случаѣ современный или почти современный отчетъ говоритъ одно, а гораздо позднѣйшее повѣствованіе другое; но вообще то древнія повѣствованія могутъ подлежать сомнѣнію на томъ основаніи, что они лживы, какъ эпитафіи.

Надпись на Пантеонѣ есть, собственно говоря, памятникъ; она гласитъ только объ Агриппѣ и объ его постройкѣ; она сообщаетъ намъ фактъ, сомнѣваться въ которомъ никому не придетъ въ голову; другое значеніе, какое она можетъ имѣть, есть значеніе случайное. Наоборотъ, надпись на гробѣ Люція Сципіона по самой своей сущности документъ; она представляетъ отрывокъ изъ римской исторіи; она повѣствованіе, конечно, весьма сухое, но однако не болѣе сухое, чѣмъ бываютъ обыкновенно лѣтописи. Самая сухость надписи говоритъ въ ея пользу. Очарованіе, производимое монументальными надписями, какъ языческими, такъ и христіанскими, какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Италіи, невыразимо. Онѣ напоминаютъ намъ о событіяхъ и о людяхъ; если бы мы изъ надписей временъ имперіи узнали только о удивительной бѣдности нашихъ предковъ, то и это уже было очень многое; но въ Корѣ мы находимъ двѣ надписи, принадлежащія къ различнымъ эпохамъ; въ одной изъ нихъ

перечисляются преторы еще отдѣльнаго латинскаго города, а въ другой дуумвиры римскаго муниципалитета. Любопытно прочесть эпитафію врача въ Ассизи, сколько онъ далъ мѣстой магистратурѣ, какія средства онъ оставилъ послѣ своей смерти, сколько онъ истратилъ на исправленіе храма и на улучшеніе дорогъ. Такихъ мѣстныхъ патріотовъ и филантроповъ было кажется довольно много въ то время; но лучше всѣхъ надписей этого рода, которыя мнѣ удалось прочесть, это эпитафія на Волюмнійской гробницѣ при подножіи холма Перуджіи. Я не помню ни одного мѣста, гдѣ бы вырѣзанныя на камнѣ слова давали намъ такое полное представленіе о судьбѣ людей и о судьбѣ народовъ. Тамъ среди гробницъ различныхъ формъ, среди символовъ, указывающихъ на мѣсто погребенія этруской расы находится гробница Лукумо, главы своего дома и его дѣти и внуки покоятся въ своихъ могилахъ вокругъ своего главы. Всѣ они принадлежали къ одному дому, но они принадлежали не къ одному народу и говорили не однимъ языкомъ. Нѣкоторые изъ потомковъ этруска Лукумо перестали быть этрусками. Я не имѣю притязаній на знаніе этрускаго языка,—языка, который такъ долго отказывался служить историкамъ, который отказывался разсказывать намъ о судьбѣ этого народа, говорящаго съ нами только неяснымъ голосомъ символическихъ формъ и памятниковъ, хотя писанные отчеты этого народа и находятся передъ нашими глазами. Однако даже человѣкъ, не имѣющій притязанія на спеціальное знаніе можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ разобрать одно или два имени, написанныхъ на алфавитѣ языка, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могущаго считаться одной изъ древнихъ формъ греческаго. На одной изъ этихъ гробницъ мы можемъ разобрать этруское имя отца, написанное буквами идущими съ правой руки къ лѣвой: «Avle Telimne». Рядомъ съ нимъ покоится его сынъ, но на его гробницѣ буквы уже знакомыя намъ, латинскія буквы. Они по общепринятому въ Европѣ обычаю написаны съ лѣвой руки къ правой и выговорить самое имя не болѣе трудно, чѣмъ Марка Агриппы Такое имя можно встрѣтить въ любой годъ изъ временъ республики или имперіи. Сынъ Этруска Avle Telimne сдѣлался римлянином Авломъ Волюмніемъ; такое измѣненіе въ именахъ указываетъ, что въ теченіи этого времени произошло измѣненіе въ положеніи дѣлъ, болѣе подробныхъ отчетовъ о которомъ мы къ сожалѣнію не имѣемъ. Нужно, конечно, нѣкоторыя усилія мысли, чтобы представить себѣ, что во времена Марія и Суллы эти древнія таинственныя формы искусства, общества и религіи еще продолжали существовать и что только въ сравнительно недавнее время, когда Римъ, глава міра, долженъ былъ снова бороться за власть надъ Италіей, старыя имена и старыя формы изчезли и перешли въ имена и формы какъ бы вновь появившагося въ этой мѣстности народа. Наша мысль отъ перваго вѣка до нашей эры невольно переносится въ одиннадцатый

вѣкъ послѣ Р. Х., когда дѣти снова начали называться именами, отличными отъ именъ ихъ отцовъ, когда англичане скрывали свое происхожденіе подъ норманской оболочкой, когда не воинъ изъ страны Руана или Кутанса, а житель Герфордшира Робертъ, сынъ Годвина, пробилъ для короля Балдуина путь черезъ ряды его враговъ и умеръ за свою вѣру смертью Эдмунда и Севастьяна на рыночной площади Египетскаго Вавилона.

Подобныя надписи, если ихъ читать на мѣстѣ, производятъ очарованіе, которое они едва ли имѣютъ, когда ихъ встрѣчаешь на страницахъ Corpus Inscriptionum. Дѣйствительно, то замѣчаніе, что удовольствіе разобрать надпись на мѣстѣ нѣсколько похоже на удовольствіе разобрать автографъ, до нѣкоторой степени справедливо. Это замѣчаніе похоже на всѣ другія замѣчанія людей настолько умныхъ, что они могутъ понять самую очевидную сторону сложнаго вопроса. Видъ автографа, видъ буквъ, написанныхъ рукой извѣстнаго человѣка, кажется, знакомитъ насъ съ нимъ гораздо ближе, чѣмъ чтеніе о немъ. Я не могу забыть, какъ въ архивахъ Кальвадоса я видѣлъ грамоту монастыря святаго Стефана въ Каннѣ съ крестами, поставленными рукой Вильгельма и Матильды. Рука, умѣвшая такъ хорошо держать палицу, также хорошо умѣла распоряжаться и перомъ. Двѣ черты, поставленныя рукой завоевателя, составляютъ поразительный контрастъ съ легкими черточками, обозначающими согласіе государыни на подарокъ, сдѣланный монастырю ея мужемъ. Автографъ во всякомъ случаѣ ставитъ насъ въ извѣстное отношеніе къ его автору и этимъ увеличиваетъ ясность нашихъ историческихъ представленій. Между удовольствіемъ разобрать надпись и разобрать автографъ существуетъ извѣстное сходство. Можетъ быть, не совсѣмъ умно, что спеціалисты, занимающіеся изученіемъ надписей, говорятъ объ эпиграфіи какъ объ отдѣльной наукѣ или во всякомъ случаѣ, какъ объ отдѣльной отрасли знанія. Раздѣленіе труда дѣло полезное и хорошо, что нѣкоторые ученые обращаютъ спеціальное вниманіе на надписи, начертанныя на камнѣ или мѣди, точно также, какъ другіе ученые обращаютъ спеціальное вниманіе на надписи, начертанныя на пергаментѣ или папирусѣ. Для каждаго изъ нихъ для его цѣлей нужно знаніе спеціальныхъ подробностей, мелочей, менѣе важныхъ для другихъ и въ особенности менѣе важныхъ для ученаго, пользующагося результатами труда этихъ изслѣдователей. Всѣ они обработываютъ одно и тоже поле, но гораздо удобнѣе, чтобы одинъ изъ нихъ держалъ плугъ, а другіе правили лошадьми.

Навряд ли возможно преувеличить значеніе надписей, какъ одного изъ источниковъ исторіи, но при этомъ всегда нужно помнить, что ихъ значеніе состоитъ только въ томъ, что они источники исторіи. Оскорбительное сравненіе надписи съ автографомъ забывается при

видѣ знаменитыхъ документовъ, вырѣзанныхъ на камнѣ и представляющихъ иногда самое лучшее историческое свидѣтельство. Въ извѣстной эпохѣ и въ извѣстныхъ мѣстахъ начертаніе на камнѣ, гласящее о какомъ нибудь общественномъ актѣ, было столь же обыкновеннымъ дѣломъ, какъ въ другія эпохи и въ другихъ мѣстахъ начертанія на бумагѣ. Различіе только въ матеріалѣ, на которомъ сдѣлана надпись: слова, формулы, факты, записанные и не записанные, остаются одинаковыми въ манускриптѣ на камнѣ и въ манускриптѣ на бумагѣ, въ рукописи на бумагѣ и въ рукописи на камнѣ. Существуютъ, конечно, начертанія, отличающіяся не столько по матеріалу, сколько по условіямъ, причемъ происходитъ и различіе въ стилѣ и различіе въ содержаніи. Нужно прежде всего выдѣлить различные отчеты, начертанные на твердыхъ матеріалахъ, причемъ употребленіе того или другаго матеріала было дѣломъ чисто случайнымъ. Рѣчь императора Клавдія въ пользу галльскихъ сенаторовъ была составлена безъ спеціальной цѣли быть начертанной на мѣдныхъ дощечкахъ, она была составлена для произнесенія въ Сенатѣ и начертана на мѣдныхъ дощечкахъ только потому, что это считали самымъ вѣрнымъ средствомъ передать потомству тотъ фактъ, что рѣчь была сказана. Такимъ образомъ появившійся документъ имѣетъ большое значеніе, какъ самъ по себѣ, такъ и потому, что онъ показываетъ насколько близко къ истинѣ Тацитъ передаетъ о подобныхъ рѣчахъ. Онъ очень старательно воспроизвелъ общее направленіе аргументаціи Императора и совершенно вѣрно передаетъ общее его настроеніе, но слова и даже часто отдѣльные примѣры, передаваемые Тацитомъ, совершенно отличны отъ словъ и примѣровъ въ подлинномъ документѣ. Имѣется еще другой отчетъ, который былъ очевидно составленъ затѣмъ, чтобы быть вырѣзаннымъ на камнѣ и самое свойство котораго до значительной степени обусловливается этимъ обстоятельствомъ. Въ этой лекціи я уже сопоставлялъ автобіографіи двухъ цезарей, дошедшія до насъ начертанными на различныхъ матеріалахъ. Очевидно, что форма, данная отчету о дѣяніяхъ Августа на памятникѣ Анкиры, не похожа на форму, который получилъ бы отчетъ объ этихъ дѣяніяхъ, еслибы онъ былъ написанъ въ формѣ книги самимъ Августомъ или кѣмъ-нибудь по его повелѣнію. Но это не составляетъ прямаго слѣдствія разницы въ матеріалѣ, и было скорѣй результатомъ условій, опредѣлившихъ ихъ выборъ. Анкирскій отчетъ былъ предназначенъ, конечно, не для одной Анкиры, его хотѣли въ той же формѣ поставить и въ другихъ городахъ; онъ назначался для всего населенія римскихъ владѣній, для того, чтобы всѣ знали, что за человѣкъ былъ ихъ государь. Книга же вродѣ «Коментарія» пріемнаго отца Августа имѣла въ виду только незначительное количество читателей и потому должна была имѣть другую форму; тѣмъ не менѣе Анкирскій отчетъ, хотя онъ и представляетъ литера-

турное произведеніе особаго рода, есть все-таки литературное произведеніе и потому онъ отличенъ отъ отчетовъ, на какомъ бы матеріалѣ они не были начертаны, которыя суть не литературныя произведенія, а просто документы. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ камень, какъ матеріалъ, имѣетъ свои удобства, такъ какъ при его употребленіи почти невозможно обратить документъ въ литературное произведеніе. Латинская риторика, портившая хартіи англійскаго короля X вѣка, навѣрное была бы невозможна, если бы этотъ документъ имѣли въ виду вырѣзать на камнѣ или на мѣди. Вышеупомянутая риторика была слѣдствіемъ того, что писали на иностранномъ языкѣ и слѣдствіемъ предполагаемой необходимости проявить знаніе этого языка. Эта мнимая необходимость породила латинскій языкъ, очень похожій на англійскій языкъ восточныхъ писателей, пробовавшихъ писать на этомъ незнакомомъ имъ языкѣ. Когда король Эдуардъ или король Вильгельмъ, графъ Гарольдъ и королева Эдифь говорили на родномъ англійскомъ языкѣ, они умѣли излагать свои желанія столь же кратко и опредѣленно, какъ будто ихъ слова предназначены были быть вырѣзаными на камнѣ, а не написаны на пергаментѣ. Хартія Завоевателя, на которомъ основывается привиллегія лондонскаго Сити, весьма незначительной величины сравнительно съ какимъ нибудь ничтожнымъ современнымъ юридическимъ актомъ. Для цѣлей исторіи нѣтъ никакого различія между подобнымъ документомъ на пергаментѣ и греческимъ документомъ на камнѣ. Они оба оригинальные источники и притомъ весьма высокаго качества, гораздо болѣе высокаго, чѣмъ любое повѣствованіе. Повѣствованіе мы называемъ первичнымъ источникомъ, а документъ вспомогательнымъ просто потому, что намъ приходится пользоваться ими въ такой послѣдовательности. Невозможно послѣдовательно изучать исторію по документамъ и въ этомъ только и состоитъ вся разница документа отъ повѣствованія.

Существуютъ другіе письменные документы, представляющіе сами по себѣ отрывки изъ исторіи и служащіе нашимъ единственнымъ источникомъ относительно многихъ историческихъ фактовъ; иногда они подробно излагаютъ то, о чемъ въ повѣствованіи говорится только нѣсколько словъ; иногда же они открываютъ намъ великія событія, о которыхъ ничего не говорится въ повѣствованіи. Даже издатель или переводчикъ Θукидида (мы не можемъ не возвращаться къ этому источнику, къ κτῆμα ἐς ἀεί, къ edel или allod всякаго изучающаго исторію, на коемъ онъ впервые поселяется и откуда въ свитѣ своего учителя выходитъ на завоеваніе другихъ странъ) позволитъ намъ вставить въ его повѣствованіе нѣсколько словъ трактата, на основаніи котораго Халкида послѣ своего возстанія снова получила свое прежнее мѣсто въ числѣ зависимыхъ отъ Аѳинъ городовъ. Я припоминаю, какъ надпись на недавно открытомъ камнѣ,

излагающая этотъ эпизодъ греческой исторіи, была послана мнѣ, какъ нѣчто новое человѣкомъ, игравшимъ довольно значительную роль въ исторіи Греціи, а именно Трикуписомъ, первымъ министромъ греческаго королевства. Въ текстѣ Ѳукидида указывается на этотъ трактатъ, а надпись излагаетъ его условія и эти условія достойны изученія; хотя отношенія между Аѳиной и Халкидой навряд ли можно назвать федеративными, но вышеупомянутыя условія уясняютъ до нѣкоторой степени федеральную политику. Они указываютъ, что права отдѣльныхъ государствъ въ федераціи сохранялись, хотя и въ чрезвычайно ограниченныхъ предѣлахъ. Халкида, подчиняясь Аѳинамъ, не перестала быть отдѣльной республикой, она удержала за собой всѣ права, кромѣ переданныхъ ей Аѳинамъ; во всѣхъ случаяхъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ въ трактатѣ имѣется прямое воспрещеніе, она продолжаетъ дѣйствовать, какъ отдѣльная республика. Самостоятельность Халкиды — правило, а вмѣшательство Аѳинъ — исключеніе. Дѣло только въ томъ, что въ число этихъ исключеній входитъ всякая внѣшняя дѣятельность и всякая сколько нибудь важная дѣятельность внутренняя. Высшая юстиція напр. перенесена въ Аѳины, аѳинскіе суды на основаніи аѳинскихъ законовъ рѣшаютъ всѣ важные вопросы. Въ Халкидѣ не было ни ассизныхъ судовъ, ни даже мировыхъ съѣздовъ, но Халкидскіе судьи могутъ рѣшать вопросы объ обыкновенныхъ преступленіяхъ и мелкихъ проступкахъ на основаніи законовъ Халкиды. Развѣ подобный отчетъ не представляетъ достойнаго коментарія къ тексту даже отца исторіи? Но надписи могутъ дать намъ и большее; мы видимъ, какъ правящій городъ Аѳины вступалъ въ соглашеніе съ зависимой отъ него Халкидой въ V вѣкѣ до Р. Х. Посмотримъ теперь, какъ свободный городъ Римъ вступалъ въ соглашеніе съ такимъ же свободнымъ городомъ Астипалайя во II вѣкѣ до Р. Х. Какъ извѣстно, этотъ договоръ напечатанъ въ сборникѣ Бёкка, мнѣ онъ извѣстенъ только изъ этого сборника, я не имѣлъ удовольствія самъ читать автографа, но какъ для меня, такъ и для всѣхъ насъ этотъ фактъ сохранился только въ надписи; ни въ одномъ греческомъ и латинскомъ повѣствованіи нѣтъ указаній на этотъ договоръ; о немъ сообщили намъ только камни. Мы находимъ, что черезъ нѣкоторое время послѣ мистическаго года сто сорокъ шестаго до Р. Х., достойнаго соперника другаго мистическаго года четыреста семьдесятъ шестаго послѣ Р. Х., Римъ заключаетъ на совершенно равныхъ правахъ договоръ съ греческимъ городомъ, далеко не первостепеннымъ. Римъ и Астипалайя должны сдѣлаться вѣрными союзниками, ни одна изъ этихъ республикъ не должна помогать или вступать въ соглашеніе съ врагомъ другой. Изъ этого документа не видно, чтобы Римъ былъ большимъ государствомъ, а Астипалайя незначительнымъ; подобный союзъ, конечно, ведетъ ко всѣмъ послѣдствіямъ, вытекающимъ обыкновенно

изъ союза между слабымъ и сильнымъ. Для Астипалаи было бы, конечно, лучше, если бы Римъ совсѣмъ не существовалъ. но такъ какъ Римъ существовалъ, то паденіе Астипалаи было до нѣкоторой степени смягчено постепеннымъ переходомъ отъ независимости къ зависимости и отъ зависимости къ подчиненію, тогда какъ нѣкоторые другіе города были взяты приступомъ, разграблены и порабщены. Причины такой милости Рима очевидны; въ Астипалаѣ была хорошая гавань и такъ какъ Риму приходилось бороться съ пиратами, то для него было выгодно, чтобы эта гавань была открыта для его кораблей и закрыта для кораблей пиратовъ. Таково историческое поученіе, даваемое намъ начертаннымъ на камнѣ договоромъ Рима съ Астипалайей, поученіе относительно достопамятнаго и мало изученнаго вѣка, сдѣлавшаго Римъ владыкой береговъ Средиземнаго моря.

Подобные документы, оффиціальные договоры, написанные оффиціальнымъ языкомъ, принадлежатъ къ самымъ достовѣрнымъ изъ историческихъ источниковъ. Если они вводятъ насъ иногда въ заблужденіе относительно простыхъ фактовъ, то только благодаря нашему незнанію. Такъ напр., договоръ между Астипалайей и Римомъ очень легко можетъ быть невѣрно истолкованъ человѣкомъ, не имѣющимъ представленія о тогдашнемъ положеніи дѣлъ. Такой человѣкъ можетъ подумать, что формальное равенство между Римомъ и Астипалайей было гораздо болѣе реальнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Чтобы правильно понять подобный документъ, мы должны знать объ условіяхъ времени и настоящемъ значеніи оффиціальныхъ выраженій. Оффиціальныя выраженія иногда не понимались даже договаривающимися сторонами, какъ напр., въ томъ случаѣ, когда Эталійцы обязались сдаться на честь Римлянъ, не справившись сначала, что значило для римлянъ выраженіе «римская честь». Споры о *δουναι* и *ἀποδουναι*, о простой присягѣ и вассальной присягѣ могли происходить во всякую эпоху. Когда договаривающіеся стороны даютъ изложеніе своихъ мотивовъ, когда они выражаютъ черезчуръ горячую любовь другъ къ другу, мы получаемъ такое же впечатлѣніе, какое получаетъ судья, когда защитникъ начинаетъ говорить о возвышенной морали—тогда онъ обыкновенно чувствуетъ, что въ аргументаціи защитника имѣется какой-то пробѣлъ, и, конечно, постарается открыть этотъ пробѣлъ. Впрочемъ, вообще говоря, трактаты не обманываютъ насъ относительно простыхъ фактовъ, такъ какъ каждой изъ договаривающихся сторонъ обыкновенно эти факты хорошо извѣстны, потому-то трактаты могутъ считаться въ извѣстныхъ отношеніяхъ чрезвычайно важными источниками исторической науки; они стоятъ въ этотъ отношеніи на одномъ уровнѣ съ законами. Я уже говорилъ, что, хотя англійскую исторію нельзя изучать по книгѣ статутовъ, она должна быть изучаема при

ея помощи. Книга статутовъ часто нуждается въ поясненіи условіями времени, но за то она и сама поясняетъ эти условія. Но совсѣмъ не то приходится сказать о манифестахъ, прокламаціяхъ и дипломатическихъ документахъ разнаго рода, кромѣ трактатовъ. Здѣсь мы вступаемъ въ настоящую область лжи; здѣсь всякій по самой сущности вещей старается перехитрить другаго. Но эта ложь поучительна: это ложь людей, знающихъ правду; изъ нея при помощи различныхъ процессовъ можно даже добыть правду, но само собой разумѣется, добыть правды нельзя, если мы будемъ вѣрить лжи. Было бы черезъчуръ простодушно вѣрить всякой королевской прокламаціи или предисловію всякаго парламентскаго акта, сообщающимъ намъ не только о дѣйствіяхъ извѣстныхъ личностей, но и объ ихъ мотивахъ. Точно также было бы по дѣтски простодушно вѣрить, что приговоры судовъ всегда бываютъ совершенно справедливыми, даже въ такія времена и въ такихъ случаяхъ, когда до суда посылается приказъ объ осужденіи и казни преступника. Нѣсколько времени тому назадъ существовала секта такихъ довѣрчивыхъ простяковъ, которые вѣрили разсказамъ Генриха VIII о его сердечныхъ дѣлахъ. Существованіе подобной секты было предсказано давно Гиббономъ, Сисмонди и Галламомъ; оно было предсказано даже гораздо раньше нашимъ великимъ руководителемъ въ его незабвенномъ изреченіи: *μακασιξοντες υμων το απειροκακον ον ςηλουμεντο αφρον*. Въ современной исторіи, въ исторіи послѣднихъ дней мы встрѣчаемъ подобный же любопытный образчикъ голубиной невинности, къ сожалѣнію не соединенной съ мудростью змѣи. Недавно до насъ снова долетѣли стоны, знакомые стоны угнетенныхъ и обманутыхъ: «Придите въ Македонію и спасите насъ!» Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ нашелъ достаточнымъ отвѣтомъ на эти стоны увѣреніе, что онъ только что видѣлся съ турецкимъ посланникомъ и что этотъ послѣдній увѣрялъ его, что для этихъ стоновъ не имѣется никакого основанія, что его повелитель имѣетъ самыя благодѣтельныя намѣренія и совершаетъ самыя благодѣтельныя дѣйствія въ этихъ счастливыхъ странахъ, наслаждающихся благами его управленія. Оффиціальныя слова посланника, даже не записанныя, представляютъ въ нѣкоторомъ родѣ документъ и англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ съ такой же дѣтской вѣрой относится къ этому документу, какъ вышеупомянутая секта относилась къ словамъ короля Гарри. Нѣкоторое знаніе человѣческой натуры, нѣкоторое знаніе человѣческаго поведенія, знаніе добра и зла, пріобрѣтаемое изученіемъ историческихъ источниковъ и взвѣшиваніемъ изучаемыхъ документовъ, могли бы помѣшать появленію столь прекрасной и однако столь грустной наивности, вѣрившей въ прошломъ оффиціальнымъ словамъ Генриха VIII, а въ наше время оффиціальнымъ словамъ султана.

Лучшимъ спасеніемъ отъ подобныхъ несчастныхъ ошибокъ, какъ

относительно прошлаго, такъ относительно настоящаго, является здравое изученіе исторіи, старательное взвѣшиваніе показаній, и критическій разборъ документовъ. Въ этой лекціи мы пересмотрѣли разнообразные источники историческаго знанія. Мы говорили о черепахъ, орудіяхъ, первобытныхъ стѣнахъ, объ архитектурныхъ произведеніяхъ, о надписяхъ и о документахъ, какъ записанныхъ, такъ и не записанныхъ. Всѣ они принадлежатъ къ нашимъ источникамъ. Я показалъ, какъ мнѣ кажется, что если условія нашего изученія и принуждаютъ насъ оказывать нѣкоторое преимущество повѣствовательнымъ источникамъ, то это еще не значитъ, чтобы мы низко цѣнили и другіе источники знанія. Очень важно, чтобы слова историческаго дѣятеля дошли до насъ напечатанными, но еще важнѣе, когда они доходятъ до насъ вырѣзанными на вѣки вѣчные на камнѣ.

ЛЕКЦІЯ СЕДЬМАЯ.

Новые писатели.

Приближаясь къ концу нашего курса, мы переходимъ теперь къ разряду сочиненій, которыя съ извѣстной точки зрѣнія могли бы считаться принадлежащими къ вспомогательнымъ источникамъ, бывшимъ предметомъ моей послѣдней лекціи. Мы переходимъ къ новымъ историкамъ. Я не имѣю въ виду писателей о современной исторіи; человѣкъ живущій въ XIX вѣкѣ и пишущій исторію этого вѣка, долженъ бы былъ считаться оригинальнымъ источникомъ совершенно также, какъ если бы онъ жилъ въ IX вѣкѣ и писалъ бы исторію этого вѣка. Но на дѣлѣ онъ никогда не бываетъ оригинальнымъ источникомъ; во всякомъ случаѣ онъ никогда не будетъ казаться такимъ своимъ современникамъ. Это фактъ весьма понятный; но не слѣдуетъ забывать, что даже Фукидидъ не представлялся своимъ современникамъ тѣмъ, чѣмъ онъ представляется намъ, иначе и быть не могло. Но дѣло не въ томъ, что люди какого нибудь вѣка не могутъ смотрѣть на своихъ современниковъ такими глазами, какими они смотрятъ на людей прошлыхъ вѣковъ. Различіе тутъ гораздо глубже; авторъ современной исторіи въ такое время, какъ наше, по своему положенію гораздо ближе къ автору исторіи прошлыхъ вѣковъ. Точно также его положеніе весьма отлично отъ положенія современнаго историка древности, отъ положенія оригинальнаго источника. Количество личныхъ свѣдѣній, на основаніи которыхъ онъ пишетъ, не можетъ быть особенно значительнымъ, а если мы сравнимъ его съ тѣми авторами древнихъ временъ, которые сами были и свидѣтелями и дѣятелями, то это количество его свѣдѣній и совсѣмъ незначительно. Къ личнымъ свѣдѣніямъ мы должны причислить не только то, что видѣлъ и слышалъ самъ человѣкъ, но также и то, что видѣли и слышали другіе, сообщившіе свои свѣдѣнія именно ему, а не кому либо другому. Въ наше время, когда средства обще-

нія съ людьми сдѣлались столь безконечно развитыми, даже перворазрядный наблюдатель и дѣятель, если онъ вздумаетъ писать исторію своего времени, будетъ писать ее гораздо больше, чѣмъ могъ это сдѣлать писатель древняго времени, на основаніи источниковъ извѣстныхъ всѣмъ. Такой авторъ можетъ, конечно, на основаніи своихъ личныхъ свѣдѣній сообщить намъ нѣкоторыя вещи, намъ совершенно неизвѣстныя; но, навѣрное, большую часть своей исторіи онъ будетъ писать на основаніи матеріаловъ, извѣстныхъ намъ настолько же, насколько они извѣстны и ему. Когда же обыкновенный человѣкъ, не имѣющій тайныхъ источниковъ знанія, пишетъ современную исторію, ему приходится дѣлать это совершенно такимъ же образомъ, какъ если бы онъ писалъ исторію прошлыхъ вѣковъ. Его личныя свѣдѣнія не могутъ быть значительными, ему приходится собирать и разсматривать, взвѣшивать и разобрать огромное количество письменныхъ и печатныхъ матеріаловъ совершенно также, какъ если бы онъ писалъ исторію тысячелѣтняго прошлаго. Главное различіе состоитъ только въ томъ, что въ первомъ случаѣ матеріаловъ гораздо больше, и имѣть съ ними дѣло несравненно труднѣе, чѣмъ во второмъ.

Несомнѣнно, что у современнаго историка гораздо меньше шансовъ сдѣлать ошибку или упущеніе, такъ какъ такихъ шансовъ гораздо больше для древнихъ эпохъ; но за то въ этомъ случаѣ всегда больше людей, могущихъ исправить ошибку или упущеніе и еще болѣе такихъ, которые считаютъ себя призванными исправлять то, что совершенно вѣрно. Человѣку, рѣшившему написать исторію какой-нибудь современной войны, приходится работать не такъ, какъ онъ работалъ бы надъ исторіей войнъ между Спартой и Аѳинами, а такъ, какъ онъ работалъ бы при разсказѣ о какой нибудь войнѣ случившейся два или три вѣка тому назадъ. Положеніе Кинглэка гораздо ближе къ положенію лорда Маколея, чѣмъ къ положенію Ксенофона. О современной эпохѣ, которую описываетъ Кинглэкъ, также, какъ и о недавно прошедшемъ времени, о которомъ разсказываетъ Моколей, имѣется такое же безконечное количество матеріаловъ, такое же отсутствіе какого-нибудь главнаго источника, вокругъ котораго могли бы быть сгруппированы всѣ остальные. У древнихъ грековъ не было такого изобилія въ матеріалахъ. Ѳукидидъ, кромѣ своихъ личныхъ воспоминаній и воспоминаній своихъ знакомыхъ, могъ пользоваться время отъ времени только какими нибудь почти современными надписями. Въ наше время невозможны современныя исторіи, вродѣ исторіи Ѳукидида или даже исторіи Прокопія и тѣмъ не менѣе иногда, читая повѣствованіе о греческой войнѣ за независимость и въ особенности читая «Греческую исторію» Спиридона Трикуписа, я чувствовалъ, что я вернулся по крайней мѣрѣ къ Прокопію, если не къ Полибію. Можетъ быть, такая иллюзія

была порождена самой сущностью разсказа, названіемъ страны, о которой разсказывается, и языкомъ, на которомъ написана исторія Трикуписа. Гордонъ, Трикуписъ, Финлей не только современники, но и дѣятели въ описанныхъ ими событіяхъ. Финлей, кромѣ того, еще въ другомъ отношеніи стоитъ ближе къ Прокопію. Читая его сужденія о частныхъ лицахъ, сужденія, вставленные имъ въ разсказъ объ эпохѣ, видя его вѣчно-поднятую палку, съ такой силой падающую на спины грековъ, англичанъ и баварцевъ, намъ кажется, что мы читаемъ «Готскую войну» и «Анекдоты», соединенные въ одно повѣствованіе.

Я намѣренъ сегодня говорить о писателяхъ современной исторіи лишь постольку, поскольку они неизбѣжно отступаютъ отъ характера оригинальныхъ источниковъ, какими они будутъ считаться, какъ предполагается, въ будущемъ; я хочу говорить о нихъ лишь постольку, поскольку они приближаются къ разряду писателей, которому посвящена эта лекція. Таковы новые писатели, которые, очевидно, не оригинальные источники и которые пишутъ исторію прошлаго по такимъ матеріаламъ повѣствовательнымъ или инымъ, какіе имѣются относительно избранныхъ эпохъ. Я до нѣкоторой степени лично заинтересованъ въ оцѣнкѣ этого разряда писателей и потому будетъ лучше, вмѣсто того, чтобы говорить что я о нихъ думаю, передать вамъ мнѣнія выдающагося человѣка, любившаго науку ради науки и недавно скончавшагося. Передъ мной лежитъ номеръ «Christian Remembrancer» за январь 1845 года. Я много лѣтъ не видалъ этого номера, но въ немъ есть три очень памятныхъ мнѣ статьи,—это статьи о Григоріи Турскомъ, архіепископѣ Лоудѣ и о Вицѣ Канцлерствѣ доктора Винтера. Въ настоящее время я не скажу ни слова о двухъ болѣе современныхъ изъ этихъ трехъ предметовъ, но статью о Григоріи Турскомъ я хорошо помнилъ все это время и теперь, когда я особенно близко познакомился съ историкомъ франковъ, я снова съ удовольствіемъ и пользой перечиталъ ее. Мнѣ было неизвѣстно имя ея автора, но теперь я знаю, что она принадлежитъ перу покойнаго ректора Линкольской коллегіи. Въ 1845 году Паттисонъ былъ еще, вѣроятно, очень молодымъ человѣкомъ, но уже и тогда онъ умѣлъ понять значеніе Григорія и его вѣка, и контрастъ между Григоріемъ и Бэдой. Но теперь я хочу обратить ваше вниманіе не на то, что онъ говоритъ о Григоріи и о Бэдѣ, а на то, что онъ говоритъ о положеніи и о судьбѣ новыхъ писателей объ исторіи прошлаго. Вотъ начало его статьи:

«Существуетъ или не существуетъ идеалъ историческаго произведенія, лучшая форма исторіи всѣхъ вѣковъ и народовъ, во всякомъ случаѣ на дѣлѣ мы видимъ, что въ каждую эпоху въ этомъ отношеніи господствовала извѣстная мода, отличная отъ моды предшествовавшихъ и послѣдующихъ вѣковъ. Мы не говоримъ о писателяхъ, современныхъ опи-

сываемымъ имъ событіямъ; такіе писатели, даже сухіе лѣтописцы всегда имѣютъ интересъ независимо отъ формы ихъ сочиненій. Мы говоримъ объ обыкновенной исторіи, о подробныхъ разсказахъ о націяхъ и странахъ, составленныхъ въ позднѣйшее время на основаніи книгъ и лѣтописей. Подобная исторія есть произведеніе особаго рода, произведеніе искусства, судить о которомъ слѣдуетъ на основаніи особыхъ принциповъ».

«Такое историческое произведеніе подвергается закону измѣненія сообразно съ эпохой даже болѣе, чѣмъ какая нибудь другая отрасль литературы. Современная исторія никогда не умираетъ; Ѳукидидъ и Кларендонъ безсмертны; но съ другой стороны нѣтъ репутаціи столь скоро преходящей, какъ репутація «извѣстныхъ историковъ». Обзоръ исторической литературы любаго народа представляетъ безконечную картину славы и паденія. Судьба историка подобна судьбѣ династій, о которыхъ онъ пишетъ; они появляются и процвѣтаютъ, управляютъ и кажутся установленными навсегда; но приходитъ время и сила ихъ исчезаетъ и, наконецъ, появляется какой нибудь молодой и энергичный узурпаторъ и низвергаетъ ихъ съ трона. И это совсѣмъ не потому, что непрерывно накопляются новые факты, не потому, что критика дѣлается болѣе суровой, даже не потому, что измѣняется стиль, а потому, что измѣняются идеи, что съ каждымъ вѣкомъ перемѣняется точка зрѣнія. Каждое поколѣніе требуетъ, чтобы факты были пересмотрѣны, чтобы исторія предковъ была написана съ его собственной точки зрѣнія. Когда Юмъ замѣнилъ Эхарда, его современникамъ и въ голову не приходило, что и самъ онъ сдѣлается скоро устарѣлымъ. Гука считали писателемъ сказавшимъ все объ исторіи римской республики, его «Римскую исторію» считали образцовой книгой по этому предмету. Но какъ ни велика разница между нимъ и Арнольдомъ, въ слѣдующемъ вѣкѣ неизбѣжно появится новая исторія Рима. Такимъ измѣненіемъ популярности подвержены какъ мелкіе спутники, такъ и большія планеты историческаго неба. М-съ Триммеръ и Гольдсмитъ блѣднѣютъ передъ поднимающими свѣтилами Кейтли и м-съ Маркгамъ совершенно также, какъ подчиненные чиновники оставляютъ свои столы, когда министры отдаютъ другимъ свои портфели».

Паттисонъ произнесъ приговоръ надъ очень многими; можетъ быть даже, что онъ произнесъ приговоръ и надъ тѣми, которые писали объ Исаакѣ Казобонѣ, также какъ и тѣмъ, которые писали о Вильгелмѣ Рыжемъ. Наша репутація всегда кратковременна; я почувствовалъ эту истину, когда впервые присутствовалъ при преніяхъ въ греческомъ собраніи, гдѣ единственное слово, которое я могъ понять было *σημερον* и когда черезъ нѣкоторое время присутствовалъ при преніяхъ въ итальянскомъ сенатѣ, гдѣ я могъ понять только одно слово: oggi. Тѣмъ не менѣе покуда мы живемъ, мы можемъ сдѣлать кое-

что, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, приготовить путь для людей, которымъ придется замѣнить насъ и кромѣ этого мы можемъ до нѣкоторой степени продолжить, хотя бы и не на значительное время, жизнь нашихъ предшественниковъ. Обязанность отца, конечно, состоитъ въ поддержаніи достоинства дѣда въ глазахъ внуковъ. Всякому, кто захочетъ слушать меня, я преподамъ то главное правило, чтобы онъ слушалъ людей, которыхъ я самъ когда-то слушалъ. Имена Тирваля, Арнольда, Кембля, Пальгрева, Гуеста, Виллиса, не умрутъ до тѣхъ поръ, пока голосъ, раздающійся съ этой каѳедры, можетъ поддерживать ихъ безсмертіе. По мѣрѣ того, какъ цѣлыя поколѣнія историковъ исчезаютъ какъ листья осенью, они сами дѣлаются частью исторіи. Мы не должны забывать, что исторія мнѣній о фактахъ, въ сущности говоря, есть часть исторіи этихъ фактовъ. Несомнѣнно, нѣтъ на свѣтѣ столь блестящаго положенія (до тѣхъ поръ, пока оно сохраняется), какъ положеніе автора послѣдней нѣмецкой книги. Онъ оракулъ, всѣ должны преклониться передъ нимъ, онъ похожъ на обитателя лѣсовъ Арриціи.

Those trees in whose dim shadow
The ghastly priest doth reign
The priest that slew the slayer
And shall himself be slain» [1]).

Авторъ послѣдней нѣмецкой книги подобно Rex Nemorensis устранилъ всѣхъ предшественниковъ и царствуетъ до тѣхъ поръ, пока не появится кто нибудь, кто устранитъ и его въ свою очередь. Но я не сомнѣваюсь, что Ариціа тщательно сохранила воспоминаніе о подвигахъ ея убитыхъ королей и авторъ послѣдней нѣмецкой книги обыкновенно очень старательно сохраняетъ память не только тѣхъ, кого онъ самъ убилъ, но и память людей, убитыхъ въ свое время этими послѣдними. Это очень похоже на старую легенду Маори, что блескъ звѣзды, въ которую превратились глаза умершаго главы состоитъ изъ блеска глазъ съѣденыхъ имъ людей и изъ блеска глазъ людей, въ свое время съѣденыхъ этими послѣдними. Такимъ образомъ, у всѣхъ насъ есть надежда, что мы, какъ мухи въ янтарѣ, можемъ сохраниться въ разсказахъ нашихъ побѣдителей и ихъ побѣдителей. Что касается до меня лично, то я являюсь передъ вами какъ мумія профессора, давно мертвымъ и погребеннымъ. Недавно и прочиталъ свой приговоръ, произнесенный однимъ изъ непогрѣшимыхъ судей въ подобныхъ вопросахъ, что мое дѣло сдѣлано и что я могу повторять только давно извѣстное. Пусть такъ. Но даже извѣстное не совсѣмъ безполезно, неправду искоренить трудно, у

[1]) Въ лѣсахъ, въ тѣни которыхъ царствуетъ ужасный жрецъ, жрецъ, который убилъ убійцу и самъ долженъ быть убитъ.

ней столько головъ, что даже Геракль не можетъ отрубить ихъ всѣхъ.

Собственно говоря, прочитанное мной извлеченіе изъ статьи Паттисона навряд ли примѣнимо къ удивительной жизненности дурныхъ книгъ. Любопытно, что когда въ Оксфордѣ была заведена каѳедра юриспруденціи и новой исторіи, исторія Англіи Юма рекомендовалась не экзаминаторами, а въ удивительной статьѣ безъ подписи и совсѣмъ не авторитетной, по принятой всѣми студентами и даже нѣкоторыми изъ начальниковъ коллегій за университетскій статутъ. Въ этой статьѣ Вильямъ Мальмсбюрійскій рекомендовался, какъ я уже упомянулъ въ одной изъ прежнихъ лекцій, повидимому какъ единственный оригинальный источникъ, о которой слыхалъ авторъ статьи. Я не думаю, чтобы теперь кто нибудь въ Оксфордѣ читалъ Юма, но мнѣ извѣстно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ настоящій ученый въ напрасной надеждѣ, что что-нибудь можетъ выдти изъ наполненія старыхъ мѣховъ новымъ виномъ, началъ исправлять учебникъ Юма. Мнѣ помнится, что когда я впервые услыхалъ, что Юмъ выбранъ какъ наиболѣе легкая книга, съ которой нужно начинать легкое изученіе, я спросилъ, не сожгли ли они Ѳукидида и не взялись ли за Митфорда. Дѣлая подобное сравненіе, я былъ несправедливъ къ Митфорду, потому что онъ, при всѣхъ его ошибкахъ, при всей его несправедливости, не смотря на то, что онъ защищаетъ дурное дѣло противъ хорошаго, имѣетъ по крайнѣй мѣрѣ ту заслугу, что онъ первый понялъ, что древніе греки не были простыми книжными названіями или какими то статуями, что они не были существами, высшими или низшими или вообще отличными отъ насъ, а настоящими людьми, похожими на насъ и способными къ совершенно тѣмъ же чувствамъ, какъ и наши современники. Если Митфордъ и не могъ заставить себя полюбить Демосѳена, то уже и то много значило, что онъ былъ способенъ ненавидить его. Юмъ, конечно, могъ ругать Демосѳена, но это совсѣмъ не потому, чтобы онъ имѣлъ такое же живое представленіе—живое, хотя и ошибочное—какое имѣлъ навѣрное объ Демосѳенѣ Митфордъ. Юмъ ругаетъ Дунстана изъ слѣпой ненависти къ системѣ, представителемъ которой, по его совершенно неосновательному мнѣнію, былъ Дунстанъ. Я не буду рекомендовать никому изучать факты греческой исторіи по Митфорду, но при любопытномъ изслѣдованіи мнѣній объ этихъ фактахъ Митфордъ занимаетъ довольно видное мѣсто.

Каково же настоящее мѣсто новыхъ писателей объ исторіи давно прошедшихъ временъ? Они занимаютъ, собственно говоря, только положеніе комментаторовъ и пояснителей оригинальныхъ текстовъ. Лично для себя, не смотря на то, что я написалъ довольно много историческихъ сочиненій, я не имѣю претензіи на какое нибудь другое положеніе; я не желаю, чтобы кто-нибудь читалъ меня вмѣсто

монхъ источниковъ; я желаю только отослать читателей къ этимъ источникамъ и помочь имъ изучать ихъ. Въ теоріи слѣдуетъ сначала изучать оригинальные источники, а потомъ новыхъ комментаторовъ, на практикѣ однако не всегда легко сдѣлать это. Скудость источниковъ относительно нѣкоторыхъ періодовъ и черезмѣрное количество ихъ относительно другихъ обыкновенно мѣшаютъ слѣдовать этому правилу; оно исполнимо только въ рѣдкихъ случаяхъ; но гдѣ оно исполнимо, тамъ его слѣдуетъ исполнять. Исторію Пелопонезской войны или исторію Готской войны слѣдуетъ прежде всего изучать по Ѳукидиду или Прокопію и потомъ уже обращаться къ Гроту и Гиббону. Если же кто нибудь желаетъ насколько возможно основательнѣе изучить исторію этого времени, то ему будетъ не трудно сравнить разсказы великихъ мастеровъ съ повѣствованіями Ксенофона и Агатія. Эти писатели, хотя они неизмѣримо ниже Ѳукидида и Прокопія, тѣмъ не менѣе такіе же оригинальные источники, какъ и эти послѣдніе. Относительно большой и очень важной части греческой исторіи между Геродотомъ, Ѳукидидомъ и Ксенофономъ можно читать послѣдовательно оригинальныхъ писателей. И я скажу всякому: прочтите сначала текстъ, а потомъ коментарій. Я не говорю, чтобы нужно было обращаться къ коментарію только тогда, когда будетъ изученъ весь текстъ; но я утверждаю, что первое понятіе о любой изъ главныхъ частей исторіи нужно получить на основаніи текста, прежде чѣмъ обратиться къ коментарію. Но даже въ подобныхъ случаяхъ навряд ли желательно, чтобы всѣ получали свои представленія о греческой исторіи изъ оригинальныхъ писателей; мы навряд-ли рѣшимся обречь нашихъ сыновей и дочерей на полное невѣденіе объ Аѳинахъ и Спартѣ и обо всемъ, что случилось въ этихъ республикахъ, до тѣхъ поръ, пока они будутъ въ состояніи изучать такой текстъ, какъ текстъ Ѳукидида и такой англійскій коментарій, какъ коментарій Грота. А кромѣ того, какъ я уже говорилъ выше, имѣются большія періоды исторіи, для которыхъ мы не имѣемъ такихъ послѣдовательныхъ и оригинальныхъ руководителей, относительно которыхъ оригинальные источники столь рѣдки и отрывочны, что невозможно и ожидать, чтобы студентъ, ученикъ, не будучи настоящимъ историческимъ критикомъ, могъ составить себѣ первыя понятія о такихъ періодахъ на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ. Въ подобныхъ случаяхъ намъ по необходимости приходится поступать какъ разъ обратно нашему правилу. Какое нибудь новое повѣствованіе неизбѣжно становится текстомъ, а оригинальнымъ источникомъ приходится пользоваться, какъ коментаріемъ. А такъ какъ никто не можетъ изучить всю исторію по оригинальнымъ источникамъ, то какіе бы историческіе періоды онъ не избралъ, всѣ другіе періоды, кромѣ избранныхъ имъ предметовъ его спеціальнаго изученія, должны быть изучены главнымъ образомъ

по новымъ писателямъ. Вообще говоря, правило, что нужно сначала читать оригинальныхъ писателей, правило которому мы должны слѣдовать, когда возможно, имѣетъ весьма ограниченное примѣненіе. Чаще всего намъ приходится получать наши первыя представленія о какомъ нибудь историческомъ періодѣ отъ новыхъ историковъ, а не по оригинальнымъ источникамъ.

Такимъ образомъ новый историкъ, будучи, собственно говоря, комментаторомъ, часто становится оригинальнымъ источникомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ становится на мѣсто своихъ источниковъ и дѣлаетъ то, что должны бы были дѣлать они, но онъ никогда не долженъ отрекаться ни отъ одной изъ своихъ функій, ни отъ одной изъ своихъ обязанностей передъ своимъ учителемъ. Если онъ не всегда можетъ быть комментаторомъ, то всегда долженъ быть руководителемъ; онъ всегда можетъ показывать дорогу къ источникамъ и уговаривать другихъ идти по этой дорогѣ. Если онъ не дѣлаетъ этого, онъ не исполняетъ своего долга; онъ не исполняетъ своего долга, если онъ позволяетъ другимъ забыть, что онъ только пророкъ другаго, только руководитель по пути, ведущему къ другому. Въ предыдущихъ лекціяхъ я говорилъ о крайней трудности указать людямъ сущность оригинальнаго источника, заставить ихъ даже понять что для большей части исторіи существуютъ какіе либо оригинальные источники. Новый историкъ долженъ протестовать противъ всякой попытки относиться къ нему, какъ къ авторитету; онъ долженъ отвергнуть всякое идолопоклонство передъ собой; онъ не долженъ позволять другимъ смотрѣть на себя, какъ на таинственный источникъ знанія, какъ на человѣка, получившаго какое-то откровеніе, недоступное для всякаго другаго. Онъ долженъ указывать своимъ читателямъ и слушателямъ, что онъ имѣлъ когда-то такія же свѣдѣнія, какъ и они и что при надлежащемъ стараніи они могутъ узнать тоже, что узналъ и онъ. Средства пріобрѣтенія знанія открыты для другихъ, также какъ для него и онъ приглашаетъ всѣхъ, кому угодно, работать вмѣстѣ съ нимъ надъ этими средствами пріобрѣтенія знанія и работать, если возможно, еще подробнѣе и основательнѣе, чѣмъ работаетъ онъ самъ; онъ долженъ указать всякому читателю на процессъ, которымъ онъ пришелъ къ извѣстному заключенію, и этимъ дать читателю возможность придти къ своимъ заключеніямъ, если тотъ найдетъ это нужнымъ. Онъ не долженъ приписывать себѣ какихъ нибудь преимуществъ передъ другими, кромѣ тѣхъ преимуществъ, которыя составляютъ естественный результатъ опытности; можетъ быть, онъ осмѣлится предположить, что опытъ далъ ему извѣстный тактъ, извѣстный инстинктъ, во всякомъ случаѣ, извѣстное умѣніе обращаться съ источниками, что даетъ его заключеніямъ нѣкоторое право на вниманіе. Онъ можетъ даже полагать, что послѣ долгихъ лѣтъ изученія должно существовать извѣстное предположеніе

въ пользу его заключенія, на которое наврядъ-ли имѣетъ право заключеніе людей, начавшихъ учить другихъ въ то время, какъ самъ онъ усердно учился, и съ необычайной быстротой перешедшихъ къ самимъ послѣднимъ страницамъ исторіи. Но большаго онъ не можетъ требовать не только для себя, но даже и для своихъ учителей. Отдавая имъ должное уваженіе, онъ не отказывается отъ своего права сужденія; а, рѣшаясь требовать къ себѣ должнаго уваженія онъ, не смѣетъ требовать, чтобы кто-нибудь отказался отъ этого права. Онъ учился достаточно для того, чтобы понять величайшую истину, что ему нужно еще учиться многому и онъ будетъ учиться даже у тѣхъ, учить которыхъ онъ поставленъ.

Такова моя точка зрѣнія на положеніе новаго историка; онъ не желаетъ быть самъ идоломъ и отказывается признать идоломъ, даже самую позднѣйшую нѣмецкую книгу. Я не могу удержаться, чтобы не разсказать вамъ одной исторіи, которая доказываетъ, какъ многіе смотрятъ на новаго историка. Вы не удивитесь, если я скажу вамъ, что мнѣ случалось получать очень странныя письма, авторы которыхъ задавали мнѣ очень странные вопросы. Одно изъ самыхъ странныхъ писемъ я получилъ отъ одного художника—имя его я забылъ—я думаю, что онъ задумалъ тогда нарисовать картину битвы при Сенлакѣ. Я не знаю, нарисовалъ ли онъ эту картину; если онъ нарисовалъ ее, то надѣюсь, что онъ сдѣлалъ ее болѣе вѣрной исторической правдѣ, чѣмъ видѣнная мной однажды картина, на которой Гарольдъ изображенъ падающимъ съ лошади, или чѣмъ цѣлый рядъ картинъ, на которыхъ Эдиѳь Лебединая Шея изображена совершенно молоденькой дѣвочкой, хотя въ 1066 году ей, какъ извѣстно, было не меньше 40 л. и въ особенности, чѣмъ одна картина, на которой Эдиѳь изображена находящей тѣло короля подъ скалой, по видимому близь берега моря. Должно быть, эта послѣдняя картина была нарисована остроумнымъ авторомъ статьи Edinburgh Review, вообразившемъ, что подвигъ Тальяфера, а также и всѣ событія великой битвы произошли во время самой высадки Вильгельма (это наврядъ ли могла быть его высадка на берегахъ Певенсея). Возвратимся, однако, къ моему художнику; очевидно, онъ прочиталъ третій томъ моего сочиненія, которое авторъ вышеупомянутой статьи наврядъ ли читалъ. Онъ хотѣлъ знать, какая наружность была у Завоевателя и какова была погода въ день Святаго Каликста; относительно перваго вопроса я указалъ ему на Bayeux Tapestry, на монеты Вильгельма и на описаніе его наружности Вильямомъ Мальмебюрійскимъ, хотя это описаніе и относится къ позднѣйшему времени. Но въ особенности меня поразилъ вопросъ о погодѣ. Въ нѣкоторыхъ битвахъ погода играла большую роль, напр. въ битвахъ при Требіи, при Тразименѣ (кто не помнитъ разсказа о ней Арнольда?) и при Кресси, но наши хроникеры ничего не говорятъ о погодѣ въ день битвы при Сенлакѣ;

объ этомъ ничего не говорятъ даже Вильгельмъ изъ Пуатье и Гюи Аміенскій. Если бы день былъ замѣчательно ясный или наоборотъ замѣчательно бурный, то, вѣроятно, они отмѣтили бы этотъ фактъ; такъ что намъ приходится догадываться, что въ этотъ день элементы были въ такомъ состояніи, о которомъ говорится, что погоды никакой нѣтъ. Но мой художникъ очевидно полагалъ, что мнѣ все это извѣстно и что я по какой то необъяснимой причинѣ не желалъ сообщить свои свѣдѣнія другимъ. Точно также Босуэлль очевидно думалъ, что Джонсонъ зналъ все о загробномъ мірѣ, а только говорить не хотѣлъ. Я не изъ тѣхъ людей, которые могутъ покрыть землю маргаритками, если о нихъ ничего не разсказывается въ источникахъ и я не могу зажечь на небѣ звѣздъ, когда небо покрыто облаками, но, конечно, мнѣ было бы пріятно освѣтить мою картину великой битвы лучами жгучаго солнца или закутать ее въ облака и мракъ, если бы только мнѣ сообщили объ этомъ какимъ нибудь образомъ очевидцы. Конечно, настроеніе, приписанное мнѣ вышеупомянутымъ художникомъ, уже черезъ-чуръ странно, онъ предполагалъ, что я умолчиваю о фактѣ, имѣющемъ большое значеніе для эффекта самаго главнаго событія всего моего разсказа. Далѣе предполагается, что я по какой то совершенно неизвѣстной причинѣ не сообщаю этого извѣстнаго мнѣ факта моимъ читателямъ, но можетъ быть съ готовностью сообщу его въ частномъ письмѣ къ неизвѣстному кореспонденту.

Потому то я и хотѣлъ бы, чтобы всѣ мои слушатели поняли, что мы, люди, пишущіе большіе историческія сочиненія, совсѣмъ не оракулы, а просто ихъ товарищи по работѣ, товарищи, можетъ быть, ушедшіе нѣсколько впередъ по дорогѣ, открытой и для нихъ. Они могутъ догнать насъ и на основаніи правила Паттисона замѣнить насъ въ томъ положеніи, которое намъ удалось занять. Но я осмѣлюсь сказать, что въ умахъ бурныхъ искателей новизны, въ умахъ людей, которые не хотятъ подумать прежде, чѣмъ сказать что либо, почитать прежде, чѣмъ приступить къ критикѣ, (какъ въ прежніе годы учились дѣлать и старались дѣлать мы)—въ такихъ умахъ такой процессъ замѣны совершается повидимому нѣсколько быстрѣе, чѣмъ это одобрилъ бы Паттисонъ. Онъ отводитъ цѣлый вѣкъ, какъ срокъ для репутаціи новаго историка,—срокъ власти французскаго министерства и срокъ, въ теченіи котораго остается въ силѣ новая система экзаменовъ въ Оксфордѣ, кажется гораздо короче. Я увѣренъ, что мой дорогой другъ Джонъ Ричардъ Гринъ отнюдь не желалъ, чтобы его поклонники утверждали въ газетахъ, будто онъ былъ первымъ, что либо сдѣлавшимъ для древней англійской исторіи, что во всякомъ случаѣ онъ былъ первымъ, давшимъ жизненность этой исторіи, ея событіямъ и ея героямъ и что будто бы все, сдѣланное до него, есть «ископаемое». Это мнѣ нѣсколько обидно, такъ какъ

я полагалъ, что я самъ бросилъ нѣкоторый свѣтъ на событія и героевъ древней англійской исторіи. Я еще болѣе смущенъ этимъ утвержденіемъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что до меня въ этомъ отношеніи сдѣлалъ довольно много сэръ Френсисъ Пальгрэвъ. Предполагаю, что эти господа никогда не читали ни одного сочиненія сэра Френсиса Пальгрэва. Я думаю, что если бы они попробовали почитать его, они бы не рѣшились назвать его «ископаемымъ». Я могу доказать, что бываютъ такіе господа, которые считаютъ себя имѣющими право говорить о древней англійской исторіи и можетъ быть даже обучать ей и которые при этомъ никогда не заглядывали ни въ Кэмбля, ни въ Лаппенберга. А Лаппенбергъ, Кэмбль, Пальгрэвъ, Гуэстъ—люди, построившіе наше зданіе, люди, безъ помощи которыхъ мы не могли бы имѣть ясныхъ представленій объ исторіи и объ дѣяніяхъ нашихъ предковъ. Здѣсь находится епископъ Честерскій,—онъ всегда говорилъ объ Джонѣ Митчелѣ Кэмблѣ, какъ объ образцовомъ ученомъ. Самъ епископъ Честерскій, этотъ правдивый и блестящій художникъ, тоже не совсѣмъ «ископаемое». Но писатель, желающій просвѣщать человѣчество на столбцахъ газетъ, начинаетъ просвящать себя самъ, читая только предисловія. Повѣрьте мнѣ, что вы, которымъ приходится выбирать предметъ изученія, сдѣлаете хорошо, пріобрѣтете настоящее знаніе и подвергнете свой умъ здоровой дисциплины, если послѣ изученія фактовъ древней англійской исторіи возьметесь за сочиненія Кэмбля и Пальгрэва: «Saxons in England» и «History English Commonwealth». — Возьмитесь за нихъ, не какъ за оракуловъ, а какъ за сочиненія, изъ которыхъ вы можете многому выучиться, если вы будете пользоваться ими, какъ слѣдуетъ, сравнивая или сопоставляя ихъ другъ съ другомъ и въ особенности провѣряя на каждомъ шагу ихъ ссылки на оригинальные источники. Потомъ вы можете перейти къ чтенію исторіи Нормандіи и Англіи Пальгрэва, при чемъ вамъ нельзя будетъ провѣрять ссылки на оригинальные источники просто потому, что такихъ ссылокъ нѣтъ. Тѣмъ не менѣе прочтите эту книгу, только пользуйтесь при этомъ тѣми способностями различенія и сужденія, которыя къ тому времени вы, навѣрное, пріобрѣтете; отмѣчайте, какъ я часто отмѣчалъ, какое нибудь странное и непонятное для васъ мѣсто, при чемъ вы будете склонны бранить автора за отсутствіе ссылки. Запомните такое мѣсто и старайтесь провѣрить его всякими способами. Рано или поздно вы найдете ссылку, потому что сэръ Фрэнсисъ Пальгрэвъ, въ эту эпоху своей жизни не написалъ ни одного слова, которое онъ не могъ бы объяснить. Такое изысканіе будетъ полезно вамъ во многихъ отношеніяхъ, и когда вы найдете ссылку, судите сами, насколько она доказываетъ утвержденіе автора.

Нѣкоторые изъ васъ, можетъ быть, скажутъ, что я рекомендую вамъ читать слишкомъ много, читать даже все; но я отнюдь не ре-

кемендую этого; наоборотъ, я рекемендую всѣмъ, кромѣ людей, значительно ушедшихъ впередъ въ своихъ занятіяхъ, воздерживаться отъ чтенія «Исторіи Норманскаго завоеванія» Августина Тьерри, а также, если вы можете удержаться, то и отъ чтенія Ивангое Когда вы дойдете до того, что будете изучать не древнюю англійскую исторію, а исторію мнѣній объ ней, тогда читайте Тьерри и даже Ивангое, но не раньше этого времени. Очарованіе, производимое двумя такими мастерами повѣствованія — слишкомъ велико. При раннемъ чтеніи подобныхъ книгъ приходится разучиваться слишкомъ многому. Будемъ однако справедливы даже и къ Тьерри; не говоря уже о неосновательности его теоріи, немногіе изъ писателей чаще его ошибаются въ подробностяхъ и тѣмъ не менѣе Тьерри всего менѣе можетъ быть названъ легкомысленнымъ писателемъ; въ особенности нельзя сказать, чтобы онъ пренебрегалъ источниками. Я не думаю, чтобы онъ когда нибудь написалъ хоть одну строчку, которая, по его мнѣнію, не была бы основана на свидѣтельствѣ лицъ, признаваемыхъ имъ авторитетными; но онъ до крайности некритическій писатель; для него пригодна всякая книга, которая старше изобрѣтенія книгопечатанія; онъ совершенно серьезно приводитъ утвержденія позднѣйшихъ и неимѣющихъ значенія писателей (конечно въ томъ случаѣ, когда они подтверждаютъ его теоріи), какъ будто бы эти утвержденія совершенно равноцѣнны съ современными повѣствованіями и документами. На одной страницѣ онъ убиваетъ человѣка подъ однимъ именемъ, а на слѣдующей воскрешаетъ его подъ другимъ—и каждый разъ на основаніи ссылокъ; просто за просто онъ не выучился искусству провѣрять и взвѣшивать ссылки и опредѣлять ихъ значеніе и ихъ достоинство. Пальгрэвъ, хотя, по моему мнѣнію, онъ и даетъ слишкомъ большую волю воображенію, хотя онъ не всегда различаетъ настоящее значеніе различныхъ источниковъ, все-таки никогда, по крайней мѣрѣ въ своихъ болѣе зрѣлыхъ сочиненіяхъ, не дѣлаетъ такихъ ошибокъ, какъ Тьерри. Мы можемъ принять или отвергнуть его заключенія, но намъ очень рѣдко приходится возражать что нибудь противъ его возраженій. У Кэмбля нѣтъ такого повѣствовательнаго произведенія, которое можно было бы сравнить съ произведеніемъ Пальгрэва; тѣмъ не менѣе его книгу: «Сакцонцы въ Англіи», можно сравнивать съ «Исторіей англійскаго государства». Эти два великія произведенія, произведенія двухъ великихъ ученыхъ, которые, конечно, еще никѣмъ не замѣнены; они укажутъ вамъ на двѣ стороны общей исторіи, читайте и сопоставляйте ихъ и очень вѣроятно, что вы также, какъ и я, придете къ тому заключенію, что соединеніе защищаемыхъ ими теорій гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ каждая изъ нихъ въ отдѣльности. Кэмбль, если не чисто англійскій писатель, то по крайнѣй мѣрѣ чисто тевтонскій, а Пальгрэвъ—писатель всемірный. Всѣ мы прямо или непрямо отъ него узнали о великой

центральной исторической истинѣ, ему было извѣстно то, что и теперь не всѣмъ извѣстно,—а именно, что всѣ дороги ведутъ къ Риму и что всѣ дороги идутъ отъ Рима. Не вѣрьте, чтобы сэръ Френсисъ Пальгрэвъ былъ замѣненъ кѣмъ нибудь. Pro reverentia imperii, онъ и теперь еще нашъ отецъ и учитель.

Галламъ писалъ раньше Пальгрэва; есть нѣчто трогательное, по крайнѣй мѣрѣ для меня, въ томъ, что старшій въ своемъ дополнительномъ томѣ къ «Среднимъ вѣкамъ» признаетъ свои обязательства передъ младшимъ. Галламъ проявилъ истинное величіе, когда сознался, что онъ могъ ошибаться. Въ той части сочиненія Галлама, которая касается «Среднихъ вѣковъ», онъ принадлежитъ къ школѣ, отличной отъ школы Пальгрэва, онъ представляетъ другую точку зрѣнія. Галламъ, какъ онъ самъ говоритъ, былъ воспитанъ въ ученіяхъ XVIII вѣка. Онъ является представителемъ этихъ ученій въ лучшей ихъ формѣ, въ формѣ, сопровождаемой особенной скромностью и значительной начитанностью; Пальгрэвъ же вкусилъ уже болѣе полнаго просвѣщенія. У Галлама не было сильнаго воображенія; а воображеніе, если оно ограничивается другими болѣе трезвыми свойствами, есть одинъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ историческаго изслѣдованія. Онъ никогда не могъ вполнѣ понять ни имперскаго, ни церковнаго элемента въ исторіи и если я скажу, что онъ не могъ вполнѣ понять и тевтонскаго элемента, то можетъ показаться, что я отнимаю у него всякую почву. Къ чему же приведется его значеніе, если я прибавлю, что онъ никогда не проявлялъ такого полнаго знанія оригинальныхъ источниковъ, такого обладанія ими, такого наслажденія ими, какія замѣчаются во всякой строчкѣ Кэмбля и Пальгрэва? У Галлама не было свойствъ антикварія, у него не было даже свойствъ настоящаго историка и тѣмъ не менѣе Галламъ былъ замѣчательнымъ писателемъ, къ памяти котораго слѣдуетъ относиться съ глубокимъ уваженіемъ и большая часть его сочиненій цѣнны теперь настолько же, насколько они были цѣнны въ свое время. Въ одной изъ прежнихъ лекцій я говорилъ о двухъ разрядахъ юристовъ, изъ которыхъ одни худшіе враги историческаго изученія, а другіе лучшіе его друзья. Галлама мы можемъ считать патріархомъ этихъ послѣднихъ; онъ не имѣетъ широкихъ идей нѣкоторыхъ изъ современныхъ мастеровъ въ дѣлѣ изученія учрежденій, но онъ показалъ, можетъ быть впервые послѣ Сельдена, что можетъ сдѣлать для англійской исторіи англійскій юристъ, если онъ не отвертывается отъ настоящихъ средствъ изученія. Внеся въ свою работу всѣ хорошія стороны профессіональнаго обученія и профессіональнаго знанія юриста безъ всякихъ признаковъ профессіональной узости и предразсудковъ, внеся въ него также взгляды не столь широкіе, какъ взгляды другихъ, но удивительно ясные, здравые и безпристрастные, Галламъ совершилъ крупное дѣло относительно той части англійской исторіи,

въ которой особенно нужны такія свойства, какъ напр. въ исторіи времени начиная съ царствованія Эдуарда I. Я не знаю ни одного писателя, который бы такъ хорошо и такъ полно исполнялъ извѣстныя, очень важныя функціи. Когда у меня нѣтъ времени пересматривать много книгъ и мнѣ нужно найти ясный и достовѣрный разсказъ о чемъ нибудь, я обыкновенно нахожу то, что мнѣ нужно, у Галлама. Я не знаю ни одного писателя, у котораго чаще, чѣмъ у Галлама, можно встрѣтить мудрое изреченіе, на которомъ бы стоило остановиться. Мы лучше поймемъ его силу, когда обратимся отъ него къ болтовнѣ его продолжателя.

Въ первыхъ лекціяхъ я говорилъ о нѣкоторыхъ современныхъ писателяхъ объ исторіи прошлыхъ вѣковъ; такъ какъ нынѣ я нахожусь въ критическомъ расположеніи духа, то я поговорю еще объ одномъ или двухъ изъ нихъ. Чтеніе очень немногихъ книгъ столь пріятно и столь поучительно, какъ чтеніе «Исторіи латинскаго христіанства» Мильмана. Ни одна книга не можетъ служить такимъ прекраснымъ руководствомъ, какъ для изученія оригинальныхъ источниковъ, такъ и для изученія новыхъ германскихъ писателей. Мильманъ сильный писатель, обладающій широкимъ пониманіемъ многихъ предметовъ, многихъ странъ и вѣковъ. Странно только то, что онъ не обладаетъ достаточно широкимъ пониманіемъ какой либо эпохи англійской исторіи. Странно то, что все его вниманіе кажется устремленнымъ на материкъ и что у него не хватаетъ силы, когда дѣло доходитъ до изученія исторіи его родины. Кажется, что онъ никогда не можетъ понять общаго положенія дѣлъ въ какую нибудь изъ эпохъ англійской исторіи и основательно изучить ея подробности. Мильманъ, вообще, не силенъ въ подробностяхъ; у него и содержаніе и стиль имѣютъ значительное сходство. Немногіе изъ литературныхъ произведеній столь выразительны и столь сильны, какъ тѣ изреченія, въ которыхъ онъ излагаетъ намъ крупныя черты какого нибудь характера или какого нибудь событія. Но и помимо стиля манера Мильмона излагать общее положеніе дѣлъ постоянно энергична, обдуманна и поучительна и тѣмъ не менѣе на каждой страницѣ вы встрѣчаете ошибки въ подробностяхъ, мелкія ошибки въ именахъ, титулахъ, датахъ, семейныхъ отношеніяхъ и тому подобныхъ мелочахъ. Это ошибки чисто поверхностны и ихъ при внимательномъ чтеніи очень легко исправить; онѣ совершенно не похожи на ошибки другаго рода, проходящія иногда въ какомъ нибудь сочиненіи отъ начала до конца, причемъ никакія исправленія подробностей не могутъ превратить невѣрный разсказъ въ правдивый—и тѣмъ не менѣе странно, что такія ошибки встрѣчаются въ подобной книгѣ. Едва ли возможно, чтобы книга выходила въ свѣтъ безъ того, чтобы авторъ не прочиталъ написанное имъ или въ рукописи или въ корректурѣ; но ошибки Мильмана именно такія, какія можно встрѣтить въ первомъ наброскѣ

сочиненій какого нибудь точнаго автора; но обыкновенно подобный авторъ исправляетъ ихъ до выхода книги въ свѣтъ. Мы считаемъ точнымъ авторомъ не того, который не дѣлаетъ ошибокъ, потому, что такихъ авторовъ и не бываетъ, а того, который самъ находитъ свои ошибки въ рукописи, а не предоставляетъ другимъ искать ихъ въ напечатанной книгѣ.

Къ числу заслугъ Мильмана мы не можемъ причислить пониманіе римской имперіи во всемірной исторіи и это тѣмъ болѣе странно, что онъ прекрасно знакомъ съ разными сторонами безконечнаго спора между папами и императорами. Но Мильманъ, какъ историкъ всемірный, рѣшительно ниже Пальгрэва. Другой писатель, уступающій всѣмъ, о которыхъ я говорилъ и тѣмъ не менѣе совершившій столь же крупное дѣло, какъ любой изъ нихъ, сдѣлалъ для восточной Европы тоже самое, что Пальгрэвъ сдѣлалъ для Западной. Георгъ Финлей, можетъ быть, больше, чѣмъ какой нибудь другой изъ современныхъ писателей, принадлежитъ къ тому же разряду, къ какому принадлежатъ древніе историки, начинавшіе писать исторію отдаленныхъ вѣкомъ и доводившіе ее до времени, когда они сами были и очевидцами и дѣятелями. Живя въ Греціи, отдыхая послѣ великой борьбы, въ которой онъ принималъ участіе, не изучая до того времени исторіи и занимаясь больше юридическими науками и политической экономіей, будучи практическимъ человѣкомъ, солдатомъ и земледѣльцемъ, Финлей видѣлъ положеніе дѣлъ въ окружающемъ его обществѣ, онъ чувствовалъ необходимость прослѣдить его причины и это изслѣдованіе привело его почти до времени Александра Македонскаго. Результатомъ этого изслѣдованія былъ рядъ томовъ о «Греціи подъ иностраннымъ владычествомъ». Это сочиненіе представляетъ печальный контрастъ съ великимъ сочиненіемъ Грота о Греціи въ дни ея независимости и этотъ контрастъ состоитъ не въ одномъ только предметѣ сочиненія; Гротъ издавалъ томъ за томомъ при общемъ одобреніи всѣхъ ученыхъ, а Финлей работалъ надъ своимъ неблагодарнымъ дѣломъ при неодобреніи и пренебреженіи со всѣхъ сторонъ и только немногіе поняли благодаря ему, что такое была восточная римская имперія. Его книга полна ошибокъ по формѣ, по содержанію, по характеру ея и тѣмъ не менѣе она есть великое произведеніе: онъ прокладывалъ дорогу тамъ, гдѣ проложить ее было всего труднѣе.

Я сравнивалъ Финлея и Грота; именно этого великаго писателя я имѣлъ въ виду, когда говорилъ о той торопливости, съ которой игривые современные критики утверждаютъ, что какой нибудь великій ученый «замѣненъ» другимъ просто потому, что они не изучали его сочиненій. Я уже упоминалъ въ печати, но не могу не упомянуть и здѣсь, объ изреченіи нѣкоего ловкаго писателя, всенародно утверждавшаго, будто Тирваль «замѣненъ» Гротомъ. Самъ епископъ Тирваль по своей скромности сказалъ нѣчто подобное, но

онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ право сказать это. Мнѣніе вышеупомянутаго критика поучительно главнымъ образомъ потому, что оно показываетъ, какъ мало знаетъ онъ о двухъ великихъ ученыхъ, о которыхъ судитъ. Кто нибудь, пожалуй, скажетъ, Гротъ «замѣненъ» Курціемъ. Подобное утвержденіе было бы столь же нелѣпо, какъ и утвержденіе, что Тирваль замѣненъ Гротомъ. Каждый изъ этихъ трехъ великихъ писателей настолько выше другихъ съ извѣстной точки зрѣнія и относительно извѣстныхъ частей исторіи, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ замѣнить другаго. Всѣ три одинаково необходимы. Сказать же, что Гротъ или Курцій «замѣнили» Тирваля просто дурная шутка. Часть не можетъ замѣнить цѣлаго. Писатель, написавшій полную исторію независимой Греціи, не можетъ быть замѣненъ авторами, написавшими только часть этой исторіи; критикъ, конечно, не имѣетъ никакого представленія о томъ, что именно написалъ епископъ Тирваль. Лучшая часть сочиненія Тирваля, — это исторія Александра и его наслѣдниковъ. Лучшая сторона сочиненія Грота—это политическая исторія аѳинской и сиракузской демократіи; сила Курція въ географіи, въ артистической сторонѣ дѣла, въ общей картинѣ того вѣка, который былъ славой Аѳинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это извѣстно ученикамъ Фидія, вѣкомъ упадка для всей Эллады. Курцій, будучи мастеромъ въ своемъ дѣлѣ и притомъ совершеннѣйшимъ ребенкомъ, когда онъ рѣшается заниматься дѣломъ Грота, даже не касается той части греческой исторіи, которая составляетъ сильнѣйшую сторону сочиненія Тирваля. Историкъ демократіи, Гротъ, далеко уступаетъ Тирвалю относительно самой послѣдней и самой древней части его исторіи, относительно съ одной стороны старыхъ ахеянъ, а съ другой македонянъ и новыхъ ахеянъ; онъ почти не касается наслѣдниковъ Александра и хорошо бы сдѣлалъ, если бы совсѣмъ не касался и самого Александра. И тѣмъ не менѣе, утверждаютъ, будто онъ «замѣнилъ» Тирваля, потому что невнимательный критикъ не потрудился прочитать сочиненіе этого послѣдняго и даже узнать, о чемъ онъ пишетъ. Онъ могъ-бы конечно сказать, что первая часть, какъ Тирваля, такъ и Грота, устранены развитіемъ сравнительной миѳологіи, но это слишкомъ очевидная истина, чтобы ее могъ понять нашъ непогрѣшимый критикъ. Мнѣ уже говорили, что первыя части Курція, казавшіяся столь новыми нѣсколько лѣтъ тому назадъ, теперь уже устранены науками, сравнительно съ которыми сравнительная миѳологія представляется древней наукой.

Ни одинъ изслѣдователь исторіи не будетъ пренебрежительно относиться къ изученію сочиненія епископа святаго Давида, точно также какъ онъ не будетъ пренебрежительно относиться къ изученію сочиненій епископа честерскаго. Я не знаю, пригоденъ ли Тирваль для изученія въ университетѣ, но я знаю, что онъ пригоденъ для изученія, если его читать паралельно съ Арріаномъ, Діодоромъ, Плутар-

хомъ и Полибіемъ. Говоря о немъ, я однако попадаю въ львиную пасть, такъ какъ осмѣливаюсь говорить свободно объ одномъ изъ великихъ германскихъ ученыхъ. Я говорилъ уже объ модномъ идолопоклонствѣ передъ послѣдней нѣмецкой книгой; часто приходится слышать вопросъ: «читали-ли вы послѣднюю нѣмецкую книгу?» и этотъ вопросъ задается при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ невольно хочется отвѣтить другимъ вопросомъ: «читали-ли вы первую англійскую книгу?» Дѣло въ томъ, что послѣдняя нѣмецкая книга иногда далеко не равняется по своимъ достоинствамъ съ другой нѣмецкой книгой, вышедшей раньше ея, а иногда она бываетъ хуже какой-нибудь англійской книги, появившейся гораздо раньше; и тѣмъ не менѣе мы не можемъ отказаться отъ пользованія нѣмецкими книгами; каждая изъ нихъ, указывая, что какой нибудь прежній писатель ошибался, навѣрное выдвигаетъ на первый планъ какую нибудь сторону дѣла, выдвинуть которую было необходимо. Жаль только, что приходится читать книгу съ начала до конца, чтобы понять, какая именно сторона выдвигается въ ней на первый планъ. Читать нѣмецкія книги необходимо; если Стёббсъ есть англійскій Вайцъ, то и Вайцъ есть нѣмецкій Стёббсъ. Я только отстаиваю наше право сохранять нашу независимость и думать, что по многимъ историческимъ вопросамъ англичанинъ лучшій судья, чѣмъ нѣмецъ. Гражданинъ Швейцаріи или Норвегіи можетъ судить о дѣятельности свободныхъ учрежденій въ древней Греціи, въ Италіи и другихъ странахъ, потому что онъ также, какъ и англичанинъ, по опыту знаетъ о дѣятельности такихъ свободныхъ учрежденій на своей родинѣ; но всѣ такія вещи—тайна для нѣмецкихъ профессоровъ, потому что онѣ тайна и для нѣмецкихъ государственныхъ людей. Германскій ученый только въ книгахъ читаетъ о тѣхъ вещахъ, которыя мы видимъ и которыя мы сами дѣлаемъ, потому то въ исторіи Аѳинъ и Рима или въ исторіи другихъ странъ, онъ совершенно не понимаетъ многаго такого, что для насъ представляется азбукой. Посмотрите напр., на Курція, который не смотря на свое величіе во многихъ вопросахъ, былъ совершенно безпомощенъ въ пониманіи политическихъ истинъ, совершенно ясныхъ для Грота. Иногда онъ пишетъ такимъ образомъ, какъ будто онъ совсѣмъ не читалъ Грота, или, если и читалъ его, то не могъ понять самыхъ простыхъ и ясныхъ изъ его утвержденій. Такъ когда Гротъ совершенно независимо и критически излагаетъ вопросъ о полководцахъ при Аргенузѣ, то Курцій полагаетъ, будто онъ защищаетъ поведеніе собранія, тогда какъ онъ наоборотъ самымъ не двухсмысленнымъ образомъ осуждаетъ его. Какъ Ранке, занимаясь англійскими учрежденіями, не можетъ понять ихъ, такъ и Курцій и многіе другіе германскіе ученые на всякой страницѣ проявляютъ недостатокъ практическихъ знаній свободныхъ учрежденій, недостатокъ пониманія, пріобрѣтаемаго только жизнью въ свободной странѣ.

Теперь, когда мы рѣшились высказать такія положенія, намъ позволительно быть еще болѣе смѣлыми; я уже высказывалъ раньше свое мнѣніе о Момзенѣ, о содержаніи его сочиненій и объ его манерѣ. Недавно мнѣ пришлось снова перечитать его съ гораздо большимъ увлеченіемъ, чѣмъ раньше. Позвольте мнѣ выразить уваженіе къ величайшему ученому нашего времени — скажу больше, къ величайшему ученому всѣхъ временъ. Во всемъ, что можно назвать ученостью въ широкомъ смыслѣ этого слова, мы конечно можемъ быть только рады учиться у него. Навѣрное, ни одинъ изъ нашихъ современниковъ не изучилъ такаго большаго количества разнообразныхъ предметовъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ. Онъ совершеннѣйшій знатокъ филологіи, юриспруденціи, миѳологіи, обычнаго права древности, монетъ, надписей, и всѣхъ источниковъ знанія всякаго рода. Онъ не ограничиваетъ свои изслѣдованія какими либо узкими предѣлами, онъ настолько-же знакомъ съ Кассіодоромъ и Іорданомъ, какъ и съ Аппіанской надписью и съ отрывками изъ Аппія Слѣпаго. Ко всему этому онъ присоединяетъ нѣкоторыя изъ лучшихъ свойствъ настоящаго историка; немногіе могутъ превзойти его по широтѣ и вѣрности пониманія послѣдовательности историческихъ событій. Когда онъ захочетъ этого, то онъ можетъ излагать глубскія мысли со всей силой благороднаго языка его родины. Я не знаю ни одного историческаго повѣствованія, которое можно было-бы поставить выше замѣчательнаго мѣста въ началѣ втораго тома римской исторіи, гдѣ излагается, какимъ образомъ благодаря ослабленію македонскихъ царствъ снова выдвинулись на первый планъ варварскіе государства Востока, какъ «міръ снова имѣлъ двухъ повелителей», когда Римъ началъ приготовляться къ борьбѣ съ парѳянами. Чего же не достаетъ ученому, одаренному такими громадными способностями и умѣющему иногда столь блестящимъ образомъ пользоваться ими? Ему не достаетъ политическаго и нравственнаго пониманія,—послѣднее свойство прирожденное, а первое пріобрѣтается только жизнью въ свободныхъ государствахъ.—Прискорбно видѣть въ историческихъ мнѣніяхъ такого ученаго нравственныя представленія Маколеевскаго графа Аво; прискорбно видѣть у него политическія воззрѣнія шовиниста, падающаго ницъ передъ грубой силой и обожающаго ее. Предметомъ презрѣнія Момзена служитъ всегда честный человѣкъ, патріотъ небольшаго государства, который, видя, что противъ его родной страны составляется заговоръ врагомъ, не стыдящимся, не смотря на всю свою силу, прибѣгать къ самымъ низкимъ обманамъ и интригамъ, старается, хотя и безнадежно, сохранить свободу и достоинство своего народа, старается воспрепятствовать, если возможно, паденію своей родины или, по крайней мѣрѣ, отстрочить это паденіе и сдѣлать его менѣе тяжелымъ. Момзену, испытавшему самолично, что такое управленіе крови и желѣза, и въ голову не при-

ходить, чтобы слабый могъ имѣть какія нибудь права противъ сильнаго. Гнѣвъ Момзена противъ честнаго человѣка древности можно сравнить только съ его гнѣвомъ противъ кого нибудь изъ нашихъ современниковъ, который осмѣливается удивляться людямъ, отказавшимся преклониться передъ Вааломъ и Молохомъ грубой силой. И все это столь же мелко, сколь и безнравственно; все это строится на томъ положеніи, что человѣкъ втораго вѣка до Р. Х. будто-то былъ обязанъ столь же ясно понимать, къ чему идетъ дѣло, какъ и человѣкъ XIX вѣка. Но къ счастію, честный тевтонскій языкъ отказывается быть орудіемъ для передачи подобныхъ мыслей. Когда нужно унизить честнаго человѣка, то кажется, что это можетъ быть сдѣлано только на французскомъ жаргонѣ, причемъ мы всегда чувствуемъ нѣкоторую склонность повторить слова старыхъ швабовъ: «Lond us tütsch blyben, die välsch Zung ist untrü. («Останемся нѣмцами, валлонскій языкъ лживъ»). На хвастливый догматизмъ облеченный въ эпиграммы очень легко отвѣчать тоже эпиграммами. Когда намъ говорятъ, что люди, не понимающіе, что Кай Гракхъ стремился къ королевской власти, совсѣмъ ничего не видятъ, намъ не трудно отвѣтить, что люди, видящіе такія вещи, смотрятъ въ очки своихъ произвольныхъ фантазій. Когда Момзенъ выражаетъ удивленіе по поводу союза между Аппіемъ Клавдіемъ и Гнеемъ Флавіемъ, между кровнымъ аристократомъ и реформаторомъ, я бы хотѣлъ, чтобы онъ вмѣстѣ со мной былъ на Нортгамптонскихъ выборахъ въ 1841 году и тамъ бы я показалъ ему, что Торіи и Чартисты (Аппій Клавдій и Гней Флавій) мирно шли въ одной процессіи бороться противъ друзей свободной торговли и умѣренныхъ реформъ (противъ Квинтія Фабія и Публія Деція). Отъ Момзена перейдемъ къ Нибуру, который, можетъ быть, теперь «замѣненъ». Я не предлагаю вамъ, конечно, преклоняться передъ Нибуромъ, но я прошу васъ припомнить, чѣмъ мы всѣ обязаны знаменитому ученому, усвоившему всѣ знанія своего поколѣнія и соединявшаго съ этимъ знаніемъ то политическое пониманіе, котораго не достаетъ его знаменитому послѣдователю. Нибуръ жилъ не въ свободной странѣ, но онъ видалъ многихъ людей многихъ странъ, онъ жилъ въ бурное время и, хотя самъ не былъ дѣятелемъ въ событіяхъ этого времени, имѣлъ возможность ближе большинства людей наблюдать ихъ. Большинство доказательствъ Момзена опровергнуто теперь его землякомъ, который былъ также и нашимъ землякомъ. Я не буду, конечно, сравнивать Ине (Ihne) съ Момзеномъ по способности или по геніальности. Я не одобряю его чрезмѣрнаго стремленія къ сомнѣніямъ и его излишняго желанія доказать, что Момзенъ не правъ, но онъ ученый почтенный, осторожный и благоразумный; а кромѣ того пріобрѣлъ пониманіе многихъ политическихъ вопросовъ, оставшихся для Момзена совершенно непонятными. Какимъ образомъ онъ пріобрѣлъ это пониманіе? Долгимъ пребываніемъ въ странѣ свобод-

ныхъ учрежденій и старательнымъ изученіемъ этихъ учрежденій. Долгое пребываніе въ Ливерпулѣ выучило его многому, чего Момзенъ никогда не могъ понять. Если бы онъ жилъ не въ Ливерпулѣ, а въ Манчестерѣ или Бирмингамѣ, онъ выучился бы еще большему.

Я намѣривался кончить свою лекцію о новыхъ писателяхъ нѣсколькими словами о тѣхъ изъ нихъ, которыхъ въ наше время называли «писаками». Этотъ предметъ очень интересенъ и поучителенъ, но говорить о немъ у насъ не остается теперь времени. Послѣ того, какъ мы нанесли такіе тяжелые удары большимъ рыбамъ, мы спокойно можемъ оставить въ покоѣ мелкую рыбёшку. Мы должны держаться тѣхъ изъ новыхъ писателей, которые излагаютъ свои собственныя мысли на своемъ собственномъ языкѣ. Эти писатели, конечно, нужны для изученія исторіи, если только пользоваться ими какъ слѣдуетъ,—не какъ источниками, а какъ руководителями къ настоящимъ источникамъ, какъ коментаторами. Если кто нибудь изъ васъ желалъ бы начать изученіе какого нибудь историческаго періода, въ большинствѣ случаевъ я далъ бы ему такой совѣтъ: «возьмите лучшаго изъ англійскихъ писателей этого времени, какого только можно найдти. Если онъ дѣйствительно лучшій, то его ссылки укажутъ вамъ, какъ на оригинальные источники, такъ и на тѣхъ нѣмецкихъ коментаторовъ, безъ которыхъ, повторяю, обойтись невозможно; имена, которыя сначала казались вамъ чуждыми, постепенно сдѣлаются вамъ знакомыми, книги сдѣлаются постепенно вашими любимыми товарищами; одна книга приведетъ васъ къ другой, вы постепенно начнете понимать, какъ обширно и прелестно поле, открываемое вамъ почти всякимъ изъ избранныхъ вами историческихъ періодовъ. Повторяю снова, что какой бы вы періодъ ни выбрали, вы не должны изолировать его: свяжите его хотя бы только общими представленіями съ другими періодами; для этого вамъ часто нужно будетъ пользоваться новыми писателями, не только какъ руководителями, а и какъ замѣной старыхъ. Иногда можетъ случиться, что авторъ, жившій два поколѣнія тому назадъ, не совершенно безполезенъ; называя себя «замѣненнымъ», «ископаемымъ», я не могу не питать нѣкоторыхъ товарищескихъ чувствъ къ другимъ «замѣненнымъ», «ископаемымъ» моимъ предшественникамъ. Если мы на что либо пригодны, то пригодны по крайнѣй мѣрѣ для исторіи мнѣній; смѣю думать, что многіе изъ моихъ предшественниковъ пригодны и на нѣчто большее. Когда я во вступительной лекціи предлагалъ вамъ «воздать хвалу знаменитымъ людямъ и нашимъ отцамъ», то естественное чувство заставляло меня требовать, чтобы вы воздали хвалу и учителямъ моей юности.

ЛЕКЦІЯ ВОСЬМАЯ.

Географія и путешествія.

Мы дошли до конца курса, который я имѣлъ въ виду прочесть въ этомъ семестрѣ; и теперь я хочу поговорить о нѣкоторыхъ средствахъ пріобрѣтенія историческаго знанія, по своей важности, а также по занимательности своего изученія, не уступающимъ всѣмъ другимъ. Я озаглавилъ эту лекцію: «*географія и путешествія*». Географія въ ея отношеніяхъ къ исторіи имѣетъ двоякое значеніе или, вѣрнѣе сказать, двѣ стороны, часто совпадающія другъ съ другомъ, но, въ сущности, различныя: географія съ одной стороны есть отрасль исторіи, а съ другой она есть вспомогательное средство для исторіи. Съ одной стороны она есть форма знанія, которую можно изучать по книгамъ и по картамъ, а съ другой стороны она изучается при помощи путешествій и самоличнаго обозрѣнія предметовъ. Я самъ излагалъ географію въ спеціальномъ сочиненіи, въ толстомъ томѣ «Исторической географіи», съ приложеніемъ небольшаго томика картъ; эта сторона географическихъ знаній заключается въ знаніи политическихъ раздѣленій земнаго шара въ различныя эпохи. Она приводится въ значительной степени къ изученію номенклатуры, къ опредѣленію значенія того или другаго географическаго названія въ ту или другую эпоху, къ опредѣленію того, обозначало ли какое нибудь географическое названіе ту же самую часть земной поверхности, какую оно обозначаетъ и теперь, или, наоборотъ, это географическое названіе обозначало какую нибудь другую часть земли, не имѣющую ничего общаго съ той страной, которой теперь дается тоже названіе. Едва ли необходимо доказывать, что такія свѣдѣнія составляютъ азбуку историческаго изслѣдованія. Настаивать на этомъ представляется почти излишнимъ, до такой степени это очевидно для всѣхъ. Но это такъ только въ теоріи, на практикѣ же дѣло обстоитъ нѣсколько иначе; ни въ одной части нашего изученія намъ не приходится столь-

кому научиться и столькому разучиваться; нигдѣ это изученіе и это разучиваніе не бываетъ такъ трудно, какъ въ правильномъ употребленіи географическихъ терминовъ, сообразно различнымъ историческимъ эпохамъ. Ни въ одной наукѣ намъ не приходится такъ часто повторять одного и того же и повторять, если нужно, не до семи, а до семидесяти семи разъ, какъ въ исторической географіи; потому что ни въ одной наукѣ столь постоянно и вмѣстѣ съ тѣмъ столь безсознательно не вкрадываются одни и тѣ же ошибки. Нѣтъ ни одного предмета, при изученіи котораго точность выраженія и точность мысли, невозможная безъ точности выраженія, требовали бы такихъ постоянныхъ и трудныхъ усилій. Тутъ приходится разучиваться на каждомъ шагу; при всякомъ нашемъ словѣ приходится думать, то ли мы сказали, что хотѣли сказать; потому что въ этомъ случаѣ мы постоянно подвергаемся искушенію употребить то или другое слово, естественно являющееся въ нашемъ умѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ могущее ввести другихъ въ заблужденіе. Въ этомъ случаѣ я совѣтую, какъ совѣтывалъ многимъ за океаномъ, не смущаться, если ваши стремленія къ истинѣ будутъ вознаграждены тѣмъ, что васъ назовутъ педантомъ. Педантъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, это человѣкъ, по мѣрѣ своихъ силъ старающійся согласовать свои слова съ своими мыслями и согласовать свои мысли съ фактами. Безъ педантизма т.-е. безъ точности мы не можемъ сдѣлать ничего въ чемъ то ни было, а тѣмъ менѣе мы можемъ сдѣлать что либо въ исторической географіи.

Первое требованіе этой науки состоитъ въ томъ, что мы не должны смущаться употребленіемъ какого нибудь слова въ смыслѣ отличномъ отъ обычнаго. Обыкновенно люди возмущаются противъ этого правила; въ самомъ дѣлѣ какое значеніе имѣютъ имена; разъ факты извѣстны, то не все ли равно, употребить для выраженія ихъ то или другое названіе, но, въ сущности говоря, здѣсь дѣло идетъ не только объ однихъ названіяхъ. Всякій вопросъ о названіяхъ есть вопросъ о фактахъ, потому что имена — это факты. Въ извѣстномъ смыслѣ конечно, совершенно вѣрно, что одно названіе настолько же пригодно, какъ и другое т.-е. при образованіи языка (если только мы можемъ представить себѣ такое образованіе) не особенно важно, какимъ звукомъ будетъ выражена извѣстная идея, но когда звукъ и идея, благодаря продолжительному употребленію, тѣсно связаны другъ съ другомъ, когда произносимый звукъ немедленно же передаетъ какую нибудь идею, когда они становятся совершенно нераздѣльными, тогда неточность въ употребленіи названія ведетъ къ неясности въ понятіяхъ о фактахъ. Когда извѣстное названіе, даваемое извѣстной странѣ, даетъ намъ идею объ извѣстномъ положеніи дѣлъ въ этой странѣ, то давать ей это названіе въ такую эпоху, когда извѣстное положеніе дѣлъ не существовало, значитъ передать другимъ ложное

понятіе. Въ подобномъ случаѣ получается представленіе о существованіи положенія дѣлъ въ такое время, когда такого положенія дѣлъ не существовало. Неточность въ употребленіи названія, конечно, не предполагаетъ незнанія фактовъ человѣкомъ, неправильно употребившимъ это названіе; но во всякомъ случаѣ она предполагаетъ временное забвеніе этихъ фактовъ и можетъ повести къ недоразумѣніямъ со стороны слушателей. Простѣйшій примѣръ всегда бываетъ лучшимъ. Утвержденіе, которое мы часто слышимъ, что Цезарь высадился въ Англіи, совсѣмъ не предполагаетъ незнанія важныхъ фактовъ исторіи нашего острова, но оно предполагаетъ, по крайнѣй мѣрѣ, временное забвеніе этихъ фактовъ. Человѣкъ, говорящій, что Цезарь высадился въ Англіи, не можетъ въ эту минуту представить себѣ все, что предполагается названіемъ «Англія». Въ эту минуту онъ не можетъ сознавать, что, хотя страна, въ которой высадился Цезарь, та же самая страна, въ которой высадились Кнутъ и Вильгельмъ, но народъ, защищавшій свою родину противъ Цезаря, отличенъ отъ народа, защищавшаго свою родину противъ Кнута и Вильгельма. Самъ онъ въ слѣдующую же минуту можетъ исправить свою ошибку; но все же онъ передастъ ложное представленіе кому-нибудь изъ своихъ слушателей, который не будетъ въ состояніи исправить ее; самому ему придется, можетъ быть, только отучиться отъ неточности въ употребленіи названій, но другимъ придется отучиться отъ неясныхъ взглядовъ относительно исторіи ихъ родины. Въ данномъ случаѣ поправить дѣло легко: нужно только употребить другое слово, не столь обычное, но столь же понятное; нужно только вмѣсто названія Англія употребить названіе Британія, т.-е. намъ нужно только употребить географическое названіе, во всякое время даваемое всякой части нашего острова, вмѣсто политическаго названія, даваемаго въ разное время различнымъ частямъ острова, но не употреблявшагося во время высадки Цезаря. Въ данномъ случаѣ нужно только немного подумать,—но даже это требуетъ нѣкотораго усилія и именно за это то усиліе можно получить названіе педанта отъ людей, которые не желаютъ сдѣлать даже такого незначительнаго усилія.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуется гораздо большее усиліе; дѣйствительно, не легко употребить какое нибудь географическое названіе, вродѣ Франціи, Бургундіи, Австріи, чтобы точно опредѣлить положеніе вещей въ ту эпоху, о которой мы говоримъ и въ тоже время придать этимъ названіямъ желательное намъ значеніе, понятное для обыкновенныхъ слушателей. Тутъ приходится учить обыкновеннаго слушателя, заставить его отучиться отъ невѣрнаго и выучиться вѣрному, такъ чтобы точное употребленіе терминовъ произвело на него надлежащее впечатленіе и породило въ его умѣ вѣрное представленіе. Мы не можемъ измѣнить названій въ угоду ему; измѣняя имена, мы бы погрѣшили противъ фактовъ, мы дали

бы ему не хлѣбъ, а камень; мы говорили бы ему о несуществующемъ, потому что онъ не можетъ понять дѣйствительности. Говоря другими словами, если мы хотимъ понять исторію прошлаго или настоящаго, намъ съ особенной старательностью нужно изучать историческую географію. Мы можемъ опредѣлить эту науку, какъ науку о названіяхъ, которыя носили въ различныя эпохи различныя части земной поверхности. Это опредѣленіе будетъ совершенно правильнымъ, если къ знанію названій мы присоединимъ и свѣдѣнія о способахъ ихъ происхожденія. Пренебреженіе исторической географіей, небрежное и неточное названіе странъ и народовъ всегда было главнѣйшимъ источникомъ ошибокъ историческихъ. Мало этого, неправильное употребленіе названій постоянно ведетъ къ самымъ вреднымъ недоразумѣніямъ относительно важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ. Неправильное употребленіе названій въ иныхъ случаяхъ даже способствовало порабощенію народовъ. Несомнѣнно, что употребленіе, легкомысленное или намѣренное, слова: Турція для обозначенія странъ, находящихся подъ игомъ турокъ, до значительной степени способствовало ослѣпленію людей и подавленію ихъ естественныхъ чувствъ при видѣ великой борьбы за освобожденіе юго-восточной Европы отъ ея угнетателей. До тѣхъ поръ, пока будетъ употребляться это названіе, люди безсознательно будутъ думать, что турки для Турціи это тоже, что англичане для Англіи и французы для Франціи. Выучимся говорить, какъ этого требуютъ и исторія и факты дѣйствительности не о Турціи, которая не существуетъ, а о порабощенной Греціи, о порабощенной Болгаріи, о порабощенной Сербіи и мы сдѣлаемъ шагъ, совсѣмъ не маловажный, къ соединенію порабощенныхъ земель для освобожденія Греціи, Болгаріи и Сербіи. Люди, которые ближайшимъ образомъ заинтересованы въ этомъ, знаютъ силу названій; Греки никогда не называли Эпиръ и другія порабощенныя греческія земли: *Τουρκια;* онѣ для нихъ *η δουλη Ελλας.*

Можетъ быть, ни одно географическое названіе не повело къ такимъ недоразумѣніямъ, какъ всѣмъ знакомыя названія: Франція и Австрія. Francia на латинскомъ языкѣ очень старое названіе, гораздо болѣе старое, чѣмъ Anglia; но при этомъ извѣстно, что оно никогда не было такимъ общепринятымъ названіемъ страны, какимъ было названіе Anglia. Я полагаю, что ни одинъ классикъ не откажется употреблять названіе Anglia, тогда какъ всякій пишущій по латыни всегда предпочтетъ названіе Gallia названію Francia, если только ему не приходится употреблять послѣднее названіе или для обозначенія королевскаго титула или для отличія этой страны отъ какой нибудь другой. Это обусловливается дѣйствительнымъ отличіемъ исторіи Галліи отъ исторіи Британіи. Большая часть Галліи никогда не была Francia и ни одна ея часть никогда не сдѣлалась Francia

въ томъ смыслѣ, въ какомъ большая часть Британіи сдѣлалась Anglia. Ни въ одной части Галліи Франки, говорящіе на нарѣчіи германскаго языка, не сдѣлались народомъ этой страны. Мы можемъ переводить Anglia нашимъ названіемъ *Англія* съ самаго того времени, когда впервые было употреблено это названіе; но было бы опасно переводить названіе Francia названіемъ *Франція*, въ какую нибудь эпоху раньше конца IX вѣка. Мы совершенно извратили бы значеніе терминовъ, если бы такимъ образомъ переводили названіе Francia Клавдіана и Эйнгарда или *Φραγγία* Константина Порфиророднаго. Но когда Франція въ современномъ смыслѣ этого слова, т. е. герцогство и королевство парижское, начала расширять свои владѣнія, мы имѣемъ право употреблять это названіе для обозначенія всѣхъ присоединенныхъ къ ней земель. Что касается до названія: *Австрія*, кромѣ другихъ его значеній, не имѣющихъ никакого отношенія къ восточной «Eastern Mark» Германіи, учрежденой для защиты отъ Мадьяръ, то это названіе, даваемое и теперь еще существующему эрцгерцогству, имѣетъ значеніе, совершенно противоположное названію Francia. Значеніе этого послѣдняго названія необходимо расширялось при всякомъ расширеніи власти французовъ, но при расширеніи власти австрійцевъ ихъ владѣніямъ не необходимо давать названіе: *Австрія*. Всѣ земли, присоединявшіяся къ владѣніямъ французскаго короля, формально присоединялись къ французскому королевству и рано или поздно дѣйствительно становились французскими; а земли, присоединяемые къ владѣніямъ австрійскаго эрцгерцога, не присоединялись формально къ его эрцгерцогству и, въ дѣйствительности, большинство такихъ земель никогда не дѣлались австрійскими. Ліонъ, не бывшій французскимъ до Филиппа Краснваго, съ этого времени становится французскимъ и мы должны употреблять такія выраженія, которыя обозначали бы этотъ фактъ; но Венеція и Рагуза никогда не были австрійскими, хотя Венеція и составляла когда-то, а Рагуза и теперь еще составляетъ, часть владѣній австрійскаго государя и въ этомъ случаѣ намъ также нужно употреблять такія выраженія, чтобы они обозначали эти факты. Изъ двухъ государствъ, каждое изъ которыхъ присоединило множество другихъ земель, одно фактически сдѣлало эти присоединенныя земли частію государства, а другому это не удалось. Посмотрите на карту: теперь не существуетъ какой-либо спеціально-мѣстной Франціи. Франція—это аггрегатъ департаментовъ отъ Сѣвернаго до департамента Нижнихъ Пиринеевъ, другаго значенія это названіе не имѣетъ; значеніе же названія—*Австрія*, наоборотъ, очень сомнительно; и теперь существуетъ эрцгерцогство Австріи съ опредѣленными границами, составляющее только малую часть владѣній эрцгерцога австрійскаго. Существуетъ также и такъ называемая австрійская имперія, которая, конечно, больше эрцгерцогства, но которая, во всякомъ случаѣ, не охватываетъ всѣхъ владѣній такъ

называемаго императора. Конечно, оно не охватываетъ королевства Венгерскаго и его parties annexée. Когда, говоря о современной эпохѣ, мы даемъ названіе: *Франція* всей европейской территоріи французскаго государя или республики, мы выражаемъ такимъ образомъ политическую и историческую истину. Въ настоящее время настолько же необходимо употреблять это названіе въ этомъ смыслѣ, насколько необходимо употреблять его въ другомъ смыслѣ, говоря о времени за 300 или 400 лѣтъ тому назадъ. Но если мы будемъ называть Австріей, какъ это часто дѣлаютъ, всѣ владѣнія австрійскаго государя, мы извратимъ политическіе и историческіе факты. Въ этомъ случаѣ необходимо употреблять это названіе въ томъ же смыслѣ, въ какомъ его употребляешь, говоря объ эпохѣ, отстоящей отъ насъ за 300 или 400 лѣтъ. Наши выраженія должны обозначать тотъ важный политическій фактъ, что въ то время, какъ всѣ страны, попавшія подъ владычество Франціи, сдѣлались и формально и на дѣлѣ французскими, всѣ страны, попавшія подъ владычество Австріи, не сдѣлались австрійскими ни формально, ни на дѣлѣ.

Мы говорили все это о случаяхъ рабства передъ современной картой. Въ настоящее время подобное рабство не можетъ быть ничѣмъ оправдано. Во дни моей юности дѣло было иное; у насъ тогда былъ «древній» и «новый» атласъ и ничего больше. «Древній» атласъ примѣнялся ко всѣмъ «классическимъ» эпохамъ. Политическія дѣленія во времена Ксеркса, Александра и Траяна (хотя я не совершенно увѣренъ, былъ ли Траянъ «классическимъ») предполагались одинаковыми. «Новый» атласъ указывалъ на существующее положеніе вещей, на положеніе вещей, къ счастью, много измѣнившееся съ того времени. Была, конечно, и карта «провинцій Франціи» и «департаментовъ Франціи». Мнѣ извѣстенъ даже одинъ атласъ, указывающій, какъ политическія дѣленія Европы при началѣ французской революціи, такъ и политическія дѣленія въ 1815 году; но меня, по крайней мѣрѣ, сравненіе этихъ картъ приводило въ крайнее недоумѣніе. Всякій, кто только пробовалъ когда нибудь составлять историческія карты, знаетъ трудную задачу, отъ которой мы избавлены событіями 1866 года. Какъ нарисовать карту, которая бы ясно указывала пространство территоріи римской имперіи или германскаго союза и въ то же время пространство владѣній государей Австріи и Пруссіи, какъ въ имперіи и союзѣ, такъ и внѣ ихъ? До чрезвычайности трудно исполнить эту задачу. Тѣ изъ картъ временъ моей юности, которыя указывали на прежнее положеніе дѣлъ, достаточно ясно указывали пространство римской имперіи или, вѣрнѣе сказать, пространство германскаго королевства; но повѣрите ли вы, что на этихъ картахъ совсѣмъ не была указана Австрія, хотя указывалось на королевство Венгерское? Не было на нихъ и Пруссіи, за исключеніемъ небольшой страны при Фришгафѣ и Куришгафѣ. На нихъ не было и намека,

что короли Венгерскій и Прусскій владѣли какими нибудь землями въ предѣлахъ Германіи; да и какъ могло быть иначе? То обстоятельство, что короли Венгерскій и Прусскій также, какъ и короли Великобританіи, Даніи и Швеціи, были принцами имперіи, владѣвшими германскими землями, было фактомъ политическимъ, а не географическимъ. То обстоятельство, что король Прусскій былъ избирателемъ Бранденбургскимъ, не дѣлало Бранденбурга частью Пруссіи точно также, какъ то обстоятельство, что король Великобританіи былъ избирателемъ Ганноверскимъ, не дѣлало Ганновера частью Великобританіи. На картѣ Европы, на которой Германія была изображена какъ нѣчто цѣлое и на которой не указывалось ея внутреннихъ дѣленій, настолько же не было надобности показывать отдѣльную Австрію, какъ и отдѣльный Рейсъ-Шлейцъ. Когда я старался разобраться въ исторіи XVIII вѣка, эта карта приводила меня въ недоумѣніе. Я не могъ уяснить себѣ положеніе короля Прусскаго, королевство котораго было не въ Германіи, но который при этомъ проявлялъ такую дѣятельность въ средней Германіи и былъ тамъ совсѣмъ какъ дома. Благодаря моей картѣ, мнѣ не трудно было понять, что Марія Терезія была королевою Венгерскою, но мнѣ было трудно понять, какое отношеніе королева Венгерская имѣла къ другимъ странамъ. Карты, приводившія меня въ недоумѣніе, были формально совершенно вѣрны относительно Германіи, но они были невѣрны, когда изображали Италію, какъ единое цѣлое. Германія была политическимъ цѣлымъ, хотя связь ея частей и была очень слаба. Италія же была простымъ географическимъ выраженіемъ, употреблявшимся для обозначенія отдѣльныхъ королевствъ герцогствъ, и республикъ, совсѣмъ не составлявшихъ какого нибудь политическаго цѣлаго. Помогала ли карта 1815 года получить болѣе ясное представленіе о новомъ положеніи дѣла? Большая Германія прежней карты исчезла, большая часть ея, казалось, присоединилась къ увеличившейся Пруссіи, владѣнія которой находились теперь въ двухъ мѣстахъ, причемъ одна часть ихъ граничила съ Франціей. Получалось такое впечатлѣніе, что Пруссія, кромѣ того, что она завоевала Польшу, завоевала и значительную часть Германіи. Съ другой стороны изчезла Венгрія, она, казалось, перемѣнила свое названіе на названіе: Австрія и присоединила значительныя части Польши, Германіи и Италіи, не говоря уже о томъ, что какимъ-то удивительнымъ образомъ ея границы доходили теперь до восточнаго берега Адріатическаго моря. Въ то время эти страны не были особенно извѣстными и было бы трудно найти карту 1813 года, на которой была бы указана на одну минуту осуществившаяся мечта угнетенныхъ т. е. свободное славянское Катарро, гавань и столица Черногоріи. Что касается до Германіи, то новыя карты иногда давали это названіе частямъ Германіи, не входящимъ въ предѣлы Пруссіи или Венгріи, а иногда и землямъ, отмѣченнымъ также названіями: Пруссія

и Австрія, что приводило насъ въ немалое смущеніе. Что касается до времени раньше 1789 года, то тутъ намъ представлялось разбираться, какъ мы умѣемъ. Я видѣлъ однажды карту подъ заглавіемъ: «Европа въ періодъ времени между древнимъ и новымъ періодами». На сколько мнѣ помнится, на этой картѣ не было изображено положенія дѣлъ въ какой нибудь опредѣленный періодъ, но она ближе всего указывала на эпоху Карла Великаго. Въ то время намъ предоставлялось самимъ разбираться въ вопросѣ объ территоріяхъ бургундскихъ герцоговъ и анжуйскихъ королей. Что касается до странъ лежащихъ между Адріатическимъ и Чернымъ морями, то позвольте мнѣ сказать о небольшой книжкѣ, которую я прочиталъ въ 18[illegible]6 г., эта книга Вильяма Кука Тейлора въ Дублинѣ была озаглавлена: «Исторія ниспроверженія римской имперіи и основанія европейскихъ государствъ». Въ ней говорилось, что ниспроверженіе римской имперіи было завершено не въ 476 году, а въ 1453. Нѣкоторымъ изъ васъ будетъ любопытно узнать, что 48 лѣтъ тому назадъ, за нѣсколько лѣтъ до того времени, какъ Финлей началъ писать, я узналъ отъ него, что существовала Восточная Римская Имперія.

Въ настоящее время человѣкъ, изучающій исторію, не встрѣчаетъ подобныхъ затрудненій; данныя исторической географіи теперь доступны для всѣхъ; ихъ можно изучать совершенно также, какъ и всякія другія данныя и если это изученіе имѣетъ какія либо спеціальныя затрудненія, то тоже самое можно сказать и о другихъ отрасляхъ изученія. Я только настаиваю на томъ, что изученіе исторической географіи составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ частей нашей работы; ее нужно изучать съ самаго начала, такъ чтобы не было надобности подвергаться труду забывать о новой картѣ, тѣмъ не менѣе иногда приходится подвергаться такому труду разучиванія. Недавно мы слышали напр., о странѣ, называемой Суданомъ. Когда я услыхалъ, что Суданъ находится близъ Чермнаго моря, я былъ на столько же смущенъ, какъ если бы услыхалъ, что Германія находится гдѣ нибудь на берегу Чернаго моря. На картахъ моей юности «Суданъ или Нигриція» изображались гдѣ нибудь на Западѣ и, конечно, ближе къ Атлантическому океану, чѣмъ къ Чермному морю. Суданъ не имѣетъ такого непосредственнаго отношенія къ моимъ занятіямъ, какъ, напримѣръ, Крымъ, и никто не могъ объяснить мнѣ, какимъ образомъ это названіе перемѣстилось; но я завидую людямъ, которые не встрѣчаютъ затрудненій въ этомъ вопросѣ и которымъ не приходится ничему разучиваться. Правду сказать, для многихъ было выгоднѣе ничего не знать о Суданѣ до 1884 года, точно также, какъ многимъ было бы выгоднѣе ничего не знать о Херсонесѣ Таврическомъ до 1854 года.

Я говорилъ о рабствѣ передъ новой картой, но это еще не худшая форма рабства. Относительно нѣкоторыхъ частей земного шара,

даже нѣкоторыхъ частей нашего острова, необходимо только знаніе новыхъ картъ, чтобы не впасть въ ошибку. Исторія Стратклайда, Кумберланда, всей этой части Британіи, какимъ бы именемъ мы ее не называли, достаточно смутна. Понятіе объ естественныхъ границахъ требовало бы, чтобы Ланкаширъ — это новое графство, о которомъ ничего не говорится въ Domesday book — не выходилъ за предѣлы песчаныхъ береговъ залива Морекамбъ; на дѣлѣ онъ выходитъ за эти предѣлы, тѣмъ не менѣе въ этомъ очень трудно убѣдить людей; трудно убѣдить ихъ, что большая часть берега Винандермера находится въ томъ же графствѣ, какъ и Манчестеръ. Трудно также догадаться, почему большая часть Западнаго Сомереста обыкновенно считается Девонширомъ. Противъ подобной путаницы Англійскій лѣтописецъ предупреждалъ уже очень давно; онъ говорилъ, что Порлокъ, мѣсто высадки Гарольда, находится на границѣ Девоншира и Сомерсета и, однако, я недавно читалъ въ одной книгѣ, что Барль лучшая рыбная рѣка Девоншира, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эта рѣка находится въ Сомерсетѣ. Но все это пустяки сравнительно съ трудностью убѣдить читателя, что Монбланъ находится не въ Швейцаріи. Трудно понять происхожденіе этого суевѣрія, если не считать причиной его происхожденія серьезно защищаемое многими мнѣніе, что гдѣ Альпы, тамъ и Швейцарія. Основной причиной заблужденія въ этомъ случаѣ было то, что въ древнее время существовала страна старой Германіи и тѣхъ изъ ея союзниковъ и подданныхъ-германцевъ, бургундцевъ и итальянцевъ, которые въ позднѣйшее время были допущены къ участію въ Швейцарскомъ союзѣ. Настоящая исторія страны, ея народа и ея названія достаточно оригинальны; оригинально уже то, что извѣстныя части трехъ имперскихъ королевствъ отдѣлились отъ нихъ и образовали для всѣхъ политическихъ цѣлей настоящую искусственную націю, причемъ каждая изъ трехъ частей не утратила своего роднаго языка. Оригинально то, что такимъ образомъ постепенно образовавшееся политическое цѣлое въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ оставалось безъ всякаго формальнаго коллективнаго названія, что названіе одного изъ членовъ этого цѣлаго, и притомъ не самаго большаго, сдѣлалось популярнымъ названіемъ всего государства и что это названіе начало оффиціально употребляться только въ XIX вѣкѣ. Но эта исторія, хотя она и оригинальна, въ сущности очень проста; ее легко понять, если припомнить, что старыя германскія земли и города сначала въ числѣ трехъ, потомъ восьми, потомъ тринадцати, были зерномъ союза и что романскіе его члены были союзниками и подданными, постепенно дѣлавшимися союзниками. Названіе одной страны, Швица, еще во времена Филиппа Коммина обозначало въ обыденной рѣчи весь союзъ, но оффиціальнымъ его названіемъ оно сдѣлалось только въ 1803 году. Нѣтъ ошибки, отъ которой было бы труднѣе отдѣ-

латься, какъ отъ того представленія, что съ самаго начала существовалъ швейцарскій народъ, занимающій современную территорію швейцарскаго союза, что германское населеніе трехъ кантоновъ имѣетъ что либо общее съ Гельвеціей Цезаря, что борьба противъ герцоговъ австрійскихъ была во всѣхъ ея стадіяхъ борьбой противъ имперіи. Невольно сожалѣешь тѣхъ борцовъ при Моргартенѣ, которыхъ король Людовикъ такъ горячо благодарилъ за ударъ, нанесенный ими австрійскому мятежнику. Въ одной изъ прежнихъ лекцій я говорилъ объ удивительномъ разсужденіи Джемса Фергюссона «о швейцарской архитектурѣ». Многіе помнятъ, вѣроятно, мнѣніе декана Стэнли, будто легендарный Люцій, сдѣлавшись во II вѣкѣ епископомъ Curia Raetorum, этимъ самымъ сдѣлался «швейцарскимъ епископомъ». Я полагаю, что формально воспрещается имѣть какія либо свѣденія о географіи этой предѣльной страны имперскихъ королевствъ, этой школьной комнаты Европы, многими признаваемой совершенно неосновательно мѣстомъ увеселенія. Покрайнѣй мѣрѣ я слышалъ объ одномъ воспитанникѣ Оксфорскаго университета, который во время путешествія по Швейцаріи задалъ своему спутнику, тоже воспитаннику Оксфорскаго университета, совершенно естественный вопросъ: въ какомъ они кантонѣ находятся? Его спутникъ посмѣялся надъ этимъ вопросомъ. Кто въ самомъ дѣлѣ думаетъ въ Швейцаріи о кантонахъ? Тамъ нужно думать только о ледникахъ и утесахъ и о томъ, какъ лучше сломать себѣ шею.

Я началъ съ изученія географіи по картѣ, и перехожу теперь къ болѣе наглядному изученію географіи въ самыхъ мѣстностяхъ и городахъ, исторію которыхъ мы изучаемъ. Это и есть та другая сторона географіи въ ея примѣненіи къ исторіи, о которой я говорилъ въ началѣ. Что до меня касается, то мнѣ никогда не казалось страннымъ—и мнѣ никогда не приходилось путешествовать съ спутниками, которымъ это казалось страннымъ—прежде всего узнать, гдѣ я находился, въ какомъ кантонѣ или въ какой провинціи, и познакомиться, на сколько это возможно, съ физической географіей этого кантона или провинціи, и съ отношеніемъ физическихъ особенностей страны къ ея исторіи. Я не увѣренъ, чтобы лучшимъ средствомъ для этого было взобраться на вершину Альпъ. Я разъ пробовалъ взобраться на Пиринеи; я находился тогда въ такомъ же настроеніи, какъ и Филиппъ, когда онъ забрался на Гемусъ (Ливій кажется, считаетъ Гемусъ отдѣльной вершиной) съ надеждой увидать и Черное и Адріатическое море, что ему очень помогло бы составить планъ компаніи, Я также взобрался на Пиринеи, конечно, не съ цѣлью составить планъ компаніи, но съ надеждой увидать Аквитанію, а, можетъ быть, и Септиманію, съ надеждою увидать извилистую Гаррону, а, можетъ быть, даже и Тулузу и Бордо (какъ Гринъ увидалъ изъ Chateau—Gaillard Руниемедъ). Царь Филиппъ сошелъ съ Гемуса разочарованнымъ, я тоже сошелъ съ Пиринеевъ

разочарованнымъ, потому что не видалъ ничего и ничего не узналъ. Я сошелъ внизъ съ такими же свѣдѣніями о географіи южной Галліи, какія имѣлъ раньше, но это потому, что я забрался очень высоко. На умѣренной высотѣ, на вершинахъ Котсвуда или Мендипа, на вершинахъ холмовъ Карлиля, Стирлинга, Домфронта, на еще болѣе знаменитыхъ утесахъ Аѳинъ и Коринѳа, конечно, можно узнать кое-что объ исторіи. Я скажу даже, что кто не видалъ этихъ холмовъ, тотъ не можетъ вполнѣ изучить исторію. Несомнѣнно, настоящій историкъ долженъ быть путешественникомъ; онъ долженъ собственными своими глазами видѣть описываемые имъ ландшафты; онъ долженъ видѣть мѣста, гдѣ произошли великія событія; онъ долженъ замѣтить положеніе города и всѣ подробности, насколько это доступно не спеціалисту, имѣющія отношенія къ извѣстному полю битвы. И, однако, меня недавно въ Экзетерѣ, Норвичѣ и Линкольнѣ спрашивали, видалъ ли я раньше эти города. Удивляюсь, какъ въ послѣдній разъ, когда я былъ въ Гастингсѣ, меня не спросили, бывалъ ли я тамъ раньше. Одинъ критикъ очень похвалилъ меня за мою необыкновенную энергію, такъ какъ я позаботился съѣздить въ Гастингсъ и я читалъ очень ученое германское разсужденіе о топографіи Равенны, при которомъ было приложено много картъ и которое было написано профессоромъ, никогда не видавшимъ ни мозаики Святаго Аполинарія, ни купола, подъ которымъ когда то покоился Теодорикъ. Во всякомъ случаѣ при утвержденіи, что для полнаго пониманія исторіи какой нибудь страны или мѣстности вы должны ее видѣть собственными своими глазами, у меня есть хорошіе союзники. Развѣ лордъ Маколей не видалъ Дерри? Развѣ за нѣсколько вѣковъ до него Ассеръ не ходилъ по холму Ашдоуна, чтобы лучше разсказать о побѣдѣ Альфреда? Могу прибавить къ этому, что этимъ лѣтомъ молодой профессоръ выѣхалъ изъ моего дома, чтобы осмотрѣть мѣстность битвы при Ландоунѣ. По моему мнѣнію, невозможно изучить исторію всего міра, отдѣльныхъ странъ и городовъ, иначе, какъ на самомъ мѣстѣ событія.

Въ числѣ этихъ мѣстностей нѣкоторыя имѣютъ всемірный интересъ; тутъ весь міръ, по крайней мѣрѣ, міръ арійской Европы, проходитъ передъ вашими глазами: исторія вѣрованій, языковъ и расъ дѣлаются намъ яснѣе, когда мы идемъ по мраморной дорогѣ въ Палермо, когда мы размышляемъ, какіе корабли стояли на якорѣ съ обоихъ сторонъ этой дороги, когда мы идемъ изъ гавани, гдѣ поселились впервые люди Ханаана, мимо дворца эмировъ къ дворцу королей, къ храму, подъ которымъ лежитъ прахъ «Чуда Мира», къ аркѣ, напоминающей намъ о побѣдахъ послѣдняго Августа, водрузившаго крестъ христіанства и римскаго орла на берегахъ, видѣвшихъ побѣды Агафокла, Регула и Рожера. Отъ гробницы Фридриха и отъ трофеевъ Карла мы возвращаемся къ центру города; подъ покровомъ

четырехъ дѣвъ хранительницъ мы смотримъ на окружающія насъ съ трехъ сторонъ горы и на растилающееся передъ нами съ четвертой стороны Средиземное море. Мы смотримъ на холмъ, на которомъ стоялъ лагерь «молніи Карфагена», Гамилкара Барака и куда теперь ходятъ на поклоненіе св. Розаліи. Мы смотримъ на Западный холмъ, на королевскую гору, на вершинѣ которой Вильгельмъ Добрый воздвигъ свой замѣчательный соборъ. Передъ нашими глазами равнина, гдѣ Метеллъ завладѣлъ слонами Пунійцевъ и холмъ, по склонамъ котораго шли Гарибальди и его знаменитая тысяча. Страницы всемірной исторіи одна за другой открываются передъ нами въ стѣнахъ этого города, трижды пріобрѣтеннаго для Европы, и одинъ разъ для христіанства, эпиротомъ, римлянином и норманомъ. Кажется, что въ этомъ счастливомъ «городѣ трехъ языковъ» собрались соперничающіе другъ съ другомъ народы. Тутъ передъ нашими глазами проходятъ великіе циклы исторіи человѣчества; здѣсь византійскій грекъ и африканскій сарацинъ продолжали дѣло колонистовъ древней Эллады и древней Финикіи; здѣсь они отдохнули на время отъ вѣчной борьбы между Арійцами и Семитами и мирно процвѣтали подъ управленіемъ королей тевтонской крови и римской рѣчи.

Можетъ быть, вы хотите видѣть мѣстность, гдѣ на камняхъ одного зданія на вѣки запечатлѣна вся исторія всемірнаго искусства и прежде всего искусства великой переходной эпохи. Эта мѣстность находится въ странѣ, куда я отправилъ бы нашего профессора «классической археологіи», чтобы онъ почувствовалъ желаніе отбросить этотъ непріятный эпитетъ «классическій», такъ много ему мѣшающій. Пусть онъ отправится на восточный берегъ Адріатическаго моря къ вѣчному храму Юпитера и пусть тамъ онъ спроситъ себя, не прошелъ ли онъ весь путь отъ Сегесты къ Пестуму, отъ Пестума къ Аѳинамъ, отъ Аѳинъ къ Риму и отъ Рима къ Спалато. Пусть онъ дальше спроситъ себя, можетъ ли онъ противустоять желанію отправиться дальше, не къ Риму Трояна, а къ Риму Константина и отъ Рима черезъ Равенну, Лукку, Пизу, Шафгаузенъ, Тулузу, Дургамъ и Оксамъ, къ Витаму и Линкольну, откуда онъ пойдетъ по пути, который приведетъ его подъ своды нашей школы богословія или къ высокому столбу лѣстницы коллегіи Церкви Христа. Здѣсь между этими рядами аркъ, самыми замѣчательными изъ произведеній архитектурнаго искусства, наша мысль возвращается отъ дома, сдѣлавшагося городомъ, къ городу, сдѣлавшимся домомъ, — отъ дома Діоклетіана на берегу моря къ дому Ромула на берегу рѣки. Здѣсь наша мысль возвращается къ тѣмъ днямъ, когда Иллирійскій берегъ сдѣлался для Рима мѣстомъ, откуда онъ пріобрѣлъ вліяніе надъ Востокомъ и къ временамъ, когда самъ Римъ переселился съ семи холмовъ при Тибрѣ на семь холмовъ при Босфорѣ. Мы видимъ, какъ флоты восточнаго Рима отплывали изъ Салонской гавани, чтобы вернуть старый запад-

ный Римъ къ повиновенію его Августу. Мы видимъ дни нашествія, когда Солона сдѣлалась кучей развалинъ, а домъ Юпитера городомъ убѣжища, мы видимъ сербскихъ королей и венеціанскихъ дожей и, наконецъ, передъ нашими глазами является грустное окончаніе этихъ великихъ воспоминаній, послѣднее низкопробное звено золотой цѣпи и мы съ стыдомъ и грустью отворачиваемся отъ дощечки, указывающей на царствованіе иностранца, тирана и обманщика, — отъ дощечки, указывающей намъ, что человѣкъ, занимавшій первое мѣсто въ мірѣ, тевтонскій король и римскій цезарь, человѣкъ, носившій пурпуръ Августа и діадему Юпитера, палъ такъ низко, что въ самой странѣ его великихъ предшественниковъ его именовали Austriae Imperator et Dalmatiae Rex.

Хотите ли вы поискать болѣе древнихъ воспоминаній? Пройдите вдоль берега Адріатическаго моря, проѣзжайте по каналу между островами и полуостровами, мимо тысячи мѣстностей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою исторію, оттуда плывите въ моря Греціи, высадитесь при новомъ Коринѳѣ, отправляйтесь къ семи колонамъ древняго Коринѳа, колонамъ, уже бывшимъ древними въ дни Тимелеона и не новыми даже въ дни Періандра. Взойдите на «увѣнчанный облаками Акрополисъ» со всѣми его памятниками и реликвіями, отъ первобытной стѣны до турецкой мечети. Въ этой мѣстности мы можемъ изучать исторію такъ, какъ никогда раньше не изучали ее. Посмотрите къ востоку черезъ заливъ, гдѣ лежитъ Эгина и Саламинъ; прочитавъ, что одно древнее морское государство смотрѣло подозрительно на увеличеніе могущества младшаго государства, вы не составите себѣ яснаго представленія о вызываемой этимъ чувствомъ зависти враждебности. Но для человѣка, забравшагося на Коринѳскій холмъ, развитіе могущества враждебнаго города дѣлается очевиднымъ настолько, насколько не могутъ уяснить его ни книги, ни письма, ни телеграмы. Въ ясный день съ Коринѳскаго холма жители могли видѣть Аѳинскій холмъ, они узнавали о присутствіи, о близости ихъ соперника не только по слухамъ, но и на основаніи прямаго свидѣтельства ихъ зрѣнія. Удивительно ли, что, когда наступилъ день мщенія, Коринѳъ былъ болѣе раздраженнымъ, болѣе свирѣпымъ противъ врага, постоянно угрожающаго ему, чѣмъ Спарта, которая почувствовала могущество Аѳинъ, которая хорошо узнала силу ихъ меча при Пилосѣ, но которая на берегахъ Эврота не могла каждый день собственными своими глазами видѣть, какая опастность грозитъ ей съ береговъ Кефиза? Или взойдите на Аѳинскій холмъ; тутъ уже приходится отдѣлываться отъ десяти тысячъ воспоминаній, отъ десяти тысячъ событій безсмертной исторіи, каждая изъ которыхъ становится для насъ въ десять тысячъ разъ болѣе живой, когда мы видимъ ее начертанной на вѣки на вѣчныхъ страницахъ вѣчной земли, на холмахъ, на морѣ, бывшемъ какъ бы частью Аттики. Здѣсь мы въ особенности

выучиваемся тому, чему мы можемъ, конечно, выучиться по картѣ и по книгѣ, но что никогда не можетъ быть намъ такъ яснымъ при изученіи по картамъ или по книгамъ, какъ тогда, когда мы съ Аѳинской скалы смотримъ на окружающіе ея высокіе холмы. Мы начинаемъ здѣсь понимать, какъ велика, удивительна и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ противна всѣмъ инстинктамъ Грековъ была революція, сдѣлавшая Аттику единымъ цѣлымъ, сдѣлавшая Аѳины политической родиной такого количества свободныхъ и равныхъ гражданъ, какого не было ни въ одной изъ греческихъ республикъ. Мы видимъ здѣсь страну, окруженную холмами, страну, которая на основаніи понятій Грековъ должна бы была быть естественной территоріей одного города Аѳинъ. Мы не видимъ ни Мараѳона, ни Элевзинскихъ полей; они закрыты отъ насъ горами; мы сознаемъ, что было время, когда они были столь же независимы отъ Аѳинъ, какъ Платея и Орхоменъ были независимы отъ Ѳивъ и мы невольно удивляемся мудрости древняго законодателя, рѣшившаго, чтобы Марахонъ и Элевзинъ не были аѳинскими, также какъ Платея и Орхоменъ не были ѳивскими. Мы удивляемся этой мудрости, давшей міру не слабую конфедерацію Аттики, а единую Аѳинскую республику.

Вернемся снова на средній полуостровъ Европы; заберемся на холмъ Бресчіи, на этотъ крайній отпрыскъ обширной стѣны Альповъ, которая, кажется, нарочно поставленной тутъ, чтобы служить мѣстомъ наблюденія для историка. Посмотрите на равнины Ломбардіи; посмотрите на возвышающіяся со всѣхъ сторонъ высокія башни, каждая изъ которыхъ указываетъ на существованіе города, бывшаго когда то республикой, столь же свободной, какъ и любая изъ республикъ древней страны свободы. Почему ихъ слава была столь кратковременна? Почему Миланъ не былъ Аѳинами? Почему владычество Висконти было болѣе прочнымъ и болѣе распространеннымъ, чѣмъ владычество Пизистрата? На это было много причинъ, но одна изъ нихъ уясняется намъ видомъ съ высотъ Бресчіи. Каждый изъ греческихъ городовъ былъ построенъ на холмѣ, въ долинѣ, на полуостровѣ или островѣ, и имѣлъ отдѣльную территорію, обладавшую естественными границами. Города же Ломбардіи кажутся раскиданными по этой равнинѣ совершенно случайно; территорія каждаго изъ нихъ не имѣла естественныхъ границъ; несомнѣнно, что для мѣстоположенія каждаго города, для пространства ея территоріи имѣлись извѣстныя причины; но они далеко не столь очевидны, какъ причины, помѣстившія Аѳины на менѣе высокомъ, а Коринѳъ на болѣе высокомъ холмахъ и создавшія флотъ Эгины въ заливѣ, лежащемъ между Аѳинами и Коринѳомъ. Теперь чтобы увѣнчать наше изученіе всемірной исторіи, отправимтесь къ холму Тускулума; съ его вершины взглянемъ на младшій городъ, замѣнившій древній главный городъ Лаціума; тутъ мы начинаемъ понимать основную истину ис-

торіи, что вся судьба міра, часть котораго составляемъ и мы сами, была рѣшена тѣмъ физическимъ фактомъ, что нѣкоторые изъ холмовъ Лаціума были ближе другъ къ другу, менѣе высоки и ближе къ берегу рѣки, чѣмъ другіе холмы. Тускулумъ, стоявшій на высокомъ холмѣ, не могъ сдѣлаться главою міра; Римъ, стоявшій на семи низкихъ холмахъ, могъ сдѣлаться и сдѣлался повелителемъ міра. Люди, жившіе на холмѣ Тускулума, могли имѣть союзниковъ, но они не имѣли сосѣдей, съ которыми приходилось бы или вступить въ единеніе, болѣе близкое, чѣмъ простой союзъ, или вести борьбу болѣе кровавую и болѣе непрестанную, чѣмъ обыкновенная война. Латинянинъ палатинскаго холма, Сабинянинъ Капитолія должны были мѣсто битвы замѣнить площадью совѣта; они сдѣлались единымъ городомъ, единымъ государствомъ. Дѣло объединенія шло своимъ чередомъ: одинъ холмъ за другимъ, одна страна за другой становились равноправными членами единаго государства. Лаціумъ, Италія, всѣ берега Средиземнаго моря слились въ единое государство—можно сказать, въ единый городъ, стѣны котораго перекинулись черезъ горы и моря, причемъ одинъ бастіонъ этихъ стѣнъ былъ при Nisibis, а другой при Lugubalium. Римъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ не могъ сдѣлаться Тускулумъ, чѣмъ не могли сдѣлаться Аѳины: онъ сдѣлался главой міра потому, что такъ рѣшила самая форма земной поверхности.

Трудно остановиться—но мнѣ не хватило бы времени говорить о всѣхъ странахъ, о всѣхъ городахъ Греціи, Италіи, Бургундіи и Аквитаніи, Франціи и Германіи, нашего роднаго острова и той норманской страны, которая почти наша родина—о городахъ, изъ которыхъ каждый можетъ разсказать намъ свою исторію, вполнѣ понятную для насъ только тогда, когда мы услышимъ ее на мѣстѣ. Въ моемъ умѣ тѣснятся имена и воспоминанія; но мнѣ приходится устранять ихъ. Есть однако одна страна, страна, о которой я уже говорилъ въ этой лекціи и въ которой весной въ послѣднихъ числахъ апрѣля или въ первыхъ числахъ мая можно увидѣть то, чего не увидишь нигдѣ на земномъ шарѣ. Я здѣсь единственный человѣкъ, смотрѣвшій съ аѳинскаго Акрополиса на аѳинскій демосъ и слышавшій голосъ народа, требовавшаго, чтобы главенство надъ нимъ было вручено достойнѣйшему изъ его сыновъ. Я видѣлъ и слышалъ это въ тотъ день, когда Эллада рѣшила, что Константинъ Канарисъ долженъ держать бразды правленія. Демосъ былъ тутъ со своимъ древнимъ голосомъ и съ своей древней властью; но его положеніе было отлично отъ прежняго. Высказанное имъ рѣшеніе должно было ждать подтвержденія отъ государя-чужестранца. Отправимся въ весеннее утро на соборное мѣсто Гларуса или Унтервальдена, на рыночную площадь Трогена, на равнину Альтдорфа и тамъ мы увидимъ нѣчто болѣе близкое къ намъ, чѣмъ аѳинскій демосъ; тамъ мы

лицомъ къ лицу встрѣтимся съ германцами Тацита. На берегу озера четырехъ кантоновъ, передъ грандіозной массой Сенъ-Готарда мы изучимъ географію и исторію и прошлаго и настоящаго. Когда мы видимъ свободныхъ жителей Ури, собравшихся для личнаго пользованія той властью, которую большія республики и королевства отдали въ руки немногихъ избранныхъ, мы узнаемъ многое и прежде всего мы узнаемъ о значеніи силъ природы въ политической жизни страны. Невысокіе холмы при Тибрѣ рѣшили, что всемірное владычество должно быть жребіемъ Рима; поднимающіяся къ облакамъ горы при Рейссѣ рѣшили, что свобода должна быть жребіемъ Ури. Для геолога, для альпиниста «конечная причина» Альпъ можетъ несомнѣнно казаться иной, но для человѣка, видѣвшаго общину Ури «конечная причина» вѣчныхъ горъ состоитъ въ томъ, что они суть охрана вѣчной республики.

Я кончилъ свои лекціи; я изложилъ въ этомъ первомъ семестрѣ свою программу, надѣюсь, совершенно ясно,—по крайней мѣрѣ, настолько ясно, насколько я могъ. Сердечно благодарю вѣрныхъ слушателей, имѣвшихъ рѣшимость прослушать эти лекціи до конца. Я надѣюсь, что въ лѣтній семестръ этого года, если мы будемъ живы и здоровы, нѣкоторые изъ васъ рѣшатся прослушать другой курсъ, нѣсколько болѣе подробный, чѣмъ этотъ, о главныхъ періодахъ европейской исторіи; а пока я намѣренъ продолжать заниматься еще болѣе детальной работой — чтеніемъ Григорія Турскаго. Таково рѣшеніе—и я думаю, рѣшеніе разумное—немногихъ избранныхъ, слушавшихъ мои чтенія о трехъ книгахъ его исторіи Франковъ. Они требуютъ большаго, они полагаютъ, что лучше, чѣмъ приступить къ изученію другихъ авторовъ, продолжать читать его великую исторію. Я могу быть только благодарнымъ этимъ немногимъ избраннымъ, хотя могъ бы пожелать, чтобы число ихъ было больше. Я желаю этого не ради себя, потому что наши собранія были очень пріятными и, надѣюсь, не безполезными—по крайней мѣрѣ, они не были безполезными для самаго профессора. Въ моей аудиторіи были люди, читать для которыхъ было для меня честью, люди, читать для которыхъ было даже нѣсколько опасно, люди, уже изучившіе исторію, филологію и знающіе столь многое, что поэтому самому они понимаютъ, что имъ надо еще учиться. Въ моей аудиторіи были также и молодые люди, обладавшіе надлежащимъ настроеніемъ и надлежащимъ прилежаніемъ, люди, желавшіе учиться и желавшіе побудить учиться и другихъ. Тѣмъ не менѣе, я хотѣлъ бы, чтобы слушателей и того и другаго рода было побольше. Я хотѣлъ бы, чтобы къ знатокамъ исторіи присоединились и нѣкоторые изъ ея оффиціальныхъ учителей; время пролетаетъ такъ скоро, современный прогрессъ такъ сверхестественно быстръ, что сорокалѣтняя работа моего поколѣнія, можетъ быть, менѣе плодотворна, чѣмъ

шестилѣтняя работа современнаго поколѣнія; но съ другой стороны, нѣкоторые изъ людей настоящаго поколѣнія, и при томъ не худшихъ людей, думаютъ иначе. Что касается до моихъ младшихъ слушателей, то я буду предлагать имъ, хотя бы въ тысячный разъ, одинъ и тотъ же совѣтъ: не увлекайтесь, не бѣгите за призракомъ, не пытайтесь возводить зданіе безъ фундамента; если кто бы то ни было предложитъ вамъ поступать подобнымъ образомъ, если онъ предложитъ вамъ приступить къ изученію позднѣйшихъ эпохъ раньше, чѣмъ вы изучили болѣе древнія, вы знаете, что отвѣтить ему. Право выбора не отнято у васъ, вы не обязаны приступать сразу къ четвертому, пятому или къ семьдесятъ седьмому періодамъ. Повѣрьте мнѣ, что ваше изученіе можетъ начаться съ *αστυ* Афинъ и окружающихъ этотъ городъ *δημοι*, потомъ перейти къ Галльскимъ civitates, къ старо-англійскимъ marks, къ бургундскимъ communes, и къ gemeinden Южной Швабіи. Cite и Ville Лиможа, borough и forleign Уользалля, Englishry, Welshry и foreignry Кидвелли могутъ помочь вамъ рѣшить самыя современныя задачи муниципальной и парламентской жизни.

Мнѣ пришлось видѣть многія событія современной исторіи, совершившіяся, какъ на моей родинѣ, такъ и за ея предѣлами, и я всегда находилъ, что я понимаю ихъ лучше, прослѣдивъ ихъ до ихъ начала, потому что, если вы дѣйствительно желаете знать о позднѣйшихъ эпохахъ, начинайте всегда сначала. Слушайте епископа Турскаго, сенатора Оверни, такъ какъ это вѣрнѣйшій путь начать настолько близко отъ начала, насколько позволяютъ вамъ обстоятельства. Если кто-нибудь, кому вы не посмѣете возражать отъ своего имени, будетъ утверждать противное, возражайте ему отъ моего имени. Смѣю думать, что моя опытность даетъ мнѣ на это право; притомъ я не одинокъ въ этомъ отношеніи; меня поддерживаютъ совѣты и мнѣнія людей, имѣющихъ право говорить, людей, дѣйствительно добравшихся до самыхъ вершинъ знанія, неимѣющихъ пристрастія къ легкому изученію, людей, которые работали надъ гораздо позднѣйшими періодами, чѣмъ я, и потому не могутъ быть склонны черезъ чуръ низко цѣнить дѣло всей своей жизни, но которые понимаютъ, что эта работа нѣсколько отлична отъ обычнаго академическаго обученія, которые также, какъ и я, сознаютъ, что для закладки фундамента, для умственной дисциплины, избранные ими позднѣйшіе періоды пригодны менѣе, чѣмъ періоды болѣе древніе. Такіе люди просятъ меня продолжать, какъ я началъ; они просятъ меня сдѣлать все, что можно, чтобы плыть противъ теченія,—просятъ меня постараться вернуть хоть немногихъ на путь, ведущій къ искомой цѣли. Потому повѣрьте мнѣ и не вѣрьте людямъ, утверждающимъ противное. Начните съ начала; заложите фундаментъ, очистите почву и остальное придетъ само собой. Примите предла-

гаемую вамъ помощь человѣка, полагающаго, что онъ можетъ руководить вами, потому что онъ самъ прошелъ по этому пути,—человѣка, официальная обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы руководить вами, если вы захотите идти за нимъ. Профессоръ учитъ не для экзаменовъ; къ экзаменамъ онъ не имѣетъ никакого прямаго отношенія; но его обученіе не помѣшаетъ вамъ приступить къ экзаменамъ; вы можете, если захотите, выбрать первый періодъ, а не сотый,—выберите его и примите мою помощь при его изученіи.

Я не могу обѣщать вамъ дипломовъ, но я не думаю, чтобы мои лекціи помѣшали вамъ получить ихъ; во всякомъ случаѣ, я могу обѣщать вамъ нѣчто лучшее; я могу обѣщать вамъ показать путь, который приведетъ васъ, если вы сами не захотите уклоняться отъ него, въ храмъ науки. Я могу показать вамъ путь, который приведетъ васъ къ еще болѣе важнымъ результатамъ, чѣмъ даже изученіе науки,—а именно къ дисциплинѣ вашего ума.

ГЛАВНЫЕ ПЕРІОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРІИ.

ШЕСТЬ ЛЕКЦІЙ,

читанныхъ въ Оксфорскомъ университетѣ
въ 1885 году,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТЬИ

О

ГРЕЧЕСКИХЪ ГОРОДАХЪ

ПОДЪ РИМСКИМЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Къ этимъ лекціямъ, на которыя я уже указывалъ въ предисловіи къ курсу о методахъ историческаго изученія, я присоединяю вторую изъ двухъ статей напечатанныхъ въ Contemporary Review 1884 года. Первую изъ нихъ «о нѣкоторыхъ періодахъ европейской исторіи» я не перепечатываю, такъ какъ сущность ея повторяется въ этомъ курсѣ. Вторая же статья: «О греческихъ городахъ подъ римскимъ владычествомъ», излагающая подробно нѣкоторые вопросы, о которыхъ я только мелькомъ говорю въ этомъ курсѣ, можетъ служить, какъ мнѣ кажется, его дополненіемъ.

Мнѣніе о политическихъ результатахъ современныхъ научныхъ изслѣдованій, изложенное въ этихъ лекціяхъ, изложено также и въ моей Единбургской лекціи о «Greater Greece and Greater Britain», напечатанной въ Маѣ мѣсяцѣ. Это часто случается при изданіи лекцій, читанныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Мнѣ казалось, что выпустить это мѣсто изъ одной изъ этихъ книгъ, было невозможно. Что же касается до людей, которые прочли обѣ книги, то я могу сказать, что достойное вниманія положеніе можно прочитать и два раза; по крайнѣй мѣрѣ, въ сочиненіяхъ Грота я встрѣчалъ повтореніе одной и той же мысли.

Два изданныя теперь курса оксфорскихъ лекцій представляютъ введеніе къ изученію исторіи. Въ настоящемъ курсѣ я попытался сдѣлать раздѣленіе исторіи на періоды, но я признаюсь, что это раздѣленіе есть только одно изъ многихъ, какія можно сдѣлать. Другой можетъ раздѣлять исторію на періоды на основаніи другихъ принциповъ. Я самъ въ другомъ курсѣ лекцій могу дать другое раздѣленіе періодовъ исторіи; теперь же моей главнѣйшей цѣлью было установленіе въ началѣ моихъ лекцій общаго абриса событій европейской исторіи, сгрупированныхъ вокругъ центральнаго событія, Римскаго владычества. При подобной точкѣ зрѣнія главными періодами будутъ періоды развитія и паденія этого владычества, т. е. Европа до развитія могущества Рима, Европа и Римъ, какъ ея центръ въ той или другой формѣ и Европа со времени паденія Римскаго владычества. Когда будетъ сдѣланъ

такой общій абрисъ, будетъ легко наполнить его и подраздѣлить на безконечное количество частей и при томъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, напр., въ настоящее время я не имѣю въ виду говорить о политическомъ развитіи отдѣльныхъ націй; о нѣкоторыхъ частяхъ этого предмета мнѣ уже приходилось говорить въ другой формѣ, а о другихъ частяхъ, можетъ быть, придется говорить въ другихъ курсахъ оксфорскихъ лекцій; теперь же я не имѣю въ виду говорить объ этомъ предметѣ; точно также я буду говорить и о великихъ европейскихъ учрежденіяхъ лишь то, что необходимо для нашего общаго абриса. На могущество папъ можно смотрѣть съ разныхъ точекъ зрѣнія, но меня теперь оно занимаетъ только какъ величайшее изъ переживаній могущества Рима. Точно также на французскую революцію можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія; но въ настоящее время меня она интересуетъ только какъ событіе, уничтожившее послѣдніе остатки римской традиціи и какъ попытка установить самое замѣчательное изъ сознательныхъ подражаній Римскаго владычества. Я говорю это затѣмъ, чтобы ни одинъ читатель не былъ разочарованъ, если онъ не найдетъ въ моихъ лекціяхъ не только философскаго обсужденія всей европейской исторіи, а даже общаго изложенія ея событій. Я имѣю въ виду только дать кадръ, который можетъ быть пополненъ впослѣдствіи мной самимъ или другими.

Эти два вводные курса представляютъ плодъ моей профессорской дѣятельности въ первый годъ моей службы 1884 и 1885 г. Кромѣ нихъ мы занимались подробнымъ изученіемъ Григорія Турскаго и Павла Діакона; во второмъ году 1885 и 1886 кромѣ изученія текстовъ я читалъ болѣе подробныя лекціи объ исторіи тевтонскихъ народовъ въ Галліи. Эти лекціи я не намѣреваюсь издавать; если я проживу еще нѣкоторое время, я надѣюсь перейти къ своимъ прежнимъ занятіямъ, къ исторіи тевтонскихъ поселеній въ Британіи.

Невозможно понять исторіи Галліи и исторіи Британіи въ V вѣкѣ послѣ Р. Х., а стало быть и всей позднѣйшей исторіи этихъ двухъ странъ безъ сравненія ихъ другъ съ другомъ. Говоря о готахъ, бургундцахъ и франкахъ нужно постоянно имѣть въ виду сравненія съ англами, саксонцами и ютами. Свѣдѣнія объ исторіи Галліи составляютъ лучшее средство разъяснить мракъ окутывающій исторію Британіи.

Этотъ вопросъ вводитъ насъ въ спорную область. Я полагаю, что ученіе, за которое я такъ долго боролся, ученіе, изложенное мной въ краткой формулѣ, что мы, англичане, суть англичане, а не что нибудь другое, теперь очень часто считается совершенно опровергнутымъ. Только немногіе старомодные люди, вродѣ меня, считаютъ возможнымъ защищать это ученіе. Но чѣмъ больше я занимаюсь этимъ вопросомъ, тѣмъ больше начинаю думать, что наши противники никогда не сопоставляютъ условій и слѣдствій тевтонскихъ поселеній въ Британіи съ условіями и слѣдствіями гораздо лучше изученныхъ тевтонскихъ поселеній въ Галліи— а въ этомъ и состоитъ вся сущность дѣла. Говоря объ историческихъ явле-

ніяхъ Галліи я всегда имѣлъ въ виду историческія явленія въ Британіи и надѣюсь, что когда мнѣ удастся разработать мои матеріалы, я въ яркомъ свѣтѣ выставлю контрастъ между ними. Настоящія лекціи, я надѣюсь, до нѣкоторой степени уяснятъ этотъ вопросъ; но вполнѣ онъ уяснится только тогда, когда я буду говорить спеціально объ этомъ предметѣ; а пока я только замѣчу для поученія людей, слышавшихъ какъ мнѣ приписываются утвержденія, которыя навѣрно они не встрѣтятъ въ моихъ сочиненіяхъ, что я нигдѣ не говорилъ, будто всѣ британцы были перебиты даже въ тѣхъ частяхъ Британіи, которыя сдѣлались вполнѣ тевтонскими. Я думаю, что всякій, кто прочиталъ Григорія и Бэду, кто сравнивалъ карту Галліи съ картой Британіи, кто думалъ объ исторіи французскаго и англійскаго языковъ (не мѣшаетъ подумать также и объ исторіи валисскаго языка), можетъ придти къ заключенію, что ученіе о томъ, что англичане прежде всего англичане не такъ ужъ не основательно.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Европа до римскаго владычества.

Въ своемъ первомъ курсѣ публичныхъ лекцій я говорилъ вообще о сущности историческаго изученія, о родственныхъ исторіи наукахъ, о затрудненіяхъ, которыя приходится преодолѣвать человѣку, изучающему исторію и о лучшихъ средствахъ для преодолѣнія этихъ затрудненій. Я говорилъ о сущности доказательствъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло при изысканіи историческихъ истинъ и о сущности свидѣтельствъ, на которыхъ основываются эти доказательства. Въ слѣдующихъ курсахъ я надѣюсь примѣнить изложенные мной принципы къ изученію нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ историческихъ періодовъ; мы уже рѣшили, что нашимъ спеціальнымъ занятіемъ будутъ эпохи, начинающіяся съ того времени, когда тевтонскіе и славянскіе народы впервые начали играть главную роль въ великой драмѣ исторіи Запада. Настоящій курсъ моихъ лекцій занимаетъ мѣсто, посредствующее между упомянутыми двумя курсами, и будетъ служить соединяющимъ ихъ звеномъ. Изложивъ общія правила нашего изученія, и имѣя въ виду въ послѣдствіи перейти къ болѣе подробному изученію исторіи нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ странъ и эпохъ, мы можемъ раздѣлить, насколько это возможно, исторію человѣчества на нѣсколько большихъ и рѣзко опредѣленныхъ періодовъ. Въ первомъ своемъ курсѣ, обозрѣвая весь предметъ, я не считалъ для себя обязательнымъ держаться въ какихъ либо искуственныхъ границахъ. Говоря о доказательствахъ и объ источникахъ, я бралъ свои примѣры, какъ изъ вѣковъ предшествовавшихъ нашей эрѣ, такъ изъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за ней. Въ этомъ курсѣ своихъ лекцій я долженъ производить еще болѣе прямыя и открытыя вторженія въ области изученія моихъ сотоварищей. Исторія тевтонъ и славянъ съ того времени, когда эти народы стали впереди всѣхъ другихъ народовъ въ IV, V, VI и VII вѣкахъ нашей эры была бы непонятна,

если бы мы не попытались дать по крайней мѣрѣ общую картину стараго міра, въ который они вторглись, и хода событій, давшихъ этому міру ту форму, какую онъ имѣлъ во время ихъ вторженія. Но мое пребываніе въ чужихъ областяхъ знанія будетъ непродолжительнымъ. Мнѣ придется отступить дальше избранной мной границы всего только на тысячу лѣтъ и я всегда съ удовольствіемъ приму моихъ сотоварищей, если имъ вздумается отдать мнѣ визитъ въ моей области знанія. Если я хочу идти съ ними рука въ руку въ ихъ странствованіи по вѣкамъ, протекшимъ между первой Олимпіадой и великимъ тевтонскимъ завоеваніемъ Галліи, то я приглашаю и ихъ въ свою очередь пройтись со мной рука въ руку при моемъ странствованіи по вѣкамъ, протекшимъ отъ тевтонскаго завоеванія Галліи до завоеванія Трапезунда Оттоманами. Въ послѣдующемъ курсѣ своихъ лекцій я не буду производить даже такихъ незначительныхъ вторженій въ чужія области; тогда мы переправимся черезъ Рейнъ и проливъ вмѣстѣ въ Вандалами и Саксонцами V вѣка—и если намъ и нужно будетъ оглянуться на Арминія и Аріовиста, если намъ и нужно будетъ припомнить, что люди нашего племени дрались противъ Кая Юлія и Кая Марія, то мы снова можемъ пригласить нашихъ сотоварищей войти въ нашу область и увѣрить ихъ, что мы считаемъ ихъ совершенно на мѣстѣ не только въ Римѣ Западномъ и Восточномъ, но и въ Aquae Grani французскихъ цезарей и въ Іерусалимѣ Лотарингскихъ королей.

Существуетъ одно положеніе, на которомъ мнѣ нѣтъ надобности настаивать, такъ какъ я настаивалъ на немъ слишкомъ часто, но на которомъ тѣмъ не менѣе я настаиваю каждый разъ когда вхожу на эту кафадру, потому что оно составляетъ основу всякаго здраваго изученія исторіи. Это положеніе состоитъ въ томъ, что центръ нашихъ изслѣдованій, цѣль всѣхъ нашихъ мыслей, пунктъ, къ которому ведутъ всѣ дороги, и отъ котораго ведутъ всѣ дороги, находится въ Римѣ и его всемірномъ могуществѣ. Я уже говорилъ вамъ въ первый разъ, какъ вошелъ на эту кафедру, что одно изъ величайшихъ бѣдствій, происходящихъ отъ искуственныхъ отличій, проводимыхъ тамъ, гдѣ не имѣется отличій естественныхъ, отъ формальныхъ раздѣленій, дѣлаемыхъ нами тамъ, гдѣ нѣтъ фактическихъ раздѣленій, состояло въ томъ, что эта самая великая и самая простая изъ историческихъ истинъ была совершенно забыта. Человѣкъ, кончающій свое изученіе 476-мъ годомъ и человѣкъ, начинающій свое изученіе этимъ годомъ, не могутъ никогда понять не умирающей жизненности Рима во всей ея полнотѣ, не могутъ понять значенія обычнаго названія Рима «вѣчнымъ городомъ» и никто, кромѣ людей, вполнѣ уяснившихъ себѣ значенія Рима во всемірной исторіи, не можетъ вполнѣ понять самаго важнаго историческаго факта нашего времени. Мы живемъ въ вѣкѣ, когда Римъ изчезъ или по край-

нѣй мѣрѣ, потерялъ свое главенство и этотъ міръ безъ Рима, этотъ міръ, изъ котораго Римъ исчезъ, представляется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ возвращеніемъ къ старому міру, когда Рима еще не было. Въ обоихъ этихъ мірахъ у Европы нѣтъ центра, въ обоихъ каждая нація дѣлаетъ то, что считаетъ сама справедливымъ, даже не думая о возможности существованія контролирующей власти. Болѣе подробное проведеніе этой аналогіи я сдѣлаю въ послѣдней лекціи этого курса, а теперь я раздѣлю свой предметъ на три большія и опредѣленные періода. Первый періодъ это исторія Европы до владычества Рима; второй —исторія Европы подъ владычествомъ Рима, хотя бы это владычество было иногда спорнымъ и неполнымъ и наконецъ третій періодъ — исторія Европы съ того времени, когда владычество Рима совершенно изчезло. Въ настоящей лекціи я намѣренъ дать краткій очеркъ исторіи перваго періода и опредѣлить его настоящее отношеніе къ періодамъ послѣдующимъ.

Съ извѣстной точки зрѣнія всѣ эти періоды составляютъ единое цѣлое; существуетъ связь, соединяющая ихъ—на арійской Европѣ во всѣхъ фазахъ ея развитія: до Рима, при Римѣ и послѣ Рима, лежала одна и таже постоянная обязанность. Съ самаго начала записанной исторіи и даже въ доисторическія эпохи одинъ «вопросъ» говоря обычнымъ языкомъ нашихъ газетъ «ожидаетъ своего рѣшенія»; это вопросъ, которому легкомысленныя насмѣшники дали эпитетъ «вѣчнаго». Это «вѣчный восточный вопросъ», не умирающій вопросъ о борьбѣ между цивилизаціей Запада и варварствомъ Востока, о борьбѣ, принимавшей время отъ время второстепенныя формы борьбы между свободой и рабствомъ, между христіанствомъ и исламомъ, но остающійся по своей сущности старой борьбой, значеніе древнихъ фазъ развитія которой было столь хорошо понято Геродотомъ. Это очень старая борьба между Востокомъ и Западомъ. Въ этомъ «вѣчномъ» вопросѣ, въ этой постоянной борьбѣ, играли извѣстную роль и люди «вѣчнаго» города»: Сципіонъ и Сулла, Троянъ и Юліанъ; но она велась и раньше ихъ и послѣ ихъ; она велась и въ дни Агамемнона и Ахилеса и въ дни Кондрингтона и Скоболева. Во всѣ вѣка сначала до конца, и раньше того времени когда роль борца на Западѣ перешла къ Риму и послѣ того времени, когда Римъ лишился этой роли, на арійской Европѣ и на отдѣльныхъ ея государствахъ лежали двѣ великія и постоянныя обязанности. Они были призваны къ развитію въ своихъ собственныхъ предѣлахъ общихъ учрежденій великой арійской семьи; они были призваны также къ защитѣ этихъ предѣловъ и этихъ учрежденій противъ вторженія варваровъ извнѣ.

При началѣ нашего историческаго поприща эта двойная обязанность лежала на небольшой отрасли европейской семьи, а именно на той отрасли, которая жила ближе всѣхъ къ враждебнымъ странамъ. Не безъ причины европейскія страны, ближайшія къ Азіи (мы мо-

жемъ прибавить и азіатскія страны, которыя съ исторической точки зрѣнія были частями Европы), по своимъ физическимъ свойствамъ представляются наиболѣе европейскими изъ всѣхъ странъ Европы. Европа есть аггрегатъ острововъ, полуострововъ и внутреннихъ морей; страны вокругъ Эгейскаго моря, какъ азіатскія, такъ и европейскія его берега, еще болѣе, чѣмъ какая нибудь другая часть Европы или всего міра, представляютъ аггрегаты острововъ, полуострововъ и внутреннихъ морей. Греческая земля была создана для ея населенія и греческій народъ былъ созданъ для этой земли. Я припоминаю изреченіе одного моего предшественника, что ни Греки въ какой нибудь другой сторонѣ, ни какой нибудь другой народъ въ Греціи не могли бы быть тѣмъ, чѣмъ были въ дѣйствительности Греки въ Греціи. Миссія грѣческой расы состояла въ томъ, чтобы быть учителемъ, свѣточемъ, маякомъ человѣчества, но не его повелителемъ. Эта раса показала, чѣмъ можетъ быть человѣкъ, въ небольшой странѣ и втеченіи незначительнаго періода времени. Она довела развитіе всѣхъ способностей человѣчества до высочайшей ихъ степени; она дала образцы всѣхъ формъ политическаго строя и всѣхъ формъ умственной жизни; она довела до совершенства и передала будущимъ вѣкамъ совершеннѣйшія формы человѣческой рѣчи, живое знаніе которыхъ и теперь еще составляетъ одинъ изъ лучшихъ признаковъ высшей культуры. Грецiя должна была сдѣлаться властительницей міра въ томъ смыслѣ, что она была его интеллектуальнымъ учителемъ; но она не сдѣлалась его властительницей въ томъ смыслѣ, въ какомъ эта роль пала на долю другаго великаго полуострова южной Европы. Какъ ни было глубоко и прочно вліяніе древней Греціи въ послѣдующихъ вѣкахъ—это вліяніе не было прямымъ. Это было вліяніе примѣра, поученія и предупрежденія, а не вліяніе прямой причины и слѣдствія. Міръ не могъ бы никогда быть такимъ, какимъ онъ есть, если бы люди древней Эллады не существовали, не боролись, не мыслили и не пѣли. Но такое утвержденіе имѣетъ смыслъ совершенно отличный отъ утвержденія, что міръ не былъ бы такимъ, каковъ онъ есть, если бы люди древняго Рима не существовали, не боролись и не управляли народами и не судили ихъ. Мы должны, конечно, признать утѣшительной и облагораживающей ту мысль, что эти люди Эллады были родственнымъ намъ народомъ, что они принадлежали къ одной съ нами великой семьѣ, что ихъ учрежденія и рѣчь были только иными и древнѣйшими формами нашихъ учрежденій и нашей рѣчи. Древнія легенды Греціи и Англіи имѣютъ для насъ особую прелесть, когда мы видимъ на *Агорѣ* передъ Иліономъ тѣже самые собранія, почти съ тѣми же самыми формами, какъ и на Marzfeld подъ стѣнами Реймса и на Gemot подъ стѣнами Лондона. Мы чувствуемъ себя какъ дома и въ томъ и въ другомъ изъ этихъ вѣковъ, когда мы видимъ, что ἑταῖροι,

Θεραποντες, дравшіеся вокругъ Ахиллеса, снова появляются въ лицѣ нашихъ собственныхъ вѣрныхъ Gesidas и Pegnas, въ лицѣ Лиллы, пожертвовавшаго своей жизней за Эдвина, въ лицѣ людей, умершихъ, какъ подобало умереть Тегнамъ, у трупа Брайтнота при Мальдонѣ. Тѣмъ не менѣе все это только сходство, примѣръ, аналогія, при которыхъ мы имѣемъ дѣло не съ предками, а только съ нашими старшими братьями. Законы Ликурга и Солона исчезли, законы же Сервія и Юстиніана сохранились. Имперія Микенъ, афинская демократія, ахейскій союзъ—все это прошлое, тогда какъ, если римская имперія теперь и не представляется настоящимъ, если она и изчезла, если она умерла и погребена, то все-таки нужно помнить, что живы люди, видѣвшіе ея погребеніе. Я самъ не настолько старъ, чтобы видѣть это погребеніе, но я видѣлъ, какъ нѣкоторые смутились, когда я сказалъ имъ, что я жилъ въ теченіи 12 лѣтъ одновременно съ человѣкомъ, бывшимъ когда-то римскимъ императоромъ.

Время до начала владычества Рима можетъ считаться въ нѣкоторомъ родѣ предисловіемъ къ тому, послѣдняя страница котораго еще не написана, или портикомъ зданія, къ которому архитекторъ можетъ прибавить что-нибудь или отъ котораго онъ можетъ что-нибудь убавить; только при появленіи Рима начинается сама книга, только Римъ первый устроилъ обитаемыя комнаты дома. Можно даже сказать, что исторія времени до Рима есть краткое и блестящее изложеніе всего того, что могло сдѣлать и сдѣлало человѣчество. Исторія Эллады показываетъ намъ высокій идеалъ человѣческихъ способностей, указывающій міру, чѣмъ можетъ быть человѣкъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ доказывающій, что такимъ онъ не можетъ быть очень долго. Въ этомъ состоитъ высшая слава Греціи, въ этомъ состоитъ высшее значеніе ея языка и исторіи, какъ лучшихъ средствъ развитія человѣческаго ума. Никакое другое изученіе не ведетъ настолько къ возвышенію духа и къ дисциплинѣ ума, какъ изученіе языка и исторіи Греціи. Ни при какомъ другомъ изученіи мы не можемъ провести столь опредѣленной разграничительной линіи между людьми, прошедшими черезъ облагораживающее горнило этого безсмертнаго изученія и не посвященными варварами (иногда добровольными). Когда мы изучаемъ языкъ, законы, исторію нашего народа, какого-нибудь родственнаго намъ народа или народа, который и теперь еще господствуетъ надъ нами, мы занимаемся нашей собственной работой, обыденнымъ трудомъ ежедневной жизни. Такое занятіе есть занятіе дѣловое, такъ сказать, занятіе профессіональное; но когда мы занимаемся изученіемъ языка, законовъ и исторіи Эллады, мы начинаемъ дышать болѣе чистымъ воздухомъ; мы поднимаемся настолько выше обыденной нашей жизни, насколько Олимпъ выше холмовъ Альбы. Мы изучаемъ языкъ Лаціума, потому

что онъ и теперь еще до нѣкоторой степени есть языкъ практической жизни, потому что онъ и теперь еще составляетъ существенную часть нашего законодательства, нашей исторіи, нашей обыденной жизни. Языкъ же Эллады мы изучаемъ, какъ первую и благороднѣйшую форму человѣческой рѣчи, какъ языкъ, породившій величайшія образцовыя произведенія во всѣхъ отрасляхъ литературы, познакомиться съ которыми могутъ только люди, умѣющіе прочитать въ подлинникѣ слова поэта, оратора и философа. Эти образцовыя произведенія не поддаются переводу на другіе болѣе грубые языки. Послѣ долгихъ лѣтъ изученія, намъ не придется жалѣть о тѣхъ дняхъ, когда мы знакомились съ этими безсмертными произведеніями. Разсказъ объ Иліонѣ и Итакѣ, это древнее наслѣдіе всего человѣчества, эти древнія картины обще-человѣческой жизни, вѣчно живы и вѣчно свѣжи. Мы можемъ только сожалѣть о судьбѣ людей, которые по своей или по чужой винѣ не познакомились съ ними.

Такимъ образомъ, начала европейской исчоріи или, вѣрнѣе сказать, начала пролога непрерывной европейской исторіи, мы должны искать на границахъ Европы и Азіи, на островахъ и полуостровахъ Эгейскаго моря. Въ настоящее время, я говорю объ исторіи въ узкомъ смыслѣ этого слова, о непрерывной политической исторіи человѣчества. О народахъ, стоящихъ внѣ предѣловъ этого великаго политическаго общества, сколь бы древнимъ ни было ихъ могущество, сколь бы замѣчательными ни было ихъ дѣянія, мы будемъ говорить только тогда, когда они входятъ въ соприкосновеніе съ этимъ политическимъ обществомъ. Однимъ словомъ, мы начнемъ съ достовѣрной исторіи Греціи, съ первой Олимпіады, какъ условной даты, хотя не будемъ забывать и эпохъ, предшествовавшихъ этой датѣ. Я настаиваю на датѣ, предложенной мной во вступительной лекціи; въ этомъ отношеніи я навѣрное встрѣчу довольно странное возраженіе отъ одного изъ моихъ критиковъ. Мнѣ сказали, что начиная съ первой Олимпіады, я вычеркиваю всю магометанскую исторію; стало быть есть люди, полагающіе, что вся магометанская исторія совершилась до первой Олимпіады. «Felices errore suo». Я могу только отъ души пожелать, чтобы это было такъ, чтобы Оттоманъ былъ дѣйствительно явленіемъ давно прошедшимъ и погребеннымъ; но я боюсь, что— начавъ съ 776 года до Р. Х., даже съ мистическаго 476 года послѣ Р. Х., мы все-таки будемъ имѣть дѣло со всей магометанской исторіей и что намъ постоянно придется возвращаться къ ней. Съ самаго начала мы имѣемъ дѣло съ государствами, занимавшими въ мірѣ тоже самое мѣсто, какое въ послѣдующія времена занимали государства магометанскія; и противъ нихъ наши старшіе братья должны были вести туже борьбу, какая ведется и теперь. Въ этихъ лекціяхъ я не имѣю

въ виду заниматься гипотезами относительно происхожденія древнихъ поселеній и древнѣйшихъ формъ рѣчи народа Эллады. Это дѣло я съ удовольствіемъ представляю своему сотоварищу по каѳедрѣ исторіи; я буду имѣть дѣло съ грекомъ, когда онъ появился на историческое поприще, какъ первый боецъ великаго дѣла, ведущій борьбу противъ достойныхъ соперниковъ. Изъ среды варваровъ одинъ народъ имѣетъ нѣкоторое право быть поставленнымъ на ряду и признаннымъ почти равнымъ съ обитателями Эллады. Въ обитателяхъ Ханаана обитатели Эллады должны были признать соперниковъ, бывшихъ ихъ предшественниками и до нѣкоторей степени учителями. У Греціи были корабли, колоніи и торговля; но у Финикіи въ еще болѣе древнее время были также корабли, колоніи и торговля. Изъ самыхъ дравнихъ изображеній Эллинской жизни мы видимъ, насколько Финикіяне были выше древнихъ Грековъ во всѣхъ отрасляхъ искусства. Не говоря уже о чемъ либо другомъ, мы должны помнить, что Эллины выучились у Финикіанъ записывать человѣческія мысли на камнѣ, на мѣдныхъ или деревянныхъ дощечкахъ, на египетскомъ папирусѣ и на пергамскихъ кожахъ. Политическая жизнь Греціи принадлежала ей самой; она не была заимствована ей у Тира или у Сидона; но Тиръ и Сидонъ и могущественный Карѳагенъ, учрежденія котораго изучалъ Аристотель, имѣли свою собственную политическую жизнь, дѣлавшую ихъ гораздо ближе къ Грекамъ, чѣмъ какой нибудь другой изъ не арійскихъ народовъ. Но если мы и должны допустить, что люди Ханаана были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ учителями людей Эллады, мы всетаки должны помнить, что Эллины, а не Хананеяне были призваны сдѣлаться учителями міра. Замѣчательно, что народъ, давшій Греціи искусство письма, не оставилъ намъ писанныхъ документовъ, по которымъ мы могли бы познакомиться съ мышленіемъ и дѣяніями этого изчезнувшаго міра. Замѣчательно то обстоятельство, что значительная часть дѣяній Финикіянъ разсказана намъ ихъ греческими и римскими врагами, что языкъ финикіянъ, можно сказать, дошелъ до нашего времени въ формѣ языка родственныхъ имъ евреевъ и что тѣмъ не менѣе прямыми памятниками столь великаго народа служатъ только нѣсколько монетъ, нѣсколько надписей, нѣсколько развалинъ городовъ, бывшихъ когда-то величайшими изъ городовъ земнаго шара.

Такимъ образомъ наша исторія начинается съ исторіи Грековъ, въ то время жившихъ еще на своихъ островахъ и полуостровахъ. Для нашихъ цѣлей не зачѣмъ знать, какъ и откуда они пришли въ эту страну, намъ не зачѣмъ знать о степени ихъ родства по крови и по языку съ другими окружающими ихъ народами. Для насъ достаточно знать, что Греки не были совершенно изолированнымъ народомъ, что они не только принадлежали къ великой арійской семьѣ, но были передовымъ народомъ среди группы народовъ связанныхъ

съ ними узами болѣе тѣсными, чѣмъ узы, соединяющія всѣ другія отрасли великой семьи. Мы можемъ предоставить другимъ изслѣдователямъ опредѣленіе степени родства между Греками и Фракійцами или Фригійцами. Для насъ достаточно сказать, что между ними существовало общее арійское родство и повидимому еще нѣчто большее. Одинъ изъ главныхъ историческихъ фактовъ состоитъ въ томъ, что Греція на Сѣверной своей границѣ, на противуположныхъ берегахъ Азіи, а также на противуположныхъ берегахъ Италіи и Сициліи имѣла дѣло съ народами, бывшими еще болѣе близкими къ ней, по крайнѣй мѣрѣ, съ исторической точки зрѣнія. Эти народы обладали способностью усвоенія греческихъ обычаевъ, способностью сдѣлаться греками, если не какъ родные дѣти Греціи, то какъ ея пріемные дѣти. Различіе между Греками и Эпиротами въ древнѣйшую эпоху греческой исторіи было очень незначительнымъ, потомъ оно дѣлается все болѣе и болѣе опредѣленнымъ. Послѣ положеніе дѣлъ измѣняется: Эпироты, народъ древней Эллады, хранители самыхъ древнихъ изъ эллинскихъ оракуловъ, внезапно проявляютъ свои старыя эллинскія свойства. Пиртъ ведетъ войну на Западѣ какъ боецъ за Элладу и королевство Пирра переходитъ въ концѣ концовъ въ благоустроенный греческій союзъ.

То же было и въ Македоніи, и въ Сициліи, и въ великой Греціи въ Италіи. Всѣ эти страны дѣлались на болѣе или менѣе продолжительное время совершенно такою же частью греческаго міра, какъ и Аттика или Пелопонезъ. Греческая колонизація и македонское завоеваніе, каждое въ свою очередь, играли извѣстную роль въ этомъ дѣлѣ и въ нѣкоторыхъ странахъ имъ помогало дѣйствительное хотя и безсознательное родство туземцевъ съ колонистами и завоевателями. Всякая колонизація, всякое завоеваніе не только давали новыя земли греческимъ поселенцамъ, но и увеличивали греческую націю въ широкомъ смыслѣ этого слова, присоединяя къ ней народы, дѣлавшіеся греками; и въ нѣкоторыхъ случаевъ дѣло такого превращенія туземцовъ въ грековъ облегчалось существованіемъ древнихъ связей, о которыхъ не думали раньше ни туземцы, ни греки. Впослѣдствіи, въ тѣ дни, когда греческое вліяніе было широко распространеннымъ въ странахъ на берегахъ Средиземнаго моря, было легко опредѣлить постепенное ослабленіе греческаго элемента. Центромъ его была сама Эллада, далѣе идутъ колоніи старой Эллады, эти, такъ сказать, оторвавшіеся куски эллинской земли, перенесенные на чужіе берега, дальше родственныя земли, населеніе которыхъ приняло совершенно эллинскіе обычаи, за ними находились королевства, управляемые македонскими государями, гдѣ въ странахъ, получившихъ только внѣшній лоскъ эллинской культуры, были построены немногіе большіе города, которые можно назвать греческими, наконецъ за этими странами лежали варварскія земли, госу-

дари которыхъ, также какъ и наши современные варварскіе государи, усвоили греческую рѣчь и греческую культуру, причемъ стремленія этихъ государей не имѣли дѣйствительнаго вліянія на ихъ подданныхъ, такъ что эти земли нельзя считать частію греческаго міра. Таковы были Парѳія и Понтъ. Имѣемъ ли мы право присоединить къ этимъ государствамъ Востока могущественную республику Запада, бывшую въ глазахъ Грековъ столь же варварской, какъ и эти восточные государства? Для всемірной исторіи чрезвычайно важно опредѣлить, насколько Римъ сдѣлался греческимъ и насколько онъ отказывался сдѣлаться таковымъ. Относящіеся сюда факты принадлежатъ, собственно говоря, къ позднѣйшему времени; тѣмъ не менѣе они до нѣкоторой степени составляютъ часть занимающаго насъ теперь вопроса. Римъ, постепенно подчинившій греческія земли сначала своему вліянію, а потомъ своей власти, былъ республикой, уже вошедшей въ магическій кругъ эллинскаго вліянія. Удерживая свою неприкосновенность, удерживая самую сущность національной жизни, оставаясь римскимъ по своимъ политическимъ учрежденіямъ, по своему законодательству и управленію, онъ сдѣлался греческимъ по своей умственной жизни. Мало этого, Римъ также какъ и Македонія, сдѣлался ученикомъ Греціи, вербовавшей для нея новыхъ учениковъ. Вездѣ, куда доходило политическое вліяніе Рима, въ большей или меньшей степени распространилась греческая интеллектуальная жизнь.

Собственно говоря, исторія Европы до римскаго владычества есть исторія стадій пріобрѣтенія греческимъ мышленіемъ власти въ предѣлахъ цивилизованнаго міра и до нѣкоторой степени даже и за его предѣлами. Въ большій кругъ этой власти греческаго мышленія входитъ и меньшій кругъ политической власти государствъ, бывшихъ греческими съ самаго начала или сдѣлавшихся греческими впослѣдствіи; владычество греческаго мышленія никогда не прекращалось, оно сохранилось и до сихъ поръ.

Умственное владычество грековъ представляетъ одну сторону современнаго міра. Развитіе политическаго могущества Греціи произвело менѣе значительные, но тѣмъ не менѣе достаточно важные результаты, такъ какъ оно образовало одну изъ націй современнаго міра. Современная греческая нація (понимая подъ этимъ терминомъ не однихъ только жителей настоящаго греческаго королевства или древней Эллады) есть результатъ древней греческой колонизаціи и македонскаго завоеванія; я давно уже говорилъ, что Александръ былъ основателемъ современной греческой націи и продолжаю утверждать это и теперь. Можетъ показаться, что подобное утвержденіе исключаетъ дѣятельность древней греческой колонизаціи, въ особенности въ Сициліи и южной Италіи, которыя, какъ мы уже говорили, постепенно сдѣлались греческими. Но дѣло въ томъ, что греческая колонизація нигдѣ не была прочной; она оставила свои слѣды только

въ тѣхъ странахъ, гдѣ была поддержана и укрѣплена македонскимъ завоеваніемъ. Это позволяетъ намъ опредѣлить границы странъ, на вѣки сдѣлавшихся греческими. Такой границей было Адріатическое море; къ Западу отъ него греческая жизнь исчезла, далекія греческія колоніи въ Галліи и Испаніи, какъ глубоко и сильно ни было ихъ вліяніе на Галлію, перестали быть греческими задолго до появленія великихъ націй современной эпохи. Даже южная Италія и Сицилія, гдѣ греческая жизнь поддерживалась постоянными сношеніями съ греческимъ Римомъ на Босфорѣ, черезъ нѣсколько вѣковъ перестали быть греческими. Страны, гдѣ цѣлый рядъ пришельцовъ, послѣднимъ и самымъ великимъ изъ которыхъ былъ Пирръ, тщетно старались установить владычество западныхъ грековъ, отнали отъ греческаго міра. Но, дѣло котораго не могъ совершить Александръ Эпира на Западѣ, было совершено на Востокѣ его знаменитымъ племянникомъ и тезкой. Если значительная часть завоеваній Александра и была утрачена, то другая тоже значительная часть ихъ сохранилась. Дѣятельность Александра и Селевка на долгое время сдѣлала мѣстность между Эвфратомъ и Тибромъ постоянной границей европейскаго владычества. Она же сдѣлала Тавръ, границу первыхъ завоеваній Александра въ Азіи, еще болѣе постоянной границей европейской жизни. Мнѣ уже приходилось указывать и раньше, и я долженъ снова указать на то, что современныя границы греческой націи совпадаютъ съ предѣлами древней греческой колонизаціи къ Востоку отъ Адріатическаго моря. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти предѣлы расширялись, въ другихъ они съуживались; но вообще то они оставались приблизительно одинаковыми. Эти предѣлы, какъ во времена древности, такъ и въ настоящне время, опредѣлялись геніемъ народа. Нигдѣ внѣ древней Эллады греческій народъ не распространялся отъ моря до моря. Въ большей части Восточной Европы и Западной Азіи грекъ есть представитель Европейской цивилизованной жизни на морскомъ берегу. Теперь также, какъ и во времена Гомера, греческій міръ есть міръ полуострововъ и острововъ.

Нашъ обзоръ европейской исторіи до римскаго владычества долженъ начаться, какъ мы говорили въ первомъ курсѣ нашихъ лекцій, съ дней Гомера. Для всѣхъ, имѣющихъ широкіе историческіе взгляды и понимающихъ сущность историческихъ доказательствъ, поэмы Гомера, эти Domesday-book имперіи Микенъ. представляются совершенно достовѣрными, хотя они и могутъ смущать людей, устремившихъ все свое вниманіе на изученіе двухъ или трехъ произвольно избранныхъ вѣковъ. Мы раньше говорили, что эти поэмы представляютъ лучшій примѣръ общаго правила: «Credo quia impossibile est». Въ нихъ мы видимъ, что населеніе нѣсколькихъ острововъ и Аргоса уже тогда было занято «вѣчнимъ вопросомъ». Геродотъ, понимавшій значеніе всемірной исторіи лучше многихъ современныхъ ди-

пломатовъ, можетъ указать вамъ, хотя, конечно, и въ миѳической формѣ, на еще болѣе древнюю стадію развитія этого вопроса. Не особенно важно знать, существовалъ ли когда нибудь Агамемнонъ и Одисей; гораздо важнѣе то обстоятельство, что Альфредъ, знакомый съ отношеніями суверена къ вассальнымъ государямъ, могъ понять отношеніе Улисса, владѣвшаго двумя царствами къ «Casere», Агамемнону, вассаломъ котораго за эти королевства онъ былъ. Этотъ Casere, царь царей, *βασιλευτερος* среди множества *βασιλης*, уже въ то время исполнялъ миссію Траяна или Фридриха; онъ уже въ то время боролся на берегахъ Азіи за Европу. Работа греческой колонизаціи уже началась. Критъ, который черезъ много вѣковъ позже нужно было отбивать отъ сарацинъ, былъ уже въ то время отнятъ у Финикіянъ. Родосъ уже сдѣлался эллинскимъ и въ позднѣйшее время могущество Антигона и могущество Магомета разбились подъ его стѣнами. Южный берегъ Азіи оставался еще незанятымъ Греками; Милетъ былъ еще варварскимъ городомъ, но Ахиллесъ уже пріобрѣлъ Лесбосъ, а на материкѣ шла дѣятельность, которая должна была сдѣлать берега Гелеспонта и Пропонтиды передовыми постами Греціи и Европы, сдѣлать ихъ страной, бывшей потомъ свидѣтельницей первыхъ подвиговъ первыхъ крестоносцевъ и возрожденія Восточнаго Рима подъ твердымъ управленіемъ никейскихъ императоровъ. Какого бы мнѣнія мы не держались относительно подробностей, встрѣчаемыхъ нами въ поэмахъ Гомера, несомнѣнно, что въ нихъ мы имѣемъ не только первую картину арійскаго общества въ мирное и военное время, но и первый разсказъ, хотя и въ поэтической формѣ, объ одной изъ стадій великой борьбы, сдѣлавшей варварскій полуостровъ Азіи твердой опорой греческой рѣчи и римскаго закона, державшейся въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ противъ непрестанныхъ вторженій арабскихъ завоевателей. Къ Западу и Сѣверу нашъ горизонтъ съуживается. Ни одинъ колонистъ изъ Аргоса и сосѣднихъ къ нему острововъ еще не появляется въ Италіи или Сициліи; Акарнанія еще составляетъ часть весьма неопредѣленнаго *континента*, неопредѣленнаго «Epeiros»; Коркира пока еще сказочная страна, въ которой не появляется ни одинъ поселенецъ изъ Коринѳа; но уже имѣются признаки, указывающіе на родство народовъ съ обѣихъ сторонъ Іонійскаго моря. Народъ Sikel обитаетъ на обѣихъ его берегахъ, мы даже имѣемъ упоминаніе о еще болѣе таинственномъ народѣ, Sican. Сѣверный берегъ Эгейскаго моря уже извѣстенъ, но онъ еще не Эллинскій; онъ отправляетъ своихъ воиновъ въ Азію, чтобы бороться противъ грековъ. Далѣе къ сѣверу и къ западу все представляется чудеснымъ и таинственнымъ; поэтъ также не имѣлъ никакихъ представленій о положеніи Рима, какъ и о положеніи Лондона. Взоры еще находившейся въ дѣтствѣ Греціи устремлены только на востокъ; до нея уже дошли смутные слухи о чудесахъ рѣчной

страны, Египта. Сидонцы уже посѣщаютъ Грецію, торгуютъ съ ней и дѣлаются въ нѣкоторомъ родѣ ея учителями, но хитрые сыны Ханаана слишконъ благоразумны, чтобы разсказывать о западныхъ странахъ и западныхъ моряхъ все, что имъ было извѣстно. Золото Тартесса еще принадлежитъ только имъ однимъ, только они обладаютъ драгоцѣнными свѣдѣніями, что столбы Геракла (если Греки только въ то время слышали это названіе) не есть потокъ, раздѣляющій земли живыхъ и мертвыхъ, а проходъ въ безпредѣльное водное пространство, по которому плаваютъ пока только финикійскіе корабли.

Посмотримъ на берега Средиземнаго моря въ позднѣйшее время, въ эпоху, когда историческія свидѣтельства еще очень скудны, но когда мы уже выходимъ изъ области легендъ. Одно изъ удобствъ болѣе разнообразнаго изученія исторіи состоитъ въ томъ, что оно позволяетъ намъ смотрѣть на тотъ или другой періодъ съ точки зрѣнія совершенно отличной отъ точки зрѣнія людей, занятыхъ спеціальнымъ изученіемъ исторіи какой либо одной эпохи или одной страны. Я помню, какъ я узналъ изъ книги Финлея, что тотъ вѣкъ, который мы обыкновено считаемъ самымъ славнымъ вѣкомъ греческой исторіи, V вѣкъ до Р. Х., былъ, собственно говоря, вѣкомъ упадка Греціи. Я помню также, какъ я былъ смущенъ этимъ открытіемъ. Дѣло въ томъ, что этотъ вѣкъ былъ величайшимъ вѣкомъ исторіи Аѳинъ и что очень разнообразныя причины заставляютъ насъ иногда принимать исторію Аѳинъ за исторію всей Греціи. Но Геродотъ ясно понималъ то, чего мы иногда не можемъ понять. Онъ понималъ, что во всемірной исторіи вѣкъ персидскихъ войнъ для греческаго народа, разсѣяннаго по всему міру, былъ вѣкомъ упадка. Уже то обстоятельство, что персидская война велась въ предѣлахъ Греціи доказываетъ это. Этотъ фактъ самъ по себѣ доказываетъ, что тогда начался процессъ, не кончившійся до сихъ поръ, продолжительный и мрачный процессъ, исторію котораго рѣшился написать Финлей, процессъ «Исторіи Греціи подъ чужестраннымъ владычествомъ». Для доказательства положеній Финлея достаточно сказать, что уже въ то время Милетъ началъ стонать подъ игомъ варвара. Были два періода, когда греческое вліяніе было особенно широко распространеннымъ; одинъ изъ этихъ періодовъ древнѣе, а другой позднѣе той блестящей эпохи, которую мы обыкновенно изучаемъ. Болѣе древній періодъ есть и болѣе великій—это было время, когда Эллада расширяла свои границы собственными усиліями безъ всякой чужой помощи; это было время, когда эллинская колонизація вездѣ разносила не только эллинскую рѣчь и эллинское искусство, но и еще болѣе высшее благо—свободную политическую жизнь Эллады. Въ позднѣйшій періодъ эллинская рѣчь и эллинское искусство распространилось больше, чѣмъ они были распространены раньше, но

вмѣстѣ съ ними уже не распространялась политическая жизнь Эллады. Внѣшнее могущество Греціи перешло отъ нея въ руки королей эллинизированныхъ странъ; мы переходимъ отъ эллинской колонизаціи къ македонскому завоеванію. Ни въ одинъ изъ этихъ періодовъ вы не найдете въ самой старой Греціи всей энергіи греческой жизни. Самый блестящій изъ періодовъ древней Греціи—это періодъ средній между двумя вышеупомянутыми періодами, и его то мы обыкновенно и изучаемъ; но онъ былъ самымъ блестящимъ періодомъ только потому, что границы Эллады съузились благодаря нашествію побѣдоносныхъ варваровъ и потому что старая Греція съ новой энергіей поднялась для мести за свои колоніи и для спасенія себя самой отъ возможнаго рабства. Греція V вѣка до Р. Х. похожа на Римъ IV вѣка послѣ Р. Х. Ея борьба главнымъ образомъ оборонительная, она рѣдко пріобрѣтаетъ новыя позиціи, такъ какъ ей стоитъ немалаго труда защитить и старыя; она одерживаетъ побѣды, она пріобрѣтаетъ территоріи; но эти побѣды одержаны надъ угрожающими ей пришельцами, а эти территоріи только отбиты изъ подъ власти этихъ пришельцевъ. Дѣятельность Кимона и Агезилая походитъ скорѣе на дѣятельность Галерія и Валентиніана, чѣмъ на дѣятельность тѣхъ завоевателей совершенно новыхъ государствъ, которые сдѣлали Сицилію греческой землей, а Галлію римской.

Трудно точно опредѣлить время, когда свободная и независимая Эллада (помните, что Эллада тамъ, гдѣ жили Эллины) имѣла наибольшое распространеніе на берегахъ Средиземнаго моря. Границы измѣнялись; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Эллады онѣ расширялись и послѣ того, какъ въ другихъ мѣстахъ начали съуживаться; но мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если самымъ блестящимъ временемъ распространенія свободныхъ Эллиновъ на берегахъ Средиземнаго моря будемъ считать начало VI вѣка до Р. Х. Тогда по показанію Геродота всѣ греки были еще свободными; только въ теченіи слѣдующаго столѣтія нѣкоторые изъ нихъ подпали подъ власть варваровъ. Нѣкоторые изъ греческихъ колоній еще не были основаны, но области греческой колонизаціи были уже опредѣлены. Въ большей части изъ нихъ греческіе города достигли апогея своего могущества и своего величія; въ это время они были больше, чѣмъ въ послѣдующія эпохи, даже больше современныхъ намъ городовъ старой Греціи. Труднѣе всего усвоить себѣ истину, что было время, когда величайшими городами эллинскаго міра были не Аѳины и Спарта, а Милетъ, Сибарисъ и Акрагасъ. Нѣчто подобное произошло и въ позднѣйшее время, когда величайшими изъ греческихъ городовъ были Александрія и Антіохія. То обстоятельство, что жизнь Аѳинъ и Спарты оказалась менѣе скоро преходящей, доказываетъ, что грекъ во всякомъ случаѣ былъ гораздо болѣе дома на той почвѣ, на которой онъ выросъ грекомъ. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ постоянно помнить фактъ, что въ

одну эпоху колоніальные города, а въ другую македонскіе совершенно заслоняли собой старую и настоящую Элладу. Въ счастливые дни греческихъ колоній большая часть береговъ Средиземнаго моря дѣлились между колонистами изъ Греціи и колонистами изъ Финикіи. Въ восточныхъ моряхъ Греки имѣли верховную власть; жизненность и энергія Хананеевъ перешла отъ Сидона и Тира къ финикійскимъ городамъ на западныхъ берегахъ Средиземнаго моря, къ Панормо на большомъ центральномъ островѣ, къ Гадейрѣ при океанѣ, къ Утикѣ на ливійскомъ берегу, къ «Новому Городу», заслонившему свою метрополію и старшихъ своихъ братьевъ, къ могущественному Карѳагену, въ теченіи извѣстнаго времени главѣ и повелителю другихъ финикійскихъ колоній. Финикіяне удалились передъ Греками съ острововъ Эгейскаго моря. Греки получили перевѣсъ даже на отдаленномъ Кипрѣ, далеко къ югу на Ливійскомъ материкѣ; на плодородномъ берегу между Египтомъ и Карѳагеномъ выросли Кирена и другіе города греческаго Пентаполиса. Греческіе города Азіи были самыми процвѣтающими въ мірѣ. Босфорскій проливъ былъ открытъ, Понтъ пересталъ быть не гостепріимнымъ моремъ. Главное мѣсто эллинской свободы на Таврическомъ полуостровѣ, Херсонесъ, еще не существовалъ въ то время, но путь къ его основанію уже былъ проложенъ. На западной сторонѣ своего полуострова Греція распространялась вдоль берега Адріатическаго моря. Оставляя въ сторонѣ позднѣйшія поселенія и довольно сомнительные разсказы о болѣе древнихъ поселеніяхъ, Акарнанія сдѣлалась теперь частію греческаго материка, Коркира начала считаться греческимъ островомъ, Амбракія, а можетъ быть и Эпидамнъ и Аполлонія начинаютъ свое поприще. Греческая культура распространяется среди родственныхъ народовъ; узкій эллинскій патріотизмъ можетъ отказывать ѳестпротіанамъ и Молотіанамъ въ правѣ именоваться эллинами, но научный изслѣдователь не можетъ отказать имъ въ этомъ правѣ. Но прежде всего этотъ вѣкъ былъ вѣкомъ величія греческаго народа въ странахъ къ западу отъ Адріатическаго моря — величія, которое такъ быстро исчезло и которое тщетно старались возстановить смѣлые короли Спарты и Эпира. Финикіяне, поселенія которыхъ покрывали когда-то восточные и южные берега Сициліи, теперь загнаны въ сѣверо-западный уголокъ этого острова. Города Сициліи становятся лучшими изъ греческихъ городовъ; Сиракузы правда не такой еще большой городъ, какимъ онъ сдѣлался впослѣдствіи, но только потому, что Акрагасъ и Гела не потеряли еще своего прежняго величія. Въ южной Италіи, единственной изъ странъ, кромѣ старой родины, на этомъ полуостровѣ, напоминающемъ эту родину, Эллада распространяется отъ моря до моря. Великая Греція вся покрыта большими городами; Сибарисъ достигаетъ величія, которое онъ такъ скоро утратилъ, чтобы перейти къ полному ничтожеству. Тарасъ,

тогда еще не латинскій Тарентъ, начинаетъ свое продолжительное поприще, слѣды котораго замѣтны даже въ настоящее время. Что касается до греческихъ городовъ на западныхъ берегахъ Средиземнаго моря до Массаліи и другихъ, то дни ихъ величія, дни ихъ вліянія на варварскихъ сосѣдей еще не наступили, но они уже наступаютъ; дѣло эллинизированія варваровъ уже началось. Въ это время эллинская жизнь настолько же энергична въ Западныхъ странахъ, какъ и въ Восточныхъ. Между ними находится старая Эллада, въ то время менѣе цвѣтущая и имѣющая менѣе вліянія, чѣмъ большія греческія колоніи. Но въ это время, когда весь берегъ Средиземнаго моря дѣлился между греками и финикіянами, только въ двухъ странахъ не было ихъ колоній. Дни величія одной изъ этихъ странъ прошли, а дни величія другой были еще въ будущемъ. На берегахъ Нила, мѣстность, гдѣ впослѣдствіи была построена Александрія, не обращала на себя вниманія мудрыхъ фараоновъ. Греки уже были извѣстны въ Египтѣ какъ торговцы, но они еще не властвовали тамъ какъ спасители и благодѣтели. На берегахъ Тибра Римъ, уже бывшій въ то время, можетъ быть главою Лаціума, но еще не стремившійся къ власти надъ міромъ или даже надъ Италіей, ждалъ, когда настанетъ его время. Онъ еще не дѣлалъ завоеваній и не колонизировалъ, но вмѣстѣ со своими храбрыми сосѣдями былъ достаточно силенъ, чтобы удержать за собой среднюю Италію и не позволить поселиться въ ней ни людямъ Эллады, ни людямъ Ханаана.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія всемірной исторіи это была эпоха полнаго развитія эллинскаго владычества, эпоха величія эллинскихъ республикъ, государствъ чисто греческихъ а не только эллинизированныхъ. Перейдемъ теперь къ слѣдующему рѣзко опредѣленному историческому періоду, занимавшему не болѣе полутораста лѣтъ, къ періоду несомнѣнно самому блестящему въ жизни нѣкоторыхъ изъ самыхъ большихъ городовъ старой Эллады и потому часто ошибочно принимаемому за исторію греческаго народа. Геродотъ основательно замѣчаетъ, что въ это время греки не были совершенно свободными; въ теченіе шестаго вѣка до Р. Х. уже положено начало тому дѣлу, которое впослѣдствіи совершили Муммій и Магометъ. Греки уже начинаютъ становиться подданными чужестранныхъ государей; на востокѣ и на западѣ появляются варварскія государства, съ которыми до сихъ поръ грекамъ не приходилось имѣть дѣла; въ особенности выступаютъ на первый планъ два такихъ государства: могущественная имперія на Востокѣ и могущественная республика на Западѣ. Для нѣсколькихъ поколѣній эллиновъ эти государства Азіи, не имѣвшія отношеній къ европейской исторіи уступаютъ свое мѣсто новому варварскому государству, которое вторглось въ европейскую исторію и, можно сказать, имѣла на это право. Теперь приходилось вести борьбу не противъ ассиріянъ, а противъ родственныхъ имъ

персовъ. Одинъ изъ арійскихъ народовъ во время странствованій остался въ восточной странѣ; онъ обратился теперь къ западу, но обратился черезчуръ поздно, въ такое время, когда онъ уже усвоилъ себѣ нравы и обычаи восточныхъ странъ и когда его европейскіе родичи должны были признать его просто варварскимъ пришельцемъ. Тѣмъ не менѣе мы должны воздать должное національной жизненности и національной энергіи, которыя столь часто возраждались въ полной своей силѣ послѣ цѣлыхъ вѣковъ рабства. Народъ, умѣвшій вдохнуть въ себя новую жизнь при проповѣди національной религіи, былъ народомъ, заслуживающимъ уваженія. Дѣйствительно, на долю арійцевъ Персіи досталась серьезная миссія во всемірной исторіи; они, бывшіе когда то достойными соперниками Греціи, сдѣлались потомъ достойными соперниками Рима. Они также, какъ и греки, дѣлали своихъ завоевателей своими плѣнниками. Находясь подъ властью сарацинъ и подъ властью турокъ, они сохраняли тѣмъ не менѣе свою прежнюю національную жизнь; если они и приняли вѣру арабовъ, то только придавъ ей новую форму, измѣнивъ ее въ новую вѣру, сдѣлавшуюся вѣрой персидской. Лидійцы собрали первые плоды подчиненія грековъ; персы угрожали превратить всю восточную половину Эллады въ часть міроваго государства. Правда ихъ царь—*βασιλευς* былъ отраженъ отъ береговъ старой Эллады; въ одно время онъ былъ вынужденъ удалить свои корабли и войска отъ эллинскихъ береговъ Азіи; но уже то обстоятельство, что его приходилось прогонять оттуда, указывало, съ какимъ врагомъ нужно было теперь бороться Греціи. На нѣкоторое время Ѳивы сдѣлались союзниками, а Аѳины беззащитной жертвой повелителя Сузы и Экбатаны. Во всякомъ случаѣ, персы разрушили Элладу на берегахъ Азіи; даже въ самой Европѣ они играли роль властелина; не прошло ста лѣтъ со времени битвы при Саламинѣ и по Анталкидскому міру греческіе города Азіи и Кипра были формально признаны принадлежащими царю Персовъ.

Въ это время на Западѣ Элладѣ приходилось бороться противъ соперника еще болѣе достойнаго, чѣмъ Персы; имъ приходилось бороться не противъ варварской имперіи, а противъ варварской республики. Древніе финикіяне на берегахъ Сиріи утратили свою прежнюю славу; ея республики, еще богатыя и процвѣтающія, сдѣлались теперь провинціями персидскаго государства. Поприщемъ финикійской предпріимчивости сдѣлались теперь западныя моря; одинъ изъ финикійскихъ городовъ, самый младшій изъ нихъ, занялъ во всемірной исторіи такое положеніе, какого никогда не занимали города стараго Ханаана. «Новый городъ», Карѳагенъ, былъ теперь гораздо болѣе Сидона и Тира центромъ и представителемъ финикійской жизни. Карѳагенъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи соперникомъ Рима, въ это время былъ соперникомъ Греціи. Онъ впослѣдствіи привелъ Римъ къ краю погибели, чего не могло сдѣлать никакое другое государство

на берегахъ Средиземнаго моря. Теперь же онъ разрушилъ на нѣкоторое время и ослабилъ навсегда многіе изъ самыхъ большихъ западныхъ городовъ Эллады. Ставъ во главѣ могущественныхъ племенъ, принадлежавшихъ къ одной съ нимъ расѣ, увеличивъ свое населеніе подданными и наемниками, принадлежащими къ разнымъ расамъ, этотъ азіатскій городъ, построенный на берегахъ Африки, больше чѣмъ какое нибудь другое государство того времени разрушалъ старую жизнь, центромъ котораго была сначала Грецiя, а потомъ Италія. Мы не можемъ правильно понять все значеніе борьбы, которую пришлось вести Греціи въ началѣ пятаго вѣка до Р. Х., если не будемъ помнить постоянно, что Греки подверглись нападенію одновременно съ обѣихъ сторонъ. Можетъ быть и невѣрно, что Ксерксъ заключилъ союзъ съ Карѳагеномъ; можетъ быть и невѣрно, что битвы при Саламинѣ и битва при Гимерѣ произошли въ одинъ день,— но во всякомъ случаѣ такое преданіе вѣрно рисуетъ настоящее положеніе греческихъ государствъ въ то время, когда имъ съ одной стороны угрожали персы, а съ другой Карѳагенъ. Персы были отражены, съ береговъ настоящей Эллады они были отражены навсегда; но Карѳагеняне были отражены только на время; они удержали свое положеніе въ Сициліи; они потомъ разрушили Селинусъ и Акрагасъ и едва не разрушили Сиракузы. Въ прежнее время разсѣянныя финикійскія колоніи восточной Сициліи были вытѣснены греческими колонистами; но теперь силы финикіанъ находились въ рукахъ могущественной республики; укрѣпленные посты этой республики, съ главнымъ изъ нихъ, Панормо, оставались неприкосновенными на сѣверозападѣ большаго острова. Въ Сициліи положеніе дѣлъ казалось измѣнилось—европейцы занимали теперь восточный берегъ, а азіаты западный и властелины западнаго берега угрожали восточному.

Разъединенной греческой націи приходилось бороться не съ одними только персами и финикіянами; враги, стоявшіе грекамъ по крови ближе чѣмъ финикіяне, менѣе отличающіеся отъ нихъ по политическимъ и общественнымъ учрежденіямъ чѣмъ персы, начинали угрожать могуществу и даже существованію одной изъ большихъ отраслей греческаго народа. Въ это время на первый планъ въ драмѣ исторіи выдвигается второй изъ большихъ полуострововъ южной Европы, средній полуостровъ, на которомъ стояли Римъ, Капуя и города Этрусковъ. Еще не было признаковъ, что Италія будетъ правящей страной всего міра; но уже были признаки, что Италія не будетъ страной, въ которой свободно могли бы поселяться чужестранцы. Эллины начинаютъ уже слышать о Римѣ, но навряд ли его имя было для нихъ въ то время страшнымъ. Греческимъ городамъ тогда приходилось бояться только туземцовъ южной Италіи, а Римъ въ теченіи нѣкотораго времени былъ врагомъ этихъ туземцовъ. Персы и Карѳагеняне были, собственно говоря, внѣшними врагами; персы были пришельцами на почвѣ старой Эллады, Карѳагеняне от-

бивали у грековъ страну, въ которой когда то существовали колоніи людей, принадлежавшихъ къ другимъ отраслямъ финикійскаго племени. Луканцы же и другіе народы южной Италіи, собственно говоря, отбивали свою родную землю у чужестранцовъ. Можно сказать, что въ то время когда Кумы и Посидонія перестали быть греческими городами, цивилизованный міръ получилъ прежніе свои границы. Съ другой стороны можно сказать, что границы цивилизованнаго міра были раздвинуты въ то время, когда народы Италіи начали играть такую же роль во всемірной исторіи, какую обитатели старшаго полуострова Европы съиграли на востокѣ.

Всѣмъ извѣстно, что въ срединѣ IV вѣка до Р. Х. начинается упадокъ Греціи, но обыкновенно предполагаютъ, что это паденіе началось потому, что македонское царство начинаетъ занимать то первенствующее между греческими государствами положеніе, которое въ различныя времена занимали Аргосъ, Спарта, Аѳины и Ѳивы. Что касается до политической жизни большихъ греческихъ городовъ, и въ особенности до политической жизни Аѳинъ, которую мы такъ часто склонны принимать за политическую жизнь всей Греціи, то такое измѣненіе было, конечно, очень большимъ и очень печальнымъ. Но не слѣдуетъ забывать, что политическое паденіе большихъ городовъ древней Греціи было только одной стороной общаго политическаго паденія Эллинскаго народа; не слѣдуетъ забывать также, что большая часть старой Греціи смотрѣла на это измѣненіе иными глазами, чѣмъ мы, привыкшіе смотрѣть на него съ чисто аѳинской точки зрѣнія. Голосъ Демосфена еще и теперь звучитъ въ нашихъ ушахъ и потому намъ трудно слышать спокойныя коментаріи Полибія, передающаго намъ традиціи Мегалополиса и другихъ городовъ, для которыхъ Филиппъ былъ другомъ и освободителемъ, благочестивымъ крестоносцемъ, возставшимъ противъ клятвопреступника Фокіана. Еще важнѣе припомнить, что, если старая Эллада и потеряла многое благодаря развитію могущества Македоніи, то новая Эллада за Адріатическимъ моремъ потеряла неизмѣримо больше благодаря увеличенію могущества финикіянъ и туземцовъ Италіи. Греки въ Италіи и въ Сициліи умоляли свою метрополію о помощи; цѣлыя толпы искателей приключеній, республиканцовъ и государей, переплывали море, чтобы помочь своимъ погибающимъ братьямъ или чтобы добыть себѣ новыхъ земель. Нѣкоторые хотѣли освободить греческіе города отъ домашнихъ тирановъ, другіе хотѣли освободить ихъ отъ ига варваровъ. То обстоятельство, что для совершенія такого дѣла нужна была помощь метрополіи, доказываетъ, что слава и могущество западной Греціи исчезли, что греки одни безъ чужой помощи не могли удержать ни внутренней свободы, ни внѣшней независимости. Какъ мрачны ни кажутся намъ фигуры Діонисія и Агафокла, мы не должны забывать, что даже тутъ есть свѣтлая сторона, что Діонисій и Агафоклъ были въ нѣкоторомъ родѣ бойцами Эллады противъ

варваровъ. Мы не должны забывать, что Діонисій устраивалъ греческія колоніи на обоихъ берегахъ Адріатическаго моря, что Агафоклъ перенесъ оружіе Европы на африканскіе берега и былъ, такимъ образомъ, предшественникомъ Регула и Сципіона, Рожера Сицилійскаго и Карла австрійскаго. Но дѣятельность Діона и благороднаго Тимолеона, войны спартанца и эпирота, войны Архидама, Александра и Пирра доказывали, что западные греки не могли устоять даже при помощи грековъ старой Эллады и эллинизированныхъ странъ. Ихъ судьба была рѣшена также, какъ позже была рѣшена судьба всѣхъ странъ, занятыхъ македонянами и карѳагенянами. Но паденіе Македоніи и Карѳагена было еще далекимъ. Эти страны достигли высочайшей степени могущества какъ разъ въ то время, когда сдѣлалось очевиднымъ что западнымъ грекамъ ничего не остается, какъ только сдѣлаться подданными или, по крайнѣй мѣрѣ, зависимыми отъ одного изъ итальянскихъ государствъ.

Слѣдуетъ отмѣтить въ связи съ судьбой восточныхъ и западныхъ грековъ еще одно обстоятельство: спартанскіе государи искали въ Италіи поприща для своихъ подвиговъ потому, что въ виду увеличенія могущества Македоніи имъ не оставалось ничего дѣлать въ старой Греціи. Кромѣ того эпирскіе короли Александръ и Пирръ были сами эллинами. Это доказывало что эллинскіе имена и эллинская культура распространились за генелогическіе предѣлы эллинской націи. Эпироты можетъ быть имѣли нѣкоторое родство съ греками; цари ихъ можетъ быть происходили отъ Ахиллеса и тѣмъ не менѣе они не были настоящими эллинами, только эллинизированными. Подвиги эпиротскихъ царей на Западѣ были прямо вызваны подвигами македонскихъ царей на Востокѣ; ихъ страна была обращена къ Италіи и Сициліи гораздо больше, чѣмъ Македонія была обращена къ Азіи, и, можетъ быть, Александръ и, навѣрное, Пирръ старались основать за Адріатическимъ моремъ западно-греческое государство для того, чтобы создать противовѣсъ восточно-греческому государству, основанному македонянами за Эгейскимъ моремъ. Это не удалось имъ. Греціи въ новой формѣ ея бытія было суждено преобразовать Востокъ, въ теченіи нѣкотораго времени даже управлять имъ; но на Западѣ политическому могуществу греческой расы было суждено исчезнуть; даже ея умственное вліяніе сдѣлалось не прямымъ, такимъ вліяніемъ, которое было вынуждено пользоваться римлянами, какъ своимъ орудіемъ.

Долженъ былъ наступить день, когда Римъ сдѣлался властелиномъ на Востокѣ также, какъ и на Западѣ; онъ долженъ былъ шагъ за шагомъ привлечь всѣ греческія земли, какъ эллинизированныя, такъ и чистыя эллинскія, въ кругъ своего вліянія, постепенно переходившаго отъ формы союза къ формѣ подчиненія. Подробности этого процесса, картина міра, въ которомъ какъ бы внезапно появляется Римъ, однимъ словомъ исторія III и II вѣковъ до Р. Х. несмотря

на крайнюю важность этого періода во всемірной исторіи, въ общемъ курсѣ такъ называемыхъ классическихъ изслѣдованій не занимаетъ того мѣста, которое оно должно бы было занять по своей важности. Мнѣ еще придется говорить объ отличительныхъ чертахъ этого періода; теперь же я хочу только указать насколько важенъ и поучителенъ для политической исторіи (можетъ быть важнѣе и поучительнѣе всѣхъ другихъ такъ называемыхъ классическихъ эпохъ) былъ вѣкъ Полибія. Въ его время греческій міръ состоялъ изъ нѣсколькихъ государствъ, обладавшихъ различными степенями могущества и имѣвшихъ самыя разнообразныя политическія учрежденія. Ничего подобнаго не было въ прежніе дни Греціи, ничего подобнаго но было и въ послѣдующіе дни, когда фактически Римъ сдѣлался цѣлымъ міромъ. Греческій міръ временъ Полибія представляетъ настоящее подобіе политическаго положенія новой Европы; политическій опытъ Полибія былъ неизмѣримо шире опыта Ѳукидида. Политическій опытъ перваго изъ нихъ по глубинѣ и разнообразію можно сравнивать только съ политическимъ опытомъ современнаго государственнаго человѣка. Ѳукидидъ зналъ только независимые города, олигархическіе или демократическіе и города, желавшіе быть независимыми. Въ его время королевская власть и федерація, сколько нибудь достойная этого названія, стояли еще на заднемъ планѣ; они не появились еще на политической сценѣ ни въ одномъ греческомъ государствѣ. Королевская власть не была признанной частью учрежденій греческаго міра; первостепенныя или даже второстепенныя греческія государства не имѣли еще федеративныхъ учрежденій. Полибій, наоборотъ, среди греческихъ или элинизированныхъ государствъ могъ найдти всѣ формы королевской власти и всѣ формы республики. Существовала національная королевская власть Македоніи, гдѣ царь управлялъ своимъ собственнымъ народомъ. Существовала мѣстная королевская власть въ Египтѣ, гдѣ греческіе короли управляли чужимъ народомъ. Существовали государства Селевкидовъ, лишившіяся, правда, своего величія, но цари которыхъ еще имѣли нѣкоторое воспоминаніе о положеніи Кира и Александра, о положеніи великаго царя царей, управлявшаго странами и городами, какъ греческими, такъ и варварскими, народами, говорящими на разныхъ языкахъ и стоящими во всевозможныхъ отношеніяхъ къ центральной власти. Въ то же время греческая городская республика, вполнѣ свободная и независимая, еще продолжала оставаться основной формой политической жизни. Мы не должны смущаться тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь самый чистый и самый благородный образчикъ греческой демократіи нужно искать не въ Аѳинахъ, а въ Родосѣ. Но высшая политическая жизнь Греціи, въ особенности старой европейской Греціи, находилась теперь въ федеративныхъ государствахъ. На родинѣ Полибія, въ Ахеѣ, въ честной и вѣрной Акарнаніи, въ эллинизированномъ Эпирѣ, а въ позднѣйшее

время за моремъ, среди достойныхъ подражателей Эллинскихъ образцовъ, въ Ликіи, населеніе которой, какъ въ древности, такъ и въ позднѣйшее время, было достойнѣйшимъ народомъ въ Азіи и стояло рядомъ съ Ахейцами, достойнѣйшимъ народомъ въ Европѣ. Ахея, Родосъ, Пергамъ! По нимъ было возможно изучать федеративную республику, городскую республику, королевскую власть дома достойнаго царствовать; каждый изъ нихъ представлялъ образецъ трехъ различныхъ формъ правленія. При подобной государственной системѣ мы находимъ, вмѣсто простѣйшихъ отношеній прежнихъ дней, всѣ усложненія современной международной политики. Старая республиканская жизнь сохранилась еще, но рядомъ съ ней мы встрѣчаемъ дѣятельность династическихъ интересовъ, вліяніе царицъ и министровъ—однимъ словомъ, совершенно то же, что и въ современномъ мірѣ. Дипломатія работаетъ постоянно и прилежно. Исторія того времени отнюдь не представляетъ исторію мелкихъ государствъ; не только Македонія и Египетъ, но и Пергамъ, Ахея и Родосъ были по тогдашнему масштабу великими державами; они были руководящими государствами своего міра, главными членами установленной системы, въ которой каждое занимало извѣстное мѣсто совершенно также, какъ каждое современное государство занимаетъ свое мѣсто среди системы европейскихъ государствъ. И вдругъ внезапно среди нихъ появляется чужестранное государство, гораздо болѣе могущественное, чѣмъ любое изъ нихъ, пришедшее какъ бы изъ другаго міра и въ одну минуту измѣнившее все положеніе дѣлъ въ этомъ греческомъ мірѣ. Внезапность появленія Рима среди греческаго міра, быстрота, съ которой онъ сразу занялъ первое мѣсто на Востокѣ и на Западѣ, составляетъ самое поразительное событіе всемірной исторіи. Оно составляетъ замѣчательный контрастъ съ той медленностью, съ которой Римъ пріобрѣлъ власть надъ Западомъ и съ той постепенностью, съ которой его руководящая роль на Востокѣ перешла въ прямое и всемірное владычество. Рядомъ съ заблужденіемъ, будто римская имперія была разрушена въ 476 году послѣ Р. Х., можно поставить заблужденіе, будто свободныя греческія государства окончательно пали въ 146 году до Р. Х. Отъ послѣдней ошибки, впрочемъ, легче отдѣлаться, чѣмъ отъ первой. Изученіе третьяго и втораго вѣковъ до Р. Х. имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то удобство, что ему не мѣшаютъ установившіеся предразсудки; гораздо легче писать на бѣлой бумагѣ, чѣмъ приготовлять для письма пергаментъ уже исписанный; гораздо легче опредѣлить настоящій характеръ вѣка, въ которой было рѣшено, что Римъ будетъ главой міра, чѣмъ опредѣлить настоящій характеръ другаго соотвѣтствующаго вѣка, когда рѣшался вопросъ о томъ, въ какой именно формѣ останется Римъ главой міра, хотя политическое владычество его надъ половиной провинцій и было уже уничтожено.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Римъ—глава Европы.

Въ послѣдней лекціи я старался набросать картину странъ, лежащихъ близъ Средиземнаго моря въ то время, когда греческій міръ въ той формѣ, какую онъ получилъ послѣ македонскаго завоеванія, міръ, состоявшій изъ царствъ, федерацій и городовъ, міръ, составлявшій сложную систему, чрезвычайно поучительную для историковъ и политиковъ, былъ внезапно смущенъ вторженіемъ пришельцевъ изъ Западнаго государства. Это государство постепенно пріобрѣтало выдающееся положеніе на Западѣ и теперь сразу получило выдающееся положеніе и на Востокѣ. Получивъ это выдающееся положеніе, оно довольствовалось медленнымъ и постепеннымъ развитіемъ своего могущества. Умерло нѣсколько поколѣній прежде, чѣмъ пріобрѣтенное Римомъ преобладающее вліяніе надъ греческимъ міромъ перешло въ настоящее владычество надъ всѣми землями и городами, находившимися подъ его вліяніемъ. Уже вначалѣ втораго вѣка до Р. Х. Римъ былъ главнымъ государствомъ греческаго міра. Къ Востоку отъ Адріатическаго моря у него не было еще ни одной провинціи; но всѣ города, союзы и царства сознавали, что онъ ихъ фактическій повелитель. Въ концѣ перваго вѣка послѣ Р. Х. у Рима уже было нѣсколько провинцій къ Востоку отъ Адріатическаго моря; его непосредственное владычество сдѣлалось правиломъ, а независимость, даже номинальная, исключеніемъ. Тѣмъ не менѣе, еще при Веспасіанѣ существовали нѣсколько свободныхъ греческихъ городовъ, которые этотъ императоръ считалъ благоразумнымъ взять подъ свою непосредственную власть и кромѣ того оставались другіе свободные греческіе города, распорядиться судьбой которыхъ Веспасіанъ предоставилъ Траяну, чтобы дать ему поводъ доказать его уваженіе къ договорамъ. Однимъ словомъ, первые шаги Рима были внезапны и быстры, а послѣдующіе медленны и тѣмъ не менѣе они были необ-

ходимымъ результатомъ первыхъ шаговъ. Въ промежутокъ времени между первой и второй пуническими войнами Римъ появился на востокѣ отъ Адріатическаго моря въ качествѣ спасителя греческихъ городовъ отъ пиратовъ Иллиріи. Это было, собственно говоря, первымъ шагомъ въ движеніи Рима на востокъ, благодаря которому черезъ 550 лѣтъ самъ Римъ перенесся съ семи холмовъ при Тибрѣ на семь холмовъ при Босфорѣ. Можетъ быть, слѣдуетъ сказать, что первый шагъ былъ сдѣланъ гораздо раньше; положеніе Рима, какъ итальянскаго государства, управляющаго своими греческими союзниками и подданными и при этомъ подвергавшагося разнообразнымъ и сильнымъ греческимъ вліяніямъ, было пріобрѣтено имъ еще въ то время, когда онъ не выходилъ изъ предѣловъ своего полуострова. За долго до того времени, какъ Римъ перешелъ за Адріатическое море, онъ началъ получать характеръ государства, бывшаго политически римскимъ, а интелектуально греческимъ, и имѣвшаго призваніе преобразовать весь міръ. Расширеніе предѣловъ Рима, отмѣчаемое во второй половинѣ третьяго вѣка его союзомъ съ Аполлоніей, Эпидамномъ и Коркирой, было расширеніемъ чисто географическимъ. Римъ, союзникъ или властелинъ Неаполя, Тарента и Сиракузъ, несомнѣнный властелинъ большей половины Сициліи, получилъ характеръ греческаго государства за долго до того времени, когда онъ обнажилъ свой мечъ за или противъ городовъ старой Греціи. Римъ вступилъ въ ряды эллинизированныхъ государствъ раньше, чѣмъ Коринѳъ допустилъ римскихъ гражданъ къ участію въ своихъ играхъ, раньше, чѣмъ Аѳины почтили ихъ принятіемъ въ святыя мистеріи Деметры и ея сына.

Въ одной изъ лекцій своего перваго курса я указалъ на нѣкоторыя изъ физическихъ условій, давшихъ Риму возможность сдѣлаться главою міра; я выразился тогда, что ходъ всей исторіи опредѣлился тѣмъ обстоятельствомъ, что холмы при Тибрѣ были ниже и ближе другъ къ другу, чѣмъ другіе холмы Лаціума. Если-бы я читалъ лекціи о римской исторіи, я имѣлъ бы возможность подробно развить это положеніе; теперь же мнѣ достаточно сказать, что центральная мѣстность центральнаго европейскаго полуострова естественно была призвана къ главенству надъ Европой. Мы можемъ указать, что процессъ, сдѣлавшій Lugubalium и Nisibis крайними постами Рима, начался еще въ то время, когда Палатинскій и Капитолійскій холмы были окружены единой стѣной. Теперь для насъ достаточно указать на крупныя стадіи развитія римскаго владычества — стадіи, при которыхъ онъ постепенно дѣлался главою Лаціума, Италіи и всего Запада, главой и въ концѣ концовъ повелителемъ всѣхъ странъ, лежащихъ близъ Средиземнаго моря. Слѣдуетъ всегда помнить, что при всѣхъ этихъ стадіяхъ развитія господство Рима было господствомъ одного города въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Господ-

ствомъ, по существу одинаковыхъ съ владычествомъ другихъ городовъ, существовавшихъ какъ раньше, такъ и позже. Оно отличалось отъ господства Аѳинъ, Спарты, Карѳагена, Берна и Венеціи только громадностью территоріи, находившейся подъ управленіемъ римскаго города и тѣмъ процессомъ, котораго мы не встрѣчаемъ въ исторіи другихъ городовъ и благодаря которому права гражданства господствующей республики постепенно давались всѣмъ ея союзникамъ и подданнымъ. Лаціумъ, Италія, страны, лежащія близъ Средиземнаго моря, постепенно присоединялись не только къ римскимъ владѣніямъ, но и къ самому городу Рима. Такъ что, въ концѣ концовъ, всѣ итальянскіе и греческіе союзники, даже всѣ варвары — провинціалы сдѣлались римскими гражданами. Совершенно вѣрно, что этотъ процессъ завершился уже въ то время, когда римскій гражданинъ превратился просто въ подданнаго повелителя, Рима. Сомнѣвались — и съ нѣкоторымъ основаніемъ — не былъ ли эдиктъ Антонина Каракаллы скорѣе проигрышемъ, чѣмъ выигрышемъ для тѣхъ, кому онъ даровалъ права римскаго гражданина; но съ точки зрѣнія всемірной исторіи это событіе представляется въ другомъ свѣтѣ. Эдиктъ Антонина, каковы бы не были его мотивы и его непосредственные результаты, въ концѣ концовъ создалъ искусственную римскую націю во всѣхъ римскихъ владѣніяхъ, покрайней мѣрѣ, отъ океана до горы Тавра. Всякій свободный человѣкъ въ имперіи получалъ право на участіе въ имени и традиціяхъ Рима. Мы видимъ результаты этого событія въ людяхъ V и VI вѣковъ, въ тѣхъ римлянахъ Галліи и Испаніи, которые не знали другаго національнаго имени, другаго національнаго бытія, кромѣ имени города, передъ которымъ преклонялись ихъ предки. Мы видимъ еще болѣе прочные результаты этого событія въ Римлянахъ и Романьи Востока, въ говорящемъ по гречески народѣ, еще незабывшемъ своего римскаго имени, и въ говорящемъ по латынѣ народѣ, для котораго въ наше время римское имя снова сдѣлалось лозунгомъ его національнаго возрожденія.

Такимъ образомъ на Римѣ, какъ на государствѣ, получившемъ такое главенство надъ Европой, какого никогда не имѣла ни одно европейское государство, лежали двѣ обязанности великой европейской державы. Римъ былъ призванъ прежде всего быть учителемъ другихъ европейскихъ націй и борцомъ Европы противъ вторженія варваровъ извнѣ. Въ качествѣ учителя Европы, Риму иногда приходилось быть суровымъ, ему часто приходилось прибѣгать къ такой же дисциплинѣ, при помощи которой Гедеонъ обучалъ жителей Суккота. Миссія Рима состояла въ томъ, чтобы передать Галліи свой языкъ и культуру и въ томъ, чтобы сдѣлать Тевтоновъ наслѣдниками половины своего политическаго могущества; изъ римскихъ и тевтонскихъ элементовъ Римъ долженъ былъ создать новое общество, совершенно отличное отъ прежняго. Изъ соединенія тевто-

новъ и Рима произошла современная Европа; но народы, слившіеся для этой цѣли, должны были ждать, когда наступитъ ихъ время. Какъ при играхъ Эллады тѣ, которые выходили раньше времени, прогонялись бичами, такъ и народы, появлявшіеся въ качествѣ только пришельцовъ, признавались пришельцами, а не учениками. Пришедшіе раньше времени Галлы потерпѣли наказаніе при Сентинумѣ; пришедшіе раньше временй тевтоны потерпѣли наказаніе при Aquae Sextiae и при Vercellae.. Но что было съ галлами и тевтонами, появившимися во время, мы это видимъ изъ того, что галлъ Сидоній разсказывалъ въ своемъ сочиненіи, написанномъ на латинскомъ языкѣ, о Теодорикѣ. готскомъ повелителѣ римской имперіи. Мы видимъ это также изъ того, какъ Теодорикъ Великій, готскій повелитель могущественной римской имперіи, составлялъ въ своей столицѣ Равеннѣ законы, имѣвшіе цѣлью благосостояніе древнѣйшей гальской провинціи Рима. Такова была одна сторона миссіи главы Европы, учителя родственныхъ народовъ. Роль Рима, какъ бойца за Европу, какъ передоваго представителя «вѣчнаго вопроса», заключалась въ его продолжительной борьбѣ съ карѳагенами, съ персами, арабами и турками. Римъ—повелитель народовъ исполнилъ обѣ свои миссіи, когда онъ въ сопровожденіи своей тевтонской свиты вышелъ на встрѣчу ордамъ Аттилы. Ту же миссію исполнялъ онъ и въ то время, когда Аніанъ со стѣнъ Орлеана смотрѣлъ на развѣвающіяся рядомъ римскія и готскія знамена, когда римляне, готы и франки, католики, аріане и язычники соединились въ день битвы на Каталаунскихъ поляхъ для нанесенія послѣдняго удара въ борьбѣ за Европу.

Разсказъ о томъ, какъ латинскій городъ Римъ сдѣлался главой Лаціума, а потомъ главой всей Италіи, относится скорѣй къ римской, чѣмъ къ всеобщей исторіи. Римъ получаетъ свое міровое значеніе только съ того времени, когда дѣлается главой Италіи; а онъ сдѣлался ей только тогда, когда прогналъ пришельца изъ Эпира съ итальянскаго полуострова. Война съ Пирромъ привела Римъ въ соприкосновеніе съ греческимъ міромъ и со всѣми усложненіями его политики. Если мы не признаемъ за вѣрное разсказы о прежнихъ отношеніяхъ Рима съ Массаліей, то мы будемъ имѣть право сказать, что Римъ за предѣлами Италіи не искалъ въ грекахъ ни союзниковъ, ни враговъ, но что сама Греція въ личности ея передоваго бойца вторглась въ предѣлы Италіи. Битва при Беневентѣ рѣшила, что Италія должна принадлежать итальянцамъ; она рѣшила, что въ западной Европѣ не будетъ основано греческое государство, соотвѣтствующее государствамъ Птолемея и Селевка на востокѣ. Она рѣшила, однимъ словомъ, что главой Италіи долженъ сдѣлаться Римъ. Войны Рима съ самнитами и галлами сдѣлали его безспорно первымъ государствомъ въ Италіи; а война съ Пирромъ, угрожавшая сдѣлать

Италію такой же частью греческихъ владѣній, какъ и Азія и Египетъ, сдѣлала Римъ несомнѣнной главой Италіи.

Съ этого времени Римъ дѣлается однимъ изъ величайшихъ государствъ міра; то обстоятельство, что едва Римъ пріобрѣлъ это положеніе, ему пришлось вступить въ борьбу на жизнь и на смерть съ другимъ большимъ государствомъ, находившимся на западныхъ берегахъ Средиземнаго моря, указываетъ на одно изъ различій между политическимъ положеніемъ того времени и современнымъ намъ политическимъ положеніемъ. Въ наше время, какіе бы раздоры, несогласія и войны ни произошли между великими европейскими державами, ни одна изъ нихъ не стремится къ полному разрушенію другой, къ ея конечному ослабленію, къ лишенію ея положенія великой державы. Наоборотъ, достиженіе Римомъ несомнѣннаго главенства надъ Италіей, его положеніе, какъ одной изъ двухъ великихъ державъ Запада, осудили его на постоянное соперничество съ другой державой, на войну, которая могла прерываться время отъ времени мирными договорами, но которая указывала, что рано или поздно или Римъ или Карѳагенъ должны были погибнуть. Припомнимъ, что между двумя другими большими римскими войнами былъ промежутокъ мирнаго времени, тогда какъ послѣ войны съ Пирромъ и его итальянскими союзниками немедленно же началась первая война съ Карѳагеномъ. Эта война велась за Сицилію. На основаніи теоріи естественныхъ границъ можно было ожидать, что государство, сдѣлавшееся главой Италіи, распространитъ свое владычество надъ странами, лежащими за Альпами и надъ тремя большими островами, казавшимися естественными придатками итальянскаго полуострова. Государство, распространившее свои границы за Альпы, и съ береговъ котораго можно было видѣть горы Иллиріи, на врядъ ли могло удержаться отъ вмѣшательства въ дѣла странъ, находившихся за Адріатическимъ моремъ. Потому то, какъ только Римъ сдѣлался главой Италіи, ему немедленно же предстояла двоякая дѣятельность. Ему пришлось бороться съ другой великой Западной державой и были уже признаки, что въ скоромъ времени ему придется вмѣшаться въ раздоры восточной Европы.

Дѣятельность Рима на западѣ была ближайшей и наступила раньше. Послѣ войны съ Пирромъ началась война за Сицилію, продолжавшаяся больше двадцати лѣтъ. Эта война была, главнымъ образомъ, морской. Какъ война за Сицилію и притомъ одна изъ самыхъ крупныхъ войнъ за этотъ островъ, она занимаетъ извѣстное мѣсто въ его исторіи. Римъ въ первый разъ обнажилъ мечъ для вмѣшательства въ «вѣчный вопросъ». Долженъ ли былъ самый большой изъ острововъ Средиземнаго моря быть частію Европы или Африки? Долженъ ли онъ находиться подъ властію арійцевъ или семитовъ? Должны ли его жители поклоняться богамъ Альбы и Олимпа или Мо-

лоху и Ваалу людей Ханаана? Греки въ теченіи многихъ вѣковъ вели эту борьбу, но судьба была противъ ихъ. Царство Гіерона было незначительнымъ переживаніемъ, сохранившимся съ того времени, когда Сицилія едва не сдѣлалась чисто эллинскимъ островомъ. Миссія, для исполненія которой Сиракузы были слишкомъ слабымъ государствомъ, перешла теперь въ болѣе сильныя руки Рима. Пріобрѣтеніе Панормо было первымъ результатомъ борьбы. Послѣ почти двадцати пяти лѣтней войны Римъ остался побѣдителемъ, властелиномъ Сициліи, господиномъ Сардиніи и Корсики и пріобрѣлъ свою первую провинцію и вѣрный союзъ перваго и достойнѣйшаго изъ длиннаго ряда зависимыхъ отъ него государей. Враждебное Риму государство вышло изъ этой борьбы не подавленнымъ, даже не ослабленнымъ, но вынуждено было направить свою энергію на другое поприще и искать въ новой странѣ средствъ нанести ударъ Риму въ самомъ сердцѣ Италіи.

Выборъ новаго поприща карфагенской дѣятельности, подвиги дома Гамилькара составляютъ новую и важную, хотя и второстепенную страницу въ исторіи Европы. Настало время для самаго западнаго изъ трехъ европейскихъ полуострововъ съиграть извѣстную роль во всемірной исторіи; но полуостровъ, двѣ стороны котораго омывались океаномъ, никогда не игралъ такой роли, какъ старые полуострова Средиземнаго моря. То время, когда Испанія получила власть въ Италіи и Греціи, было еще очень далеко; притомъ Испанія никогда не была тѣмъ, чѣмъ была когда-то Италія и Греція и чѣмъ впослѣдствіи сдѣлалась снова первая изъ этихъ странъ. Въ теченіи многихъ вѣковъ Испанія была большой и цвѣтущей провинціей Рима; съ того времени, какъ она стала въ зависимыя къ нему отношенія, она меньше другихъ провинцій Запада подвергалась гражданскимъ войнамъ и нападеніямъ чужестранцевъ. Ея судьба была очень странной и благодаря замѣчательному циклу историческихъ событій она снова черезъ девять сотъ лѣтъ испытала туже судьбу. О ней можно сказать то же, что и о Сициліи. Два раза въ теченіи многихъ вѣковъ рѣшался вопросъ: должнали самая западная изъ странъ Европы составлять часть западнаго міра или восточнаго? Риму пришлось отбивать ее изъ подъ власти финикіянъ, а много вѣковъ спустя испанцамъ пришлось спасать свою родину изъ подъ власти сарацинъ. Въ теченіи извѣстнаго времени испанскій полуостровъ сдѣлался главной опорой обѣихъ враждующихъ сторонъ; онъ былъ арсеналомъ, изъ котораго Карфагенъ черпалъ свою силу для своихъ попытокъ ниспроверженія Рима, и изъ котораго этотъ послѣдній также черпалъ свою силу для своихъ въ концѣ концовъ удавшихся попытокъ ниспроверженія Карфагена.

Пуническія войны явленіе эпизодическое въ европейской исторіи, такъ какъ и присутствіе пунійцовъ на западѣ Средиземнаго моря

было само по себѣ аномаліей и эпизодическимъ явленіемъ. Существованіе Карѳагена препятствовало естественному теченію исторіи трехъ большихъ европейскихъ полуострововъ. Когда Римъ сдѣлался безпорной главой Италіи, можно было ожидать, что развитіе его могущества произойдетъ въ направленіи Галліи и Греціи. Главенство надъ Италіей было пріобрѣтено Римомъ отраженіемъ нашествія грековъ и его нельзя было считать полнымъ до тѣхъ поръ, пока оно не распространится надъ Сициліей съ одной стороны, и надъ Цизальпинской Галліей съ другой. Борьба за Сицилію началась немедленно же и этотъ островъ былъ завоеванъ Римомъ; но онъ былъ только отнятъ ими отъ пришельцовъ карѳагенянъ. Когда закончилась первая пуническая война, Римъ снова обратилъ свое вниманіе на страны за По и за Адріатическимъ моремъ. Началось завоеваніе цизальпинской Галліи, иллирійскія войны имѣли слѣдствіемъ то, что Римъ впервые получалъ вліяніе на восточномъ полуостровѣ. Сдѣлавшись покровителемъ, даже повелителемъ, хотя и не формально признаннымъ, Коркиры, Эпидамна и Аполлоніи, Римъ становится вліятельнымъ въ дѣлахъ Греціи, а также и въ дѣлахъ греческихъ колоній въ Италіи, Сициліи, Испаніи и Галліи, онъ навлекаетъ на себя вражду Македоніи и пріобрѣтаетъ расположеніе свободныхъ греческихъ государствъ. Однимъ словомъ, онъ дѣлаетъ первые шаги къ тому, чтобы подчинить грековъ какъ друзей, такъ и враговъ, сначала своему вліянію, а потомъ своему владычеству.

Если первая пуническая война была, въ нѣкоторомъ родѣ, эпизодическимъ явленіемъ въ европейской исторіи, въ нѣкоторомъ родѣ препятствіемъ для естественнаго развитія могущества Рима, то съ еще большимъ правомъ это можетъ быть сказано о второй пунической войнѣ. Война съ Ганнибаломъ выдѣляется во всемірной исторіи, какъ борьба между однимъ человѣкомъ и республикой, какъ борьба между самымъ великимъ изъ людей и самой великой изъ республикъ. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ помнить, что если Ганнибалъ и заслонялъ собой Карѳагенъ, если его родина казалась только орудіемъ въ его рукахъ, то все же Ганнибалъ былъ всецѣло Карѳагенянниномъ и его дѣло не было чисто личнымъ дѣломъ, а дѣломъ Карѳагена. Изъ за славы Ганнибала мы не должны забывать славы другихъ членовъ его рода. Риму пришлось бороться противъ цѣлаго рода героевъ, противъ цѣлаго выводка львовъ изъ дома Барака; одинъ изъ сыновъ «молніи Карѳагена» являлся за другимъ. Но въ нашемъ быстромъ обзорѣ всемірной исторіи мы не можемъ ни на минуту останавливаться даже для того, чтобы воздать честь величайшему изъ историческихъ дѣятелей, такъ какъ насъ должны занимать главнымъ образомъ результаты ихъ дѣйствій. Цѣлью войны Ганнибала было униженіе и разрушеніе Рима, а ея слѣдствіемъ было еще большое возвышеніе Рима, достиженіе имъ главенства надъ всѣмъ Западомъ, а черезъ нѣкото-

рое время и надъ Востокомъ. Эта война ввела, какъ мы уже говорили, самый западный изъ полуострововъ Европы въ общее теченіе европейскихъ дѣлъ и ввела его, какъ опору римскаго владычества; она же сдѣлала Римъ могущественнымъ и внѣ Европы. Римъ вышелъ изъ борьбы болѣе, чѣмъ когда либо главой Италіи, повелителемъ всей Сициліи, будущимъ повелителемъ Испаніи и получившимъ преобладающее вліяніе въ Африкѣ. Если онъ и утратилъ цизальпинскую Галлію, то только на время. Это дѣло могло быть сдѣлано снова; и Римъ пріобрѣлъ въ Галліи за Альпами вліяніе, которое было до чрезвычайности полезно для него. Его вниманіе на нѣкоторое время отвлекается отъ восточной Европы, но въ слѣдующій же историческій моментъ направляется на нее съ еще большимъ постоянствомъ. Событія, которыя были, такъ сказать, отложены благодаря эпизоду войны съ Аннибаломъ и которыя должны были составлять слѣдующую сцену исторической драмы, теперь дѣйствительно происходятъ, какъ эпизодъ въ эпизодѣ. Пользуясь войной съ Аннибаломъ, какъ поводомъ, Римъ впервые ведетъ войну на востокѣ отъ Адріатическаго моря въ качествѣ союзника одного изъ главныхъ греческихъ государствъ и врага другаго. Но если эта первая война между Римомъ и Македоніей похожа только на эпизодъ, если по сравненію съ великой борьбой съ Аннибаломъ она представляется ничтожной, то это просто потому, что македонскій царь не сдѣлалъ того, что онъ долженъ былъ бы сдѣлать, если хотѣлъ воевать. Фаланга и осадный обозъ Филиппа не заняли, какъ бы это слѣдовало, мѣста рядомъ съ всадниками и слонами Аннибала. Тѣмъ не менѣе первая македонская война отмѣчаетъ самую важную стадію движенія Рима на востокъ. Римъ въ первый разъ помѣрялся съ силами великаго царства точно также, какъ въ войнѣ съ Карѳагеномъ онъ помѣрялся съ силами великой республики. Римъ, Карѳагенъ и Македонія были тремя великими европейскими державами и Риму пришлось бороться противъ двухъ другихъ державъ одновременно. Счастіе для Рима, что Македонія не напрягла всей своей силы въ то время, когда могущество Карѳагена не было еще разрушено. Какъ бы то ни было и одинъ Аннибалъ безъ союзниковъ, кромѣ тѣхъ варваровъ, которыхъ онъ созвалъ вокругъ своего знамени, послѣ страшныхъ потерь, понесенныхъ имъ при переходѣ черезъ Пиринеи и черезъ Альпы одерживалъ рѣшительныя побѣды во всѣхъ битвахъ и привелъ Римъ на край погибели, такъ что ни одно государство, кромѣ римскаго, не могло бы выдержать этого ужаснаго испытанія.

Дѣйствительно, «вѣчный вопросъ» никогда не былъ такъ близокъ къ своему разрѣшенію, и при томъ къ такому разрѣшенію, которое навсегда бы уничтожило европейскую жизнь, какъ въ ту минуту, когда Аннибалъ размышлялъ: не слѣдуетъ ли прямо послѣ битвы при Каннахъ двинуться къ воротамъ Рима. Эта минута была похожа

на ту минуту, когда отъ мнѣнія полемарха Калимаха зависѣло, должна ли тысяча Аѳинянъ дать при Маратонѣ сраженіе десяти тысячамъ персовъ. Намъ не за чѣмъ указывать на то, насколько походъ Аннибала измѣнилъ бы навсегда судьбу міра; достаточно сказать, что въ эту минуту висѣло на волоскѣ все, составлявшее жизнь Европы и будущую жизнь христіанства. Трудно, конечно, представить себѣ, чтобы Аннибалъ и его родичи, великій родъ и величайшій изъ его сыновъ, въ сущности говоря, боролись за то же дѣло, за которое при другихъ стадіяхъ этой борьбы боролись варвары разрушители, и, тѣмъ не менѣе, это такъ; когда мы видимъ, какъ Римъ, его граждане, колонисты и союзники боролись противъ карѳагенскихъ наемниковъ, когда мы сопоставимъ поклонниковъ Юпитера съ поклонниками Молоха, мы начинаемъ понимать, на чьей сторонѣ были вѣчные интересы человѣчества. Во всякомъ случаѣ, величайшій изъ городовъ стоялъ противъ величайшаго изъ людей, защищая достойное дѣло. Погибель Карѳагена позволила Риму перейти къ завоеванію Греціи; но если Греція и была завоевана, то къ счастію для человѣчества—ея завоеватели могли сдѣлаться ея учениками, какими не могли бы сдѣлаться финикіяне. Тяжело, конечно, сопоставлять Аннибала съ Аттилой или даже съ Абдъ-аль-Рахманомъ и тѣмъ не менѣе теперь существующій европейскій міръ долженъ считать побѣду при Замѣ или, вѣрнѣе сказать, ту энергію римлянъ, благодаря которой эта побѣда сдѣлалась возможной, спасеніемъ и величайшимъ счастіемъ на ряду съ подвигами Аэція и Теодорика и на ряду съ дѣяніями Карла Великаго.

Римскіе историки разскажутъ вамъ, какъ удалось Риму и Европѣ пережить это испытаніе и какія причины дали Риму силы устоять противъ этой самой страшной изъ грозившихъ ему опасностей. Для нашей цѣли достаточно сказать, что Римъ вышелъ изъ борьбы повелителемъ запада, и что Карфагену было предоставлено просуществовать еще нѣсколько болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ зависимому отъ Рима городу. Потомъ онъ долженъ былъ погибнуть; страна его сдѣлалась римской провинціей, и самъ онъ черезъ сто лѣтъ появился снова, какъ римскій городъ, какъ главный городъ одной изъ самыхъ большихъ римскихъ провинцій, какъ мѣсто особой формы римской жизни, просуществовавшей болѣе семи сотъ лѣтъ до тѣхъ поръ, пока могущество Рима въ Африкѣ не пало передъ пришельцами семитической расы, пришельцами болѣе ужасными, чѣмъ старые финикіяне. Битва при Замѣ положила конецъ продолжительному и замѣчательному эпизоду финикійскаго владычества въ западныхъ моряхъ. Она дала Риму возможность продолжать его дѣятельность въ Западной Европѣ, какъ завоевателя и учителя, и его дѣятельность за Адріатическимъ моремъ, какъ завоевателя и ученика. Было бы лишней тратой времени строить догадки о томъ, не былъ ли бы Римъ

разрушенъ Аннибаломъ и Филиппомъ, если бы этотъ послѣдній воспользовался всѣми силами своего царства и своихъ союзниковъ. Для насъ достаточно знать, что онъ не сдѣлалъ этого и радоваться. Филиппъ не съумѣлъ дѣйствовать одновременно съ Аннибаломъ и Римъ имѣлъ возможность нанести пораженіе каждому изъ нихъ порознь. Первая македонская война ввела Римъ въ соприкосновеніе съ греческими дѣлами. Греческія государства внезапно узнали, что Римъ можетъ быть ихъ другомъ или ихъ врагомъ; но они не сразу поняли, что дружескія или враждебныя отношенія къ Риму составляютъ только первый шагъ къ тому, чтобы сдѣлаться сначала зависимыми отъ Рима, а потомъ его подданными. Неудивительно, что они не поняли этого; обыкновенно какъ государи, такъ и республики, не легко усваиваютъ себѣ уроки исторіи. Греки того времени настолько же не понимали, какое значеніе имѣетъ римское вмѣшательство въ ихъ дѣла, насколько полтораста лѣтъ до того времени они не понимали, какое значеніе имѣло вмѣшательство Македоніи. Въ подобныхъ случаяхъ, ни народъ, ни государи обыкновенно не предвидятъ будущаго; а кромѣ того, такъ какъ въ первой македонской войнѣ Римъ былъ страной, потерпѣвшей пораженіе, то греки и не могли понять, какъ много выигрывалъ Римъ уже тѣмъ однимъ, что онъ началъ эту войну. Люди, бывшіе руководителями въ отдѣльныхъ греческихъ государствахъ, привыкшіе смотрѣть на Грецію и на сосѣднія государства, какъ на отдѣльный греческій міръ, какъ на такой міръ, вмѣшательство Рима въ дѣла котораго представлялось столь же мало вѣроятнымъ, какъ и вмѣшательство жителей другой планеты, не могли предвидѣть будущаго, наступившаго однако еще при ихъ жизни. Филопименъ не предвидѣлъ наступленія дней, когда ни одинъ греческій государственный человѣкъ не смѣлъ ни сдѣлать чего нибудь, ни сказать ни одного слова безъ разрѣшенія варварской республики, фактически превратившейся во владычицу Греціи. То обстоятельство, что онъ и другіе не предвидѣли этого, отнюдь не доказываетъ какой нибудь особой близорукости грековъ или республикъ. Эта была близорукость, общая всѣмъ государственнымъ людямъ, не имѣвшимъ возможности воспользоваться опытомъ еще не наступившихъ вѣковъ.

Фактически владѣнія Рима въ началѣ второго вѣка до Р. Х. были незначительны сравнительно съ его владѣніями въ концѣ этого вѣка. Въ началѣ вѣка Римъ былъ несомнѣннымъ главой Запада, но совсѣмъ еще не было очевиднымъ, что онъ сдѣлается и главой Востока. Рѣшеніе этого вопроса было предоставлено этому чрезвычайно важному вѣку, изученіемъ котораго такъ долго пренебрегали. Въ началѣ его Римъ былъ главой Италіи, онъ снова пріобрѣлъ господство надъ Цизальпинской Галліей, утраченное имъ во время войны съ Аннибаломъ, но у него не было еще вновь завоеванныхъ имъ провинцій; у него были только земли въ Сициліи, Сардиніи и Испаніи, отнятыя имъ у Карѳагена; а

кромѣ того, для расширенія или даже для удержанія испанскихъ владѣній, Риму приходилось вести постоянную и упорную борьбу. Въ транзальпинской Галліи у Рима еще не было владѣній; Массалія еще была независимой и особо благопріятствуемой союзницей; въ Африкѣ Карфагенъ былъ подчиненнымъ городомъ; Массинисса Нумидійскій былъ вѣрнымъ и преданнымъ вассаломъ, котораго Римъ поддерживалъ и которому онъ покровительствовалъ до тѣхъ поръ, пока еще существовалъ Карфагенъ. Въ восточной Европѣ Римъ уже получилъ власть за Адріатическимъ моремъ, но эта власть была еще только надъ союзниками, а не надъ подданными; она не распространялась дальше извѣстныхъ береговыхъ мѣстностей, лежащихъ какъ разъ противъ итальянскаго полуострова. Римъ уже совершилъ свое дѣло разрушенія на многихъ островахъ и во многихъ городахъ самой Греціи, но онъ совершилъ это дѣло въ сообществѣ союзниковъ грековъ, и, если онъ вообще вмѣшался въ греческія войны, то дѣлалъ это только потому, что Филиппъ былъ союзникомъ Аннибала и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ нападать на Римъ въ его собственной территоріи. На дальнемъ Востокѣ Пергамъ былъ уже союзникомъ Рима; Аттала и Эвменъ находились въ такомъ же положеніи какъ и Массинисса, до тѣхъ поръ, пока въ интересахъ Рима было необходимо наблюдать надъ Македоніей и государствомъ Селевкидовъ. Это послѣднее не было еще ни другомъ, ни врагомъ Рима. Египетъ былъ связанъ съ Римомъ дружескими отношеніями, но эти отношенія не влекли за собой его зависимости.

Посмотримъ на положеніе дѣлъ черезъ двадцать лѣтъ: Римъ не увеличилъ своей территоріи на востокѣ ни однимъ городомъ или округомъ, но Кефалонія и Закинфъ уже стали въ такое же положеніе, въ какомъ раньше находились Коркира и Эпидамнъ. Этолія была страной формально зависимой отъ Рима, Македонія сдѣлалась зависимой въ наказаніе за свою борьбу съ Римомъ и потомъ снова получила формальную независимость въ вознагражденіи за услуги, оказанныя ей правящей республикѣ. Вездѣ на востокѣ, кромѣ незначительныхъ владѣній въ западной Греціи, Римъ пользовался не властью, а вліяніемъ; но это вліяніе было такого рода, что дѣлало его владыкой. Обширныя владѣнія великаго царя Антіоха, наслѣдника Кира и Александра, сдѣлались значительно меньше; загнанный за Тавръ, онъ почти удалился изъ эллинскаго міра. Повелитель Азіи, стремившійся одно время сдѣлаться повелителемъ Европы, былъ теперь властелиномъ только въ Сиріи и въ тѣхъ странахъ къ востоку отъ нея, которыя ему удалось спасти отъ нападенія парфянъ. Его владѣнія на Азіатскомъ полуостровѣ были теперь раздѣлены между царственнымъ Пергамомъ, демократическимъ Родосомъ, и другими мелкими государствами, находящимися подъ вліяніемъ Рима. Римскій сенатъ въ засѣданіяхъ котораго еще такъ недавно

разсуждали о томъ, какимъ образомъ спасти Римъ отъ нападенія Аннибала, былъ теперь верховнымъ международнымъ судомъ для всего цивилизованнаго міра, судомъ, всегда готовымъ выслушать жалобы любаго царя и любой республики на другихъ царей или республики, всегда готовымъ выслушать даже любую партію, любаго частнаго человѣка, которые жаловались на другія партіи или на другихъ гражданъ самой незначительной изъ республикъ. «Отцы Отечества» въ Римѣ обсуждали дѣла государствъ, бывшихъ въ теоріи союзниками Рима. Они рѣшали ихъ не въ силу какого либо закона или договора, а просто потому, что люди всегда видятъ судью въ томъ государствѣ, которое имѣетъ возможность привести свое рѣшеніе въ исполненіе. Когда Римъ изрекалъ свой приговоръ, всѣ повиновались. Цари падали ницъ, входя въ засѣданія сената. Они покорно держались въ предѣлахъ, начертанныхъ для нихъ римлянами даже въ ихъ собственныхъ государствахъ; Римъ управлялъ отъ Адріатическаго моря до Евфрата и отъ океана до Адріатическаго моря; но его могущество вездѣ, кромѣ старыхъ римскихъ земель и немногихъ провинцій, перешедшихъ къ нему отъ Карѳагена, имѣло пока только форму вліянія, а не прямаго владычества.

Въ теченіи полутораста лѣтъ, прошедшихъ до того времени, когда Римъ попалъ подъ власть своихъ цезарей, это вліяніе до значительной степени превратилось уже въ прямое владычество; и союзныя и зависимыя государства сдѣлались его провинціями. Посмотримъ на положеніе дѣлъ въ послѣдніе годы втораго вѣка до Р. Х. Италіей теперь называли уже, хотя и не въ оффиціальныхъ документахъ, не на основаніи какого либо права, а только въ обыденной рѣчи, всѣ страны до Альпъ. Въ Галліи, въ странѣ за Альпами, Римъ, покровитель Массаліи, пріобрѣлъ огромную провинцію, соединявшую Италію и Испанію и державшую стараго союзника какъ бы въ опекѣ. Испанія до значительной степени сдѣлалась римской; она вся, кромѣ тѣхъ горныхъ округовъ, которые было такъ трудно завоевать, сдѣлалась теперь римской провинціей. Африка тоже была провинціей, Карѳагенъ сдѣлался пустыней, а Нумидія и Мавританія безсильными, зависимыми отъ Рима, государствами. Къ востоку отъ Адріатическаго моря нѣкоторыя страны и города: Аѳины, Спарта, Родосъ, Византія и члены союза Ликіи формально еще удержали свою независимость, но прямое владычество Рима было уже широко распространеннымъ. Оно не составляло еще правила, но ему уже подчинялись всѣ большія государства. Царство Македонское сдѣлалось теперь македонской провинціей, Пергамское царство, такъ недавно увеличившееся насчетъ владѣній Селевкидовъ, составляло теперь провинцію Азію. Ахея послѣ разрушенія Коринѳа была настолько вполнѣ зависимой отъ Рима, что вопросъ объ ея политическомъ положеніи представлялся чисто формальнымъ. Сирія, Египетъ и всѣ

царства Азіи были теперь вассалами Рима и если на берегахъ Средиземнаго моря встрѣчалась еще полная свобода, то только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ эта свобода была позоромъ для Рима, а не его славой. Независимость, удержанная Родосомъ только по имени, была удержана во всей ея полнотѣ пиратами Крита и Киликіи.

Такимъ образомъ Римъ пріобрѣлъ владычество надъ всѣми странами, лежащими близъ береговъ Средиземнаго моря. Появилось государство, подобнаго которому никогда не существовало. Ни одинъ царь царей не достигалъ такой всемірной власти, какъ этотъ городъ изъ городовъ. И вдругъ совершенно внезапно повидимому, въ послѣдніе годы втораго и въ началѣ перваго вѣка до Р. Х. является вопросъ: можетъ ли Римъ удержать всѣ свои пріобрѣтенія, можетъ ли онъ даже удержать свое независимое существованіе? Появляются новыя силы, оспаривающія у него его право быть главой Запада и Востока, даже его право быть главой Италіи. Кай Марій послѣ своей побѣды надъ Югуртой въ теченіи многихъ лѣтъ снова и снова получаетъ званіе консула и идетъ въ походъ на спасеніе Галліи, Италіи, даже самаго Рима отъ нападеній тевтонскихъ пришельцевъ, появившихся раньше времени. Реликвіи, сохранившіяся въ Aquae Sextiae и напоминающія намъ объ этомъ спасеніи Рима и Галліи, не особенно значительны; но когда мы смотримъ на «Гору побѣды», мы сознаемъ, что сама судьба рѣшила, чтобы кости нашихъ соотечественниковъ служили изгородью для виноградниковъ Массаліи, что еще не настало время, когда готы и римляне будутъ дружески собираться въ Нарбоннѣ. Битва при Aquae Sextiae утвердила римское владычество на западѣ на цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ. Когда Греція и Азія, союзники и подданные были злодѣяніями правящаго города доведены до возстанія, то для обезпеченія римскаго владычества на востокѣ, не на пятьсотъ, а на цѣлыя полторы тысячи лѣтъ, потребовалась болѣе продолжительная борьба съ восточными государствами, поддерживаемыми греческимъ искусствомъ. Риму пришлось вести борьбу еще ближе, на своей собственной землѣ, у своихъ собственныхъ воротъ, въ своихъ собственныхъ стѣнахъ, и эта борьба была борьбой противъ итальянцевъ—борьбой на жизнь и на смерть. Второй Понтій сошелъ съ Самнитскихъ холмовъ, чтобы вырубить лѣсъ, защищавшій волковъ Италіи. Нужно было все счастіе Луція Суллы, нужны были горячія мольбы Феликса, Эпафродита, передъ разгнѣванными богами Греціи, чтобы сохранить не только владычество надъ Галліей и Азіей, но и самое существованіе Рима, какъ итальянскаго города.

Тѣмъ не менѣе борьба кимвровъ и тевтоновъ, самнитовъ и Понтскаго короля и его союзниковъ въ Азіи и Европѣ, оказалась напрасной. Римъ вышелъ изъ этого испытанія несомнѣннымъ повелителемъ; нигдѣ близъ Средиземнаго моря не осталось ни одного государства,

которое бы осмѣлилось сопротивляться его волѣ. Въ теченіи перваго вѣка до нашей эры и перваго вѣка послѣ нея владычество Рима окончательно устанавливается. Враги и союзники, какъ независимые, такъ и зависимые, становятся подданными Рима. Царства превращаются въ его провинціи, нѣкоторые города еще удерживаютъ свои свободныя учрежденія, но они слышатъ звукъ оковающихъ ихъ цѣпей, когда сенатъ и народъ независимой республики рѣшаются проводить только тѣ законы, какіе угодны ближайшему проконсулу. Одинъ изъ двухъ великихъ вождей Рима распространяетъ его владычество до Евфрата, а другой до Ламанша и Сѣвернаго моря. Сирія Гнея Помпея становится самой богатой изъ римскихъ провинцій, хотя страна древняго Дамаска и младшей Антіохіи никогда не сдѣлалась римскими. Галлія Кая Цезаря сдѣлалась римской страной, мѣстомъ римской жизни и римской культуры, страной, города которой воспѣвались Авзоніемъ изъ Бордо и картины жизни которой подробно изображены Сидоніемъ изъ Оверни. Обладаніе Сиріей и Галліей давало Риму новое положеніе и налагало на него новыя обязанности. Одной изъ характернѣйшихъ чертъ втораго вѣка до Р. Х. можно считать то, что варварскія государства востока снова занимаютъ угрожающее положеніе; дѣло Александра и Селевка казалось на половину разрушеннымъ. Римъ ослабилъ ихъ наслѣдниковъ и притомъ не взялъ на себя ихъ миссіи. Угрожающую позицію заняли пираты, парфяне и даже варвары на сѣверѣ Македоніи. Въ теченіи всего того времени, когда греческія республики и царства лишились своей независимости, но еще не превратились формально въ римскія провинціи, границы цивилизованнаго міра не были надлежащимъ образомъ охраняемы; потому то второй вѣкъ до Р. Х. былъ вѣкомъ нашествія варваровъ. Снова міръ, говоря словами Момзена, имѣлъ двухъ повелителей. На восточной границѣ появляется государство, бороться противъ котораго не могли македонскіе цари Сиріи, и самъ Римъ едва могъ въ борьбѣ съ нимъ удержать свои владѣнія. То обстоятельство, что Сулла былъ первымъ римляниномъ, имѣвшимъ прямое отношеніе съ парѳянами указываетъ на положеніе дѣлъ. Парѳія сдѣлалась могущественной, такъ какъ Римъ ослабилъ государство, которое могло бы задержать развитіе этого могущества. Новое варварское государство, въ теченіи трехсотъ лѣтъ послѣ Суллы было соперникомъ Рима и въ его борьбѣ съ нимъ обѣ стороны могли указать на побѣды и на временныя завоеванія, но ни одна изъ нихъ не могла похвастаться, что она ослабила своего противника. Потомъ настало время, когда парѳяне, подпавшіе подъ вліяніе грековъ, парѳяне, цари которыхъ называли себя *φιλελληνες*, должны были уступить дорогу болѣе энергичнымъ борцамъ за Азію въ «вѣчномъ вопросѣ». Въ теченіи продолжительной четырехсотлѣтней борьбы возродившіеся къ новой жизни Персы, сильные своей національной жизнью и національной

религіей, оставались самыми вѣрными и самыми достойными изъ соперниковъ Рима. Борьба между ними была равной; то, что пріобрѣлъ Галерій, Іовіанъ долженъ былъ отдать назадъ. Наконецъ, когда обѣимъ борящимся сторонамъ былъ нанесенъ ударъ, каждая изъ нихъ выдвинула, такъ сказать, своего Аннибала для нанесенія окончательнаго удара своему врагу. Хозрой стоялъ лагеремъ въ виду Константинополя, а Гераклій давалъ законы персамъ въ самомъ сердцѣ ихъ родины. Любопытно, какъ должны смотрѣть на эти важныя событія всемірной исторіи тѣ историки, которые отдѣляютъ древнюю исторію отъ новой мистической линіей, проведенной въ эпоху патриціата Одоакра. Эпоха Юліана, конечно, будетъ находиться по ту сторону этой раздѣльной линіи, но сочиненіе, сообщающее намъ объ его дѣяніяхъ, есть закрытая книга для классиковъ, она не принадлежатъ ни къ золотому вѣку классиковъ, ни даже къ серебряному. Что касается до Велизарія и Гераклія, то они несомнѣнно должны считаться греками «нижней Имперіи», столь же трусливыми и изнѣженными, какъ и всѣ ихъ соотечественники.

Увеличеніе могущества парѳянъ, продолженіемъ котораго съ точки зрѣнія всемірной исторіи было могущество возродившихся персовъ было только однимъ изъ звеньевъ ряда событій,— ряда, уже тогда бывшаго древнимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывно продолжающагося и до нашего времени. Это могущество просто поставило вѣчный вопросъ въ новыя условія и дало обѣимъ сторонамъ новыхъ и болѣе сильныхъ борцовъ; а въ это же время на западѣ появились условія абсолютно новыя. Помпей, завоеватель Сиріи, придвинулъ римскія границы къ Парѳіи, а Цезарь, завоеватель Галліи, придвинулъ римскія границы къ германскимъ землямъ. Первый изъ нихъ далъ Риму сосѣда, который могъ быть только соперникомъ, другой же далъ ему сосѣда, который не хотѣлъ быть подданнымъ, но который въ свое время сдѣлался завоевателемъ и ученикомъ. Съ этого времени начинается наша собственная исторія, исторія тевтонской расы въ трехъ странахъ ея мѣстопребыванія: на европейскомъ материкѣ, на большомъ островѣ океана и на громадномъ материкѣ за океаномъ. Мнѣ не зачѣмъ говорить вамъ, что во времена Цезаря и втеченіи многихъ вѣковъ послѣ Цезаря, наша исторія совершалась не на Темзѣ и Севернѣ, а на Рейнѣ и Везерѣ. Въ скоромъ времени послѣ этого Тацитъ укажетъ намъ на существованіе англовъ, а Птоломей на существованіе саксонцевъ, но въ это время насъ неразличаютъ среди толпы нашихъ братьевъ. Ихъ исторія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наша исторія; мы сыграли свою роль въ великой драмѣ въ тевтобургскомъ лѣсу; Арминій, «Liberator germaniae» былъ первымъ изъ цѣлаго ряда великихъ людей, доходящаго до Гампдена и Вашингтона. Римъ наконецъ нашелъ свою границу при Рейнѣ и Дунаѣ и отодвинуть эту границу до Эльбы и Эйдера было предоставлено судьбой не Друзу или

Германику, а первому тевтону, носившему корону римскаго императора.

Такимъ образомъ завоеванія Цезаря, сдѣлавшія римлянъ и германцевъ сосѣдями, что само собой должно было произвести извѣстное вліяніе какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ, были, въ нѣкоторомъ смыслѣ, началомъ позднѣйшей исторіи. Въ тогдашнемъ мірѣ, мірѣ римскаго владычества, умѣряемаго греческимъ вліяніемъ, появляются народы, не бывшіе ни подданными, ни соперниками Рима и разнообразныя формы и разнообразныя стадіи сліянія этихъ народовъ съ древнимъ міромъ породили теперь существующій міръ. Но римскіе и тевтонскіе элементы, изъ которыхъ образовались современная Европа и европейскія колоніи не были римскими и тевтонскими той стадіи развитія, въ которую они впервые выступили на историческую арену. Сліяніе ихъ произошло только тогда, когда они подверглись одному общему вліянію. Чтобы узнать, какое это было вліяніе, намъ нужно отъ завоеваній Цезаря снова возвратиться къ завоеваніямъ Помпея и отъ этихъ послѣднихъ къ еще болѣе древней стадіи, къ государству Селевкидовъ. Ослабленіе могущества этого государства послѣ битвы при Магнезіи, кромѣ того, что оно дѣлало возможнымъ увеличеніе могущества Парѳіи, имѣло еще и другія послѣдствія. Туземныя государства, подавленныя господствомъ Персовъ и Македонянъ, пріобрѣли новую жизненную силу. Величайшее изъ существующихъ семитическихъ государствъ было унижено; оно скоро должно было исчезнуть; но жизненность семитической расы постоянно проявлялась въ новыхъ формахъ и теперь оно проявилось въ такой формѣ, въ которой ей было суждено сдѣлаться болѣе прочной, чемъ могущество Сидона и Карѳагена. Эта форма семитическаго вліянія настолько слилась съ господствомъ Рима, что раздѣлить ихъ дѣло невозможное. Господство арабовъ надъ Дамаскомъ было въ нѣкоторомъ родѣ предзнаменованіемъ того времени, когда могущественные арабскіе повелители Дамаска царствовали отъ Инда до океана. Владычество евреевъ въ Іерусалимѣ напоминало о томъ времени, когда могущественные повелители Іерусалима царствовали отъ рѣки до великаго моря на западѣ. Аннибалъ умеръ въ изгнаніи, Карѳагенъ, также какъ и древняя Ниневія, лежала въ развалинахъ; но люди, говорящіе языкомъ Аннибала, хотя и непоклонявшіеся его богамъ, сдѣлались одной изъ великихъ двигающихъ силъ исторіи съ того самаго времени, какъ религіозная ревность Матаѳіи поразила ренегата. Греки просвѣтили міръ, римляне были его властелинами, тевтоны сдѣлались учениками и миссіонерами, какъ грековъ, такъ и римлянъ, а евреи были учителями всего міра во всѣхъ вопросахъ о сущности міра духовнаго. Въ этомъ отношеніи римляне и готы должны были сдѣлаться учениками еврея, но еврея, говорящаго черезъ посредство истолкователя грека. Арійская Европа могла совершить свою миссію только тогда, когда она усвоила семи-

тическую вѣру и она усвоила ее настолько полно, настолько исключительно, что эта вѣра сдѣлалась вѣрой европейской и прежде всего вѣрой Рима. Въ теченіи послѣднихъ тысячи двухсотъ лѣтъ «вѣчный вопросъ» принялъ форму борьбы между двумя вѣрованіями, имѣвшими семитическое происхожденіе. Одно изъ этихъ двухъ вѣрованій сдѣлалось достояніемъ арійцевъ; младшія расы приняли даръ, отвергнутый старшими; какъ первородство Исава перешло къ Израилю, такъ и первородство Израиля сдѣлалось общимъ наслѣдіемъ грековъ, римлянъ и тевтонъ. Римъ сдѣлался Римомъ во всей его полнотѣ, онъ исполнилъ свою всемірную миссію, онъ сталъ повелителемъ и учителемъ націй въ настоящемъ смыслѣ этого слова только тогда, когда онъ отринулъ своихъ старыхъ боговъ и преклонился передъ духовнымъ владычествомъ презираемой секты, появившейся въ ничтожномъ уголкѣ его владѣній. Когда Августъ, повелитель Рима, первосвященникъ римскихъ боговъ, бывшій самъ богомъ для своихъ подданныхъ, преклонился передъ Распятымъ въ одной изъ провинцій его имперіи, совершилось чудо изъ чудесъ, гораздо большее чудо, чѣмъ высохшее море или растрескнувшаяся скала, даже большее, чѣмъ воскресеніе мертвыхъ. Обращеніе нашего народа, обращеніе другихъ варварскихъ народовъ Европы уже небыло чудомъ. Римъ далъ примѣръ и всѣ кельты, тевтоны и славяне должны были послѣдовать ему. То обстоятельство, что христіанство сдѣлалось религіей римской имперіи было однимъ изъ чудесъ исторіи и оно съ этого времени сдѣлалось главнымъ факторомъ всемірной исторіи. Какъ бы мы ни объясняли тотъ фактъ, что христіанство сдѣлалось религіей римской имперіи, мы должны признать его. Христіанство было принято во всѣхъ земляхъ, дѣлавшихся частями имперіи или подпадавшихъ подъ ея вліяніе т. е. оно сдѣлалось вѣрованіемъ Европы и ея колоній. Внѣ придѣловъ Европы и ея колоній христіанство дѣлало завоеванія, но эти завоеванія рѣдко были прочными. Примѣръ Абиссиніи—примѣръ исключительный; да и всѣ подобные примѣры объясняются необычно широкимъ распространеніемъ римскаго вліянія. Христіанство никогда не было вѣрой какого нибудь великаго государства внѣ предѣловъ европейскаго міра. Народы Азіи и Африки удержали свое старое язычество или сдѣлались врагами римской вѣры, принявши вѣру арабскую. Съ другой стороны ни одинъ народъ, находившійся подъ римскимъ вліяніемъ, никогда не отпадалъ отъ христіанства. Населенія христіанскихъ странъ бывали порабощенными или исчезали, часто случались ренегатства, цѣлыя племена, какъ напр. было въ Альбаніи, отпадали отъ христіанства, но отъ него никогда не отпадали цѣлые народы. Нерону или Трояну показалось бы страннымъ, если бы имъ сказали, что наступитъ день, когда о владычествѣ Рима будутъ говорить, какъ о «владычествѣ Христа и Цезаря», что ихъ наслѣдники будутъ получать свою корону при исполненіи обрядовъ,

заимствованныхъ изъ священныхъ книгъ евреевъ и отъ главы секты, приверженцевъ которыхъ они отправляли на съѣденіе львамъ или на костры. Однимъ словомъ, исполнились слова, что всѣ царства міра сдѣлались царствами Бога и Христа Его. Эти слова исполнились всецѣло, когда Имперія Цезаря получила христіанское названіе «Священной», когда Императоръ, защитникъ всемірной церкви, считалъ для себя честью носить одѣяніе христіанскаго священника и участвовать въ его служеніи; когда Данте доказывалъ, что развитіе римскаго владычества было спеціально дѣломъ Божіимъ и что глава римскаго государства былъ относительно всего земнаго намѣстникомъ Божіимъ на землѣ. Намъ могутъ сказать, что эта теорія никогда не осуществилась. Это дѣйствительно такъ и главнымъ образомъ потому, что владычество Рима раздѣлилось, что наслѣдіе его цезарей сдѣлалось яблокомъ раздора между государемъ при Босфорѣ и государемъ на Рейнѣ. Это время было еще далеко и намъ придется говорить о немъ впослѣдствіи; а теперь намъ достаточно сказать, что сохраненіе римскихъ титуловъ и традицій въ государствахъ, гдѣ уже не было ничего истинно римскаго, представляетъ самое ясное доказательство глубокаго и прочнаго впечатлѣнія, произведеннаго на умы людей ученіемъ, что только Римъ и одинъ Римъ можетъ управлять и быть судьей всѣхъ народовъ.

Переходъ римской республики въ римскую имперію былъ собственно говоря постепеннымъ процессомъ, при помощи котораго римскій гражданинъ, получившій спеціальное порученіе, присоединилъ къ нему обязанности и полномочія, каждое изъ которыхъ первоначально было ограниченіемъ другихъ, и постепенно дѣлался сначала фактическимъ, а потомъ и общепризнаннымъ повелителемъ Рима и всѣхъ подвластныхъ ему странъ. Этотъ переворотъ, аналогичный постепенному процессу, при посредствѣ котораго римское вліяніе перешло въ римское владычество, имѣетъ гораздо меньшее значеніе для всемірной исторіи, чѣмъ для исторіи самаго Рима. Насъ занимаетъ всемірное господство Рима, каковы бы не были формы римскаго правительства; тѣмъ не менѣе не прямыя всемірныя слѣдствія перехода отъ республики къ имперіи были весьма значительными; для самаго Рима этотъ переходъ былъ политической смертью, а для его провинцій онъ былъ началомъ новой жизни. При имперіи были не только смягчены разныя злоупотребленія въ подчиненныхъ Риму странахъ, но и процессъ сліянія между ними и правящимъ городомъ шелъ гораздо быстрѣе, чѣмъ въ то время, когда римскій городъ тщетно старался соединить Libertas у себя дома съ Imperium въ другихъ странахъ. Императоръ появился потому, что для подчиненныхъ Риму земель одинъ повелитель былъ меньшимъ бременемъ, чѣмъ многіе. Не безъ основанія провинціалы воздвигали алтари многимъ государямъ, противъ которыхъ граждане тоже не безъ основанія оттачивали свои кин

жалы. При имперіи семьи, города, цѣлыя провинціи получали права римскаго гражданства; наконецъ вышелъ декретъ, о которомъ мы уже говорили, дававшій всѣмъ имъ право или, по крайней мѣрѣ, названіе римлянъ. Съ этого времени, на Западѣ и гораздо полнѣе, чѣмъ многіе думаютъ, на Востокѣ образуется искусственная нація, въ жилахъ которой течетъ кровь всѣхъ европейскихъ племенъ, но которая была римской по имени, по чувствамъ, по культурѣ и, съ весьма незначительными исключеніями, по языку. До эпохи тевтонскихъ переселеній Римъ уже совершилъ свое дѣло на Западѣ. Галлія и Испанія были странами не менѣе римскими, чѣмъ Италія. Если римлянинъ Галліи и не всегда желалъ драться за Цезаря, то за него не всегда желалъ драться и римлянинъ Италіи; но первый столь же не желалъ присоединиться къ варварамъ, какъ и второй. Я дѣлаю такое общее утвержденіе относительно цѣлыхъ странъ; о спеціальныхъ особенностяхъ исторіи Бретаніи и уголка Арморики мы будемъ имѣть случай упомянуть дальше. Для того, чтобы европейская исторія шла опредѣленнымъ путемъ, было необходимо, чтобы страны, куда вторглись тевтонскіе завоеватели, были вполнѣ римскими, чтобы они были такими странами, гдѣ пришельцы нашли бы вполнѣ развитую римскую культуру, необходимую для будущаго человѣчества. Это было бы невозможнымъ, если бы страны, въ которыя вступили Готы и Бургундцы, были иберійскими и кельтскими, а не римскими. Процессъ романизированія ихъ совершился гораздо быстрѣе и гораздо полнѣе при имперіи, чѣмъ онъ могъ совершиться при республикѣ. Потому то нисколько не раздѣляя моднаго преклоненія предъ имѣвшимъ успѣхъ преступленіемъ, не желая присоединяться къ тѣмъ подлымъ и презрѣннымъ насмѣшкамъ, которыми даже великіе ученые осыпаютъ иногда великихъ патріотовъ, стоявшихъ цѣлой головой выше ихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, мы можемъ всетаки сказать, что паденіе свободы римскаго города было необходимымъ шагомъ въ прогрессѣ римскаго міра; оно было шагомъ къ соединенію Готіи и Романіи, плодомъ котораго была современная Европа.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

Римъ и новыя національности.

Мы видѣли, что Римъ постепенно дѣлался главой Лаціума, потомъ главой запада и наконецъ главой всѣхъ странъ, лежащихъ при Средиземномъ морѣ.—При всѣхъ почти стадіяхъ этого развитія прогрессъ былъ медленнымъ; только при одной стадіи Римъ какъ бы внезапно занимаетъ новое положеніе. Это было въ то время, когда городъ, ниспровергнувшій восточныхъ повелителей запада и пріостановленный въ своемъ движеніи на востокъ войной съ Аннибаломъ, сразу пріобрѣтаетъ главенство надъ востокомъ, также какъ и надъ западомъ. Государство, раздавившее сыновъ Гамилькара, могло сдѣлать слѣдующій шагъ на своемъ пути къ развитію съ быстротой молніи. Но когда Римъ сдѣлался главой восточныхъ береговъ Средиземнаго моря, когда его сенатъ сдѣлался судьей отъ Адріатическаго моря до Евфрата, онъ не спѣшилъ превратить свое вліяніе въ непосредственное владычество. Можетъ быть, что Римъ, если бы онъ раньше началъ завладѣвать провинціями, пріостановилъ бы наступательное движеніе повелителей Парѳіи и Понта. Во всякомъ случаѣ только постепенно города и царства, долго удерживающіе свою номинальную свободу, дѣлались оффиціально римскими провинціями. Imperium Рима росло медленно и формы римской свободы вымирали тоже медленно; Римъ постепенно, но неуклонно шелъ къ признанному владычеству надъ всѣмъ міромъ. Точно также постепенно и неуклонно гражданинъ, поставленный Римомъ во главѣ республики, пріобрѣталъ, признанную верховную власть надъ самимъ Римомъ и надъ подчиненными ему землями. Почти одновременно власть Императора и его арміи окончательно замѣнила власть Сената и народа и всѣ свободные обитатели римскаго міра сдѣлались римскими гражданами. Всѣ они сдѣлались подданными Императора и каждый изъ нихъ, если онъ былъ счастливымъ и искуснымъ воиномъ, имѣлъ возможность сдѣ-

латься самъ императоромъ. Въ это время появляется искусственная римская нація: Romani Запада, *Ρωμαῖοι* Востока. Потомъ власть повелителя этой націи дѣлается общепризнанной. Діадема Юпитера и Геркулеса, титулъ повелителя всего міра, преклоненіе колѣнъ, весь церемоніалъ, окружавшій новыхъ Августовъ, составляли, конечно, удивительный контрастъ съ довольно простыми привилегіями перваго изъ гражданъ, высшаго изъ сановниковъ, которому сначала было дано это священное названіе. Императоръ, глава всей римской націи, всѣхъ римлянъ, какъ на Евфратѣ, такъ и на океанѣ, уже не былъ теперь ничѣмъ связанъ съ Римомъ на Тибрѣ. Можно сказать, что Римъ былъ поглощенъ Романіей и еще вѣрнѣе будетъ сказать, что вся Романія сдѣлалась Римомъ. Теперь императоры были настолько же дома въ Никомедіи и Антіохіи, въ Миланѣ и Равеннѣ, въ Іоркѣ и Трирѣ, въ Арлѣ и на Ронѣ, какъ они когда-то были дома въ скромной Regia стараго Рима. Не удивительно, что въ послѣдующіе годы императоры чувствовали себя отлично въ Ингельгеймѣ, Аахенѣ и Гелигаузенѣ, въ Никеѣ, въ Салоникахъ и въ Скупи и даже въ Вѣнѣ на берегахъ Дуная. Но избранный слуга Юпитера на его тронѣ въ Никомедіи прокладывалъ путь еще болѣе важнымъ перемѣнамъ. Человѣкъ, родившійся въ Иллиріи, получившій власть въ Британіи, обучавшійся искусству управленія въ Галліи, пріобрѣлъ Римъ только затѣмъ, чтобы перенести римскую жизнь въ другую столицу. Едва Діоклетіанъ, первый признанный изъ властелиновъ римскаго міра, былъ похороненъ подъ своимъ мавзолеемъ въ Спалато, при Босфорѣ появился новый Римъ и храмы новой религіи на ватиканскомъ холмѣ и въ Латеранскомъ дворцѣ начали угрожать владычеству Юпитера на его Капитоліи.

Новый Римъ, Римъ Константина, городъ Константина, городъ императоровъ, *βασιλεύουσα* грековъ, Царь-градъ славянъ или просто городъ, *ἡ πολις*, — названіе, сохранившееся въ названіи Стамбулъ — былъ съ самаго начала городомъ христіанскимъ. Римъ Ромула оставался языческимъ дольше чѣмъ другіе изъ городовъ имперіи, кромѣ Аѳинъ. Имперія въ новой своей столицѣ была «священной» съ самаго начала. Только черезъ нѣсколько вѣковъ появился великій вопросъ о раздѣленіи имперіи; только тогда люди начали спорить, кто былъ истиннымъ Августомъ: тотъ ли, кто получилъ помазаніе на царство въ соборѣ Св. Петра въ старомъ Римѣ или тотъ, кто получилъ его подъ куполомъ Святой Софіи въ Новомъ. Пока помазаніе Стараго Завѣта еще не касалось головы ни одного изъ императоровъ; двое или трое Августовъ могли царствовать одновременно и тѣмъ не менѣе имперія не считалась раздѣленной; но въ силу чего-то вродѣ естественнаго подбора императоры, царствовавшіе въ восточной столицѣ имперіи, имѣли нѣкоторыя преимущества надъ западными императорами. Въ переходные дни, въ

настоящіе средніе вѣка, въ то время, когда римляне и тевтоны стояли рядомъ и были готовы слиться, но еще не слились для созданія современнаго міра, всѣ историческія событія, всѣ историческія причины были направлены къ тому, чтобы сдѣлать восточный Римъ истиннымъ и постояннымъ представителемъ, если не моральнаго вліянія Рима, то его политическаго владычества.

Когда началось паденіе римской имперіи? Проницательный умъ Гиббона заставилъ его довести свой разсказъ до паденія ея восточной части; онъ не дожилъ до формальнаго паденія западной ея части. Съ нашей точки зрѣнія вѣка такъ называемаго упадка имперіи были вѣками ея наибольшаго вліянія. Временемъ политическаго упадка Рима, временемъ уменьшенія его государственной силы, можетъ быть, можно считать эпоху нѣсколько болѣе древнюю, чѣмъ та эпоха, которую избралъ нашъ великій учитель. При Троянѣ имперія уже достигла самаго наибольшаго территоріальнаго расширенія, но можно спросить, не были ли завоеванія, подобнымъ его завоеваніямъ, въ нѣкоторомъ родѣ признаками наступающаго ослабленія. Второй вѣкъ нашей эры начинается побѣдами Трояна; но уже до окончанія этого вѣка дни завоеваній прошли. Маркъ стоитъ на Дунаѣ съ иными цѣлями, чѣмъ тѣ цѣли, съ которыми Друзъ стоялъ на Рейнѣ. Теперь римскому государю приходилось не расширять границы своей имперіи, а только удерживать ихъ. Дни побѣдъ и торжества, дни территоріальныхъ завоеваній еще не прошли, но современи Марка до времени Стиликона, можно сказать даже, со времени Марка до Велизарія и Гераклія, до Никифора и Іоанна Цимисхія, до Палеолога, отвоевавшаго Константинополь, и другаго Палеолога, отвоевавшаго Пелопонезъ, завоеваніе обыкновенно обозначало пріобрѣтеніе вновь области, пріобрѣтенной Римомъ раньше и отпавшей отъ римскаго владычества. Въ этомъ случаѣ мы можемъ примѣнить то правило, о которомъ мы говорили въ нашей первой лекціи. Когда грекамъ приходилось изгонять персовъ изъ Греціи, когда римлянамъ приходилось изгонять германцевъ изъ римскихъ земель, — это было признакомъ паденія величія этихъ народовъ или, по крайнѣй мѣрѣ, признакомъ паденія ихъ политическаго могущества.

Но въ обоихъ этихъ случаяхъ паденіе политическаго владычества совпадало съ расширеніемъ сферы нравственнаго вліянія. Уже во времена Марка два великіе элемента созидающагося міра стояли лицомъ къ лицу. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось. Германцы были нападающей стороной, а римляне — защищающейся. Германцевъ раньше неоднократно изгоняли изъ Галліи и даже изъ Италіи, теперь настали дни, когда прогнать ихъ было невозможно, когда было часто гораздо благоразумнѣе принять ихъ въ римскихъ странахъ, какъ подданныхъ, какъ союзниковъ, какъ солдатъ имперіи, обезопасившихъ ея границы противъ ихъ соотечественниковъ, нападавшихъ на импе-

рію съ тѣми же цѣлями, какъ и они сами. Воинственные императоры одерживали побѣды во главѣ тевтонскихъ войскъ, не воинственные посылали вмѣсто себя одерживать побѣды полководцевъ тевтонской крови. По желанію такихъ полководцевъ возводились на престолъ и низлагались императоры. Люди тевтонскаго происхожденія дѣлались консулами, патриціями, опекунами дѣтей императоровъ; для нихъ было недоступно только одно положеніе; корона никогда еще не покоилась на головѣ тевтона. Если власть Рима и оставалась въ римскихъ рукахъ, въ одной части его владѣній, въ той части, въ которой Римъ сдѣлалъ наибольшія пріобрѣтенія, его территорія значительно уменьшилась. Азіатскія завоеванія Трояна ушли изъ рукъ Рима послѣ его смерти, его европейское завоеваніе, огромная провинція Дакія, пріобрѣтенная позже всѣхъ и утраченная раньше всѣхъ, была оставлена римскимъ полководцемъ, не менѣе знаменитымъ, чѣмъ самъ Троянъ. Авреліанъ снова сдѣлалъ Дунай римской границей, и за ней Готы жили до того времени, когда насталъ ихъ день и они прошли по всѣмъ тремъ великимъ полуостровамъ и основали готское королевство на самомъ западномъ изъ нихъ. Но въ теченіи полутораста лѣтъ послѣ оставленія Дакіи до самаго конца четвертаго вѣка границы имперіи не съуживались; въ имперіи было множество тевтонскихъ поселенцевъ, но навряд ли можно сказать, чтобы въ ней были какія нибудь тевтонскія поселенія. Всякій, жившій въ предѣлахъ римской имперіи, былъ, по крайнѣй мѣрѣ, по имени подданнымъ и солдатомъ Цезаря или врагомъ, пришедшимъ въ чужую землю. Франки уже жили въ то время въ далекомъ уголкѣ Галліи, но они жили тамъ, какъ солдаты Имперіи, которымъ было поручено защищать римскія границы противъ новыхъ пришельцевъ. Они иногда измѣняли этой обязанности, но по большей части честно исполняли ее; даже Готы, двигавшіеся туда и сюда по греческимъ, итальянскимъ и гальскимъ землямъ, получавшіе съ Рима выкупъ и наконецъ, разграбившіе его, не всегда были врагами его государей. Одно время ихъ вождь принималъ почести отъ законнаго Августа, а въ другой разъ онъ сдѣлался другомъ и солдатомъ имперіи, посадивъ на ея тронъ своего императора. Самъ Аларикъ, при всѣхъ своихъ походахъ, при всѣхъ своихъ осадахъ, никогда не имѣлъ опредѣленной территоріи; онъ никогда не былъ признаннымъ властителемъ хотя бы одного дюйма римской земли. Но раньше, чѣмъ онъ нашелъ покой въ своей могилѣ подъ водой, раньше чѣмъ Готская труба послышалась при Саларійскихъ воротахъ, раньше, чѣмъ Готъ вступилъ на тотъ путь, на который за восемьсотъ лѣтъ до него вступилъ Бренно, по которому не могъ пойти Аннибалъ, на тотъ путь, на которомъ Понтій Телезійскій нанесъ послѣдній ударъ за свободную и разъединенную Италію, раньше дня ужаса и удивленія начался другой актъ

великой драмы. Другія тевтонскія племена начали дѣлаться постоянными обитателями римской земли и Готы послѣдовали ихъ примѣру.

Мы доходимъ, такимъ образомъ, до пятаго вѣка нашей эры, до того вѣка, когда появляются первыя народности современной Европы.—Этотъ вѣкъ болѣе всякаго другого соотвѣтствуетъ третьему и второму вѣкамъ до нашей эры. Позднѣйшій періодъ до значительной степени разрушилъ дѣло древняго періода—этотъ послѣдній создалъ римскую имперію, а первый много сдѣлалъ для ея разрушенія. Никогда, до самаго времени ея постепеннаго умиранія, она не была такъ близка къ погибели, какъ въ это время, по крайней мѣрѣ въ ея западной части. Можно сказать, что на западѣ имперія распалась въ пятомъ вѣкѣ, но что въ шестомъ вѣкѣ благодаря реакціи съ востока она снова до значительной степени объединилась. Характерной чертой этого вѣка, на которую я уже указалъ раньше, былъ тотъ фактъ, что въ то время, когда политическое могущество Рима пало на Западѣ, на Востокѣ оно удержалось и даже до нѣкоторой степени распространилось. Восточная часть имперіи, находившаяся подъ владычествомъ наслѣдниковъ Аркадія, поддерживала непрерывно политическія традиціи Рима. Въ ней происходили войны и революціи — она была даже свидѣтельницей прохода тевтонскихъ войскъ, но все это было пустяками сравнительно съ бурной жизнью на западѣ. Войну съ Персіей, кончившуюся въ концѣ концовъ почетнымъ міромъ, который сохранялся въ теченіи ста лѣтъ, невозможно и сравнить съ безконечной борьбой противъ германцевъ на всѣхъ границахъ имперіи. Случайныя возстанія въ Константинополѣ начинаются только въ половинѣ пятаго вѣка и они ничтожны по сравненію съ цѣлымъ рядомъ тирановъ и не долговѣчныхъ императоровъ, нарушавшихъ спокойствіе запада въ теченіе всего этого времени. Тронъ восточныхъ императоровъ былъ настолько прочнымъ, что западъ часто и охотно признавалъ своимъ императоромъ его избранниковъ и—что было важнѣе всего—восточныя провинціи не были раздѣлены между тевтонскими правителями. Восточные походы Аларика происходили раньше пятаго вѣка, а позднѣйшіе походы двухъ Теодориковъ были пустяками сравнительно съ нашествіями, раздѣлившими весь Западъ на тевтонскія королевства. Эти королевства и были настоящимъ созданіемъ пятаго вѣка. Въ началѣ его имперія была раздѣлена между двумя сыновьями Феодосія, а въ концѣ этого вѣка въ Константинополѣ царствуетъ одинъ императоръ; но весь Западъ и даже самъ Римъ фактически вышелъ изъ подъ его власти и значительная часть западныхъ странъ отрицала даже формально его владычество. Могущество Рима сохранилось только въ тѣхъ восточныхъ странахъ, которыя были пріобрѣтены имъ, когда его могущество на Западѣ было обезпечено ослабленіемъ Карѳагена. Римъ потерялъ плоды побѣдъ при Метаурѣ и Замѣ и удержалъ плоды побѣдъ при Киноскефалѣ и при Пидиѣ, при Ѳермопилахъ и при Ма-

гиезіи. Геній Рима, изгнанный изъ его столицы при Тибрѣ, ожидалъ теперь въ своей новой столицѣ при Босфорѣ того времени, когда можно будетъ снова завоевать свою старую родину.

Эти два сопоставляемые нами вѣка: вѣкъ пріобрѣтенія Востока Римомъ и вѣкъ отпаденія Запада отъ Рима, даютъ намъ возможность, какъ мы уже сказали, сдѣлать нѣкоторыя поучительныя сравненія и противупоставленія. Такое сравниваніе и противупоставленіе двухъ вѣковъ можетъ быть сдѣлано съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія разрушенія римскаго государства и съ точки зрѣнія образованія замѣнившихъ его тевтонскихъ государствъ. Можно сравнивать путь образованія римскаго государства со способомъ его распаденія. Можно также сравнивать и путь образованія римскаго государства съ путемъ образованія замѣнившихъ его государствъ. Начнемъ съ перваго сравненія т. е. съ аналогіи между образованіемъ римскаго государства и его распаденіемъ. Это государство не было созданнымъ, а выросло, и точно также оно не было уничтожено, а вымирало. Во всѣхъ странахъ, подпадавшихъ подъ власть Рима, эта власть устанавливалась постепенно, точно также во всѣхъ странахъ, отпадавшихъ отъ Рима, его власть тоже изчезала постепенно. Посредствующія стадіи между независимостью и полнымъ подчиненіемъ, различныя стадіи союза и зависимости играютъ значительную роль, какъ въ дѣлѣ объединенія, такъ въ дѣлѣ распаденія. Въ римской имперіи снова появляются союзные вассальные короли и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже союзныя и вассальныя республики. Отъ подчиненія до полной независимости они шли тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ раньше шли отъ независимости до полнаго подчиненія. Но въ подобныхъ случаяхъ огромная разница обусловливается самымъ направленіемъ процесса. Формальное отношеніе можетъ быть одинаковымъ, но дѣйствительное положеніе совершенно различно. Прежде союзъ былъ только именемъ для прикрытія подчиненія, для формальнаго признанія котораго еще не настало время; а впослѣдствіи союзъ былъ именемъ для прикрытія независимости, формальное признаніе которой было несвоевременнымъ. Гіеронъ, Массинисса, Эвменъ, Прузіа были союзными съ Римомъ царями; таковы же были и Аларикъ, Атаульфъ, Одоаркъ и можетъ быть и Хлодовикъ. Между союзникомъ, близкимъ къ подчиненію, и союзникомъ, недалекимъ отъ полной независимости, существовало очень большое различіе. Первый изъ нихъ обиталъ внѣ признанныхъ владѣній Рима, его государству было предназначено сдѣлаться частью этихъ владѣній, но она еще не сдѣлалась ей. Онъ получалъ титулы и почести отъ Рима, но эти титулы были титулами царской власти въ его государствѣ. Консульство Гіерона, армія римскихъ гражданъ и итальянскихъ союзниковъ, отправляющихся въ походъ подъ начальствомъ Массиниссы, были бы явленіями очень странными и даже невозможными.

Наоборотъ, союзникъ позднѣйшей эпохи занималъ часть римскихъ владѣній, онъ получалъ нѣкоторыя римскія земли съ обязательствомъ защищать Римъ противъ новыхъ пришельцевъ. Бывшій и раньше королемъ своего народа, къ титуламъ варварской королевской власти онъ присоединялъ титулы римскихъ гражданскихъ и военныхъ должностей. Онъ именовался консуломъ, патриціемъ, magister militum. Союзникъ прежняго времени, бывшій слабымъ союзникомъ сильнаго государства, никогда не обнажалъ меча противъ своего могущественнаго союзника и только рѣдко, въ минуту надежды и отчаянія, онъ старался пріобрѣсти утраченную имъ независимость и этимъ самымъ только ускорялъ свою судьбу. Союзникъ позднѣйшей эпохи, бывшій, собственно говоря, сильнѣе Рима, часто обнажалъ свой мечъ противъ императора, признаваемаго имъ формально своимъ повелителемъ, такъ какъ это было лучшимъ средствомъ добиться отъ этого послѣдняго новыхъ почестей и пожалованій. Контрастъ тутъ очевиденъ, но не менѣе очевидна и аналогія. Римъ не пріобрѣталъ провинцій внезапнымъ присоединеніемъ совершенно независимыхъ странъ; точно также онъ не терялъ провинцій внезапнымъ отпаденіемъ ихъ и немедленнымъ образованіемъ совершенно отдѣльныхъ государствъ. Въ обоихъ случаяхъ происходилъ одинъ и тотъ же процессъ и всѣ зависимыя отъ Рима страны прошли стадіи союза, зависимости и вассальныхъ отношеній. Міръ сдѣлался римскимъ постепенно и столь же постепенно онъ пересталъ быть римскимъ.

Любопытно то, что эти два процесса, процессъ поглощенія отдѣльныхъ странъ Римомъ и процессъ ихъ отдѣленія отъ него, происходили одновременно. Я уже объ этомъ говорилъ и раньше. Одинъ изъ несомнѣннѣйшихъ историческихъ фактовъ состоитъ въ томъ, что присоединеніе греческихъ государствъ къ римскому, начавшееся за Адріатическимъ моремъ въ концѣ третьяго вѣка до Р. Х., а въ Италіи и Сициліи еще раньше, не было еще законченнымъ въ V вѣкѣ послѣ Р. Х. Это доказывается исторіей Херсонеса; эта отдаленная греческая колонія, бывшая союзницей Рима, вполнѣ перешла изъ положенія союзника въ положеніе подчиненія только къ серединѣ девятаго вѣка. Дѣло, начавшееся въ то время, когда Коркира, Аполлонія и Эпидамнъ сдѣлались союзниками Рима, было завершено только тогда, когда римская имперія была уже раздѣлена на двѣ части и когда франкскій Цезарь царствовалъ на Западѣ. Географическое положеніе Херсонеса охраняла его свободу. Для приведенія его въ зависимое отношеніе было необходимо полное напряженіе всѣхъ силъ имперіи. Но то отношеніе къ Риму, которое Херсонесъ de facto удерживалъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, формально удерживалось множествомъ городовъ, свободу которыхъ на дѣлѣ каждую минуту могъ раздавить любой изъ проконсуловъ. Когда были формально присоединены къ имперіи всѣ эти свободные города, права которыхъ ува-

жалъ Троянъ, всѣ эти маленькія Санъ-Мафино, лежащія въ ея предѣлахъ? Да и были ли они когда нибудь формально присоединены къ имперіи? Можно ли указать, когда насталъ послѣдній день аѳинской республики, считавшей Адріана своимъ архонтономъ, и Константина однимъ изъ своихъ полководцевъ? Какъ знать, не собирался ли по прежнему Сенатъ и народъ Аѳинъ долго послѣ того времени, какъ Гонорій старался собрать въ Арлѣ нѣчто подобное сенату и народу южной Галліи? Очень вѣроятно, что относительно этого и множества подобныхъ другихъ случаевъ невозможно было бы указать на какія либо опредѣленныя даты. Старыя формы, старыя чувства вымирали настолько постепенно, что рѣшительно невозможно сказать, когда зависимая республика окончательно превратилась въ муниципальный городъ. Когда Теодорикъ въ Италіи составлялъ эдикты для готовъ и римлянъ, въ Азіи греческіе сенаты и собранія могли по прежнему составлять декреты. Очевидно только одно; когда Юстіанъ закрылъ аѳинскій университетъ, то наслѣдникъ Перикла, бывшій канцлеромъ этого университета, долженъ былъ понять, что большая часть его обязанностей отнята у него.

Если пятый вѣкъ для римскаго государства былъ эпохой вымиранія и распаденія, то для тевтонскихъ пришельцовъ въ римскихъ странахъ онъ былъ эпохой рожденія и роста. Тутъ мы снова наталкиваемся на сравненія и на контрасты. Процессъ римскаго завоеванія на Востокѣ, бывшій во многихъ отношеніяхъ непохожимъ на процессъ тевтонскаго завоеванія на Западѣ, имѣлъ однако нѣкоторое сходство съ нимъ. Въ обоихъ случаяхъ менѣе культурный народъ былъ завоевателемъ народа болѣе прогрессивнаго. Въ обоихъ случаяхъ завоеваніе не повело къ сколько нибудь значительному искорененію или переселенію старыхъ обитателей завоеванныхъ странъ и къ уничтоженію ихъ законовъ, обычаевъ и языка. Въ обоихъ случаяхъ появился новый народъ и рядомъ съ старыми обычаями и законами ввелъ новыя. Разница состоитъ только въ томъ, что относительно римлянъ мы не можемъ сказать, чтобы дѣйствительно появился новый народъ. Многіе римляне жили въ Греціи и Азіи ради общественныхъ или частныхъ цѣлей; нѣкоторые даже поселились тамъ; но даже въ римскихъ колоніяхъ, вродѣ Коринѳа, не было настоящихъ римскихъ поселеній, подобныхъ тевтонскимъ поселеніямъ въ Галліи, Испаніи и Африкѣ. Тѣмъ не менѣе въ обоихъ случаяхъ побѣжденные забрали завоевателей въ плѣнъ, греческій востокъ получилъ нѣкоторую римскую примѣсь и все же остался греческимъ. Римскій западъ получилъ гораздо большую тевтонскую примѣсь, но онъ оставался римскимъ, по крайнѣй мѣрѣ, по религіи и языку.

Говоря другими словами, завоеваніе греческаго востока римлянами не повело къ образованію новыхъ народностей, такъ какъ оно не сопровождалось дѣйствительнымъ поселеніемъ побѣдителей въ завое-

ванныхъ странахъ. Греческая нація въ томъ смыслѣ, какъ мы опредѣлили ее, т. е. та искусственная нація, которая была создана греческой колонизаціей и македонскимъ завоеваніемъ, прошла всѣ стадіи зависимости и подчиненія и получила права римскаго гражданства таковыми, какими они сдѣлались во времена имперіи. Съ этого времени грекъ получилъ право называться римлянином и наконецъ настало время, когда грекъ и римлянинъ означали одно и то же и когда грекъ былъ единственнымъ сохранившимся политическимъ представителемъ римскаго имени, но названіе *Ρωμαιος* въ устахъ грека никогда не выражало того дѣйствительнаго измѣненія положенія дѣлъ, которое выражалось названіемъ Romanus въ устахъ Галла. Значеніе перваго названія было чисто политическимъ; грекъ, унаслѣдовавшій отъ предковъ совершеннѣйшую форму человѣческой рѣчи, никогда не мѣнялъ ее на варварскій діалектъ своего повелителя, онъ допустилъ только въ свой оффиціальный языкъ множество латинскихъ техническихъ терминовъ, что доказывало, что греческій языкъ снова замѣнилъ латинскій въ качествѣ оффиціальнаго языка восточной римской имперіи; Галлъ, конечно, не могъ обмѣнять своихъ кельтскихъ предковъ на древнихъ патриціевъ и плебеевъ римскихъ холмовъ, но во всемъ, кромѣ происхожденія, онъ сдѣлался настолько же римляниномъ, какъ будто бы онъ происходилъ отъ Фабіевъ и Лициніевъ. Онъ говорилъ языкомъ Рима и принялъ его обычаи. Долго послѣ того, какъ всякая идея о римской національности въ политическомъ значеніи этого слова изчезла, долго послѣ того, какъ Галлъ пріучился подчиняться власти своего франкскаго завоевателя, долго послѣ того, какъ Римъ сдѣлался для него иностраннымъ государствомъ, франкскій завоеватель былъ въ его глазахъ настолько же варваромъ, а онъ самъ настолько же римляниномъ, какъ и въ то время, когда Хлодовикъ вступилъ въ борьбу съ Сіагріемъ.

Мы говорили, что въ пятомъ вѣкѣ началось образованіе народностей современной Европы; мы говорили также, что если необходимо опредѣлить начало новой исторіи, то всего удобнѣе признавать такимъ началомъ тевтонское нашествіе въ Галлію въ 407-мъ году. Но народности современной Европы не произошли отъ народовъ, перешедшихъ тогда Рейнъ или отъ смѣшенія между этими народами и римлянами, въ земли которыхъ они вторглись. Въ то время Рейнъ перешли Вандалы, Свевы и Аланы и кто были эти Аланы, игравшіе въ теченіи нѣкотораго времени большую роль въ Испаніи и въ теченіи нѣсколько болѣе долгаго времени не особенно значительную роль въ Галліи? Очень вѣроятно, что въ началѣ они совсѣмъ не были германскимъ племенемъ, а были только болѣе или менѣе германизированными, благодаря продолжительному соприкосновенію съ германскимъ народомъ. Въ жилахъ смѣшанныхъ національностей Галліи и Испаніи можетъ быть и имѣется нѣсколько капель аланской крови,

по навѣрное Аланы не составляли сколько нибудь замѣтнаго элемента населенія въ этихъ странахъ. Этотъ народъ исчезаетъ изъ исторіи раньше конца пятаго вѣка; ихъ несомнѣнно тевтонскіе сотоварищи, Вандалы и Свевы, не основали прочныхъ поселеній въ Галліи и не внесли сколько нибудь замѣтнаго элемента въ національность Франціи, Аквитаніи и Бургундіи. Для этихъ народовъ Галлія была просто дорогой въ Испанію. Въ этой странѣ они поселились, хотя Вандалы скоро оставили свои поселенія, а Аланы были скоро истреблены; Свевы удержались дольше; мы можемъ, если угодно, смотрѣть на нихъ, какъ на тевтонскихъ предковъ обитателей Леона, точно также, какъ на гота мы можемъ смотрѣть, какъ на тевтонскаго предка обитателей Кастиліи. Здѣсь мы должны коснуться одного изъ важнѣйшихъ національныхъ названій исторіи. Готъ также, какъ франкъ игралъ въ Западной Европѣ роль совершенно отличную отъ той роли, которую играли Аланы, Свевы и Вандалы; но его роль была отлична отъ роли франка. Нѣкоторыя земли Европы въ ту или другую эпохи носили названіе Готіи—(я думаю, мнѣ не нужно предупреждать васъ, что этихъ странъ нужно искать въ Галліи и Испаніи или въ далекомъ Крыму, а не на островахъ Балтійскаго моря или на материкѣ), но ни одна изъ этихъ странъ не удержала этаго названія до настоящаго времени. Наоборотъ двѣ страны или двѣ части одной великой страны еще и теперь носятъ названіе Francia и это франкское имя, незначительно измѣненное, сдѣлалось названіемъ одной изъ передовыхъ современныхъ націй.

Франки и Готы пришли въ имперію задолго до нашествія 407-го года. Одна вѣтвь племени франковъ, какъ мы уже говорили, была поселена на римскихъ земляхъ и въ качествѣ римскихъ подданныхъ они дѣлали, что могли, для сопротивленія нашествію. Что же дѣлаетъ эпоху, въ которую произошло это нашествіе, столь важной для исторіи? Могутъ сказать, что народы, принимавшіе въ немъ участіе не играли въ европейской исторіи сколько нибудь важной и постоянной роли. Вандалы были изолированы и ихъ могущество было кратковременно; важную и постоянную роль въ исторіи съиграли народы, уже жившіе въ имперіи въ то время, какъ они пришли. На это можно возразить, что нашествіе 407-го года не только внесло въ Европу новые элементы, но и поставило уже существующіе элементы въ новыя отношенія другъ къ другу. Франки и Готы получаютъ въ то время новый характеръ и начинаютъ вести новую жизнь. Бургундцы переходятъ въ Галлію не за тѣмъ, чтобы двинуться дальше въ Испанію, а затѣмъ, чтобы найдти въ Галліи новую родину. Они двигаются къ юго-восточной части страны, франки не остаются, какъ прежде, въ сѣверо-восточной ея части. Готы поселяются на юго-западѣ, какъ зависимый отъ Цезаря народъ и на сѣверо-западѣ появляется провинція Бретань. Таковы были нѣкоторые изъ важнѣй-

шихъ элементовъ новаго міра и хотя эти народы не находились въ средѣ народовъ, перешедшихъ Рейнъ въ 407-мъ году, занятое ими въ это время положеніе было прямымъ слѣдствіемъ этого перехода.

Такимъ образомъ, въ Галліи и Испаніи нашествіе Вандаловъ, Аланъ и Свевовъ было началомъ образованія новыхъ народностей, хотя всѣ эти народы сами и не составляли элементовъ позднѣйшей жизни Галліи и были только второстепеннымъ элементомъ въ позднѣйшей жизни Испаніи. Позднѣйшая историческая жизнь этихъ странъ, а также и позднѣйшая историческая жизнь Италіи была слѣдствіемъ поселеній тевтонскихъ націй въ римскихъ странахъ и вліянія другъ на друга римлянъ и тевтонъ. Римляне и тевтоны жили рядомъ и благодаря этому появилась народность, отличная отъ нихъ обоихъ, народность, которую мы не можемъ назвать ни римской, ни тевтонской или вѣрнѣе сказать, народность, которую мы можемъ назвать римской или тевтонской смотря потому, съ какой точки зрѣнія мы на нее посмотримъ. Это новое историческое явленіе есть романскій элементъ современной Европы, романскія націи и романскіе языки. Первые зародыши ихъ были посѣяны въ пятомъ вѣкѣ, полнаго же развитія они достигли много вѣковъ спустя; но именно въ V вѣкѣ начали дѣйствовать причины ихъ образованія. Къ несчастію, трудно найдти хоть одну страну, въ которой могли бы безпрепятственно до нашего времени развиваться эти элементы, появившіеся въ V вѣкѣ. Италія не могла быть такой страной; если бы система Теодорика не была насильственно разрушена сначала завоеваніемъ со стороны имперіи, потомъ нашествіемъ Лонгобардовъ, то Италія могла бы быть лучшимъ образчикомъ того, какимъ образомъ на почвѣ самаго Рима могъ появиться романскій народъ, говорящій романскимъ языкомъ. Испанія въ этомъ отношеніи находилась въ болѣе удобномъ положеніи; географическое положеніе этой страны препятствовало дальнѣйшимъ тевтонскимъ поселеніямъ, но сарацины пришли туда прежде, чѣмъ Вестготы и римляне успѣли слиться въ единый народъ. Этимъ обстоятельствомъ обусловливаются отличительныя черты испанской исторіи—исторіи народа, національная жизнь котораго образовалась благодаря необходимости непрерывно бороться за «вѣчный вопросъ» въ самой его суровой формѣ. Сѣверная Галлія была не похожа въ этомъ отношеніи на Испанію и Италію, такъ какъ она была открыта постоянному нашествію новыхъ тевтонскихъ племенъ. Francia была страной, лежащей по обѣимъ сторонамъ Рейна и ея раздѣленіе на Austria и Neustria уже предсказывало позднѣйшее раздѣленіе на Francia Teutonica и Francia Latina. Возвышеніе Австразійскихъ майордомовъ почти настолько же, какъ тевтонское завоеваніе Латинской земли, каковымъ было завоеваніе Хлодовика и настолько же, насколько поселеніе норманъ въ X вѣкѣ, внесло въ одну часть этой страны новые тевтонскіе элементы. Такимъ образомъ, Франція, въ

узкомъ смыслѣ этого слова, отличалась отъ Испаніи и Италіи присутствіемъ этихъ позднѣйшихъ тевтонскихъ элементовъ. Въ Аквитаніи и Провансѣ, наоборотъ, они имѣли мало значенія; потому тамъ всего лучше можно изучать нормальныя слѣдствія движеній V вѣка. Несомнѣнно, что въ этой французской націи мы всего яснѣе отличаемъ три элемента, изъ которыхъ составились Романскія народности. Эти элементы суть элементы доримскій, римскій и тевтонскій. Вся же народность была результатомъ ихъ сліянія и, если смотрѣть на нее съ какой нибудь спеціальной точки зрѣнія, то ее можно назвать по имени любаго изъ этихъ трехъ элементовъ. По крови эта народность, главнымъ образомъ, кельтская, (на югѣ иберійская и лигурійская), но съ примѣсью римской и тевтонской крови; языкъ ея латинскій, но съ большой примѣсью тевтонскихъ словъ, чѣмъ это можно подумать съ перваго взгляда. Политическая ея исторія исторія тевтонскаго королевства, но видоизмѣненная переносомъ тевтонской королевской власти въ среду говорящаго по латыни населенія первоначально-кельтской страны. Элементы слились въ единое цѣлое и тѣмъ не менѣе они стоятъ рядомъ другъ съ другомъ. Нельзя сказать, что франки асимилировали римлянъ или что римляне асимилировали франковъ. Франки выучились римскому языку, но при этомъ они видоизмѣнили его и дали ему свое собственное названіе. Современный французъ не римлянинъ и не франкъ; онъ плодъ поселенія этихъ двухъ народовъ въ странѣ, болѣе древнее населеніе которой имѣло на нихъ обоихъ вліяніе.

Упоминаніе о древнихъ элементахъ Галліи, объ элементахъ болѣе древнихъ, чѣмъ римляне и тевтоны, даетъ намъ возможность указать на другую аналогію между эпохой образованія римскаго государства и эпохой его распаденія. Римляне не только не уничтожили греческій языкъ и греческую жизнь, но, наоборотъ, вездѣ, гдѣ они не находили ихъ, они становились въ нѣкоторомъ родѣ не только ихъ учениками, но ихъ миссіонерами. Куда бы не приходилъ римлянинъ, онъ приносилъ съ собой греческое вліяніе. Римское завоеваніе Азіи продолжило дѣло ея эллинизированія, начатое македонскимъ завоеваніемъ. Оно много способствовало уничтоженію элементовъ болѣе древнихъ сравнительно съ греческимъ; оно сдѣлало азіатскій полуостровъ, позднѣйшую Romania страной, гдѣ впослѣдствіи турки совершили свое разрушительное дѣло, но гдѣ все поглощенное турками и до сихъ поръ греческое. Тевтоны совершили на западѣ тоже, что римляне совершили на востокѣ. Какъ римляне вездѣ вносили греческое вліяніе, такъ и тевтоны вездѣ вносили римское вліяніе. Ихъ появленіе было конечнымъ ударомъ въ дѣлѣ искорененія всѣхъ элементовъ, бывшихъ древнѣе римскаго завоеванія. До ихъ пришествія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранялись старый языкъ и старыя вѣрованія; но они не имѣли къ этимъ старымъ

вѣрованіямъ и къ этому старому языку даже такого уваженія, которое сохранялось еще къ нимъ въ душѣ гальскаго римлянина. Они съ радостію учились римскому языку, но никогда не учились языку кельтовъ или Иберійцевъ. Они съ радостью преклонялись передъ богомъ, чтить котораго училъ ихъ Римъ, но ничто не привлекало ихъ къ древнимъ римскимъ богамъ или къ еще болѣе древнимъ богамъ, которыхъ чтили до пришествія римлянъ. Только въ двухъ мѣстностяхъ, благодаря совершенно особымъ обстоятельствамъ, сохранились старыя расы и старые языки. Гасконцы къ сѣверу отъ Пиринеевъ и бретанцы къ югу отъ Ламанша въ то время, когда всѣ слѣды родственныхъ имъ народностей исчезли, образовали народности, сохранившіяся до нашихъ дней, какъ переживаніе эпохи не только предшествующей Хлодовику и Атаульфу, но Каю Юлію и Каю Секстію.

Такимъ образомъ, въ западныхъ странахъ Рима появились новыя націи, бывшія, можно сказать, плодомъ соединенія Готіи и Романіи. Но кромѣ нихъ существовали и другія націи, не бывшія плодомъ этого соединенія, удержавшія во всей неприкосновенности свой тевтонскій типъ, жившія внѣ предѣловъ имперіи и устроившія свои поселенія въ нѣкоторыхъ ея частяхъ совершенно иначе, чѣмъ устроили свои поселенія Готы и Бургундцы. Таково было положеніе дѣлъ на нашемъ островѣ, пріобрѣтенномъ нами не отъ римлянъ, а отъ британцевъ; таково же было положеніе дѣлъ въ странахъ при Рейнѣ и при Дунаѣ. странахъ завоеванныхъ родственными намъ племенами Но даже и въ такихъ странахъ вліяніе Рима было глубокимъ и прочнымъ. Постепенно онѣ приняли римскую религію; не отказываясь отъ роднаго языка, онѣ приняли римскій языкъ, какъ языкъ образованія и религіи. Такъ было въ Германіи и Скандинавіи и во всѣхъ странахъ, получившихъ свою религію и культуру отъ Германіи; такъ было съ сѣверо-западными славянами, вступившими въ міръ западнаго Цезаря и западнаго первосвященника; такъ было даже съ мадьярами, нашествіе которыхъ раскололо на двое массу славянскихъ народовъ, при чемъ поляки и венды остались подъ вліяніемъ стараго Рима, а сербы и русскіе подпали подъ вліяніе новаго. Но самое великое завоеваніе было совершено на западѣ, хотя и трудно сказать, кто въ этомъ случаѣ былъ завоевателемъ; одной изъ формъ соединенія Готіи и Романіи, хотя и отличной отъ вышеупомянутой формы ихъ соединенія, было сліяніе политическаго бытія Рима и Германіи въ то время, когда западная римская имперія сдѣлалась «Священной римской имперіей германской націи».

Въ общемъ обзорѣ пятаго вѣка на западѣ мы только слегка коснулись самаго поразительнаго событія начала этого вѣка, взятія Рима Готами. Раньше окончанія пятаго вѣка Римъ уже привыкъ къ тому, чтобы его брали и грабили. Гейзерихъ и Рицимеръ опустошали

его даже болѣе свирѣпо, чѣмъ Аларикъ. Ни одно событіе всемірной исторіи не могло произвести такого глубокаго впечатлѣнія на умы современниковъ, какъ первое взятіе Рима тевтонами; но на общій ходъ событій оно имѣло мало вліянія, потому что міръ сдѣлался настолько римскимъ, что временное страданіе одного города имѣло сравнительно небольшое значеніе. Нашествіе Аларика въ Италію не прямымъ своимъ слѣдствіемъ имѣло нашествіе тевтонъ въ Галлію и Испанію и эти нашествія послужили основаніемъ для созданія новаго міра; но разграбленіе Рима не имѣло вліянія на цѣлый рядъ переворотовъ, бывшихъ слѣдствіемъ этого нашествія. Тоже можно сказать и о другомъ событіи второй половины пятаго вѣка, о событіи, которое многіе столь неосновательно считаютъ концомъ римской имперіи, событіемъ, раздѣляющимъ древнюю исторію отъ новой. Несомнѣнно, тотъ фактъ, что императоры перестали царствовать, какъ въ Римѣ, такъ и въ Равеннѣ, произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ, и это доказывается разсказомъ современныхъ лѣтописей; но извѣстіе, будто римская имперія разрушена, показалось-бы очень страннымъ въ Константинополѣ и не менѣе страннымъ въ Суасонѣ. Для романскаго королевства Сіагрія въ сѣверной Галліи было не особенно важно, что Италія признала своимъ императоромъ Зенона и что въ этой части имперіи его представителемъ былъ патрицій Одоакръ. То обстоятельство, что эта формальность скрывала за собой переворотъ, при которомъ царствующій императоръ былъ устраненъ наемникомъ варваромъ, не представлялось современникамъ ни новымъ, ни удивительнымъ. Единственное различіе между переворотомъ 476 года и другими прежними переворотами состояло въ томъ, что Одоакръ нашелъ для себя гораздо болѣе удобнымъ признать номинальную власть отсутствующаго государя вмѣсто того, чтобы управлять отъ имени присутствующаго императора, который былъ бы его креатурой. Въ Константинополѣ тоже нашли удобнымъ признать патриція тираномъ и дать другому товтонскому вождю порученіе смѣнить его и управлять вмѣсто него Западной частью имперіи. Личное величіе Теодорика заслоняло собой императора и имперію. Изъ своего дворца въ Равеннѣ онъ управлялъ всѣми западными странами, кромѣ только одной, по праву опекуна, старшаго родственника, представителя римскаго государства и по праву избраннаго главы всего тевтонскаго міра. Даже побѣдоноснымъ франкамъ онъ говорилъ: «вы дойдете только до сихъ поръ и не дальше». Въ такомъ положеніи было болѣе истиннаго величія, чѣмъ въ положеніе императора. Кромѣ того управленіе Теодорика отнюдь не измѣняло римской жизни въ Италіи. Было бы излишнимъ строить догадки, чтобы могло случиться если бы могущество Остъ-готовъ въ Италіи было столько же прочнымъ, какъ могущество Вестъ-готовъ въ Испаніи. Можно полагать, что именно величіе Теодорика было

главной причиной того, что власть Остъ-готовъ не могла сдѣлаться прочной. Подобно многимъ другимъ истинно великимъ людямъ онъ создалъ систему, приводить въ исполненіе которую могъ только онъ и никто другой. Онъ старался основать королевство готовъ и римлянъ, королевство, въ которомъ эти двѣ народности жили бы мирно рядомъ, причемъ каждая изъ нихъ сохраняла бы свои законы и исполняла бы свою отдѣльную миссію. При жизни его подобная система и существовала. Теодорикъ оставилъ непрекословеннымъ весь строй римской жизни, причемъ готъ былъ только вооруженнымъ защитникомъ. Говоря его собственными словами, онъ предоставлялъ римскому консулу честь управленія, а готскому королю онъ предоставлялъ только труды управленія. Болѣе мелкіе, чѣмъ Теодорикъ, люди, и не могли и не захотѣли бы сдѣлать этаго. Наслѣдники Теодорика съ трудомъ удержали на нѣсколько поколѣній установленные имъ отношенія между готами и римлянами. Его управленіе было лучшимъ, какое только можно было найдти въ тогдашней римской и тевтонской Европѣ, точно также какъ управленіе франковъ было худшимъ; но сліяніе между римлянами и тевтонами составляло самую сущность управленія франковъ, тогда какъ при системѣ Теодорика даже попытки къ такому сліянію были невозможны. Необходимымъ слѣдствіемъ этой системы было то, что она дала Италіи непродолжительный міръ и процвѣтаніе, равнаго которому мы не встрѣчаемъ въ теченіи многихъ вѣковъ; но когда Теодорикъ умеръ, система, основанная только на личныхъ его качествахъ, была окончательно разрушена. Въ VI вѣкѣ произошли два событія, о которыхъ мы уже говорили. Италія была опустошена продолжительной и кровавой борьбой, въ концѣ концовъ уничтожившей весь тевстготскій народъ и сдѣлавшей на время римскаго Августа безпорнымъ властелиномъ всего итальянскаго полуострова. Потомъ въ то время, какъ страна еще не отдохнула отъ долгой борьбы, произошло другое нашествіе тевтонъ, нашествіе народа, гораздо менѣе тронутаго римской цивилизаціей, чѣмъ Готы. Лонгобарды, установившіе свое управленіе въ двухъ мѣстностяхъ Италіи, никогда не могли сдѣлаться властелинами всего полуострова. Они никогда не царствовали въ Римѣ и только въ послѣдніе дни своего могущества царствовали въ Равеннѣ. Если одна часть Италіи и сдѣлалась Ломбардіей, то другія ея части оставались Романіей. Если предѣлы римскаго міра часто съуживались, то они часто и расширялись; даже послѣ того, какъ Лонгобарды подчинились франкамъ, послѣ того, какъ эти послѣдніе приняли на себя миссію римлянъ, большая часть южной Италіи, бывшей когда то греческой страной, гдѣ греческая жизнь никогда совершенно не вымирала, признавала власть, не говорящаго на германскомъ нарѣчіи Августа стараго Рима, а говорящаго по гречески Августа новаго.

Объ имперіи, ея возсоединеніи и раздѣленіи, объ общемъ положе-

ніи, занимаемомъ ей въ мірѣ, я буду говорить въ слѣдующей лекціи, теперь же меня занимаетъ вліяніе Рима на новые народы, устроившіеся въ теченіи V вѣка въ его предѣлахъ, его вліяніе на тевтонскіе народы материка Западной Европы. Совершенно вѣрно, что самыя крупныя переселенія тевтонъ, переходы остъ-готовъ и вестъ-готовъ начались на Востокѣ. Вандалы, бургундцы и франки вошли въ имперію по долинѣ Рейна, а Готы по долинѣ Дуная. Ихъ передвиженія въ дунайскихъ странахъ составляютъ одно изъ поразительныхъ явленій исторіи четвертаго вѣка и одно изъ самыхъ смутныхъ явленій исторіи пятаго; но то, что было дѣйствительно совершено въ мірѣ готами, какъ вестъ-готами Аллариха, такъ остъ-готами Теодорика, было совершено ими на Западѣ. Вестъ-готы, какъ показываетъ самое ихъ названіе, пришли раньше остъ-готовъ и поселились далѣе къ Западу. Послѣ удаленія Теодорика и остъ-готовъ изъ восточныхъ провинцій, остававшихся подъ непосредственнымъ управленіемъ императоровъ Новаго Рима, всякое участіе первыхъ тевтонскихъ пришельцовъ въ исторіи восточнаго государства можно признать оконченнымъ. На этомъ полуостровѣ они были только пришельцами и не основали сколько нибудь значительныхъ и постоянныхъ поселеній; для нихъ восточныя земли были только путемъ въ Италію, Испанію и Галлію. Ту роль, которую тевтоны сыграли на западѣ, на востокѣ должна была сыграть другая отрасль арійской семьи.

Мнѣ часто приходилось указывать на аналогію между положеніемъ тевтонскихъ поселенцовъ на западѣ и славянскихъ поселенцовъ на востокѣ. Востокъ и въ особенности юго-востокъ Европы былъ настоящей ареной развитія славянскаго племени. Мы уже говорили, что сѣверо-западные славяне попали подъ вліяніе власти и вѣрованій Западнаго Рима. Сѣверо-западные славяне были до значительной степени истреблены или ассимилированы тевтонскими завоевателями; даже тѣ изъ нихъ, которые избѣжали этой участи, благодаря своему присоединенію къ латинской церкви вошли въ среду народовъ Западной Европы. Историческая миссія славянскихъ націй находится на востокѣ, въ предѣлахъ вліянія восточной имперіи и восточной церкви. Слѣдуетъ сравнивать ихъ отношеніе къ этой части римскаго міра съ отношеніемъ тевтонъ къ другой ея части. Между обѣими этими отношеніями имѣется значительная аналогія; но эта аналогія такого рода, въ которой почти столько же противоположностей, сколько и сходства. Славяне были относительно восточныхъ странъ римской имперіи тѣмъ же, чѣмъ тевтоны были относительно западной ея части т. е. завоевателями и учениками; но они были завоевателями и учениками совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ таковыми были тевтоны. Это значеніе, главнымъ образомъ, обусловливалось различіемъ въ положеніи стараго и новаго Рима. На Западѣ, чѣмъ силь-

нѣе дѣлалось римское вліяніе, тѣмъ меньше городъ Римъ былъ мѣстомъ фактическаго управленія до тѣхъ поръ, пока не наступило время, когда этотъ городъ сдѣлался мѣстомъ всемірнаго управленія совершенно другаго рода. Начиная съ третьяго вѣка до девятнадцатаго Римъ никогда не былъ постоянной резиденціей Императоровъ. Вліяніе Рима, употребленіе римскаго языка не совпадали съ политическими границами, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ экзархатѣ и въ императорскихъ владѣніяхъ Испаніи, имѣлось опредѣленное географическое дѣленіе между римскимъ и тевтонскимъ управленіемъ. Обладаніе Римомъ отнюдь не вело за собой владычества надъ другими римскими землями. Надъ ними можно было пріобрѣсти власть и не обладая самимъ Римомъ. Въ восточной римской имперіи положеніе дѣлъ было иное; тамъ городъ былъ жизнью, душою и центромъ всей имперіи. Благодаря проницательности его основателя новый Римъ былъ построенъ на мѣстѣ соединенія двухъ міровъ. Императоръ всегда жилъ въ стѣнахъ Константинополя и всегда владѣлъ большей или меньшей территоріей не только по имени, но и на дѣлѣ. Границы имперіи колебались, положеніе той или другой страны было неопредѣленнымъ; при постоянныхъ пограничныхъ войнахъ, та или другая сторона, тотъ или другой городъ, иногда безспорно находились подъ властью Императора, иногда отдѣлялись отъ имперіи и составляли часть варварскаго королевства, а иногда находились въ среднемъ положеніи зависимости отъ имперіи и Императоръ имѣлъ надъ ними верховную власть, которой онъ и пользовался, насколько это было возможно. Нѣчто подобное бывало и на Западѣ, но на Западѣ не было ничего подобнаго постоянному пребыванію императорской власти въ Константинополѣ. Каковы бы ни были сущность и размѣры власти восточнаго Императора, центромъ этой власти былъ восточный Римъ и во всякомъ уголкѣ восточной имперіи онъ признавался главой. Ни одна славянская орда не опустошала восточнаго Рима, какъ опустошали Западный Римъ орды тевтонъ. Ни одинъ король славянскаго народа не получалъ императорской короны въ соборѣ Святой Софіи, какъ короли тевтонскихъ народовъ получали ее въ Соборѣ Св. Петра. Самое большое, что могъ сдѣлать такой король въ восточной имперіи—это основать свой собственный царь-градъ и носить корону, которую ему было угодно называть императорской въ Охридѣ или въ Скупи. Славяне во многихъ отношеніяхъ сдѣлались учениками восточнаго Рима, но по большей части они дѣлались скорѣе подражателями, чѣмъ учениками. Они навсегда остались чужими, какими не остались тевтоны на Западѣ. Они никогда не принимали при исполненіи религіозныхъ обрядовъ языка имперіи; они могли дѣлаться учениками, не дѣлаясь подданными и смѣшеніе славянскаго, римскаго или греческаго элементовъ на востокѣ не породило ни новаго языка, ни новой народности, соотвѣт-

ствующихъ романскимъ языкамъ и народности Запада. Одной изъ причинъ этого, какъ мы увидимъ дальше, было то, что въ восточной римской имперіи употреблялись два языка, тогда какъ въ западномъ Римѣ употреблялся только одинъ. На востокѣ существуетъ одна римская нація, но славяне не были однимъ изъ ея составныхъ элементовъ. Мнѣ придется еще впослѣдствіи говорить объ всѣхъ этихъ историческихъ явленіяхъ; въ настоящей же лекціи насъ занимаетъ главнымъ образомъ Западъ, западныя страны европейскаго континента. Но мы не должны забывать, что происхожденіе нашей собственной націи, поселеніе нашихъ предковъ на ихъ второй родинѣ произошло въ томъ же самомъ вѣкѣ, въ которомъ въ Галліи появились бургундское, готское и франкское королевство. Дѣло только въ томъ, что мы на нашемъ островѣ до значительной степени стояли въ сторонѣ отъ переворотовъ, происходившихъ на континентѣ. Нашу исторію слѣдуетъ излагать отдѣльно, но понять ее во всей ея полнотѣ можно только тогда, когда мы поймемъ эти происходившіе на континентѣ перевороты. Въ этой лекціи мы говорили объ поселеніяхъ родственныхъ намъ народовъ въ континентальныхъ провинціяхъ Запада. Востока мы коснулись только мелькомъ и говорить о немъ подробно будемъ тогда, когда будемъ говорить о причинахъ, навсегда раздѣлившихъ востокъ и западъ.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Раздѣленіе имперіи.

Знаменитѣйшій изъ моихъ предшественниковъ на этой кафедрѣ, составляя планъ «Римской Исторіи», сочиненія, оставшагося къ несчастію неоконченнымъ, но давшаго въ своемъ послѣднемъ оконченномъ томѣ образецъ историческаго повѣствованія, намѣревался довести свою работу до коронованія Карла Великаго. Сороколѣтнее обдумываніе и изученіе все болѣе и болѣе убѣждаютъ меня въ разумности плана Арнольда; 800-й годъ точно также, какъ 476-ой, не былъ концомъ римской имперіи; онъ не можетъ служить раздѣльной линіей между «древней» и «новой исторіей», но этотъ годъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣтныхъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи имперіи и всего міра. Въ теченіи его произошли событія неизмѣримо большой важности, чѣмъ консульство Базилиска и Армата. Избраніе Карла Перваго гораздо болѣе измѣнило положеніе дѣлъ, чѣмъ низложеніе послѣдняго Ромула. Это событіе представляло весьма удобное окончаніе «Римской Исторіи», какъ ея понималъ Арнольдъ. Съ внѣшней стороны оно возвращало старому Риму его прежнее положеніе; Римъ снова дѣлался, если не резиденціей, то, по крайнѣй мѣрѣ, мѣстомъ коронованія императоровъ. Собственно говоря, старый Римъ никогда раньше этого времени не былъ свидѣтелемъ древней еврейской церемоніи, сдѣлавшейся начиная съ V вѣка обычной въ новомъ Римѣ. Послѣ этого событія въ теченіи цѣлыхъ тысячи лѣтъ продолжалъ существовать императорскій титулъ и въ теченіи семи сотъ лѣтъ этотъ титулъ можно было получить только передъ алтаремъ Ватикана. Въ теченіи 500 лѣтъ западная римская имперія была чѣмъ то вліяющимъ на умы и на дѣйствія людей, было крупнымъ фактомъ и еще болѣе крупной теоріей. Но на западѣ императоръ римлянъ все меньше и меньше имѣлъ отношеніе къ старому Риму, онъ постепенно дѣлался чужимъ для своей импе-

раторской столицы и эта столица дѣлалась для него городомъ чужестранцевъ. Однимъ словомъ, римская власть на западѣ совершенно ушла, не только изъ города Рима, но даже и изъ искусственной римской націи. Когда Римъ снова началъ отстаивать свое право избирать своего государя, онъ избиралъ—и не могъ не избирать—человѣка, не бывшаго римлянином. Онъ избралъ франкскаго короля; Пепинъ былъ патриціемъ, патриціями же были и Рицимеръ и Одоакръ, но сынъ Пепина носилъ болѣе высокій титулъ. Старая традиція была уничтожена, варваръ получилъ діадему, римскій первосвященникъ произнесъ слова, а римскій народъ повторилъ ихъ: «Karolo Augusto, a Deo coronato, magno et pacifico Romanorum Imperatori vita et victoria!» Германецъ, наконецъ, сдѣлался Августомъ. Невозможно найти болѣе яркаго доказательства того моральнаго завоеванія, которое было сдѣлано каждымъ изъ племенъ. Въ это время имперія получаетъ самое высочайшее территоріальное расширеніе. Галлія пріобрѣтена снова для нея и къ ней присоединяется и Германія. Вездѣ, гдѣ франкскій король управлялъ раньше, какъ король, онъ теперь управляетъ, какъ императоръ. Границы римской имперіи подвинулись до Эльбы и Ейдера, они могутъ быть отодвинуты до Одера и до Вислы и, если необходимо, то до самаго конца міра. Многіе возразятъ на это, что такое расширеніе предѣловъ имперіи было номинальнымъ, а не дѣйствительнымъ, что это было расширеніемъ предѣловъ не Рима, а Германіи, увеличеніемъ могущества не римскаго Августа, а франкскаго короля; и, дѣйствительно, имперія Карла, а еще болѣе имперія Генриховъ и Фридриховъ, была не реальной въ томъ отношеніи, что она очень отличалась отъ имперіи Трояна и Діоклетіана. Она, конечно, не была римской въ томъ смыслѣ, въ какомъ была римской имперія даже Феодосія; но въ томъ то и состоитъ величайшее доказательство вліянія Рима и его магической власти надъ умами людей, что государство, на дѣлѣ переставшее быть римскимъ, тѣмъ не менѣе оставалось въ глазахъ современниковъ римскимъ и какъ таковое вызывало почтеніе, преданность и преклоненіе. Названіе можетъ потерять свое прежнее значеніе, но до тѣхъ поръ, пока люди будутъ бороться и умирать за это названіе, оно несомнѣнно есть фактъ.

Нужно помнить, что событіе 800 года въ одномъ смыслѣ было повтореніемъ, а въ другомъ уничтоженіемъ значенія событія 476 года, но оно ни въ какомъ случаѣ не было возстановленіемъ ряда императоровъ, прекратившагося въ 476 году. Карлъ, императоръ римлянъ, не былъ наслѣдникомъ ни Ромула Августула, ни Юлія Непота. Онъ былъ непосредственнымъ наслѣдникомъ Константина VI. Уже раньше императоры утратили всякую власть въ Римѣ, изъ ихъ рукъ она перешла въ руки франковъ; Августъ Карлъ не получилъ никакой власти, которой бы онъ уже не имѣлъ раньше въ качествѣ

патриція, но до сихъ поръ императорскій титулъ оставался за византійскимъ государемъ. Теперь же къ реальности присоединилось и названіе. Титулы имперіи перешли къ новому императору, царствующему въ Римѣ или по крайнѣй мѣрѣ тамъ коронованному и помазанному на царство. Не было никакой надобности низлагать царствующаго государя, Римъ признавалъ Константина, но онъ отказался признать Ирину. Имперія не могла управляться женщиной и въ особенности женщиной, низвергнувшей и ослѣпившей своего сына. Снова наступило междуцарствіе, такое же междуцарствіе, какое слѣдовало за смертію Ромула или за смертію Авреліана. Это междуцарствіе закончилось избраніемъ Карла. Несомнѣнно, что въ теоріи, господствующей на западѣ, какъ самъ Карлъ, такъ и его наслѣдники, избирались государями всей имперіи; они должны были царствовать надъ новымъ Римомъ также, какъ надъ старымъ. Несомнѣнно также, что по теоріи, господствующей на востокѣ, это избраніе и коронованіе были незаконными. Императоръ, получившій помазаніе въ св. Софіи, имѣлъ неотъемлемое право царствовать въ старомъ Римѣ также, какъ и въ новомъ. Однимъ словомъ, каждый изъ двухъ императоровъ признавалъ себя настоящимъ, а другаго самозванцемъ и тираномъ. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій время отъ времени снова возбуждался этотъ споръ; для людей стоявшихъ за права восточнаго императора, западный претендентъ былъ простъ *Αλαμανων ρηξ*, для людей же, стоявшихъ за права западнаго государя, восточной претендентъ былъ Rex-Graeciae. Любопытнѣйшимъ памятникомъ обсужденія этого вопроса можетъ служить достопамятный споръ между Василіемъ на Востокѣ и Людовикомъ на Западѣ, происходившій въ такую эпоху, когда основанія спора были еще живы въ памяти людей. Карлъ Великій могъ гордиться той минутой, когда Никифоръ отказался отъ своихъ притязаній на всемірное владычество, когда онъ призналъ короля франковъ равнымъ себѣ и приказалъ своимъ посланникамъ преклоняться передъ нимъ, какъ предъ Imperatorомъ и предъ *Βασιλευς*. Столкновеніе подобныхъ притязаній, при которыхъ каждый изъ двухъ могущественнѣйшихъ государей христіанства признавалъ себя единымъ главой его, должно бы было вести къ чему нибудь большему, чѣмъ постоянные споры и недоразумѣнія. Можно было ожидать, что это столкновеніе поведетъ къ постояннымъ войнамъ; на самомъ же дѣлѣ войны между двумя имперіями не были обычнымъ явленіемъ. Ни одна изъ враждующихъ сторонъ не могла ничего выиграть при посредствѣ войны, но соперничество и взаимное недовольство, какъ между государями востока и запада, такъ и между ихъ подданными, существовали и приносили не малый вредъ христіанству.

Наиболѣе вѣрный взглядъ на событія 800 года будетъ состоять въ томъ, что это событіе повело къ раздѣленію имперіи и что за-

падная часть ея, признавшая своимъ императоромъ франкскаго короля, была увеличена присоединеніемъ къ ней владѣній этого короля. Дѣйствительно, въ это время имперія раздѣлилась между двумя соперниками, каждый изъ которыхъ считалъ себя единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ прежнихъ императоровъ. Такое положеніе дѣлъ не слѣдуетъ смѣшивать съ положеніемъ дѣлъ, существовавшимъ въ V вѣкѣ. Имперія была теперь раздѣлена совершенно иначе, чѣмъ она была раздѣлена между сыновьями Ѳеодосія. Раздѣленіе ея между этими послѣдними по своей формѣ ни чемъ не отличалось отъ раздѣленія между сыновьями Константина или отъ болѣе стараго раздѣленія между Діоклетіаномъ и Максиміаномъ. Раздѣленіе между Аркадіемъ и Гоноріемъ и между ихъ наслѣдниками, царствовавшими въ V вѣкѣ, было раздѣленіемъ по обоюдному согласію. Два императора дѣлили между собою управленіе единой имперіей, какъ это бывало и раньше, но теперь имперія раздѣлилась между двумя враждебными государями, изъ которыхъ каждый теоретически долженъ былъ отрицать права своего соперника. Раньше Западъ охотно признавалъ своимъ государемъ человѣка, назначеннаго царствовавшимъ на востокѣ императоромъ. Теперь, конечно, ни одинъ государь, назначаемый Константинопольскимъ государемъ, «королемъ Греціи», не могъ бы получить королевской и императорской короны въ Ахенѣ, въ Миланѣ и въ Римѣ. Замѣтьте, кромѣ того, что западная имперія не только отдѣлилась отъ восточной, но и увеличилась присоединеніемъ многихъ территорій, въ большей части которыхъ никогда раньше не царствовалъ ни одинъ императоръ. Если бы Карлъ не присоединилъ къ римской имперіи своихъ франкскаго и лангобарскаго королевствъ, то имперія состояла бы только изъ Рима и изъ Равенны и изъ окружающихъ эти города земель. Ни одинъ изъ императовъ не заслуживалъ настолько нѣсколько страннаго титула позднѣйшихъ императоровъ: «Zu aller Zeiten Mehrer des Reichs», какъ первый изъ нихъ, который могъ понять значеніе этого титула на любомъ изъ тевтонскихъ языковъ. Карлъ, какъ я уже говорилъ раньше, присоединилъ земли, которыя не могъ присоединить ни Друзъ, ни Германикъ. Но къ какому государству онъ присоединилъ ихъ? Это государство, несомнѣнно, очень отличалось отъ имперіи перваго Августа и отъ той западной половины имперіи, надъ которой царствовали Максиміанъ и Валентиніанъ. Слѣдствія этого присоединенія были совершенно отличны отъ тѣхъ, которыя имѣли бы присоединеніе къ имперіи новыхъ земель Друзомъ или Валентиніаномъ. Главное различіе состояло въ томъ, что всякая страна, присоединяемая къ имперіи раньше, этимъ самымъ присоединялась къ искусственной римской націи, тогда какъ присоединеніе всѣхъ владѣній Карла къ имперіи, хотя оно и имѣло слѣдствіемъ увеличеніе сферы римскаго вліянія, отнюдь не вело за собой увеличеніе искусственной

римской націи. Новые подданные римской имперіи, обитатели Галліи и Германіи, конечно и не думали о томъ, что они сдѣлались римлянами. Избраніе Карла императоромъ, присоединеніе всѣхъ его владѣній къ имперіи сдѣлали имперію германской, но не дѣлали Германію римской. Несомнѣнно, что римская имперія не сдѣлалась пустымъ звукомъ, что римскія традиціи продолжали существовать, что имперія сохранила свое вліяніе надъ умами людей благодаря этимъ римскимъ традиціямъ, и тѣмъ не менѣе несомнѣнно также и то, что имперія потеряла всякую связь съ римскимъ городомъ и римской націей. Не было ничего новаго въ томъ, что императоры избирались не въ Римѣ. Это бывало начиная съ конца перваго вѣка, но такіе императоры были римлянами въ силу того, что они были римскими гражданами или, какъ это было впослѣдствіи, принадлежали по крайней мѣрѣ къ искусственной римской національности. Нѣчто новое состояло въ томъ, что Римъ сдѣлался мѣстомъ коронованія императоровъ, бывшихъ римлянами только потому, что они были римскими императорами. Императоръ до самаго конца былъ Romanorum Imperator, но кто же были Romani? Назывались ли этимъ именемъ всѣ обитатели имперіи? Но большая часть ихъ не желала называться этимъ именемъ. Или, можетъ быть, это названіе получило опять свое старое значеніе, можетъ быть оно обозначало только населеніе римскаго города? Но въ самомъ Римѣ власть римскаго императора была уничтожена гораздо полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Функціи Imperator'a и Pontifex Maximus давно уже не соединялись въ одной и той же личности и Pontifex Maximus новой вѣры въ Римѣ сдѣлался мѣстнымъ государемъ. Въ теченіи многихъ вѣковъ императоръ появлялся въ Римъ только затѣмъ, чтобы получить императорскую корону и потомъ уходилъ оттуда.

Самымъ вѣрнымъ опредѣленіемъ западной имперіи въ теченіи тысячи лѣтъ отъ перваго Карла до послѣдняго Франца будетъ такое опредѣленіе, отдѣльные термины котораго представляются противорѣчивыми. Это опредѣленіе таково: «Священная римская имперія германской націи». Имперія оставалась римской; если принимать во вниманіе противоположеніе западныхъ императоровъ восточнымъ, то историческая непрерывность будетъ сохранена, но римская имперія сдѣлалась при этомъ наслѣдіемъ германской націи. Германскіе избиратели выбирали германскаго короля и этотъ послѣдній имѣлъ право получить помазаніе, какъ римскій императоръ

Ex quo Romanum nostra virtute redemptum,
Hostibus expulsis, ad nos justissimus ordo
Transtulit imperium, Romani gloria regni
Nos penes est: quemcumque sibi Germania regem
Praeficit, hunc dives submisso vertice Roma
Suscipit, et verso Tiberim regit ordine Rhenus».

Болѣе древняя форма этой идеи выражена въ фразѣ о переходѣ имперіи отъ грековъ къ франкамъ и, несомнѣнно, западная имперія перешла къ франкамъ; несомнѣнно даже, что если придерживаться западныхъ идей, то она перешла къ нимъ отъ грековъ. Рядъ императоровъ, роднымъ языкомъ которыхъ былъ Германскій языкъ, послѣдовалъ за рядомъ императоровъ, роднымъ языкомъ которыхъ былъ языкъ греческій. И тѣмъ не менѣе вышеупомянутая фраза не выдерживаетъ критики. Слова: «греки и франки», какъ они употреблены въ этой фразѣ, не соотвѣтствуютъ другъ другу. Обитатель востока, если бы онъ даже и рѣшился признать, что имперія перепесена на Западъ, замѣтилъ бы, что слѣдуетъ говорить о переходѣ отъ римлянъ къ франкамъ, а не отъ грековъ къ франкамъ; но ни одинъ обитатель запада не подумалъ бы утверждать, что имперія перешла отъ грековъ къ римлянамъ. Мы уже говорили, что западную имперію съ нѣкоторымъ чувствомъ національной гордости называли «священной римской имперіей германской націи», но если бы вздумали назвать восточную имперію «священной римской имперіей греческой націи», то такое названіе не возбудило бы въ грекахъ чувства національной гордости. «Германцы»—это было національное имя, которымъ гордились обитатели западной имперіи, тогда какъ ни одинъ изъ обитателей восточной имперіи не призналъ бы своимъ названіе грека. Совершенно вѣрно, что обѣ эти имперіи сдѣлались въ концѣ концовъ, одна германскимъ государствомъ, другая греческимъ, но это совершилось при посредствѣ совершенно различныхъ процессовъ. Западная имперія сдѣлалась германской въ силу избранія императоромъ германскаго короля. Было бы смѣшно говорить, о томъ, что восточная имперія сдѣлалась греческой въ силу избранія императоромъ греческаго короля. Нѣчто подобное этому могло бы случиться въ девятнадцатомъ вѣкѣ, но это не могло случиться въ девятомъ вѣкѣ. Здѣсь мы снова можемъ указать на аналогію и на контрастъ, о которыхъ я говорилъ въ концѣ послѣдней лекціи. Ближайшей аналогіей для имперіи Карла на Востокѣ было бы такое положеніе дѣлъ, если бы болгарскій царь Симеонъ или сербскій царь Стефанъ получили въ соборѣ Св. Софіи корону императоровъ римлянъ и царствовали бы съ этого времени надъ Болгаріей и Сербіей въ качествѣ римскихъ императоровъ. Аналогія была бы еще болѣе полной, если бы они приняли императорскій титулъ, совсѣмъ не вступая въ стѣны царь-града. Мы дѣлаемъ такое предполагаемое сравненіе для того, чтобы указать на различіе между положеніемъ тевтонъ на западѣ и славянъ на востокѣ. Одной изъ главнѣйшихъ причинъ такого различія было различіе въ положеніи, занимаемомъ въ обѣихъ имперіяхъ старымъ и новымъ Римомъ, о другой же причинѣ этого различія мы будемъ говорить дальше.

Я сказалъ, что обитатель востока, можетъ быть, и согласился бы

съ утвержденіемъ, что имперія перешла къ франкамъ отъ римлянъ, но что ни одинъ изъ обитателей запада не сказалъ бы, что имперія перешла отъ грековъ къ римлянамъ. Я говорилъ въ послѣдней лекціи, что одна изъ важнѣйшихъ причинъ различія въ положеніи, занятомъ тевтонами на западѣ и славянами на востокѣ, состояла въ томъ, что въ восточной имперіи употреблялись два языка, а въ западной только одинъ. Причину этого различія слѣдуетъ искать въ исторіи древнѣйшихъ эпохъ; эта причина состояла въ различіи положенія Рима на востокѣ и на западѣ. Римъ былъ властителемъ и тамъ и тутъ, но при этомъ на западѣ онъ былъ учителемъ; а на востокѣ ученикомъ. На западѣ латинскій языкъ замѣнили языки туземные; можно сказать, что ни одинъ римлянинъ никогда не учился кельтскому или иберійскому языкамъ; если кто нибудь изъ римлянъ и учился этимъ языкамъ, то только для какихъ нибудь профессіональныхъ цѣлей; наоборотъ, на востокѣ латинскій языкъ никогда не замѣнялъ греческаго, да онъ и не могъ замѣнить его, такъ какъ греческому языку учились всѣ образованные римляне. Замѣчалось скорѣе противоположное стремленіе; въ прежнихъ своихъ лекціяхъ я уже говорилъ, что въ одно время даже въ самомъ Римѣ греческій языкъ почти замѣнилъ латинскій въ качествѣ языка литературнаго. Позднѣйшіе латинскіе писатели, вродѣ Амміана и Клавдіана представляли, собственно говоря, реакцію противъ греческихъ вліяній. Въ самой же Греціи греческій языкъ былъ живымъ языкомъ и латинскій употреблялся рядомъ съ нимъ только для извѣстныхъ цѣлей. Римская имперія, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, не знала другаго оффиціальнаго языка, кромѣ латинскаго; потому этотъ языкъ въ теченіи многихъ вѣковъ оставался на римскомъ востокѣ языкомъ правительственнымъ и военнымъ, а греческій языкъ былъ языкомъ обыденной жизни, литературы и религіи. Стало быть, положеніе, занимаемое на западѣ однимъ латинскимъ языкомъ, на востокѣ занимали языки латинскій и греческій; потому было невозможно, чтобы тотъ или другой изъ этихъ языковъ былъ усвоенъ другими народами настолько же, насколько былъ усвоенъ на западѣ латинскій языкъ, бывшій единственнымъ языкомъ, употреблявшимся въ западной имперіи. Въ тѣхъ частяхъ восточной Европы, куда не проникалъ греческій языкъ, повторились такія же явленія, какъ и въ западной Европѣ. Во Фракіи и Мезіи образовался романскій языкъ, также какъ въ Галліи и Испаніи, а въ дикихъ странахъ Иллиріи «Скипетаръ», современный альбанецъ, до сихъ поръ сохранилъ свой языкъ, также какъ на западѣ сохранили его Баски и Бретанцы. Такимъ образомъ, для нападавшихъ на имперію тевтонъ ея культура представлялись въ одной только формѣ, въ формѣ латинской культуры, тогда какъ славянамъ, если бы они хотѣли принять культуру имперіи, она представлялась въ двоякой формѣ,

какъ культура греческая и культура латинская. Почти необходимымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было то, что ни одинъ изъ этихъ элементовъ не имѣлъ на славянскихъ завоевателей востока такого вліянія, какое латинскій элементъ имѣлъ на тевтонскихъ завоевателей запада.

Я говорилъ, что западная римская имперія постепенно сдѣлалась германскимъ государствомъ, а восточная римская имперія также постепенно сдѣлалась греческимъ государствомъ, но при этомъ я оговорился, что процессъ постепеннаго превращенія въ обоихъ случаяхъ былъ различный. Мы видѣли, что западная имперія сдѣлалась германской въ силу того, что ея императорами избирались германскіе короли, а также и въ силу того, что названіе римской имперіи распространилось и на ихъ германскія владѣнія. Восточная же имперія превратилась въ греческое государство совершенно инымъ путемъ; тамъ не было перехода римской власти къ греческимъ государямъ, не было и распространенія названія римской имперіи на греческія земли. Оба эти процесса могли происходить относительно славянскихъ государей и славянскихъ земель, но не относительно греческихъ государей и греческихъ земель—по той простой причинѣ, что таковыхъ, какъ отличныхъ отъ римскихъ государей и земель, совсѣмъ и не существовало. Въ восточной римской имперіи т. е. въ восточной Европѣ и западной Азіи греческое и римское означало одно и то же. Мы говорили объ искусственной греческой націи и объ искуственной римской націи; въ восточной имперіи онѣ составляли одну націю; изъ двухъ языковъ восточно-римскаго міра туземный языкъ оказался сильнѣйшимъ, латинскій языкъ постепенно исчезалъ, но окончательно исчезъ только, какъ отдѣльный языкъ и только тогда, когда въ оффиціальный греческій языкъ вошло много латинскихъ словъ. Греческій языкъ сдѣлался единственнымъ языкомъ восточной римской имперіи; какъ на западѣ образовались романскіе языки, а латинскій сохранился рядомъ съ ними въ качествѣ языка оффиціальнаго, литературнаго и религіознаго, такъ на востокѣ въ обыденной жизни употреблялась болѣе новая форма греческаго языка, а старая его форма сохранялась какъ языкъ оффиціальный, литературный и религіозный. Но до самаго появленія оттомановъ даже до переворотовъ девятнадцатаго вѣка, когда было въ нѣкоторыхъ странахъ низвергнуто турецкое иго, сохранялось римское названіе. Да и какое названіе могло замѣнить его? Названіе: Эллинъ изчезло, оно сдѣлалось синонимомъ съ названіемъ язычникъ. Названіе: грекъ никогда не употреблялось въ эллинскихъ странахъ; подъ этимъ названіемъ эллины были извѣстны на западѣ совершенно также какъ Deutschen и Cymry были извѣстны другимъ народамъ подъ именами, которыя сами они не употребляли. И, дѣйствительно, народъ, который латиняне называли Graeci, самъ себя называлъ въ одно

время *Ἕλληνες* и въ другое время *Ῥωμαῖοι*; Римское имя сохранилось и должно было сохраниться, потому что его не чѣмъ было замѣнить. Въ то время, какъ западная римская имперія сначала присоединилась къ восточной, а потомъ отдѣлилась отъ нея и перешла подъ власть человѣка, который былъ сначала патриціемъ, а потомъ императоромъ римлянъ, но который самъ себя наврядъ ли назвалъ бы римляниномъ, восточная римская имперія оставалась подъ управленіемъ непрерывнаго ряда государей, замѣнявшихъ одинъ другаго на императорскомъ тронѣ и каждый изъ этихъ государей былъ бы весьма смущенъ, если бы кто нибудь могъ оспаривать его право именоваться римляниномъ. И государи и народъ именовали себя римлянами и не знали другаго названія. И они дѣйствительно были римлянами, хотя, конечно, не такими римлянами, какъ первые обитатели Палатинскаго холма или даже, какими были Вольскъ Цицеронъ и испанецъ Троянъ. Они были римлянами въ томъ смыслѣ, въ какомъ сдѣлались ими ихъ предки на основаніи эдикта Антонина. Они были римлянами по тому же самому праву, какъ Феодосій, происходившій также, какъ и Троянъ, изъ Испаніи или какъ Іовій, бывшій родомъ изъ страны, которую мы теперь называемъ Черногоріей. Было бы трудно доказать римское происхожденіе Юстиніана, но не легко бы было доказать римское происхожденіе Авреліана. Грекъ— не древній эллинъ, а грекъ, принадлежавшій къ искусственной націи, созданной македонскимъ завоеваніемъ — имѣлъ такое же право называться римляниномъ, какъ и галлъ. Такія же права имѣли сиріянинъ и египтянинъ, но эти послѣдніе не хотѣли принять предложеннаго имъ дара. Сохранивъ національныя вѣрованія, которые въ Римѣ считались еретическими, они сохранили и свое старое національное существованіе и потомъ отпали отъ Рима, чтобы сдѣлаться, не совсѣмъ не охотно, подданными сарацинъ. Самыя потери имперіи, отпаденіе ея восточныхъ провинцій до значительной степени способствовали тому, что на востокѣ названія: римлянинъ и грекъ сдѣлались синонимами. Въ теченіи седьмаго вѣка Сирія и Египетъ, латинскія земли Испаніи и Африки были окончательно отторгнуты отъ имперіи. Часть латинской Италіи перешла къ Лонгобардамъ, за ней послѣдовала и остальная часть Италіи и такимъ образомъ образовалось зерно новой западной римской имперіи. Результатомъ всѣхъ этихъ событій было то, что отъ Сициліи до Тавра почти всѣ граждане имперіи, всѣ эти римляне востока, говорили по гречески и принадлежали, какъ мы сказали выше, къ искусственной греческой національности. Въ предѣлахъ восточной имперіи искусственная греческая нація и искуственная римская нація, казалось, сдѣлались синонимами. Всякій грекъ былъ римляниномъ; казалось, что и всякій римлянинъ былъ грекомъ. Собственно говоря, это было не совсѣмъ такъ; даже въ предѣлахъ самаго восточнаго полуострова

создавались національности албанская и румынская; тѣмъ не менѣе римскія страны востока были настолько же странами, въ которыхъ употреблялся греческій языкъ, настолько римскія страны запада были странами, въ которыхъ употреблялся латинскій языкъ. Западная имперія сдѣлалась германской, благодаря избранію германскаго короля императоромъ и благодаря принятію въ имперію его германскихъ подданныхъ. Восточная же имперія сдѣлалась греческой, благодаря тому, что отъ нея отпали не греческія ея части. Событіе 800 года было завершеніемъ этого процесса; латинская Италія отказалась даже отъ номинальнаго повиновенія восточному Риму. Государь, царствующій въ Константинополѣ, былъ законнымъ императоромъ римлянъ, но почти всѣ римляне, оставшіеся подъ его управленіемъ, были греками.

Такимъ образомъ, восточная имперія сдѣлалась греческой, а западная германской въ силу одинаковыхъ процессовъ. Первая сдѣлалась греческой въ силу того, что одинъ изъ старыхъ ея элементовъ получилъ исключительное пріобладаніе, а вторая сдѣлалась германской въ силу того, что въ нее привзошелъ совершенно новый элементъ. Тѣмъ не менѣе, обѣ имперіи не переставали быть римскими. Римскій духъ могъ вымирать, но римское наслѣдіе сохранилось; римскія традиціи не прерывались. На востокѣ связи съ прошлымъ Рима никогда не были утраченными; если они и забывались иногда, то только потому, что римляне востока, казалось, забывали, что когда нибудь были какіе нибудь римляне кромѣ нихъ и какой нибудь другой Римъ, кромѣ новаго Рима. Съ другой стороны на Западѣ также, какъ и на востокѣ, никогда формально не отказывались отъ связи съ прошлымъ Рима; если это прошлое исчезло, то потому только, что оно было задавлено неримскими учрежденіями, выросшими рядомъ съ этимъ прошлымъ. Августъ на востокѣ былъ императоромъ римлянъ и никѣмъ больше. Странно, конечно, было то, что діадема Юпитера передавалась теперь въ силу христіанскаго помазанія; но дѣйствительно христіанское помазаніе передавало именно діадему Юпитера, а ни какую нибудь другую. Императоръ Запада былъ также королемъ Италіи, Германіи и Бургундіи, и Ахенъ, Миланъ и Арль играли такую же роль въ его избраніи, какъ и вѣчный городъ. Отнимите королевство германское, итальянское и бургундское и вы навряд ли найдете на картѣ земли, надъ которыми управлялъ Цезарь въ качествѣ Цезаря. Наоборотъ на востокѣ, во всѣхъ мѣстахъ, надъ которыми только царствовалъ императоръ, его царствованіе было фактическимъ. Была ли имперія великой или ничтожной, простиралась ли она отъ Истра до Оронта, отъ Арарата до Этны или ограничивалась уголкомъ Фракіи и частью азіатскаго берега, былъ ли ея государь могущественнымъ македонянином или трепещущимъ Палеологомъ, во всякомъ случаѣ онъ былъ

βασιλεύς и αὐτοκράτωρ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. На западѣ благодаря появленію новыхъ идей и новыхъ учрежденій, императоръ, который сохранилъ еще всѣ свои титулы, все свое формальное достоинство, который былъ окруженъ церемоніаломъ почти столь же величественнымъ, какъ его соперникъ на востокѣ, постепенно дѣлался главой непокорныхъ феодальныхъ владыкъ, такъ сказать, президентомъ союза, каждый изъ членовъ котораго былъ сильнѣе его. Восточнаго императора могли убить или ослѣпить, чтобы очистить мѣсто для другаго, но покуда онъ сохранялъ свою жизнь и свои глаза, его волѣ повиновались всѣ. Съ западными императорами подобныхъ приключеній не случалось; только немногіе изъ нихъ умерли на полѣ битвы или были убиты, но и эти немногіе до конца своихъ дней не были, покрайней мѣрѣ, лишены возможности наслаждаться свѣтомъ солнца; но хотя они и царствовали, хотя люди и называли ихъ повелителями свѣта и намѣстниками Всемогущаго, имъ приходилось, если только они больше любили дѣйствительную, а не призрачную власть, завидовать самому ничтожному изъ своихъ вассаловъ, который на нѣсколькихъ саженяхъ земли могъ дѣлать безъ всякаго препятствія все, что ему вздумается.

Я отмѣтилъ нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ характерныхъ чертъ, отличавшихъ восточную и западную имперію послѣ того, какъ онѣ окончательно отдѣлились другъ отъ друга въ 800 году; но для того, чтобы вполнѣ понять значеніе этого событія, необходимо дать краткій очеркъ главныхъ фактовъ исторіи въ ихъ послѣдовательности и сказать нѣсколько словъ предупрежденія противъ нѣкоторыхъ понятій и выраженій, которыя могутъ повести къ ошибкамъ. Можетъ быть, будетъ не безполезно также сдѣлать краткій обзоръ переворотовъ, совершившихся въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ и при этомъ обзорѣ сдѣлать необходимыя замѣчанія. Чтобы понять, что такое была раздѣленная на двѣ части имперія, прежде всего необходимо узнать, чѣмъ была имперія до ея раздѣленія. Мы говорили уже о XIII вѣкѣ, почти столь же важномъ для всемірной исторіи, какъ и V-й, а теперь мы снова должны вернуться къ этому послѣднему. Мы видѣли, что въ началѣ его формальныя границы имперіи остались неизмѣнными; Феодосій господствовалъ почти надъ такой же большой территоріей, какъ и Іовіанъ. Его владѣнія перешли къ его дѣтямъ, царствовавшими съ титуломъ императоровъ въ Константинополѣ и въ Равеннѣ. Въ теченіи этого вѣка вандалы перешли черезъ Галлію въ Испанію, они основали испанское королевство и потомъ оставили его для нѣсколько болѣе долговѣчнаго владычества въ Африкѣ; Алланы, двигавшіеся единовременно съ вандалами, основали еще болѣе недолговѣчное королевство въ Испаніи и потомъ изчезли съ лица земли. Третій изъ народовъ, участвовавшихъ въ этомъ великомъ переселеніи, Свевы, тоже основали въ Испаніи королевство и удер-

жались тамъ дольше другихъ. Въ концѣ пятаго вѣка они еще жили въ сѣверо-западномъ уголкѣ Испаніи; остальная же часть полуострова находилась въ рукахъ Вестъ-готовъ, могущественное королевство которыхъ, состоявшее изъ галльскихъ и испанскихъ земель, простиралось отъ Луары до Геркулесовыхъ столбовъ. Бургундцы распространились отъ своего стараго мѣстожительства на Рейнѣ до устья Роны и гавани Массаліи; но римское имя гораздо позднѣе исчезло изъ центральной и сѣверной Галліи. Между Сеной и Луарой, отрѣзанная отъ обоихъ центровъ императорскаго управленія, сохранилась римская земля, которую нѣкоторые называютъ, какъ ни странно кажется подобное названіе, римскимъ королевствомъ. Эта римская земля, наконецъ, подчинилась тевтонскому народу, очень долго игравшему второстепенную роль въ дѣлахъ Галліи, но теперь при короткомъ царствованіи предпріимчиваго короля занявшему во всемірной исторіи мѣсто рядомъ съ римлянами и готами. Франки начали свои походы къ востоку, западу, югу и сѣверу; ихъ король въ теченіи нѣкотораго времени былъ языческимъ государемъ, царствовавшимъ надъ католиками, предпочитавшими поклонника Одина послѣдователю Арія; но потомъ этотъ король сдѣлался единымъ католическимъ правителемъ всего міра, старшимъ сыномъ церкви и вся Галлія смотрѣла на него, какъ на спасителя католическихъ странъ отъ еретиковъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ то самое время, какъ Галлія, Испанія и Африка отпали отъ имперіи, отъ нея отпадаютъ и Италія и даже Римъ. Одинъ изъ варваровъ патриціевъ уступаетъ мѣсто другому, Теодорикъ охраняетъ Италію такъ, какъ въ теченіи многихъ лѣтъ не охранялъ ее ни одинъ цезарь. Прошло еще нѣсколько лѣтъ и его управленіе распространяется подъ тѣмъ или другимъ названіемъ надъ всей западной половиной европейскихъ странъ на берегахъ Средиземнаго моря. Тѣмъ не менѣе римское имя и римское государство сохраняются въ восточной половинѣ Европы. Императоръ римлянъ сохранилъ свой тронъ въ восточномъ Римѣ, сохраняя только призракъ власти надъ своей старой столицей и ожидая благопріятной минуты, чтобы превратить этотъ призракъ въ дѣйствительность.

Мы говорили о достопамятномъ пятомъ вѣкѣ, начало котораго, повторяю, можно считать началомъ новой исторіи, о вѣкѣ, даже въ концѣ котораго теперь существующія европейскія націи еще не появились, но въ началѣ котораго они сдѣлали, такъ сказать, первые шаги въ процессѣ своего созиданія. Обратимся же теперь къ едва ли менѣе достопамятному шестому вѣку; этотъ вѣкъ не былъ вѣкомъ творческимъ, а скорѣй реакціоннымъ; онъ былъ эпохой пріостановки развитія новыхъ элементовъ и возвращенія старымъ элементамъ того мѣста и того значенія, которые они утратили. Снова римскіе арміи дѣлаются побѣдоносными, онѣ снова дѣлаютъ завое-

ванія, гораздо болѣе драгоцѣнныя, чѣмъ завоеванія даже Цезаря, даже Трояна, такъ какъ возвращаютъ Римъ подъ власть Императора. Тутъ намъ могутъ сдѣлать то возраженіе, о которомъ мы сами достаточно часто говорили: то обстоятельство, что имперіи приходилось отбивать утраченныя провинціи, доказываетъ, что раньше она ихъ утратила, но я совсѣмъ и не думаю доказывать, что эти провинціи не были утраченными. Возражающіе просто не хотятъ понять того, что въ римскомъ государствѣ еще сохранялась настолько жизненной силы, чтобы вернуть себѣ эти утраченныя провинціи. Я сказалъ: «римское государство», но я могъ бы столь же правильно употребить терминъ: «римская республика». Нѣкоторые, можетъ быть, удивятся, если я скажу имъ, что въ VI, даже въ VII вѣкахъ обычнымъ именемъ, употребляемымъ для обозначенія римской имперіи было «Respublica». Всякое прилагательное было излишнимъ; не было надобности говорить, о томъ, что республика, о которой идетъ рѣчь, есть «Respublica Romana». Республика освобождаетъ Италію, Африку и Южную Испанію изъ подъ власти тевтонскихъ завоевателей, республика отражаетъ новыя нападенія франковъ и Алеманновъ. Когда Григорій Великій унизился до лести убійцѣ Фокѣ, онъ все же предупреждалъ его при этомъ, (какъ странными кажутся намъ его слова) что короли варваровъ царствуютъ надъ рабами, а императоры республики надъ свободными людьми. Слѣдуетъ, конечно, остерегаться придавать этимъ выраженіямъ то значеніе, которое они имѣютъ въ настоящее время; только съ очень недавняго времени употребленіе слова «республика» исключаетъ возможность, чтобы главнымъ правителемъ республики былъ государь, императоръ или король; значеніе употребленія этого термина состоитъ въ томъ, что оно указывало на непрерывность существованія римскаго государства. Въ глазахъ людей шестаго вѣка государство, вернувшее себѣ африканскія провинціи, было тѣмъ же самымъ государствомъ, которое пріобрѣло ихъ семьсотъ лѣтъ тому назадъ. Консулъ Велизарій былъ истиннымъ наслѣдникомъ консула Сципіона. Снова римское государство распространяется отъ океана до Евфрата. Римскій законъ снова является закономъ и въ Сиріи и въ Испаніи, весь берегъ Средиземнаго моря снова дѣлается римскимъ, кромѣ Септиманіи и сѣверной Испаніи, гдѣ удержались вестъ-готы, кромѣ берега отъ Роны до Альпъ, уступленнаго имперіей франкскимъ повелителямъ Галліи, уничтожившимъ могущество бургундцовъ и истребившимъ въ Галліи вестъ-готовъ. Обычныя понятія въ этомъ отношеніи столь неосновательны, что всѣ мы, я полагаю, чувствуемъ (я по крайней мѣрѣ чувствую это) нѣкоторую неловкость при видѣ возрожденія имперіи въ VI вѣкѣ. Во всякомъ случаѣ мы сознаемъ, что объ этомъ фактѣ возрожденія имперіи необходимо повторять, даже не семь, а семьдесятъ семь разъ, чтобы убѣдить несвѣдующихъ и не вѣрующихъ людей. Для такихъ

людей всего труднѣе смотрѣть на эти событія, какъ смотрѣли на нихъ современники, т. е. какъ на возстановленіе насильственно разрушеннаго законнаго порядка.

Во всякомъ заблужденіи всегда имѣется, однако, извѣстная доля истины, хотя эта истина и бываетъ обыкновенно извращенной и изуродованной. Часто употребляемыя даже самыми знаменитыми учеными выраженія, когда они называютъ имперію Юстиніана и его армію греческими, ведутъ къ очень важнымъ заблужденіямъ. Подобныя выраженія не только не вѣрны формально, но и отнюдь не выражаютъ дѣйствительности; даже раньше новаго завоеванія запада греческій элементъ далеко не былъ въ имперіи элементомъ исключительнымъ и даже преобладающимъ, тѣмъ болѣе невозможно называть греческой увеличившуюся имперію, значительная часть населенія которой была латинской въ то время, какъ Юстиніанъ передалъ ее своимъ наслѣдникамъ. Въ особенности въ арміи, составленной изъ разнообразныхъ воинственныхъ племенъ, обитавшихъ какъ въ предѣлахъ имперіи, такъ и внѣ этихъ предѣловъ, количество людей, бывшими греками по рожденію и даже людей, роднымъ языкомъ которыхъ былъ греческій, должно было быть не особенно значительно. Тѣмъ не менѣе мы не должны забывать достопамятнаго факта, доказываемаго повѣствованіемъ Прокопія и также и первыми памятниками англійской литературы, что Готы и англичане называли подданныхъ царствовавшаго въ Константинополѣ императора греками,— да это и не удивительно. Готы при своихъ походахъ по восточному полуострову слышали, конечно, греческій языкъ чаще, чѣмъ какой нибудь другой. Тоже можно сказать и о первыхъ англійскихъ путешественникахъ, если только англійскіе барды дѣйствительно путешествовали. Названіе: греки давалось подданнымъ восточной имперіи какъ бы въ силу нѣкаго пророческаго инстинкта. Готы, не связанные римскими традиціями, какъ бы понимали, что имперія, во главѣ которой стояла Византія, если и не была еще греческой, то должна была ей сдѣлаться. Чтобы произошло, если бы Юстиніанъ тоже понималъ это и сообразно съ этимъ дѣйствовалъ? Чтобы случилось, если бы онъ считалъ себя прежде всего государемъ большаго восточнаго европейскаго полуострова и большаго западнаго полуострова Азіи, властелиномъ земель, частію латинскихъ, но по большей части греческихъ? Что было бы, если бы онъ отдалъ всѣ свои силы на защиту сѣверныхъ границъ противъ славянъ и гунновъ и предоставилъ тевтонскимъ и латинскимъ элементамъ устраиваться въ Италіи, Испаніи и Африки, какъ они устроились въ Галліи? Можетъ быть, что подобный образъ дѣйствій былъ бы благоразумнѣе. Когда мы смотримъ на дѣло съ точки зрѣнія людей, которымъ извѣстно, что случилось въ позднѣйшіе тринадцать столѣтій, мы склонны думать, что онъ былъ бы благоразумнѣе, но нужно думать, что люди, жив-

шіе въ VI вѣкѣ, никакимъ образомъ не могли знать, что произойдетъ потомъ. По мнѣнію какъ самого Юстиніана, такъ и любаго изъ его современниковъ, императоръ римлянъ, царствующій въ новомъ Римѣ, но лишенный власти надъ старымъ, долженъ былъ считать высочайшей изъ своихъ императорскихъ обязанностей пріобрѣсти для римской республики, главой которыхъ онъ былъ, утраченныя римскія земли и самый Римъ. Въ этомъ стремленіи имъ руководило ни одно только честолюбіе, а и чувство долга и чести.

Великое возрожденіе имперіи въ VI вѣкѣ было только первымъ изъ длиннаго ряда возрожденій въ исторіи государства, столицей котораго до самаго конца оставался Константинополь. Въ лѣтописяхъ этого государства никогда не было недостатка въ наслѣдникахъ Цезаря и Трояна, въ людяхъ, пріобрѣтавшихъ для имперіи новыя страны. До самаго прекращенія рода Палеологовъ не было недостатка и въ наслѣдникахъ Велизарія и Валентиніана, въ людяхъ, возвращавшихъ имперіи утраченныя страны. Но эпохой перваго и величайшаго изъ возрожденій этого государства была эпоха, когда имперія была еще единой, когда освободитель Африки и Сициліи Велизарій послалъ римскому императору ключи освобожденнаго Рима. Правда, большая часть Италіи была снова утрачена еще до окончанія этого вѣка; испанская провинція была потеряна въ слѣдующемъ вѣкѣ; но въ Карѳагенѣ наслѣдники Юстиніана управляли до послѣднихъ лѣтъ VII столѣтія, и въ Римѣ они управляли, по крайней мѣрѣ, номинально до послѣдняго года восьмаго вѣка. Невозможно представить себѣ болѣе вредной ошибки, какъ признаніе имперіи Тиверія, Маврикія и Гераклія какой-то странной аномаліей, чѣмъ-то такимъ, что нужно называть восточной, византійской или греческой имперіей — однимъ словомъ, какимъ угодно именемъ, кромѣ настоящаго римской имперіи. Никогда не употребляйте терминовъ «восточный» или «византійскій», кромѣ тѣхъ случаевъ, когда вы противупоставляете ихъ термину: «Западный». Вы можете называть Никифора восточнымъ императоромъ въ отличіе его отъ западнаго императора Карла; но говоря объ Маврикіи или Гераклія называйте ихъ непремѣнно римскими императорами, потому что въ то время они были единственными римскими императорами. Уже во времена Гераклія начинался процессъ, въ силу котораго имперія Никифора, если и не была еще греческимъ государствомъ, то была, по крайнѣй мѣрѣ, государствомъ, которое вскорѣ должно было сдѣлаться греческимъ. Могущественнѣйшій изъ императоровъ, человѣкъ, слава котораго была выше славы Трояна и равнялась славѣ Александра, освободитель Рима, завоеватель Персіи, человѣкъ, отнявшій у язычниковъ самую дорогую изъ христіанскихъ реликвій, дожилъ до того времени, когда Сирія и Египетъ отпали отъ его имперіи, а освобожденный имъ святой городъ попалъ въ руки невѣрующихъ, еще болѣе страшныхъ, чѣмъ тѣ невѣрующіе,

которыхъ онъ побѣдилъ. Возможно, что имперія благодаря этимъ страшнымъ потерямъ даже выиграла. Очевидно, что послѣ утраты ея восточныхъ и римскихъ провинцій, она начала пріобрѣтать силу и могущество національныхъ государствъ, хотя при этомъ не сознавала своей національности. Возможно даже, что великіе императоры VIII вѣка почти безъ всякаго сопротивленія оставили латинскую Италію именно потому, что они понимали, что страна, сдѣлавшаяся чуждой главной изъ имперскихъ земель, не составляла настоящаго источника силы. Царствовать отъ Гемуса до Тавра, быть повелителемъ въ Трапезундѣ и Сиракузахъ, отражать въ Европѣ нападенія болгаръ, а въ Азіи нападенія Сарацинъ — было не малымъ и не легкимъ дѣломъ, павшимъ на жребій «изнѣженныхъ грековъ Нижней Имперіи». Они могли съ нѣкоторымъ основаніемъ полагать, что имъ достаточно дѣла и въ тѣхъ странахъ, которыя по самому своему положенію считали новый Римъ своимъ главой и что они могутъ предоставить старый Римъ устраивать свои дѣла, какъ ему будутъ угодно.

Мы уже говорили, какъ устроились дѣла въ старомъ Римѣ; германскій король и германское королевство унаслѣдовали римскіе традиціи. Карлъ также, какъ и Теодорикъ, создалъ систему, связанную непосредственно съ его личностью. Самъ онъ могъ быть и на дѣлѣ и по имени германскимъ королемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ римскимъ Цезаремъ, но для его ближайшихъ наслѣдниковъ это оказалось непосильнымъ дѣломъ. Къ концу IX вѣка владѣнія франковъ распались. Корона западнаго Рима переходила то къ государю Италіи, то къ государю Германіи, то къ государю Галліи. При Людвигѣ Второмъ Италія была ближе къ образованію единаго и отдѣльнаго королевства, чѣмъ въ какую нибудь другую эпоху отъ временъ Теодорика до временъ Виктора Эмануила. Въ это время казалось, что была возможность (т. е. мы черезъ тысячу лѣтъ видимъ, что была такая возможность), что не германская, а итальянская имперія западнаго Рима появится въ исторіи, какъ противовѣсъ греческой имперіи восточнаго Рима. Судьба рѣшила, что традиціи западнаго Рима не останутся въ Италіи вмѣстѣ съ Людвигомъ и Беренгаромъ и не перейдутъ въ Галлію вмѣстѣ съ Карломъ Лысымъ. Германскій король, саксонецъ, Оттонъ I-ый пришелъ въ Римъ, какъ освободитель, получилъ римскую корону и передалъ ее своему внуку, который, казалось въ одно время, имѣлъ миссію не только возродить римское государство, но и снова сдѣлать старый Римъ столицей имперіи.

Vivo Ottone tertio,
Salus fuit populo.

Но «чудо міра» скончался въ молодыхъ годахъ; настоящимъ дѣломъ его рода было не возстановленіе мѣстнаго римскаго государ-

ства, а превращеніе западной римской имперіи, именуемой теперь священной римской имперіей, въ римскую имперію германской націи; какой она и оставалась до послѣднихъ дней своего существованія. Эта имперія, имперія Оттоновъ Генриховъ и Фридриховъ, имперія, къ достойнѣйшему изъ главъ которой можно было примѣнить слова извѣстной пѣсни.

Princeps terrae principum, Caesar noster, ave,
Cujus jugum omnibus bonis est suave:

имперія, настоящая сила и слава которой была зарыта въ могилу Фридриха «Чуда міра», но призракъ которой далъ вдохновеніе Данту, традиціи которой сохранились и во времена Генриха Люксенбургскаго освѣтили имя императора скоропреходящимъ блескомъ и освѣтили это имя еще болѣе ослѣпительнымъ блескомъ во времена того Карла, который послѣдній изъ своихъ соименниковъ носилъ императорскую корону, хотя онъ получилъ ее и не въ томъ городѣ, гдѣ получилъ ее Карлъ I-й—эта имперія есть величайшій фактъ европейской исторіи, и все величіе этого факта было указано намъ ученымъ государственнымъ человѣкомъ, которымъ гордится этотъ университетъ. Когда мы говоримъ объ этомъ великомъ фактѣ европейской исторіи, наша мысль невольно обращается къ другой части имперіи, лѣтописи которой были лѣтописями славы въ теченіи многихъ вѣковъ и закончились разсказомъ о послѣднемъ славномъ подвигѣ. Геройская смерть послѣдняго Константина представляетъ поразительный контрастъ съ униженіемъ послѣдняго Франца; но мы можемъ признать, что и въ болѣе счастливые дни государство македонскихъ императоровъ занимало въ мірѣ одинаковое мѣсто съ государствомъ императоровъ Саксонскихъ. Въ то время, какъ Оттонъ III мечталъ о грядущей славѣ стараго Рима, Василій Второй наполнялъ новый Римъ трофеями всѣхъ странъ отъ Дуная до Оронта, отъ Мессаны до Кавказа. Подумайте, что произошло бы, если бы гроза болгаръ потерпѣлъ пораженіе въ то время, когда онъ и его имперія изъ году въ годъ вели борьбу на жизнь и на смерть съ достойными имъ соперниками? Что произошло бы, если бы Самуилъ изъ Охриды, а не Балдуинъ Фландрскій или Магометъ изъ Брузы вошелъ въ Константинополь, исполняя миссію одинаковую съ миссіей Оттона на Западѣ, съ цѣлью на всегда сдѣлать императорскій городъ столицей христіанскаго государства, главой римской имперіи славянской націи?

Намъ слѣдуетъ теперь разрѣшить одинъ представляющійся намъ вопросъ: какимъ образомъ въ то время, когда имперія была раздѣлена, когда Европа и христіанство имѣли двухъ представителей, каждый изъ нихъ относился къ спеціальному призванію Европы и христіанства? Какимъ образомъ относились восточный и западный

цезари къ «вѣчному вопросу» всемірной исторіи? Побѣды Гераклія были послѣднимъ дѣломъ, послѣднимъ славнымъ, великимъ и благороднымъ подвигомъ нераздѣльной имперіи. Въ слѣдующій историческій моментъ «вѣчный вопросъ» уже принимаетъ ту роковую и неизмѣнную форму, которую онъ имѣетъ въ наше время. Новымъ знаменемъ, подъ которымъ борятся за «вѣчный вопросъ» двѣ враждующія стороны, становятся теперь двѣ семитическія религіи, враждебныя другъ другу именно потому, что они имѣютъ очень много общаго: религія Рима и Запада и религія Аравіи и Востока. Сирія и Египетъ, какъ мы видѣли, отпали отъ имперіи. За латинскую Африку борьба шла въ теченіи 60 лѣтъ; Римляне боролись за Карѳагенъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ боролись Готы за Испанію и Септиманію; но Африка была потеряна для Рима на всегда; не завоеванныя страны Сѣверной Испаніи—эта Черногорія Запада — породила цѣлый рядъ героевъ, освободившихъ свою родную землю отъ пришельцовъ. Франки раздавили врага прежде, чѣмъ перешли пограничную рѣку Луару. Первый король новаго рода пріобрѣлъ еще большую славу, изничтоживъ кратковременное владычество масульманъ близъ храма и арены Нима и увѣнчаннаго башней холма Каркасона. Новый Римъ тоже исполнилъ свою задачу; тщетно послѣдніе ученики Пророка старались получить прощеніе грѣховъ обѣщенное имъ въ томъ случаѣ, если они вступятъ въ городъ Цезаря. Какъ персы были отражены во времена Гераклія, такъ при царствованіи его потомковъ были отражены арабы. Они появились снова, но снова сильная рука Льва спасла новый Римъ и все христіанство. Въ Сициліи снова началась старая борьба: снова Европа и Африка, арійцы и семиты—арійцы, говорившіе языкомъ Греціи и семиты, управлявшіе страной, гдѣ когда-то стоялъ Карѳагенъ, — боролись за островъ, которому было суждено быть ареной и полемъ битвы религій, языковъ и народовъ. Сицилія была потеряна, но Тавроменіонъ держался еще почти сто лѣтъ на своемъ холмѣ, господствующимъ надъ Эббсфлитомъ эллинской Сициліи. Невѣрные могли назвать себя господами всего этого острова только два раза и очень не надолго. Въ то время, когда Тавроменіонъ и Раметта, наконецъ, пали, уже оттачивался мечь Егорія Маніакеса. Въ то время, когда Саракузы были взяты и снова потеряны, уже оттачивался мечъ нормана Рожера для ихъ освобожденія.

Продолжительна и сурова была борьба, которую пришлось вести восточнымъ римлянамъ для охраненія Тавра противъ Сарацинъ и въ то же время имъ приходилось вести постоянную борьбу для охраненія Гемуса противъ болгаръ. Но когда имъ приходилось бороться противъ однихъ Сарацинъ, побѣда была за ними; тогда наставали дни завоеванія, дни Никифора, Ѳоки, Іоанна Цимискія и Василія Македонянина. Начало XI вѣка было самой великой эпохой исторіи

Византіи. До окончанія этого вѣка уже появился новый врагъ; въ борьбѣ за «вѣчный вопросъ» Азія выставила новаго борца; чего не удалось сдѣлать арабамъ, то начали дѣлать турки. Азіатская Романія перестала быть христіанской страной имперіи, но она наврядъ ли перестала быть римской страной, такъ какъ въ Никеѣ, родинѣ христіанскаго правовѣрія, которая впослѣдствіи была мѣстомъ самаго яркаго изъ переживаній римскаго владычества на востокѣ, находился тронъ мусульманина, турка, но при этомъ такого мусульманина и турка, который именовалъ себя султаномъ Рима.

Нашъ обзоръ исторіи Имперіи, раздѣлившейся на двѣ части, конечно, очень кратокъ и недостаточенъ. Настоящее могущество и величіе обѣихъ частей имперіи заканчиваются въ великую эпоху созиданія и разрушенія, въ XIII-омъ вѣкѣ нашей эры. На Западѣ римская имперія и германское королевство формально еще не были уничтожены, но они потеряли свое прежнее положеніе. На востокѣ имперія, какъ мѣстное государство, пріобрѣло новую національную энергію, но она теряетъ свое міровое значеніе, когда латинянинъ царствовалъ въ Константинополѣ, а Pwmaios (какъ бы мы не вздумали перевести это названіе) царствовалъ за Босфоромъ въ Никеѣ. До сихъ поръ при нашемъ изложеніи мы имѣли дѣло съ настоящей древней имперіей, хотя и раздѣленной на двѣ части. Теперь же намъ нужно будетъ говорить о государствахъ, удержавшихъ названіе и традиціи имперіи, но бывшихъ, собственно говоря, только ея призракомъ и переживаніемъ.

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ.

Переживанія имперіи.

Въ послѣдней лекціи я различилъ двѣ стадіи вымиранія римскаго государства и его традиціи. Въ одно время двѣ имперіи: восточная и западная, какъ бы не измѣнился ихъ характеръ сравнительно съ прежними временами, какъ бы далеко не пошелъ процессъ ихъ превращенія въ греческое и германское государство, все таки могли считаться удерживающими самую сущность своего древняго римскаго бытія. Въ позднѣйшее время, наоборотъ, имя и традиціи Рима еще продолжали существовать, но ихъ можно признать только призракомъ и переживаніемъ. Я желалъ бы однако, чтобы мое утвержденіе вы поняли въ томъ смыслѣ, что дѣлаемое мной раздѣленіе есть во всякомъ случаѣ раздѣленіе произвольное. На западѣ, по крайнѣй мѣрѣ, оно не соотвѣтствуетъ никакой опредѣленной датѣ, ни событіямъ 800 года, ни событіямъ 1453, ни событіямъ 1806. Я провелъ свою произвольную раздѣльную линію въ эпоху смерти Фридриха Втораго. Мы всѣ, я думаю, признаемъ, что если Фридрихъ II былъ представителемъ положенія дѣлъ, совершенно не похожаго на положеніе дѣлъ при Троянѣ или даже при Константинѣ, то и Францъ II былъ представителемъ положенія дѣлъ, совершенно непохожаго на положеніе дѣлъ при Фридрихѣ. Но изъ этого не слѣдуетъ конечно, чтобы всѣ обязаны были проводить раздѣльную линію тамъ, гдѣ я ее провелъ. Можно сказать, что имперія сдѣлалась чисто германскимъ государствомъ раньше смерти Фридриха, что положеніе этого послѣдняго было исключительнымъ, что его значеніе для итальянскихъ дѣлъ обусловливалось тѣмъ, что онъ былъ королемъ Сициліи, а не тѣмъ, что онъ былъ императоромъ римлянъ, что даже дѣятельность его дѣда доказываетъ, что въ то время римскія притязанія германскихъ королей были совершенно не реальными и основывались только на силѣ германскихъ армій. Кто нибудь другой можетъ провести выше-

упомянутую раздѣльную линію въ гораздо болѣе позднюю эпоху; онъ можетъ сказать, что настоящая имперія исчезла въ то время, когда императоръ Фридрихъ III, совершенно непохожій на императора Фридриха I и Фридриха II, получилъ въ послѣдній разъ свою императорскую корону въ соборѣ Святаго Петра. Онъ можетъ также провести эту раздѣльную линію и въ то время, когда сынъ Фридриха принялъ императорскій титулъ, не будучи однако коронованнымъ, какъ императоръ или въ то время, когда послѣдній императоръ, наслѣдникъ перваго Imperator electus, получилъ корону имперіи не передъ алтаремъ Св. Петра въ Римѣ, а передъ алтаремъ Св. Петронія въ Болоніи. Эта послѣдняя эпоха была, несомнѣнно, рѣшительнымъ историческимъ моментомъ. Карлъ V-й былъ достойнымъ представителемъ эпохи, когда прерывается рядъ императоровъ, начавшійся Карломъ Великимъ. Пропасть раздѣляющая Карла отъ Фердинанда была дѣйствительно очень большой, но еще большая пропасть раздѣляла Фридриха «Чудо міра» отъ государей, вродѣ Вильгельма Голландскаго, Ричарда Корнвалисскаго и даже Рудольфа Габсбургскаго. Конечно, нельзя сравнивать Рудольфа съ Вильгельмомъ или Ричардомъ; какъ германскій король онъ былъ великъ и знаменитъ, но исторія не знаетъ его, какъ римскаго императора. То обстоятельство, что государь, котораго мы можемъ назвать возродителемъ германскаго королевства, никогда не искалъ императорской короны, кажется, само по себя указываетъ на то, что царствованіе послѣдняго предшествовавшаго ему императора, даже въ томъ случаѣ, еслибы этимъ императоромъ не былъ Фридрихъ II, было временемъ уничтоженія имперіи, какъ государства, хотя эта имперія и не исчезла, какъ высокій титулъ и какъ возвышенное воспоминаніе. Казалось, что при Карлѣ V имперія снова получаетъ все свое прежнее могущество, но его отреченіе и смерть указывали на настоящее положеніе дѣлъ. Когда его императорскій титулъ перешелъ къ Фердинанду, а европейское положеніе къ Филиппу, сдѣлалось очевиднымъ, что хотя императорскій титулъ и могъ сдѣлать положеніе Карла болѣе блестящимъ, но его могущество обусловливалось не могуществомъ имперіи, а могуществомъ Бургундіи и Кастиліи. Во всякомъ случаѣ, раздѣльная линія, гдѣ бы мы не вздумали провести ее, произвольна и не отмѣчается ни формальными измѣненіями, ни какими либо событіями первой важности. Я думаю, мы всѣ согласимся, что Констанцскій миръ былъ актомъ государства, еще сохранившаго свое прежнее римское положеніе, а Вестфальскій миръ былъ уже актомъ государства, совершенно утратившаго свои истинно римскія свойства. Переходъ былъ постепеннымъ и проведеніе раздѣльной линіи между двумя положеніями вещей есть до значительной степени дѣло мнѣнія, можно даже сказать, дѣло вкуса или чувства.

Гораздо яснѣе положеніе дѣлъ на востокѣ: событіе 1204 года

выдѣляется съ гораздо большей опредѣленностью, чѣмъ событіе 1250 г. Въ византійскихъ лѣтописяхъ нельзя встрѣтить столь славныхъ лѣтъ, какъ тѣ годы, когда эти лѣтописи перестали быть на время византійскими; когда Ρωμαῖοι снова сдѣлались византійцами, они выродились. Если названіе римлянъ было почетнымъ, то никогда ни государь, ни народъ не заслуживали этого названія настолько, какъ въ то время, когда они были изгнаны изъ новаго Рима. Никейскіе императоры и ихъ подданные проявили въ несчастіи замѣчательную энергію; но уже то обстоятельство, что они были Никейскими, а не Константинопольскими императорами, составляетъ огромное различіе между ними и ихъ предшественниками. Жизнь восточной имперіи была настолько связана съ обладаніемъ восточнымъ Римомъ, что ни одинъ историческій переворотъ не могъ казаться столь великимъ, какъ переворотъ, отдавшій Константинополь латинянамъ. Въ концѣ концовъ никейская имперія оказалась самой энергичной и самой прочной изъ ея соперницъ; но дѣло-то въ томъ, что она имѣла соперницъ, она была однимъ изъ множества государствъ греческихъ и латинскихъ, на которые распалась восточная римская имперія. Что старая имперія дѣйствительно распалась окончательно, что она совершенно утратила свое прежнее положеніе — это доказывается неизбѣжными измѣненіями въ языкѣ. Теперь было бы трудно избѣжать употребленія термина «грекъ»; конечно ни одинъ православный, говорившій на греческомъ языкѣ (въ это время именно такъ можно опредѣлить искусственную греческую націю), никогда не называлъ себя эллиномъ. Люди, которыхъ на западѣ называли греками, сами себя все еще продолжали называть *Ρωμαῖοι*. Противорѣчіе въ названіяхъ того времени конечно представляется намъ страннымъ. Когда мы видимъ, что противоставляются названія *Ρωμαῖοι* и *Λατῖνοι*, мы какъ будто переносимся снова къ консульству Манлія и Деція. Когда мы встрѣчаемъ борьбу между *Ρωμαῖοι* и *Ἀλβανοι*, мы какъ будто переносимся отъ временъ Анны къ временамъ Діонисія, отъ царствованія Алексѣя къ царствованію Тулла. Но теперь, когда императоры, короли, деспоты, герцоги, «grand-Sires», владѣнія итальянскихъ республикъ и итальянскихъ родовъ сдѣлались столь многочисленными въ земляхъ и на водахъ восточной имперіи, едва ли можно найдти какое нибудь другое названіе, кромѣ названія «Греческій» для отличія государя или народа, употреблявшаго позднѣйшую форму языка Эллады, отъ государей и народовъ, употреблявшихъ позднѣйшія формы языка Лаціума. Если мы посмотримъ на дѣло съ точки зрѣнія теологическихъ раздоровъ, то встрѣчаемыя нами затрудненія будутъ еще больше; если держаться прежде употребляемой нами терминологіи, то особенной отличительной чертой римлянина мы должны бы были признать отрицаніе имъ власти римской церкви. Названіе «римскій», какъ оффи-

ціальное названіе государства, исчезло только въ 1453 или вѣрнѣе сказать 1461 г.; но это названіе, какъ названіе народа, едва ли исчезло даже въ настоящее время. Съ 800 года мы можемъ еще, не дѣлая ошибки, употреблять такіе отличительные термины, какъ «восточная» или «византійская» имперія, но съ 1204 года намъ приходится принять современную западную терминологію и называть тѣ раздробленныя части восточной имперіи, которыя еще были заняты туземнымъ населеніемъ, греческими.

Никейская имперія, казалось, доказала свое право быть признанной настоящей наслѣдницей старой имперіи своимъ великимъ подвигомъ т. е. пріобрѣтеніемъ имперскаго города. Въ теченіи цѣлыхъ 800 лѣтъ мы имѣемъ дѣло съ государствами, которыя возвращали владѣнія, утраченныя ими раньше, а не пріобрѣтали новыя; но завоевать Константинополь въ XIII вѣкѣ значило получить гораздо болѣе дорогой призъ, чѣмъ даже завоевать Римъ въ VI вѣкѣ. Могло казаться, что безъ Константинополя восточно-римская или греческая имперія не имѣетъ рѣшительно никакого всемірнаго значенія. Могло казаться, что обладаніе Константинополемъ снова возвратило имперіи ея старое положеніе между другими государствами и народами; но имперія Палеологовъ была только слабымъ представителемъ, только призракомъ и переживаніемъ не только имперіи императоровъ изъ македонскаго рода, но даже имперіи Комненовъ. Въ теченіи нѣкотораго времени эта имперія представлялась развивающимся государствомъ; даже въ то время, когда сѣверныя ея границы отступали передъ болгарами, сербами и даже оттоманами, она дѣлала успѣхи въ старыхъ греческихъ земляхъ. То время, когда весь Пелопонесъ, за исключеніемъ мѣстностей, остававшихся подъ владычествомъ Венеціи, снова соединился подъ властью греческаго государя, было временемъ византійскаго возрожденія въ его послѣдней и самой оригинальной формѣ. Оно было временемъ, когда римской имперіи удалось пережить княжество ахейское, когда островъ Пелопса составлялъ главную часть владѣнія этой имперіи, отдаленной столицей которой былъ городъ Константина. Послѣдній императоръ запада короновался въ Болоніи, а послѣдній императоръ востока короновался тамъ, гдѣ когда то была Спарта; но я не рѣшился бы назвать его «императоромъ востока». Ни одинъ изъ царствующихъ въ Константинополѣ государей не именовалъ себя такимъ титуломъ, тогда какъ былъ другой государь, называвшійся императоромъ востока. Въ то время на востокѣ имперіи появлялись и исчезали необыкновенно быстро; еще раньше 1204 года чужестранецъ, родившійся въ Англіи, графъ Пуату, котораго странный случай сдѣлалъ королемъ Англіи, ниспровергъ императора римлянъ, предѣлы имперіи котораго ограничивались островомъ Кипромъ. Завладѣвъ этимъ островомъ, этимъ старымъ полемъ битвы арійцевъ и семитовъ, онъ имѣлъ

благоразуміе отдѣлаться отъ этого безполезнаго владѣнія и передать его своему вассалу, сдѣлавшемуся впослѣдствіи королемъ Іерусалимскимъ. Точно также послѣ завоеванія Константинополя латинянами императоры царствовали въ Эпирѣ и Фесалоникахъ, но былъ еще одинъ императоръ, власть котораго, подобно власти императора никейскаго, была не столь кратковременной. Не слѣдуетъ забывать, что самый послѣдній изъ сохранившихся обломковъ греко-римскаго государства, сохранился не въ Мегарійской Византіи, а въ аркадскомъ Трапезундѣ. На сѣверномъ берегу Чернаго моря существовала послѣдняя греческая республика, а на южномъ его берегу послѣдняя греческая имперія. Эту имперію слѣдуетъ называть греческой; Комнены въ Тропезундѣ, признавая главенство Палеологовъ въ Константинополѣ, отказались отъ титула римскаго императора, но они, кромѣ другихъ своихъ титуловъ, называли себя императорами востока. На западѣ уже за долго до того времени бывали императоры въ Испаніи и императоры въ Британіи; но на востокѣ въ первый разъ нашелся человѣкъ, который называлъ себя *βασιλευς* и *αυτοκρατωρ*, но царемъ и самодержцемъ не римлянъ. Тѣмъ не менѣе титулъ императоръ востока, всего востока, *πασης της ανατολης*. кажется чѣмъ-то возвышеннымъ. Во всякомъ случаѣ онъ звучитъ гораздо лучше, чѣмъ императорскій титулъ германскаго герцогства или негритянскаго острова. Императоръ востока не представляется столь ограниченнымъ, такъ сказать вдавленнымъ въ такіе узкіе предѣлы, какъ императоръ Ганти и императоръ Австріи. Тѣмъ не менѣе государь, называвшій себя императоромъ римлянъ, самымъ этимъ титуломъ указывалъ, что онъ есть только призракъ и переживаніе. Несомнѣнно существуетъ очень любопытная аналогія между этимъ переживаніемъ имперіи въ Трапезундѣ и ея переживаніемъ въ Вѣнѣ. И Комнены и лотарингскій домъ оставили свои римскіе титулы, чтобы исполнять свою задачу подъ другимъ названіемъ.

Если мы должны признавать такъ называемые имперіи на Кипрѣ, въ Эпирѣ и Трапезундѣ и даже реставрированную византійскую имперію Палеологовъ, только простымъ призракомъ и переживаніемъ старой восточной римской имперіи, то онѣ по крайнѣй мѣрѣ были продолжательницами ея въ томъ смыслѣ, въ какомъ часть можетъ являться продолжительницей цѣлаго; наоборотъ, навряд ли можно назвать продолжателемъ имперіи турецкое султанство Roum и латинскую имперію Romania. Они были тоже призракомъ и переживаніемъ совершенно иного рода, чѣмъ имперія эпирская и трапезундская. То обстоятельство, что Сельджуки повелители Никеи именовались султанами Рима (Roum), что оттоманскій повелитель Константинополя и его народъ назывались народами далекаго востока тѣмъ же самымъ римскимъ именемъ, что еще раньше того времени, когда оттоманы завладѣли Константинополемъ, Тимуръ называлъ Боязета

императоромъ Рима—все это было доказательствомъ необыкновенной жизненности римскаго имени, бывшаго, однако, только именемъ. Латинская имперія была болѣе замѣчательнымъ явленіемъ. Если бы два или три вѣка раньше воины запада захватили Константинополь, то совершенно очевиднымъ легальнымъ поводомъ ихъ поступка—если бы они только искали такого повода—было бы стремленіе установить власть императора, коронованнаго въ Римѣ, надъ восточной частью имперіи. Германскимъ крестоносцамъ такая идея могла придти въ голову даже въ XIII вѣкѣ; они могли желать пріобрѣсти Константинополь для священной римской имперіи германской націи съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ какую нибудь Пруссію или Ливонію; но подобная идея не могла придти въ голову французамъ, фламандцамъ и венеціанцамъ, которые такъ недавно сами были вассалами восточныхъ императоровъ. Она не могла придти въ голову никому изъ итальянцевъ, кромѣ развѣ ревностныхъ гиббелиновъ. Прежніе крестоносцы согласились сдѣлаться вассалами Алексѣя Комнена и если нѣкоторые изъ нихъ и отказались, то навѣрное не изъ преданности Генриху франконскому. Пизанцы, бывшіе твердой опорой Цезаря на западѣ, нисколько не усумнились драться за его восточнаго соперника противъ латинянъ. Тотъ фактъ, что предводитель побѣдителей принялъ титулъ императора, былъ самъ по себѣ признаніемъ Константинополя законной столицей имперіи; но различныя затрудненія помѣшали латинамъ буквально перевести титулъ *Ρωμαίοις βασί Λεις* (царь римлянъ) и сдѣлать этотъ титулъ титуломъ латинскихъ государей. Этотъ титулъ сдѣлался территоріальнымъ. Балдуинъ и Генрихъ довольно основательно не желали именовать себя императорами римскаго народа, и провозгласили себя императоромъ римской земли. Странное положеніе занимали эти императоры римской земли во время ихъ царствованія въ Константинополѣ; но еще болѣе страннымъ было отстаиваніе людьми запада ихъ мнимыхъ правъ послѣ того, какъ греческіе государи возвратились въ свою столицу.

Мы можемъ, думается мнѣ, признать 1204 годъ временемъ разрушенія истинной восточной римской имперіи. Различныя греческія государства были ея продолженіемъ, но они вмѣстѣ съ этимъ были только ея обломками. Ни одна изъ нихъ не имѣла права считать себя настоящей восточной римской имперіей, хотя бы и съ значительно уменьшившейся территоріей. На востокѣ слово: римляне (*Ρωμαίοι*) сдѣлалось названіемъ націи, отдѣльной, хотя и искусственной, и въ Трапезундѣ и Эпирѣ, также какъ и въ Константинополѣ, обитали отдѣльныя части этой раздѣленной націи. Западная имперія въ ея позднѣйшей чисто германской формѣ не была продолженіемъ національнаго существованія какого либо, хотя бы и искусственнаго народа, который можно было бы назвать римскимъ народомъ. Она сохранила римскіе титулы и потому была настоящимъ

переживаніемъ римскаго государства; но имперія исчезла, какъ элементъ римской національной жизни и сдѣлалась довольно важнымъ элементомъ національной жизни другаго народа, она превратилась въ «Священную римскую имперію германской націи» и эта послѣдняя сознала свое величіе благодаря тому, что теперь священная римская имперія сдѣлалась германскимъ государствомъ. Послѣ 1250 года чувствуется, что даже въ коронаціи императора есть нѣчто несообразное; личное достоинство Генриха Люксенбургскаго скрываетъ до нѣкоторой степени тотъ фактъ, что даже онъ не былъ похожъ на франкскихъ и швабскихъ императоровъ. Людвигъ Баварскій былъ скорѣй предметомъ имперскихъ теорій, чѣмъ настоящимъ императоромъ. Коронація Карла IV въ Римѣ можетъ быть сопоставлена съ его коронаціей въ Арлѣ; а Фридрихъ III вызываетъ улыбку, даже у самаго рьянаго гиббелина, когда онъ фигурируетъ въ мантіи и коронѣ, въ качествѣ Августа, pater patrie, и чего то вродѣ pontifex'a въ томъ странномъ собраніи людей всѣхъ вѣковъ, которое окружало въ Инспрукѣ его неимѣющаго ни гроша сына. Съ другой стороны, если переживаніе имперіи на востокѣ и удержало національное бытіе, которое до нѣкоторой степени можно назвать римскимъ, то западный германскій призракъ имперіи имѣлъ, по крайнѣй мѣрѣ, ту выгоду, что народъ ея былъ единымъ народомъ. Между 800 и 1806 годами не имѣется какого-нибудь формальнаго перерыва; различіе между востокомъ и западомъ похоже на различіе между вещью, совершенно разбитой на части, каждая изъ которыхъ сохраняетъ характеръ цѣлаго, и живымъ существомъ, не потерявшимъ своей личности, не разорваннымъ на куски, но настолько измѣнившимъ свои свойства, что называть ее тѣмъ же самымъ названіемъ, какъ и прежде существующее цѣлое, технически было бы правильно, но не соотвѣтствовало бы дѣйствительности. Во многихъ отношеніяхъ разница между имперіей первыхъ цезарей и имперіей Гогенштауфеновъ гораздо значительнѣе разницы между этой послѣдней и имперіей австрійскаго и лотарингскаго домовъ. Гогенштауфены сознавали себя императорами и дѣйствовали какъ таковые. Были ли ихъ стремленія разумны или нелѣпы, возможны или невозможны — во всякомъ случаѣ это были стремленія имперскія, выходившія за предѣлы Швабіи или Германіи. Среди другихъ государей Запада они занимали положеніе нѣсколько болѣе высокое, чѣмъ положеніе простаго первенства. Короли Франціи, Британіи и Испаніи могли отрицать ихъ верховную власть, но имъ приходилось отрицать ее, какъ нѣчто такое, отрицаніе чего было необходимымъ. Они могли отказываться признать императора своимъ повелителемъ, но при этомъ они сознавали, что императоръ есть существо совершенно отличное отъ другихъ европейскихъ королей; положеніе Гогенштауфеновъ было положеніемъ государей не германскихъ, а европейскихъ. Если они не были

государями западнаго христіанства, то были, по крайней мѣрѣ, его главами; императоры австрійскаго рода, наоборотъ, сдѣлались королями Германіи, удержавшими императорскій титулъ и притомъ такими королями, которые въ своемъ собственномъ королевствѣ имѣли гораздо меньше власти, чѣмъ другіе короли. Собственно говоря, германское королевство пало подъ тяжестью римской имперіи. Императорская традиція сначала разбила это королевство на части, а потомъ удержала эти части отъ окончательнаго распаденія. Императоры занимали слишкомъ высокое положеніе, чтобы пользоваться обычной властью простыхъ королей; мы не можемъ назвать австрійскихъ императоровъ главами западнаго христіанства, хотя въ иныхъ случаяхъ они и бывали борцами за него—но не въ качествѣ императоровъ. Швабскіе императоры стояли, если не выше другихъ государей, то по крайней мѣрѣ впереди ихъ; австрійскіе же императоры съ трудомъ отстаивали свое право быть первыми изъ нихъ. Они удержали развѣ только формальное первенство, да и оно не всегда было безспорно признаннымъ; ихъ политика была не европейской и даже не германской; они стремились къ увеличенію могущества своего дома, какъ въ Германіи, такъ и внѣ ея. Наконецъ, они, казалось, совершенно забыли, кто они и какое положеніе они занимали. Когда императоръ римлянъ, король Германіи и Іерусалима оставилъ свой римскій и германскій титулы, свой римскій и германскій языкъ и въ заговорѣ съ человѣкомъ, именовавшимъ себя императоромъ французовъ, назвалъ себя «императоромъ Австріи и Германіи», настало время, когда старые титулы пришлось употребить только еще одинъ разъ, въ одномъ документѣ: а именно въ документѣ, возвѣстившемъ всему міру, что, такъ какъ старые титулы утратили свое значеніе, то и обозначаемое ими положеніе дѣлъ навсегда исчезло.

Если одинъ изъ двухъ государей, подписавшихъ Пресбургскій трактатъ, забылъ, кѣмъ онъ былъ и какое положеніе онъ занималъ, то другой отлично понималъ свое положеніе. Бонапартъ употреблялъ слова: «Императоръ и имперія» совсѣмъ не потому, что это звучныя и красивыя слова. Когда онъ называлъ себя императоромъ французовъ, онъ отлично зналъ, какое значеніе имѣетъ такой титулъ. Въ его пониманіи этого значенія, конечно, таилось историческое недоразумѣніе, но недоразумѣніе очень удобное для его цѣлей. Достаточно было признать, что австразіецъ Карлъ и корсиканецъ Бонапартъ оба были французами—и императорская теорія снова возстановлялась. Власть надъ міромъ или по крайней мѣрѣ надъ Западной Европой переходила отъ Рима и Германіи къ Франціи. Правитель этой послѣдней занималъ въ мірѣ тоже положеніе, какое занимали когда-то правители Рима и Германіи. Таково и было дѣйствительно фактическое положеніе дѣлъ и титулъ 1804 года былъ только открытымъ выраженіемъ такого фактическаго положенія. Снова су-

ществовалъ императоръ, βασιλευς и окружающіе его ρηγες, но этотъ императоръ былъ уже не римско-греческій или германскій, а французскій. То обстоятельство, что Римъ и Германія сдѣлались теперь подчиненными Франціи странами, придавало даже особенную прелесть новому императорскому титулу. Первая французская имперія не была простымъ переживаніемъ римской имперіи въ какой либо изъ ея стадій, она не была и простой аналогіей, какъ имперія какихъ нибудь варварскихъ государей, занимающихъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ имперское положеніе. Имперія Могула во многихъ отношеніяхъ была повтореніемъ имперіи Цезаря, но такое повтореніе было безсознательнымъ. Во французской имперіи, наоборотъ, все было сознательнымъ. Всякая подробность подлога имѣла значеніе; французская имперія не была ни переживаніемъ, ни настоящимъ возрожденіемъ, она была въ нѣкоторомъ родѣ насмѣшкой, подражаніемъ, пародіей на старую имперію, пародіей, разыгранной на самой почвѣ этой послѣдней. Но старая имперія была не создана, а выросла. Даже для ея разрушенія понадобилось много времени; новая имперія, наоборотъ, созданная однимъ человѣкомъ, сдѣлалась необыкновенно могущественной въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и потомъ исчезла въ одну минуту. Нечего и говорить, конечно о грубомъ подражаніи первой имперіи, предъ которымъ преклонялись многіе не больше двадцати лѣтъ тому назадъ.

Я только что упомянулъ объ одномъ документѣ, о Пресбургскомъ трактатѣ, подписанномъ императоромъ французовъ и императоромъ Германіи и Австріи. Не слѣдуетъ забывать, что титулъ императора Австріи ведетъ свое происхожденіе не съ 1806, а съ 1804 года. Король Германіи, избранный императоръ римлянъ, занимавшій еще въ то время самое высшее положеніе среди европейскихъ государей, вздумалъ называть себя «наслѣдственнымъ императоромъ Австріи;» трудно сказать, что обозначали два такіе поставленные рядомъ титула, но когда римскіе и германскіе титулы исчезли, такъ называемая австрійская имперія продолжала существовать, какъ переживаніе старой имперіи и притомъ переживаніе весьма любопытное. Эта имперія представляется самымъ удачнымъ изъ когда либо встрѣчавшихся въ исторіи подлоговъ. Употребленіе императорскаго титула заставляло людей признавать древнимъ, почтеннымъ и консервативнымъ такое государство, которое по своей сущности есть государство современное и даже революціонное. На государство, ведущее свое начало со вчерашняго дня, жившее попираніемъ всѣхъ историческихъ правъ и всѣхъ національныхъ воспоминаній, нѣкоторые начали смотрѣть, какъ на воплощеніе сѣдой почтенной древности и консерватизма. Но еще любопытнѣе, до какой степени оказался удачнымъ этотъ подлогъ. Въ прошломъ вѣкѣ нѣкто Смитсонъ вздумалъ назвать себя Перси и люди повѣрили, что онъ, дѣйствительно, Перси, но они

не повѣрили тому, что старые Перси были Смитсоны; относительно же Австріи большинство вѣритъ именно тому, что старые Перси были Смитсоны. Никто не полагаетъ, что теперешній король Венгріи и эру герцогъ Австріи есть императоръ римлянъ и король Германіи; но многіе полагаютъ, что настоящій императоръ римлянъ и король Германіи были императорами Австріи. Я слышалъ, какъ Фридриха Барбарросу называли императоромъ Австріи. Огромное большинство людей думаетъ, что прагматическая санкція Карла VI передала Маріи Терезіи австрійскую имперію. Я видѣлъ книгу XVIII вѣка, въ которой Іосифа II, конечно, называли просто «императоромъ;» но издатель XIX считалъ нужнымъ объяснить, что императоръ, о которомъ говорится въ этой книгѣ, былъ императоромъ австрійскимъ. Многіе швейцарцы полагаютъ, что имперскій орелъ, вырѣзанный на томъ или другомъ старомъ зданіи, есть гербъ Австріи, а не Рима. Да, никогда подлогъ не имѣлъ такого успѣха, никогда историческая истина не извращалась до такой степени. Было бы достаточно трудно вынести даже и то, что Франца Лотарингскаго считаютъ чѣмъ то вродѣ Фридриха Гогенштауфена; но даже мертвые перевернутся въ гробахъ, когда Фридриха Гогенштауфена считаютъ чѣмъ-то похожимъ на Франца Лотарингскаго.

Дѣло въ томъ, что странное пренебреженіе къ изученію исторіи имперіи, общая неспособность или даже нежеланіе понять основной фактъ европейской исторіи, до значительной степени обусловливаются существованіемъ и успѣхомъ австрійскаго подлога. Существуютъ еще два другія европейскія государства, принявшія императорскій титулъ и каждое изъ нихъ представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ возрожденіе старой имперіи. И русская и германская имперія могутъ быть признаны только переживаніями настоящей имперіи; но ни одна изъ нихъ не была такимъ подлогомъ, какъ такъ называемая Австрійская. Недавно появившаяся германская имперія представляетъ дѣйствительное возрожденіе стараго германскаго королевства. Глава ея, не имѣющій притязаній на имперское положеніе Карла и Оттона, есть дѣйствительный представитель Генриха Саксонскаго и Рудольфа Габсбургскаго. Столько королей Германіи были императорами, что могло казаться страннымъ избрать единаго короля Германіи и не дать ему титула императора; да и было бы трудно найдти другой титулъ для главы союза, въ числѣ членовъ котораго имѣется нѣсколько королей. Положеніе такого главы несомнѣнно есть въ нѣкоторомъ родѣ положеніе имперское; онъ также, какъ Агамемнонъ или Этель станъ есть *βασιλευς*, котораго окружаютъ *Ρηγες*. Русская имперія создалась на совершенно другихъ основаніяхъ; она есть до извѣстной степени переживаніе восточной имперіи. Московскіе цари принадлежали къ тому же разряду государей, какъ и цари Болгаріи и Сербіи; мы уже говорили, что славянскіе государи, нападая на имперію, преклонялись, однако, передъ ея величіемъ, принимали императорскіе

титулы и носили ихъ внѣ Царь-града, хотя съ большой охотой носили бы ихъ въ самомъ Царь-градѣ. Со времени паденія Константинополя русскіе государи, не говоря уже о ихъ предполагаемомъ родствѣ съ послѣднимъ императорскимъ родомъ, какъ самые могущественные изъ государей, принадлежавшихъ къ восточной церкви, заняли до нѣкоторой степени въ мірѣ такое же положеніе, какое раньше ихъ занимали восточные императоры. Не имѣя такой географической связи съ восточной имперіей, какое имѣютъ Европейскіе государства съ западной имперіей, русская имперія гораздо больше является представительницей восточной имперіи, чѣмъ какая либо изъ западныхъ державъ могла явиться представительницей Западной. Слѣдуетъ только замѣтить, что титулъ «Императора Всероссійскаго» навряд ли можетъ быть выражающимъ дѣйствительное положеніе дѣлъ до тѣхъ поръ, пока двѣ русскія земли: Галиція и княжество Владимірское принадлежатъ австрійскому герцогству на томъ основаніи, что когда то они были завоеваны венгерскимъ королемъ.

Такимъ образомъ, всѣ эти государства, носящія или носившія названіе Имперій: Россія, Германія, Австрія, Франція при первомъ Бонапартѣ, имѣютъ нѣкоторую связь съ римскимъ государствомъ. Идея объ этомъ послѣднемъ въ какой-либо изъ формъ или стадій его развитія была присуща умамъ людей, принявшихъ императорскій титулъ; но за то примѣненіе этого титула къ столькимъ разнообразнымъ государствамъ почти совершенно лишило его всякаго опредѣленнаго значенія. Я не скажу, что слова: «имперія и императорскій» во времена моей молодости всегда употреблялись съ сознаніемъ ихъ отношенія къ Риму и римскимъ воспоминаніямъ; но я долженъ сказать, что они никогда не употреблялись такъ, какъ употребляются теперь т. е. какъ слова, совсѣмъ не имѣющія никакого опредѣленнаго значенія. Поэтъ или ораторъ могли пользоваться ими въ минуту вдохновенія, но въ обыденной рѣчи люди не говорили объ «имперіи» столь же фамиліарно, какъ они говорили о «приходѣ». Не особенно давно «имперія» всегда обозначала что-нибудь спеціально французское; даже обозначеніе владычества послѣдняго Бонапарта терминомъ «вторая имперія», кажется, до нѣкоторой степени мѣшало пониманію великихъ историческихъ истинъ. Извѣстно, что человѣкъ, написавшій нѣсколько томовъ о важномъ историческомъ предметѣ, считалъ несомнѣннымъ, что слова: «принцъ Имперіи» имѣютъ какое-то значеніе во Франціи. Для людей, занятія которыхъ пріучили ихъ считать слова Imperator и *βασιλεως* синонимами, представляется весьма печальнымъ, когда императорскій титулъ дѣлается синонимомъ слова *τυραννος*.

Оставляя въ сторонѣ всѣ эти сравнительно мелкіе вопросы, мы можемъ признать, что существуетъ одно переживаніе древней имперіи, передъ исторіей, котораго мы должны преклониться съ чувствомъ

благоговѣнія, переживаніе, даже болѣе великое и замѣчательное, чѣмъ-то историческое явленіе, переживаніемъ котораго оно было. Когда Граціанъ, христіанскій императоръ, отказался отъ титула языческаго Pontifex maximus, то онъ не предвидѣлъ того времени, когда христіанскій Pontifex maximus выставитъ притязаніе на свое право короновать императора и даже право отнимать у него ту корону, которая, какъ казалось, вручилъ ему онъ. Христіанскіе цезари могли повторить безсознательное пророчество языческаго цезаря, что онъ лучше вынесъ бы провозглашеніе императоромъ своего соперника, чѣмъ избраніе христіанскаго епископа въ имперскомъ городѣ. Наступило время, когда люди начали признавать, что на тверди христіанства сіяютъ два великіе свѣтила, но что луна Цезаря сіяетъ болѣе слабымъ и отраженнымъ свѣтомъ, достаточнымъ только для освѣщенія мрака земныхъ дѣлъ, тогда какъ солнце папы сіяетъ свѣтомъ исходящимъ изъ рукъ самаго Творца, свѣтомъ, освѣщающемъ день духовнаго бытія человѣчества. Насталъ день, когда люди предполагали, что Всемогущій Богъ имѣетъ на землѣ двухъ намѣстниковъ и что каждому изъ нихъ по Его велѣнію врученъ Его мечъ; но что мечъ, врученный наслѣднику Августа, тупѣе и сдѣланъ изъ худшаго матеріала, чѣмъ мечъ, врученный наслѣднику Петра. Подобныя притязанія были громадными, но и выставлявшіе ихъ люди, были людьми великими и могучими. Даже гибеллины, историческіе ленники Цезаря, должны были съ покорностію, хотя и съ неодобреніемъ, смотрѣть на то, какъ Цезарь, низверженный съ своего міроваго трона рѣшеніемъ римскаго первосвященника, стоялъ у его воротъ безъ короны, безъ мантіи и съ обнаженной головой. Въ одинъ историческій моментъ въ распоряженіи повелителя 50 ти легіоновъ по одному слову не вооруженнаго человѣка не оставалось ни одного меча, обнаженнаго на его защиту. Въ слѣдующій моментъ человѣкъ, слова котораго производили такія чудеса, человѣкъ изгнанный въ свою очередь изъ своего храма и лишенный своего престола, оставляетъ міръ, говоря, что онъ умираетъ въ изгнаніи потому, что любилъ правду и ненавидилъ несправедливость и въ предсмертный часъ утѣшается тѣмъ, что онъ не можетъ умереть въ изгнаніи, такъ какъ Богъ далъ ему въ наслѣдіе всѣ народы и такъ какъ вся земля составляетъ его владѣнія. Римъ снова управляетъ міромъ и снова управляетъ имъ при посредствѣ нравственной силы. Голосъ римскаго первосвященника слышенъ всему міру изъ Авиньона также, какъ когда-то былъ слышенъ всему міру голосъ римскаго Августа изъ Равенны. Но мы должны помнить, что именно по той причинѣ, что римскіе императоры имѣли, кромѣ Рима, своей резиденціей Равенну и множество другихъ городовъ, всему міру былъ слышенъ голосъ, который показался бы столь же чуждымъ Константину, какъ и Трояну, исхо-

дилъ ли этотъ голосъ изъ Рима или изъ Клермонта и Ліона. Посмотримъ на дѣло съ спокойствіемъ, приличнымъ историку. Исторія ничего не знаетъ о теоріяхъ, на основаніи которыхъ римскій епископъ является центромъ духовнаго единства, получившимъ божественное порученіе быть главой всемірной церкви. Исторія точно также не знаетъ и о теоріяхъ, на основаніи которыхъ римскій епископъ представлялся антихристомъ и человѣкомъ грѣха. Само собою разумѣется, что дѣло исторіи отмѣтить какимъ образомъ появились подобныя теоріи; но она не можетъ смотрѣть на историческіе факты съ точки зрѣнія этихъ теорій. Для историка могущество римской церкви обусловливается просто тѣмъ, что она была церковь Рима, а не какого-нибудь другаго менѣе значительнаго города. Церковь, основанная въ стѣнахъ матери и главы всѣхъ городовъ, неизбѣжно должна была сдѣлаться матерью и главой церквей. Римъ имѣлъ еще достаточно жизненности для управленія, и, если его императоръ отказывался отъ своего призванія и оставилъ свою столицу, то его мѣсто могъ занять римскій епископъ. Когда мечъ Валентіана оказался безсильнымъ противъ Гунновъ, папа Левъ своей мудростью очаровалъ ихъ и спасъ городъ. Клавдій и Веспасіанъ подчинили народъ Британіи римскому игу; когда ихъ дѣло оказалось непрочнымъ и разрушеннымъ, то папа Григорій съумѣлъ привлечь населеніе Британіи въ лоно римской церкви. Цезари давали и отнимали короны у зависимыхъ отъ нихъ королей. Когда власть Цезаря сдѣлалась на западѣ призрачной, римскій первосвященникъ обрилъ волосы послѣдняго выродившагося Меровинга и въ первый разъ далъ помазаніе на царство вождю франковъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Римъ являлся главой и учителемъ народовъ. Онъ былъ вынужденъ изрекать свои рѣшенія черезъ посредство епископа просто потому, что Императоръ отрекся отъ него. Какъ благодаря постоянному отсутствію и частой слабости императора развилось могущество первосвященника — это видно изъ сравненія исторіи стараго Рима съ исторіей Константинополя. Въ Константинополѣ императоръ всегда присутствовалъ, всегда царствовалъ и потому тамъ никто другой не могъ захватить малѣйшей доли императорской власти. Ни одинъ изъ царствующихъ родовъ никогда не былъ такъ переполненъ религіозными стремленіями, какъ восточные Цезари. Ни для одного царствующаго рода религія, ея торжество и униженіе ея враговъ не было столь постоянной цѣлью политики, какъ для нихъ. Они именовались «правовѣрными императорами»; ихъ боевымъ ключемъ было: «побѣда Святому Кресту». Нигдѣ церковь и государство не сливались настолько, какъ въ Византіи и вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ свѣтскій глава государства не имѣлъ такой власти во всѣхъ дѣлахъ и надъ всѣми лицами въ его владѣніяхъ. На западѣ патріархъ почти занялъ мѣсто отсутствующаго императора; на востокѣ же

императоръ почти взялъ на себя функціи патріарха, бывшаго его креатурой. Также какъ его языческій предшественникъ, императоръ, а не священникъ котораго онъ назначалъ и низлагалъ, былъ настоящимъ первосвященникомъ (Pontifex maximus) и Отцомъ Отечества (Pater Patriae). Данте X и XI вѣка могъ бы найти высшій идеалъ гиббелиновъ въ Августѣ, вѣнчанномъ Богомъ, царствующемъ во имя Бога, какъ Его намѣстникъ и незнающемъ на землѣ ни отца, ни повелителя, въ могущественныхъ императорахъ того времени, въ людяхъ, уходящихъ отъ боевыхъ трудовъ и отъ придворнаго блеска въ келью пустынника съ цѣлью умерщвленія своей плоти, въ Никифорѣ, искавшемъ отдыха для своего могучаго тѣла на раскинутой по землѣ медвѣжей шкуры, въ Василіѣ, опоясанномъ желѣзнымъ поясомъ и попирающемъ всѣхъ враговъ Христа и всѣхъ враговъ Рима.

Замѣчательны и славны были эти блестящіе дни въ лѣтописяхъ Восточной Имперіи. Критъ, Кипръ и Киликія были снова отняты у невѣрныхъ; римскій орелъ снова распростеръ свои крылья надъ Евфратомъ и Тигромъ; крестъ былъ снова водруженъ въ Антіохіи и въ Едессѣ. Все это указывало на ту роль, которую въ свои лучшіе дни игралъ восточный Римъ въ вѣчномъ вопросѣ, что и составляло, собственно говоря, самую сущность всей его исторіи. Восточный Римъ, основанный на мѣстѣ сліянія двухъ міровъ, предназначенный его основателемъ охранять Европу и тѣ страны Азіи, которыя принадлежали Европѣ, долженъ былъ сдѣлаться передовымъ бойцомъ въ то время, когда борьба между Западомъ и Востокомъ превратилась въ борьбу между христіанствомъ и исламомъ. Въ противномъ случаѣ восточный Римъ не исполнилъ бы своей миссіи. Восточный римлянинъ также, какъ испанецъ на Западѣ, по необходимости былъ крестоносцомъ еще раньше того времени, какъ начали проповѣдываться крестовые походы и для того и другаго религія и патріотизмъ было одно и тоже. Сражаясь за свою родину, они сражались также и за свою вѣру. Я уже говорилъ объ самомъ великомъ изъ примѣровъ способности Византіи къ возрожденію, о великихъ дняхъ македонскихъ императоровъ, и снова обращаю ваше вниманіе на это время, чтобы вы могли яснѣе представить себѣ контрастъ между востокомъ, боровшимся подъ предводительствомъ своего главы Императора за самое свое существованіе противъ невѣрныхъ и западомъ, гдѣ императоръ совершенно отрекся отъ общей работы и предоставилъ руководительство имперіей и королевствами Запада духовной власти, готовой исполнить за него эту самую высшую изъ его обязанностей. Когда Западъ впервые пошелъ на освобожденіе востока, это совершилось не по призыву Цезаря, а по призыву папы. Въ прежнее время, когда опасность грозила самому западу, когда годъ отъ году появлялись новые Ат-

тилы съ своими прежними опустошительными цѣлями, въ Германіи нашлись люди, которые еще разъ исполнили то дѣло, которое совершили раньше ихъ Аэцій и первый Теодорикъ. Саксонскіе короли, отецъ и сынъ, наносили Мадьярамъ удары болѣе страшные, чѣмъ удары, нанесенные Гуннамъ на Каталаунскихъ поляхъ. Точно также, черезъ много вѣковъ снова нашлись люди, поразившіе пришельцовъ Монголовъ, какъ раньше ихъ были поражены Гунны и Мадьяры. Но въ этихъ войнахъ люди дрались за свою родину и за свою жизнь, а также за свою вѣру, но только какъ за часть своей родины и своей жизни. Когда же борьба за вѣру сдѣлалась не борьбой за свою собственную родину и жизнь, а за родину и жизнь другихъ, тогда общія желанія были высказаны не римскимъ императоромъ, а римскимъ епископомъ. Въ одной изъ прежнихъ своихъ лекцій я старался нарисовать вамъ картину того дня, когда раздался голосъ римскаго епископа въ странѣ Овернь близъ «Свѣтлой горы», близъ родины Сидонія и Григорія, когда были сказаны слова, при звукахъ которыхъ люди всевозможныхъ профессій и всевозможнаго общественнаго положенія, кромѣ королей, отправились биться за гробъ Господень. Человѣкомъ, который сказалъ такіе слова, долженъ былъ быть свѣтскій намѣстникъ Бога на землѣ; человѣкомъ, предложившимъ народу обнажить его мечъ, долженъ былъ быть тотъ, кто могъ стать во главѣ народа, какъ его верховный вождь. Призывъ къ священной войнѣ на западѣ долженъ былъ быть тѣмъ же, чѣмъ онъ всегда былъ на востокѣ, т. е. декретомъ, исходившимъ отъ Цезаря Августа; но «два меча божія» были направлены другъ противъ друга, двѣ звѣзды христіанскаго неба сіяли враждебнымъ другъ другу свѣтомъ; прошло то время, когда Оттонъ III и Григорій V могли стать рядомъ въ подобномъ собраніи; человѣкъ, который обнажилъ бы теперь мечь по требованію римскаго императора, могъ сдѣлать это только съ рискомъ подвергнуться проклятію неоднократно изгоняемаго римскаго епископа. Алексѣй Комненъ, энергическій основатель сильной династіи, былъ, конечно, не Гераклій и не Василій, но на востокѣ императоръ былъ, какъ всегда, на своемъ мѣстѣ и всегда былъ готовъ сдѣлать свое дѣло. Онъ не уходилъ въ какую нибудь страну, лежащую за горой Гемусъ и не предоставлялъ патріарху права исполнять вмѣсто себя самую главную изъ обязанностей имперіи.

Въ позднѣйшихъ крестовыхъ походахъ, конечно, принимали участіе и короли и императоры римлянъ. Самый крупный успѣхъ, достигнутый крестоносцами, выпалъ на долю императора, болѣе всѣхъ другихъ привлекшаго на свою голову проклятіе духовнаго Рима. Конрадъ отправился въ крестовый походъ и вернулся, Фридрихъ I умеръ во время похода, но Фридрихъ II, единственный изъ императоровъ, единственный изъ европейскихъ королей, пробился въ стѣны города, за который такъ долго боролись, и носилъ королевскую корону въ

городѣ Готфрида и Давида. Король Салема, проклятый сначала за то, что онъ не пошелъ въ крестовый походъ, потомъ за то, что онъ пошелъ и наконецъ проклятый за то, что онъ пріобрѣлъ призъ, за который такъ много боролись, долженъ былъ вернуться къ традиціямъ болѣе древнимъ, чѣмъ традиціи Готфрида и даже, чѣмъ традиціи Давида. Онъ долженъ былъ вернуться къ традиціямъ царя Мельхиседека и самъ возложить на свою голову корону, которую не хотѣлъ возложить на него ни одинъ священникъ. Тотъ фактъ, что епископъ Западнаго Рима старался воспрепятствовать римскому императору пріобрѣсти благородный призъ, недававшійся въ руки ни одному императору со времени Гераклія, болѣе всѣхъ другихъ историческихъ фактовъ доказывалъ, что въ имперіи появилась новая сила, замѣнившая собой имперію. Впослѣдствіи король Франціи и сынъ англійскаго короля безнадежно боролись для пріобрѣтенія этого приза; но ни одинъ императоръ, ни одинъ германскій король, вспоминая о судьбѣ Фридриха, не хотѣлъ искать побѣдъ надъ невѣрными на востокѣ. Наступили дни, когда невѣрные пришли на западъ и угрожали императорамъ и германскимъ королямъ въ ихъ собственныхъ королевствахъ. Но раньше, чѣмъ наступило это время, одинъ императоръ, боровшійся за послѣдній обломокъ власти Рима надъ востокомъ, пріобрѣлъ своимъ нападеніемъ такую славу, какую не пріобрѣталъ въ теченіи многихъ вѣковъ ни одинъ императоръ своими побѣдами. Даже въ минуту этого славнаго паденія ему было суждено указать міру, что римскіе епископы были столь же упорны въ своей дружбѣ къ восточнымъ цезарямъ, какъ и въ своей враждѣ къ собственнымъ государямъ,— были ли эти послѣдніе на тронѣ Карла или на тронѣ Давида.

Я уже говорилъ о событіи 1204 года, о взятіи Константинополя латинянами, какъ о событіи, которое мы можемъ признать концомъ древней имперіи Рима на востокѣ. Этотъ подвигъ царственныхъ грабителей въ плащѣ крестоносцевъ, разбившихъ на куски старую крѣпость христіанства и оставившихъ отъ него только слабые обломки, которые неизбѣжно должны были быть одинъ за другимъ захвачены невѣрными, мы должны конечно считать однимъ изъ самыхъ ужасныхъ преступленій и безумствъ, когда либо совершенныхъ въ исторіи. Люди съ крестами на плечахъ, съ мечами, освященными для служенія вѣрѣ, оставили свою миссію и начали устраивать для себя королевства на счетъ своихъ братьевъ христіанъ т. е. дѣлать тоже, что дѣлали невѣрные, но только съ гораздо большей послѣдовательностью и успѣхомъ, чѣмъ эти послѣдніе. Въ началѣ XIII вѣка пути восточныхъ и западныхъ императоровъ разошлись настолько, что враждебныя притязанія греческихъ и германскихъ представителей Рима могли быть забыты; но теперь западный Римъ имѣлъ другаго представителя, притязанія котораго не были забыты.

Если императоръ и не заботился отстаивать свое право на владычество надъ міромъ, то римскій епископъ былъ всегда готовъ выставить такое притязаніе. Люди запада привыкли смотрѣть на христіанскій востокъ, какъ на еретическую страну, которую слѣдовало возвратить къ повиновенію, они признавали достойнымъ дѣломъ изгнаніе патріарховъ восточныхъ церквей и назначеніе на ихъ мѣсто креатуръ западнаго епископа. Вассалы новаго Рима, духовные Прузіи или Ироды, должны были преподать Греціи и Азіи новый урокъ рабства, должны были заставить всѣ страны снова смотрѣть на старый Римъ, какъ на судью, рѣшеніе котораго никто не осмѣливался оспаривать. Къ чести великаго Иннокентія нужно сказать, что франки и венеціанцы обратили свои мечи противъ Константинополя вмѣсто того, чтобы обнажить ихъ за Іерусалимъ, не только не по его приказанію, но даже вопреки его открытому запрещенію. Не по его приказу и не по его одобренію люди, миссіей которыхъ было освобожденіе храма Господня отъ невѣрныхъ, осквернили церковь святой Софіи такъ, какъ никогда не осквернялъ ее ни одинъ невѣрный; но Иннокентій не посовѣстился воспользоваться преступленіями, совершеніе которыхъ онъ запрещалъ и расширить свои духовныя владѣнія при помощи грабителей, которыхъ ему не удалось воздержать отъ ихъ грабежа. Такимъ образомъ, разъединенный востокъ, разъединенное христіанство, въ которыхъ христіане перестали быть братьями, сдѣлались готовой добычей для невѣрныхъ, сильныхъ своимъ единствомъ и стоявшихъ подъ руководствомъ могущественнаго рода государей, на долю которыхъ пала теперь борьба за азіатскую, или вѣрнѣе сказать, мусульманскую сторону «вѣчнаго вопроса».

Такимъ образомъ, мы дошли до времени Оттомановъ. Европѣ и христіанству пришлось теперь бороться съ врагомъ болѣе ужаснымъ, чѣмъ Карѳагенъ и Персы, чѣмъ сарацины востока или запада, болѣе ужаснымъ, чѣмъ Гунны, Авары, Мадьяры и другія болѣе древнія племена тюркской расы. Арабы отняли у имперіи часть ея территоріи, но они отняли у нея провинціи, не бывшія настоящимъ источникомъ ея могущества и этимъ самымъ они даже способствовали тому, что въ теченіи нѣкотораго времени имперія пріобрѣла новую жизненность и національную энергію. Турки-сельджуки завоевали земли, опустошенныя, но никогда не завоеванныя арабами. Турки Сельджуки завоевали ихъ, превративъ въ пустыню; они основали свое государство въ Никеѣ, но вскорѣ должны были удалиться оттуда. Если султанъ Рима и мечталъ когда либо, что восточный Римъ будетъ принадлежать ему, то это было только пустой мечтой; видѣніе же Оттомана было видѣніемъ пророка, передъ которымъ открыто будущее. Онъ и его родъ не потерпѣли пораженія, какъ Арабы, и пріобрѣли владѣніе на христіанской, Европейской почвѣ, что было гораздо важнѣе, чѣмъ утрата арабами самой западной изъ странъ

Европы. Оттоманамъ было суждено сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ никогда не были прежніе пришельцы той же расы; они были не простымъ скоропреходящимъ бичемъ, а постояннымъ угнетателемъ христіанскихъ и европейскихъ странъ. Гунны и авары были или прогнаны или истреблены съ лица земли; болгары приняли ученіе Христа, они отказались отъ своего варварскаго языка и слились, какъ единая нація, съ европейскимъ народомъ. Мадьяры удержали свое названіе и свой языкъ, но они вступили въ ряды христіанъ и европейцевъ; только христіанское ученіе было заимствовано ими, къ не выгодѣ для всѣхъ народовъ юго-восточной Европы, отъ западнаго Рима. Монголы устроились далеко на границѣ Европы и Азіи и оттуда пользовались верховной властью надъ отдаленнѣйшими и менѣе извѣстными изъ Европейскихъ государствъ. Судьба Оттомановъ была иная—они достигли того, къ чему тщетно стремились арабы и сельджуки. Они устроились въ самомъ новомъ Римѣ; кромѣ того, они пріобрѣли этотъ городъ въ качествѣ европейскаго государства и взяли приступомъ его стѣны при помощи солдатъ европейскаго происхожденія. Когда Магометъ раскинулъ свой лагерь передъ Константинополемъ, онъ не былъ, какъ его предшественники, Сарацины властелиномъ Азіи, напавшимъ на Европу. Онъ явился, какъ человѣкъ, обширныя владѣнія котораго на европейской почвѣ позволяли ему захватить послѣдній кусокъ римскаго мира, послѣдній уголокъ Фракіи. Завоевателемъ Константинополя былъ человѣкъ, уже властовавшій на Дунаѣ, но еще не властовавшій на Нилѣ и на Ефратѣ. Притомъ онъ былъ человѣкомъ, умѣвшимъ привлечь на свою службу всѣ лучшіе умы и всѣхъ сильныхъ людей отъ Дуная до Пропонтиды и отъ Пропонтиды до Галаса. Учрежденіе янычаръ, это самое жестокое порожденіе змѣиной мудрости, обратила всю энергію всѣхъ завоеванныхъ народовъ противъ нихъ самихъ и сдѣлало тѣхъ людей, которые должны бы были быть освободителями угнетенныхъ, самыми вѣрными орудіями угнетателя. Стѣны Константинополя были взяты приступомъ воинами греческой, славянской и албанской крови. Владѣнія Константинопольскихъ султановъ управлялись государственными людьми европейскаго происхожденія и когда то христіанами. Эти люди или дѣлались добычей Оттомана въ дѣтствѣ или были негодяями, которые, какъ бываетъ и теперь, продавали варварамъ свои души. При всѣхъ безконечныхъ фазахъ «вѣчнаго вопроса» никогда силы зла не выдумывали такого орудія, какъ янычары, какъ это адское учрежденіе, державшее народы въ рабствѣ при помощи самыхъ лучшихъ изъ ихъ сыновъ.

Я не рѣшаюсь спросить, многіе ли изъ васъ вспоминаютъ, что нынѣшній день годовщина самаго мрачнаго дня въ исторіи христіанства. Двадцать девятаго мая, день, который такъ долго и такъ странно чтили, какъ день рожденія и возвращенія Карла II, въ дру-

гихъ странахъ былъ днемъ воспоминанія событій гораздо болѣе важныхъ для всемірной исторіи. Это годовщина паденія восточнаго Рима, день мученичества его послѣдняго императора. Въ этотъ день варваръ впервые сѣлъ на тронъ Цезарей, невѣрный впервые водрузилъ знамя антихриста на самомъ славномъ изъ христіанскихъ храмовъ. Съ этого дня христіанскій востокъ носитъ трауръ по столицѣ своей имперіи и по святынѣ своей вѣры. Въ такой день прилична не пѣснь радости, а грустная пѣснь еврейскаго псалмопѣвца, бывшаго свидѣтелемъ не менѣе черныхъ дней: «Боже! язычники вошли въ твое наслѣдіе, они осквернили храмъ твой святой, и превратили Іерусалимъ въ груду камней». Но евреи испытали только семидесятилѣтнее плѣненіе, наше же плѣненіе—потому что плѣненіе восточнаго Рима есть плѣненіе всего христіанства — продолжается до сего дня уже четыреста сорокъ два года; и теперь, какъ тогда, варвары сидятъ лагеремъ, какъ опустошительная орда, въ самой прекрасной изъ европейскихъ странъ и теперь, какъ тогда, исповѣдованіе христіанской религіи приноситъ народамъ въ ихъ собственной землѣ непрерывное мученичество. Еще прискорбнѣе та мысль, что очень многіе изъ христіанъ одобряютъ такое положеніе дѣлъ. Мы каждый день слышимъ странные слова, будто «британскіе интересы», имперскіе интересы, а, можетъ быть, просто интересы роставщиковъ, получаемые ими съ кроваваго пота ихъ жертвъ, требуютъ сдѣлать все для насъ возможное для сохраненія власти угнетателя и для продолженія рабства угнетенныхъ. Мы видѣли, какъ англійскіе государственные люди хвалятся, какъ какимъ либо достойнымъ подвигомъ, тѣмъ, что они вернули подъ власть султана, т. е. въ рабство невѣрующаго чужестранца, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, за освобожденіе которыхъ обнажали мечи гораздо лучшіе люди. Въ виду подобнаго позора, совершеннаго въ наши дни, мы не посмѣемъ бросить камень даже въ участниковъ четвертаго крестоваго похода. Тѣ, по крайней мѣрѣ, грѣшили ради извѣстнаго человѣческаго мотива, но нельзя найти ни однаго человѣческаго мотива, когда люди радуются горестямъ несчастныхъ странъ, которыя, будучи озарены кратковременнымъ лучемъ свѣта свободы, снова повергнуты въ ночь рабства, сдѣлавшуюся для нихъ еще болѣе мрачной именно благодаря этому кратковременному свѣту свободы.

Такъ какъ мы довели до конца нашъ разсказъ о восточномъ Римѣ, то вспомнимъ кстати, что въ эту ночь въ соборѣ Св. Софіи была отслужена послѣдняя христіанская всенощная, что въ этотъ день утромъ послѣдній Константинъ занялъ свое мѣсто при воротахъ Святаго Романа, чтобы умереть за свою имперію и за свою вѣру. Только одно воспоминаніе бросаетъ тѣнь на послѣдніе дни этого героя, честно исполнившаго свой долгъ. Послѣднее христіанское богослуженіе въ соборѣ Св. Софіи было совершенно по чужестраннымъ об-

рядамъ, по обрядамъ, на которые жители христіанскаго востока смотрѣли, какъ на осквернепіе церкви. Духовное могущество западнаго Рима бросало свою мрачную тѣнь во всѣхъ странахъ; получить свѣтскую помощь отъ запада или вѣрнѣе сказать получить обѣщаніе такой помощи можно было только измѣной старымъ религіознымъ традиціямъ востока. Наши отцы помнятъ гораздо болѣе отрадный историческій моментъ,—моментъ, къ сожалѣнію не повторившійся на нашей памяти,—когда три великія державы востока и запада, представители трехъ великихъ европейскихъ народностей и трехъ самыхъ крупныхъ изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: православная Россія, католическая Франція и протестанская Англія нанесли варвару пораженіе въ новаринской битвѣ.

Отъ послѣдняго европейскаго переживанія восточнаго Рима возвратимся къ другому государству, на которое мы можемъ смотрѣть какъ на послѣднее прямое переживаніе западнаго Рима; отъ Константинополя возвратимся къ Вѣнѣ, отъ Палеолога къ Габсбургу, отъ послѣдняго Константина къ первому Леопольду. Въ теченіи 230 л. разливался потокъ оттоманскаго завоеванія; наконецъ этотъ потокъ былъ остановленъ; турки появились передъ императорскимъ городомъ запада, но слѣдствія ихъ появленія были иныя, чѣмъ слѣдствія ихъ появленія передъ императорскимъ городомъ востока. Они завладѣли Константинополемъ, но не могли завладѣть Вѣной. Въ Константинополѣ они прошли черезъ трупъ убитаго императора; отъ Вѣны они были отражены, но отражены не императоромъ. Ни одинъ король не пришелъ на помощь Константину, а на помощь Леопольду пришелъ король чужой земли. Константинъ палъ отъ меча врага слишкомъ могущественнаго для него. Леопольдъ нашелъ помощника болѣе сильнаго, чѣмъ его врагъ и напрягалъ всѣ усилія своего императорскаго ума на то, чтобы найти средство поблагодарить человѣка, спасшаго его тронъ и жизнь, съ наименьшемъ пожертвованіемъ своего императорскаго достоинства. Вѣна была спасена для христіанства; она не подверглась судьбѣ Бѣлграда и Буды, но спасена она была мечемъ славянина, мечемъ поляка. Впослѣдствіи, этотъ долгъ былъ заплаченъ полностью. Польша была вычеркнута изъ среды націй и царствующій домъ, спасенный ей, участвовалъ въ раздробленіи достоянія своей спасительницы.

Я кончилъ свой разсказъ о Римѣ, о разныхъ стадіяхъ его развитія, о послѣднихъ переживаніяхъ его могущества и о переживаніяхъ его титуловъ. Я началъ свои лекціи разсказомъ о мірѣ, въ которомъ еще отсутствовалъ Римъ и долженъ кончить ихъ разсказомъ о мірѣ, изъ котораго Римъ исчезъ.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТАЯ.

Міръ безъ Рима.

Въ первой своей лекціи я говорилъ, что одна изъ главныхъ отличительныхъ чертъ нашего вѣка, вѣка, который будетъ считаться во всемірной исторіи будущихъ временъ однимъ изъ самыхъ достопамятныхъ вѣковъ, состоитъ въ томъ, что современный міръ есть міръ безъ Рима. Я говорилъ также, что эта отличительная черта современнаго общества напоминаетъ намъ о самыхъ древнихъ временахъ европейской исторіи. Міръ, изъ котораго исчезъ Римъ, имѣетъ нѣчто общее съ тѣмъ міромъ, въ которомъ Римъ еще не появлялся. Оба эти вѣка: древній и современный отличаются отъ тѣхъ вѣковъ, когда Римъ въ той или другой формѣ былъ признаннымъ центромъ всѣхъ европейскихъ и христіанскихъ странъ; но эта одна изъ тѣхъ истинъ, которыя могутъ быть поняты только людьми, смотрящими на европейскую исторію, какъ на нѣчто цѣлое и не думающими, что можно изучать тотъ или другой отрывокъ непрерывнаго повѣствованія совершенно отдѣльно отъ другихъ актовъ единой драмы. Человѣкъ, выбирающій для изученія какую нибудь отдѣльную эпоху въ длинной исторіи Рима, не можетъ составить себѣ яснаго представленія о значеніи Рима во всемірной исторіи. Онъ не будетъ въ состояніи понять различія между вѣкомъ, когда Римъ существовалъ и вѣкомъ, когда его не было. Для него тотъ фактъ, что міръ остался безъ Рима, не будетъ представляться замѣчательнымъ и характернымъ, потому что ему не приходило въ голову основательно изучить то время, когда дѣло обстояло иначе. Такіе люди никогда не поймутъ, что самый крупный фактъ современности состоитъ въ отсутствіи какого нибудь центра, вокругъ котораго могъ бы соединиться весь міръ. Если они не поймутъ, что міръ въ настоящее время не имѣетъ такого центра, то они еще менѣе могутъ понять, что даже такой міръ не былъ бы тѣмъ, что онъ есть, если бы Рима никогда

не было. Римъ вѣченъ въ своемъ вліяніи, міръ въ теченіи стольких вѣковъ подвергался этому вліянію, что оно перестало быть римскимъ; но Римъ, какъ видимый и признанный центръ, исчезъ; міръ нераздѣльный не смотритъ теперь на Римъ, какъ на своего несомнѣннаго главу; міръ раздѣленный на двѣ половины, восточную и западную, не смотритъ также на восточный и западный Римъ, какъ на несомнѣнныхъ главъ двухъ половинъ цивилизованнаго міра. Новый Римъ сдѣлался добычей варваровъ; старый сдѣлался мѣстной столицей европейскаго королевства; новый Римъ при всемъ несчастіи его теперешняго положенія сохраняетъ еще надежду на великое будущее. Даже его угнетатели до нѣкоторой степени поддерживаютъ его традиціи. Даже для нихъ онъ есть нѣчто большое, чѣмъ простая столица отдѣльнаго государства; гораздо вѣроятнѣе, что христіанскій Константинополь снова получитъ свое старое наслѣдіе, какъ глава восточнаго христіанства, чѣмъ то, что страны запада снова признаютъ главенство стараго Рима при Тибрѣ. Родъ его цезарей прекратился и мы можемъ быть увѣрены, что онъ прекратился на вѣки. Римскіе папы оказались неспособными понять, что ихъ всемірное значеніе увеличилось благодаря освобожденію отъ узъ мѣстной свѣтской власти. Для человѣка, начинающаго свои изученія съ средины или съ конца, для человѣка, который благодаря вліянію такого заблужденія, не съумѣлъ понять значеніе всемірной исторіи отъ исторіи царей на Палатинскомъ холмѣ до исторіи королей въ Квириналѣ, все то, что дѣлаетъ нашъ вѣкъ столь замѣчательнымъ, представится не имѣющимъ никакого значенія. Человѣкъ, полагающій, что онъ лучше пойметъ свою эпоху, начавъ изученіе исторіи съ эпохъ непосредственно предшествующихъ ей, человѣкъ, слушающій ложныхъ пророковъ, предлагающихъ ему искать историческаго знанія при помощи поверхностнаго изученія какого нибудь шестаго и седьмаго періода, вмѣсто основательнаго изученія Григорія и Эйнгарда — такой человѣкъ будетъ принужденъ понять (нѣтъ! онъ, вѣроятно, не выучится даже настолько, чтобы понять это), что при подобномъ методѣ изученія невозможно изучить даже свою эпоху. Въ наказаніе за свое непониманіе онъ будетъ заниматься эпохой столь же достопамятной, какъ самая замѣчательная изъ историческихъ эпохъ и и не пойметъ настоящаго ея значенія.

Такимъ образомъ, мы живемъ въ вѣкъ, когда нѣтъ Рима и для всѣхъ, кто только способенъ понять этотъ историческій фактъ, онъ составляетъ самую отличительную его черту. Но нашъ міръ есть міръ, изъ котораго Римъ исчезъ, а тѣ далекіе вѣка, съ которыми мы можемъ сравнивать его, были вѣками, когда Римъ не занялъ еще того мѣста, которое было предназначено ему во всемірной исторіи. Я говорилъ о значеніи этихъ вѣковъ въ общей европейской исторіи въ своей первой лекціи. Въ этой лекціи и въ слѣдующей я старался

указать, какимъ образомъ Римъ, медленно и постепенно занявшій первое мѣсто на западѣ, внезапно вторгся въ сферу другой политической системы, системы королевствъ и республикъ, во многихъ отношеніяхъ бывшей предвѣстницей политической системы современнаго міра. Мы можемъ вернуться еще далѣе назадъ, къ тому времени, когда Римъ еще былъ настолько далекъ отъ своего будущаго главенства надъ міромъ, что даже его имя было едва извѣстно. Благодаря одному изъ странныхъ цикловъ исторіи мы, люди, живущіе въ огромномъ современномъ мірѣ, въ мірѣ материковъ и океановъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ возвратились къ положенію людей, жившихъ въ узкомъ мірѣ древняго времени, въ маленькомъ мірѣ острововъ, полуостововъ и внутреннихъ морей. Мы возвратились къ положенію дѣлъ, существовавшему не только раньше того времени, когда Римъ сдѣлался правителемъ народовъ, но и раньше того времени, когда македонскія королевства и греческіе союзы ограничили право каждаго отдѣльнаго города принимать участіе въ дѣлахъ міра, какъ независимыя государства. Въ настоящее время каждая нація совершенно также, какъ въ то время каждый городъ, дѣлаетъ то, что считаетъ справедливымъ. Въ настоящее время нація также, какъ въ то время городъ, можетъ быть удержана отъ пользованія своими правами только страхомъ передъ физической силой какого нибудь могущественнаго сосѣда; но націи въ настоящее время также, какъ и тогдашніе города, не признаютъ какого нибудь общаго центра законнаго правленія, какой либо силы, которая имѣла бы авторитетъ высшій, чѣмъ авторитетъ простой физической силы. Въ наше время исчезло великое видѣніе монархіи Данте и мы вернулись къ условіямъ тѣхъ вѣковъ, когда это чудное видѣніе не появлялось еще передъ глазами людей. Самымъ лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить общепризнанное значеніе и общепризнанная трудность созданія нормъ международнаго права. Ни въ одну эпоху не было такъ необходимо, какъ теперь, созданіе системы правилъ, которыми считали бы себя связанными отдѣльныя независимыя государства. Никогда не оказывалось труднѣе, чѣмъ теперь, дать какую нибудь практическую санкцію этой системѣ правилъ. Самый простѣйшій способъ ихъ соблюденія, можетъ быть, состоитъ просто въ томъ, что слабыя государства въ своихъ отношеніяхъ съ сильными обязываются строжайшимъ образомъ соблюдать всѣ международныя правила, тогда какъ сильныя государства въ своихъ отношеніяхъ къ слабому избавляются отъ подобной педантической точности. Такъ напр. мнимое оскорбленіе со стороны Греціи ведетъ къ требованію унизительнаго вознагражденія, котораго, конечно, не потребовали бы, если бы оскорбленіе шло со стороны Германіи. Самый основательный знатокъ международнаго права не могъ выдумать до сихъ поръ никакихъ средствъ, чтобы заставить великую

державу, которая по своему истолковываетъ международныя правила и настолько убѣждено въ правильности своего истолкованія, что отказывается предоставить дѣло рѣшенію какого либо посредника. пойти на уступки. Такъ было и въ то время, когда цивилизованный міръ ограничивался предѣлами независимыхъ республикъ Греціи. Въ теоріи извѣстныя правила и обычаи считались обязательными для всякаго греческаго государства въ его отношеніяхъ съ другими греческими государствами. Нѣкоторыя дѣйствія, считавшіяся законными по отношенію къ варварамъ, считались незаконными по отношенію къ грекамъ. Такія правила ничѣмъ существеннымъ не отличались отъ современнаго международнаго права. Примѣненію этого термина къ древней Греціи мѣшаютъ чисто словесныя затрудненія, обусловленныя тѣмъ обстоятельствомъ, что въ наше время народы заняли мѣсто городовъ; но для греческихъ городовъ было также трудно найти санкцію полезныхъ правилъ, налагаемыхъ греческой традиціей или религіей, какъ трудно найти такую санкцію въ настоящее время. Общей свѣтской власти не существовало и навряд ли можно сказать, чтобы существовала общая духовная власть. Совѣтъ Амфиктіоновъ могъ имѣть только очень малое притязаніе на подобную духовную власть; его рѣшенія не имѣли никакого значенія, если только какое нибудь могущественное государство не приводило ихъ въ исполненіе для своихъ собственныхъ цѣлей, причемъ въ обмѣнъ за это оно требовало себѣ права вліять на его рѣшенія. Во времена великой Пелопонесской войны мы ничего не слышимъ объ Амфиктіонахъ. Въ то время и потомъ Аѳины, Спарта, Ѳивы могли нарушать права болѣе слабыхъ городовъ и подвергались при этомъ только единственному риску, что какой нибудь изъ болѣе сильныхъ городовъ найдетъ нужнымъ для своихъ интересовъ отстаивать права слабыхъ. Въ теоріи всякій греческій городъ имѣлъ одинаковое право на независимость, но Мессене, Скіоне и Платая понимали, какъ трудно отстаивать такое право. Вырѣзанныя на камнѣ договоры имѣли мало значенія, а рѣшеніе амфиктіоновъ имѣло еще меньшее значеніе, если какой нибудь могущественный и честолюбивый городъ для достиженія своей цѣли хотѣлъ нарушить ихъ. Подобные договоры и рѣшенія имѣли равно столько же значенія, какъ и рѣшенія современнаго европейскаго конгресса, обязывающагося обезпечить свободу Эпира и хорошее управленіе въ Арменіи. Голосъ какого нибудь могущественнаго города, напр. Спарты, поддерживаемый волей великаго царя, имѣлъ гораздо большое значеніе. Увеличеніе македонскаго могущества при двухъ знаменитыхъ государяхъ дало на нѣкоторое время греческому міру центръ и главу. На международное право или на его субституты обращали очень мало вниманія, когда Александръ послѣ своихъ азіатскихъ завоеваній приказалъ всѣмъ городамъ Греціи вернуть изгнанниковъ. Но когда македонское

королевство снова сдѣлалось однимъ изъ многихъ государствъ греческаго міра, снова наступило хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями прежнее положеніе дѣлъ. Теперь греческій міръ не былъ міромъ однихъ только городовъ, онъ сдѣлался міромъ, въ которомъ играли роль города, царства и союзы, міромъ, въ которомъ начала играть роль дипломатія; на восточныхъ моряхъ Европы появились корабли, перевозившіе пословъ въ ихъ безконечныхъ странствованіяхъ къ дворамъ того или другаго государя или къ собраніямъ того или другаго союза. Въ этотъ-то міръ сложныхъ международныхъ отношеній внезапно вторглось римское государство. Все немедленно измѣнилось при владычествѣ Рима, даже за долго до того времени, какъ это владычество установлено формально. Тотчасъ же, какъ Римъ по общему согласію сдѣлался судьей всѣхъ странъ, лежащихъ близъ Средиземнаго моря, правила международнаго права перестали примѣняться къ отношеніямъ отдѣльныхъ государствъ древняго міра. Въ теченіи нѣкотораго времени, независимыя государства цивилизованнаго міра признавали закономъ тѣ рѣшенія, которые могущественный римскій Сенатъ постановлялъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Когда царства превратились въ провинціи, а независимые города въ муниципалитеты, законы единой республики, въ составъ которой они входили, сдѣлались законами всего цивилизованнаго міра, санкціонированными волей Цезаря Августа. Между Римомъ и Парѳянами еще существовалъ jusgentium; но для рѣшенія вопросовъ, которые могли подниматься въ Антіохіи, въ Кадиксѣ (Гадесъ) и въ Еборакумъ, примѣнялся только законъ римскаго города, предмѣстіями котораго сдѣлались всѣ другіе города.

До тѣхъ поръ, пока существовалъ хоть призракъ римской власти, никогда вполнѣ не забывалась теорія, что въ Римѣ находится центральное всемірное судилище. Когда Востокъ и Западъ сдѣлались не только отдѣльными, но и враждебными другъ другу, когда западный первосвященникъ во многихъ отношеніяхъ замѣнилъ западнаго императора, народы начали считать своимъ судьей духовный, а не имперскій Римъ. Тѣмъ не менѣе Римъ оставался всетаки судьей; западноевропейскій міръ всетаки продолжалъ признавать своимъ центромъ городъ при Тибрѣ, хотя этотъ центръ и былъ перенесенъ изъ императорскаго дворца въ Латеранъ и Ватиканъ. Предѣлы міра, центромъ котораго были Латеранъ и Ватиканъ, съузились благодаря религіозной революціи. Эта религіозная революція до значительной степени обусловливалась національными отличіями. Восточная Европа, греческая и славянская, никогда не признавала духовнаго владычества западнаго Рима, а теперь и тевтонская Европа отвергла это владычество. Народы, которые раньше вопреки волѣ императоровъ отстаивали свою независимость въ свѣтскихъ дѣлахъ, теперь отстаивали свою независимость въ дѣлахъ религіозныхъ. Римская церковь

оставалась также, какъ и римская имперія, огромной и почтенной силой, но при этомъ ограниченной предѣлами, если ни одной націи, то группы націй, близко связанныхъ своей исторіей и языкомъ; какъ существовала «Священная римская имперія германской націи», такъ теперь появилась римская святая церковь народовъ латинской рѣчи. Можно сказать даже, что въ одномъ важномъ отношеніи предѣлы этого римскаго могущества еще болѣе съузились. Было время, когда званіе римскаго епископа и всѣ сопряженныя съ этимъ званіемъ права были и на практикѣ и въ теоріи доступны сынамъ всѣхъ народовъ, признававшихъ духовное владычество Рима. Теперь, хотя никакой законъ не воспрещаетъ избирать папой члена любой націи, на практикѣ выборъ кардиналовъ давно уже ограничивается людьми итальянскаго происхожденія. На такую привиллегію можно, конечно, смотрѣть, какъ на нѣкотораго рода переживаніе или возрожденіе мѣстной римской власти, но гораздо вѣрнѣе признать ее возвращеніемъ къ тѣмъ днямъ, когда Римъ не имѣлъ еще духовной власти. Это возвратъ къ тому времени, когда римская церковь, бывшая еще мѣстной, хотя и первой изъ мѣстныхъ церквей, естественно выбирала своего главу изъ среды своихъ членовъ; но насколько эта привиллегія представляетъ возвратъ къ прошлому, настолько же она представляетъ возвратъ къ формѣ, наиболѣе приспособленной къ условіямъ нашего времени. Нація снова занимаетъ мѣсто города; Италія занимаетъ мѣсто Рима; однимъ словомъ, римская церковь, которая въ теоріи еще совпадаетъ со всѣмъ міромъ, и которая когда-то дѣйствительно совпадала съ западной Европой, превратилась теперь въ церковь латинскую, имѣющую своей главой итальянца. Конечно слѣдуетъ принимать утвержденія, что латинскія націи остались вѣрными Риму, а тевтонскія отпали отъ него, только въ самомъ широкомъ и общемъ смыслѣ. Извѣстно, что имѣется достаточно исключеній изъ этихъ общихъ положеній, извѣстно, что къ римской церкви принадлежитъ много славянъ и тевтоновъ. Точно также извѣстно, что къ ней не принадлежатъ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, многіе народы латинской рѣчи. Тѣмъ не менѣе, общее положеніе остается совершенно вѣрнымъ; оно указываетъ, по крайней мѣрѣ, общее направленіе событій вездѣ, гдѣ только не было особыхъ препятствующихъ причинъ. Если мы внимательно изучимъ каждое изъ этихъ исключеній, мы найдемъ какую нибудь особую причину, по большей части причину политическую, которая объясняетъ эту кажущуюся аномалію. Мы можемъ отмѣтить далѣе, что когда имперія сдѣлалась чисто германской, а папство чисто латинскимъ, старая вражда между имперіей и папствомъ прекратилась. Австрійскіе императоры, католическіе главы имперіи, но преимущественно протестанской, не ведутъ съ римскимъ престоломъ борьбы, какую вели съ нимъ императоры франконскіе и швабскіе; но такъ какъ

имперія и папство теперь заключены въ съуженныя и опредѣленныя границы, то ни одна изъ нихъ не могла дольше служить центромъ даже для западныхъ странъ. Міръ—къ лучшему или къ худшему—вернулся къ старому положенію дѣлъ; вмѣсто однаго Рима, общепризнаннаго главы всего міра, вмѣсто двухъ, враждебныхъ другъ другу Римовъ, изъ которыхъ каждый выставлялъ притязаніе быть главой половины цивилизованнаго міра, теперь каждая нація можетъ также, какъ могъ въ старое время каждый городъ, дѣлать то, что она признаетъ за лучшее. Теперь каждая изъ націй можетъ сама играть роль Рима болѣе или менѣе продолжительное время, пока она имѣетъ для этого достаточно физической силы.

Такимъ образомъ, позднѣйшая эпоха представляетъ собственно говоря возвратъ къ древнему времени, съ тѣмъ различіемъ, что націи заняли мѣсто городовъ. Два знаменитыхъ историка уже указывали на близкую аналогію между взаимными отношеніями городовъ старой Греціи и взаимными отношеніями народовъ современной Европы. Эта мысль очень подробно была развита Арнольдомъ и Гротомъ, но ни одинъ изъ нихъ не указалъ, что это сходство есть нѣкотораго рода циклъ, что современное положеніе дѣлъ есть возвратъ къ старому, послѣ того какъ въ теченіи многихъ вѣковъ существовало положеніе дѣлъ, отличное какъ отъ современнаго, такъ и отъ древняго. Имъ не приходилось останавливаться на причинахъ такаго возврата и на причинахъ, сдѣлавшихъ этотъ возвратъ къ старому такимъ, какимъ по необходимости бываетъ всякій возвратъ къ старому т. е. возвратомъ частичнымъ и до значительной степени видоизмѣненнымъ тѣми событіями, которыя произошли въ промежуточныя эпохи. Для ихъ цѣли было совершенно достаточно указать на аналогію; такое указаніе было совершенно удовлетворительнымъ отвѣтомъ ничтожнымъ пустомелямъ, декламирующимъ о безполезности изученія учрежденій «мелкихъ государствъ» и спрашивающимъ, какой толкъ въ знаніи битвъ, случившихся 2000 лѣтъ тому назадъ. Замѣна города націей составляетъ часть процесса, который мы можемъ для нашихъ цѣлей назвать физическимъ ростомъ міра. Міръ, въ которомъ мы живемъ, по своему пространству гораздо значительнѣе прежняго цивилизованнаго міра древней Греціи; онъ обширнѣе также римскаго міра, охватывавшаго всѣ берега Средиземнаго моря. Въ настоящее время Океанъ и его береговыя страны, состоящія изъ столькихъ материковъ и острововъ, сдѣлались тѣмъ, чѣмъ были когда то Эгейское море и его прибрежныя страны, а потомъ Средиземное море и его прибрежныя страны. Ни для кого современныя научныя открытія не могутъ быть столь пріятными, какъ для людей, изучающихъ политическую исторію. Открытія, которыя почти уничтожили разстоянія, должны возбуждать въ насъ чувство глубокой благодарности; но мы благодарны изобрѣтателямъ и открывателямъ

совсѣмъ по другимъ причинамъ, чѣмъ тѣ люди, которые болтаютъ о безполезности изученія эпохъ, когда эти открытія и изобрѣтенія были неизвѣстны—Пароходъ, желѣзная дорога, телеграфъ очень полезныя и необходимыя изобрѣтенія; они полезны и необходимы именно потому, что благодаря имъ интеллектуальная и политическая жизнь человѣчества не была подавлена простымъ физическимъ расширеніемъ. Они дали возможность современной Англіи подойти ближе къ Аѳинамъ Перикла, чѣмъ это было возможно для Англіи сто или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Они дали возможность Соединеннымъ Штатамъ Америки, занимающимъ территорію гораздо большую, чѣмъ территорія римской имперіи, устроиться, какъ свободный независимый союзъ, подобный древнему Ахейскому союзу, ограниченному предѣлами Пелопонеза. Они необходимы въ томъ вѣкѣ, когда націи заняли мѣсто городовъ, потому что именно благодаря имъ націи могли сдѣлаться дѣйствительно политически равными городамъ. Нѣкоторымъ изъ васъ можетъ быть случиться услыхать разговоры какого нибудь моднаго болтуна, смѣющагося надъ мелкими государствами, которымъ не были извѣстны великія открытія естественныхъ наукъ. Скажите этому господину, что открытія естественныхъ наукъ были полезны главнымъ образомъ потому, что они поставили большія государства на одинъ политическій уровень съ мелкими государствами.

Причины, которыя привели къ замѣнѣ городовъ націей въ современномъ мірѣ, были очень разнообразны, столь разнообразны, что говорить о всѣхъ этихъ причинахъ я не имѣю возможности. Но нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ непосредственную связь съ главнымъ предметомъ этого курса, т. е. съ положеніемъ Европы въ трехъ стадіяхъ ея развитія: до Рима, при Римѣ и послѣ него. Я далъ уже опредѣленіе новой исторіи, какъ исторіи тѣхъ эпохъ, когда тевтонскіе и славянскіе народы заняли передовое мѣсто въ исторіи. У обоихъ этихъ народовъ склонность смотрѣть на городъ, какъ на естественный центръ общественной и политической жизни всегда была менѣе развита, чѣмъ у южныхъ націй. Мы имѣемъ право говорить о южныхъ націяхъ вообще, потому что, если высшее развитіе городовъ мы встрѣчаемъ только въ Греціи, оно было также очень сильно и въ Италіи—примѣромъ чему могутъ служить Римъ и Капуя. Если развитіе городской жизни было менѣе сильнымъ у Галловъ и Иберовъ, они были тѣмъ не менѣе въ этомъ отношеніи ближе къ грекамъ и итальянцамъ, чѣмъ славяне и тевтоны. О причинахъ такого различія и о формахъ его проявленія я не имѣю возможности говорить въ этихъ лекціяхъ, такъ какъ эти причины относятся скорѣй къ области антропологіи, чѣмъ къ области исторіи. Для нашихъ цѣлей достаточно просто признать ихъ. Возьмемъ для примѣра самый развитой типъ каждаго изъ этихъ разрядовъ.—Основой греческаго политическаго общества былъ городъ, отдѣльные го-

рода могли группироваться въ союзы. Основой тевтонскаго политическаго общества было племя; отдѣльные племена могли сливаться въ націи. Въ одномъ случаѣ я употребляю терминъ *группироваться*, а въ другомъ терминъ *сливаться*, потому что у тевтонъ объединеніе было болѣе общимъ явленіемъ и совершалось гораздо полнѣе, чѣмъ у грековъ. Обратимся снова къ древней свободной Эллядѣ, до появленія Рима, и даже до развитія могущества Македоніи. Эллинскимъ идеаломъ былъ совершенно независимый городъ; только опытъ позднѣйшаго времени заставилъ города соединяться въ союзы. Этотъ процессъ былъ для нихъ во всякомъ случаѣ не желательнымъ, мы можемъ быть увѣрены, что Сикіонъ и Коринфъ никогда не пожертвовали бы ни іотой изъ своей независимости, если бы союзъ между городами не былъ крайне необходимымъ для защиты противъ македонскаго владычества или для низверженія македонскаго ига. Тевтонская политическая единица, племя, или вообще совокупность поселянъ, занимавшихъ Schire или gà, занимало другое положеніе. Сосѣднія и родственныя племена соединялись въ націи (сначала они, вѣроятно, соединялись въ какую нибудь группу, которая была больше племени, но меньше націи) гораздо легче, чѣмъ греческіе города образовали союзы. Причины этого очевидны; городъ по самой своей сущности представляется болѣе отдѣльной и постоянной политической единицей, чѣмъ округъ. Два округа физически могутъ слиться въ одинъ, но это сліяніе отнюдь не ведетъ къ необходимому политическому подчиненію одной части вновь образованнаго цѣлаго другой. Два города очень рѣдко могутъ физически слиться въ одно — политическое цѣлое; соединеніе двухъ городовъ по необходимости болѣе несовершенно, чѣмъ политическое соединеніе двухъ округовъ и оно навряд ли возможно безъ того, чтобы одинъ изъ городовъ не получилъ нѣкотораго преобладанія надъ другимъ. Кромѣ того племя, бродячее или поселившееся въ округѣ, всегда имѣетъ стремленіе къ созданію власти личнаго главы, или наслѣдственнаго или избирательнаго. Если собраніе является представителемъ племени, то у него всегда есть какой нибудь глава: герцогъ, судья или эльдорманъ. Городъ, какъ аристократическій, такъ и демократическій, всегда имѣетъ временныхъ сановниковъ, которые не бываютъ главами города или городскаго собранія въ томъ смыслѣ, въ какомъ герцоги или эльдорманы бываютъ главами племени. Герцоги или эльдорманы могутъ подчиниться одному королю или пользоваться своей властью, состоя подъ верховнымъ владычествомъ общаго короля, причемъ конституція страны и обычаи ея населенія нисколько не измѣняются. Собраніе увеличившагося округа есть просто соединеніе отдѣльныхъ собраній двухъ округовъ. Совсѣмъ не такъ легко слить во едино собраніе и магистратуру двухъ отдѣльныхъ городовъ. Какъ извѣстно, въ исторической Греціи однажды была сдѣлана

подобная попытка. Коринѳъ очень не долго былъ соединенъ съ Аргосомъ, и въ очень скоромъ времени Аргосъ и Коринѳъ снова сдѣлались отдѣльными и независимыми городами. Намъ подробно извѣстенъ процессъ, при посредствѣ котораго великія королества англовъ и саксонцевъ соединились въ единое королевство, Англію, но намъ ничего неизвѣстно о подробностяхъ процесса, при посредствѣ котораго эти семь или восемь большихъ королевствъ, изъ которыхъ три были особенно большими, постепенно образовались сліяніемъ древнихъ и небольшихъ поселеній. Намъ извѣстно, что въ большинствѣ случаевъ произошло подобное сліяніе; намъ извѣстно даже, что этотъ процессъ сліянія былъ неодинаковъ въ различныхъ королевствахъ—но подробности этого процесса намъ неизвѣстны. Одной изъ причинъ нашего невѣдѣнія можетъ быть то, что процессъ былъ постепеннымъ и легкимъ и не сопровождался какими нибудь крупными и быстрыми измѣненіями. Нѣтъ необходимости предполагать, что объединеніе Вессекса и Мерсіи было произведено рядомъ измѣнъ и убійствъ, подобныхъ тѣмъ, которыя объединили всѣхъ франковъ, подъ властію Хлодовика; но легкость, съ которой Хлодовикъ могъ истребить всѣхъ другихъ франкскихъ королей и то доброжелательство, съ которымъ онъ былъ признанъ королемъ всей націи, доказываютъ, что процессъ былъ легкимъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда объединеніе совершалось при помощи грубой силы, оно, кажется, не влекло за собой какихъ либо особыхъ бѣдствій. Рипуаріи, въ сущности говоря, не потеряли ничего, признавъ салійскаго короля.

Въ позднѣйшую эпоху во многихъ странахъ произошелъ противоположный процессъ. Галлія и Германія, почти достигнувъ объединенія, а Италія по крайнѣй мѣрѣ приблизившись къ нему, снова распались на множество государствъ, независимыхъ фактически, если не формально. Сохранившаяся теорія имперіи не позволяла свободному городу, герцогству или графству настаивать на своей формальной независимости, принадлежавшей по праву въ то время, когда имперія еще не существовала, всякому свободному греческому городу и всякому варварскому королевству, но фактически города и княжества пользовались всѣми правами независимыхъ государствъ, даже правомъ воевать съ своимъ сюзереномъ. Въ Галліи кромѣ раздробленія страны между герцогами и графами произошло отпаденіе самой страны отъ имперіи—какъ говоритъ германскій поэтъ:

«Et simul a nostro secessit Callia regno,
Nos priscum regni morem servamus, at illa
Jure suo gaudet, nostrae jam nescia legis».

Можно даже сказать, что въ той части Галліи, которая впослѣдствіи сдѣлалась Франціей, нація образовалась и распалась на части

одновременно. Трудно различить процессъ, при посредствѣ котораго наслѣдники Роберта Сильнаго сдѣлались герцогами французовъ, отъ процесса, при посредствѣ котораго они сдѣлались королями французовъ. Въ обоихъ случаяхъ названіе: Francia по крайнѣй мѣрѣ къ Западу отъ Мёзы и Саоны получило другое значеніе, чѣмъ во времена Хлодовика. Образуется новая нація, составленная изъ трехъ элементовъ, *смѣшанный французскій народъ*, сохранившій старое названіе тевтонскихъ франковъ. Образуется и новый языкъ этой націи, Lingua Romana сѣверной Галліи, совершенно отличный отъ книжнаго Lingua Latina и столь же отличный отъ другихъ формъ Lingua Romana въ Италіи, Испаніи и южной Галліи. Такимъ образомъ, является французскій народъ, говорящій французскимъ языкомъ, но нація при процессѣ своего образованія уже распадается. Въ то время, когда герцогство Франція превращается во французское королевство, отъ него отпадаютъ множество мелкихъ герцогствъ и графствъ. По странной случайности герцогство распадается, благодаря скандинавскимъ пришельцамъ. Можно было бы ожидать, что ихъ появленіе возбудитъ новую энергію въ исчезающемъ тевтонскомъ элементѣ Галліи. Собственно говоря, новые пришельцы съ Сѣвера, сохраняя всю свою природную энергію, дѣлаются учениками французской рѣчи и французской культуры, только благодаря ихъ помощи могло образоваться французское королевство. Такимъ образомъ образовалась типическая романская нація, нація въ настоящемъ смыслѣ этого слова, хотя она впослѣдствіи поглотила и ассимировала другія сосѣднія націи. Но въ процессѣ развитія французской націи, по крайнѣй мѣрѣ при сравненіи ея съ Англіей и Скандинавіей, замѣчаются нѣкоторое вліяніе городской жизни болѣе южныхъ странъ. Нація выросла вокругъ города, чего нельзя сказать ни объ одной тевтонской націи. Парижъ есть центръ, даже колыбель Франціи, чего нельзя сказать ни объ одномъ главномъ городѣ какой нибудь тевтонской страны. Другіе города Франціи, старыя племенныя столицы, удержали надъ округами, носящми ихъ имя, такое преобладаніе, какого никогда не имѣли города Англіи. Въ южной Галліи существовало другое положеніе дѣлъ, болѣе похожее на то, какое существовало въ Италіи и напоминавшее прежнее положеніе южной Европы; въ обѣихъ странахъ города были замѣтнымъ элементомъ, хотя ихъ жизнь и не составляла, какъ въ старой Греціи, политической жизни всей страны. Въ Италіи они были даже преобладающемъ элементомъ; когда власть императоровъ постепенно исчезла въ итальянскомъ и бургундскомъ королевствахъ, страна распалась на множество фактически независимыхъ государствъ, причемъ рядомъ съ княжествами снова начали играть роль свободныя республики. Мнѣ незачѣмъ упоминать здѣсь о величіи итальянскихъ городовъ, но слѣдуетъ припомнить, что во-первыхъ, хотя исторія городовъ и составляетъ самую блестящую и самую привле-

кательную часть средневѣковой итальянской исторіи, но эти города не были раскинуты по всей странѣ, какъ въ старой Греціи и что, во-вторыхъ, политическія явленія Италіи повторяются, хотя и съ меньшимъ блескомъ и не столь долгое время, въ сосѣднихъ земляхъ Галліи. Въ Провансѣ-странѣ, такъ долго находившейся подъ сильнымъ греческимъ вліяніемъ,—въ теченіи нѣкотораго времени существовали республики, также какъ въ Ломбардіи. Массалія, когда то боровшаяся противъ могущества Цезаря, снова борется противъ могущества Карла Анжуйскаго, причемъ французъ оказался болѣе суровымъ завоевателемъ, чѣмъ римлянинъ. Аквитанія, хотя и не была столь республиканской страной, какъ Провансъ, тѣмъ не менѣе отличалась отъ Франціи, какъ страна гражданскаго развитія и гражданскихъ привилегій. Значеніе и независимость городовъ увеличиваются по мѣрѣ того, какъ мы передвигаемся къ югу-западу отъ Англіи черезъ Францію, Аквитанію, Провансъ до Италіи.

Мы противопоставили города націямъ, но гораздо легче дать опредѣленіе города, чѣмъ опредѣленіе націи; можно, я полагаю, утверждать, что идеальная нація образуется тогда, когда всѣ принадлежащіе къ ней лица, занимая опредѣленную территорію и употребляя одинаковый языкъ, составляютъ единое политическое цѣлое, въ которомъ нѣтъ людей, говорящихъ на другомъ языкѣ. Однимъ словомъ, въ опредѣленіе націи входитъ единство языка и единство управленія. Было бы трудно найдти націю, подходящую подъ такое идеальное опредѣленіе; но чѣмъ больше подходитъ подъ него какое нибудь политическое цѣлое, тѣмъ больше оно приближается къ высшему національному типу. Когда мы встрѣчаемъ противоположное явленіе, когда мы встрѣчаемъ людей, говорящихъ на разныхъ языкахъ, но принадлежащихъ къ одному государству или наоборотъ людей, говорящихъ на одномъ языкѣ, но принадлежащихъ къ разнымъ государствамъ, мы будемъ инстинктивно искать причины такого явленія и не можемъ не искать этой причины, такъ какъ это явленіе представляется намъ аномаліей. Свободные города, не смотря на всѣ свои достоинства, всегда составляли самое крупное изъ законныхъ препятствій для образованія національнаго единства. Я говорю: «законныхъ препятствій», т. е. такихъ, которые появляются естественнымъ путемъ въ отличіе отъ препятствій, происходящихъ отъ внѣшней, грубой физической силы. Итальянское единство было невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока Миланъ и Венеція были отторгнуты отъ Италіи грубой силой австрійскаго дома; но оно было не менѣе невозможнымъ и въ то время, когда Миланъ и Венеція — первый недолго, а вторая въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ—играли роль въ дѣлахъ міра, какъ независимыя республики. Италія, страна свободныхъ городовъ именно потому, что она была такой страной, изъ всѣхъ странъ Европы была наиболѣе разъединенной и сдѣлалась, говоря

извѣстными словами ея врага, простымъ «географическимъ выраженіемъ». Германія въ самые несчастные для нея дни всетаки не была настолько разъединена, какъ Италія. За исключеніемъ очень немногихъ лѣтъ супрематіи Франціи, ея государи и города всегда поддерживали нѣкоторое отношеніе другъ къ другу. Въ Германіи всегда была національная діэта, а въ Италіи небыло ничего подобнаго.

Наконецъ въ наше время итальянская нація объединилась и мы всѣ, конечно, рады ея объединенію; тѣмъ не менѣе позволительно спросить, не было ли это объединеніе совершено черезъ-чуръ быстро и не было ли оно черезъ-чуръ полнымъ. Оно уничтожило всякіе слѣды независимаго существованія такой страны, какъ Сицилія; уничтожила даже самое имя этой страны. Странно то обстоятельство, что названіе Ирландіи по крайней мѣрѣ входитъ въ королевскій титулъ государя Англіи, а Сицилія перестала быть даже географическимъ выраженіемъ; королевство Рожера превратилось въ простую провинцію контенинтальнаго королевства. Другимъ слѣдствіемъ итальянскаго единства, слѣдствіемъ, при видѣ котораго мы не можемъ не чувствовать нѣкоторой грусти, было то, что это единство окончательно завершило ту великую фазу европейской исторіи, о которой мы говорили въ этихъ лекціяхъ. Никогда связи съ прошлымъ не разрывались настолько, какъ въ то время, когда итальянская армія вступила въ освобожденный Римъ. Изъ всѣхъ событій новой европейской исторіи событіе, совершившееся въ то время, когда Римъ сдѣлался центромъ государства съ признанными границами, главой мѣстнаго итальянскаго королевства, было самымъ важнымъ и значительнымъ. «Римъ столица Италіи»—это такая формула, которая не можетъ не радовать насъ, но она окончательно уничтожаетъ міровое положеніе и міровыя традиціи Рима. До этого времени продолжалъ существовать хоть призракъ этихъ міровыхъ традицій. При существованіи свѣтской власти панъ Римъ былъ, конечно, столицей не всей Италіи, но части ея, но свѣтская власть надъ частью Италіи не уничтожала міроваго положенія Рима настолько, насколько оно уничтожено свѣтской властью Рима надъ всей Италіей, Римъ не былъ только столицей папскихъ владѣній, римскіе папы господствовали въ папскихъ владѣніяхъ, сохраняя свое положеніе, какъ епископы міроваго города; но итальянское королевство не представляетъ добавленія къ Риму, а наоборотъ Римъ есть столица итальянскаго королевства. Часть больше цѣлаго: Римъ по своей волѣ и по волѣ всей Италіи сдѣлался менѣе значительнымъ, чѣмъ вся Италія. Сдѣлавшись добровольно главой итальянскаго королевства, онъ формально отказался отъ своихъ имперскихъ традицій, которыя не были забыты даже въ то время, когда грубая физическая сила сдѣлала Римъ главнымъ городомъ французскаго департамента. Осво-

божденіе Рима въ 1870 году было формальнымъ признаніемъ того факта, что современный міръ есть міръ безъ Рима.

Въ то время какъ Италія, страна свободныхъ городовъ, постепенно получала національное единство, сосѣдняя страна, гдѣ свободные города существовали очень недолго, никогда не достигала національнаго объединенія. Рабство передъ современной картой, употребленіе географическихъ именъ только въ современномъ ихъ значеніи, мѣшаетъ людямъ понимать, что страны южной Галліи страны языка *oc*, т. е. Аквитанія и имперская Бургундія, имѣли всѣ элементы національной жизни совершенно также, какъ Италія и Испанія или та самая Франція, съ которой они слились. Мы обыкновенно разсуждаемъ такъ, какъ будто эти страны, теперь дѣйствительно французскія, были французскими искони вѣковъ, или какъ будто вѣчной мудростью было предопредѣлено, что они должны сдѣлаться французскими. Аквитанія, правда, и формально и номинально находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ французской коронѣ, но Провансъ и другія бургундскія земли были настолько же независимы отъ парижскаго короля, какъ и любая земля Испаніи или Италіи. Нашъ лѣтописецъ разсказываетъ, что владѣнія Каролинговъ т. е. то франкское королевство, которое сдѣлалось западной Римской Имперіей, распалось на четыре королевства: Германію, Бургундію, Италію и западное королевство, сдѣлавшееся потомъ французскимъ. Современемъ западное королевство присоединило къ себѣ среднее, но могло случиться и такъ, что среднее, бургундское, королевство присоединило бы къ себѣ западное. Ходъ міровой исторіи могъ быть таковъ, что вмѣсто того, чтобы Арль, Вьенна и Ліонъ подчинились Парижу, Парижъ подчинился бы Арлю, Вьеннѣ и Ліону. Въ странѣ, географическія раздѣленія которой до значительной степени опредѣлялись церковными раздѣленіями, было бы нисколько не удивительнымъ, если бы столица Примаса всей Галліи пріобрѣла свѣтскую власть надъ епископствомъ св. Дениса. Причина, почему не удержалась южно-гальская національность, вѣроятно, состояла въ особенныхъ политическихъ отношеніяхъ этихъ странъ. Аквитанія и имперская Бургундія имѣли такъ много общаго между собой и были настолько непохожи на Францію, что будь у нихъ хоть малѣйшій шансъ для политическаго объединенія, они образовали бы настоящую націю, но ни при римлянахъ, ни при готахъ, ни при франкахъ не было такого момента, когда бы эти двѣ страны образовали политическое цѣлое, отдѣльное отъ другихъ странъ. Аквитанія и Бургундія всегда были отдѣльны другъ отъ друга; каждая изъ нихъ была раздѣлена на части, тогда какъ Nestria и Austria всегда сохраняли нѣкоторое единство, что и позволило имъ превратиться въ великія королевства, Францію и Германію. Такимъ образомъ, король Парижскій могъ постепенно присоединять къ своимъ владѣніямъ отдѣльныя части

страны. Онъ могъ не только присоединять земли къ западу отъ Роны, стоявшія къ нему въ формальныхъ вассальныхъ отношеніяхъ, но и распространять свою власть медленно, но вѣрно, надъ прекрасными странами и царственными городами, незнавшими никакого короля, кромѣ Цезаря.

Неподчиненной осталась, однако, одна часть страны. Въ старомъ бургундскомъ королевствѣ остались свободными города, какъ романской, такъ и тевтонской рѣчи, города, въ которыхъ исчезла власть Цезаря и не установилась власть какого нибудь другаго государя. Среднее королевство еще теперь имѣетъ своего представителя въ Европѣ, но этотъ представитель не королевство, а свободная республика. Дважды свободная Массалія, Aquae sextiae съ ея воспоминаніями о римскихъ побѣдахъ и провансальское графство Арелатъ, гдѣ короновались короли и Вьенна, гдѣ находится ихъ могилы, Лугдунумъ, имя котораго когда то было извѣстно до океана и Британскаго моря — всѣ эти свободные города изчезли, но Лозанна и Женева и теперь еще остались свободными; новая свобода не уничтожила воспоминанія о древнемъ королевствѣ въ Невшателѣ. Базель (Basilia), этотъ городъ, обитатели котораго такъ долго противились притязаніямъ Рима, напоминаетъ намъ самымъ своимъ названіемъ объ имперіи и выше всѣхъ этихъ городовъ, моложе и могущественнѣе ихъ, городъ на Аарѣ, родина старыхъ патриціевъ, господствующій надъ окружающими городами, Бернъ Берхтольда, болѣе славный, чѣмъ Бернъ Теодорика, городъ, воспѣтый его поэтомъ въ то время, когда среднее королевство казалось уже совершенно забытымъ,

Alo Crone im Burgundenreich.
Als freier Städte Krone.

Такимъ образомъ, сохранила свою свободу часть стараго королевства того короля Бозо, который когда люди оспаривали его королевскую власть, могъ отвѣтить имъ, что онъ: Dei gratia id quod sum. Но Европа не знаетъ никакой бургундской національности; часть свободной Бургундіи соединилась съ частью Германіи и частью Италіи для образованія политической націи—настоящей политической націи, хотя она и не совпадаетъ съ какой нибудь націей, опредѣляемой происхожденіемъ или языкомъ. Часть англійскаго народа и части британскаго и рландскаго народовъ соединились для образованія народа сѣверной Англіи, который кромѣ другихъ своихъ достоинствъ, сохранилъ подъ другимъ названіемъ самую чистую форму англійскаго языка. Если мы на нашемъ островѣ, въ нашемъ alter orbis не могли бы обойтись безъ Шотландіи, тѣмъ менѣе мы могли бы обойтись безъ Швейцаріи на европейскомъ континентѣ. Соединеніе частей герман-

скаго, бургундскаго и итальянскаго народовъ служитъ представителемъ вѣка, когда могущество Рима исчезло, и живымъ изображеніемъ вѣка, когда Римъ не имѣлъ еще міровой власти. Аѳины также, какъ и Римъ, сдѣлались столицей мѣстнаго королевства, а ахейскій союзъ еще существуетъ, хотя и не на берегу Средиземнаго моря, а на континентѣ, въ странѣ, политическая жизнь которой представляетъ воспроизведеніе его политической жизни. Этотъ союзъ существуетъ въ горной странѣ, на родинѣ самыхъ древнихъ и самыхъ новыхъ традицій и идей Запада. Онъ существуетъ также въ громадной федеральной англійской странѣ за океаномъ. Мы невольно сознаемъ, что единство исторіи есть нѣчто живое, когда мы видимъ, что дѣятельность Марка Киринейскаго и Арата Сикіонскаго воспроизводится какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ.

Такимъ образомъ, въ странахъ, гдѣ господствуетъ латинская рѣчь и на границахъ между этими странами и тевтонскими, націи создались сами собой или образовались при посредствѣ искусственнаго соединенія, но городъ, какъ независимая политическая единица, исчезъ. Даже въ Швейцаріи городъ находится въ отношеніи подчиненія къ искусственной націи. Въ настоящее время ни одинъ швейцарскій кантонъ нельзя назвать городской республикой въ старомъ смыслѣ этого слова. Населеніе окружающихъ округовъ, когда то бывшее подчиненнымъ городамъ, вездѣ получило равныя права съ горожанами. Если городъ Базель (Baselstadt) есть городская община, то потому только, что страна Базель (Baselland) добилась нетолько равенства, но и отдѣленія отъ города. Въ другихъ же странахъ города только части королевства или республики, и при этомъ, какъ мы видѣли, въ тѣхъ странахъ, гдѣ существовали могущественные города, націямъ было труднѣе образоваться, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Въ другихъ частяхъ Европы, кельтскихъ, тевтонскихъ и славянскихъ, націи создались безъ всякаго отношенія къ городамъ. Тевтонскія и славянскія политическія единицы нѣчто совершенно непохожее на городъ, а кельтская политическая единица еще болѣе непохожа на него. Ни въ одной изъ этихъ частей Европы политическое развитіе не имѣло того характера, какой оно имѣло въ Греціи, въ Италіи и даже въ Галліи что и было естественно, такъ какъ тамъ римское вліяніе было гораздо меньшимъ, чѣмъ въ южной Европѣ. Во всѣхъ этихъ странахъ городъ былъ всегда, такъ сказать, заимствованіемъ съ юга; иногда онъ былъ настоящей римскойколоніей, а иногда тевтонской и славянской общиной, сложившейся по образцу римской колоніи. Нигдѣ городъ не былъ чисто туземнымъ продуктомъ, нигдѣ независимый городъ не былъ политическимъ центромъ, концентрировавшимъ въ себѣ всю политическую жизнь страны. Однако, въ одной странѣ, странѣ центральной, принявшей спеціально тевтонское названіе, появились большіе и знаменитые города; но они сдѣлались большими

и знаменитыми благодаря именно тѣмъ условіямъ, о которыхъ я говорилъ. Было естественнымъ, что германская нація, имѣвшая свою собственную священную римскую имперію, болѣе придерживалась римскихъ традицій, чѣмъ Англія, Скандинавія и славянскія земли; потому то въ германскомъ королевствѣ города сдѣлались важнымъ элементомъ. Древніе германцы считали окруженный стѣнами городъ тюрьмой; но въ позднѣйшее время города и городская жизнь получили значительное развитіе въ Германіи. На Рейнѣ продолжали существовать римскіе города и они сдѣлались образцами для городовъ чисто тевтонскаго происхожденія. Колонія Агрипины имѣла свой капитолій, также какъ и Толоза Квинта Цепіо и было совершенно естественно, что вокругъ этихъ капитоліевъ поселились патриціи. Саксонскіе короли и саксонскіе герцоги основывали поэтому образцу младшіе города въ самомъ сердцѣ Германіи и на берегахъ Сѣвернаго моря. Мы не должны забывать, что другіе города, о которыхъ мы упомянули, были городами германскаго королевства, получившими впослѣдствіи благодаря особымъ обстоятельствамъ болѣе полную свободу, чѣмъ другіе города. Даже Цюрихъ, «nobile Torregium», «die uralte, löbliche, eidgenössiche Stadt», считалъ одной изъ своихъ привилегій то, что въ его стѣнахъ Цезарь часто совершалъ свой судъ. Со временемъ этотъ городъ, также какъ и всѣ союзные города, отказался отъ всякихъ отношеній съ Цезаремъ и его имперіей. Свободные города имперіи, сохранившіе свою свободу до нашего вѣка, находились подобно городамъ Альпійской страны въ различныхъ стадіяхъ развитія. Аугсбургъ (Augusta Vindelicorum) всегда признавалъ себя римскимъ и имперскимъ; наоборотъ, Нюренбергъ былъ чисто тевтонскимъ городомъ. На берегахъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей, на берегахъ Везера, Эльбы и Травы появились города, игравшіе еще болѣе важную роль. Купцы, миссіонеры, крестоносцы соединенными усиліями основывали германскіе города на завоеванныхъ берегахъ, занятыхъ вендами и еще болѣе древними народами, по сравненію съ которыми современные европейскіе народы были захватившими чужую землю пришельцами. Союзъ саксонской Ганзы сдѣлался очень могущественнымъ. Лондонъ и Новгородъ составляли части союза, образованнаго для торговли и предпріятій; купеческіе города предписывали законы королевствамъ сѣвера и сажали кого они хотѣли на троны тѣхъ странъ, которые во времена Кнута зависили отъ Винчестера, а теперь начали зависѣть отъ Любека. Но и здѣсь также, какъ въ болѣе южныхъ странахъ, могущество городовъ не было прочнымъ; союзъ палъ, его члены отпали отъ него и только три изъ нихъ пережили послѣднюю бурю и семьдесять лѣтъ тому назадъ (въ 1815 году) при возрожденіи Германіи потребовали себѣ возвращенія свободы. Двадцать три года тому назадъ я видѣлъ эти города еще независимыми, въ теоріи даже болѣе независимыми, чѣмъ во

времена ихъ могущества. На монетахъ Любека было вычеканено, если не изображеніе, то надпись Цезаря. Этотъ ганзеатическій городъ, кажется, не выпускалъ марокъ и шилинговъ со временъ Франца I Лотарингскаго. Но цезарь остался только на надписи на монетѣ. Любекъ не зналъ никакаго повелителя; онъ не зналъ никакихъ узъ, кромѣ узъ, связывающихъ его съ двумя другими ганзеатическими городами и съ германскимъ союзомъ, въ числѣ членовъ котораго находился одинъ независимый городъ, лежащій въ центрѣ страны. На слѣдующій годъ послѣ моего посѣщенія Германіи число свободныхъ городовъ уменьшилось, а свобода городовъ, оставшихся свободными, была ограничена. Франкфуртъ изъ республики превратился въ обыкновенный городъ, Любекъ, Бременъ и Гамбургъ и теперь еще республики, но республики, снова сдѣлавшіяся членами имперіи. Они представляютъ переживаніе, но такое переживаніе, безъ котораго не можетъ обойтись современная Европа—Европа, лишенная Рима, Европа громадныхъ королевствъ и громадныхъ армій (хорошо бы было для нея, если бы королевства совпадали съ націями, а арміи не служили просто орудіемъ подавленія непокорныхъ подданныхъ). Время свободныхъ городовъ прошло; въ нѣкоторыхъ странахъ они были уничтожены насиліемъ чужестранцовъ — примѣромъ чего можетъ служить порабощенная Рагуза, стонущая еще и теперь подъ игомъ самаго низкаго изъ угнетателей. Въ другихъ странахъ утрата мѣстной свободы, можетъ быть, вознаграждается образованіемъ національнаго единства. Въ двухъ странахъ еще существуютъ республики, свобода которыхъ ограничивается только федеральными узами; но федеральные узы связуютъ группы странъ и городовъ, ни одинъ изъ которыхъ не можетъ существовать отдѣльно. Положеніе дѣлъ было совершенно инымъ, когда главой федераціи былъ императоръ, когда три сохранившіе свою свободу города соединялись съ герцогствами и королевствами, которыя во всякое время могли сдерживать ихъ и когда эти герцогства и королевства соединялись съ другимъ королевствомъ, значительно большимъ чѣмъ всѣ, взятые вмѣстѣ города, герцогства и королевства. Тѣмъ не менѣе, даже до настоящаго времени свободный городъ, хотя и лишенный своего стараго величія и своей старой независимости, составляетъ одинъ изъ элементовъ политической жизни современной Европы. Эти три сохранившіеся города великой Ганзы съ одной стороны представляютъ драгоцѣнные остатки того времени, когда римское государство сдѣлалось германскимъ, а съ другой стороны они напоминаютъ намъ о томъ времени, когда римскаго государства еще не было. Мы увѣрены, что никогда не настанетъ тотъ день, когда быкъ Ури и медвѣдь Берна перестанутъ быть гербами свободы болѣе широкой, чѣмъ муниципальная свобода; мы также увѣрены, что никогда не настанетъ тотъ день, когда изъ среды гербовъ свободныхъ членовъ Гер-

манской имперіи изчезнутъ гербы болѣе почтенные, чѣмъ гербы всѣхъ герцоговъ и королей, т. е. башни Гамбурга, ключъ Бремена и орелъ Любека.

Я кончилъ свой разсказъ о положеніи дѣлъ послѣ паденія римской власти, — разсказъ очень неудовлетворительный и неполный, такъ какъ онъ и не могъ быть инымъ въ лекціяхъ, не имѣвшихъ своей задачей подробное изложеніе предмета. Эти курсы могутъ служить только введеніемъ къ изученію исторіи; но, думается мнѣ, что я сдѣлалъ кое-что при помощи тѣхъ немногихъ и вѣрныхъ слушателей, съ которыми я читалъ книги историка франковъ; напечатанныя же теперь лекціи по самой своей сущности должны быть общими и краткими; собственно говоря, въ нихъ я не училъ ничему, я намѣренно излагалъ свой предметъ такихъ образомъ, чтобы возбудить въ умахъ нѣкоторыхъ своихъ слушателей воспоминанія, а другихъ поощрить къ изслѣдованіямъ. Но отъ общаго мы можемъ перейти къ частному. Надѣюсь, что въ слѣдующіе семестры даже мои публичныя лекціи будутъ болѣе подробными. Я далъ краткій и бѣглый обзоръ методовъ историческаго изученія и главныхъ періодовъ европейской исторіи; такъ какъ суровыя правила университетскаго устава требуютъ отъ меня 42 лекціи, то я думаю, что съ моей стороны было бы большей дерзостью читать 43-ю лекцію; несомнѣнно, вы считаете достаточнымъ то, что считаетъ достаточнымъ университетскій уставъ—и потому я кончаю свой курсъ. Въ октябрѣ я надѣюсь начать новый курсъ и постараться при помощи истолкованія древней исторіи Галліи помочь вамъ уяснить себѣ древнюю исторію Британіи. Прибавлю къ этому еще нѣсколько словъ—съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь здѣсь, я выучился кое-чему и въ особенности я выучился слѣдующему: до сихъ поръ я всегда остерегался ссылаться на свои сочиненія; если мнѣ и случалось иногда цитировать ихъ, то всегда съ сознаніемъ, что я дѣлаю что-то такое, чего слѣдуетъ стыдиться; но здѣсь я узналъ отъ одного своего товарища, который теперь уже не товарищъ, что подобная скромность очень глупа и что слѣдуетъ цитировать себя и говорить о себѣ также свободно, какъ цитируешь и говоришь о другихъ. Потому я рѣшусь сказать вамъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я прочиталъ два курса лекцій въ Америкѣ и что эти лекціи — осмѣлюсь сказать и это—достойны прочтенія. Я думаю, что особенно ихъ стоитъ прочитать тѣмъ, которые расчитываютъ слѣдовать за мной въ моемъ походѣ въ кампаніи сначала съ вандалами, перешедшими Рейнъ, а потомъ съ саксонцами, переплывшими море. Рѣшаюсь быть еще болѣе смѣлымъ и скажу, что люди, прослушавшіе мои лекціи и намѣревающіеся слушать ихъ въ Октябрѣ, не даромъ проведутъ свои вакаціи, если посвятятъ часть ихъ чтенію двухъ курсовъ американскихъ лекцій, составляющихъ не особенно большой томъ. Вы

встрѣтите въ нихъ кое-что, что я говорилъ въ другихъ мѣстахъ и кромѣ того кое-что такое, чего я нигдѣ не говорилъ. Теперь я прощусь съ вами на нѣсколько мѣсяцовъ и осмѣлюсь сказать, что я былъ совершенно доволенъ вами и только желалъ, какъ желаютъ этого и большинство профессоровъ, чтобы васъ было побольше. Но въ особенности я чувствую благодарность къ тѣмъ избраннымъ и вѣрнымъ, къ той небольшой кучкѣ, которая бодрствовала съ Альфредомъ, къ тѣмъ храбрецамъ,—хотя ихъ и было меньше трехсотъ—которые вмѣстѣ съ Гедеономъ рѣшительно перепрыгнули стѣну. Заканчиваю работу своего перваго академическаго года желаніемъ въ Октябрѣ снова увидать васъ на тѣхъ же скамьяхъ.

ГРЕЧЕСКІЕ ГОРОДА

ПОДЪ РИМСКИМЪ

ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ.

Греческіе города подъ римскимъ владычествомъ.

Я неоднократно указывалъ на особую важность для всемірной исторіи той эпохи, когда римскій народъ получилъ власть надъ цивилизованнымъ міромъ того времени, особенно надъ эллинскими и надъ эллинизированными странами на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря. Для правильнаго пониманія всеобщей исторіи до чрезвычайности важно понять настоящій характеръ положенія дѣлъ, бывшаго результатомъ постепеннаго установленія римскаго владычества. Это положеніе дѣлъ обыкновенно не понимаютъ, благодаря тому, что смотрятъ на дѣло съ современной точки зрѣнія. Любопытно то, что такая неспособность къ правильному пониманію обусловливается именно только современной точкой зрѣнія. Достаточно взглянуть на положеніе дѣлъ въ Европѣ въ XVIII вѣкѣ, чтобы встрѣтить живую, картину положенія дѣлъ, бывшаго результатомъ римскаго завоеванія; но не смотря на это мы постоянно склонны полагать, что управленіе первыхъ римскихъ императоровъ, а можетъ быть и римской республики, было управленіемъ централизованнымъ, при которомъ власть принадлежала исключительно центральнымъ органамъ. Мы привыкли къ большимъ королевствамъ и республикамъ современной Европы, гдѣ мѣстныя корпораціи могутъ пользоваться большей или меньшей степенью независимости, но гдѣ онѣ подчинены центральной власти на основаніи законовъ, проведенныхъ центральными законодательными собраніями. Страна раздѣляется на графства, департаменты, провинціи, которыя управляются на основаніи правилъ, создаваемыхъ центральнымъ законодательнымъ собраніемъ. Правда, что въ нашей странѣ Shire въ теоріи, а въ части страны и какъ историческій фактъ, древнѣе королевства, но въ большей части Англіи Shire такое же административное дѣленіе королевства, какъ и французскій департаментъ, и тамъ, гдѣ онъ не таковъ исторически, онъ таковъ на дѣлѣ. Англійскій Shire и англійскій borough не имѣютъ никакихъ правъ и привиллегій, кромѣ тѣхъ, какія въ той

или въ другой формѣ получены ими отъ центральной власти на основаніи парламентскаго акта или королевской хартіи. Эта центральная власть имѣетъ одинаковыя права и полномочія во всѣхъ частяхъ королевства. Я говорю, конечно, только о Соединенномъ Королевствѣ; когда мы выходимъ изъ его предѣловъ, когда мы вступаемъ въ скандинавское королевство и норманское герцогство, лежащія столь близко отъ Англіи, но не составляющія ея части, мы встрѣчаемъ положеніе дѣлъ, имѣющее много общаго съ положеніемъ дѣлъ въ ту эпоху, когда міръ находился надъ римскимъ владычествомъ. Все сказанное нами о Соединенномъ Королевствѣ еще болѣе примѣнимо къ государствамъ, вродѣ Франціи и Италіи, географическія раздѣленія которыхъ были созданы въ очень недавнее время. Но до конца послѣдняго вѣка безконечно разнообразныя формы союза и подчиненія, существовавшія между различными городами и странами во многихъ частяхъ Германіи, Италіи и Швейцаріи и всѣхъ земель, находившихся подъ властью Венеціи, представляли аналогію тѣмъ отношеніямъ, о которыхъ я буду говорить. Переживанія сохранились до настоящаго времени; еще въ 1865 году небольшой округъ находился въ общемъ владѣніи двухъ свободныхъ городовъ, Любека и Гамбурга. Я проѣзжалъ этотъ округъ съ такимъ чувствомъ, какъ будто меня перенесли въ какую нибудь отдаленную эпоху. Полагаю, что со времени 1866 г. положеніе дѣлъ тамъ весьма измѣнилось.

Совершенно вѣрно, конечно, что въ позднѣйшую эпоху римской исторіи, когда имперія сдѣлалась признанной монархіей (хотя навряд ли можно назвать монархіей такое государство, во главѣ котораго находились часто два императора), она стала пріобрѣтать характеръ современнаго централизованнаго государства. Она была раздѣлена на провинціи и эти провинціи управлялись на основаніи общихъ законовъ; но владычество Рима, республиканскаго и императорскаго, существовало въ теченіи многихъ вѣковъ до того времени, какъ произошло это измѣненіе. Прежнее римское управленіе не было деспотическимъ или конституціоннымъ управленіемъ однаго человѣка надъ объединенной территоріей. Оно было управленіемъ города надъ другими городами и странами, стоящими во всевозможныхъ отношеніяхъ къ главному городу: отъ отношенія номинально равнаго союзника до подчиненія почти рабскаго. Это было естественнымъ результатомъ способа образованія римскаго владычества. При господствѣ политическихъ идей третьяго или втораго вѣка до Р. Х. было невозможно какое либо другое положеніе дѣлъ. Способъ образованія римскаго владычества, процессъ, при посредствѣ котораго города и страны значительной части обитаемаго міра перешли подъ власть одного города, имѣли много общаго съ дальнѣйшимъ процессомъ, ставшимъ неизбѣжнымъ благодаря росту этого владычества, съ под-

чиненіемъ самаго Рима власти одпаго изъ его гражданъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ измѣненіе было постепеннымъ. Часто говорятъ о превращеніи республики въ имперію совершенно также, какъ говорятъ объ англійской реформаціи, т. е. какъ о событіи, происшедшемъ въ извѣстномъ году; но все то, что можетъ считаться характернымъ во власти императовъ было результатомъ постепеннаго ея развитія, результатомъ постепеннаго соединенія разныхъ властей и чрезвычайныхъ полномочій, что и давало облаченному ими человѣку верховную власть. Благодаря оригинальному характеру императорской власти, какъ черезвычайнаго полномочія, даруемаго рѣшеніемъ сената, имперія въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ не имѣла никакихъ законовъ о престолонаслѣдіи. Законы, предписывающіе способъ избранія и законы, предписывающіе правила законнаго наслѣдованія, предполагаютъ существованіе обычной власти, находящейся обязательно въ чьихъ либо рукахъ. Власть же императора была съ самаго начала черезвычайною властью, которая въ каждую данную минуту могла и не принадлежать никому. Одно или нѣсколько рѣшеній Сената давали одному или нѣсколькимъ гражданамъ полномочіе, сдѣлавшееся на дѣлѣ верховной властью и въ концѣ концовъ формально признанное таковой; но этотъ процессъ развитія былъ медленнымъ. Въ теченіи долгаго времени послѣ появленія имперіи республиканская конституція и республиканскіе сановники и собранія оставались неприкосновенными; но они потеряли всю свою жизненную энергію, благодаря развитію сильной власти, иногда управлявшей ихъ дѣйствіями, а иногда дѣйствовавшей вмѣсто нихъ. Если правящая власть была устранена, какъ это случалось иногда, т. е. если чрезвычайное полномочіе, даваемое императору, не вручалось никому, то старые элементы республики могли снова начать дѣйствовать, какъ и въ прежнее время—и дѣйствительно, Сенатъ послѣ цѣлыхъ вѣковъ полнаго ничтожества дѣйствовалъ, какъ независимая корпорація, когда при воротахъ Рима появились готы, а императоръ былъ далеко, въ Равеннѣ. Для того, чтобы Римъ могъ дѣйствовать безъ своего повелителя, не было надобности создавать новую власть; было достаточно снять съ него оковы старой. Въ первые вѣка имперіи, когда старыя традиціи были еще живы, когда формы старой конституціи еще соблюдались, сдѣлать это, несомнѣнно, было еще болѣе легкимъ. Современное королевство нельзя превратить въ республику, не совершивъ измѣненіе въ его конституціи. Для этого необходимо вручить исполнительную власть какому нибудь новому учрежденію, которое нужно создать для этой цѣли. Римскую же имперію можно было снова превратить въ республику при помощи чисто отрицательныхъ измѣненій. Для этого было достаточно только не назначать императора. Различныя государственныя власти, прекративши свою дѣятельность, или дѣйствовавшія только по приказу импера-

тора, несомнѣнно нашли бы благодаря недостатку практики и измѣненію окружающихъ условій практически невозможнымъ дѣйствовать такъ, какъ они дѣйствовали во времена старой республики; но формальныхъ препятствій для ихъ дѣятельности не было; не было необходимости давать Сенату или сановникамъ какія либо полномочія, которыхъ они не имѣли бы раньше, хотя ими и не пользовались.

Власть Рима надъ его союзниками и зависимыми отъ него государствами во время республики и начала имперіи была совершенно такого же рода, какъ и власть императоровъ надъ Римомъ. Эта власть заслоняла собой множество старыхъ властей и привилегій и дѣлала ихъ фактически ничтожными, но формально отнюдь не уничтожала ихъ. Республиканскія учрежденія Рима въ началѣ имперіи, конституціи союзныхъ и зависимыхъ государствъ, даже права непосредственныхъ подданныхъ Рима какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ республики были въ такомъ положеніи, въ какомъ находится закованный въ цѣпи человѣкъ. Его физическая способность къ дѣйствію не уменьшилась, но онъ не можетъ пользоваться ей или пользуется ей только по приказанію своего повелителя. Такъ было и съ самимъ Римомъ при императорахъ, такъ было и съ зависимыми отъ него государствами, какъ при республикѣ, такъ и при имперіи. Какъ Римъ только постепенно подчинился власти императоровъ, такъ и зависимыя отъ него государства только постепенно подчинялись власти Рима. Едва ли существовала хоть одна римская провинція, каждая мѣстность которой находилася бы къ центральной власти въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и всѣ другія. Въ предѣлахъ большинства провинцій, въ особенности въ предѣлахъ греческихъ или эллинизированныхъ провинцій, находились города и округа, отношенія которыхъ къ Риму были безконечно разнообразными, что было естественнымъ результатомъ различія въ эпохѣ и условіяхъ, при которыхъ начались ихъ сношенія съ Римомъ. Были свободные и равные союзники Рима, города, которыхъ Римъ признавалъ свободными союзниками въ такое время, когда ихъ союзъ былъ для Рима дѣйствительно цѣннымъ. Ничего еще не случилось такого, чтобы могло заставить Римъ превратить своего стараго союзника въ подчиненный городъ. Въ теоріи этотъ городъ оставался свободнымъ и удерживалъ всѣ права самостоятельнаго государства. Ни одинъ римскій сановникъ не имѣлъ власти въ его стѣнахъ, и если онъ и посылалъ Риму или его повелителю подарки, если онъ и доставлялъ въ римскую армію контингентъ своихъ солдатъ, то это было просто изъявленіемъ дружбы со стороны совершенно равнаго союзника. Сосѣдній городъ могъ имѣть съ Римомъ совершенно другія отношенія. Римскій народъ былъ не только государемъ, но и владѣльцемъ его земли; онъ могъ удерживать свое старое муниципальное устройство, но только на основаніи пожалованія или снисходительности

правящаго города. Такой городъ былъ обязанъ повиноваться Риму, такъ какъ Римъ былъ его признаннымъ повелителемъ. Если его свободный сосѣдъ на дѣлѣ тоже повиновался Риму, то только потому, что при союзѣ между слабымъ и сильнымъ воля сильнаго всегда составляетъ законъ для слабаго. Между этими двумя крайностями было безчисленное количество промежуточныхъ стадій зависимости. Рядомъ съ абсолютно независимымъ союзникомъ существовали союзники, тоже заключавшіе съ Римомъ договоры, но договоры менѣе благопріятные для нихъ и хотя и обязательные для обѣихъ сторонъ, но ставившіе формально одну изъ этихъ сторонъ въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ другую. Кромѣ того существовали провинціальные города, которымъ Римъ не на основаніи договора, а на основаніи милости даровалъ права большія, чѣмъ тѣ, какими пользовались другія части той же провинціи. Одинъ изъ городовъ былъ свободнымъ и сохранялъ свои собственные законы, былъ изъятъ изъ подъ юрисдикціи римскаго губернатора и не платилъ никакихъ налоговъ Риму; но онъ пользовался всѣми этими привилегіями въ силу пожалованія ихъ ему римскимъ государствомъ. Другой городъ былъ тоже свободенъ, но купилъ всѣ свои привилегіи за уплату дани Риму. Во всѣхъ греческихъ провинціяхъ были мѣстности, удержавшіе старую свободу Эллады, но были и другія мѣстности, представлявшія, такъ сказать, части Лаціума или самого Рима т. е. сохранившія на чужбинѣ права Лаціума и Рима. Въ предѣлахъ провинціи находились латинскія и римскія колоніи или такіе города, которые въ началѣ не были латинскими или римскими колоніями, но которымъ Римъ даровалъ или полные права римскаго гражданства или права гражданства латинскаго. Такіе свободные союзные города и римскія и латинскія колоніи находились въ предѣлахъ провинціи, но легально не составляли ея части. Въ современной Европѣ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго римскимъ и латинскимъ колоніямъ, но Андорра и Санъ-Марино представляютъ и теперь примѣры небольшаго государства, окруженнаго могущественными сосѣдями. Санъ-Марино, совершенно независимое государство, но лишенное возможности пользоваться правами таковаго, находится въ такомъ же положеніи, въ какомъ находились свободные союзники Рима. Такіе союзники сохраняли полную внутреннюю свободу, но въ силу самыхъ обстоятельствъ, не могли имѣть независимой иностранной политики. Андорра, зависимое и платящее дань государство, тоже представляла бы нѣкоторое сходство съ зависимыми союзниками Рима, если бы только она находилась подъ покровительствомъ одного государства. Но у Андорры, благодаря сложности средневѣковыхъ отношеній, были два покровителя, получающіе съ нея дань. Такого положенія дѣлъ не могло быть во времена владычества Рима.

Въ предѣлахъ Италіи существуетъ только одно Санъ-Марино, — и

это небольшой городъ; потому онъ представляетъ довольно безвредную политическую рѣдкость и итальянское правительство не можетъ чувствовать желанія нарушить его права. Было бы иначе, если бы въ предѣлахъ итальянскаго королевства было много такихъ независимыхъ городовъ и округовъ и если бы среди нихъ былъ какой нибудь изъ большихъ городовъ Италіи. Однимъ изъ безобразнѣйшихъ явленій римской исторіи, явленій, встрѣчающихся на каждой страницѣ исторіи втораго вѣка до Р. Х., можно считать ту невеликодушную безцеремонность, съ которой Римъ относился къ независимымъ союзникамъ, когда они переставали быть для него нужными. Съ ними церемонились только до тѣхъ поръ, пока они служили для Рима орудіемъ противъ другихъ государствъ; но когда опасныя для Рима государства были уничтожены или унижены, союзникъ, помогавшій ихъ униженію, дѣлался предметомъ подозрительности римлянъ. Дружественное государство, сдѣлавшись теперь безполезнымъ, подвергалось со стороны Рима безконечнымъ попыткамъ ослабить или разграбить его. Такова была судьба царства Пергамскаго, городской республики Родоса и ахейскаго союза. Въ римской исторіи нѣтъ ни однаго столь безчестнаго поступка, какъ отношенія Рима къ этимъ тремъ государствамъ, изъ которыхъ каждое было образцомъ въ своемъ родѣ. Никакая ученость, никакое краснорѣчіе не могутъ оправдать безчестное и грубое поведеніе римскаго Сената относительно государствъ, единственная вина которыхъ состояла въ томъ, что они были слабѣе Рима и оказали ему раньше извѣстныя услуги. Эта подозрительность Рима относительно союзниковъ сохранилась и тогда, когда не было никакихъ основаній для подозрительности, когда свободный городъ былъ свободенъ только въ своихъ стѣнахъ и не могъ противиться могущественному союзнику, владѣнія котораго окружали его со всѣхъ сторонъ. Но несчастія этихъ городовъ при римскомъ владычествѣ происходили главнымъ образомъ отъ случайныхъ причинъ, отъ чрезмѣрной любви къ власти, отъ еще болѣе низменной любви къ деньгамъ, которая составляла темную сторону характера римлянъ. Привилегіи этихъ слабыхъ государствъ часто нарушались не только римскимъ государствомъ, но и римскими сановниками и даже могущественными гражданами, не имѣвшими никакого официальнаго положенія. Установленіе имперіи несомнѣнно до нѣкоторой степени смягчило угнетеніе римскихъ губернаторовъ, власть которыхъ была почти неограничена при республикѣ; но, если имперія и ограничивала угнетеніе провинцій представителями центральной власти, то она повела къ вмѣшательству самой центральной власти въ дѣла провинцій. Человѣкъ, поставленный во главѣ міра, весьма отличается отъ города, тоже поставленнаго во главѣ міра. Для этого послѣдняго зависимое государство есть только зависимое государство и ничего больше; онъ получаетъ съ него все, что можетъ и не имѣетъ особеннаго желанія

вмѣшиваться въ его дѣла. Человѣкъ же, поставленный во главѣ міра, всегда склоненъ вмѣшиваться въ дѣла зависимыхъ государствъ и возможно, что такое желаніе бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе расположенъ правитель ко всему доброму. Естественнымъ стремленіемъ императорской власти было стремленіе къ единству и централизаціи. При императорскомъ управленіи безконечное разнообразіе отношеній между союзниками, зависимыми и подданными Рима постепенно переходитъ въ единообразное отношеніе членовъ римской имперіи; но этотъ переходъ былъ медленнымъ. Самостоятельныя республики превратились въ муниципалитеты, а муниципалитеты въ несвободные города просто въ силу обстоятельствъ, безъ всякаго формальнаго правительственнаго акта. Часто очень трудно сказать, когда именно тотъ или другой изъ свободныхъ городовъ потерялъ свое отдѣльное существованіе и сдѣлался частью римской имперіи. Несомнѣнно, что воспоминаніе о прошлой свободѣ, какъ о чемъ то не совсѣмъ изчезнувшемъ, сохранилось еще въ теченіи многихъ вѣковъ. Въ началѣ имперіи республики Греціи и Азіи, каково бы ни было ихъ формальное отношеніе, не только были фактически подданными римской имперіи, но и были въ полномъ распоряженіи губернатора провинціи, въ предѣлахъ которой они находились; тѣмъ не менѣе они были республиками, хотя и зависимыми и даже подчиненными. Ихъ сенаты, собранія и другія правящія корпораціи на фактѣ пользовались только правами городскихъ совѣтовъ и подвергались вмѣшательству внѣшней власти настолько, насколько не подвергаются такому вмѣшательству англійскіе городскіе совѣты. Тѣмъ не менѣе, это были городскіе совѣты, бывшіе когда то полновластными государственными собраніями. Нѣкоторые изъ нихъ въ теоріи и теперь еще были таковыми; даже тѣ изъ нихъ, которые не пользовались такими правами, совѣты городовъ, не бывшихъ ни свободными, ни союзными государствами, ни римскими колоніями и не имѣвшихъ вообще никакихъ привилегій сравнительно съ другими частями провинцій, не совершенно утратили свой прежній характеръ. Даже въ позднѣйшую эпоху римской имперіи старый характеръ римскаго владычества, владычества одного города надъ другими, до нѣкоторой степени сохранился. При подобномъ положеніи дѣлъ власть совѣтовъ или собраній подчиненныхъ государствъ фактически могла быть меньше, чѣмъ власть городскаго совѣта какого нибудь англійскаго мѣстечка. Собраніе могло бояться принять какую нибудь важную мѣру безъ позволенія центральной власти или ея представителей, фактически оно могло ограничивать свою дѣятельность обычными дѣлами и церемоніями, вотированіемъ гражданскихъ почестей и постановкой статуй, такъ какъ всякая болѣе важная дѣятельность возбудила бы подозрительность Рима. Такимъ образомъ свободное и союзное государство теоритически могло дѣлать все, что ему было

угодно и даже провинціальный городъ могъ дѣлать очень многое, но продолжительная привычка повиноваться могущественному сосѣду пріучила ихъ пользоваться своими правами только согласно волѣ господствующаго надъ всѣми государства. Права подчиненныхъ государствъ стали формальными и даже были уничтожены именно потому, что они были очень обширны и неопредѣленны. Это были права общины, еще сохранившей свое отдѣльное существованіе, но находившейся подъ непосредственнымъ вліяніемъ и иногда даже подъ прямой властью сильнѣйшей общины. Такое положеніе совершенно отлично отъ положенія городовъ или округовъ современнаго королевства или республики, гдѣ всѣ части страны пользуются одинаковыми правами. Въ современномъ королевствѣ или республикѣ всѣ права того или другаго комитета или совѣта даруются имъ на основаніи общаго законодательства; до тѣхъ поръ, пока они пользуются этими правами сообразно законамъ страны, имъ нечего бояться административнаго вмѣшательства. Если они нарушаютъ законъ, если мѣстныя учрежденія превышаютъ свои полномочія, зло исправляется не произвольной властью, а легальнымъ процессомъ. Относительно городовъ, о которыхъ мы говоримъ, какъ свободныхъ, такъ и зависимыхъ, дѣло обстояло иначе. Они были отдѣльными республиками и имѣли отдѣльное законодательство и свои права, хотя и не могли пользоваться ими. Ихъ собранія были когда-то правительственными и они еще продолжали придерживаться формъ и настроенія такихъ правительственныхъ собраній. По крайнѣй мѣрѣ, одинъ изъ союзниковъ Рима сохранилъ свою свободу до того времени, когда, по мнѣнію нѣкоторыхъ, римское государство совершенно изчезло. Свобода Херсонеса была уничтожена, не Мумміемъ во второмъ вѣкѣ до Р. Х. и не Веспасіаномъ въ первомъ вѣкѣ послѣ Р. Х., а Аоріаномъ Θеофиломъ въ IX вѣкѣ. До этого времени послѣдняя изъ греческихъ республикъ жила своей старой жизнью — и это по очень простой причинѣ. Не только самъ императоръ, но и проконсулы Ахеи, Македоніи или Азіи во всякое время могли нарушить или даже уничтожить свободу любаго изъ греческихъ городовъ, въ этихъ провинціяхъ они всегда имѣли фактическую возможность и очень часто и желаніе сдѣлать это; но республика, столь далекая, какъ Херсонесъ Таврическій, находилась въ другомъ положеніи. Этого вѣрнаго союзника можно было превратить въ подданнаго только съ такими же усиліями, какія были необходимы для готской или персидской войнъ.

Мнѣ часто приходилось указывать на независимость Херсонеса, сохранившуюся въ теченіи очень долгаго времени; можно указать также и на независимость Ликійскаго союза, хотя въ силу менѣе благопріятнаго географическаго положенія свобода этого союза была уничтожена за 800 л. до уничтоженія свободы Херсонеса. Въ своемъ сочиненіи: «History of federal government» я говорилъ объ этомъ

союзѣ, какъ о самомъ лучшемъ образцѣ федеральной конституціи въ древнее время. Теперь онъ занимаетъ меня, какъ примѣръ того, что значительная территорія могла удерживать извѣстную степень независимости подъ главенствомъ Рима отъ паденія Персея до царствованія Клавдія. Для изученія исторіи происхожденія этого союза слѣдуетъ обратиться къ разсказу Полибія, къ несчастію отрывочному, о событіяхъ, поведшихъ къ освобожденію Ликіи изъ подъ власти Родоса [1]). Подробный же отчетъ объ его конституціи можно найти у Страбона [2]). Особенно поучительно показаніе географа, что союзъ еще удерживалъ право объявленія войны и заключенія мира, хотя, по словамъ въ его время Ликійскій союзъ не могъ пользоваться этимъ правомъ или пользовался имъ только сообразно съ волей Рима. Принимая во вниманіе такое указаніе Страбона, очень любопытно прочитать статью одного ученаго, полагающаго, что права Ликійскаго союза и степень его независимости до нѣкоторой степени походили на права Лондонскаго Сити [3]). Гораздо вѣрнѣе было бы сказать, что эти права были похожи на права нѣкоторыхъ мелкихъ европейскихъ государствъ въ недавнее время, на права, которыми нѣкоторыя изъ нихъ пользуются еще и теперь. Отношеніе Ликіи къ Риму похоже на отношенія, въ которыхъ находились сорокъ лѣтъ тому назадъ различныя итальянскія и германскія государства къ Австріи. Они похожи также на тѣ отношенія, въ которыхъ находится теперь Сербія къ Австріи, а Черногорія къ Россіи. Однимъ словомъ, это было положеніе «покровительствуемаго государства»; причемъ покровительство было признаннымъ или фактическимъ. Однако тутъ есть одно очень важное отличіе: въ настоящее время «покровительствуемое государство» имѣетъ по крайней мѣрѣ право избранія своего покровителя, можетъ пользоваться старымъ тевтонскимъ правомъ искать себя повелителя. Въ настоящее время небольшое государство можетъ даже удерживать полную независимость и не находиться подъ чьимъ-либо покровительствомъ, просто благодаря враждебнымъ отношеніямъ между великими державами. Оно можетъ иногда сохранить полную свободу, хотя бы и было со всѣхъ сторонъ окружено болѣе сильными государствами. Любое изъ этихъ

---

[1]) Polybios—XXX, 519; XXXI, 7—17.

[2]) Strabo, XIV, 3, vol. III.

[3]) Во время составленія этой статьи мнѣ неоднократно вспоминался споръ о „Внутреннемъ управленіи при Римской имперіи“, въ двухъ *NN. Macmillan's magazine* за ноябрь 1882 г. и за мартъ 1883. Этотъ споръ весьма поученъ, такъ какъ онъ доказываетъ насколько невѣжественны относительно многихъ сторонъ Римской исторіи и литературы даже такіе ученые, которые считаются знатоками другихъ частей Римской исторіи. Сравненіе между Ликійскимъ союзомъ и Лондонскимъ Сити встрѣчается во второй статьѣ; ея авторъ навряд ли читалъ описаніе Страбона.

послѣднихъ можетъ во всякое время уничтожить эту свободу, но ни одно изъ нихъ не сдѣлаетъ подобной попытки потому, что другіе для своихъ собственныхъ цѣлей не позволятъ этого. Въ прежнее же время Римъ былъ единственной сильной державой; мелкимъ государствамъ не было выбора и они могли сохранить свою независимость только благодаря снисходительности Рима. Когда для римской политики было необходимо уничтожить независимость какого либо государства, никто не могъ воспрепятствовать ему сдѣлать это.

Ликійскій союзъ, охватывающій значительную территорію, по своему географическому положенію гораздо болѣе походилъ на царства и княжества, стоявшія къ Риму въ вассальныхъ отношеніяхъ, чѣмъ на простыя городскія республики. Въ мирное время какой нибудь проконсулъ навряд ли могъ серьезно нарушать свободу Ликіи. Несомнѣнно, что федеральныя государства Греціи сохранились до временъ Павзанія. За два поколѣнія до того времени священное собраніе амфиктіоновъ возродилось къ новой жизни, благодаря указу императора Августа. Тѣмъ не менѣе мы можемъ быть увѣрены, что ни одинъ союзъ старой Греціи не сохранялъ своей независимой политической жизни въ такой степени, какъ Ликія во времена Страбона. Политическая жизнь въ греческомъ мірѣ сохранилась до нѣкоторой степени только въ городахъ и несомнѣнно, что она сохранилась гораздо больше въ греческихъ городахъ Азіи, чѣмъ въ городахъ старой Греціи. О Ликіи во времена Страбона мы знаемъ только изъ описанія этого географа; мы не имѣемъ подробнаго разсказа о дѣятельности этой политической системы; въ нашемъ распоряженіи нѣтъ рѣчей, писемъ, политическихъ трактатовъ ликійскихъ ораторовъ и философовъ или римскихъ сановниковъ, имѣвшихъ отношенія съ ликійскимъ союзомъ и его городами. Перейдемъ къ вѣку Траяна—этотъ вѣкъ очень богатъ матеріалами объ исторіи политической жизни Ахейской и Вифинской провинцій и свободныхъ городовъ, находившихся въ ихъ предѣлахъ. Сохранились произведенія четырехъ до черезвычайности важныхъ современныхъ авторовъ: двухъ греческихъ и двухъ латинскихъ, причемъ одинъ изъ этихъ писателей былъ самъ знаменитый императоръ. Сохранился трактатъ Плутарха объ обязанностяхъ греческихъ государственныхъ людей того времени и нѣсколько рѣчей Діона Хризостома, произнесенныхъ имъ въ собраніяхъ греческихъ городовъ во время царствованія Траяна; сохранилась также переписка самого Траяна съ Плиніемъ младшимъ, когда этотъ послѣдній былъ проконсуломъ въ Вифиніи. Такимъ образомъ мы имѣемъ двѣ стороны картины; мы видимъ, какимъ представлялось положеніе дѣлъ двумъ греческимъ литераторамъ, одинъ изъ которыхъ былъ, конечно, вынужденъ въ виду настроенія своихъ слушателей грековъ рисовать это положеніе дѣлъ въ лучшемъ свѣтѣ. Мы видимъ также, какъ представлялось оно двумъ римлянинамъ,

императору и проконсулу, бывшимъ лучшими въ своемъ родѣ, но подверженнымъ извѣстному искушенію именно благодаря своимъ добродѣтелямъ. Траянъ и Плиній ненавидѣли угнетеніе и всевозможныя злоупотребленія; они искренно стремились къ благосостоянію людей, за жизнь и судьбу которыхъ они считали себя отвѣтственными. Но именно по этой причинѣ они болѣе склонны постоянно вмѣшиваться въ дѣла подданныхъ, чѣмъ такіе правители, которые могли время отъ времени быть виновными въ грубой тиранніи, но которые въ промежутокъ времени между однимъ актомъ угнетенія и другимъ не вмѣшивались въ дѣла населенія. Греческіе и римскіе писатели придаютъ совершенно отличную окраску своимъ изображеніямъ существующихъ отношеній, но главныя характерныя черты одинаковы въ разсказахъ, какъ греческихъ, такъ и римскихъ писателей. Мы видимъ, что города удержали до значительной степени свой характеръ свободныхъ республикъ, но что они не смѣли пользоваться своими правами даже въ неважныхъ вопросахъ безъ вѣдома и согласія римскаго государя и его представителя.

Невозможно читать безъ нѣкотораго чувства грусти политическій трактатъ благоразумнаго и благожелательнаго Плутарха [1]). Греку, беотійцу, жившему въ странѣ, бывшей когда то столь великой, а теперь столь низко павшей, контрастъ между прошлымъ и настоящимъ долженъ былъ казаться болѣе поразительнымъ, чѣмъ его современнику въ Азіи. Города родной Діону Вифиніи въ прошломъ никогда не были столь могущественны, а въ настоящемъ были гораздо болѣе процвѣтающими, чѣмъ города, государственнымъ людямъ и ораторамъ которыхъ Херонейскій мудрецъ хотѣлъ преподать правила практической политики. Тѣмъ не менѣе оба писателя смотрятъ на положеніе дѣлъ съ одинаковой общей точкой зрѣнія. Мѣстная независимость признается существующей по крайнѣй мѣрѣ въ теоріи. Ни у Плутарха, ни у Діона мы не встрѣчаемъ ни однаго намека, что республики, о которыхъ они говорятъ, находится подъ чужестраннымъ владычествомъ. Оба они пишутъ такъ, какъ теперь никто небудетъ писать для вновь избранныхъ городскихъ совѣтниковъ въ современномъ государствѣ, они обращаются къ парламентамъ, а не къ городскимъ совѣтамъ. Тѣмъ не менѣе въ ихъ сочиненіяхъ мы постоянно встрѣчаемъ мѣста, указывающія, что дѣятельность этихъ парламентовъ была не свободной, и что фактически они не могли дѣлать ничего безъ одобренія чужестраннаго владыки. Наибольшое сходство съ такими собраніями на нашей родинѣ имѣютъ церковныя корпораціи и это сходство увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что главнѣйшей сферой дѣятельности греческихъ собраній того времени были вопросы о религіи и многочисленные вопросы, имѣвшіе

[1]) Его *Πολιτικα Παραγγελματα* или Reipublicae Gerendae Praecepta.

на основаніи міровозрѣнія грековъ ближайшую связь съ вопросами религіозными. Конвокація, организованная также, какъ и парламентъ, обсуждающая вопросы также свободно, какъ и онъ, но рѣшеніе которой не имѣютъ никакой силы, если для составленія ихъ не имѣлось предварительнаго разрѣшенія правительства и послѣдующей его санкціи, конвокація, которая, не будучи никогда упраздненной, собранія которой формально никогда не воспрещались, но которая практически не существовала въ теченіи полутораста лѣтъ—имѣетъ гораздо болѣе сходства съ этими греческими собраніями, чѣмъ какая нибудь мѣстная корпорація, права которой весьма опредѣлены и незначительны, но которая за то можетъ пользоваться свободно этими правами. Другую паралель подобнымъ собраніямъ мы можемъ найти въ капитулѣ, избирающемъ епископа повидимому совершенно свободно, при чемъ однако требуется не только одобреніе правительства, но даже и выборъ то указывается имъ заранѣе подъ страхомъ наказанія, если капитулъ не будетъ повиноваться этому приказанію [1]). Нѣкоторыя изъ главъ Плутарха могли бы быть написаны для любой греческой республики во времена до или послѣ Филиппа. Правда, упоминаніе объ нѣкоторыхъ демогогахъ, которые развращаютъ народъ зрѣлищами боевъ гладіаторовъ составляетъ признакъ, что римляне уже вторглись въ греческій міръ, но какъ изъ этой, такъ и изъ слѣдующихъ главъ, видно, что эти республики могли быть столь же свободными, какъ и въ то время, когда прежніе демогоги развращали своихъ согражданъ соблазнами другаго рода. Но мы читаемъ дальше и настоящее положеніе дѣлъ выясняется для насъ. Греческимъ республикамъ во времена Плутарха не приходилось заниматься войнами, союзами, низложеніемъ тирановъ и нѣкоторые могли думать, что при подобномъ положеніи дѣлъ не имѣется мѣста для примѣненія искусства государственнаго управленія. Плутархъ думаетъ иначе; въ республикахъ еще существовали публичные суды, нужно было отправлять посольство къ императору; имѣлись сношенія съ римскими губернаторами. Все это требовало извѣстныхъ качествъ; людямъ, которымъ приходилось отстаивать слабыхъ передъ сильными, было необходимо имѣть энергію, смѣлость и благоразуміе. Избранный сановникъ не долженъ былъ презирать свои обязанности по той причинѣ, что онъ не былъ такъ свободенъ, какъ сановники прежняго времени; но онъ никогда не долженъ забывать того отличія, которое существовало между нимъ и ими. Периклъ могъ говорить, что онъ призванъ къ власти свободными людьми, греками,

[1]) Еще болѣе близкое сходство можно было найти до настоящаго царствованія, до тѣхъ поръ, пока деканы церквей, бывшихъ прежде монастырями, избирались капитулами. На основаніи давно установившагося обычая всегда избирался кандидатъ правительства, хотя капитулы и не были по закону обязаны избирать непремѣнно этого кандидата.

аѳинянами. Сановникъ же временъ Плутарха долженъ былъ помнить, что надъ нимъ есть верховная власть и что его городъ подчиненъ римскимъ проконсуламъ, прокураторамъ Цезаря. Война была невозможна; города сохранили ту долю свободы, какую ихъ повелителямъ было угодно оставить имъ, что можетъ быть и было хорошо для нихъ въ такое время, когда Грецiя была такъ слаба, когда въ ея предѣлахъ не осталось ни однаго государства, которое не могло бы быть уничтожено велѣнiемъ проконсула. Въ такое время общественные дѣятели должны были избѣгать всего, что могло дать ихъ опаснымъ сосѣдямъ поводъ къ вмѣшательству. Въ особенности они должны были избѣгать всякихъ внутреннихъ раздоровъ или раздоровъ съ другими городами; но при этомъ вполнѣ сознавая свое зависимое положенiе, они должны избѣгать лести и подлаго прислужничества. Они не должны были по всякому поводу обращаться къ губернатору, чтобы не дѣлать его безъ всякой надобности своимъ повелителемъ. При этомъ они поступятъ благоразумно, если привлекутъ на свою сторону какаго нибудь вліятельнаго римлянина. Для нихъ полезно изучать исторiю старой Грецiи, но только затѣмъ, чтобы искать тамъ примѣровъ, пригодныхъ для настоящаго положенiя дѣлъ. Громкiя фразы о Марафонѣ, Платаѣ и Еврiмедонѣ нужно предоставить школьной реторикѣ, но мирные образцы стараго времени, образцы вѣжливости, гуманности и добросовѣстности поучительны настолько же теперь, какъ и всегда.

Правила Плутарха совершенно общiя; онъ не дѣлаетъ отличiя между различными городами на основанiи большей или меньшей степени формально сохраненной имъ независимости. Въ сущности говоря, фактическое ихъ положенiе одинаково. Римская рука, говоря словами Плутарха, была занесена надъ головой всѣхъ ихъ. Провинцiальный городъ могъ дѣйствовать совершенно свободно во многихъ дѣлахъ, если только губернаторъ не желалъ вмѣшиваться. Съ другой стороны, независимый союзникъ не могъ свободно дѣйствовать ни въ чемъ, если губернаторъ вмѣшивался въ его дѣла. Когда мы отъ философа, дающаго изъ своего кабинета мудрые совѣты, обратимся къ оратору, говорящему рѣчи передъ собранiями, обязанности которыхъ излагаетъ Плутархъ, мы видимъ, что оба они совершенно одинаково рисуютъ положенiе дѣлъ. Дiонъ-Хризостомъ риторикъ по профессiи и онъ страдаетъ всѣми недостатками этой профессiи; но въ его личности и въ его сочиненiяхъ очень много привлекательнаго; а кромѣ того онъ даетъ намъ очень поучительную картину греческой жизни своего времени. Его рѣчи о теоритической политикѣ, о монархiи, аристократiи, демократiи и тому подобныхъ предметахъ кажутся нѣсколько непрактичными въ виду всемiрнаго владычества Рима; но слѣдуетъ помнить, что въ то время было чрезвычайно важно, кто былъ римскимъ императоромъ: Домицiанъ или Траянъ. Мы прiобрѣ-

таемъ совершенно реальное знаніе, когда читаемъ объ Эвбейскомъ охотникѣ, имѣющемъ всѣ гражданскія права, но никогда не бывавшемъ въ городѣ. Читая рѣчи Діона мы узнаемъ, чѣмъ былъ въ то время эвбейскій городъ [1]). Еще интереснѣе его изображеніе греческаго города Ольбіи или Борисфена, сохранившихъ при постоянныхъ нападеніяхъ опасныхъ варварскихъ сосѣдей [2]) греческую рѣчь и греческіе обычаи. Гораздо важнѣе для нашихъ цѣлей его рѣчь къ родосцамъ, рѣчь полная хорошихъ совѣтовъ, хотя къ нимъ, конечно, примѣшиваются панегирики слушателямъ и ихъ городу. Это до чрезвычайности интересный документъ, если при его чтеніи помнить исторію этаго знаменитаго острова во II вѣкѣ до Р. Х. Діонъ обращается къ Родосу, какъ къ свободной республикѣ и демократіи [3]). Онъ единственный изъ греческихъ государствъ, кромѣ Аѳинъ, удержалъ свою свободу. Это единственное государство, которое цѣнитъ славу эллинскаго имени. Діонъ нигдѣ не говоритъ объ отношеніяхъ этого государства къ Риму въ такомъ тонѣ, какъ Плутархъ. Онъ нѣсколько разъ упоминаетъ объ императорахъ, но не какъ о повелителяхъ. Ораторъ всего болѣе склоненъ говорить о той роли, которую Родосцы играли въ римской гражданской войнѣ. Онъ, повидимому, не признаетъ отличія между старымъ могущественнымъ Родосомъ и процвѣтающей демократіей, къ которой онъ обращается. Нѣкоторыя изъ фразъ оратора навряд ли были бы одобрены Плутархомъ, такъ какъ онѣ составлены, такъ сказать, въ Мараѳонскомъ стилѣ; тѣмъ не менѣе онѣ не могли бы быть произнесены передъ народомъ, который не былъ бы свободенъ по крайней мѣрѣ въ теоріи, какъ бы ни была непрочна эта свобода.

Менѣе интересны сами по себѣ, но можетъ быть болѣе поучительны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ рѣчи, произнесенныя Діономъ въ его родномъ городѣ Прузѣ и въ другихъ городахъ его родной провинціи. Ему приходится проповѣдывать миръ и согласіе враждебнымъ городамъ и враждебнымъ партіямъ одного города, а также и защищаться противъ своихъ враговъ [4]). Онъ обращается къ собраніямъ, какъ къ совершенно свободнымъ. Только случайно встрѣчаются указанія на существованіе Рима и Діонъ очень рѣдко подражаетъ откровенности и прямотѣ Плутарха. Рѣчи греческаго оратора въ особенности интересны, если сравнить ихъ съ замѣчательной перепиской, къ счастію сохранившейся до нашего времени, между римскимъ императоромъ и проконсуломъ Виѳиніи во времена Діона. Съ перваго взгляда кажется, что письма между Траяномъ и Плиніемъ

---

[1]) Oratio VII.
[2]) Oratio XXXVI.
[3]) Oratio XXXI.
[4]) Рѣчи XLIII и XLIV.

описываютъ положеніе дѣлъ совершенно отличное отъ того, какое изображается въ рѣчахъ Діона. При ихъ сравненіи мы видимъ, что они просто излагаютъ двѣ стороны одного и того же явленія. При такомъ сравненіи мы получаемъ ясное понятіе о положеніи различныхъ городовъ въ Вифаніи и о различныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ они также, какъ города другихъ провинцій, находились къ центральной власти. Рѣчи и письма указываютъ намъ, что почти во всѣхъ случаяхъ существовалъ призракъ свободы, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранилась дѣйствительная свобода, но что и этотъ призракъ и эта реальность были весьма непрочными. Мы видимъ обыкновенный провинціальный городъ, удержавшій свое названіе res-publica, проводившій psephismata, отправлявшій къ императору и къ сосѣднимъ губернаторамъ пословъ—однимъ словомъ игравшій роль республики, но не осмѣливавшійся сдѣлать хоть что нибудь важное, не посовѣтовавшись съ представителями императора. Діонъ излагаетъ одну сторону дѣла, а Траянъ и Плиній другую. Діонъ произноситъ рѣчь народу въ Никомедіи, увѣщая его жить въ мірѣ и согласіи съ народомъ Никеи. Нѣкоторыя мѣста были бы умѣстны въ устахъ посредника между Аѳиной и Спартой пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Въ рѣчи нѣтъ прямаго указанія на высшую власть, управляющую обоими городами; ораторъ, впрочемъ, говоритъ своимъ слушателямъ, что они во всякомъ случаѣ не могутъ воевать съ своими врагами [1]) и при этомъ предупреждаетъ ихъ, что ихъ несогласія могутъ сдѣлать имя грековъ смѣшнымъ среди римлянъ. Мы приходимъ въ нѣкоторое удивленіе, когда отъ этой картины жизни двухъ повидимому независимыхъ республикъ переходимъ къ письмамъ, указывающимъ, что Никомедія, Никея и всѣ другіе города обращаются къ императору и его представителю по поводу самыхъ мелкихъ муниципальныхъ правилъ, по поводу всякаго рода мѣстныхъ улучшеній [2]). Очень любопытный коментарій о несогласіи между двумя городами, о которыхъ говоритъ Діонъ, представляетъ распоряженіе Траяна, который въ виду бунтовъ въ Никомедіи и другихъ городахъ отказывается дать разрѣшеніе составить общество стрѣлковъ, такъ какъ это общество можетъ сдѣлаться политически опаснымъ [3]). Мы видимъ тутъ, что Плиній въ своемъ служебномъ усердіи вмѣшивается въ дѣла, въ которыя не сталъ бы вмѣшиваться другой проконсулъ менѣе справедливый и что, желая быть справедливымъ, онъ докла-

[1]) Oratio XXXVIII.

[2]) Epp. Plini et Trajani, 31, 33, 34, 37, 39, 40, 41, 48, 49, 70, 71, 74, 81, 90.

[3]) Ep. 34. „Tibi quidem secundum, exempla complurium in mentem venit posse collegium fabrorum apud Nicomedenses constitui. Sed meminerimus provinciam istam et praecipue eas civitates ejus modi factionibus esse vexatas. Quodamque nomen ex quacumque causa dederimus his qui in idem contracti fuerint... hetaeriaeque fient.

дываетъ императору обо многомъ такомъ, что другой проконсулъ рѣшилъ бы своей властью. Сопоставленіе рѣчей и писемъ даетъ намъ возможность понять ихъ значеніе; мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ республиками, но съ республиками, дѣйствія которыхъ не свободны. Они дѣйствуютъ самостоятельно на основаніи рѣшеній своихъ собраній, но эти рѣшенія, чтобы имѣть силу, нуждаются въ предварительномъ разрѣшеніи, или въ послѣдующей санкціи, или въ томъ или въ другомъ, внѣшней верховной власти [1]).

Никомедія, Никея и родной городъ Діона, Пруза были обыкновенными провинціальными городами, не имѣющими особыхъ привилегій; въ Вифаніи были города, пользовавшіеся такими привиллегіями; въ этой провинціи также, какъ въ другихъ, римская колонія и свободный союзный городъ, находясь въ предѣлахъ провинціи, не составляли однако ея части. Даже такіе города привыкли къ вмѣшательству римскихъ чиновниковъ, но они протестовали противъ такого вмѣшательства и ссылались на свои привиллегіи. Апамея была не простымъ провинціальнымъ городомъ, а римской колоніей, Діонъ, принадлежавшій къ числу гражданъ этого города, произнесъ передъ его сенатомъ рѣчь, гдѣ онъ отстаивалъ независимость колоній [2]). Плиній требовалъ чтобы ему были представлены отчеты колоніи. Колонисты отвѣчали ему, что онъ можетъ сдѣлать это, что они даже желаютъ, чтобы онъ это сдѣлалъ, но при этомъ напоминали ему, что до сихъ поръ ни одинъ проконсулъ не требовалъ городскихъ отчетовъ и что на основаніи своихъ старыхъ привилегій они имѣютъ право управлять своими дѣлами самостоятельно. Плиній потребовалъ отъ нихъ и получилъ документъ, гдѣ былъ изложенъ ихъ взглядъ на дѣло. Онъ не придалъ особеннаго значенія этому документу, но тѣмъ не менѣе отправилъ его къ императору, чтобы узнать его мнѣніе. Возбужденная по этому поводу переписка нѣсколько напоминаетъ переписку Августина и Григорія. Въ обоихъ случаяхъ начальникъ былъ благоразумнѣе своего подчиненнаго. Траянъ отвѣтилъ Плинію, что слѣдуетъ отнестись съ уваженіемъ къ добросовѣстности жителей Апамеи и что проконсулъ долженъ объявить имъ, что онъ проситъ просмотра ихъ отчета по особому желанію императора и что онъ не намѣренъ въ будущемъ нарушать ихъ привилегій [3]). Тутъ очевидна разница между положеніемъ римской колоніи и положеніемъ римскаго провинціальнаго города. Ме-

---

1) Въ письмѣ 81-мъ есть указаніе на Діона. Онъ былъ римскимъ гражданиномъ.

2 Oratio X li.

3 Epis. 47, 48: Колонія требуетъ: „habuisse privilegium et vetustissimum morem arbitrio suo rem publicam administrare“. Императоръ отвѣчалъ: „Remuneranda est igitur probitas eorum, est jam nunc sciant quad inspecturus es ex mea voluntate salvis, quae habent privilegiis esse facturum“.

нѣе совѣстливые, чѣмъ Траянъ и Плиній, императоръ и проконсулъ легко бы могли уничтожить привилегіи Апамеи, но колонисты, имѣя дѣло съ такими людьми, какъ Траянъ и Плиній, отстояли свои привилегіи, доказавъ, что онѣ были дѣйствительно древними.

Въ предѣлахъ Вифаніи находились города типа, еще высшаго чѣмъ римская колонія. Амизосъ былъ независимымъ государствомъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ римской территоріей. Въ прежнія времена этотъ городъ находился подъ властью разныхъ завоевателей. Наконецъ онъ былъ избавленъ отъ своихъ угнетателей Августомъ Цезаремъ и сдѣлался свободнымъ союзникомъ Рима, связаннымъ съ нимъ только условіями договора [1]). Мы не знаемъ, каковы были эти условія; возможно, что они также, какъ и договоры съ Кадиксомъ и Этоліей, формально обязывали Амизосъ уважать верховную власть Рима.

Во всякомъ случаѣ это не имѣло особаго значенія для республики, географическое положеніе которой заставляло ее фактически уважать эту верховную власть; но было чрезвычайно важно то, что Амизосъ въ своихъ стѣнахъ былъ совершенно свободенъ по праву, что онъ управлялся на основаніи собственныхъ законовъ, которые могли быть отличными отъ римскихъ. Тѣмъ не менѣе очевидно, что договорныя права не всегда обезпечивали республику отъ вмѣшательства римскихъ проконсуловъ. Здѣсь опять любопытна разница взглядовъ Государя и его слуги. Плиній говоритъ о свободѣ Амизоса, какъ основанной на снисходительности Траяна, а этотъ послѣдній основываетъ ее на договорахъ. Проконсулъ спрашиваетъ, можно ли разрѣшить въ Амизосѣ устройство благотворительнаго общества (eranas); подобный вопросъ указываетъ, что римляне вмѣшивались въ дѣла даже совершенно свободныхъ городовъ. Траянъ, какъ мы уже это видѣли, говоря о его запрещеніи общества стрѣлковъ въ Никомедіи, очень не любилъ клубы и всякія общества, которые могли сдѣлаться опасными въ политическомъ отношеніи. Ни въ одномъ городѣ, подчиненномъ римскимъ законамъ, не разрѣшалось устройство eranos, но такъ какъ Амизосъ былъ городомъ, управлявшимся по собственнымъ законамъ, то Траянъ и воспретилъ Плинію вмѣшиваться въ это дѣло. Тутъ любопытенъ самый способъ изложенія этого дѣла великимъ императоромъ. Могущество Цезаря безспорно передъ величіемъ договоровъ. Траянъ слѣдуетъ извѣстной политикѣ вездѣ, гдѣ онъ имѣетъ на это право. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда

[1]) См. у Страбона XII, 3. Диктаторъ Цезарь освободилъ ее отъ Фарнака, Плиній говоритъ: „Amisenorum civitas libera et foederata beneficio indulg ntiae tuae legibus suis utitur“. Траянъ отвѣчаетъ: „Si legibus istorum quibus de officio faederis utuntur concessum est eranon habere“ et caet. „In caeteris civitatibus, quae nostro jure obstrictae sunt res hujus modi prohibenda est“. Объ Амизосѣ еще упоминается въ письмѣ 110-мъ.

онъ не имѣетъ права, онъ воздерживается. Однако, его слова указываютъ, что даже онъ, справедливый императоръ, былъ бы не прочь нарушить права свободной республики, если бы имѣлъ для этого основательныя причины [1]). Легко понять, какъ поступали другіе императоры и другіе проконсулы.

Не удивительно, что большая часть дѣятельности собраній этихъ республикъ была направлена на вопросы религіозные и соціальные и на разныя формальности и мелочи, вродѣ вотированія о поднесеніи званія почетнаго гражданства, или постановки статуй и т. под. Рѣшеніе важныхъ вопросовъ, какъ это неоднократно указывалъ имъ Діонъ и какъ еще болѣе открыто говорилъ Плутархъ, перешло въ другія руки. Важно было то, что эти города все таки удержали республиканскія формы, что они оставались республиками, хотя и не свободными и жившими въ вѣчномъ страхѣ и трепетѣ, а не простыми муниципалитетами, какіе существуютъ въ настоящее время. Въ восточной Европѣ и западной Азіи такое положеніе дѣлъ было прямымъ и необходимымъ результатомъ событій вѣка Полибія. Исторія римскаго владычества въ западной Европѣ совершенно иная; тамъ Римъ не порабощалъ и не разрушалъ, а создавалъ. Города запада смотрѣли въ будущее, а греческія республики смотрѣли назадъ, въ прошлое. Постепенное изчезновеніе этихъ послѣднихъ было необходимымъ слѣдствіемъ позднѣйшихъ измѣненій, обусловленныхъ централизаторскими и деспотическими стремленіями имперіи. Мѣстная независимость уничтожилась въ эпоху между временемъ Страбона и временемъ Плинія. Въ то время, когда Траянъ отнесся съ уваженіемъ къ привилегіямъ Амизоса, Ликійскій союзъ уже покончилъ свое существованіе. Я не буду говорить о томъ, до какого времени сохранились слѣды свободы; я хотѣлъ только указать на слѣдствія того процесса, при помощи котораго окончательно сформировалось римское владычество въ тотъ великій и рѣшительный періодъ міровой исторіи, который мы называемъ вторымъ вѣкомъ до Р. Х.

КОНЕЦЪ.

---

[1]) Possumus quo minus habeant non impedire, eo facilius si tali conlatione non ad turbas et ad inlocitos coetus, sed ad sustinendam tenuiorum inopiam utuntur.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНІЯ ИСТОРІИ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ.

Стр.

Объ обязанностяхъ профессора исторіи 7

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Исторія и родственныя ей науки 31

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Трудности изученія исторіи 53

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

О сущности историческихъ свидѣтельствъ 75

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Оригинальные источники 99

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ.

Классическіе и средневѣковые писатели 119

ЛЕКЦІЯ ШЕСТАЯ.

Вспомогательные источники 139

ЛЕКЦІЯ СЕДЬМАЯ.

Новые писатели 159

ЛЕКЦІЯ ВОСЬМАЯ.

Географія и путешествія 179

ГЛАВНЫЕ ПЕРІОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРІИ.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ. *Стр.*

Европа до римскаго владычества 202

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Римъ—глава Европы 223

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

Римъ и новыя національности 242

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Раздѣленіе имперіи 260

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ.

Переживанія имперіи 279

ЛЕКЦІЯ ШЕСТАЯ.

Міръ безъ Рима 299

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Греческіе города подъ римскимъ владычествомъ 321

UL 41939

Каррьера. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III и IV. Перев. *Е. Корша*. М. 1874 г. Ц. 16 р.

Корсакъ. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.

Куглера. Руководство къ исторіи искусства. Пер. *Е. Корша*. 2 ч. М. 1870 г. Цѣна 10 р.

— Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева*. М. 1870 г. Ц. 7 р.

Куно-Фишера. Г. Э. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы, въ 2 частяхъ, пер. *И. П. Разсадина*. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Курціуса. Исторія Греціи. II и III т. Пер. *А. Веселовскаго* и *М. Корсака*. М. 1880—3 г. Ц. 9 р.

Лавелэ. Балканскій полуостровъ. М. 1889 г. Перев. *Н. Е. Васильева*. Ц. 6 р.

Левитова А. И. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, гравиров. въ Лейпцигѣ, и статьею о жизни его *Ф. Д. Нефедова*. 2 тома. М. 1884 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Лессинга Г. Э. Гамбургская драматургія. Перев. *И. П. Разсадина*. М. 1883 г. Цѣна 3 р.

Лёббокъ. Красоты природы и чудеса міра, въ которомъ мы живемъ. Перев. *А. П. Павлова*. М. 1893. Цѣна 1 р. 50 к.

Лотце. Микрокозмъ. 3 тома. Перев. *Е. Корша*. М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.

Любке. Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Перев. *В. Чаева*. М. 1873 г. Ц. 6 р.

Магаффи. Исторія классическаго періода Греческой литературы. 2 тома. Перев. *А. Веселовскаго*. М. 1882 г. Ц. 6 р.

Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Пер. *М. Корсака*. М. 1879 г. Ц. 2 р.

Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова. М. 1890 г. Т. I. Ц. 2 р.

Моммсена. Римская исторія, Т. I. Ц. 6 р., II и III. Ц. 7 р., V. Ц. 3 р. 50 к. Пер. *В. Н. Невѣдомскаго* и *А. Н. Веселовскаго*.

Морлея Дж. Руссо. Пер. съ англійскаго *В. Н. Невѣдомскаго*. М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.

— Дидро и Энциклопедисты. Пер. *В. Н. Невѣдомскаго*. М. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.

Маурера. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. Пер. *Е. Корша*. М. 1880 г. Цѣна 2 руб. 75 к.

Ольденбергъ Г. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. *И. Николаева*. М. 1891 г. Цѣна 2 р.

Пешеля Оск. Исторія эпохи открытій. Перев. *Э. Циммермана*. М. 1885 года. Цѣна 3 р.

Полонскаго Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рибо. Современная англійская психологія. Перев. *П. Д. Боборыкина*. М. 1878 г. Цѣна 2 руб.

Риля А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Перев. *Е. Корша*. М. 1888 г. Ц. 2 р.

Саади-Ширази. Гюлистанъ. (Цвѣтникъ розъ). Съ персидскаго подлинника. Пер. *И. Холмогоровъ*. М. 1882 г. Ц. 1 р.

Страбона. Гео (рафіягвъ 17 книгахъ, 1 т.). Перев. съ греческаго *Ѳ. Г. Мищенко*. М. 1879 г. Ц. 10 р.

Сурикова. Стихотворенія. Полное собраніе съ портретомъ автора, факсимиле и біографіей. *Н. А. Соловьева-Несмѣлова*. Изданіе 4-е (посмертное). М. 1884 г. Цѣна 3 р.

Сурикова. Стихотворенія. Изданіе третье. М. 1877 г. Ц. 1 р.

Тьюка Х. Духъ и тѣло. М. 1888 г. Пер. *П. Викторова*. Ц. 2 р. 50 к.

Тикнора. Исторія испанской литературы, въ 3 т. Перев. *Н. И. Стороженка*. М. 1886 г. Ц. 9 р. 50 к.

Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія, въ 2 томахъ. М. 1868 г. Ц. 4 р.

Тэна. Титъ Ливій. Критическое изслѣдованіе. Пер. *Иванова* и *Щепкина*. М. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Файфа. Исторія Европы XIX ст. т. I, II и III. М. 1890 г., перев. подъ редакціей *И. В. Лучицкаго*. Ц. 6 р. 50 к.

Финлея. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Перев. *С. Никитенко*. М. 1876 г. Цѣна 4 р.

Фиске Д. Открытіе Америки. *Пер. И. Николаева*. М. 1892, въ 2 томахъ. Цѣна 4 руб.

Фойгта Г. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Пер. *И. И. Разсадина*. 2 тома. М. 1884 г. Ц. 6 р. 50 к.

Фрикена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства (съ рисунками). Части I, II, III и IV. М. 1885 г. Ц. 6 р. 50 к.

— Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. М. 1891 г., ч. I, ц. 2 р.

Фриманъ. Историческая Географія Европы, съ картами. Перев. подъ редакціей *И. В. Лучицкаго*. М. 1892 г., въ 2-хъ том. Цѣна 6 р. за два тома.

— Методы изученія исторіи. Пер. *И. Николаева*. М. 1893 г. Ц. 2 р.

Шекспира. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. *Н. Кетчера*. 2 частей. Цѣна 10 р.

Шмидта Карла. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго *В. Лангe*, перев. *Э. Цимермана*. т. I, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ). М. 1880 г. Цѣна за три тома 17 р. 50 к.

Печатаются слѣдующія сочиненія.

Викторова П. П. Ученіе о личности, вып. II.

Горнъ Ф. Исторія скандинавской литературы.

Грегуаръ Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ.

Дройзена. Исторія Эллинизма. Т. III.

Иліада Гомера, переводъ Н. Минскаго.

Лампрехта К. Исторія Германскаго народа.

Паркса. Исторія Австраліи.

Пелисье. Литературное движеніе въ XIX столѣтіи.

Токвиль А. Воспоминанія.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: APR 2002
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 423 080 9